

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ФЛОТ
В БЕЛОЙ
БОРЬБЕ

**ФЛОТ
В БЕЛОЙ
БОРЬБЕ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

Под общей редакцией авторов проекта
членов Российского Дворянского Собрания
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА

Оформление художника И.А. Озерова

Ф73 **Флот в Белой борьбе** / Составление, научная редакция, предисловие и комментарий доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. — 607 с.

ISBN 5-9524-0028-0

Книга «Флот в Белой борьбе» представляет собой девятый том серии, посвященной истории Белого движения в России, и описывает участие в Гражданской войне русских военных моряков. В книге приведены воспоминания участников Белой борьбы на морях, крупных озерах и реках России. Рассмотрены судьбы русских эскадр, которые вынуждены были интернироваться и разоружиться за рубежом, а также эмигрантские организации моряков.

За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот неизвестных и впервые публикуемых биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга входит в реализуемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, составление, предисловие, комментарий, 2002

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2002

© ЗАО «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-9524-0028-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятый том серии «Белое движение в России» посвящен участию в Белом движении моряков. Флот вследствие относительно небольших потерь в личном составе в 1914—1917 годах (от рук революционеров в 1917 году погибло больше офицеров, чем за все время мировой войны) ко времени большевистского переворота в несравненно большей степени, чем сухопутная армия, сохранил свой кадровый состав. Поэтому и доля морских офицеров, принявших участие в Белой борьбе, была (как и для гвардии и армейской кавалерии) особенно велика (в той или иной мере участвовало в Белой борьбе до 80% кадровых строевых офицеров флота).

Первые моряки Добровольческой армии были собраны в Морской роте. В 1-м Кубанском походе участвовали 16 чинов флота. Очень активно участвовали в борьбе морские кадеты: из 49 кадет 5-й роты (то есть в возрасте 15 лет) Морского корпуса в Петрограде, судьба которых известна, 43 сражались в Белой армии, из кадет Севастопольского корпуса 13 были за храбрость произведены в офицеры. В 1918 году большинство морских офицеров воевали на суше. Ими, в частности, были укомплектованы команды бронепоездов «Адмирал Непенин» (капитан 2-го ранга В.Н. Марков, потом старший лейтенант А.Д. Макаров), «Дмитрий Донской» (капитан 2-го ранга Б.Н. Бушен), «Князь Пожарский» (капитан 1-го ранга В.Н. Потемкин) и др.

Флот удалось организовать не сразу. 24 ноября 1918 года суда в Севастополе подняли Андреевские флаги, но вскоре были заняты англо-французами. Первым кораблем Черноморского флота Добровольческой армии стал реквизированный в Новороссийске ледокол «Полезный», чуть позже к нему присоединились подводная лодка «Тюлень» и канонерка «К-15». В апреле 1919 года из Севастополя в Новороссийск был уведен крейсер «Кагул». В начале мая в составе флота, кроме них, имелись миноносец «Живой», пароход «Граф Игнатьев», буксир «Никола Пашич», посыльные суда «Буг» и «Разведчик», летом — более десятка судов. Летом флот Добровольческой армии насчитывал уже бо-

лее десятка судов. С конца 1919-го — начала 1920 года флот состоял из трех отрядов и имел в 1920 году свыше 120 судов, в том числе линейный корабль, крейсер, 3 вспомогательных крейсера, 8 эсминцев и 9 канонерских лодок. После эвакуации Крыма Черноморский флот был преобразован 21 ноября 1920 года в Русскую эскадру, которая пришла в Бизерту (Тунис), где просуществовала до 1924 года.

В 1918—1919 годах существовало особое Морское управление Донской армии (контр-адмирал И.А. Кононов), образовавшее флотилию из речного Донского и Азовского отрядов. Весной 1919 года Азовская флотилия была переименована в Днепровскую и перешла на Днепр, где в мае были созданы Верхне-Днепровская, Средне-Днепровская и Нижне-Днепровская флотилии. Весной 1919 года была организована Каспийская флотилия, на которую прибыла группа морских офицеров, находившаяся в Персии, а также отправлены морские офицеры, собранные из частей Добровольческой армии. Флотилия действовала до начала 1920 года, после чего ее остатки, отошедшие во главе с капитаном 1-го ранга Б.Н. Бушеном в Энзели (до 700 человек при более 200 офицерах), спаслись в Персии, а большинство офицеров было в сентябре 1921 года переправлено во Владивосток, где они составили кадр Сибирской флотилии.

В состав войск Северной области входила флотилия Северного Ледовитого океана. Она существовала при большевиках под прежним командованием, при нем же вошла в состав войск Северного фронта. В состав флотилии входили линейный корабль «Чесма», несколько эсминцев и ряд более мелких кораблей и судов. Большинство ее офицеров воевали на сухопутном фронте и в составе Онежской озерной, Печорской и Северо-Двинской речных флотилий, но морских офицеров было гораздо больше, чем имелось для них судов. Поэтому морских офицеров приходилось привлекать и для пополнения фронтового состава. Как и на юге, ими укомплектовывались бронепоезда. На бронепоездах служило несколько десятков морских офицеров, в большинстве расстрелянных потом после капитуляции. Ими были также укомплектованы Архангельская отдельная флотская рота и 1-й Морской стрелковый батальон.

Морских сил в Северо-Западной армии практически не было (хотя имелось Морское управление), если не считать перешедшую от красных Чудскую флотилию из 3 судов и созданную в Нарове небольшую речную флотилию под началом капитана 1-го ранга Д.Д. Тыртова. Но в армии воевало до 250 морских офицеров и гардемарин.

На востоке в первых же числах июня 1918 года было положено начало Волжской флотилии, личный состав которой позже переведен

была на Камскую флотилию (при эвакуации с Камы она имела свыше 100 офицеров). Впоследствии из моряков в Красноярске была сформирована Бригада морских стрелков. В августе 1919 года часть морских офицеров направлена на Обь-Иртышскую флотилию, а 70 офицеров во главе с капитаном 2-го ранга П.В. Тихменевым пошли на создание Морского учебного батальона, который с сентября непрерывно находился в боях и почти полностью погиб. Сибирская флотилия была сформирована осенью 1918 года во Владивостоке в составе нескольких миноносцев и транспортов. Летом 1919 года в ее составе создан Учебный отряд для подготовки кадет Морского училища (канонерская лодка «Маньчжур», посыльное судно «Якут», ледоколы «Улисс» и «Диомид», прикомандированный миноносец «Смелый», а с декабря 1919 года — еще вспомогательный крейсер «Орел», эсминцы «Бойкий» и «Грозный»). В начале 1920 года после гибели адмирала Колчака корабли флотилии были захвачены образовавшимся во Владивостоке левым правительством. В ходе переворота 26 мая 1921 года решающую роль сыграл десантный отряд из чинов флотилии во главе с капитаном 2-го ранга Соловьевым. В это время флотилия насчитывала 25 судов и состояла из 3 дивизионов. Качественный состав флотилии из-за наличия значительного числа левых элементов был гораздо хуже, чем армии, но 23 сентября 1921 года флотилия пополнилась прибывшими чинами Каспийской флотилии (около 80 офицеров и свыше 200 матросов), что резко изменило ее облик. 24 октября 1922 года флотилия эвакуировала части Дальневосточной армии в Корею, а затем в Шанхай, после чего в январе 1923 года прибыла на Филиппины, где была расформирована.

В эмиграции моряки держались весьма сплоченно и практически все входили в ту или иную организацию. Зарубежные русские морские организации можно разделить на два основных типа. К первому относились строевые организации, представляющие собой кадры флота и созданные непосредственно на базе Черноморского флота Русской Армии (Русской эскадры в Бизерте). Они объединялись Военно-Морским союзом (во главе с вице-адмиралом М.А. Кедровым), который был образован 3 октября 1929 года. Председатель его был помощником председателя Русского общевоинского Союза (в который в 1924 году была преобразована Русская Армия). Союз объединял чинов флота по группам в зависимости от места жительства, а в Париже (где их было больше всего) — по выпускам из учебных заведений и месту прежней службы. Здесь существовало 15 групп. Вне Парижа существовали группы в Марселе, Алжире, Ницце, Нанси, Каннах, Ментоне, Судане, Афинах, Белграде, Бухаресте, Гельсингфорсе, Чехословакии, в Брно, Норвегии, Германии, Эстонии, Латвии, Болгарии и Шанхае. Ко второму типу

относились корпоративные организации нестроевого характера: кают-компании, разного рода общества взаимопомощи, объединения выпускников морских учебных заведений и научные кружки. Они в большинстве своем входили во Всезарубежное объединение морских организаций. Некоторые из этих организаций возглавлялись лицами, одновременно руководившими организациями, входящими в Военно-Морской союз. В ряде городов имелось по несколько морских организаций (как входящих, так и не входящих в Военно-Морской союз): 25 в Париже, 4 в Белграде, по 3 в Алжире, Гельсингфорсе, по 2 в Афинах, Берлине, Брно, Бухаресте, Ницце, Пльзене, Ревеле, Риге, Тунисе и Шанхае. В середине 30-х годов насчитывалось около 30 морских организаций, а к началу 40-х более 50 (как правило, они должны были иметь не менее пяти человек). Наиболее крупными в 20-х годах были Тунисский отдел Общества русских офицеров (64 человека), Общество бывших русских морских офицеров в Америке (124); Парижская кают-компания насчитывала 343 человека. В середине 1960-х годов еще действовало 10 морских организаций с общей численностью 608 человек (79 в США, 59 во Франции, остальные в Бельгии, Тунисе, Аргентине и Австралии).

Морскими офицерами за рубежом было издано немало мемуарной литературы, в составе которой видное место занимают и воспоминания о Гражданской войне. Выходил целый ряд журналов, прежде всего «Морской журнал», «Морские записки», «Вахтенный журнал», более полусотни книг было опубликовано в серии «Русская морская зарубежная библиотека».

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев в составе морских и речных сил белых армий на различных фронтах Гражданской войны. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской литературе. Эти воспоминания (за исключением очерка Н.З. Кадесникова) никогда в России не публиковались.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки.

Поскольку в Белой армии на юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

Поскольку фамилии, имена и отчества приводятся авторами мемуаров по памяти, их написание в тексте может отличаться от истинного и общепринятого, приведенного в комментариях составителя.

ФЛОТ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Раздел 1

Н. Кадесников¹

КРАТКИЙ ОЧЕРК БЕЛОЙ БОРЬБЫ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ НА СУШЕ, МОРЯХ, ОЗЕРАХ И РЕКАХ РОССИИ В 1917—1922 ГОДАХ²

На Балтийском море

28 февраля 1917 года в Таврическом дворце в Петрограде «самотеком» образовался орган неофициальной, но сильной власти — Совет рабочих и солдатских депутатов, а 4 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства. Результаты этого недопустимого двоевластия не замедлили тотчас же сказаться не только в столице встревоженной страны, но и в близких и далеких провинциях.

Кровавые бунты в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, предательское убийство командующего Балтийским флотом адмирала Непенина³ и гибель многих морских офицеров⁴ служили грозным предостережением надвигающихся на нашу великую страну трагических событий и неслыханных испытаний.

Около 12 часов ночи на 3 марта 1917 года в Пскове Государь Император Всероссийский Николай II Александрович вручил делегатам Государственной Думы Гучкову и Шульгину и командующему Северным фронтом генералу Рузскому два экземпляра манифеста об отречении от престола за себя и сына и передаче наследия великому князю Михаилу Александровичу. Зная настроение, царящее в Совете рабочих и солдатских депутатов, и непримиримую позицию министра юстиции Временного правительства А. Керенского, великий князь Михаил Александрович, переговорив с председателем Государственной Думы М. Родзянко, заявил о своем решении отречься, что и было обнародовано в тот же день.

25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде состоялся последний большевистский переворот, после которого власть окончательно перешла в руки Ленина и Троцкого. Гнилая, мотающаяся во все стороны «керенщина» — как отметил адмирал Тимирев⁵ — почти без борьбы уступила место царству наглых и безжалостных авантюристов, ради личных, узких целей решивших проделать свой чудовищный эксперимент над живым организмом, обессиленным войной и, в особенности, революцией, России. В полном соответствии с законами исторической последовательности наступил последний финальный акт революционного углубления, ввергнувший Россию на самое дно и вычеркнувший ее на много лет из числа культурных стран.

Полагаем, не будет ошибкой считать, что именно с этих дней началась борьба подлинных русских патриотов — моряков с преступной большевистской властью. Да и могло ли быть иначе, когда во главе Морского ведомства фактически оказался баталерский юнга с «Гангута», судимый за кражу бушлата, некий Дыбенко⁶, руководителем же «мозга флота» — Генерального штаба явился самозванный мичман-недоучка Раскольников (Ильин)⁷.

Все сидевшие еще на ответственных местах деловые, разумные и опытные офицеры, не утратившие понятия о чести и служебной порядочности, почувствовали, что при создавшихся невыносимых условиях дальнейшее пребывание у власти есть преступление перед Родиной и своей совестью. Из состава высшей административной власти Морского ведомства ушли: адмирал Вердеревский⁸ — министр, который, сказавшись больным, случайно избег ареста; капитан 1-го ранга граф Капнист⁹ — начальник Морского Генерального штаба и капитан 2-го ранга Кукель¹⁰ — помощник морского министра, которые открыто заявили о своем нежелании подчиняться новой власти, за что и были арестованы... Адмирал Дудоров¹¹, другой помощник министра, уже назначенный на должность морского агента в Японии, пробрался через Сибирь к месту своего назначения.

В средних числах ноября того же 1917 года, в день ухода популярного адмирала Развозова¹² с должности командующего Балтийским флотом, у начальника обороны Моонзунда и старшего в районе военных действий адмирала Бахирева¹³ на «Чайке» состоялось собрание флагманов. Адмирал М.К. Бахирев напомнил об общем решении, принятом еще месяц назад, в случае ухода адмирала Развозова и введения большевистского «положения» оставить службу. При обмене мнений произошел раскол, который разделил адмиралов на два противных лагеря.

К лагерю убежденных и твердых противников большевизма, не идущих ни на какие компромиссы и считающих несовместимым со своей совестью, честью, понятием о служебном долге и пользой для Родины оставаться добровольно на службе у большевиков, принадлежали адмиралы Развозов, Бахирев, князь Черкасский¹⁴, Паттон¹⁵, Старк¹⁶, Мих. Беренс¹⁷ и Тимирев. Рапорты об отчислении от должности, кроме названных адмиралов, подали Пилкин¹⁸, Шевелев¹⁹ и др., с коими мы позже встретимся на фронтах открытой борьбы.

По инициативе нескольких энергичных молодых офицеров в Морском Собрании было организовано общее собрание всех морских офицеров, находившихся в Гельсингфорсе. На этом собрании присутствовало около 200 офицеров. Обсуждался приблизительно тот же вопрос, который был поднят на заседании у адмирала Бахирева.

Тогда же, после нескольких горячих и искренних речей, сказанных без цензуры и наэлектризовавших аудиторию, на словах была вынесена единогласная резолюция по всем присутствующим отказаться от службы с большевиками. К сожалению, эта резолюция не была немедленно зафиксирована подписями и под давлением разных обстоятельств с течением времени многие отказались от своего первого решения, оправдываясь тем, что они большую пользу принесут Родине, оставаясь на службе и участвуя в подпольной работе для сокрушения советского режима.

Так или иначе, но убежденно не примирившиеся с советским режимом офицеры пользовались всяким случаем и в разное время группами и в одиночку, часто с подложными документами и под гримом, разными путями, но всегда рискуя жизнью, просачивались через большевистские кордоны к окраинам империи, где организовались открытые вооруженные фронты борьбы за «нашу» Россию.

В подтверждение только что изложенного не лишне сказать, что лишь с одного «Гангута» и только на южный фронт Белой борьбы в ту пору, но в разные моменты и при различных обстоятельствах перебежали: мичманы Никифораки²⁰ и Тарновский²¹, инженер-механик мичман Кадесников²², лейтенанты Христофоров²³ и фон Раабен²⁴, старший лейтенант Комаров²⁵ и капитан 2-го ранга Дон²⁶. В Финляндию, в оставленный большевиками Гельсингфорс, перебрался инженер-механик лейтенант Бернауцкий²⁷.

Между тем как у здравомыслящих и честных офицеров, так и у гардемарин и морских кадет, находившихся в Петрограде, укрепилось уже мнение, что Временное правительство не способно остановить разложение вооруженных сил и восстановить нарушенный порядок, а потому и Октябрьский переворот был встречен ими с безразличи-

ем. В глазах многих из них большевистское правительство было столь же невозможно, как и Временное, показавшее свое полное неумение и бессилие управлять страной.

Но происходившие в Петрограде события не могли не оказать влияния на внутреннюю жизнь наших морских училищ и вызывали новые и смелые решения.

Еще летом того же 1917 года среди молодых офицеров армии и флота и учащейся военной молодежи возникла мысль о необходимости организовать для защиты Родины и вооруженных сил страны от ведущихся посягательств внутренних и внешних врагов.

Воспользовавшись именем Совета Союза Казачьих войск, находившихся в Петрограде на Знаменской улице, была создана патриотическая организация, во главе которой стоял командир лейб-гвардии Измайловского полка полковник Веденяпин²⁸. Эта организация состояла из офицеров полка, офицеров кавалерии, Дикой дивизии и моторизованных войск. Один из наиболее деятельных лиц этой организации капитан Измайловского полка В. Парфенов²⁹ через своего брата³⁰, старшего кадета Морского училища, и при посредстве некоторых гардемарин распространил влияние своей организации и на воспитанников Морского училища. Во время большевистского переворота несколько воспитанников были тайно посланы для связи с другими военными училищами. Вскоре вступившие в организацию Союза Казачьих войск получили приказание пробиваться на юг России и организованными пятерками покидали училище. Однако после отъезда первых пятерок за оставшимися началась слежка и дальнейший отъезд был затруднен.

Наряду с развалом армии, развал Балтийского флота быстрыми шагами приближался к естественному концу. Это особенно чувствовалось после зверского убийства командующего флотом адмирала Непенина и еще больше после вынужденного создавшимися обстоятельствами ухода со своего поста адмирала Развозова.

Многие офицеры, потеряв веру в идею службы, стали открыто манкировать своими обязанностями, некоторые же, более крепкие духом, искали достойного выхода из гнетущего тупика. Как один из примеров такого рода опишем здесь, что сообщил нам капитан 2-го ранга А.П. Ваксмут³¹:

«Я, будучи почти не у дел в Гельсингфорсе, решил обратиться за советом к контр-адмиралу М.А. Беренсу. Он мне ответил: «Подождите, я еду в Москву, а когда вернусь, то скажу, что вам делать».

В начале декабря 1917 года адмирал вернулся, и я, явившись ему, получил указание ехать в Новочеркасск, где должен был пойти на Барочную улицу № 2 и передать пакет генералу Алексееву³². «Там, —

добавил адмирал Беренс, — организуются силы для борьбы с большевиками».

Тогда же М.А. рекомендовал мне, не теряя времени и с соблюдением крайней осторожности, ехать в Петербург, найти названное кафе на Морской, где встречу капитана 1-го ранга П.М. Плена³³ (бывшего командира «Славы»), и он расскажет, как надежнее доехать до Новочеркасска.

И действительно, придя в кафе, я сразу увидел П.М., сидящего за столиком в штатском платье. Для тех же, кто лично не знал его, был дан условный знак. П.М. Плен дал мне свой адрес и просил зайти на следующий день за документами и пропуском. Придя к нему в условленное время, я застал там двух молодых офицеров: лейтенанта С. и мичмана И. с миноносца «Изяслав».

П.М. выдал нам троим удостоверение, что мы рабочие и едем на Кавказ строить какую-то дорогу. Документы были со всеми нужными печатями Советов. Где на площадках поезда, где на лошадях, а нередко и пешком по шпалам, беглецы добрались до Новочеркасска и вечером 1 января 1918 года явились на Барочную, № 2, где были устроены общежития, в которых, к общей радости, встретились с ранее прибывшими моряками.

После передачи пакета генералу Алексееву (через находившегося при штабе лейтенанта Поздеева³⁴) все были отправлены в Ростов, где на яхте «Колхида» капитан 2-го ранга Потемкин³⁵ формировал Морскую роту. Эта рота главным образом состояла из учеников местного Морского училища, гимназистов, кадет, гардемарин и прибывших разными путями преимущественно молодых морских офицеров. За неимением сестер милосердия их тяжелую роль взяли на себя ростовские гимназистки».

В первые месяцы того же 1918 года, после «Ледового похода» балтийских кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт, под флагом капитана 1-го ранга А.Н. Щастного³⁶ (А.Н. Щастный, организовавший и проводивший переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, спасший от немцев около 200 вымпелов, был обвинен Троцким в «саботаже» и по приговору революционного трибунала в Москве расстрелян 22 июня 1918 года), более смелые и пылкие головы (и преимущественно несемейные), мичманы, лейтенанты и гардемарины разогнанных уже приказом тогдашнего военно-морского комиссара Льва Троцкого-Бронштейна — Морского училища, Морского инженерного училища и Отдельных гардемаринских классов, — с подложными документами и разными нелегальными путями, ежечасно смотря в глаза подстерегающей их смерти, стремились к Черному и Каспийскому

морям, в Архангельск и Мурманск, к Онежскому озеру, на Волгу и даже на далекие сибирские реки, где уже из ничего создавались противобольшеви́стские флотилии. В те дни и пишущему эти строки посчастливилось с подложными документами перебраться из Кронштадта через Оршу — Шктов «зверинными тропами» и под покровом ночи контрабандой через Днепр в Киев гетмана Скоропадского.

От «сичевих стрильцив» под защитой нового фальшивого паспорта, но уже финского гражданина, удалось добраться до Одессы. А там Севастополь, Новороссийск, льды Азовского моря.

На Дону

Пятерки, организованные Союзом Казачьих войск в Петрограде, начали прибывать в Новочеркасск в начале ноября 1917 года. Здесь стали собираться офицеры, юнкера, кадеты и гардемарины Морского училища и Морского инженерного училища. Сюда стекались гимназисты, студенты и старые солдаты, сначала одиночно, потом и группами. В первой половине ноября прибыл в Новочеркасск и организатор формирования молодежи — капитан В. Парфенов.

Прибывшие юноши направлялись в лазарет на Барочной улице, № 36 под видом выздоравливающих, и здесь родилась первая воинская часть возрождавшейся Русской Армии — Юнкерский батальон³⁷ под командованием капитана Парфенова и состоявший из двух рот: юнкерской — командир ротмистр Скосырский³⁸ и кадетской — командир штабс-капитан Мизерницкий³⁹. В последней роте 4-й взвод был укомплектован исключительно моряками.

Около 15 ноября батальон был переведен на Грушевскую улицу, а 26-го получил приказание грузиться в вагоны, и утром 27 ноября поезд подошел к Нахичевани. Тут поезд был обстрелян большевиками, и под огнем батальон вынужденно выгрузился, быстро построился и пошел в одну из тех знаменитых атак, о которых еще и сейчас вспоминают советские историки. Идя во весь рост, не сгибаясь, Юнкерский батальон вышиб красных из Балабановской рожи, там закрепился и вел стрелковый бой, при поддержке только двух орудий Донской батареи, подчиненной генералу Назарову и при полном неучастии казачьих частей. При атаке почти полностью погиб взвод капитана Донского, состоявший из кадет Одесского и Орловского корпусов. Найденные трупы мальчиков были изрешечены штыковыми ударами.

Четвертый взвод моряков был брошен на самый левый фланг, где попал под обстрел, ведшийся с деревьев из французских широкостволь-

ных винтовок «гра». В этом первом боевом крещении были тяжело ранены гардемарин Иван Сербинов⁴⁰ и кадет Юрий Карцев⁴¹.

Ночью Юнкерский батальон был отведен в степь, а наутро славный бой, шедший накануне между горстью юношей и подавляющим числом большевиков, пробудил-таки совесть взрослых людей и, уже при поддержке казачьих частей, батальон снова повел наступление, закончившееся взятием Ростова.

Так, кровью морских кадет и гардемарин, перемешанной с кровью других русских детей — кадет сухопутных корпусов и гимназистов, обогрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и последовавшей затем многолетней упорной борьбы русских национальных сил против красных предателей.

После взятия Ростова началось дальнейшее развертывание кадров возрождающейся Русской Армии. В конце ноября, как было уже упомянуто, генерал Алексеев поручил капитану 2-го ранга В.Н. Потемкину сформировать Морскую роту⁴², в которую вошли уже прибывшие и продолжавшие прибывать из Балтийского и Черного морей офицеры и гардемаринины, а также и ученики Ростовского мореходного училища.

Тем временем Юнкерский батальон с продолжавшим состоять в нем Морским взводом был из Новочеркасска возвращен в Ростов, где чины батальона были награждены за Нахичеванский бой Георгиевскими крестами.

30 января 1918 года Морская рота вместе с Кавказским сводным дивизионом⁴³ получила приказание срочно отправиться на станцию Батайск для защиты с юга города Ростова против наступавшего многочисленного отряда Сорокина⁴⁴, поддержанного бронепоездом.

В жестоком бою с превосходящими силами противника в рядах Морской роты были убиты лейтенант Адамиди⁴⁵, мичман Петров, мичман Мельников⁴⁶ и лейтенант Энвальд⁴⁷ и тяжело ранены старший лейтенант Ваксмут и мичман Тихомиров⁴⁸. В конце боя был тяжело ранен в глаз и командир Морской роты капитан 2-го ранга Потемкин.

9 февраля к вечеру красными был занят Новочеркассск, а вскоре был сдан и Ростов. С временным занятием этих городов красными можно считать, что и славная Морская рота прекратила свое существование. Капитан 2-го ранга Потемкин остался в Ростове и был спрятан одной гимназисткой, игравшей роль сестры милосердия. Раненые старший лейтенант Ваксмут и мичман Тихомиров были скрыты в Новочеркасске. Отважные братья лейтенанты С.⁴⁹ и Б. Ильвовы⁵⁰ и лейтенант А. Басов⁵¹ присоединились к армии, ушедшей в Первый

Кубанский поход, где Басов был убит в первой же атаке большевиков, Сергей Ильвов был ранен навывлет в грудь, а Борис в руку. Старший лейтенант Н.В. Потолов⁵² и Б.М. Елачич⁵³ ушли на Каспийское море — в Баку.

Остатки Морской роты были влиты в Офицерский полк⁵⁴, в рядах которого добрая половина моряков погибла в Кубанском походе⁵⁵.

В течение 1918—1919 гг. при атамане Каледине на Дон прибыли: адмирал А.А. Кононов⁵⁶ и его сын — капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) И.А. Кононов⁵⁷, адмирал С.С. Фабрицкий⁵⁸, адмирал Степанов⁵⁹, капитаны 1-го ранга А.Н. Заев⁶⁰, С.В. Лукомский⁶¹, капитан 2-го ранга Бодиско⁶², Подгорный⁶³, Собецкий⁶⁴, Гернет⁶⁵, Данилов, инженеры-механики Щепотьев⁶⁶ и Герасимов⁶⁷, старшие лейтенанты Соловьев⁶⁸, Селезнев⁶⁹, Елкин⁷⁰, Коженков⁷¹ и Медведев⁷², лейтенанты Шестаков⁷³, Кунаков⁷⁴, Кияшкин⁷⁵, Поздеев, Чехов⁷⁶ и другие офицеры флота, гардемарины и морские кадеты. Все названные здесь лица были зачислены на службу в донские организации.

В 1918 году Военно-Морским управлением был разработан план создания нескольких морских организаций на Дону. По инициативе и стараниями инженера-механика лейтенанта Герасимова первой была организована Донская флотилия, под руководством же и стараниями капитана 1-го ранга Подгорного и контр-адмирала И.А. Кононова речные пароходы вооружались трехдюймовой артиллерией и пулеметами. На большие стальные баржи с дизелями ставились шестидюймовые «кан», привезенные из Севастополя, где их приходилось снимать с бездействующих кораблей, машины которых были взорваны англичанами. Также вооружались тяжелыми морскими шестидюймовыми орудиями и бронепоезда, успешно действовавшие в составе Донской и Добровольческой армий.

В упорных боях, как и всегда с превосходящим числом противником, особенно отличился морской бронепоезд «Адмирал Непенин»⁷⁷, который под командой капитана 2-го ранга В.Н. Маркова⁷⁸, бывшего артиллерийского офицера линейного корабля «Слава», в августе 1918 года помог двум тысячам дроздовцев⁷⁹ отбиться у Армавира от 30-тысячной армии Сорокина, но 15 ноября тот же бронепоезд под командой артиллерийского офицера с линейного корабля «Иоанн Златоуст» старшего лейтенанта А.Д. Макарова⁸⁰ попал в западню и погиб у разезда Базовая. Смертью храбрых пали старший лейтенант Макаров, лейтенант А. Варгасов⁸¹, мичманы Турцевич⁸², А. Хрущев⁸³ и гардемарин Иван Завадовский. Остальным удалось после тяжелого боя, в котором отличился старший лейтенант Вирен⁸⁴, гардемарин П. Поплавский⁸⁵ и кадет В. Гусев, пробраться с замками

от орудий к своим линиям. Находившийся на соседнем участке бронепоезд «Единая Россия»⁸⁶, на котором были также морские офицеры и гардемарины, после ожесточенного боя сумел прорваться.

Не менее доблестны были действия и других морских бронепоездов: «Дмитрия Донского»⁸⁷ под командой капитана 2-го ранга Бушена⁸⁸ и «Князя Пожарского»⁸⁹ под командой капитана 1-го ранга В.Н. Потемкина, особенно отличившегося в 1919 году при взятии Харькова.

Донская флотилия под командой адмирала Фабрицкого вела непрерывные бои с большевиками, а в 1919 году победоносно дошла до верховьев Дона и своей артиллерией оказала огромную помощь казачкам при изгнании большевиков с Дона.

В Таганроге кипела работа по формированию Азовской флотилии под командой капитана 2-го ранга В.И. Собецкого. На пароходы ставились шестидюймовые, 120-мм и 75-мм орудия, привезенные из Севастополя. Этой флотилии была поставлена задача очистить все порты Азовского моря от большевиков, которая и была выполнена. Параллельно с формированием флотилий в Таганроге и в Ростове на заводах строились бронепоезда, танки и бронированные автомобили.

В Таганроге же было создано I Управление портами Азовского моря и II Управление морской тяжелой артиллерии. Во главе первого был поставлен К.Н. Оглоблинский⁹⁰, а во главе второго — капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный.

Командиром Таганрогского порта был назначен контр-адмирал Степанов. Помощником капитана 1-го ранга Подгорного был старший лейтенант Шестаков, проявивший большую энергию по формированию бронепоездов и танков.

Весной 1919 года, когда началось всеобщее наступление на север, Военно-Морскому управлению на Дону пришлось перенести свою деятельность за пределы Дона и распространиться по всему Югу России.

Функции Донской и Азовской флотилий были закончены. Азовская флотилия была переименована в Днепровскую и в мае 1919 года перешла на Днепр, где были созданы три флотилии: Верхне-Днепровская, под командой капитана 1-го ранга С.В. Лукомского, Средне-Днепровская, под командой капитана 1-го ранга Г.И. Бутакова⁹¹ и Нижне-Днепровская, под командой капитана 1-го ранга Собецкого.

Краткая выдержка из приказа Донского атамана генерала А.П. Богаевского⁹² красноречиво характеризует деятельность моряков с самого начала Белой борьбы: «Правильно организованные морские части на Дону, спаянные железной дисциплиной, во время общего наступления на север разбросались по всему Югу России, где донские кадры были

тем ядром, тем скрепляющим цементом, на котором, как на прочном фундаменте, быстро создавались новые морские организации. Морская тяжелая артиллерия развернулась в отдельный корпус, а Донская и Азовская флотилия — в речные силы Юга России. Я, как Атаман Все-великого Войска Донского, горжусь славной работой моряков. Атаман В.В.Д. генерал А.П. *Богаевский*».

На Черном и Азовском морях

В районе Черного моря условия для начала борьбы были несравненно сложнее, чем на Дону, так как на пути открытого выступления русских патриотов появились разные помехи, как неизбежное следствие еще и «иностранный политики» — с одной стороны германских, а с другой «союзных» — англо-французско-американских военных сил. Наступление германских армий на Украину, начавшееся немедленно с заключением между ними и Радой договора 6 февраля 1918 года, имело следствием занятие немцами всей Украины, а затем и Крыма. В связи с этим выход флота из Севастополя 29 апреля 1918 года под командой контр-адмирала Саблина⁹³ нужно принять начальным моментом Белой борьбы на Черном море.

Вошедшие в Севастополь немцы подняли 4 мая 1918 года германские флаги на русских судах, оставшихся в бухте, как то: подводные лодки, быстроходные катера и вся 2-я бригада линейных кораблей под командой вице-адмирала Покровского⁹⁴. В июне месяце 1918 года Германия ультимативно потребовала от большевиков возвращения флота из Новороссийска в Севастополь. Уступая силе, советской власти в центре пришлось давать официальные предписания в этом же роде, но никто не верил добропорядочности германских начальников, отчего и получилось впечатление двойственности распоряжений. Прибывший из Ленинграда (Петрограда) в Новороссийск представитель Морского комиссариата мичман Раскольников определенно настаивал, что сдавать флот немцам нет оснований, что лучше его утопить, но официально выходило, что к 19 июня флоту нужно вернуться в Севастополь.

Как известно, подобная действительность имела место в марте 1918 года в Балтийском флоте. Командующий германской эскадрой, прибывший в Гангэ, предъявил ультимативное требование, чтобы весь русский флот, стоявший в Гельсингфорсе, был передан немцам до 31 марта. Советское правительство дало официальное распоряжение выполнить предъявленное требование, в то же время Центробалт —

высшее морское управление Советов — негласно был на стороне решения вывести весь русский флот из Гельсингфорса в Кронштадт. Исполняющий должность командующего Балтийским флотом капитан 1-го ранга Щастный, осуществивший беспримерный в мировой морской истории «Ледовый поход», был расстрелян!

Итак, в силу сложившейся обстановки в Новороссийске получились два течения: командующий Черноморским флотом капитан 1-го ранга А.И. Тихменев⁹⁵, ссылаясь на настроение команд, настаивал на уходе, а командир миноносца «Керчь», старший лейтенант Кукель⁹⁶, проводил мысль о необходимости флот утопить раньше наступления срока немецкого ультиматума, то есть до 19 июня 1918 года. В результате 17-го вечером дредноут «Воля» («Император Александр III») и миноносцы «Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий» и «Жуткий» и транспорт «Троян» ушли в Севастополь под командой капитана 1-го ранга Тихменева. 18 июня Раскольниковым и Кукелем были утоплены: дредноут «Свободная Россия» («Императрица Екатерина II») и миноносцы «Фидониси», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый», «Стремительный» и «Керчь».

8 ноября 1918 года германский адмирал Гофман передал черноморские корабли морским представителям: от сепаратной Украины — контр-адмиралу Клочковскому⁹⁷ и от не принявшего эту окраску русского флота — капитану 1-го ранга Тихменеву и Лебединскому⁹⁸.

Между тем в конце августа 1918 года Добровольческая армия заняла Новороссийск и, таким образом, впервые получила выход на Черное море. Капитан 2-го ранга Потемкин был назначен командиром порта и стал собирать своих бывших соратников. Новороссийск сделался центром сбора морских офицеров, главным образом балтийцев, пробиравшихся на юг для борьбы с красными, и боевых офицеров из Донских флотилий. Севастополь по разным причинам открытого участия в борьбе еще не принимал.

24 ноября 1918 года в Черноморском флоте, базировавшемся на Севастополь, были подняты Андреевские флаги — на дредноуте «Воля» («Император Александр III»), на миноносцах, подводных лодках и др., но прибывшие на смену немцам англичане и французы потребовали эти флаги спустить и на «Воле», как и на миноносцах, пользуясь преимуществом своих сил, подняли английские морские флаги и английской командой отправили русские корабли в Измир, в Турцию.

Новороссийские же моряки-добровольцы развивали завидную деятельность. В декабре группа, состоявшая из восьми морских офицеров во главе со старшим лейтенантом Ваксмутом, получила предписание от

вице-адмирала Герасимова⁹⁹, находившегося при генерале Деникине в качестве морского министра Добровольческой армии, отправиться в Севастополь и попробовать получить в распоряжение армии военный корабль.

Несмотря на личное письмо Главнокомандующего генерала Деникина к адмиралу Канину¹⁰⁰, подчиненному в ту пору крымскому правительству, миссия старшего лейтенанта Ваксмута успеха не имела. Упорный в достижении поставленной цели А.П. Вакмут побывал и в штабе Украинского флота, которым командовал тогда контр-адмирал Черниловский-Сокол¹⁰¹, но и там не добился даже приема. Потеряв около двух недель, делегация зарождавшегося Добровольческого военного флота вернулась в Новороссийск с пустыми руками.

Но это не охладило испытанных уже на Дону моряков. Ими был реквизирован в новороссийском порту ледокол «Полезный». Командиром этого первого добровольческого корабля был назначен капитан 2-го ранга С. Медведев, старшим офицером — старший лейтенант А. Вакмут, артиллерийским офицером — лейтенант С. Ильвов, штурманом — лейтенант Тихомиров. На корме «Полезного» были установлены два 75-мм орудия и торжественно поднят Андреевский флаг.

Январь, февраль и март 1919 года «Полезный» в очень тяжелых условиях бесценно находился на фронте у северо-западных берегов Азовского моря от Мариуполя до Геническа, прикрывая с моря операции белых войск, затем — охрана Арабатской стрелки и Ак-Манайской позиции. Уже на эти позиции приходила на пару дней из Севастополя, под командой капитана 2-го ранга В. Погорелюцкого¹⁰², подводная лодка «Тюлень», также в этих условиях снова поднявшая Андреевский флаг. Лишь 2 мая подошла к Ак-Манаю, под командой старшего лейтенанта А.А. Остолопова¹⁰³, канонерская лодка «К-15», вооруженная двумя шестидюймовыми «канэ». «К-15» была вооружена и укомплектована морскими офицерами и добровольцами в марте 1919 года в Севастополе. После эвакуации Севастополя перешла в Новороссийск, откуда в конце апреля была послана в Азовское море на смену «Полезного». Таким образом, белый флот в период союзной оккупации практически свелся к трем действующим судам: подводной лодке «Тюлень» — под командой капитана 2-го ранга В.В. Погорелюцкого, вооруженному пароходу «Полезный» — под командой капитана 2-го ранга С.И. Медведева и канонерке «К-15» — под командой старшего лейтенанта А.А. Остолопова.

Подобное решение, видимо, было подсказано создавшимся политическим и военным положением в Крыму и на юге России во-

обще: гетманское правительство в Киеве исчезло, появился Петлюра и началось полное безвластие. Когда немцы ушли из Киева, появились союзники и организовывались русские добровольческие отряды. Положение все усложнялось — большевики начали наступать с севера. Перекоп был занят слабыми по численности добровольческими соединениями.

В Севастополе крайние элементы начали проявлять себя, пошли брожения среди портовых рабочих, угрожавших забастовкой и прекращением работы на оборону Крыма. Все признаки подтверждали, что медлить было нельзя. Назначенный на крейсер «Кагул» старшим инженером-механиком капитан 1-го ранга В.Г. Максименко¹⁰⁴ не покладая рук проводил всю срочную техническую работу. В апреле 1919 года Севастополь готовился к эвакуации. Крейсер «Кагул» в полной готовности стал на Большом рейде. На него перешел командующий флотом контр-адмирал Саблин со своим штабом и были погружены семейства офицеров крейсера и охотников. Все суда, могущие двигаться, начали покидать Севастополь, взяв курс на Новороссийск.

На переходе Севастополь—Новороссийск на «Кагуле» было 42 морских офицера, 19 инженеров-механиков, два судовых врача и 21 сухопутный офицер, или всего 84 офицера, плюс 125 человек команды охотников. Весь экипаж корабля — 209 человек. В Новороссийске командующий флотом со штабом и все пассажиры сошли на берег. Тогда же на крейсер был назначен новый командир капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий¹⁰⁵ и несколько изменен командный состав.

13 апреля 1919 года крейсер «Кагул» получил предписание от командующего флотом выйти на Ак-Манайскую позицию, около Феодосии. «Кагулу» пришлось действовать вместе с английским линейным кораблем «Император Индии» и греческими, французскими и итальянскими судами. Офицером для связи с английским командованием был назначен инженер-механик капитан 2-го ранга В.А. Недзведский¹⁰⁶. Так началась боевая деятельность славного корабля... Отметим кратко наиболее крупные операции.

В первых числах августа крейсер «Кагул» под командой капитана 1-го ранга П.П. Остелецкого руководил десантными операциями в районе Одессы. Русский отряд составляли крейсер «Кагул», эскадренный миноносец «Живой», транспорт «Маргарита», тральщики «Роза» и «Адольф», буксир «Доброволец», катера № 52 и 58, три баржи и один быстроходный катер. Десант составлял Драгунский полк в составе 74 офицеров, 841 солдата, 253 лошадей и 38 повозок. Для связи с десантом между кораблями и берегом был назначен эскадрен-

ный миноносец «Живой» — командир капитан 2-го ранга Кисловский¹⁰⁷. После суточного боя десантная операция окончилась успешно. 12 августа Одесса была в руках белых, несмотря на то что силы противника превосходили более чем в десять раз!

Во время стоянки в Одессе командир крейсера «Кагул» капитан 1-го ранга Остелецкий был произведен в контр-адмиралы, а крейсер был переименован в крейсер «Генерал Корнилов». Контр-адмирал Остелецкий был назначен младшим флагманом и поднял свой флаг на крейсере «Генерал Корнилов». Командиром крейсера был назначен капитан 1-го ранга Потапьев¹⁰⁸, старшим офицером — капитан 2-го ранга Афанасьев¹⁰⁹ и старшим инженером-механиком утвержден старший лейтенант М.М. Любимов¹¹⁰.

Почти одновременно с операциями под Одессой велись крупные операции под Херсоном и Николаевом Кинбурнским отрядом, состоявшим из канонерской лодки «Терец», брейд-вымпел капитана 1-го ранга В. Бубнова¹¹¹, командир капитан 2-го ранга Я. Шрамченко¹¹²; канонерской лодки «Грозный», командир капитан 2-го ранга И. Рыков¹¹³, миноносца «Жаркий», командир старший лейтенант А. Манштейн¹¹⁴, вооруженного парохода «Граф Игнатъев», «К-10» и БК «405». Вместо описания всех боевых операций и последующих результатов прилагаются копии некоторых приказов, последовательно рисующих тогдашнюю военную обстановку северо-западного побережья Черного моря.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

№ 100

Рейд Николаевский, августа 8 дня 1919 года

Кинбурнскому отряду. «Терец», «Грозный», «К-10», «Жаркий», «Граф Игнатъев» и БК «405».

Первая часть Кинбурнского похода выполнена. Взят Херсон, Николаев. Над нами горят золотые слова «Победа» и «Слава». Взят Николаев и закреплен с чудным боем, деятельнейшими усилиями флота, пришедшего отобрать его, нашу колыбель Черноморского флота, у врагов нашей Родины. За победу славных кораблей спасибо чистосердечное мое всем бывшим под моей командой в эти дни боев, дни испытаний.

Я, офицер нашей Великой Добровольческой Армии благодарю Вас Г.г. Командиры, Г.г. Офицеры и команды, покрывшие себя славой

кораблей, спасибо Вам, надеюсь с такими, как Вы, закончить наше Общее дело, нашу заботу спасти Родину, освободить ее и вернуть ее к нормальной жизни!

Приказ прочесть на всех судах отряда.

Подписал: капитан 1-го ранга Бубнов.

С подлинным верно: старший флаг-офицер, мичман (подпись неразборчива)

ПРИКАЗ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ФЛОТА И ПОРТОВ
ЧЕРНОГО И АЗОВСКОГО МОРЕЙ

№ 1374

г. Севастополь, августа 8 дня 1919 года

Сегодня мною получена телеграмма от начальника 4-й дивизии генерал-майора Слащева¹¹⁵, где он отмечает выдающуюся предупредительность и доблесть капитана первого ранга Бубнова и судов его отряда: канонерских лодок «Терец» и «Грозный», «К-10», БК «405», миноносца «Жаркий» и парохода «Граф Игнатъев», проявленную ими в боях под Николаевом и Варваровкой. Наш флот, для того чтобы этот отряд прошел в Николаев, несколько раз форсировал проход у Очакова под огнем очаковских батарей, в успешной борьбе с которыми показал свою хорошую стрельбу, отвагу и настойчивость в достижении намеченной цели. Горжусь дорогим мне Черноморским флотом и счастлив объявить по вверенному мне флоту и портам, что тяжелая работа по возрождению флота, произведенная преданными офицерами и матросами, не пропала даром и наш флот дает мощную поддержку нашей славной Армии.

Подлинный подписал: вице-адмирал М. Саблин

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

№ 108

Рейд Николаевский, августа 11 дня 1919 года

Предлагаю кораблям вверенного мне отряда выписать на борту кораблей трехцветный национальный почетный шеврон Добровольческой Армии. Шеврон выписать углом вниз, — размеры же его по

усмотрению Командиров. Место для выписки шеврона под носовым мостиком либо на крыльях мостика.

Подписал: капитан 1-го ранга В. Бубнов

С подлинным верно: старший флаг-офицер, мичман (подпись неразборчива)

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

№ 116

Рейд Николаевский, августа 13 дня 1919 года

При сем объявляю копию телеграммы Начальника 4-й пехотной дивизии генерал-майора Слащева за № 1431, посланной на имя Главного Командира Флота и Портов Черного и Азовского морей Вице-адмирала Саблина: срочно.

«Во время Кинбурнской операции вверенная мне 4-я дивизия работает совместно с судами Кинбурнского отряда под командой Каперанга Бубнова. За все время не было ни одного случая неудовлетворения нужд сухопутных войск, а наоборот, мои пожелания часто предупреждались по личной инициативе моряков. Как солдат, считаю своим долгом доложить Вам от имени своих частей «покорнейше благодарю Ваше Превосходительство» за присылку таких соратников и отметить перед Вами блестящую деятельность, выдающиеся качества каперанга Бубнова, его командиров судов и экипажей.

12 августа 1919, Николаев. № 1431.

Подписал: Генерал-майор *Слащев*».

Приказ прочесть при собрании Гг. офицеров и команды вверенного мне отряда.

Подписал: Капитан 1-го ранга *Бубнов*.

С подлинным верно: флаг-офицер, мичман *Бураков*¹¹⁶

В течение летних месяцев 1919 года все белые организации дружно начали свои наступления на Москву и Петроград. Вдоль Финского залива двигалась армия генерала Юденича... С юга Добровольческая армия быстро продвигалась на север. Из Сибири армии адмирала Колчака наступали в направлении центра Европейской России. Деятельность белого флота распространилась по всем направлениям. Кроме уже кратко описанных на Черном море, происходили ответственные операции в Азовском море, на Каспии, на сибирских реках и в районах западного и северного морского побережья Земли Русской.

17 октября 1919 года по инициативе Н.Н. Машукова¹¹⁷ был открыт и начал функционировать Севастопольский Морской корпус.

Но обстановка на белых фронтах изменилась. В декабре 1919 года большевики огромными силами вплотную подошли к Крыму и, по данным нашей разведки, готовились к наступлению по всему фронту. Часть судов Кинбурнского отряда, выполнявшего под Херсоном и Николаевом поставленную ему задачу, находилась в генеральном ремонте, готовясь к новому походу: канонерские лодки «Терец» — командир капитан 2-го ранга Я.В. Шрамченко, «Грозный» — командир капитан 2-го ранга И.С. Рыков и «Страж» — командир капитан 2-го ранга Б.Р. Новиков¹¹⁸, позже речная канонерская лодка «Георгий», «Ледокол № 3» и при канонерской лодке «Терец» — буксир «Ногайск».

В ночь на 24 декабря командир канонерской лодки «Терец» капитан 2-го ранга Я.В. Шрамченко получил приказание командующего Черноморским флотом немедленно привести свой корабль в боевую готовность для срочного выхода в Азовское море. Подобное приказание получили и остальные корабли отряда. Начальником отряда судов Азовского моря был назначен капитан 2-го ранга Н.Н. Машуков. 26 декабря «Терец» под брейд-вымпелом начальника отряда вышел в море. Для краткого ознакомления читателя с подвигами белых моряков, защищавших от красных подступы к Крыму, помещаем копии следующих документов:

Р а д и о г р а м м а

Керчь из Севастополя № 458 — 11 февраля 1920 г. 14 часов 15 минут.

Кавторангу Машукову

Флагманы и командиры, старшины собрания и Штаб Командующего Флотом, собравшись проводить своего адмирала, по предложению Его Превосходительства, обратившись мысленно взорами к затертым льдами Азовского моря кораблям под водительством достойнейшего начальника, просят принять глубокоуважаемого Николая Николаевича, всех офицеров и молодецкие команды чувство бесконечного восхищения и преклонения перед мужеством, стойкостью и великой духовной мощью.

Да хранит и поможет Вам Господь Бог!

11-2-1920 г. № 48051

Начштафлот Каперанг Заев.

С подлинным верно: флаг-офицер подпоручик Постников

Радиограмма

Севастополь. Начштафлоту

Прошу доложить в ближайшем заседании флагманов и командиров.

Руководимые глубокою любовью к Родине, мужественные офицеры и команды судов вверенного мне отряда, под командой доблестных командиров канонерских лодок — «Терец», «Грозный» и ледокола «Гайдамак», превозмогая голод и холода, гордятся выпавшей на их долю честью бороться на форпостах за честь и величие нашей Родины, дорогой сердцу нашему России под сенью Андреевского флага. Три полка пехоты и один полк неприятельской кавалерии не в силах сломить дух нашего малочисленного отряда.

Присоединяемся к общей скорби, расставаясь с первым адмиралом Русского Флота, вступившим в ряды Добровольческой Армии (вице-адмирал Ненюков¹¹⁹).

От имени отряда приношу глубокую благодарность за высказанные благопожелания и высокое внимание, оказанное моему отряду.

11 февраля 18 часов № 429

Кавторанг Машуков

ПРИКАЗ ПО 3-МУ АРМЕЙСКОМУ КОРПУСУ

№ 53

ст. Джанкой 28 февраля 1920 г.

В самые тяжелые периоды нашей белой деятельности канонерская лодка «Терец» оказывала и продолжает оказывать самую широкую поддержку по защите наших позиций на Арабатской Стрелке.

Затертый льдами, не имеющий угля «Терец» выбросился на мель, решив ради обороны наших позиций сделаться живой мишенью для артиллерии красных. Пробоины «Терца» свидетельствуют его боевую деятельность.

Лишенный способности маневрировать, тяжело раненный, «Терец» продолжает бороться с бронепоездами противника и держать в страхе пехоту красных. Высадив на берег всю команду, за исключением прислуги орудий, «Терец» оказал поддержку гарнизону Арабатской Стрелки, как людьми, так и своим геройским духом.

От лица службы благодарю командира, Г.г. офицеров и команду славного боевого судна «Терец» за отличную самоотверженную службу, стар. лейт. Люби за деятельную организацию связи судов и боевого участка со Штабом Корпуса.

Предлагаю капитану 2 р. Шрамченко представить к награждению крестами из команды «Терец» наиболее отличившихся.

Комкор 3, ген. *Слащев*

18 апреля 1920 года «Терец» был торжественно введен на буксире в Южную бухту Севастополя. 19 апреля «Терец» посетил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Герасимов и чины его штаба. 20 апреля около двух часов дня на «Терец» прибыл Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель, в сопровождении вице-адмирала Саблина. Главнокомандующий благодарил командира, офицеров и команду за отличную, честную и самоотверженную службу на благо Родины. В краткой, но выразительной и сильной речи Главнокомандующий подчеркнул ту ответственную роль, которую «Терец» сыграл в тяжелый период зимней обороны Крыма, указав, что Арабатская стрелка была удержана почти исключительно благодаря ему, а этим Крым был огражден от тяжелых, а быть может непоправимых, последствий прорыва важнейшего фронта на этом участке. Генерал Врангель поздравил всех офицеров, начиная с командира корабля, со следующим чином, а наиболее отличившимся из команды, по указанию командира, лично надел Георгиевские кресты. На смену «Терец» на боевые позиции в Азовском море штабом командующего флотом была послана канонерская лодка «Страж» под командой капитана 2-го ранга В.П. Дона.

В период организации, или, точнее, реорганизации, белого Черноморского флота был приведен в полную боевую готовность также и линейный корабль «Генерал Алексеев» (ранее «Воля», а еще раньше «Император Александр III»).

В самые тяжелые периоды Гражданской войны, когда постоянно остро чувствовался недостаток необходимого технического материала и еще больше нужных специалистов, — стоически бессменно, с исключительной выдержкой и успехом, — технической частью белого флота на юге России руководил флагманский инженер-механик генерал-майор В.Ф. Берг¹²⁰.

Для обеспечения бесперебойности действий всего Добровольческого флота юга России командующим Флотом адмиралом Каниным был назначен на должность начальника службы связи Черного и Азовского морей контр-адмирал С.В. Евдокимов¹²¹, который выполнял эти

обязанности до назначения его помощником начальника Морского управления.

Уместно было бы теперь, хотя и бегло, отметить исключительно важную роль, которую вообще играл Черноморско-Азовский белый флот во всей Крымской эпопее в 1919—1920 годах.

Кроме уже кратко изложенных операций под Николаевом, Херсоном, Очаковом, Одессой, Геническим и т. д. и защиты всего Крымского побережья, флот обеспечивал снабжение портов Черного и Азовского морей из Константинополя. Помимо того, флот выделил для поддержки левого фланга нашей армии, упиравшегося в Каркинитский залив, специальный отряд мелкосидящих судов под командой капитана 1-го ранга Собеукого, который по мере надобности своим огнем помогал действиям сухопутных войск.

У Тендровской косы было установлено почти постоянное наблюдение за Одессой и Очаковом. Там же подолгу стоял крейсер «Генерал Корнилов». На Севастопольском рейде в полной исправности стоял довольно сильный боевой белый флот во главе с дредноутом «Генерал Алексеев», что совершенно парализовало появление в черноморских водах красного флота.

Значение же нашего флота в Азовском море было гораздо больше, чем оборонительное, так как все надежды на будущее возлагались на выход из Крыма, как в Мелитопольском, так и в Кубанском направлении. Выход из Крыма без помощи десантных операций вообще был невозможен. За все время Белой борьбы Черноморско-Азовский флот успешно выполнял все оперативные задания, поставленные ему Главнокомандующим, вплоть до полной эвакуации Крыма. Об этом свидетельствует один из приказов генерала Врангеля.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ

№ 3578

г. Севастополь, августа 26 дня 1920 года

Начиная с мая месяца нами был произведен целый ряд десантных операций. Операции эта протекали подчас в чрезвычайно трудных условиях, выгрузку и погрузку войск приходилось производить в дурную погоду, погружая людей и лошадей на баркасы и шлюпки под огнем береговых батарей противника.

Флот несет одновременно службу по охране Азовского и Черноморского побережья, а десантные морские отряды доблестно сражаются в рядах наших сухопутных сил.

Считаю своим долгом отметить блестящую работу флота и принести глубокую благодарность Командующему Флотом адмиралу Саблину и всем чинам Флота за их беззаветную работу на славу Родины.

Ура орлам русским морякам!

Подлинный подписал: *ген. Врангель.*

Верно: флаг-капитан 2 ранга *Бирилев*¹²².

Верно: Начальник Общего Отделения Оперативной части, старший лейтенант *Соловьев.*

Боевой Черноморско-Азовский флот состоял из трех тактических единиц, названных отрядами (а не дивизиями или бригадами ввиду разнообразности входивших в эти соединения судов). Во всяком случае, всех судов насчитывалось свыше 120, начиная от дредноута и кончая легкими катерами и транспортами. Главной базой Черноморско-Азовского флота был Севастополь, база же 2-го отряда находилась в Керчи. Штаб отряда состоял в целом из 20 человек: начальник отряда контр-адмирал (тогда капитан 1-го ранга) Н.Н. Машуков, флагманский инженер-механик — генерал-майор А.К. Иванов¹²³, штаб-офицер связи с армией и союзным командованием — инженер-механик капитан 2-го ранга В.А. Недзведский, начальник оперативной части — капитан 2-го ранга Б.В. Карпов¹²⁴.

Моряки на Северо-Западном фронте

После прибытия на Балтику английской эскадры обстановка резко изменилась. Тральщик «Китобой» первым, спустив красный флаг, поднял Андреевский и ушел к англичанам. К удивлению, он был ими задержан, что заставило большую часть команды перебежать к англичанам. Англичане буквально ограбили сдавшийся им корабль, причем не были пощажены даже частные вещи офицеров и команды, и через несколько дней передали тральщик как судно, не имеющее боевого значения, в распоряжение Морского управления Северо-Западной армии¹²⁵. Сдавшиеся еще 27 декабря 1918 года новые эскадренные миноносцы «Автроил» и «Спартак» (бывший эскадренный миноносец «Капитан Миклухо-Маклай») были англичанами переданы эстонцам.

Кроме нескольких специалистов, личный состав «Китобоя» был списан с корабля, включая и офицеров: лейтенант Моисеев¹²⁶ и боль-

шая часть команды были переведены в полк Андреевского флага, а мичман Сперанский¹²⁷ с частью людей в разгрузочный отдел. Лейтенант Моисеев вскоре погиб на фронте: часть «Андреевского» полка перебежала к красным и выдала им лейтенантов Моисеева и Бока¹²⁸, которые были замучены красными. Труп Моисеева был вскоре найден белыми, причем оказалось, что лейтенантские погоны были прибиты к плечам шестью большими гвоздями, по одному над каждой звездочкой погон.

На «Китобой» был набран новый личный состав из офицеров и добровольцев, а командиром его был назначен лейтенант Оскар Ферсман¹²⁹. Этому доблестному офицеру суждено было еще раз поддерживать честь Андреевского флага, а его маленькому судну быть последним носителем этого флага на водах Балтийского моря.

Опасаясь захвата «Китобоя» эстонцами после ликвидации Северо-Западной армии (что действительно вскоре и случилось с четырьмя моторными катерами), контр-адмирал Пилкин снабдил его командира некоторым количеством денег и запасами топлива и провизии, достаточными для похода в Копенгаген, и приказал ему, если окажется возможным, пройти оттуда на Мурманск к генералу Миллеру¹³⁰. Личный состав был выбран из добровольцев, в том числе 15 морских офицеров. В темную ночь, не замеченный эстонцами, «Китобой» вышел из Ревельской гавани, дошел до Копенгагена, где и простоял несколько месяцев.

На рейде Копенгагена в это время стояла 2-я бригада крейсеров английского флота под флагом контр-адмирала Кована, в составе трех легких крейсеров и пяти эскадренных миноносцев. На другой день после прихода «Китобоя» флаг-офицер английского адмирала доставил командиру тральщика лейтенанту Ферсману письменное требование спустить Андреевский флаг, так как этот флаг больше не признается английским правительством. Лейтенант Ферсман ответил, что Андреевский флаг спущен не будет. Никаких насильственных действий со стороны англичан не последовало, а на следующее утро адмирал Кован прибыл на «Китобой», сделал смотр маленькому кораблю и затем, подойдя к лейтенанту Ферсману, сказал: «Я надеюсь, что каждый английский морской офицер в подобном положении поступил бы столь же доблестно, как это сделали вы».

Заботами вдовствующей Императрицы Марии Федоровны «Китобой» был снабжен углем и провизией для дальнейшего следования. «Китобой» благополучно добрался до Севастополя, перед самой его эвакуацией, вместе с Русской эскадрой ушел в Бизерту, где и разделил участь обреченных на бездействие кораблей.

По всем данным, в задачи появившегося в конце 1918 года у устья Финского залива английского флота не входило оказание существенной помощи зарождавшимся там силам сопротивления против коммунизма. Помощь англичан оказалась достаточной, чтобы только отстоять отделение Эстонии от Советов! При таком отношении союзников России к Белому делу нельзя было думать о возрождении морских сил в составе Северо-Западной армии. Только в Нарове организовалась небольшая речная флотилия под командованием капитана 1-го ранга Д.Д. Тыргова¹³¹. Зато морские офицеры и гардемарины влились в сухопутные части. Особенно много моряков было в Печорском полку, где батальоном командовал доблестный капитан 1-го ранга П.А. Шишко, а ротами капитаны 2-го ранга М. Бабицын¹³², В. Беклемишев¹³³, М. Ромашев¹³⁴ и Г. Вейгелин¹³⁵. Общая численность моряков, принявших участие в Северо-Западной армии, достигла 250 человек, около половины которых погибло в неравных боях с противником.

Армия генерала Юденича, подходившая уже к Петрограду (Стрельна, Лигово, Пулково), должна была отступить к границам Эстонии, а после заключения последней мира с Советами прекратить в начале 1920 года борьбу вообще.

Северный фронт. Онежская озерная флотилия

Политическое и военное положение на севере России в годы смуты 1917—1920 годов было по многим причинам настолько сложно и запутанно, что разобраться в нем сможет будущий объективный историк, лишь предварительно изучив международные и еще дореволюционные взаимоотношения России, Германии, Англии, Франции и др.

Мысль о создании белого фронта на Севере появилась впервые у группы русских патриотов в Петрограде вскоре же после Октябрьского переворота. Почти одновременно с этой группой, работавшей над осуществлением своего проекта, народным социалистом Н.В. Чайковским была создана тайная организация под именем «Союз возрождения России».

От англичан был послан в Архангельск под фамилией английского офицера Томсона капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин¹³⁶. С ним руководители «Союза возрождения» уже в Архангельске вступили в связь и со своей стороны предложили ему принять на себя роль военного руководителя в предстоящем выступлении. Вместе с капитаном 2-го ранга Чаплиным и так называемым «Национальным Центром» несколько позже в Архангельске появился, с целью содействовать под-

готовявшемуся восстанию, специальный отряд, действовавший по поручению французского представительства в Петрограде.

Помимо этих организационных группировок, еще задолго до восстания, в Архангельск стали стекаться через Мурманск, леса Карелии и другими путями, в порядке личной инициативы, офицеры всех родов оружия и прежде всего офицеры Балтийского флота и гардемарины, разогнанные Троцким: Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов и Морского инженерного училища, — чтобы принять активное участие в свержении советской власти в Северной области.

1—2 августа 1918 года с ликвидацией в Архангельске советской власти во главе освобожденной Северной области стояло «Верховное управление» под председательством Н.В. Чайковского. В числе документов архива Северной области находится следующее постановление.

Верховное Управление Северной области

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1

Во имя спасения Родины и завоеваний революции Верховное Управление Северной области Командующим всеми Морскими и Сухопутными вооруженными силами Верховного Управления настоящим назначает капитана 2-го ранга Георгия Ермолаевича Чаплина, с возложением на него обязанностей:

1) Командование всеми вооруженными силами Верховного Управления со всеми правами, связанными с этой должностью на основании законов и обычаев войны.

2) Назначения и увольнения всех должностных лиц Армии и Флота, за исключением начальников Военного Штаба.

г. Архангельск, 2-го августа 1918 года.

Председатель Верховного Управления Северной области

Н.В. Чайковский

Секретарь *П. Зубов*

Это социалистическое управление Северной области просуществовало лишь месяц. 6 сентября 1918 года командующий русскими вооруженными силами на побережье Белого моря капитан 2-го ранга Чаплин это правительство арестовал и отправил на Соловецкие острова. С начала октября павшее правительство было заменено несоциалистическим Временным правительством Северной области, но под давлением английского командования во главе его по-прежнему остался тот же народный социалист Чайковский. Командование же

русскими вооруженными силами от капитана 2-го ранга Чаплина перешло к Генштаба полковнику Дурову¹³⁷.

Из полуофициальных разговоров и дружеских бесед с высшими представителями английского командования (из архивов Северной области) следовало, что русское правительство Северной области для союзников являлось лишь правительством *de facto*. Вместе с тем союзники прилагали все свои усилия, чтоб ускорить объединение всей России, так как последняя «нужна Европе, и Европа не была бы Европой, если бы в ней не раздавался голос правительства, представляющего всю Россию». И пожалуй, нетрудно расшифровать, что подразумевала Англия под «голосом правительства России», если главнокомандующий английскими вооруженными силами в нашей Северной области генерал Пуль заявил, что с большевиками они не воюют, а воюют только с немцами.

Мичман А. Гефтер¹³⁸ в своих воспоминаниях о целях союзников пишет: «С каждым днем моего пребывания на Мурмане приходится все больше убеждаться в правильности возникшего предположения о цели прибытия англичан. Они прибыли не для помощи русским, а для овладения богатым районом... Для них безразлично, кто такие русские, с которыми они имеют дело, большевики или нет, — и те и другие должны быть под эгидой английской власти...»

Между тем молодые морские офицеры и гардемарины, пробравшиеся с берегов Балтийского моря в Северную область еще в конце 1918 года, служили в дивизионе истребителей — в Белом море сражались с большевиками и на сухопутном фронте по берегам Северной Двины, и в Пинежском районе, и на флотилии Ледовитого океана.

С присущей молодости пылкостью они возмущались как двойственной политикой союзников, так и излишним бюрократизмом отечественных русских военных учреждений. Это последнее обстоятельство в известной мере объясняется тем, что в начале Белого движения во главе с контр-адмиралом Викорстом¹³⁹ в ответственных учреждениях сидели люди, служившие большевикам до самого переворота. Они сумели задержаться с благословения англичан на тех же должностях и при белых. Так же успешно они продолжали творить дело развала флотилии.

И неудивительно поэтому, что группа патриотически настроенной «боевой» молодежи — лейтенанты Афанасьев¹⁴⁰, Лисаневич¹⁴¹ и Соколов¹⁴² и мичманы Державин¹⁴³, Вуич¹⁴⁴, Шанардин¹⁴⁵ и др., случайно узнав о (скрытой для них) телеграмме, полученной из Омска от морского министра Верховного правителя России адмирала Колчака,

отправились в штаб начальника распорядительной части, требуя объяснить, в чем дело.

После долгих мытарств и пререканий они выяснили, что телеграммой предписывалось прислать в Сибирь флотских офицеров для формирования речных флотилий.

Молодые люди записались и до поры до времени, в ожидании отправки, успокоились. Пока же все перевелись в дивизион истребителей и энергично принялись за дело.

Но вот неожиданно прибыл недавно назначенный командир Мурманского военного порта капитан 2-го ранга Д.О. Дараган¹⁴⁶ и известил, что по решению Главнокомандующего русскими войсками Северной области генерала Е.К. Миллера не только отдельные офицеры, но и весь дивизион, по готовности, будет отправлен на Онежское озеро под командование начальника Онежской озерной флотилии капитана 1-го ранга А.Д. Кира-Динжана¹⁴⁷, бывшего командира дивизиона сторожевых катеров Балтийского флота, обладавшего исключительным опытом для организации и руководства этими специальными морскими единицами.

Оставалось выяснить, возможен ли провод истребителей из Кеми по железной дороге в Медвежью Гору — опорный пункт флотилии на Онежском озере. Капитан 2-го ранга Дараган осмотрел, вместе с приехавшим с ним лейтенантом Б.К. Шульгиным¹⁴⁸, истребители, определил возможность провозки их на платформах, и отбытие из Архангельска было назначено на 1 июня 1919 года. После трехнедельной, крайне напряженной и ответственной работы по приведению истребителей в полную готовность флотилия «спустилась» на озеро.

29 июня 1919 года боевое ядро Онежской флотилии под брейдивымпелом своего начальника покинуло Медвежью Гору и ушло в село Шуньгу за Ажейским маяком, в предназначенную для флотилии базу. Каждый из катеров-истребителей был вооружен тремя пулеметами и одним 47- или 57-мм орудием. Уже 3 августа, вблизи Мег-Острова, три наших истребителя со «Светланой» — их маткой, встретили три красных корабля, каждый из которых был вооружен сильнее всех трех белых катеров, вместе взятых.

Завязался упорный бой, в результате которого красный бронированный катер, вооруженный двумя горными трехдюймовыми орудиями и двумя пулеметами в башенной установке, уткнулся в берег, так же как и двухвинтовой пароход «Сильный», вооруженный двумя 75-мм морскими орудиями, одним зенитным 37-мм орудием и многими пулеметами. «Сильный» был снят с мели, исправлен и включен в состав белой флотилии. Стычки с неприятельскими военными судами участились, и

перевес все время был на стороне белых, численность которых не уменьшалась, а чаще увеличивалась разными «призами».

17 августа была занята белым десантом Кузаранда, затем Пудожская Гора и с боем занимались дальнейшие пункты побережья. Серьезная угроза нависла и над красным Петрозаводском. Большевистское командование, пользуясь системой водных каналов, соединявших Балтийское море с Ладожским и Онежским озерами, направило последние крупные подкрепления, вплоть до миноносцев.

Белая борьба на севере закончилась трагически... Брошенные, как и надо было ожидать, союзниками на произвол судьбы, белые войны были побеждены не силой на фронте, а внутренним переворотом, произведенным распропагандированным населением, еще не успевшим ознакомиться с черными сторонами большевистского властвования. Таким образом получилось, что Архангельск и Мурманск попали в руки красных раньше, чем стоявшие на фронте части, которым пришлось пройти трудный путь, отступая к границам Финляндии...

Только одной группе морских офицеров и гардемарин удалось уйти из Архангельска на ледоколе «Минин» и снять в море другую группу с ледокольного парохода «Русанов». Еще одна большая группа должна была в последнюю минуту покинуть Мурманск на эскадренном миноносце «Капитан Юрасовский», но во время вспыхнувшего на миноносце восстания смертью храбрых погиб его командир лейтенант Н.И. Милевский¹⁴⁹, лейтенант В.Д. Державин (Онежская флотилия) и др., а в кают-компании был найден застрелившийся лейтенант Аннин¹⁵⁰, тоже доблестный участник Онежской эпопеи.

Личный состав находившихся на Двинском фронте морских бронепоездов, под командованием капитана 1-го ранга Ю.Ю. Рыбалтовского¹⁵¹, после переворота в Архангельске должен был бросить поезда и отступить пешком к Мурманской железной дороге, но, не доходя до станции Сороки, был окружен в деревне Сухое и принужден был сдать. Все находившиеся здесь морские офицеры, состоявшие в командном составе бронепоезда «Адмирал Колчак» и других, были расстреляны в Холмогорах. Свою смерть здесь нашли: капитан 1-го ранга Ю. Рыбалтовский, старший лейтенант А. Лобода¹⁵², командир бронепоезда «Адмирал Колчак» капитан 1-го ранга Н.А. Ольюнин¹⁵³, старший офицер «Чесмы» и бронепоезда лейтенант Ю.Н. Витте¹⁵⁴, командир миноносца «Бесстрашный» и затем плутонговый командир бронепоезда, и мичманы — граф Г. Гейден¹⁵⁵, барон Рокосовский¹⁵⁶, старший гардемарин А. Зайцев и др.

Только несколькими смельчакам, в том числе лейтенанту Яновицкому, инженеру-механику лейтенанту Миловскому¹⁵⁷ и старшему гардемарину Еловскому удалось отбиться и на лыжах пройти тяжелый путь до Финляндии.

Той же трагической судьбы не избежали находившиеся в Медвежьей Горе. Вместе с группами летчика лейтенанта А.Д. Мельницкого¹⁵⁸ и командира десантной роты лейтенанта Вуича были захвачены и расстреляны: лейтенант Е. Садовинский¹⁵⁹, лейтенант Добромислов¹⁶⁰, мичман Г. Католинский¹⁶¹, старший гардемарин А. Хмылинов-Вдовицкий, П. Светухин и др. Старший кадет Былим-Колосовский¹⁶² сумел бежать из Петрозаводска, но был во второй раз схвачен в нескольких километрах от финской границы и убит на обратном пути при конвоировании. Некоторые из захваченных сумели сбежать и пробраться к белым на юг России, но некоторым, в том числе гардемарину Ф. Каналоши-Лефлеру¹⁶³, избежавшим смерти весной 1920 года на севере России, не удалось от нее уйти осенью того же года при переходе через фронт в белый Крым. Нам также известно, как лейтенанту Е. Максимову с невероятными трудностями удалось уйти на лыжах из Медвежьей Горы в Финляндию, но и этот выдающийся офицер позднее погиб при повторном нелегальном переходе границы с разведывательной целью.

Только одной большой группе, составлявшей команду бронепоезда «Адмирал Непенин» (командир капитан 2-го ранга Н.М. Леман¹⁶⁴), сражающейся на Мурманском фронте, вместе с примкнувшими к ним другими офицерами и гардемаринами, удалось пробиться в Финляндию, где она была интернирована. Принимавшие участие в Белой борьбе и ушедшие в Финляндию гардемарины позднее прибыли на юг России. Участники же Белой борьбы в водах Ледовитого океана после падения Северного фронта, сняв замки с пушек кораблей, лишенных возможности двигаться, с боем прорвались в Норвегию (капитан 1-го ранга Поливанов¹⁶⁵).

«Были ли напрасны жертвы, принесенные на алтарь любви к Родине?» — с болью задает вопрос генерал Е.К. Миллер на одном из своих выступлений в Париже. «Не судят лишь победителя, а горе побежденным». История произнесет свой приговор, но печальна история народов, которые не знают героических подвигов во имя любви к Родине, ничтожна та страна, которая не сумела воспитать самоотверженных сынов!

Нам же, участникам этой борьбы, свидетелям той жертвенности, того огня, которым горели те, кто положил «душу свою за други своя», нам до конца дней наших судьба определила две задачи:

стараться выполнить то, что не было достигнуто сорок лет тому назад, и помнить и молиться за тех и следовать их примеру, кто смертью своей запечатлел свою любовь к Родине, кто, не спрашивая, шел и складывал свою голову в чуждых ему далеких северных лесах и тундрах за Родину.

На Каспийском море в 1918—1919 годах

Как неизбежное следствие большевистского переворота уже в начале 1918 года начала неудержимо разваливаться и наша Кавказская армия. По пятам разбегавшихся революционных войск на Кавказ двигались турки. Англичане, боясь, что турки вместе с немцами доберутся до Баку, то есть до драгоценной нефти, готовили на севере Персии «кулак» для противодействия нежелательным посягательствам.

Весь район Каспийского моря в те смутные годы буквально кипел: в Астрахани уже хозяйничали большевики, в Баку шла резня между татарами и армянами, власть же была в каких-то архиреволюционных руках; вдоль дороги Энзели—Решт разбойничала хорошо организованная шайка Кучик-хана; Казвин бурлил накапливающимися вооруженными силами генерала Данстервиля, так называемого Данстерфорса, и присоединившимся к нему отрядом генерала Бичерахова¹⁶⁶. Несмотря на развал и крушение фронта, генералу Бичерахову до известной степени удалось сохранить во вверенном ему отряде порядок и дисциплину. А главное, что они хотели и были готовы драться с большевиками.

В июне 1918 года бичераховцы выступили из Казвина в поход на Решт очищать дорогу для Данстерфорса от банд Кучик-хана. Заняв Баку, генерал Бичерахов направил все свои усилия на установление порядка и поддержание престижа русского имени. Но тут ему пришлось столкнуться с противодействием и открытым недовольством революционной матросни, составлявшей экипажи военных кораблей и порта и возглавляемой их «Центрокаспием» — комитетом с полубольшевистской окраской. Каспийская военная флотилия, состоявшая тогда из канонерских лодок «Карс» и «Ардаган» (с сильной артиллерией) и нескольких вооруженных пароходов, представляла собой скорей пиратскую вольницу, не признававшую никого и ничего.

Генералу Бичерахову надо было торопиться с уничтожением этого очага постоянных смут и большевистской заразы, для каковой цели он командировал в Черное море корабельного инженера поручика Н.А. Дремлюженко¹⁶⁷ с просьбой к морскому командованию прислать

кадровых офицеров и команды для ликвидации «Центрокаспия» и создания Добровольческой военной флотилии, при помощи которой можно было бы обеспечить тыл и правый фланг Добровольческой армии, продвигавшейся через Терскую область к побережью моря.

В Казвине в ту пору находилась небольшая группа морских офицеров, пробравшихся туда в разное время и различными путями, но с одной целью: всеми силами защищать интересы и честь русской земли, обкрадываемой и раздираемой на части не только явными недругами, но и ее «друзьями» и «союзниками».

Узнав от английского консула Макдональда, только что прибывшего в Казвин из Баку, все политические, фронтовые и иные новости и взвесив их, наши испытанные уже балтийцы: старший лейтенант Н.Н. Лишин¹⁶⁸, старший лейтенант Н.В. Потапов¹⁶⁹, лейтенант барон Нолькен и др. — поверили, что как Данстерфорс, так и организуемая в Энзели боевая английская флотилия ставят главной своей целью «помощь» в Белой борьбе, почти одновременно вспыхнувшей, правда отдельными очагами, по всем пограничным областям необъятной Российской империи.

С предлагаемой службой в составе английской флотилии русских моряков примиряли два важных обстоятельства: на английских кораблях будут подняты Андреевские флаги и, состоя в числе личного состава флотилии, они всегда будут в курсе эгоистично «мудрой» политики лукавого Альбиона, что во всяком случае необходимо для белого Верховного командования и бесценно для будущей объективно правдивой истории.

В феврале 1919 года группа морских офицеров, возглавляемых капитаном 2-го ранга Б.М. Пышновым¹⁷⁰, по распоряжению генерала Деникина должна была пройти из Черного моря эшелонем в порт Петровск на Каспийском море и положить начало морской добровольческой силы. Конкретно было сказано мало — были лишь высказаны благие пожелания. 4 марта эшелон выехал из Новороссийска и 22 марта прибыл в гавань Петровск, где был придан отряду генерала Пржевальского¹⁷¹ и нес для начала наряды гарнизонной службы.

Территория Петровского порта находилась в руках англичан, и там они имели несколько вооруженных среднекалиберной артиллерией больших коммерческих пароходов, несших дозорную службу северной части моря. 8 апреля отрядом Пышнова был получен первый «корабль» — моторный баркас «Успех» около 30 тонн водоизмещения, на котором бежал из Астрахани капитан 2-го ранга Ордовский-Танаевский¹⁷². Тотчас же на корабль были назначены лейтенант Р.Э. Вирен, мичман Вильгельминин¹⁷³, инженер-механик

мичман Колесников¹⁷⁴ и несколько надежных матросов. Баркас вооружили пулеметом и подняли русский национальный флаг, так как еще 1 марта 1919 года английское командование заявило, что присутствие Андреевского флага в Каспии невозможно! Переговоры капитана 2-го ранга Пышнова с главным английским командованием в Баку о передаче в его распоряжение отряда канонерских лодок «Карс» и «Ардаган» не увенчались успехом.

В середине апреля на Старо-Тереченскую пристань в 150 милях к северу от Петровска прибыла вторая группа офицеров и матросов и начальник флотилии капитан 1-го ранга А.И. Сергеев¹⁷⁵. Для переброски в Область Войска Уральского автоброневого дивизиона были заняты морские команды парохода «Самет-Ага» — командир старший лейтенант Н-ов, мичман А. Степанов¹⁷⁶ и другие, инженеры-механики мичман Экк¹⁷⁷, Трейер¹⁷⁸ и Ильин¹⁷⁹. «Эдиссон» — командир лейтенант Шепелев¹⁸⁰, мичманы Шейнерт¹⁸¹, Павлов¹⁸² и другие и инженеры-механики мичманы Нехорошев¹⁸³ и Литвинюк¹⁸⁴. 25 апреля трактористы под командой капитана 2-го ранга Пышнова прибыли в Гурьев, занятый белыми частями, и, успешно выполнив задание, к 4 мая вернулись в Петровскую гавань.

В середине мая 1919 года отряд английских вооруженных пароходов под командой командора Норриса имел бой с большевиками у 12-футовой банки у форта Александровск и якобы разбил находившиеся там суда красных. Между тем из имеющегося описания видно, что англичане не использовали до конца имевшиеся в их распоряжении силы, так как почему-то большевистские вооруженные корабли показали известную растерянность.

Адмирал Колчак во время доклада этой части в июне того же года в Омске забросал докладчика (старшего лейтенанта Лишина) вопросами: «Почему командор в первой части боя шел кильватерной колонной, а не развернутым строем? Почему ушли, имея возможность закончить бой как следует? Ведь большевики еще отвечали и вы не могли быть уверены, что вами нанесено решительное поражение? Почему не послали «Си-Эм-Би», которые были на Волге? Почему баржа «Волга» с шестидюймовыми пушками и полным запасом снарядов не была использована хотя бы в последней стадии боя?» — «Видимо, ответ надо искать в «плоскости политики», — только и мог сказать докладчик.

На второй день после боя английский отряд на обратном курсе был атакован двумя советскими миноносцами: «Финном» и «Эмиром Бухарским». Миноносцы шли параллельным курсом и, дойдя до траверза английского отряда, уменьшили ход. Несколько мгновений —

и английские суда взяты в «вилку». Залпы английских орудий давали большие недолеты, в то время как снаряды большевистских миноносцев ложились образцово точно и идеально по одинаковому расстоянию разрывов от английских судов. Миноносцы продолжали давать свои чередующиеся аккуратные недолеты и перелеты. Еще несколько раздражающих «вилок», и вдруг миноносцы развернулись и, дав полный ход, ушли в сторону форта Александровского.

— Ей-богу, будь я проклят, — выкрикнул командор, — какая чудесная стрельба, какая поразительно точная корректировка. Но почему же они все-таки не хотели нас топить?

— Потому что они не большевики, сэр, — ответил старший лейтенант Лишин, все время находившийся с Норрисом на мостике «Крюгера» (английский флагманский корабль).

27 апреля 1919 года на якорную стоянку английской флотилии у острова Чечень пришел небольшой пароходик яхточного типа «Чайка», направлявшийся из Петровска в Гурьев. На нем находился генерал Гришин-Алмазов¹⁸⁵ со штабом, отправлявшийся по поручению генерала Деникина к адмиралу Колчаку в Омск. Генерал Гришин-Алмазов и чины его штаба были приглашены на «Крюгер», где командор Норрис обошелся с ними исключительно любезно. Когда же выяснилось, что генерал Гришин-Алмазов, направляясь к Колчаку, собирается пройти на Гурьев (северо-восточный угол Каспия при впадении реки Урал в море), то командор просил его изменить курс на более безопасный и предложил генералу эскортировать его через море, плавание по которому было небезопасно ввиду частого появления в этих водах большевистских кораблей. Генерал согласился.

Так в первых числах мая 1919 года в утренние часы, при почти безоблачном небе и совершенно гладком море, «Крюгер» взял яхточку генерала Гришина-Алмазова на буксир и, с «Вентюром» в кильватере, двинулся к форту Александровскому. Не доходя десятка два миль до форта, командор приказал отдать буксир и передал в рупор, что генералу Гришину-Алмазову предлагается идти самостоятельно в форт Александровский, так как ему никакой опасности больше не угрожает.

Часа через два после того, как был отдан буксир и «Крюгер» и «Вентюр» скрылись за горизонтом, на пароходик генерала Гришина-Алмазова откуда-то налетел миноносец красных. Раненный в ногу, выпустив на нагрянувших большевиков почти все пули из своего револьвера, генерал застрелился. Офицеры штаба генерала Гришина-Алмазова были частью убиты в жестокой стычке, частью изранены и захвачены в плен живыми. Все документы попали в руки врага.

Это был удар, страшный своей неожиданностью и трагичностью. Помимо чисто человеческой трагедии, здесь был разрыв связи между генералом Деникиным и Верховным правителем России. Несомненно, что в руках генерала Гришина-Алмазова было много важнейших документов, докладов и планов, имевших крупное военное и политическое значение. Командор Норрис, конечно, не мог не знать, что Гурьев был в руках белых войск, а что на большевистской базе в форту Александровском стояли в готовности и нередко выходили в море вооруженные пароходы «Дело», «Бомбак», «Коломна» и переброшенные из Балтийского моря миноносцы «Деятельный», «Дельный», «Расторопный», «Финн» и «Эмир Бухарский».

Здесь, пожалуй, небезынтересно также вспомнить и «разговор» между капитаном 1-го ранга К. Шубертом¹⁸⁶, официально прибывшим в конце марта 1919 года на «Крюгер», и командором Норрисом. Капитан 1-го ранга Шуберт заявил, что в его распоряжении имеется морской офицерский и матросский состав и что он прибыл для того, чтобы восстановить русскую Каспийскую флотилию и, если понадобится, вооружить в придачу к ней несколько коммерческих пароходов. Командор категорически заявил, что не считает нужным иметь на Каспийском море другие силы, кроме тех, которые уже имеются. Вообще, разговор капитана 1-го ранга Шуберта с Норрисом не принес никаких результатов.

В первой половине мая 1919 года капитан 1-го ранга Шуберт, ничего не добившись от английского командования, решил организовать поход в Астрахань на рыбачьих парусниках, именуемых на местном наречии «рыбницами». Несмотря на видимую нелепость этого похода, настроение молодежи, покидавшей Петровск, было неудержимо бодрое. «Рыбницы» представляли собой палубные рыбачьи парусники, грузоподъемностью до тысячи пятисот пудов, в большинстве случаев двухмачтовые с гафельным вооружением.

Как и следовало ожидать, армада капитана 1-го ранга Шуберта, состоявшая из 10 «рыбниц», Астрахань не взяла, но с помощью Николая Угодника и благодаря храбрости молодых моряков, она в нужный момент помогла войскам генерала Драценко¹⁸⁷, наступавшим на Астрахань в направлении к северу от пристани Серебряковской. «Рыбницы» доставляли для отряда генерала Драценко муку, боевые припасы, перевозили раненых в ближайший тыл и пр. Несмотря на слабое вооружение (пулеметы, а на некоторых горные трехдюймовые пушки на колесных лафетах), армада выдержала не один «морской бой» с превосходящими силами красных, при минимальных потерях, как тяжелое ранение инженера-механика мич-

мана А. Ильина и двух-трех матросов. Эта армада была, в сущности, началом боевой Каспийской флотилии под Андреевским флагом!

В июне 1919 года англичане получили директивы приступить к постепенной ликвидации своей флотилии и капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) А.И. Сергеев начал с ними переговоры о передаче судов русскому командованию. Тогда же он организовал морской штаб. Начальником штаба был назначен капитан 2-го ранга Апушкин¹⁸⁸, которого позже сменил капитан 1-го ранга Рябинин¹⁸⁹. Начальник службы связи капитан 2-го ранга барон Фитингоф¹⁹⁰ приступил к установке на побережье ряда наблюдательных пунктов и радиостанций. Лейтенант Бузкой¹⁹¹ отправился в Область Войска Уральского для налаживания связи через этот промежуточный этап между Добровольческой армией и Верховным правителем адмиралом Колчаком, а также для установки в Гурьеве мощной радиостанции. У всех чувствовался подъем и желание как можно скорее в открытую, без «помех» сразиться с врагом.

В июне же генерал Деникин отдал приказ об откомандировании с фронта в Каспийскую военную флотилию всех морских офицеров, которые группами и поодиночке начали прибывать в порт Петровск. В июне и в июле, заслышав о создании белой флотилии, начали прибывать на своих парусниках рыбаки-астраханцы. Это были природные моряки, давшие флотилии надежных и храбрых матросов-добровольцев.

В июне из Баку пришли небольшие колесные пароходы «Араг» и «Кизил-Агач» и винтовой буксир «Доброволец». На «Араге» были установлены две 75-мм пушки, «Кизил-Агач» совершал регулярные рейсы между Петровском и Бирюзаком-Логанью, доставляя армии грузы и вывозя раненых. 3 июля произошла перестрелка парохода «Араг» (командир лейтенант Мацылев¹⁹²) с двумя пароходами красных и затем дозорным пароходом красных у устья Волги.

В июле же англичане передали восемь катеров и истребителей «Си-Эм-Би» и их базу, пароход «Кама» и одну 75-мм пушку и одну зенитку. 19 июля вспомогательный крейсер «Азия» (командир капитан 2-го ранга Пышнов), «Доброволец», «Кизил-Агач» и «Араг» поддерживали высадку десанта у Логани. Перестрелка с баржей с шестидюймовыми орудиями и с пароходами красных. 18 июля — передача англичанами парохода «Европа» (три тысячи тонн, 12 узлов, две шестидюймовки) и вслед за этим и других кораблей. 3 августа был бой канонерской лодки «Надежда» с большевистским пароходом, закончившийся уничтожением последнего. 8 августа, конвоируя транспорта, «Надежда» имела бой с тремя пароходами, 9 августа

ночной бой у Логани с тремя судами красных. 14 августа пароход «Араг» и канонерская лодка «Надежда» вошли в устье Волги и имели бой с двумя большевистскими пароходами. 15-го взорвался на mine заграждения и погиб в районе Логани вооруженный пароход «Араг». Было четверо убитых и несколько раненых.

К началу сентября флотилия состояла из шести или семи боевых кораблей: «Дмитрий Донской» (командир капитан 2-го ранга Бушен), «Слава», «Америка», «Кама» и «Волга», катер «Доброволец», канонерская лодка «Опыт» и канонерская лодка «Надежда». 10 августа был бой «Надежды» с большевистскими пароходами и двумя баржами с шестидюймовыми орудиями.

13-го, 14-го и 15 августа перестрелка с пятью пароходами и двумя баржами красных, 16 сентября был бой «Дмитрия Донского», «Славы» и «Америки» с двумя баржами, вооруженными шестидюймовыми орудиями. Одна баржа красных была уничтожена.

18 сентября красными была произведена воздушная атака на «Надежду», когда она вела бой с пароходом типа «Князь Косожский». Воздушные атаки производились 18-го, 20-го и 21 сентября. 22 сентября большевики снова появились в море, и навстречу им вышли «Надежда» и «Опыт». На широте Логани «Надежда» попала на минное заграждение, взорвалась и затонула. Все были спасены шлюпками с «Опыта». Ранены были двое: капитан 1-го ранга Марков, прибывший незадолго до похода на канонерку для изучения театра войны и знакомства с отрядом, и командир лейтенант Вирен. Оба тяжело.

«Надежде» действительно не повезло: в тот же день на большевистском паруснике была захвачена «Америкой» карта минных заграждений. «Америка» вышла в крейсерство к форту Александровский и на рассвете в районе 12-футового рейда обнаружила на горизонте парусник, который старший лейтенант Вакмут решил осмотреть. Обыск поначалу ничего не дал, обратили на себя внимание лишь «рыбаки», вид которых внушал подозрение. Повторный осмотр дал неожиданные результаты: под килем был укреплен минный аппарат с миной Уайтхеда, готовый к выстрелу. Экипаж был сплошь старые матросы-коммунисты, получившие большие деньги за попытку атаковать какой-либо из белых военных кораблей. Судом они все, за исключением лишь одного человека, были приговорены к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение как раз в день гибели «Надежды». Таковы суровые законы войны, в особенности гражданской.

Вскоре затем, в связи с общей политической и военной обстановкой, Каспийская флотилия была расформирована и личный состав, в главной массе через Месопотамию, проследовал во Владивосток, куда

прибыл 23 сентября 1921 года в числе 80 офицеров и свыше 200 матросов под командой последнего начальника штаба флотилии капитана 1-го ранга Пышнова. Имея в виду, что расформирование Каспийской флотилии в марте 1920 года происходило в очень сложной, чтобы не сказать «запутанной», политической обстановке, то здесь попробуем беспристрастно подойти к событиям тех дней.

Из личной переписки автора этих строк с одним из наиболее активных боевых офицеров Каспийской флотилии капитаном 2-го ранга А.П. Ваксмутом, ныне проживающим в Австралии, и старшим флаг-офицером командующего флотилией, лейтенантом А.И. Стилиным¹⁹³, ныне покойным, ликвидация белого Каспийского флота происходила при следующих условиях.

В дни эвакуации порта Петровск для Каспийской флотилии, казалось, было два выхода: а) предложение англичан использовать Энзели как базу флота, где русские суда останутся под Андреевским флагом в полной боевой готовности, и б) предложение азербайджанского правительства воспользоваться портом в Баку, и первая реальная помощь — снабжение судов флотилии нефтью.

Командующий флотилией адмирал Сергеев приказал судам идти в Энзели. Перед входом в порт англичане предъявили новые требования интернирования, состоящие из четырех пунктов: 1) спустить Андреевские флаги, 2) передать замки от орудий англичанам, 3) командному составу оставить личное оружие на судах и 4) занять предоставленные баракы, где все будут содержаться на положении военнопленных. Командующий флотилией приказал поднять сигнал и флотилии в полном составе идти в Баку.

Азербайджанское правительство предлагало весь личный состав флотилии принять на службу республики. Вопрос флага на судах оставался пока открытым, в случае же подхода к Баку флота красных флотилия вступит в бой под Андреевским флагом. О вновь сложившейся обстановке на заседании флагманов и командиров было решено доложить Главнокомандующему, с каковою целью адмирал Сергеев должен был отправиться к генералу Деникину. За время отсутствия адмирала Сергеева временно командующим флотилией был назначен капитан 1-го ранга Б.М. Бушен. По приезде в Батум адмирал Сергеев узнал, что генерал Деникин сдал командование генералу барону Врангелю. Удалось связаться с Крымом и получить распоряжение нового Главнокомандующего генерала Врангеля: Каспийской флотилии вступить на службу азербайджанскому правительству.

Вернувшись в Баку, адмирал Сергеев не нашел на рейде ни одного корабля своей флотилии — последнюю увел снова в Энзели капи-

тан 1-го ранга Бушен, опираясь на: 1) ранее изданный приказ генерала Деникина «идти в Энзели, где интернироваться, а не идти в Баку» и 2) документ, в котором англичане предлагали весьма приемлемые условия интернирования и от чего не замедлили цинично отказаться. В Баку оставались адмирал Сергеев, лейтенант Путилин¹⁹⁴, старший лейтенант Кулаков¹⁹⁵, Устинов¹⁹⁶ и другие офицеры, перешедшие затем к Врангелю, флотилия же интернировалась в Энзели с риском, что ее личный состав будет выдан англичанами при первом удобном случае большевикам, что и могло случиться во Владивостоке, если бы транспорт пришел туда раньше занятия города белым правительством братьев Меркуловых.

На Волге, Каме и сибирских реках

Почти одновременно с действиями белых флотилий на всех противобольшевистских фронтах борьбы, в северных водах, в Прибалтике, на Онежском озере, в Черном, Азовском и Каспийском морях, все интенсивнее развивалась упорная борьба по рекам Восточно-Европейской России и Сибири. Реки являлись водными путями, по которым перевозились войска и воинские грузы. В Волжско-Камском районе все главнейшие города, заводы и селения расположены на берегах рек, поэтому экономическая жизнь населения тесно связана с использованием речным транспортом.

Здесь мы должны, к глубокому сожалению, отметить один характерный и, можно сказать, традиционный для русской истории факт — это почти полное незнание сухопутных военачальников с сущностью морской и речной силы и ее исключительным значением в общем деле борьбы. Сухопутное командование, не взвешивая ту или иную возможность действий флота, ставило свои задачи в расчете, очевидно, на находчивость и интеллигентность моряков.

Если к этому прибавить, что сама организация «из ничего» белых речных флотилий была всецело предоставлена инициативе и способности моряков, то легко представить все исключительные трудности успешного ведения борьбы, и тем более в атмосфере полного равнодушия, если не недоброжелательства, как со стороны отравленной ложью основной массы населения.

После занятия в первых числах июня 1918 года чешскими легионами Самары, по пути их следования из русского плена на Владивосток, по инициативе мичманов Мейрера¹⁹⁷ и Ершова¹⁹⁸ было положено начало боевой Волжской флотилии. Ими были реквизированы

сильные буксиры: «Фельдмаршал Милютин» и «Вульф». Вскоре на зарождавшуюся флотилию прибыли еще несколько морских офицеров: капитан 2-го ранга Феодосьев¹⁹⁹, старшие лейтенанты Фомин²⁰⁰, Четвериков²⁰¹, Розенталь²⁰², Степанов²⁰³, лейтенант Дмитриев и др.

С чрезвычайной трудностью удалось убедить наше армейское командование да и чехов, в чьих руках были пушки, поставить на баке «Милютина» и «Вульфа» по одной трехдюймовке. Когда полковник Каппель²⁰⁴, двигавшийся со своим отрядом по правому берегу Волги, встретил сильное сопротивление большевиков у села Климовка, молодая флотилия пришла ему на помощь и прижатых к реке красноармейцев добивала картечью. Правый берег Волги был очищен от красных до самого Симбирска, флотилия же увеличилась на один вооруженный винтовой буксир, в перестрелке отнятый у противника. Таким образом, после каждой стычки с красными белая флотилия росла и усиливалась.

В середине августа Волжская флотилия была уже развернута в три дивизиона, имевших от шести до восьми судов в каждом. Суда были вооружены сухопутными трехдюймовыми и 42-мм пушками и пулеметами, имея по одному орудию на корме и одному на носу. Кроме того, были вооружены две плавучие батареи, имеющие по два шестидюймовых орудия Шнейдера с крайне ограниченным запасом снарядов. На судах флотилии были подняты Андреевские флаги, взамен черно-желтого Георгиевского флага, как было введено в Народной Армии Каппеля, личный состав которой носил на шапках вместо кокарды георгиевские ленточки.

В силу создавшейся общеполитической и военной обстановки завладение Казанью, для успеха Белого движения, являлось необходимым и неотложным. Ко времени похода на Казань сами собой уже запросились некоторые изменения в командном составе флотилии. Так, при командующем мичмане Мейрере начальником штаба боевой флотилии был утвержден старший лейтенант Фомин, начальником Первого дивизиона — капитан 2-го ранга Феодосьев и т. д.

Со взятием Казани в должность командующего Волжской боевой флотилией вступил контр-адмирал М.И. Смирнов²⁰⁵. В связи со стратегическим планом сухопутного командования через месяц Казань пришлось эвакуировать. Первому дивизиону флотилии было поручено вывезти находившийся там золотой запас в Самару, по данным банка, около 660 миллионов рублей золотом. Задача была выполнена. По окончании этой операции первый дивизион был назначен под командованием капитана 2-го ранга Феодосьева прикрывать отступление армии за Каму, а остальные суда, с адмиралом Смирновым во

главе, пошли вверх по Каме, впадающей в Волгу верстах в шестидесяти от Казани. В продолжение четырех дней Первый дивизион, состоявший из четырех кораблей, удерживал натиск красной флотилии, раз в пять численно большей. Так закончилась Волжская кампания и началась кампания Камская.

Почти одновременно с происходившими переменами общего положения на фронте изменился не только состав и общая тенденция правительства освобожденных областей, но и местопребывание самой политической власти. Из нижеприведенных двух документов уже ясно намечался дальнейший ход истории борьбы за национальную Россию. 18 ноября 1918 года по телеграфу во все концы Сибири были переданы следующие сообщения.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, Совет Министров, с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства, постановил принять на себя полноту верховной государственной власти. Совет Министров постановил: «Ввиду тяжелого положения Государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках, Совет Министров постановил передать временно осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».

Адмирал Колчак со своей стороны обратился к населению со следующим воззванием: «Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне — адмиралу Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам! Верховный Правитель, адмирал Колчак. 18 ноября 1918 г. Город Омск».

Начальный период управления адмирала Колчака много сложнее, чем могло казаться. После переворота 18 ноября 1918 года все события, носившие до того времени местный характер, стали общегосударственными. Только в этот период сказывается на всех событиях реша-

ющее значение интервенции. Взаимоотношения Омского правительства с союзниками на фоне взаимоотношений самих союзников — это один из основных факторов трагической истории адмирала Колчака. Российский характер власти с претензиями на представительство интересов всей России, в связи с признанием адмирала как Верховного правителя генералами Деникиным, Юденичем и Миллером, сделали Омск центром, определявшим направление общей политики национальных антибольшевистских сил. Характеристика важнейших мероприятий Омского правительства выявляет поэтому политическую физиономию всего антибольшевистского движения этого периода. Союзники как будто и поддерживают это движение, но их участие в борьбе оказывается настолько бессистемным, проникнутым такой нерешительностью и часто непонятной неопределенностью, что его отрицательные стороны перевешивают положительные.

Деятельность образовавшегося при Омском правительстве Морского министерства, во главе с военным и морским министром адмиралом Колчаком, осенью 1918 года выразилась в следующем:

1. Во Владивостоке была сформирована Сибирская флотилия в составе нескольких миноносцев и транспортов, там же производилось формирование команд для Амурской флотилии, которая была захвачена японцами еще летом 1918 года и возвращение которой, по их уверениям, можно было ожидать вскоре. Общее командование морскими силами Дальнего Востока было поручено контр-адмиралу С.Н. Тимиреву, а впоследствии весной 1919 года его сменил контр-адмирал М.Г. Федорович²⁰⁶.

2. В Красноярске организовалась Бригада морских стрелков под начальством контр-адмирала Ю.К. Старка. В бригаду вошли все воинские чины Волжской флотилии численностью около двухсот человек.

3. В Томске функционировала машинно-моторная школа, давшая около двухсот учеников машинистов и мотористов на флотилию.

4. Во Владивостоке была открыта радишкола, сформирована морская учебная команда и поддерживалось существование ранее сформированного Морского корпуса и т. д.

В силу многих причин, от Морского министерства не зависящих, а прежде всего в связи с распоряжениями и требованиями сухопутного начальства, начатая было работа не была проведена, как намечалась. Например, Бригада морских стрелков, намечавшаяся в шесть тысяч человек, получила всего 1500 совершенно необученных и не одетых людей, а Амурская флотилия так и не была передана русскому командованию японцами.

Ноябрь и декабрь 1918 года были употреблены Морским министерством на усиленную подготовку материальной части для будущей Камской флотилии и на разработку планов ее вооружения и организации, но уже в течение этой работы оказалось, что у Морского ведомства в Сибири нет никакого вооружения, а что армия не может дать для этого ни одной пушки, ни одного пулемета. Между тем в конце декабря 1918 года белыми войсками была взята Пермь, где было захвачено большое число пароходов, годных для вооружения; разведка же доложила, что красными на Сормовских заводах в Нижнем Новгороде спешно вооружается громадная флотилия, причем на суда устанавливаются четырехдюймовые и 120-мм пушки, снятые с кораблей в Кронштадте. Общее руководство всей морской артиллерийской частью лежало на капитане 2-го ранга Розентале, офицере отличной подготовки и выдающейся энергии, и лейтенанте В.С. Макарове²⁰⁷, опытном артиллерийском офицере, совершенно исключительных способностей, как организационных, конструктивных, так и боевых. Морское командование серьезно готовилось к началу навигации. К весне 1919 года удалось создать два батальона морских стрелков, собранных из числа мобилизованных людей, около двух тысяч человек. Командиром морских стрелков был назначен контр-адмирал Ю.К. Старк, командиром 1-го батальона — капитан 2-го ранга Н.Н. Степанов, 2-го батальона — капитан 2-го ранга П.В. Тихменев.

Командующим всей боевой флотилией на реке Каме в апреле 1919 года был назначен контр-адмирал М.И. Смирнов, начальником штаба — капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин. Флотилия состояла из 12 хорошо вооруженных судов. 3 мая 1919 года Камская боевая флотилия начала кампанию. На всех кораблях были подняты Андреевские флаги. На теплоходе «Волга», где помещался штаб флотилии, был отслужен молебен.

Начальник штаба Верховного командования генерал-майор Лебедев²⁰⁸ не давал никаких указаний относительно плана кампании, как и командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда²⁰⁹, который также не высказывал определенных мыслей. Было ясно, что сухопутное командование действует без плана. В силу этого морскому командованию предстояло действовать также по обстановке. Упорный и решающий бой 24 мая у Святого Ключа сильно поднял дух личного состава нашей флотилии, так как показал, что, несмотря на превосходство неприятеля в силе и дальности артиллерии, мы могли успешно сражаться с ним, благодаря преимуществу нашего личного состава. За весь этот период непрекращающейся упорной борьбы с переменным успехом на берегах Камы флотилия поддерживала ар-

мию сколько могла. Больших сражений было еще три: у Гольян, Бабок и Сюзовы.

Приблизительно в те же дни — середины 1919 года — на всех фронтах Белой борьбы был испугавший красных и встревоживший союзников очевидный успех белых армий и флота. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант Деникин издал приказ № 145 от 30 мая 1919 года о подчинении адмиралу Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему Русских Армий. Кавказская армия под командованием генерала барона Врангеля 19 июня заняла Царицын, в связи с чем тотчас же с Черноморского театра войны был командирован в Царицын для формирования флотилии на нижнем течении Волги адмирал Е.Н. Заев и переброшен дивизион катеров (8) под командой капитана 2-го ранга А.П. Ваксмута, который, сдав катера капитану 2-го ранга Потемкину, бывшему там морским начальником, продолжил с группой офицеров путь, согласно общему распоряжению штаба, в Петровск на Каспийском море. 20 июня генерал Деникин отдал директиву армии идти на Москву; поход Северо-Западной армии генерала Юденича на Петроград и т. д.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак объявил свой знаменитый приказ от 25 июня 1919 года за № 153, из которого приведем здесь лишь несколько характерных для переживаемого тогда момента пунктов:

«Но... близится час суда и расплаты, и армия русская свершит этот суд над предателями Родины, продавшимися вечному врагу — немцам для осуществления сумасшедших попыток основать международное социалистическое государство, лишенное национальности, веры, права и чести. И в эти дни создания Армии Великой и Нераздельной России, я от имени нашей Святой Родины приношу глубокую благодарность Главнокомандующим и Командующим армиями, офицерам и солдатам и казакам, преклоняюсь перед великими трудами, страданиями и кровью, пролитой во имя ее блага и счастья...»

«С непоколебимой верой в светлое и славное будущее России и народа русского и армии русской продолжайте свой великий подвиг служения... *Адмирал Колчак*».

4 августа 1919 года Пермь была занята большевиками. При эвакуации с Камы флотилия имела еще около трех тысяч матросов и свыше 100 офицеров. Но в Омске часть людей, главным образом артиллеристы, были переданы в армию, часть выделена в состав вновь созданной Обь-Иртышской флотилии, а главное ядро в числе 1500 человек при 70 офицерах под командой капитана 2-го ранга П.В. Тихменева пошло

на создание Морского учебного батальона. Ротными командирами были старший лейтенант Гессе²¹⁰, лейтенант Де Кампо-Сципион²¹¹, мичман Мейерер и еще один сухопутный офицер.

В начале сентября Учебный батальон был выслан на фронт и с этого момента вплоть до полного истребления непрерывно находился в боях, будучи назначаем на самые ответственные участки фронта. В одном из штыковых боев 12 сентября 1919 года пали геройской смертью командир батальона капитан 2-го ранга П.В. Тихменев, один из ротных командиров лейтенант Де Кампо-Сципион, 12 офицеров и доброволец восемнадцатилетний Олег Заварин. Принимавший все близко к сердцу, не выдержав нервного напряжения, застрелился старший лейтенант Гессе. Это был выдающийся, образованный и храбрый офицер Балтийского флота, в период Белой борьбы уже отличившийся в Камской боевой флотилии.

В Обь-Иртышской флотилии было сделано следующее изменение сформированного 2-го дивизиона для плавания по Оби, Иртышу, Товде, Тоболу и другим притокам. Командиром флотилии был назначен капитан 1-го ранга Феодосьев, начальником 1-го дивизиона — капитан 2-го ранга Гутан²¹², начальником 2-го дивизиона — старший лейтенант Гакен²¹³. Начальником 1-го дивизиона был назначен вместо погибшего старший лейтенант Макаров, который в исключительно тяжелых условиях, прорывая неприятельские линии, при поддержке артиллерийского огня с кораблей высаживал десанты в тылу у неприятеля. Так продолжалось до 10 октября 1919 года, когда старший лейтенант Макаров был отправлен со своим дивизионом в Омск. На реке Тура мученически погиб со всем экипажем «Александра Невского», в районе неприятельского расположения, капитан 2-го ранга Гутан, захваченный обманом в ловушку красными.

Конечно, только что сказанное не охватывает и десятой доли всех действий Обь-Иртышской группы, как, например, поход за баржами в тылу красных, большой десант у деревни Новой, непрерывные бои, высадка и захват укрепленных позиций армии красного маршала Блюхера у Усть-Ишимы в конце сентября 1919 года и пр.

В силу создавшейся обстановки Обь-Иртышская флотилия, после блестящей деятельности под Тобольском и на Иртыше, с наступлением холодов тянулась к Томску, где после катастрофы на фронте все корабли оказались отрезанными от тыла и попали в руки красных. Так, около Красноярска погиб командующий Обь-Иртышской флотилией капитан 1-го ранга П.П. Феодосьев и около 20 морских офицеров, когда отступавшую группу окружили большевики. Вообще же из офицеров, бывших на Камской флотилии, лишь немногие, в силу

случайно счастливо сложившихся обстоятельств, избежали общей участи и при исключительно тяжелых условиях добрались до Дальнего Востока.

Между тем поступки и действия союзного командования в отношении Верховного правителя адмирала Колчака вызвали уже не только сомнения в их искренней помощи, но открытое возмущение, что можно заключить хотя бы из следующего приказа.

Владивосток. Генералу Розанову

Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить. Интересы государственного спокойствия требуют присутствия во Владивостоке русских войск. Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права Российского Правительства!

Сообщите Союзному Командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют.

Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь в крайнем случае ни перед чем!

Об этом моем повелении уведомяте также Союзное Командование.

12 ч 45 мин. 29 сентября 1919 г.

Адмирал Колчак

Твердость адмирала произвела должное впечатление и еще больше укрепила его авторитет в рядах национальных русских сил, но, видимо, срывала планы союзников, и они решили бороться с ним путем закулисной подрывной работы, ловко связав ее с тайной, но крайне упорной работой большевиков. Не входя здесь в подробности «достойной» работы союзников, перейдем сразу к ее результатам.

В то время как в центре Сибири происходила тяжелая драма войск, брошенных с изменой чехов на произвол судьбы, окруженных со всех сторон врагами и не желавших сдаваться, в Иркутске происходило торжество. Революция с негласной помощью «союзников» побеждала. Без обозначения числа распространялся манифест Политического Центра. «Волею восставшего народа и армии, — говорилось в манифесте, — власть диктатора Колчака и его Правительства, ведущих войну с народом, низвергнута. Атаманы Семенов²¹⁴ и Калмыков²¹⁵, генерал Розанов²¹⁶ и адмирал Колчак объявляются врагами народа» и т. д. и т. д. «К труду и свободному самоуправлению зовет

вас, граждане Сибири, Политический Центр (январь 1920 г.)». Манифест был подписан председателем Политического Центра Ф. Федоровичем, товарищем председателя И. Ахматовым, членами: Фельдманом, Гольдманом и др.

Но где же был в это время «враг народа» адмирал Колчак? Так же, как и правительство, он попал в ловушку... По распоряжению французского генерала Жанена и при непосредственном участии чешского генерала Сирового чешский конвой задержал в Нижнеудинске Верховного правителя при его возвращении с фронта и, не позволив ему тронуться с места, лишил его связи с внешним миром. В тот же день, то есть 4 января 1920 года, в Ставке, в Нижнеудинске, в присутствии Председателя Совета Министров Пепеляева, адмирал Колчак подписал свою отставку.

5 января 1920 года, в соответствии с указом об отставке, адмирал Колчак, несмотря на горячие протесты и предостережения своего верного ближайшего военного окружения, распустил свою охрану и вместе с Пепеляевым перешел в поезд союзников, которые гарантировали ему проезд на восток. Вагон 2-го класса, куда был переведен Верховный правитель, был защищен всеми национальными союзными флагами: английским, американским, французским, японским и чешским. На станции Иннокентьевская под Иркутском, занятой войсками Политического Центра, поезд был задержан. Адмиралу было объявлено, что его дальше не повезут, и союзное командование передало его вместе с Пепеляевым представителям Политического Центра.

Чтобы решить участь адмирала Колчака, очевидно давно уже кем-то решенную, меньшевики и эсеры быстро организовали «чрезвычайную следственную комиссию» меньшевиков и эсеров. В эту комиссию вошли: К.А. Полов, Чудновский, В.П. Денике, Г.Г. Лукьянчиков и Н.А. Алексеевский. Комиссия начала свою деятельность 21 января 1920 года и закончила 6 февраля 1920 года. 7 февраля 1920 года в 4 часа утра в окрестностях Иркутска были казнены, вернее убиты: Верховный правитель России А.В. Колчак и его первый министр В.Н. Пепеляев. Их трупы, чтобы скрыть следы величайшего злодеяния, были спущены под лед реки Ангары.

Адмирал, по личным убеждениям, и почти вся русская антибольшевистская общественность были на стороне союзников, рассматривая борьбу с большевиками как продолжение германской войны. Не здесь ли кроется одна из наших основных ошибок, не была ли наша борьба с большевиками несравнимо более значительной для всего мира, чем наша война с Германией? Не была ли великой ошибкой наша союзническая ориентация? Пожалуй, ответ на этот большой

вопрос дан самими союзниками и на Северном белом фронте устами главнокомандующего английскими вооруженными силами Северной области генерала Пуля, что «с большевиками они не воюют».

Нельзя не признать, что адмирал Колчак погиб за чужие грехи, и свободный мир должен понять, что предательство по отношению к адмиралу — великое злодеяние не только перед Россией, лишившейся одного из лучших своих вождей, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в центре антибольшевистского движения — Омске, которые приняли под свое покровительство адмирала на станции Иннокентьевская, и, наконец, перед историей.

История Гражданской войны на Волге, Каме и сибирских реках столь же захватывающе интересна, сколько сложна и трагична. Остается только пожалеть, что узкие рамки настоящего очерка не позволяют сколько-нибудь подробнее остановиться на описании и разборе всех военных операций.

Гардемарины на Дальнем Востоке

3 октября 1917 года Отдельные гардемаринские классы под общим начальством капитана 1-го ранга М.А. Кितिцына²¹⁷ были отправлены из Петербурга во Владивосток для учебного плавания. Учебный отряд состоял из вспомогательного крейсера «Орел» (командир старший лейтенант Афанасьев²¹⁸) и миноносцев «Бойкий» (командир лейтенант Недлер²¹⁹) и «Грозный» (командир лейтенант Якушев²²⁰). Капитан 1-го ранга Кितिцын ставил себе задачей воспитание гардемарин по новой учебной программе с расширенными практическими знаниями и на основе тех традиций, которыми жил двести лет Российский флот и которые должны были послужить здоровой базой для новых кадров офицеров.

Известия о большевистском перевороте дошли до отряда в Гонконге. Среди команд началась агитация и подготовка захвата кораблей и уничтожение неугодных офицеров и гардемарин. Капитан 1-го ранга Кितिцын, которому уже было известно о перевороте в России, снесся с послом в Лондоне через военно-морского агента в Японии контр-адмирала Б.П. Дудорова и получил возможность при поддержке английских морских властей сделать обратный переворот.

В назначенный день и час русский консул прибыл на «Орел» и прочитал бумагу, по которой все революционные нововведения отменялись и старые уставы и дисциплина вводились на отряде, начальником коего назначался капитан 1-го ранга М.А. Кितिцын. Не желавшим подчи-

ниться было предложено вернуться во Владивосток на английском вспомогательном крейсере «City of London». Матросы бросались было к оружию, но всюду уже стоял караул из гардемарин, которые заняли посты во всех ответственных частях корабля. Из матросов на «Орле» остался только один. Гардемарины были распределены по всем специальностям от сигнальщиков и комендоров до трюмных и кочегаров включительно. Миноносцы стали к стенке. «Бойкий» был сдан англичанам в Гонконге, а через некоторое время «Грозный» передан французам в Сайгоне. «Орел», обратившийся из вспомогательного крейсера в учебный транспорт, стал в ожидании лучшего возить грузы между Гонконгом, Сайгоном и Хайфонгом.

В ноябре 1918 года распоряжением прибывшего в Сибирь адмирала Колчака были направлены во Владивосток все гардемарины Морского корпуса, Морского инженерного училища и Отдельных гардемаринских классов, а также юнкера флота. Из Индокитая в том же ноябре прибыла первая большая партия — пять офицеров и 62 гардемарина. В Шефнеровских казармах, в помещении школы специалистов было восстановлено Морское училище. В апреле 1919 года Морскому училищу пришлось принять участие в военных действиях против красных.

Летом велись практические занятия гардемарин на канонерской лодке «Маньчжур» — брeid-вымпел начальника учебного отряда капитана 1-го ранга Кितिцына. К «Маньчжур» был тогда же прикомандирован миноносец «Смелый». В учебный отряд входили: посыльное судно «Якут», ледоколы «Улисс» и «Диомид». В декабре вернулись во Владивосток из-за границы миноносцы «Бойкий» и «Грозный» и вспомогательный крейсер «Орел»; таким образом гардемаринский отряд увеличился вдвое.

К половине января 1920 года, после того как взбунтовалась инструкторская школа на Русском острове, во всем Приморье единственными надежными воинскими частями остались Морское училище и Военно-морская учебная команда — 70 матросов под командой известного уже нам капитана 2-го ранга Потолова. Ввиду создавшегося критического положения была решена эвакуация Владивостока. Командующий морскими силами контр-адмирал М.А. Беренс приказал начальнику училища капитану 1-го ранга Кितिцыну сформировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии, исключая миноносцы. Увы, их оказалось по разным причинам немного. М.А. Кितिцыну удалось захватить только «Орел», «Якут» и ледокол «Байкал».

Гардемарины снова были распределены по всем специальностям. На корабли были взяты около 500 человек флотилии с членами их се-

мейств, но с выходом еще медлили. Обстановка была очень сложная. Помимо несогласия между морским и сухопутным командованием, на Владивостокском рейде стояли корабли союзников. Они не хотели разрешать отхода отряда из Владивостока. Только личное вмешательство японского флагмана разрешило вопрос.

Ночью с 30-го на 31 января 1920 года контр-адмирал Беренс прибыл на «Орел» и дал приказ об эвакуации. В 5 часов утра ледокол «Байкал», ломая лед, начал выводить «Орла» и «Якута» из Золотого Рога. Большую опасность представляли батареи Русского острова, но они не проявили признаков жизни. Ледокол «Байкал», пожелав счастливого плавания, вернулся затем во Владивосток. «Орел» и «Якут» направились в Цуругу, имея небольшой запас провизии, довольно много консервов и нормальный запас угля. В Цуруге эвакуированные офицеры и их семьи съехали на берег. Съехали и контр-адмирал Беренс, капитан 2-го ранга Потолов и некоторые офицеры училища. Капитан 1-го ранга Кителин принял командование «Орлом».

Начальник Морского училища и отряда особого назначения капитан 1-го ранга Кителин решил из Японии пробраться в Европу, тем более что мысль о переводе Морского училища из Владивостока в Севастополь давно уже родилась в его голове. Суда из Цуруги пошли в Маджи и дальше в Гонконг и Сингапур. Там они починились, получили для перевозки новый груз и вышли в Калькутту, сделав небольшую остановку на Адаманских островах, где произвели учебный десант на берег. Дальше Цейлон, Сейшельские острова, Аден и Порт-Саид, где неожиданно застряли. В Порт-Саиде капитан 1-го ранга Кителин впервые достоверно узнал, что в Крыму Белая армия закрепилась и продолжает борьбу с большевиками.

Между тем положение отряда становилось катастрофическим: кончились уголь, вода и провизия, не говоря уже о невозможности идти куда-нибудь, английский командир порта отказал даже дать разрешение сняться с якоря. Тогда капитан 1-го ранга Кителин поставил ультиматум английскому высокому комиссару в Египте, что если через 36 часов не будут даны уголь, вода и провизия, как и официальное разрешение выйти в море, то он выведет корабли и затопит их поперек Суэцкого канала. Действие этого ультиматума было магическое: не прошло двух часов, как англичане предоставили судам отряда все необходимое, и «Орел» и «Якут» 12 августа 1920 года пришли в Адриатическое море и стали на якорь в Дубровнике.

Здесь «Орел» был возвращен Добровольному флоту, «Якут» же получил предписание идти в Севастополь, взявши по дороге в Константинополе небольшой груз военного снаряжения. На него перешел

капитан 1-го ранга Кителин с частью офицеров, с 49 корабельными гардемаринами и 65 гардемаринами 2-й и 3-й рот, которые и пошли в Крым. В Крым «Якут» пришел лишь к эвакуации, как и «Илья Муромец» из Белого моря и «Китобой» из Балтийского, сошедшие все трое в Севастополе. Все гардемарины, пришедшие на «Якуте», автоматически влились в Севастопольский морской корпус.

«Флотилия» в водах Дальнего Востока 1921—1922 годов

26 мая 1921 года объединенными усилиями антибольшевистских организаций во Владивостоке был произведен переворот. Восставшие в городе каппелевцы получили подкрепление: со стороны моря на барже, буксируемой катером, показался десантный отряд под командой капитана 2-го ранга Соловьева²²¹. Этот отряд, составленный почти исключительно из чинов флота, был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем с судов, но все же, несмотря на большие потери, высадился у памятника Невельскому и ворвался в порт. Через два дня во Владивостоке наступило полное спокойствие. командующим войсками и флотом был назначен генерал-лейтенант Вержбицкий²²², а командующим Сибирской флотилией — капитан 2-го ранга Соловьев. В период, непосредственно следовавший за переворотом, Сибирская флотилия насчитывала 25 судов.

18 июня 1921 года вступил в командование Сибирской флотилией прибывший во Владивосток контр-адмирал Старк. На основании статьи 63 Морского устава командующий флотилией созвал военный совет под своим председательством в составе контр-адмирала В.И. Подъяпольского²²³, контр-адмирала В.В. Безуара²²⁴, инженера-механика генерал-лейтенанта А.И. Ухлина²²⁵, военного инженера полковника А.И. Ярона²²⁶, капитана 1-го ранга А.Н. Пелля²²⁷, капитана 1-го ранга Н.Ю. Фомина, капитана 1-го ранга Н.С. Харина²²⁸ и старшего лейтенанта Г.С. Серебренникова²²⁹, вынесший следующую резолюцию:

«1. Флот должен считать, что единственным врагом Российского Государства в данный момент являются коммунисты. Посему все находящиеся в Крае национальные силы должны быть направлены к борьбе с ними.

2. Все разногласия, происходящие в среде военно-сухопутного командования, ни в коем случае не должны отражаться на флоте, который в междоусобных действиях не должен принимать никакого участия, сохраняя во внутреннем строе своем полную независимость,

памятуют, что все чины флота и Морского ведомства служат делу Единой России и несут перед ней всю полноту ответственности за честь Андреевского флага и вверенное им имущество.

3. Флот в целом подчиняется Военному Командованию, которое выкажет способность объединить все национальные вооруженные силы Края и будет признано Краевым Правительством, опирающимся на Народное Собрание.

4. В настоящий момент все чины Флота и Морского Ведомства на Дальнем Востоке должны подчиниться исключительно Командующему Флотилией, контр-адмиралу Ю.К. Старку, в порядке служебной подчиненности и исполнять все его распоряжения беспрекословно».

Утвердив это постановление, командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Старк отдал по флотилии приказ от 1 июня 1921 года № 120, закончив его требованием от всех чинов флота и Морского ведомства полного подчинения, забвения личных интересов и спокойной и дружной работы на общее благо. Эти мероприятия вывели флотилию с арены политической распри и позволили заниматься текущей работой.

К осени 1921 года корабли имели некоторое вооружение и винтовки, неофициально полученные от японского морского командования, под предлогом необходимости вооружения морской милиции. К октябрю была сформирована из добровольцев отдельная рота морских стрелков.

23 сентября 1921 года личный состав флотилии неожиданно получил многочисленное и хорошее по своему составу пополнение. Во Владивосток прибыл пароход «Франц Фердинанд», привезший из Месопотамии интернированных русских беженцев, среди которых находился личный состав Каспийской флотилии под командой капитана 1-го ранга Б.М. Пышнова, числом около 80 офицеров и свыше 200 матросов всех специальностей. Этот отряд, как известно отступивший через Энзели и Персию в Месопотамию, после крушения южно-русского правительства генерала Врангеля был взят англичанами и содержался на положении интернированных в лагере Танум, вблизи порта Басра. В августе 1921 года англичане посадили весь отряд на уходящий из Месопотамии транспорт «Франц Фердинанд» и доставили во Владивосток.

С прибытием месопотамцев боеспособность Сибирской флотилии значительно повысилась, не только в смысле уровня технических знаний в среде личного состава, но и в политическом отношении. Люди этого отряда, из которых часть была участниками похода генерала Корнилова, часть из Морской роты капитана 1-го ранга Потемкина

и большинство — балтийцы, были чужды приморских специфических ориентаций и потому, не раздираемые никакими внутренними интригами политического характера, внесли с собой то дружное настроение, которое всегда необходимо для успеха работы.

Прибытие с ними нескольких молодых штаб-офицеров и лейтенантов позволило командующему флотилией произвести замену некоторых чинов своего штаба и командиров кораблей. Временно исполняющим обязанности начальника штаба и флаг-капитана по распорядительной части был назначен вновь прибывший капитан 2-го ранга А.П. Ваксмут, вместо контр-адмирала Подъяпольского, который остался лишь в должности директора маяков и лоций Тихого океана. Капитан 2-го ранга Гарковенко²³⁰ был назначен флаг-капитаном по оперативной части вместо уволенного от службы лейтенанта Прозорова²³¹. Капитан 2-го ранга С. Ильвов, лейтенант И. Тихомиров и старший лейтенант М. Сафонов²³² были назначены командирами миноносцев «Твердого», «Инженера-механика Анастасова» и «Бойкого»; старший лейтенант Буцкой был назначен командиром посыльного судна «Илья Муромец». Была учреждена должность флагманского интенданта, на которую был назначен старший лейтенант В. Гинтер²³³. Плавучие средства порта, укомплектованные раньше вольнонаемным составом, были заменены военными служащими из числа прибывших на «Франце Фердинанде». Заведующим плавучими средствами был назначен капитан 1-го ранга Пышинов, который и оставался в этой должности до конца пребывания белой флотилии во Владивостоке.

В конце августа 1922 года командующий флотилией адмирал Старк был назначен начальником тыла, и на флотилию с принадлежащими ей сухопутными частями легли следующие задачи: 1. Охрана Владивостока. 2. Борьба с партизанами на полуострове Муравьев-Амурский в Посьетском районе. 3. Охрана побережья Татарского пролива. 4. Поддержка блокады побережья залива Петра Великого к востоку от Владивостока. 5. Оборона Камчатки. 6. Охрана звериных и рыбных промыслов и лесных богатств в районе побережья, занятого белыми. 7. Доставка пополнений и грузов отряду генерала Пепеляева на побережье Охотского моря. Вся эта работа потребовала исключительного напряжения состава флотилии.

25 августа 1922 года, когда «Илья Муромец» (командир старший лейтенант Буцкой) со взводом морских стрелков вышел из Владивостока и до 31 августа держался в районе Джигит—Терней—Самарга, — кораблем был захвачен японский моторный катер с тремя вооруженными партизанами, шедший с почтой от красного начальства из Тетюхэ в Терней. Факт этот подтверждает сведения, что красные за деньги

пользовались японскими судами и катерами для перевозки небольших частей и почты! 28 августа началась эвакуация японскими войсками Спасского района, а затем в течение сентября и Владивостока.

26 сентября правитель издал указ, в коем говорилось, что ввиду критического положения все силы и средства должны быть обращены к защите края. Согласно указу временно закрывались все высшие учебные заведения и военные училища, для призыва учащихся в войска призывалось ополчение: во Владивостоке 4000 человек и в Никольске 700 человек, формировались офицерские батальоны, ратники снабжались теплой одеждой из средств городских самоуправлений и, по готовности, немедленно отправлялись на фронт, и образовывался особый фонд на нужды войны.

Между тем красные, подтянув резервы, начали обнаруживать особую активность на фронте. Уже 6 октября через офицера для связи при штабе рати адмирал Старк получил от Правителя следующую телеграмму:

«Срочно Владивосток Начальнику Тыла, адмиралу Старк для личного расширения»:

По приказанию Правителя срочно передаю Начальнику Тыла: шестого октября (1922) вполне определенлся переход противников к активным действиям с участием подкреплений, прибывших из Забайкалья. Несмотря на частичные успехи наших контрударов, недостаток ружейных патронов ясно мне указывает, что борьба не может быть затяжной, ибо отстаивать упорно территорию одной артиллерией и холодным оружием против пулеметов и ружейного огня не представляется возможным. В такой обстановке меня беспокоят семьи армии во Владивостоке. Подготовьте необходимые плавучие средства, чтобы в крайности перебросить семьи на Русский Остров.

Дитерихс Кавторанг Четвериков».

В октябре же началась эвакуация. Из частных судов и пароходов Добровольного флота был составлен отряд транспортов. Всего эвакуации подлежало 10 тысяч человек, считая в том числе несколько сот раненых, для которых попечением Правителя было зафрахтовано два японских парохода. Эвакуация Владивостока протекала, во всех деталях строго следуя секретному оперативному приказу командующего Сибирской флотилией от 23 октября 1922 года № 26. Этот приказ, рассчитанный по часам, был выполнен в совершенном порядке, точно в назначенные сроки. К 11 часам ночи 24 октября Владивосток был очищен белыми частями. Красные вступили в город, очищенный

японцами, в 10 часов утра 25 октября, но не имели плавучих средств для преследования флотилии белых.

В ночь на 26 октября корабли, в количестве 25, сосредоточились в Посьете. Кроме того, находились еще суда флотилии на Камчатке, на пути из Охотского моря и на пути разных пунктов побережья, около десятка боевых судов. Все эти корабли с находившимися на них войсками и беженцами направлялись в японский порт Гензан, находившийся в 360 милях от Посьета. Будущее флотилии было окутано мраком, а пока была борьба со стихией при совершенно невероятной обстановке.

Командующий флотилией адмирал Старк в этих условиях мог лишь в известной мере руководствоваться письменными указаниями тогдашнего русского морского агента в Токио адмирала Б.П. Дудорова. Дальше... Фузан, Шанхай... Утром 4 декабря 1922 года, когда дивизионы находились на расстоянии 150—180 миль от Шанхая, внезапно налетел сильный шквал с норд-оста, превратившийся в шторм силой в 8—9 баллов. Когда флотилия стянулась на рейде Вузунг в Ян-цзы-Кианге, то не досчитались флагманского корабля дивизиона «Лейтенанта Дыдымова». Обстоятельства гибели «Лейтенанта Дыдымова» так и остались невыясненными. На нем погибли начальник 3-го дивизиона капитан 1-го ранга Соловьев с семьей, командир старший лейтенант Семенец²³⁴, старший лейтенант Недригайло²³⁵ и около 80 человек команды и пассажиров-кадет. Еще раньше, тоже в непогоду, утонул катер «Ретвизанчик» и выскочил на песчаный берег катер «Усердный». Пароходы Добровольного флота «Сишан» и «Томск», застигнутые событиями в японских портах после эвакуации Камчатки, не без вмешательства японцев ушли... в красный Владивосток.

В январе 1923 года флотилия, изнуренная всевозможными неудачами и лишениями, как и до крайности потрепанная штормами, прибыла в Филиппины. Там часть кораблей была продана, часть же за негодностью брошена, а большинство личного состава, кто как умел и имел возможность, перебросилось в Австралию, Новую Зеландию, Северную и Южную Америку, Китай, Европу и т. д.

Крымская эвакуация.

Исход русского флота (октябрь—ноябрь 1920 года)

Хотя черноморский белый фронт в начале 1920 года был достаточно силен, чтобы держать под контролем не только побережье занятого добровольческими армиями Крымского полуострова, но и все

берега Черноморско-Азовского бассейна, — общая политическая обстановка внешнего мира складывалась не в пользу планов, намеченных Главнокомандующим юга России.

В связи с приказом командующего Черноморским флотом адмирала Саблина от 20 июня 1920 года № 4896 военный флот, разделенный на три отряда, состоял из свыше 120 судов. С момента перенесения всей борьбы в Крым и назначения Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России генерала барона П.Н. Врангеля было дано секретное приказание, на случай неуспеха на фронте перешейков, выработать план эвакуации армии, флота и учреждений из Крыма в Константинополь.

Секретным отношением начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 4 апреля 1920 года за № 002430, на имя командующего флотом, Главнокомандующий приказал, соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости около 100 тысяч человек в Константинополь. Для этого предлагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки с таким расчетом, чтобы было можно начать посадку на суда через 4—5 дней после начала отхода с перешейков. При этом давались пункты посадки и численное распределение войск по портам.

Наш неперменный долг вспомнить и здесь оценить по заслугам труды командующих Черноморским флотом вице-адмиралов Саблина и Ненюкова, начальника штаба контр-адмирала Николая²³⁶, начальника Морского управления вице-адмирала Герасимова, флагмана инженера-механика генерал-лейтенанта Ермакова²³⁷, контр-адмирала Евдокимова и подчиненных им лиц.

12 октября 1920 года командующим Черноморским флотом и начальником Морского управления был назначен контр-адмирал М.А. Кедров²³⁸, заменивший больного и через несколько дней скончавшегося вице-адмирала Саблина, а начальником штаба одновременно был назначен контр-адмирал Н.Н. Машуков.

27 октября 1920 года командующим флотом были назначены в порты посадки старшие морские начальники, коим были даны соответствующие инструкции на случай эвакуации. В Евпаторию был назначен контр-адмирал Клыков²³⁹, в Ялту — контр-адмирал Левитский²⁴⁰, в Феодосию — капитан 1-го ранга Федяевский²⁴¹ и в Керчь — начальник 2-го отряда судов контр-адмирал М.А. Беренс.

30 октября командующий флотом послал следующую срочную телеграмму за № 0063:

«Генералу Кутепову, генералу Абрамову, командиру конного, начдиву Кубанской и комжору Донского.

Пароходы для войск поставлены по портам согласно директивам Главкома. Эвакуация может быть обеспечена, только если на Севастополь выступят первый и второй корпуса, на Ялту конный корпус, на Феодосию кубанцы и на Керчь донцы. Если же войска будут отступать не по дислокации, то никого не увезти. Убедительно прошу выполнить дислокацию и дать флоту возможность исполнить свой долг перед армией. Командующий флотом адмирал *Кедров*».

После того как последний солдат был посажен на корабль и в Севастополе больше ни одной военной части не оставалось, в 14 часов 50 минут 2 ноября 1920 года прибыл с Графской пристани на крейсер «Генерал Корнилов» Главкомандующий генерал Врангель в сопровождении ближайших чинов штаба и отдал приказание сниматься с якоря. На борту крейсера были штаб Главкома, штаб командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семь офицеров и команды крейсера и пассажиры — всего 500 человек.

Небезынтересно сказать здесь несколько слов об эвакуации Морского корпуса. 30 октября баржа «Тилли», нагруженная тюками и ящиками с обмундированием, книгами, съестными припасами и всякой утварью, подошла к борту линейного корабля «Генерал Алексеев», стоявшего в Южной бухте. Под руководством капитана 1-го ранга Н.Н. Александрова²⁴² весь день и всю ночь кадеты перегружали корпусное имущество. Старшие из кадет заняли караульные посты у погребов, в кочегарках и у механизмов, охраняя их от возможного саботажа со стороны уходивших на берег матросов.

С разрешения капитана 1-го ранга Александрова одно отделение гардемарин оставалось в помещении корпуса. На стоявшую у корпусного мола угольную баржу они погрузили все корпусное хозяйство и провиант и отбуксировали этот «Ноев ковчег» к «Генералу Алексею», который таким образом был обеспечен свежим мясом. Старший офицер корабля старший лейтенант А.Н. Павлов²⁴³ проверил наличие команды и пассажиров. Командир «Генерала Алексеева» капитан 1-го ранга Борсук²⁴⁴ около полуночи 31 октября дал ход.

Все вышедшие 31 октября из Евпатории суда благополучно прибыли в Константинополь, и только небольшой катер «Язон», шедший на буксире парохода «Эльпидифор», обрубив ночью буксиры, ушел, видимо в Севастополь. На «Язоне», кроме команды в 10—15 чело-

век, никого посторонних не было. Все вышедшие 1-го и 2 ноября из Ялты суда благополучно выдержали переход через бурное в ту пору Черное море. Последний русский корабль — вооруженный ледокол «Гайдамак» под флагом контр-адмирала Машукова покинул Ялту в 13 часов 15 минут 2 ноября. Все суда, вышедшие из Феодосии, кроме канонерской лодки «Кавказ», которую ввиду трудности ее буксировки комендант парохода «Владимир» приказал затопить в море, сняв с нее людей и Андреевский флаг (ныне находящийся в музее О.О.Р.И.Ф. в Нью-Йорке), благополучно пришли в Константинополь утром 4 ноября.

4—5 ноября были вывезены из Керчи не только войска, отходившие на Керчь, в числе гораздо большем, чем предполагалось, но и войска, пришедшие из Феодосии и там, за нехваткой тоннажа, не взятые. Перегрузка людьми была такова, что люди не могли даже сидеть, а приходилось чуть ли не весь переход стоять плечом к плечу. Пресной воды вообще в Керчи очень мало, и запасы ее были минимальные, и на многих из кораблей вода была на походе выпита, даже вся вода из недействующих котлов, с примесью масла и пр. Все же суда, вышедшие из Керчи, выдержав в Черном море nord-остовый шторм силой в семь баллов, пришли в Константинополь, потеряв лишь эскадренный миноносец «Живой». На миноносце находились лейтенант Нифонтов²⁴⁵, гардемарин Скупенский²⁴⁶, пять человек команды и 250 человек пассажиров, главным образом офицеров Донского полка. Когда по приходе всех судов в Босфор выяснилось, что эскадренный миноносец «Живой» не пришел, то совместно с русскими судами было послано в море на поиски «Живого» и несколько французских военных судов; по всем данным, миноносец погиб при налетевшем шторме.

Еще 3 ноября 1920 года французский адмирал Дюмениль по радио обратился к Главнокомандующему со следующим приветствием:

«Генералу Врангелю:

Офицеры и солдаты Армии Юга в продолжение 7-ми месяцев под вашим командованием подали великолепный пример храбрости, сражаясь с противником в 10 раз сильнейшим, дабы освободить Россию от постигшей тирании. Но борьба эта была чересчур неравная, и вам пришлось покинуть вашу Родину. По крайней мере, вы имеете удовлетворение в сознании великолепно проведенной эвакуации, которую французский флот, подавший вам помощь, счастлив видеть хорошо законченной. Ваше дело не будет бесполезным, население Юга быстро сумеет сравнить вашу власть, справедливую и благожелательную, с мерзким режимом Советов, и вы тем самым окажете помощь воз-

вращению разума и возрождению вашей страны, что желаю, чтобы произошло в скором времени.

Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко кланяются перед генералом Врангелем, дабы почтить его храбрость».

Находясь еще в море, Главнокомандующий послал следующую радиотелеграмму в Константинополь А.В. Кривошеину²⁴⁷ для широкого распространения:

«Русская Армия, оставшись одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности, не смогла отразить натиск во много раз сильнеего противника, перебросившего войска с польского фронта. Я отдал приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской Армии придется перетерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму. Таких почти не оказалось. Все казаки и солдаты Русской Армии, все чины Русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела. Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем спасти Армию и население от мести и надругания. Всего из Крыма ушло около 150 000 человек и 120 судов Русского флота.

Настроение войск и флота отличное, у всех твердая вера в конечную победу над коммунизмом и в возрождение нашей Великой Родины. Отдаю Армию, Флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из Великих Держав, оценившей мировое значение нашей борьбы».

3/16 ноября все русские корабли, как военные, так и коммерческие, вышедшие из портов Крыма, кроме одного эскадренного миноносца «Живой», пришли в Царьград и стали на якорю на рейде Мода. Эвакуация закончилась. Русский флот, несмотря на все свои недочеты, преодолевая все трудности, отлично справился с выпавшей на его долю труднейшей задачей. Еще 3 ноября, в море, приказом Главнокомандующего за № 2207 командующий Черноморским флотом контр-адмирал Кедров был произведен за особые отличия по службе в вице-адмиралы. Несколько позже был произведен в генерал-лейте-

нанты начальник морского транспорта инженер-механик генерал-майор Ермаков.

Командующий флотом 4 ноября, в море, отдал следующий приказ за № 5:

«Флагманы, командиры, офицеры и матросы Черноморского Флота. В неравной борьбе нашей с неисчислимыми превосходными силами противника, Русской Армии, истекающей кровью, пришлось оставить Крым. На доблестный Черноморский Флот выпала исключительная по трудности задача: почти без иностранной помощи своими средствами и силами в весьма кратчайший срок, в осеннее время нужно было подготовить и эвакуировать из Крыма армию и часть населения, общей численностью около 150 000 человек. Черноморский Флот, сильный своим духом, блестяще справился с этой задачей. Из всех портов Крыма, в 3-дневный срок, почти одновременно, по составленному заранее плану, транспорты, перегруженные до крайности, под прикрытием военных судов вышли в Константинополь. Одновременно были выведены на буксирах все находившиеся в ремонте большие суда и плавучие средства, имеющие какое-нибудь боевое значение. Противнику оставлены только старые коробки со взорванными еще в прошлом году иностранцами механизмами.

Наш Главкомандующий, желая отличить такую исключительную работу флота, произвел меня, вашего Командующего Флотом в вице-адмиралы. Низко кланяюсь и благодарю вас за эту честь. Не ко мне, а к вам относится эта награда. Не могу не отметить исключительной работы моего Начальника Штаба контр-адмирала Машукова. Не буду говорить об этой работе его — вы ее все видели, оценили и откликнулись, следствием чего явилась ваша доблестная и исключительная по достигнутым результатам работа. Адмирал *Кедров*».

8/21 ноября Главкомандующий отдал следующие два приказа:

№ 4187

«Тяжелая обстановка, сложившаяся в конце октября для Русской Армии, вынудила меня решить вопрос об эвакуации Крыма, дабы не довести до гибели истекавшие кровью войска в неравной борьбе с наседавшим врагом. Вся тяжесть и ответственность за успех предстоявшей работы ложилась на доблестный наш флот, бок о бок с армией разделявший труды и лишения Крымского периода борьбы с угнетателями и насильниками Родины.

Трудность задачи, возлагавшейся на флот, усугублялась возможностью осенней погоды и тем обстоятельством, что, несмотря на мои предупреждения о предстоящих лишениях и тяжелом будущем, около полутора ста тысяч русских людей — воинов, рядовых граждан, женщин и детей — не пожелали подчиниться насилию и неправде, предпочтя исход в неизвестность. Самоотверженная работа флота обеспечила каждому возможность принятого им решения. Было мобилизовано все, что не только могло двигаться по морю, но даже лишь держаться на нем.

Стройно и в порядке, прикрываемые боевой частью флота, отрывались один за другим от русской земли перегруженные пароходы и суда, кто самостоятельно, кто на буксире, направляясь к дальним берегам Царьграда.

И вот перед ними невиданное в истории человечества зрелище: на рейде Босфора сосредоточилось свыше сотни российских вымпелов, вывезших многие тысячи российских патриотов, коих готовилась уже залить красная лавина своим смертоносным огнем.

Спасены тысячи людей, кои вновь объединены горячим стремлением выйти на новый смертный бой с насильниками земли русской. Великое дело это выполнено Российским Флотом, под доблестным водительством его контр-адмиралом Кедровым.

Прошу принять Ваше Превосходительство и всех чинов военного флота от старшего до самого младшего мою сердечную благодарность за самоотверженную работу, коей еще раз поддержана доблесть и слава Российского Андреевского флага.

От души благодарю также всех служащих коммерческого флота, способствовавших своим трудом и энергией благополучному завершению всей операции по эвакуации Армии и населения из Крыма.

Генерал *Врангель*».

№ 4771

«Эвакуация из Крыма прошла в образцовом порядке. Ушло 120 судов, вывезено около 150 000 человек. Сохранена грозная русская военная сила.

От лица службы приношу глубокую благодарность за выдающуюся работу по эвакуации Командующему Флотом вице-адмиралу Кедрову, генералам Кутепову, Абрамову, Скалону, Стогову, Барбовичу, Драценко и всем чинам доблестного Флота и Армии, честно выполнявшим работу в тяжелые дни эвакуации.

Генерал *Врангель*».

Реорганизация флота в эскадру

По приходе флота в Константинополь и после начала демобилизации пароходов, а также вспомогательных военных судов и расформирования служб и учреждений, ставших теперь излишними, наименование флот не соответствовало уже по своему количеству и составу Русским вооруженным силам, а потому Черноморский флот приказом командующего флотом за № 11 от 21 ноября 1920 года переименован в Русскую эскадру. Командующий эскадрой старший флагман вице-адмирал М.А. Кедров. Начальник штаба Русской эскадры контр-адмирал Н.Н. Машуков.

1-й отряд: младший флагман контр-адмирал П.П. Остелецкий. Линейный корабль «Генерал Алексеев» — командир капитан 1-го ранга И.К. Федаевский, крейсер «Генерал Корнилов» — командир капитан 1-го ранга В.А. Потапьев, вспомогательный крейсер «Алмаз» — командир капитан 1-го ранга В.А. Григорков²⁴⁸.

Дивизион подводных лодок (начальник старший из командиров): подводная лодка «Буревестник» — командир старший лейтенант Оффенберг²⁴⁹, подводная лодка «Утка» — командир капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев²⁵⁰, подводная лодка «Тюлень» — командир капитан 2-го ранга М.В. Копьев²⁵¹, подводная лодка «АГ-22» — командир старший лейтенант К.Л. Матыевич-Мациевич²⁵², база подводных лодок транспорта «Добыча» — командир капитан 2-го ранга Краснопольский²⁵³.

2-й отряд: младший флагман контр-адмирал М.А. Беренс. Эскадренный миноносец «Пылкий» — командир капитан 2-го ранга А.И. Кублицкий²⁵⁴, эскадренный миноносец «Дерзкий» — командир капитан 1-го ранга Н.Р. Гутан 2-й²⁵⁵, эскадренный миноносец «Гневный», эскадренный миноносец «Цериго», эскадренный миноносец «Капитан Сакен» — командир капитан 2-го ранга А.А. Остолопов, эскадренный миноносец «Жаркий» — командир старший лейтенант А.С. Манштейн, эскадренный миноносец «Звонкий» — командир старший лейтенант М.М. Максимович²⁵⁶, эскадренный миноносец «Зоркий» — командир капитан 2-го ранга В.А. Зилев²⁵⁷.

3-й отряд: младший флагман контр-адмирал А.М. Клыков. Канонерская лодка «Страж» — командир капитан 2-го ранга К.Г. Люби²⁵⁸, канонерская лодка «Грозный» — командир старший лейтенант Р.Э. фон Вирен, канонерская лодка «Якут» — командир капитан 1-го ранга М.А. Китицын, канонерская лодка «Лукулл» — командир старший лейтенант Б.Н. Степанов²⁵⁹. Тральщики: «Альбатрос»,

«Баклан», «Китобой» — командир лейтенант О.О. Ферсман. Сторожевой катер «Капитан 2-го ранга Медведев». Гидрографические суда: «Казбек» и «Вежа» — командир штабс-капитан по адмиралтейству Е.А. Поляков²⁶⁰. Буксиры: «Черномор» — командир капитан 2-го ранга В.А. Бирилев, «Голланд» — командир лейтенант Н.В. Иваненко²⁶¹, «Бельбек», «Севастополь».

4-й отряд: младший флагман инженер-механик генерал-лейтенант М.П. Ермаков. Ледоколы: «Илья Муромец» — командир капитан 2-го ранга И.С. Рыков, «Всадник» — командир старший лейтенант Ф.Э. Викберг²⁶², «Джигит», «Гайдамак» — командир капитан 1-го ранга В.В. Вилькен²⁶³. Транспорт: «Дон» — командир капитан 1-го ранга С.И. Зеленый²⁶⁴, «Крым» — командир штабс-капитан по адмиралтейству Я.С. Андросов²⁶⁵, «Далланд» — командир капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный, «Шипка» — капитан 2-го ранга Д.К. Нелидов²⁶⁶, «Самара» — командир контр-адмирал А.Н. Заев, «Екатеринодар» — командир капитан 2-го ранга Н.А. Ивановский²⁶⁷.

Транспорты: «Рион», «Инкерман», «Поти», «Ялта», «Сарыч», «Осторожный», «Туркестан», «Ольга» (Сухум), «Заря», «Псезуапс», «№ 410» (Вера), «№ 412», «№ 413».

Добровольного флота: «Владимир», «Саратов», «Колыма», «Иртыш», «Херсон», «Витим», «Омск» и «Доброволец».

Дунайского пароходства: «Александр Невский», «Русь», «Моряк» и «Адмирал Кашерининов».

Русского Константинопольского порта: «Радость», «Трапезунд», «Надежда», «Днепр» и «Почин».

Буксиры: «Днепровец», «Иппокай», «Скиф» и «Чурубаш».

В распоряжение командующего эскадрой: линейный корабль «Георгий Победоносец» — командир капитан 2-го ранга П.П. Савич²⁶⁸, транспортная мастерская «Кронштадт» — командир капитан 1-го ранга К.В. Мордвинов²⁶⁹, учебное судно «Свобода» — командир старший лейтенант А.Г. Рыбин²⁷⁰.

Для обслуживания Русской эскадры начальником базы, подчиненным непосредственно командующему Русской эскадрой, был назначен контр-адмирал А.И. Тихменев.

11 декабря в 11 часов 50 минут Главнокомандующий, простившись с офицерами и командой крейсера «Генерал Корнилов», съехал с крейсера на яхту (посыльное судно) «Лукулл», куда и перенес свой флаг. На «Генерале Корнилове» был поднят флаг командующего эскадрой. Перед уходом эскадры в Бизерту Главнокомандующий, прощаясь с ней, отдал приказ № 197 от 7 декабря 1920 г.

«Славный Черноморский Флот!

После трехлетней доблестной борьбы Русская Армия и Флот вынуждены оставить Родную Землю. Наша союзная Франция оказала нам свое гостеприимство. Флот уходит в Бизерту — Северное побережье Африки. Армия располагается в окрестностях Царьграда. Русские солдаты и моряки, боровшиеся вместе за счастье Родины, временно разлучены. Провожая вас, орлы Русского Флота, шлю вам мой сердечный привет. Твердо верю, что красный туман, заставший нашу Родину, рассеется и Господь сподобит нас послужить еще Матушке-России.

Русский орел расправит свои могучие крылья и взвоет над Русскими моряками бессмертный Андреевский флаг!

Генерал Врангель».

Бизерта. Морской корпус. Храм-памятник

Русская эскадра покинула Константинополь 8 декабря 1920 года и пришла в Бизерту 22—23 декабря. С приходом в чужие воды, в совершенно новых условиях жизни и работы на кораблях, произошли прежде всего коренные изменения в штабе эскадры, подсказанные самой обстановкой: и. д. командующего Русской эскадрой был назначен контр-адмирал М.А. Беренс, начальником штаба — контр-адмирал А.И. Тихменев, старшим флаг-офицером — мичман А. Лесафт²⁷¹, офицером для связи с морским префектом — старший лейтенант Ю.В. Соловьев, флагманским инженером-механиком — генерал-майор В. Максименко и т. д.

Морской префект адмирал Варрней, идя навстречу просьбе контр-адмирала Машукова, предоставил Морскому корпусу на выбор один из находившихся в районе Бизерты лагерей или форт Джебель-Кебир. Комиссия под председательством капитана 1-го ранга Александрова остановила свой выбор на форте для размещения воспитанников и на находившемся в одном километре лагере Сфаят для персонала и складов. 13 января 1921 года воспитанники были переведены на берег. В результате в корпусе оказалось 17 офицеров-экстернов, около 235 гардемаринов, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 человек семейств.

Семьи офицеров эскадры были помещены на приспособленном для общежития бывшем линейном корабле «Георгий Победоносец». Командиром корабля-общежития, стоявшего уже без одной трубы, мачт и флага у мола Бизертской гавани, был назначен контр-адмирал М. Подушкин²⁷².

Казалось, жизнь в новых и необычайных условиях постепенно, но уверенно входила в колею... Все работали «не за страх, а за совесть», веря, надеясь и ожидая скорую возможность возвращения в родные воды. В 10 часов утра 30 октября 1924 года морской префект вице-адмирал Эксельманс прибыл на эскадренный миноносец «Дерзкий», где к этому времени были собраны все командиры и свободные от службы офицеры и корабельные гардемарины. Адмирал Эксельманс объявил о признании Францией СССР... и... С заходом солнца были спущены Андреевские флаги с тем, чтобы более не подниматься.

Одновременно с грустной церемонией спуска флагов на судах Русской эскадры была ограничена деятельность и Морского корпуса. Оставшиеся гардемарины и кадеты на форту Джебель-Кебир с 1921 года были переведены в лагерь Сфаят, но и здесь дни корпуса были уже сочтены. Сигнал «разойтись» прозвучал в Африке, в лагере Сфаят вблизи Бизерты 6 мая 1925 года. За время существования корпуса, открытого в Севастополе 17 октября 1919 года, через его учебную программу прошло 394 воспитанника, из которых получили аттестаты 300 человек. Итак, Бизертский Морской корпус — это последнее звено тех перипетий, которые испытала «Навигацкая школа», созданная Петром Великим 14 января 1701 года.

В храме-памятнике, воздвигнутом русскими белыми моряками в 1936 году в Бизерте, в 1950 году сооружена мраморная доска, на которой вырезаны имена всех кораблей, пришедших из Крыма в африканские воды на Рождество 1920 года. Флаг последнего командующего последней Русской эскадрой контр-адмирала М.А. Беренса хранится в музее О.О.Р.И.Ф. в Нью-Йорке.

*Н. Боголюбов*²⁷³

ПОСЫЛЬНОЕ СУДНО «КИТОБОЙ»²⁷⁴

«Китобой» был единственным кораблем красного Балтийского флота, который во время боев под Красной Горкой в июне 1919 года спустил красный флаг, поднял Андреевский и перешел на сторону наступающих частей Северо-Западной армии генерала Юденича.

Обстоятельства этого перехода, до сих пор еще нигде полностью не опубликованные, были таковы (материалом для нашей статьи послужили докладная записка инженера-механика мичмана С.Н. Чистякова²⁷⁵ и вахтенный журнал посыльного судна «Китобой»).

С 11 июня 1919 года «Китобой», входивший в то время в состав 3-го дивизиона сторожевых судов, находился в дозоре на подходах к Кронштадту, между маяками Толбухином и Шепелевом. 13 июня он был свидетелем как перехода форта Красная Горка на сторону белых, так и артиллерийской дуэли между ним и линейными кораблями «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». В тот же день в 16 часов сторожевое судно «Якорь» подошло к «Китобою» для смены с дозора. «Якорь» был под брейд-вымпелом начальника 3-го дивизиона сторожевых судов ст. лейтен. Моисеева, который для возвращения в Кронштадт перешел на «Китобой».

Начальник дивизиона, командир «Китобоя» мичман В.И. Сперанский и дивизионный механик инженер-механик мичман Чистяков спустились в кают-компанию и здесь впервые обсудили возможность перехода на сторону белых.

Приводим дословные выдержки из докладной записки инженера-механика мичмана Чистякова: «...18.30 — падение 12-дм снаряда у нашего борта, и в 18.35 мы срочно снимаемся с якоря, «Якорь» идет нам в кильватер. 18.37 — падение 12-дм снаряда справа от кормы. Красная Горка стреляет по «Китобою», по-видимому предполагая, что мы корректируем стрельбу лин. кор. «Андрей Первозванный» и «Петропавловск»... Наступил острый психологический момент. Настроение у команды встревоженное и нерешительное. На вопрос Начальника дивизиона с мостика: «Куда идти?» боцман и еще несколько человек показали руками на запад... 19.35 — спустили красный флаг и подняли Андреевский. Увидев это, «Якорь» круто положил руля на борт, обстрелял нас из пулемета и пошел в Кронштадт, дав радио, что «Китобой» уходит... 19.40 — получили радио из Кронштадта: «Китобою» немедленно вернуться, иначе эскадренный миноносец «Свобода» (бывший «Владимир») догонит и потопит. Когда увидели со стороны Кронштадта быстро приближающийся дым, то приблизились к берегу, намереваясь выброситься в случае подхода «Свободы». В 20.10 вошли в Батарейную бухту, где и стали на якорь...»

Закончим историю перехода «Китобоя» на сторону белых и последовавшего незаконного захвата его англичанами на основании следующих выдержек из вахтенного журнала «Китобоя»:

«Пятница 13 июня... 20.15 — Начальник дивизиона и дивизионный механик съехали на берег для того, чтобы войти в связь с белыми войсками...»

20.25 — Правее Шепелева показался дым, и с берегового поста сообщили: «Идет эскадренный миноносец «Свобода».

20.28 — Эскадренный миноносец «Свобода» повернул на ост, обстрелянный батареей «Серая Лошадь». (Береговая батарея «Серая Лошадь» к тому времени тоже перешла на сторону белых. — *Примеч. авт.*)

Суббота 14 июня... 20.35 — Снялись с якоря. Вышли по назначению (в Копорскую губу). С нами идет командир Ингерманландского полка (одна из белых частей, наступавшая вдоль Финского залива. — *Примеч. авт.*).

21.08 — Изменили курс... Слева за кормой показался дым, по-видимому, эскадренный миноносец типа «Новик».

21.15 — Нас преследует эскадренный миноносец типа «Новик», идет южным берегом, расстояние семь миль.

21.16 — «Серая Лошадь» открыла огонь. Падение слева и под носом у миноносца, который сейчас же повернул обратно.

23.05 — Подошли к мысу Дубовскому... Видны две подводные лодки и английский миноносец. Дали малый ход.

23.15 — Застопорили машину. Стали на якорь.

23.18 — Начальник дивизиона и дивизионный механик на шлюпке пошли к подводным лодкам.

23.45 — К левому борту подошла английская лодка «L-11». К правому борту подошла шлюпка с миноносца с английскими офицерами и матросами.

23.50 — Началось разоружение и грабеж «Китобоя» англичанами.

23.55 — Спущен Андреевский флаг и поднят английский...»

В конце января 1920 года команда «Китобоя», стоявшего в то время в Ревеле, находившемся в руках эстонцев, дезертировала. Для того чтобы сохранить Андреевский флаг и спасти корабль для России, командующий морскими силами юго-западного правительства контр-адмирал В.К. Пилкин отдал приказ об укомплектовании «Китобоя» холостыми морскими офицерами, находившимися в то время в отряде быстроходных катеров, в танковом батальоне и на бронепоездах. Командиром был назначен лейтенант О.О. Ферсман. Так как эстонцы намеревались захватить корабль и отказали в дальнейшей выдаче угля, на «Китобой» были погружены мокрые дрова, купленные на частном рынке, на средства, отпущенные адмиралом Пилкиным.

Около полудня 15 февраля, обманув внимание эстонских часовых с помощью случайно подошедших английских офицеров, «Китобой» по личному приказу адмирала Пилкина отдал швартовы и вышел на полузамерзший Ревельский рейд, приготовив к бою свои две 75-мм

пушки и подав к ним свой боевой запас, состоявший из 30 снарядов. Как выяснилось позже, корабли эстонского флота из-за зимнего ремонта и разобранных турбин не могли выйти в погоню. Идя на дровах через непротраленные минные заграждения ходом не свыше четырех узлов, «Китобой», следуя письменному приказу адмирала Пилкина (см. приложение), дошел до Либавы, находившейся в то время в руках латвийского правительства.

После столкновения с местными латвийскими властями, пытавшимися задержать и купить маленький корабль, «Китобой» наконец получил от англичан запас угля и 27 февраля вошел на Копенгагенский рейд. Здесь выяснилось, что Северный фронт генерала Миллера пал и, таким образом, первоначальный план похода в Мурманск неосуществим.

Тем временем англичане, не желавшие появления Андреевского флага в европейских водах, решили захватить «Китобой» на том основании, что он якобы сделался их законным призом в июне 1919 года. Согласно телеграмме британского адмиралтейства, переданной командиру «Китобоя», корабль после необходимого ремонта должен был быть послан в Англию с английской командой и с русской командой в качестве пассажиров.

Отвергнув это требование и отказавшись допустить на борт прибывшую английскую ремонтную команду, лейтенант Ферсман через русского посланника в Дании и российского морского агента в Лондоне предъявил протест против действий англичан и заявил, что без боя он «Китобой» не сдаст. В ожидании же возможных попыток захватить корабль Ферсман приказал приготовить все находящиеся на борту пулеметы, а также заложить подрывные патроны, с тем чтобы в крайнем случае вывести корабль на внешний рейд и там его взорвать.

Благодаря вмешательству Вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны, находившейся в то время в Копенгагене, и моральной поддержке датчан, французов и славянских стран британское адмиралтейство вняло хлопотам нашего морского агента адмирала Волкова²⁷⁶ и в конце концов официально отказалось от своих притязаний на «Китобой».

В июле 1920 года «Китобой» покинул наконец Копенгаген и вышел в свой долгий поход вокруг Европы в Черное море. Так как германское правительство на основании своего договора с советской Россией отказало кораблю в праве прохода через Кильский канал, через два часа после своего прибытия «Китобой» должен был покинуть Киль и, чтобы выйти в Северное море, обогнуть весь Ютландский полуостров.

Волокита с выдачей средств, ассигнованных на поход в Париже, частые поломки изношенной машины, недостаток опытных кочегаров и машинной команды послужили причиной того, что наш маленький, в 230 тонн, корабль, обогнув всю Европу, добрался до Черного моря только 12 ноября 1920 года (нового стиля). Из 37 человек команды, вышедшей на нем из Ревеля, к этому времени на нем осталось только девять офицеров и один нижний чин.

Подойдя к Севастополю, мы узнали о начавшейся эвакуации. «Китобой» принял в ней деятельное участие и вернулся в Константинополь, имея на буксире эскадренный миноносец «Звонкий». Оттуда он уже в составе Русской эскадры совершил переход в Бизерту, где и закончил свою жизнь как русский военный корабль в 1923 году.

Чем же замечательна история этого маленького «Китобоя», который по воле судьбы за свою короткую 16-летнюю жизнь побывал не только под Андреевским флагом, но и под флагами пяти иностранных держав? Конечно, не простым исполнением долга службы, всегда бывшим отличительной чертой Российского Императорского флота, замечательна она тем, что «Китобой», один из самых маленьких кораблей нашего флота, благодаря настойчивости своего командира О.О. Ферсмана, несмотря на отсутствие поддержки былой могущественной России, несмотря на все технические, финансовые и дипломатические затруднения, с офицерами, без ропота занявшими все матросские должности, сумел выполнить приказ своего адмирала и дойти в Черное море из Балтийского, сохранив с достоинством до конца как честь России, так и честь нашего родного Андреевского флага. Воистину, с «Китобоем» можно повторить старую русскую поговорку, что и с малым можно сделать великое.

Приложение

КОПИЯ ПРИКАЗА КОНТР-АДМИРАЛА ПИЛКИНА КОМАНДИРУ «КИТОБОЯ»:

«С получением сего вам надлежит идти в Северную Россию, в Мурманск, в распоряжение старшего морского начальника. Маршрут вам назначается следующий: Либава (погрузка угля от французского морского командования) и Копенгагена. В этом порту вы, снесясь с нашим морским агентом в Норвегии, выясните те норвежские порты, в которых вам можно будет принять уголь.

В зависимости от обстановки вам предоставляется менять по вашему усмотрению как маршрут, так и порт назначения, а в случае выяснения невозможности похода, вам разрешается передать корабль,

условно или совсем, предпочтительно французскому морскому командованию или продать его. Вам предоставляется право, если вы сочтете необходимым для сохранения чести Андреевского флага, уничтожить вверенный вам корабль. В случае продажи корабля полученная сумма, за исключением расходов на отправку личного состава, если это окажется возможным, на один из фронтов или расчета с ними по нормам Северо-Западной армии, должна быть передана в депозит Северо-Западной армии.

Вследствие исключительных обстоятельств плавания вам предоставляется, применяя по возможности русские морские законы, действовать по вашему усмотрению, назначать ваших подчиненных, независимо от их старшинства, на те судовые должности, где они могут быть полезны. Вы можете списывать вредных для службы лиц и вообще применять самые решительные меры для сохранения порядка и для безопасности плавания. Вместе с тем ваш опыт и такт укажут вам образ действий, который окажется необходимым вследствие смешанного состава экипажа, большинство которого составляют офицеры.

Вам надлежит следить, чтобы между всеми чинами корабля были установлены дружеские отношения. В иностранных портах вам придется быть особенно осторожным, так как вы не имеете достаточно сил и средств, чтобы защитить Флаг и русское имя от оскорблений. Поэтому скромное поведение на берегу чинов корабля особенно необходимо.

Я твердо уверен, что поход корабля под вашей командой, при условиях исключительной трудности, будет впоследствии занесен в летопись замечательных событий русского флота.

Печать. Подписи: контр-адмирал *Пилкин*
флаг-капитан капитан 2-го ранга *Лушков*²⁷⁷

Раздел 2

*И. Кононов*²⁷⁸

ДЕЙСТВИЯ МОРЯКОВ В НАЧАЛЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ²⁷⁹

С ноября 1917 года начали съезжаться на Дон морские офицеры. Первым их выступлением была экспедиция из Старочеркаска в Ростов на рыбацких лодках для захвата яхты «Колхида» и бронированной баржи, вооруженной 120-мм и 6" орудиями «канэ»; оба корабля стояли в Ростове около железнодорожного моста и обстреливали наступающих казаков. Организована экспедиция была адмиралом Анатолием Кононовым и лейтенантом Алексеем Кононовым²⁸⁰. Экспедиция увенчалась успехом. В это время была сформирована Морская рота, которая блестяще действовала под Ростовом под командой В.Н. Потемкина, а потом участвовала в Ледяном походе.

После взятия Ростова с захваченной баржи были сняты и поставлены на железнодорожные платформы 120-мм и 6" орудия. Эти платформы, под командой старшего лейтенанта Максимовича, принимали участие в боях против большевиков на сухопутном фронте, и работа их была высоко оценена сухопутным начальством.

Лично я прибыл на Дон с Румынского фронта 28 ноября 1917 года, вступил в распоряжение атамана Каледина (потом был при атаманах Краснове и Богаевском) и был назначен помощником командующего Донской армией по морской части. В течение 1918-го и 1919 годов на Дону было сформировано много морских частей из юнкеров, студентов и офицеров; все руководящие роли в этих частях были в руках морских офицеров.

Весной 1918 года возникла Донская флотилия под начальством капитана 2-го ранга Герасимова (утонул в реке). Флотилией последовательно командовали: генерал-лейтенант флота К.Н. Оглоблинский и контр-адмирал С.С. Фабрицкий.

Одновременно было сформировано: девять дивизионов морской тяжелой артиллерии (на железнодорожных платформах) с 6" и 8" орудиями «канэ», два танко-тракторных дивизиона и бронированные вагоны с 3" и 5" орудиями и пулеметами. Инспектором морской тяжелой артиллерии был капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный, выдающийся офицер по своей энергии, умению создавать боевые единицы из ничего и в наикратчайший срок укомплектовывать их отборным и прекрасным личным составом. Из его помощников назову погибших: капитана 2-го ранга Магнуса²⁸¹ и лейтенанта Елкина.

В Азовском море был создан «отряд особого назначения» под командой доблестного капитана 1-го ранга Собеукого. Отряд этот очистил от большевиков все портовые города Азовского моря. В Таганроге был сформирован Морской батальон, развернувшийся в начале 1920 года в четырехполковую дивизию.

В июне 1919 года приказом генерала Деникина я был назначен старшим флагманом Черного моря и командиром отдельного корпуса. За 1919 год мною были сформированы: а) Волжская флотилия под командой капитана 1-го ранга Заева, б) — г) три флотилии: на нижнем, среднем и верхнем Днепре. В составе моего корпуса были следующие погибшие офицеры: инженер-механик капитан 1-го ранга С.А. Щепотов²⁸², капитаны 2-го ранга Гернат²⁸³, Данилов и С.И. Медведев.

Не могу не упомянуть здесь имени старшего лейтенанта В.В. Коженкова, который был командиром «Волчьей сотни» у генерала Шкуро, а потом командовал Дагестанским полком. Этот моряк-кавалерист проявлял чудеса храбрости и доблести и даже среди лихих джигитов занимал одно из первых мест.

Таким образом, морская организация, зародившаяся на Дону в ноябре 1917 года, сильно развернулась и к лету 1919 года представляла собой целый корпус, в состав коего входили морские и сухопутные части. Артиллерия этого корпуса была разбросана по всему фронту юга России, и отовсюду поступали самые прекрасные отзывы о ее работе. Морские организации Дона шли во главе таковых в Добровольческой армии как по числу выставленных на фронт боевых единиц, так и по количеству и калибру орудий.

Заканчивая эту короткую заметку, мне хочется повторить слова капитана 2-го ранга Б.В. Карпова: морские офицеры «имеют возможность честно и прямо глядеть в глаза России, и могут смело сказать, что Флот, в мере предоставлявшихся ему возможностей, свой долг выполнил до конца», ибо на сухопутном фронте, в чуждой обстановке офицеры флота сумели быстро ориентироваться, применить свои

технические знания и дать сухопутным войскам мощную поддержку судовой артиллерии; многочисленными подвигами они доказали свою боевую доблесть в тяжелой борьбе с большевиками. Эта борьба и эти подвиги вплели новые лавровые ветви в красивый венок Российского Императорского флота.

*П. Варнек*²⁸⁴

ОБРАЗОВАНИЕ ФЛОТА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ²⁸⁵

Первые попытки создать какие-либо морские силы, непосредственно подчиненные Добровольческой армии, были предприняты после занятия 25 июля 1918 года (по новому стилю) Ейска казаками генерала Покровского²⁸⁶. В порту оказался поврежденный крейсер пограничной стражи «Ястреб» и несколько малых буксиров и катеров. Капитан 2-го ранга Г.Ф. Дудкин²⁸⁷ был назначен командиром этого порта, и последовало распоряжение откомандировать в Ейск морских офицеров. Немного позже начальником охраны побережья Азовского моря от Ростова на юг был назначен капитан 1-го ранга Н.Н. Дмитриев²⁸⁸. Но уже 2 августа два буксира, укомплектованные морскими офицерами, выйдя из Ейска, высадили в Приморско-Ахтарской десант казаков, которые освободили от красных все побережье до Таманского полуострова, оккупированного в то время немцами.

26 августа 1918 года Добровольческая армия достигла Черного моря и заняла Новороссийск. Теснимая ею красная Таманская армия, под обстрелом стоявшего в порту немецкого тральщика, ринулась по береговому шоссе на юг. Опрокинув 28 августа у Архипо-Осиповки пытавшиеся преградить ей дорогу грузинские части, 1 сентября Таманская армия вступила в Туапсе и затем повернула в сторону Армавира. 8 сентября отряд кубанских казаков, действовавших в составе Грузинской армии, без боя занял Туапсе и затем, соединившись с подошедшими из Новороссийска частями Добровольческой армии, влился в ее состав. Лишившись таким образом единственной остававшейся у них боеспособной части, грузины эвакуировали все побережье до Адлера включительно, но немцы, опасавшиеся дальнейшего распространения влияния Добровольческой армии до Батума, откуда они рассчитывали получать нефть, под предлогом нейтрализации границы высадили у Адлера небольшой отряд. Но неприязненное отношение правительства Грузинской республики,

отчасти вызванное непримиримой политикой генерала Деникина в вопросе о национальных меньшинствах, принудило Добровольческую армию держать в районе Адлера отряд войск.

Выход армии к морю не принес каких-либо положительных результатов, ибо все уцелевшие после самопотопления флота в Новороссийске корабли и коммерческие пароходы находились в немецких руках. В Новороссийском порту оказалось лишь несколько малых судов, для выхода которых в море требовалось разрешение немецкого командования, с которым генерал Деникин отказался иметь какие-либо сношения. Тем не менее в Новороссийске было образовано управление военного порта и сюда стали прибывать морские офицеры, гардемарины и кадеты Морского корпуса. Командиром порта был назначен капитан 2-го ранга В.Н. Потемкин, главной деятельностью которого явилось оборудование морскими орудиями бронепоездов с морскими командами. По его собственной просьбе Потемкин был назначен командиром бронепоезда «Князь Пожарский», и в январе 1919 года командиром порта стал контр-адмирал А.М. Клыков. При Ставке генерала Деникина в Екатеринодаре было организовано морское управление, временным начальником которого явился капитан 1-го ранга В.И. Лебедев²⁸⁹, а с декабря вице-адмирал А.М. Герасимов, помощником которого стал Лебедев.

22 ноября, после капитуляции Турции и Германии, в Новороссийск пришли английский крейсер «Ливерпуль» и французский «Эрнест Ренан», команды которых посетили Екатеринодар, где им была устроена восторженная встреча. Одновременно в Севастополь и Одессу прибыли другие корабли Антанты. Представители союзного командования сообщили о решении стран Антанты оказать Добровольческой армии помощь оружием и снабдить ее всем необходимым, но фактически первый английский транспорт прибыл в Новороссийск лишь 16 февраля 1919 года, и в дальнейшем одна Великобритания интенсивно помогала Добровольческой армии снабжением.

Но прибытие союзников не оправдало надежд на их помощь по образованию флота, и даже, наоборот, они принесли в этом деле лишь вред. Вскоре после их прибытия в Севастополь они подняли свои флаги на всех исправных миноносцах: «Дерзкий» и «Счастливый» были взяты англичанами, «Беспокойный» и «Капитан Сакен» стали французскими «Р-1» и «Р-2», итальянский флаг поднял «Зоркий», и греки получили «Звонкий». «Воля», единственный остававшийся после самоуничтожения в 1918 году флота дредноут, англичане увели в Измид. Склады порта подверглись буквально разграблению, и команды кораблей всех наций брали без всякого разрешения все, что находи-

ли для себя интересным; в особенности в этом отличились греки с броненосца «Лемнос». В Симферополе образовалось марионеточное крымское правительство, не признававшее генерала Деникина и претендовавшее на принадлежность ему всего, что находилось в Севастополе. В Севастополь прибыл вице-адмирал Канин, которого генерал Деникин назначил командующим флотом. Но он держал себя совершенно независимым от Екатеринодара и, сформировав весьма многочисленный штаб, под предлогом, что крымское правительство противится переводу кораблей в Новороссийск и забастовки рабочих на судоремонтном заводе, не принимал никаких мер для восстановления кораблей.

В Одессе, где французы и греки высадили свои войска, управляющим военно-морской базой порта стал вице-адмирал Ненюков. Но там, кроме двух канонерских лодок и тральщиков бывшей украинской партии траления, военных кораблей не было. Связь с Екатеринодаром отсутствовала, и Морская база мало чем себя проявила.

С грузовым тоннажем дело обстояло значительно лучше. Правда, союзники захватили все транспорты из бывших австрийских и немецких пароходов, но остальные, так же как пароходы контролируемых правительством обществ, были в распоряжении Добровольческой армии. Но частные судовладельцы, чтобы избежать всяких реквизиций и большевистской национализации, стремились вывести свои пароходы за проливы, и во избежание этого было опубликовано запрещение пароходам покидать Черное море без разрешения. Французы иногда более или менее принудительно фрахтовали пароходы для своих нужд; некоторые большие пассажирские пароходы РОПиТ до конца Гражданской войны находились в их распоряжении и, в частности, были ими использованы для репатриации русских солдат из Франции и военнопленных. Но фрахтование пароходов и военных транспортов приносило Добровольческой армии валюту, которой расплачивались за покупку за границей самого необходимого. После ухода немцев первой военной перевозкой была отправка 29 ноября 1918 года на пароходе «Саратов» частей Добровольческой армии из Новороссийска в Керчь и Ялту.

Несмотря на пассивность штаба флота, группы морских офицеров начали приводить в порядок некоторые корабли, на которых находились лишь вольнонаемные караульные команды, состоявшие из матросов, симпатизировавших левым партиям и которых приходилось так или иначе удалять. Была набрана команда для посыльного судна «Буг». Вопреки противодействию англо-французов, опасавшихся подводных лодок, капитаном 2-го ранга Погорецким и группой

офицеров была восстановлена подводная лодка «Тюлень». По поручению адмирала Канина она дважды ходила в Новороссийск: 6 февраля с посланным им для связи в Екатеринодар капитаном 1-го ранга Келлером²⁹⁰, а потом за деньгами для «флота». Ввиду отсутствия для лодки в Новороссийске необходимых ей материалов, «Тюлень» не смог перебазироваться в этот порт, тогда как «Буг» оставался в распоряжении адмирала Канина. В декабре, по предписанию начальника Морского управления в Екатеринодаре, группа из восьми морских офицеров со старшим лейтенантом Ваксмутом во главе отправилась из Новороссийска в Севастополь, имея задачей получить в распоряжение Добровольческой армии военный корабль. Не встретив никакой поддержки в штабе адмирала Канина, эта попытка успеха не имела, и в январе 1919 года, чтобы иметь хоть какое-нибудь судно, в Новороссийске был вооружен двумя 75-мм орудиями ледокольный буксир «Полезный», который под командой капитана 2-го ранга С. Медведева явился первым кораблем Добровольческой армии.

В конце марта Красная армия, заняв Украину, подошла к берегам Черного и Азовского морей и к крымским перешейкам. 3 апреля французское командование приняло решение эвакуировать Одессу, ввиду отказа многих французских частей воевать с большевиками и революционного движения на кораблях. Эвакуация была затруднена забастовкой русских коммерческих моряков, покинувших свои пароходы. Ввиду этого, около 20 различных судов, в том числе канонерские лодки «Донец» и «Кубанец», были выведены в близлежащий Тендровский залив и там оставлены на якорях. Адмирал Ненюков на яхте «Лукулл» ушел в Константинополь, и туда же был отбуксирован транспорт-мастерская «Кронштадт». Всего было эвакуировано 112 различных судов, очевидно считая и парусники. Ушли в Севастополь несколько тральщиков и транспорт «Шилка», на который перешли и частично заменили его команду собранные еще ранее на стоявшую в порту с неисправными машинами канонерскую лодку «Кубанец» воспитанники Морского корпуса. «Шилка» — транспорт Сибирской флотилии — была послана адмиралом Колчаком из Владивостока для связи с генералом Деникиным и с военным грузом и прибыла в Черное море в начале 1919 года. За несколько дней до эвакуации старший лейтенант Н.Н. Машуков с тральщиком «Ольга» (военный комендант мичман И.Д. Богданов²⁹¹) и баржей, имея на борту отряд из 78 офицеров-грузчиков, прибыл на остров Березань, где были огромные склады снарядов и военных материалов бывшего Юго-Западного фронта. Офицерский отряд разоружил находившуюся на острове большевистски настроенную караульную

команду и приступил к погрузке снарядов. В течение недели на суда было погружено вручную около 50 тысяч трех- и шестидюймовых снарядов и некоторое количество минометов, после чего «Ольга» с баржей на буксире, минуя Севастополь, пришла в Новороссийск, как раз в то время, когда Добровольческая армия ощущала снарядный голод. После ухода «Ольги» команда французского крейсера «Брюи» 12 апреля взорвала на острове батареи и уничтожила все склады. Сформированная в Одессе бригада добровольцев²⁹² генерала Тимановского²⁹³ отошла в Бендеры и была интернирована румынами в Тульче.

27 марта красные начали наступление на Мариуполь. После двухдневных боев с превосходными силами и восстания в тылу рабочих заводов добровольцы отошли в порт и в ночь на 29-е начали эвакуироваться морем. Бронепоезд «Вперед за Родину»²⁹⁴ пришлось оставить. С моря добровольцев поддерживал отряд французских кораблей в составе миноносцев «Гуссар», «Енсень Енри», канонерской лодки «Ла Скарп» и яхты, которые для защиты порта высадили небольшой десант. 29 марта французы заключили с красными однодневное перемирие, благодаря которому эвакуация порта прошла спокойно. Пароходы с беженцами и войсками ушли в Керчь, а недостроенные минные транспорты «Грозный» и «Страж» и суда землечерпательного каравана были отведены в Ейск. В порту осталось два буксира, один из которых, под названием «Воля», на следующий день был захвачен в море миноносцем «Гуссар» и при буксировке затонул. 31 марта красные заняли Бердянск. В ночь на 29-е для поддержки отряда добровольцев, защищавшего Арабатскую стрелку и состоявшего всего лишь из двух рот, одного эскадрона и двух орудий, к Геническу пришел «Полезный» с капитаном 1-го ранга Дмитриевым на борту. 1 апреля «Полезный» встретил шедший под красным флагом «Ледокол № 4», который, после нескольких попаданий и имея 13 убитых, выбросился у Генического маяка на берег. В этот же день французский миноносец «Дегортер» обстрелял Генический вокзал, разгрузочную станцию красных войск, действовавших против Чонгара и Арабатской стрелки. Уже 24 марта из Севастополя в Азовское море вышел «Тюлень», с разрешением французского командования, которое требовалось на каждый выход подводной лодки. После захода в Феодосию и Керчь командир связался со штабом генерала Боровского в Симферополе, который просил командира уничтожить находившиеся в Геническе плавучие средства; 27 марта «Тюлень» вышел из Керчи, но после двухдневных попыток пройти между ледяными полями был принужден вернуться. 2 апреля, на этот раз с помощью вооруженного в Керчи одной 75-мм пушкой буксира «Никола Пашич»,

«Тюлень» подошел к Геническому, около которого стоял «Полезный». На следующий день «Тюлень», несмотря на лед, подошел ближе и обстрелял вокзал и порт, где его снарядами был поврежден катер пограничной стражи «Коршун» и вызван пожар на стоявших парусниках. Вечером, по просьбе начальника отряда на стрелке, «Тюлень» и «Дегортер» обстреляли скопление красных перед Генической горкой. Всего за день «Тюлень» сделал 120 выстрелов из 75-мм орудий. Но с утра 5 апреля северный ветер погнал ледяные поля и причинил повреждение рулевому устройству, что вынудило «Тюлень» 7 апреля вернуться в Керчь и затем, для исправления штуртроса и пополнения запасов, уйти в Севастополь. 6 апреля на позицию вернулся «Полезный», и 10-го к нему присоединился вооруженный в Керчи двумя 75-мм орудиями колесный пароход «Граф Игнатъев», которые, после прорыва красными 4 апреля Перекопских позиций, содействовали отходившим к Ак-Манаю частям. В течение этого времени, со стороны мелководного Егорлыцкого залива, оборону Перекопских позиций поддерживал отряд капитана 1-го ранга Бубнова, в составе малых английских мониторов и речной канонерской лодки «К-15». Это была оборудованная в начале 1917 года для действий на Дунае находившаяся в постройке паровая шаланда «Казантин», по бортам которой навесили принадлежавшую ранее какому-то броненосцу броню, установили броневую рубку, два 150-мм орудия под щитами (снятые, вероятно, при перевооружении «Кагула»), 75-мм зенитку, пулеметы, дальномер и прожектор. Это был грозный для борьбы с берегом корабль, но слабая машина не могла ему дать более 6 узлов хода, да еще при условии тихой погоды. Но, считая, что для действий у мелководных крымских перешейков лучшего корабля в русском флоте не было, старший лейтенант Остолопов по своей инициативе набрал в Севастополе для «К-15» команду и в конце марта ушел к Перекопу. В это же время была организована экспедиция под командой капитана 1-го ранга А.В. Городыского²⁹⁵ для вывода из Хорлов оставленных там буксирных катеров и барж с мукой. Для этой цели были привлечены пришедшие из Одессы в Севастополь тральщики «Волга» (командир лейтенант Б. Брискорн²⁹⁶) и колесный «Граф Игнатъев» (командир старший лейтенант Г. Мусатов²⁹⁷), на которые был взят небольшой офицерский отряд Морской охраны Севастополя под командой старшего лейтенанта А. Кисловского. Операцию прикрывал греческий миноносец «Пантера». Офицерский отряд был высажен в порту, отогнал ружейным и пулеметным огнем внезапно появившийся партизанский отряд Тарана, и все находившиеся в Хорлах плавучие средства были выведены из порта.

В конце концов, ввиду бездействия адмирала Канина и его штаба, приказом Главнокомандующего от 25 марта должность командующего несуществовавшего флота была упразднена. Вместо этого со званием «Главного командира судов и портов Черного моря» был назначен энергичный контр-адмирал М.П. Саблин, который 2 апреля прибыл в Севастополь. Но время было упущено, так как до эвакуации оставалось менее двух недель. 4 апреля Красная армия прорвала Перекопские позиции, обороняемые слабым отрядом добровольцев и двумя ротами греков; 9-го красные заняли Джанкой, и добровольческие части генерала Боровского²⁹⁸ отходили на Ак-Манайский перешеек, связывавший Керченский полуостров с Крымом.

Адмирал Саблин приказал всеми силами ускорить приготовления для перехода кораблей в Новороссийск и ввиду того, что там не имелось никаких необходимых военным кораблям запасов, взять возможно большее количество материалов из складов Севастопольского порта, погрузив их на транспорты. Ввиду отказа рабочих что-либо делать, погрузка происходила силами малочисленных команд кораблей и с помощью некоторого числа сухопутных офицеров, все это при противодействии содержателей и прочих служащих порта. Кроме того, транспорты и предназначенные для перевода в Новороссийск кораблей буксиры надо было снабдить углем и для последних составить экипажи. Группы офицеров заняли некоторые миноносцы, в частности под командой капитана 2-го ранга Н.Р. Гутана образовалась группа на эскадренный миноносец «Поспешный», но недостаток времени и команды не дал им возможности привести корабли в порядок. В момент ухода в Новороссийск на «Поспешном» было лишь 25 человек команды.

Немного ранее, по распоряжению крымского правительства, решившего обзавестись флотом, лейтенант Галафре²⁹⁹ начал восстанавливать миноносец «Живой», который по исчезновении этого правительства поднял Андреевский флаг. Вскоре командиром миноносца стал старший лейтенант Кисловский, и ко времени его ухода из Севастополя его команда состояла из десяти морских и десяти армейских офицеров и некоторого количества студентов и гимназистов. Уже в Новороссийске с транспорта «Шилка» на «Живой» были переведены гардемарины и кадеты Морского корпуса. Капитан 2-го ранга В.А. Потапьев, после переговоров с лицами штаба и двух рапортов на имя командующего флотом, 28 марта добился разрешения с помощью Морского офицерского отряда занять крейсер «Кагул» и снять с него рабочих спасательной партии. Этот крейсер в конце 1917 года окончил капитальный ремонт, и его котлы и ма-

шины были в относительном порядке; его артиллерия была модернизирована и теперь состояла из 14 130-мм, двух 75-мм и двух 40-мм зенитных орудий системы Виккерс. По распоряжению немцев в 1918 году крейсер был передан в качестве базы спасательной партии, работавшей по подъему линейного корабля «Императрица Мария». Вероятно, по этой причине, считая «Кагул» небоеспособным, союзники им не завладели. Капитан 2-го ранга Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженеров-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек. Первыми зачисленными на крейсер охотниками явились сыновья морских офицеров Г. Афанасьев, В. Гезехус³⁰⁰ и кадет Одесского корпуса Г. Суханов³⁰¹. (В 1922 году все трое окончили Морской корпус в Бизерте и были произведены в корабельные гардемарины, после чего Афанасьев был направлен во французское Морское училище в Бресте, но по его окончании, как иностранец, не мог продолжать службу во французском флоте. В 1939 году он был призван во флот с чином мичмана и плавал на эскадренном миноносце «Шакал», на котором погиб в период эвакуации Дюнкерка. За его геройское поведение и распорядительность для спасения команды тонувшего миноносца Афанасьев был посмертно награжден орденом Почетного легиона.) Перед уходом из Севастополя из Екатеринодара прибыл капитан 1-го ранга Лебедев и вступил в командование «Кагулом», а капитан 2-го ранга Потапьев стал его старшим офицером.

Офицеры «подплава» были наиболее активными и по примеру «Тюленя» готовили еще две лодки, и это несмотря на разные неприятности с французами. Капитан 2-го ранга Шрамченко начал восстанавливать канонерскую лодку «Терец», большинство команды которого составил прибывший из Ялты в день эвакуации кавалерийский отряд во главе с полковником, вмешивавшимся во все корабельные дела. Большой транспорт «Рион», на котором не было команды, должен был идти на буксире и предназначался для эвакуации гражданских лиц. Отход был назначен на 11 апреля, и на борту находилось около четырех тысяч пассажиров, расположившихся по палубам и трюмам. Среди них на корабль проник большевистский агент, принесший в носовой трюм в чемодане бомбу с часовым механизмом. Уже в сумерках произошел большой силы взрыв, разбросавший во все стороны скученных пассажиров; 21 человек был

убит и 79 ранено, среди них женщины и дети. Командиру транспорта капитану 2-го ранга Городыскому и бывшим с ним на борту девяти офицерам удалось энергичными действиями остановить возникшую панику, во время которой несколько человек спрыгнули за борт. Все же после наведения порядка около половины пассажиров, опасаясь новых взрывов, покинули транспорт.

По мере возможностей суда покидали Севастополь.

Утром 12 апреля была занята Балаклава, где во избежание захвата красными был затоплен груженный снарядами транспорт «Батум». Защитить Севастополь от подходившей Красной армии шансов почти не было. Добровольцы располагали лишь незначительным гарнизоном, имелся батальон греков, несколько батальонов алжирских и сенегальских стрелков и два батальона французского 175-го полка, которые отказывались воевать. Стоявшие в Северной бухте французские линейные корабли могли составить своей артиллерией большую помеху продвижению красных, но в случае боев в городе причинить ему неисчислимы разрушения. Французы не могли в ближайшие дни эвакуировать Севастополь, так как в северном доке стоял их линейный корабль «Мирабо», севший на мель и только что стянутый с камней при помощи крейсера «Кагул»; для заделки его пробоин требовалась двухнедельная работа. 15 апреля передовые части Заднепровской дивизии красных заняли Инкерман и подошли к Корабельной слободке. С целью воспрепятствовать их дальнейшему продвижению французская полевая артиллерия открыла огонь, но по ошибке обстреляла район Черной речки и радиостанцию.

В это же утро на флагманский корабль командующего французским флотом адмирала Амета «Жан Бар» прибыли парламентарии с предложением начать переговоры о заключении перемирия и нейтрализации Севастополя с условием, что отряды добровольцев и занятые ими корабли должны быть немедленно разоружены. В связи с этим адмирал Амет послал адмиралу Саблину письмо, полученное им лишь вечером 15 апреля, следующего содержания:

«В интересах сохранности арсенала, которую я вполне надеюсь обеспечить, я Вас прошу приказать «Кагулу» и остальным кораблям, которые Вы хотите увести отсюда, сняться в течение ночи и ближайшего утра. Это будет также соответствовать положению, что Вы лично вместе с морскими офицерами тоже уйдете отсюда, за исключением командира над портом и тех офицеров, без которых нам нельзя обойтись в деле помощи нам по сбережению портовых учреждений. Я считаю также условленным, что тральщики останутся здесь, чтобы очистить минные поля вместе с помощью летчиков».

Коменданту крепости генералу Субботину³⁰² и полковнику Нолькену адмирал Амет предложил немедленно оставить город и вывести из него русские войска.

Адмирал Саблин отправил французскому адмиралу письменный протест, в котором говорил, что такое распоряжение является совершенно неожиданным, ввиду ранее сделанных адмиралом Аметом заявлений, что Севастополь не будет эвакуирован в ближайшее время, и что собрать быстро личный состав затруднительно, так как многие из людей живут в городе, и что в течение 12 часов нет возможности погрузить на суда все необходимое, войска и беженцев. В конечном результате адмирал Амет, который не имел другой возможности спасти «Мирабо», как заключить перемирие, назначил последним сроком для выхода русских судов 16 апреля в 15 часов, после чего все оставшиеся суда должны были спустить русские флаги.

По получении вышеуказанного письма адмирал Саблин приказал всем кораблям, имевшим на то возможность, выходить в море для следования в Новороссийск. Один за другим транспорты, некоторые — имея на буксире военные корабли, начали покидать Севастополь, и по ним с Корабельной стороны время от времени стреляли из винтовок. Утром из Северной бухты под флагом адмирала Саблина вышел «Кагул» и последним кораблем в 15 часов подводная лодка «Тюлень». В течение двух суток «Кагул», на случай оказания кому-либо помощи, крейсировал у Южного берега Крыма, пока не прошли все корабли. Своими машинами шли: посыльное судно «Буг», № 7 (бывший миноносец № 273), транспорты и пароходы. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утка» и «Буревестник», буксир «Бельбек» — миноносец «Жаркий», «Доброволец» — миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, шли на буксирах: эскадренные миноносцы «Поспешный» и «Пылкий», миноносцы «Строгий» и «Свирепый», канонерская лодка «Терец», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Вернувшаяся из Каркинитского залива канонерская лодка № 15 ушла в Керчь.

С утра 16 апреля французские линейные корабли «Жан Бар», «Франс» и «Вернио», с целью задержать продвижение к городу красных частей и, может быть, больше для психического воздействия, начали обстрел Корабельной стороны, района Английского кладбища, Малахова кургана, и снаряды частично падали в пригородных кварталах. Систематический обстрел продолжался и ночью и был остановлен в 10 часов следующего утра, когда прибыли парламентареры, уполномоченные командованием 2-й украинской Красной армии. Ад-

мирал Амет, который, надо отметить, как старший на рейде, действовал от имени всех союзников, заявил: 1) к 30 апреля союзные войска будут эвакуированы из города; 2) подводные лодки, которые находятся в порту, будут потоплены; 3) все миноносцы и боевые корабли будут приведены в негодность путем взрывов цилиндров машин.

Желая спасти корабли, начальник советской делегации спросил, нельзя ли этого избежать, если украинское советское правительство даст гарантию, что корабли не будут употреблены для действий против союзников. На это предложение адмирал ответил, что советское правительство никем не признано и никаких обещаний и гарантий от него он не примет. В конечном результате было заключено перемирие. Вместе с тем на французских кораблях произошли революционные выступления матросов, и 20-го в городе была большая манифестация французских солдат и матросов, к которой присоединились и гражданские лица.

Приведение в негодность кораблей взяли на себя англичане с линейного корабля «Емперор оф Индия». Уже за два дня до ухода «Кагула», по распоряжению союзного командования, буксиры вывели с базы 12 подводных лодок, на которых не было команд, и поставили на одну бочку в Северной бухте. В окружении адмирала Саблина предполагали, что это было сделано во избежание захвата лодок красными, в случае их внезапного вторжения в город, и для облегчения дальнейшего увода лодок союзными судами. Но если бы Саблин знал, что готовят англо-французы, он, безусловно, принял бы меры для спасения хотя бы новых лодок. 26 апреля подводные лодки «Орлан», «Гагара», «Кит», «Кашалот», «Нарвал», «АГ-21», «Краб», «Скат», «Судак», «Лосось» и «Налим» были выведены на внешний рейд и потоплены подрывными патронами на большой глубине, тогда как приписанный к порту в 1917 году «Карп» был затоплен в Северной бухте.

Подрывные команды английских матросов взорвали крышки цилиндров высокого давления и иногда упорные подшипники на шести старых линейных кораблях, крейсере «Память Меркурия», эскадренных миноносцах «Быстрый», «Жуткий», «Заветный» и даже на старых номерных миноносцах и служившем казармой транспорте «Березань». Лишь штабной корабль «Георгий Победоносец» почему-то избежал этой участи.

Французы занялись приведением в негодность орудий береговых батарей и разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты. Оставшиеся в их распоряжении десять летчиков с капитаном 2-го

ранга Крыгиным³⁰³ во главе, которые по заданию французского начальника войск вылетали на разведки, получили разрешение погрузиться на транспорт «Почин», на котором был поднят греческий флаг, ушедший в Пирей с беженцами-греками. Французы грузили на транспорты войска и их материальную часть, но, кроме того, брали что им нравилось из складов порта. Поставленный ранее в Северной бухте крейсер-яхта «Алмаз» был ими уведен в Константинополь. В это время пришел из Новороссийска пароход «Святой Николай», которому адмирал Саблин поручил попытаться взять в Севастополе снаряды, но адмирал Амет запретил ему что-либо грузить и на время пребывания парохода в Севастополе приказал спустить русский флаг.

Наконец «Мирабо» смог выйти из дока и на буксире линейного корабля «Жюстис» ушел в Константинополь, оставив по недостатку времени снятые с него тяжести. Уже при генерале Врангеле, когда всеми способами стремились получить валюту для покупки за границей угля, более тысячи тонн его броневых плит были погружены на пароход и проданы в Италии.

28 апреля была закончена эвакуация французских войск, и во второй половине следующего дня красные войска торжественно вступили в город, но «Жан Бар», последний из французских кораблей, вышел из бухты лишь 1 мая.

Пришедшие на буксире в Новороссийск корабли требовали серьезного ремонта. За время непрерывных походов во время войны и более чем года стоянки в Севастополе без присмотра механизмы и главным образом котлы пришли в плачевное состояние. Все было покрыто ржавчиной и грязью, вся утварь, инструмент, весла и паруса со шлюпок, сигнальные флаги и даже мелкое электрическое оборудование было растащено, а обивка мебели срезана. Но Новороссийск, хотя и большой коммерческий порт, не имел ремонтных мастерских, и лишь в конце 1917 года в Новороссийск было эвакуировано отделение Ревельского судостроительного завода, но у него почти не было необходимых материалов и квалифицированных рабочих. Дока в Новороссийске не было, и лишь в июне, после занятия Мариуполя добровольцами, буксир «Черномор» привел оттуда секцию плавучего дока, которая могла поднять суда до подводных лодок включительно, но была мала для нефтяных миноносцев. Самое незначительное количество запасов флота, к тому же погруженных без всякой системы, удалось вывезти из Севастополя. По этим причинам ремонт кораблей должен был производиться своими, вначале малочисленными и неопытными командами и офицерами инженерами-механиками. Постепенно удалось пополнить команды, главным образом за счет охотников флота, в большинстве

учащихся из приморских городов, а также кубанских казаков. Специалистов матросов старого флота почти не было, за исключением эскадренного миноносца «Поспешный», на который старался их привлечь командир миноносца капитан 2-го ранга Н.Р. Гутан. Новобранцев надо было обучать всем премудростям морской службы, что было сравнительно нетрудно сделать с интеллигентно развитыми охотниками флота. На транспорте «Рион» были организованы школы сигнальщиков и радиотелеграфистов, а на большой барже № 69 образован флотский экипаж. Большинство бывших на кораблях сухопутных офицеров было списано. Затопленное в порту посыльное судно «Летчик» (бывший № 256) было поднято и затем поставлено в док.

В начале мая весь действующий флот Добровольческой армии состоял из крейсера «Кагул», миноносца «Живой», речной канонерской лодки «К-15», подводной лодки «Тюлень», посыльных судов «Буг», № 7 (вскоре названный «Разведчик») и «Граф Игнатъев» и двух вооруженных буксиров «Полезный» и «Никола Пашич».

Кроме того, 27 апреля, для исполнения специального задания, пароход «Цесаревич Георгий» (официальное имя «Георгий») был вооружен тремя 3" пушками и зачислен во флот вспомогательным крейсером. Сохранявшаяся в секрете цель операции была освободить и погрузить на пароходы, не входя в сношения с румынскими властями, находившуюся в Тульче добровольческую бригаду генерала Тимановского. 29 апреля «Георгий» и пароходы «Анатолий Молчанов» и «Россия», под общим командованием командира крейсера старшего лейтенанта Н.Н. Машукова, вышли из Новороссийска. Через двое суток отряд прибыл в Тульчу, где пароходы сразу подошли к пристани. Очень быстро погрузив, почти бегом, около трех тысяч человек бригады, прежде чем румыны решили, что им предпринимать, пароходы отдали швартовы и пошли вниз по Дунаю в Черное море. Принимая во внимание малочисленность в то время Добровольческой армии, доставленная бригада явилась хорошим пополнением.

14 мая старший лейтенант Машуков получил от адмирала Саблина следующее предписание: «Предлагаю Вам, приняв на «Георгия» офицерский отряд старшего лейтенанта Никитенко³⁰⁴, с буксиром «Черномор» следовать на Тендру. На Вас возлагается задача вывести в Новороссийск стоящие там суда, причем при выборе судов надлежит руководствоваться следующим порядком: 1) канонерские лодки «Кубанец» и «Донец»; 2) транспорты Морского ведомства; 3) суда Добровольного флота и Русского общества; 4) прочие русские пароходы».

18 мая «Георгий» и «Черномор» — самый сильный в Черном море, но не имевший вооружения буксир — вышли из Новороссий-

ска. Им предстояло дважды обогнуть занятый красными Крым, и не была исключена возможность встречи с каким-либо вооруженным красным судном. Прибыв на Тендру, старший лейтенант Машуков приступил к осмотру стоящих там со времени эвакуации Одессы судов. Оказалось, что разыгравшимся в конце апреля штормом канонерская лодка «Донец» была сорвана с якоря и, ударившись о корпус служившего в 1913 году для опытных стрельб броненосца «Чесма», затонула у его борта; большой транспорт «Грегор», два парохода и два буксира были выброшены на песчаный берег, а пароход «Князь Потемкин» затонул. Но машины пароходов «Харакс» и «Херсонес» были в относительном порядке, и они могли совершить самостоятельный переход. Для них из офицерского отряда, в составе которого были инженеры-механики, и из экипажа «Георгия» были образованы команды. На предназначенные для буксировки суда были назначены небольшие команды. Подготовка судов к походу, погрузка угля, завоз буксиров, подъем вручную якорей стоили командам больших усилий, но через неделю отряд вышел в обратный путь. «Георгий» вел на буксире канонерскую лодку «Кубанец» и транспорт «Рома», «Черномор» — пароход «Г. Гапонов», «Харакс» взял «Румянцева» и «Херсонес» — «Ай Тодор». Погода благоприятствовала, и 400-мильный переход прошел без особых приключений. 27 мая «Георгий» — сам-семь, — приветствуемый командами стоявших в порту судов, привел всю армаду в Новороссийск. К сожалению, при детальном осмотре «Кубанца» выяснилось, что его котлы требуют замены, и он был разоружен и зачислен базой «Спасательной партии», а его орудия установлены на сооружавшиеся в Новороссийске бронепоезда.

Кроме кораблей, непосредственно подчиненных генералу Деникину, Донское правительство создало под начальством контр-адмирала И.А. Кононова свое морское управление, образовавшее флотилию, состоявшую из речного отряда (контр-адмирал С.С. Фабрицкий), Азовского отряда (капитан 1-го ранга В.И. Собецкий) и морских железнодорожных батарей. Пользуясь хорошими отношениями атамана Краснова с немцами, орудия для вооружения некоторых судов и железнодорожных батарей были сняты с находившихся в Севастополе броненосцев. Корабли подняли донской сине-красно-желтый флаг. Образованный 1 марта 1919 года в Таганроге Азовский отряд состоял из флагманского судна «Пернач» (бывшая яхта «Колхида»), двух канонерских лодок типа «Эльпидифор» «К-10» («Ваня») и «К-12» («Амалия»), вооруженного буксира «Атаман Каледин» (бывший «Горгиния»), «Ледокола донских гирл» и трех вооруженных одним 6" орудием барж-«болиндеров».

В мае 1919 года, после объединения генералом Деникиным Верховного командования Вооруженных сил Юга России, корабли Донской флотилии вошли в состав Черноморского флота, подняли Андреевские флаги и «Колхиде» вернулось ее старое название.

В первой половине февраля 1919 года грузины, желая воспользоваться слабостью Добровольческой армии и расширить свою территорию, начали военные действия и потеснили находившийся у Адлера отряд генерала Черепова³⁰⁵, но после нескольких дней боев положение было восстановлено.

В середине апреля они возобновили свою попытку более крупными силами и принудили державший фронт 1-й Кавказский офицерский полк отойти за Адлер. 21 апреля из Новороссийска вышел транспорт «Шилка», имея на борту хорошо вооруженный офицерский отряд в 80 человек. Этот отряд состоял ранее в охране ялтинских дворцов, где находились Императрица Мария Федоровна и другие члены Императорской фамилии, которые были эвакуированы английским дредноутом. С помощью прибывшего отряда грузины были снова отброшены за Адлер и в конечном результате граница была установлена по реке Псоу, но для избежания инцидентов между пограничными постами была образована нейтральная зона.

21 апреля, для упрочения положения на Кавказе, из Новороссийска вышел миноносец «Живой», под командой капитана 2-го ранга А.Д. Кисловского. Молодые, неопытные и непривычные к физическому труду кочегары из добровольцев быстро устали, миноносец шел малым ходом с остановками, и в помощь кочегарам были посланы люди с верхней палубы и все офицеры. На следующее утро «Живой» зашел в Туапсе, где в течение двух дней занимался переборкой некоторых механизмов, после чего миноносец посетил Сочи и Адлер и 15 мая вернулся в Новороссийск.

Все снабжение войск у Адлера и других мелких отрядов, борющихся с зелеными на побережье, шло через Туапсе, откуда развозилось на места нанимаемыми моторно-парусными шхунами, которые попутно брали пассажиров. Позднее для этой цели был назначен небольшой транспорт «Осторожный» и для использования железнодорожных мастерских Туапсе туда были переведены четыре бронекатера с их базой «Ингул», которые в июле были отправлены по железной дороге в Царицын и вошли в состав Волжской флотилии под командой капитана 1-го ранга Заева.

Батум в это время был оккупирован англичанами, которые через него держали связь с их силами на Каспийском море. Находившийся

в Батуме военный представитель Добровольческой армии получил от англичан разрешение на вывоз боеприпасов из оставшихся складов Кавказской армии. Для этой цели в конце мая был послан транспорт «Ризе» и для его защиты от нападения грузинских быстроходных катеров, которых у них было три, и ввиду сообщения англичан о замеченной их миноносцем большевистской подводной лодке, в качестве конвоира была придана подводная лодка «Тюлень». Но сообщение англичан было ложным, и «Ризе» благополучно доставил в Новороссийск столь нужные Добровольческой армии снаряды.

Отошедшие на Ак-Манайский перешеек, шириной в 22 километра, части генерала Боровского силой не более трех тысяч человек получили приказание защищать во что бы то ни стало эту позицию. Эта задача оказалась возможной лишь благодаря артиллерийской поддержке действовавших на двух флангах кораблей, орудия которых простреливали всю позицию. 19 апреля, с помощью транспортов «Мечта» и «Маргарита», была эвакуирована Феодосия, и части Красной армии начали подходить к Ак-Маная.

После прихода в Новороссийск, вместо отбывшего в Екатеринодар капитана 1-го ранга Лебедева, командиром «Кагула» был назначен капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий, но его команда мало увеличилась, так как флотский экипаж еще лишь организовывался. Все же 27 апреля крейсер пошел к Ак-Манайской позиции. По недостатку кочегаров переход был совершен шестиузловым ходом. В Феодосийском заливе, примерно в двух милях от берега, вытянувшись в одну линию, стояли английские дредноуты «Айрон Дюк» и «Мальборо», один крейсер-матка гидросамолетов «Емпресс», греческий броненосец «Лемнос», несколько английских и два французских миноносца.

28 апреля, по просьбе из штаба сухопутного отряда, «Айрон Дюк» (флаг командующего английским флотом адмирала Сеймура) бомбардировал селение Владиславовка, место сосредоточения красноармейских отрядов. Через несколько дней по той же цели, при корректировке английского гидросамолета, одним орудием стрелял «Кагул»; это были его первые выстрелы по позициям красных. Для поддержки Азовского фланга позиций 29 апреля был послан «Граф Игнатьев», к которому 1 мая присоединился вооруженный буксир «Полезный» с начальником отряда капитаном 1-го ранга Н.Н. Дмитриевым. Кроме того, здесь же находились два малых английских монитора № 18 и № 29 и немного позже прибыли канонерская лодка и болиндер из Донской флотилии.

1 мая красные части перешли в наступление на Азовском фланге позиции, и занимавшая этот участок фронта гвардейская кавалерия

в беспорядке отошла назад. Лишь благодаря интенсивному огню кораблей, причем «Полезный» подошел к самому берегу, удалось остановить продвижение красных в глубь полуострова и на третий день восстановить положение. 4 мая красные снова начали наступать, на этот раз в центре, но сильный огонь с двух сторон морской артиллерии не позволил им продвинуться вперед. Английские корабли выпустили сотни снарядов, и разрывы 13,5-дюймовых с дредноутов были очень эффективны. Греческий броненосец «Лемнос» и «Кагул» приняли участие в этой бомбардировке, тогда как прибывшая накануне к Ак-Манаю «К-15», стреляя по указанию берегового наблюдательного поста по невидимой цели, израсходовала 187 шестидюймовых снарядов. После этой неудачи красных наступило относительное затишье, но по заявкам сухопутного командования корабли обстреливали те или иные цели.

Воспользовавшись этой обстановкой, «Кагул» ушел в Новороссийск, и там в пополнение команды на крейсер было прислано около ста кубанских казаков, из которых образовали кочегарную роту. Под руководством офицеров инженеров-механиков кубанцы довольно быстро стали заправскими кочегарами.

11 мая «К-15» была отправлена на усиление Донской речной флотилии, но из-за недостаточных глубин устья реки зашла в Таганрог, где присоединилась к отряду капитана 1-го ранга Собецкого.

«Айрон Дюк» с адмиралом Сеймуром и «Лемнос» тоже ушли, и командир «Мальборо» стал начальником Феодосийского отряда кораблей, в состав которого входили крейсер «Центавр», матка гидросамолетов «Енгадине», два-три английских и два французских миноносца.

Но на Керченском полуострове враг был не только на фронте. В лабиринте километров штолен находившейся близ Керчи каменоломни, еще со времен немцев и гетмана, укрывались большевики и разного рода дезертиры, количество которых не переставало увеличиваться. Имея вооружение, они время от времени совершали вылазки, с целью раздобыть провиант и захватить оружие. Малочисленный керченский гарнизон, который 11 мая поддерживал «Граф Игнатъев», с трудом с ними боролся, и в конце мая партизанам удалось даже на некоторое время занять город. Лишь с помощью прибывших с фронта частей и артиллерийского обстрела «Графом Игнатьевым», английским лидером «Монтрос» и французским миноносцем удалось снова загнать повстанцев в каменоломни, где они продолжали находиться до конца Гражданской войны.

В середине мая началось наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне. На побережье Азовского моря корабли оказыва-

ли содействие войскам. 17 мая при поддержке отряда капитана 1-го ранга Собецкого был занят Мариуполь. 30 мая посланный в крейсерство «Граф Игнатъев» высадил с демонстративной целью небольшой судовой десант у деревни Куль-Тепе. 6 июня при содействии отряда капитана 1-го ранга Собецкого был занят Бердянск. 13 мая «Кагул» снова ушел в Феодосийский залив. Условия службы на крейсере в течение его пребывания там были неважные: команда питалась главным образом солониной и сухарями; иногда давали свежую провизию с «Мальборо» — белый хлеб и картофель по полфунта на человека в день. Обмундирования не было, и люди ходили одетые во что попало. Лишь под конец операции по распоряжению командира «Мальборо» было выдано на «Кагул» 500 комплектов английского матросского обмундирования, что сильно подняло дух команды. Чтобы избежать лишних походов в Новороссийск, английский транспорт в два приема дал крейсеру 350 тонн угля и воду.

22 мая «Мальборо» с корректировкой привязного аэростата и английские миноносцы обстреляли район восточнее Владиславовки. Ввиду полученных англичанами агентурных сведений, что красные подготовили три моторных катера для атаки торпедами кораблей, 24 мая «Кагулу» было поручено обследовать находящуюся западнее Феодосии Двужорную бухту, где была торпедная пристрелочная станция; одновременно эта операция должна была потревожить тыл красных. Подойдя к бухте, катер пограничной стражи «Ворон», сопровождавший крейсер, высадил под командой капитана 2-го ранга Кочетова³⁰⁶ небольшой десант из команды «Кагула», при приближении которого отдельные вооруженные люди бежали в горы, причем один комиссар из бывших матросов был убит. На берегу стояло три не вполне исправных моторных катера; их спустили на воду, но один сейчас же затонул, а два других были взяты «Ворон» на буксир. В это время на горе был замечен человек, сигнализировавший флагами. Не зная, кто он — красный или белый, — сигнальщики начали принимать семафор, и на их блокноте появилась отборная марсофлотская ругань! Чтобы проучить нахала, в его сторону был сделан выстрел из зенитного орудия, и человек, бросив флажки, кубарем скатился под откос. Когда десант уже вернулся к крейсеру, с горы был открыт пулеметный огонь, но после нескольких посланных из зенитки шрапнелей пулеметы замолчали.

В этот же день, для усиления демонстрации, «Мальборо» обстрелял берег и 26 мая снова изредка стрелял отдельными орудиями. Продолжая поиски мнимых катеров, на состоявшемся на «Мальборо» совещании было решено осмотреть Феодосийский порт, для чего был

назначен лидер «Монтрос», а для его прикрытия, не входя в гавань, крейсер «Кагул».

3 июня «Монтрос» под парламентарским флагом вошел в порт и вступил в переговоры с городским советом о том, чтобы было дозволено осмотреть порт. Из этих переговоров ничего не вышло, но все же было установлено, что гавань совершенно пуста. В тот же день «Мальборо» давал одиночные выстрелы по берегу, а 6 июня с корректировкой аэростатом произвел стрельбу по двум железнодорожным мостам, с целью затруднить подвоз снабжения к фронту. В этот же день отряд добровольцев пытался проникнуть в деревню Дальние Камыши, но был с потерями отбит. На следующий день «Мальборо» бомбардировал эту деревню и выпустил 70 снарядов из 343-мм орудий и 300 150-мм. «Кагул» и французский миноносец «Каск» стреляли по той же цели. В результате бомбардировки деревня была сильно разрушена, причем, не считая занимавших ее красноармейцев, пострадало гражданское население.

17 июня началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению Крыма с севером. На 18-е было назначено наступление войск на Ак-Манайской позиции. В то же утро «Кагул» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, задачей которого был захват узла дорог, ведущих из Феодосии в глубь Крыма. Ночью крейсер принял на борт 160 человек, при 10 пулеметах 52-го Виленского полка, под командой полковника Королькова. Рано утром «Кагул» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» без сопротивления высадил десант, который быстро пошел вперед и занял деревню Насыпкой. После этого «Кагул» с дистанции в 17 километров сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказывал ему огневую поддержку. Около 17 часов десант соединился с прорвавшими фронт левофланговыми частями генерала Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем: со стороны Черного моря — «Мальборо» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря — «Графом Игнатьевым» и мониторами. Ввиду прорыва фронта и угрозы на севере, красное командование решило эвакуировать Крым, и в частности Севастополь, но отошедшие на Арабатскую стрелку части все же оказывали сопротивление, и находившиеся в Азовском море корабли оказали сильную поддержку наступавшим по стрелке добровольцам. Семь моторных катеров, вооруженные пулеметами, прошли в Сиваш, и 20 июня су-

довой десант, высаженный под прикрытием артиллерийского огня, взорвал железнодорожный путь у Геническа. На следующий день десантом был занят остров Бирючий.

22 июня была произведена операция, имевшая целью занятие последнего находившегося в руках красных порта Геническ. По агентурным сведениям и наблюдениям с моря, береговых батарей у Геническа не было и в самом городе почти не было войск, но находились заслоны в сторону Бердянска. Согласно выработанному плану, в ночь на 18-е, при поддержке кораблей отряда капитана 1-го ранга Собоцкого на «Колхиде», армейский десант силою в 500 человек (под командой генерал-майора Залесского) должен был высадиться северо-восточнее Геническа у деревни Юзкуй. Утром же 18-го невооруженная паровая шхуна «Перикл» должна была высадить в самом порту сформированную для этого морскую роту в 80 человек под командой капитана 2-го ранга Медведева. Два английских миноносца должны были поддержать «Перикл». В 3 часа ночи, после обстрела Юзкуя канонерской лодкой «К-15», два болиндера высадили десант, который, встретив вскоре сильное сопротивление, не смог продвинуться вперед. Утром, под прикрытием редких выстрелов английских миноносцев, «Перикл» вошел в канал и начал высадку. В это время совершенно незамеченный из-за проливного дождя, оказавшийся случайно в Геническе бронепоезд подошел на близкое расстояние и открыл по «Периклу» беглый огонь из своих орудий и пулеметов. Капитан 2-го ранга Медведев был убит на мостике, и «Перикл», пытаясь отойти, сел на мель. Погибли также лейтенант Елкин, мичман Цепровский и кадет Морского корпуса Борейша. Часть людей попрыгала за борт, и два гардемарина достигли вплавь английского миноносца, кроме того, еще девять человек были спасены. Большая часть отряда, которая успела высадиться, в надежде на подход десанта из Юзкуя двинулась к центру города, но на главной площади была окружена и сложила оружие. По советским сведениям, всего было взято в плен 87 человек, очевидно включая в это число команду «Перикла». Можно с основанием удивляться — по какой причине в эту операцию был послан безоружный пароход, а не канонерская лодка, так как было неосновательно базироваться на сведения об отсутствии в Геническе артиллерии, которая, как это и вышло, могла прибыть туда с часу на час. Десант у Юзкуя к вечеру был взят обратно на корабли. В течение этого дня «Граф Игнатъев», вооруженный буксир «Гидра» и «Ольга Мефенити» поддерживали артиллерийским огнем наступавшие вдоль Арабатской стрелки части. В конечном результате Геническ был занят Добровольческой армией лишь 6 июля,

причем «Граф Игнатъев» содействовал с моря. С этого дня все побережье Азовского моря оказалось в руках Добровольческой армии.

После занятия Феодосии 19 июня «Кагул» ушел в Новороссийск, на этот раз имея пары в девяти котлах, 13-узловым ходом. Во время прошедшей операции, принимая во внимание, что в Новороссийске не было снарядов для орудий крейсера, а на корабле был запас лишь на 600 выстрелов, капитан 1-го ранга Остелецкий их экономил, предоставляя англичанам, когда это было необходимо, вести массированный огонь, что те делали очень охотно. Пополнив в Новороссийске запасы и дав команде отдохнуть, 27 июня «Кагул», имея на борту генерала Деникина и адмирала Саблина, в сопровождении посыльного судна «Буг» и отремонтированного «Летчика», пошел к берегам Кавказа. Целью похода было как бы подтверждение принадлежности Сочинского округа правительству юга России. Посетив Туапсе, Сочи и Адлер, 30 июня отряд вернулся в Новороссийск.

17 июня, в связи с революционными выступлениями матросов и солдат на юге России, французское правительство постановило прекратить вооруженную интервенцию, и после этого французские корабли, за редкими исключениями, непосредственного участия в операциях не принимали.

Взамен «Кагула» в Феодосию прибыл миноносец «Живой». В это время красные уже оставили побережье и спешили на север. 24 июня красноармейские отряды и администрация покинули Севастополь, но об этом стало известно лишь через несколько дней. Идя вдоль Южного берега Крыма, «Живой» своим появлением в попутных местах как бы санкционировал их занятие Добровольческой армией и оказывал моральную поддержку образовавшимся местным властям. 28 июня «Живой», первым кораблем под Андреевским флагом, пришел в Севастополь и встал на якорь против Графской пристани. В городе уже образовывались городское управление и охрана, но группа с «Живого» арестовала и без всякого следствия расстреляла капитана 1-го ранга Б. Тягина³⁰⁷, который во время двухмесячного пребывания красных в Севастополе занимал должность командира порта и вся его деятельность свелась к сохранению складов и кораблей от расхищения; при уходе красных он добровольно остался в Севастополе. 6 июля «Кагул», с адмиралом Саблиным и его штабом, пришел в Севастополь. Адмирал Саблин поднял свой флаг на стоявшем брандвахтой старом броненосце «Георгий Победоносец», и с этого дня Севастополь снова стал главной базой флота.

Несмотря на расхищения, которым подверглись запасы флота в складах порта, все же многое осталось, но далеко не все, что в настоя-

ший момент было нужно. Склад огнеприпасов в Сухарной балке имел еще много снарядов разных калибров, но четырехдюймовых гильз почти не было. На блокшиве «Двенадцать Апостолов» находилось 1500 малых мин типа «рыбка», а на кораблях со взорванными машинами было много орудий, которые могли быть использованы для вооружения канонерских лодок и бронепоездов. Судоремонтные мастерские и доки остались в сохранности, но не хватало многих материалов; все же, поскольку рабочие не бастовали, можно было ремонтировать корабли.

Что же касается пополнения корабельного состава, в Севастополе оказалось лишь несколько тральщиков, оставленных во время эвакуации в распоряжении французов, и несколько минных и других катеров. Но англичане передали в Новороссийске два 19-узловых сторожевых катера в 37 тонн «МЛ-204» и «МЛ-405», которые вскоре получили названия в память убитых офицеров: «Капитан 2-го ранга Медведев» и «Старший лейтенант Макаров»; последний был убит в 1918 году под Ставрополем, командуя морским бронепоездом.

Находившиеся в Новороссийске корабли, поскольку им позволяло состояние механизмов, спешили перейти в Севастополь. 14 июля пришел уже закончивший ремонт миноносец «Жаркий» и в то же время — «Терец». 21 июля восьмиузловым ходом пришел «Поспешный» и был поставлен к Минной базе для ремонта котельных ветрогонок, исправить которые в Новороссийске не было возможности. 5 августа из Мариуполя прибыл строившийся там как минный транспорт для Очаковской крепости «Грозный» и был зачислен канонерской лодкой, но его вооружение — два 120-мм и два 100-мм — из-за смещения калибров и расположения орудий нельзя было считать удачным.

В конце июля по просьбе адмирала Колчака, в армии которого был большой некомплект в командном составе, во Владивосток был послан пароход «Иерусалим», имевший на борту более двухсот сухопутных офицеров. По готовности и пополнении запасов и команд корабли уходили в Тендровский залив для участия в операции, закончившейся занятием Николаева и Одессы.

В. Аристов³⁰⁸

НА «ЖИВОМ» В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ³⁰⁹

В начале 1919 года я жил у моих родителей в Севастополе. Хотя я и состоял студентом агрономического факультета Таврического университета в Симферополе, за отсутствием достаточных средств у отца

и неумения их заработать самому я не решался ехать на учебу в это смутное время, да и родители не очень настаивали в этом вопросе.

Идя однажды по Екатерининской улице, встречаю приятеля-гимназиста Сергея Захарченко, сына морского офицера. Он спрашивает меня, что я делаю. Отвечаю — слоняюсь без дела, читаю книги из Морской библиотеки (отец мой³¹⁰ был председателем комитета директоров этого прекрасного учреждения). Тогда Сергей задает мне вопрос: не хочу ли я поступить матросом на миноносец, который вооружает крымское краевое правительство для охраны берегов и борьбы с контрабандой? Я ухватился за его предложение и спросил, куда надо обращаться. Он дал мне адрес.

Переговорив с родителями и получив их разрешение, на другой же день я был в гостинице «Северная» у капитана 2-го ранга Кисловского, сказал, кто я и что желаю служить на миноносце. Он дал свое согласие, предложив принести две рекомендации от морских офицеров. Таковые дали мне друзья отца: генерал-лейтенант флота в отставке минер А.А. Коленковский и генерал-майор флота инженер-механик А.В. Качалов³¹¹. Эти рекомендации и мой паспорт я отнес Кисловскому, который, просмотрев бумаги, сказал, что зачисляет меня в машинную команду, так как палубная уже укомплектована, и что в ближайшие дни мне придется уже начать службу, неся охрану эскадренного миноносца «Живой», стоящего на приколе у стенки минной бригады. При найме мне также было сказано, что мой заработок будет 1500 рублей в месяц, что в случае моей смерти похороны — за счет государства и что договор будет подписан, как только будут готовы бланки.

Через несколько дней я уже нес караул на миноносце «Живой» постройки 1903 года, из серии в девять кораблей, в 360 тонн водоизмещения, со скоростью хода в 26 узлов; четыре водотрубных котла на смешанном угольно-нефтяном отоплении, четыре трубы, две машины тройного расширения, два винта. Вооружение — два 75-мм орудия и два минных аппарата. Это было суденышко двадцатилетней давности, проболтавшееся в открытом море всю войну 1914—1917 годов и кончавшее свой век.

Работа по приведению корабля в порядок началась немедленно. Первым делом пришлось в кубриках закрыть люки в бомбовой и другие трюмы, которые все были настежь открыты и в горловины которых попадали в темноте многие новые матросы, получив при этом тяжелые ушибы.

Старшим механиком корабля был инженер-механик лейтенант П.П. Орловский³¹², а помогал ему старый машинный кондуктор фло-

та, плававший всю войну 1914—1917 годов на однотипном миноносце «Жаркий». Звали его Василий Иванович. Когда Василий Иванович узнал, что я севастополец и хорошо знаю порт, он назначил меня машинным содержателем, и мне пришлось целыми днями бегать по складам порта, собирая и перевозя на миноносце материалы, необходимые для бесперебойной и безупречной работы машины. Остальные чины машинной команды перебирали и проверяли механизмы и начинали пробовать котлы.

В это время на рейде Севастополя стояла смешанная союзная эскадра. В морских казармах квартировал 131-й французский пехотный полк. В здании старой почты капитаном Коттером формировался батальон Симферопольского офицерского полка. В городе было спокойно.

Для удобства миноносце был переведен на причал в Минные мастерские. За внешним рейдом продолжались работы по снятию с мели громадного по тем временам французского броненосного крейсера «Мирабо» в 16 тысяч тонн водоизмещения, брошенного на мель сильной бурей в январе 1919 года.

Положение в Крыму становилось с каждым днем все напряженнее. Красная армия захлестывала Украину, приближаясь постепенно к Крыму. Повсюду начали поговаривать об уходе союзников. После четырех лет войны никто из них воевать не хотел, да и большевики не дремали, разлагая солдат и матросов, особенно французской эскадры.

Был конец Великого поста. Прошли пароходы с беженцами из Одессы. Начали готовиться к уходу и мы. Но машины не были еще готовы. Василий Иванович, кондуктор флота, заявил, что он стар и из Севастополя не уйдет. Не пришли с берега из отпуска еще два старых матроса-машиниста, а когда последний из старых унтер-офицеров Тимофей Фоменко пытался убежать с миноносца, его догнали и жестоко избили, опасаясь саботажа. Так он был оставлен в команде и ушел на миноносце вместе со своей женой.

Рядом с миноносцем стоял у Минной пристани громадный пароход Добровольного флота «Рион», полный беженцев. Дня за два-три до ухода, в сумерках, на «Рионе» раздался сильный взрыв, и вместе с огнем и дымом полетели вверх обломки дерева, осколки стекла и пр. Началась паника, кто-то бросился в воду, раздалось несколько ружейных выстрелов. Оказалось, что в одном из трюмов была подложена адская машина. И хотя транспорт пострадал не сильно и больших потерь не было, паника была большая.

Мой отец, доктор медицины, служивший уже двадцать лет в Севастопольском морском госпитале, оставаться в городе не хотел, так

как уже в 1917—1918 годах большевики за ним охотились и пытались даже убить его. Тогда его спасла одна женщина, у которой он вылечил больных детей. Теперь отец решил уходить со мной на миноносце, на что я получил разрешение командира.

Не помню дня и числа, но было это в конце шестой или в начале седьмой недели Великого поста, когда поздно вечером буксирный катер «Доброволец» подал швартовы, на корме буксира расположился караул из трех молодых, здоровых армейских офицеров из команды миноносца (корнет Рубанов, поручик-артиллерист Недбай и хорунжий-уралец, фамилии которого не помню), палубная команда отдала концы причалов, и миноносец на буксире «Добровольца» начал потихоньку выходить на рейд и далее, огибая «Георгия Победоносца», к боновому заграждению и выходу в открытое море. Ночь уже наступила, было тихо, на темном звездном небе не было ни одного облачка. Что происходило в городе, я не знаю, но время от времени раздавался свист шальной пули, а затем слышался отдаленный хлопок выстрела. Кто-то, значит, следил за кораблями, видимо с Корабельной стороны.

В момент отдачи швартовов, как только корабль тронулся, многие сняли фуражки и перекрестились. Погода была чудная, море спокойное, как зеркало, и только в буруне за кормой тысячами искр светились в воде фосфоресцирующие моллюски.

С какой скоростью мы шли, сказать не могу, помню только, что на другой день, проходя вдоль Южного берега Крыма, мы видели на постройках Ливадии красный флаг. Было тихо. Чистое голубое небо, такого же цвета безбрежное, спокойное море и нежаркое раннее весеннее солнце, освещавшее горы, леса и многочисленные дворцы, дачи и деревушки Южного Крыма. Ночью от Аю-Дага взяли курс прямо на Новороссийск, и на другой день вокруг нас было только чистое море.

В машинном отделении и кочегарках работа не останавливалась. Котлы были уже под парами. Инженер-механик был почти все время в кочегарках. С нами же в машинах работал унтер-офицер Фоменко. Крышки цилиндров были подтянуты, прокладки проверены и сменены еще на стоянке. Проверены и подтянуты болты на подшипниках. Все подшипники залиты маслом, проверены донки, опреснитель. Ветоши было достаточно, все было протерто и блестело.

В первое же утро похода встал вопрос о питании экипажа. Вызвали добровольцев. Таковыми оказались старшим коком армейский капитан А.А. Вельк, а помощником у него одесский гимназист Илья Кальф, сын известного на юге табачного фабриканта. С новым назна-

чением Илья, бывший до того в машинной команде, переменял и кубрик, перейдя из машинного в палубный.

Из Севастополя миноносец вышел под командой капитана 2-го ранга Кисловского. Старшим офицером был лейтенант Охотин³¹³, штурманом — лейтенант Субботин³¹⁴, ревизором — лейтенант Спаде³¹⁵, будущий командующий Латвийским флотом. Были еще лейтенанты Петровский³¹⁶, Вавилов³¹⁷, А. Гурский³¹⁸, мичманы Хрущев³¹⁹, Бернадский³²⁰, штабс-капитан по адмиралтейству Верещинский, старший лейтенант П.И. Орловский, боцман гардемарин Н. Честеско, машинный унтер-офицер Фоменко. В составе команды было около 10 армейских офицеров: капитан А.А. Вельк, хорунжий-донец Хартулари, поручики Кириченко, Надеждин, Недбай, корнет Рубанов, прапорщики Орлов и Зубков, хорунжий-уралец и военный чиновник, чьих фамилий не помню. Три кадета Морского корпуса: Круглов, Захарченко и еще один, кадеты сухопутных корпусов: сумцы — В. Гордеевич, В. Миончинский, Орловского — А. Назаров, Одесского — Н. Рурский, юнкер-ялтынец Л. Иванов, студент-медик 4-го курса Бурназ (фельдшер), студенты: Н. Золотарев, В. Аристов, Окунев, А. Остряков; гимназисты С. Захарченко, Осипов, Кальф, М. Шайтан, Остапенко, два журналиста: Грушевский и еще один. Были также еще один армейский подпрапорщик и юнга, мальчик четырнадцати лет. Многих офицеров сопровождали жены. Детей не было.

На наше счастье, весь переход погода стояла отличная. Море было спокойное. На третий день увидели гористые берега Кавказского побережья и, уже подходя к Новороссийску, справа — мачты потопленных матросами в 1918 году кораблей Черноморского флота.

Берег был еще далеко, когда командир приказал «Добровольцу» отдать буксир, и миноносец, дав ход своими машинами, пошел ко входу в Новороссийский порт, оставив «Добровольца» далеко позади. Все были очень довольны таким достижением, а на другой день в местной газете мы прочли, что «вчера на Новороссийский рейд вошел под Андреевским флагом эскадренный миноносец «Живой».

На рейде уже стоял крейсер «Генерал Корнилов». Он вышел из Севастополя позже нас и, видимо, шел мористее, так как в походе мы его не видели. На рейде и у причалов стояли «Рион» с беженцами и ряд других пароходов, миноносцы «Жаркий» и «Поспешный», канонерка «Кубанец», подводная лодка «Нерпа» и другие корабли.

В Новороссийске мы встретили Пасху. Помню, что кок сварил нам на розговены даже глинтвейн из вина, выданного французами вместе с другим провиантом для команды.

В Новороссийске мы получили пополнение в машинную команду — пять кубанских казаков. Позже прибыли лейтенант Осипов³²¹, мичман Христо-Феодорато³²² и два инженера-механика, фамилии которых не помню. Постепенно с миноносца ушли почти все армейские офицеры. Вскоре после Пасхи миноносец получил приказание отправиться в Туапсе. Это было наше боевое крещение, так как условия погоды были уже не те, при каких мы пришли из Крыма. Небо было покрыто тяжелыми свинцовыми тучами, шквалами налетал дождь. Море было бурное, и громадные волны разбивались о молы. Рядом с нами у пристани на «Доброволец» грузился отряд пластунов для Геленджика. Я отстоял свою вахту в машине еще на стоянке и сменился, как только вышли в море, около 8 часов вечера. Миноносец бросало, как щепку. Сменял меня Володя Гордеевич. Я добрался до койки, лег и укачался. Когда в полночь он пришел будить меня на вахту, я лежал пластом и не мог подняться. Объяснив ему мое состояние, я попросил его, если он в силах, отстоять вахту за меня, а я отстою за него в другой раз. Он согласился и отстоял ночь за меня, а наутро еще и за себя.

Миноносец уже ночью подошел к Туапсе. Ночь была темная, маяки не горели, и корабль чуть не разбился о мол. Командир, который весь поход провел на мостике, предпочел отойти в море до рассвета, когда и ввел корабль в порт.

Меня так укачало, что весь день, даже ходя по молу, мне казалось, что все кругом качается. Получил я и нагоняй от моего начальника, инженера-механика лейтенанта Орловского: он мне сказал, что, несмотря на качку, я должен нести свою вахту. Этот поход показал, что, несмотря на всю мою любовь к морю, я — не моряк.

В Туапсе мы пополнили наши запасы угля. Надо сказать, что угольная погрузка, при частых плаваниях корабля, работа утомительная и очень грязная. Угольная пыль проникает повсюду, пачкает все. Надо чистить корабль, отмываться самому, отстирать рабочую одежду и белье, а так как все стирается в морской воде, то надо много и труда и мыла.

В этот начальный период моей службы я совершил проступок и был наказан: на стоянке в Туапсе я нес вечером вахту и получил от лейтенанта Субботина распоряжение передать по вахте, чтобы его разбудили в 4 часа утра. При смене я забыл передать это поручение. Утром лейтенант Субботин меня спрашивает о выполнении мною его распоряжения. Только тут я вспомнил о нем и получил два часа под винтовку, которые в тот же день и отстоял. Подобные наказания были очень редки.

В течение весны и начала лета миноносцу несколько раз пришлось совершать переходы из Новороссийска в Туапсе и обратно. Подолгу мы нигде не стояли. Однажды на переходе в Туапсе в открытом море были произведены испытания обоих орудий боевыми снарядами. При первом выстреле у орудия не оставляли никого. Курок спускался при помощи длинного шнура, все укрывались в стороне.

Другой раз миноносцу было дано задание освободить прибрежный поселок Гаврило-Осиповское от зеленых, которые его захватили, убив там коменданта. Ранним утром миноносец подошел довольно близко к берегу и бросил якорь. Была спущена шлюпка. Десантная партия под командой лейтенанта Субботина пошла к берегу под прикрытием обоих орудий миноносца, готовых открыть огонь. Кроме винтовок, десантники имели с собой и ручной пулемет. Зеленых в поселке уже не было. В виде репрессии в домах подозреваемых было взято штук 15 молодых гусей и, привезенные на миноносец, они улучшили питание команды.

Во время стоянок корабля в Новороссийске или в Туапсе команду повахтенно спускали на берег. В ту эпоху Туапсе был небольшой портовый городок с выходом железнодорожной ветки от Армавира на Сочи. Много зелени, кругом горы, покрытые лесами, и море.

В отличие от Туапсе Новороссийск — большой торговый порт с большим количеством пристаней, уютный на узкой полосе земли между морем и горами, почти без зелени и очень пыльный летом. Главная часть города расположена на северной части залива. Бухта образуется двумя молами, заканчивающимися маяками. На южной стороне бухты расположены цементные заводы, идущие по берегу на взморье к Геленджикю. В главной части города я был только однажды.

Недели две спустя я заболел, и меня оставили в лазарете в Туапсе, боялись сыпняка, но оказалось — грипп. На миноносце был тогда один случай сыпного тифа, заболел казак Саенко, из пополнения. Он тоже лежал в госпитале в Туапсе. Я проболел неделю и получил еще неделю отпуска по болезни. Миноносец как раз пришел опять в Туапсе, и я ушел на нем в Новороссийск. Отпуск я решил провести сперва у одного дяди, в станице Нововеличковской, а затем у другого, в станице Крымской. В это время началось большое наступление Добровольческой армии на всех фронтах.

Вернувшись в срок в Новороссийск, я узнал от отца, что «Живой» ушел в боевой поход к берегам Крыма, что он уже в Севастополе и что я могу догнать его на минном заградителе «Бут», который уходит туда же. Отец помог мне оформить все мои бумаги, я с ним попрощался и перебрался на «Бут».

Не помню, когда мы вышли из Новороссийска и что я делал на «Буге», думаю — отсыпался в минной палубе, так как она была пуста, в Севастополь же пришли на рассвете и ошвартовались у пристани РОПИТа. «Живой» гордо стоял на якоре посреди бухты, между Графской пристанью и Павловским мыском.

Как только положили сходни, я попросил разрешения покинуть корабль и зашагал по Екатерининской повидать мать и брата. Было еще очень рано. Улицы были пусты, нигде ни души. Звонят только гвозди моих английских ботинок.

Вот и наша квартира, рядом с типографией «Крымского вестника». Звоню. В дверях — брат, за ним бежит мать. Объятия, поцелуи, расспросы. Из кабинета отца в полураскрытую дверь на меня смотрят какие-то подозрительные личности — их вселили к матери Советы. Все мы были, конечно, очень рады вновь встретиться и успокоить друг друга.

В тот же день я был уже опять на «Живом» и приступил к исполнению своих обязанностей. Друзья рассказали мне об их триумфальном походе, начиная с Феодосии, куда они ворвались до прихода армейских частей, а затем прошли Судак, Алушту, Ялту, Алупку, повсюду встречая радушный прием населения и устанавливая власть правительства юга России.

Через день миноносец пошел в море, огибая мыс Тарханкут, и взял курс на порты Скадовск и Хорлы. Там все было тихо. Представители советской власти уже оттуда исчезли. У одного фотографа в Скадовске мне пришлось видеть снимок с тела старой г-жи Фальц-Фейн, зверски изрубленной махновцами.

В Скадовске я принял участие в десантной партии на остров Тендра под командой лейтенанта Субботина, но противника там мы не обнаружили. «Живой» и «Жаркий» совершили еще раз поход в эти воды и затем вернулись в Севастополь.

После короткой передышки и погрузки угля с баржи и нефти с английского крейсера «Карадок», мы приготовились к новой боевой операции. На этот раз вопрос шел о взятии Одессы. Мы вышли в море одни, рано утром, но знали, что к Одессе идет и «Корнилов», охраняющий десантный транспорт «Кача». «Живой» должен был произвести разведку северо-западной части Черного моря в районе Днепровского лимана и островов Тендры и Березань и затем присоединиться к главным силам к западу от Одессы. Мы шли хорошим по тем временам ходом в 23 узла, имея три исправных котла из четырех.

Помню, что в этом районе мы встречали много рыбацких лодок, останавливали их, проверяли документы людей и груз и отпускали.

На борту миноносца находился разведчик, прибывший на днях из Одессы. Процедура задержания лодок была однообразная: при появлении паруса на горизонте, миноносец летел туда полным ходом и при сближении давал очередь из пулемета. Парус спускался. Мы подходили борт о борт, производили опрос людей, осмотр груза и затем расходились. Появление Андреевского флага в этих водах их озадачивало. Ближе к берегу мы не подходили, видимо чтобы не вызвать подозрений береговой охраны и взять врасплох.

В одно утро, едва только рассвело, мы очутились в компании «Генерала Корнилова», «Качи» и английского крейсера «Карадок» в расстоянии не больше одного километра от берега. Почти тотчас же крейсера начали артиллерийский обстрел вокзала. Огонь корректировался гидросамолетом с английского крейсера. С «Качи» пошли баркасы с десантом, и было видно, как люди с винтовками наперевес выскакивали на берег, сейчас же рассыпались в цепь и шли вперед. Десант высаживался на пляже к западу от города, за Фонтанами.

Миноносцу был отдан приказ пройти вдоль берега до входа в гавань, вдоль Фонтанов, выявить и сбить батарею противника. Как я уже упоминал, на миноносце было в этот момент в действии три котла из четырех. Последний был поврежден. Не успели мы отойти от крейсеров, как старший кочегар юнкер Лева Иванов³²³ (ялтынец, участник Кубанского похода) доложил из кочегарки, что в одном из котлов прогорела труба. Котел потушили, и ход снизился. Через некоторое время выходит из строя еще один котел. Миноносец плетется как черепаха, делая четыре узла. Пушки и пулеметы направлены в сторону берега. У командира на карте отмечены позиции неприятельских батарей, но они не подают признаков жизни. Так мы доходим до выхода из порта.

В кочегарках идет лихорадочная работа. Надо затушить два котла и заклепать лопнувшие трубы. К нашему счастью, «механические силы» на миноносце усилены: в Севастополь вернулся Василий Иванович и еще три старых машинных унтер-офицера. Есть и два инженера-механика. К следующему утру котлы вошли в строй.

При выходе из порта была остановлена моторно-парусная шхуна, уходившая на Кавказ. Шхуне было предложено остановиться и бросить якорь. Была проведена проверка документов и груза. Было задержано несколько человек, которых перевели на миноносец и посадили в угольную яму. Шхуне было предложено не уходить, и она простояла тут еще несколько дней. Миноносец развернулся на виду у порта и тем же черепашьям ходом поплелся к крейсерам.

На створе одной из красных батарей навстречу миноносцу вышла шлюпка с белым флагом. Со шлюпки передали, что батарея переходит на сторону Добровольческой армии, и мы облегченно вздохнули. После полудня доплелись до крейсеров. Операция прошла удачно, сопротивления почти не было, Одесса взята.

Наверху, в городе, на набережных полно народу. С миноносца отправляют несколько патрулей по четыре человека. Наша четверка из машинной команды имеет задачей проверить здание, занимавшееся ВЧК, нет ли там заключенных, живых или мертвых. Здание мы осмотрели, повсюду валялись брошенные предметы обмундирования и снаряжения, но все было пусто. Я подобрал на память алюминиевую фляжку военного образца, и она до сих пор находится у меня, вот уже почти пятьдесят лет. Когда наш патруль поднимался по Ришельевской лестнице, винтовки без штыков на ремне, мы получили несколько букетов цветов от толпившейся здесь публики.

На другой день, изъявив желание идти в патруль, не спросив сначала разрешения старшего механика, я получил две очереди без берега, почему не мог пойти искать мою сестру, жившую в Одессе, а дождался ее прихода со знакомыми на мол, к миноносцу.

Из Одессы миноносец был послан к Очакову. Там, на береговой батарее шестидюймовых орудий «канэ», нам пришлось видеть отличную работу артиллеристов с эскадренного миноносца «Поспешный». Как рассказывали, «Поспешный» подошел к Очакову в то же, по-видимому, время, когда мы подходили к Одессе. Вечером, в темноте, он стал на якорь на взморье. Боевой тревоги на миноносце не было. Рано утром команда была разбужена выстрелами с берега: это четырехорудийная батарея шестидюймовых орудий открыла огонь по миноносцу. Расстояние было небольшое. Наводчик носового 100-мм орудия, не ожидая команды, открыл огонь и первым же выстрелом попал в щит одного из неприятельских орудий. Этого было достаточно для того, чтобы батарея прекратила огонь. Остальное довершил десант с миноносца. Очаков — город бедный, пыльный и, судя по окраинам около батареи, похож на большую украинскую деревню.

Некоторое время спустя, опять у Очакова, миноносец принял на борт с английского крейсера «Карадок» генерала Шиллинга со штабом, назначенного главнокомандующим войсками Новороссии. Из люка машинного отделения я невольно залюбовался искусством нашего командира, который, подходя довольно большим ходом, развернулся перед крейсером и подвел миноносец прямо к трапу. На крейсере генерала провожал почетный караул, и на груди нескольких английских матросов я заметил новенькие Георгиевские кресты, по-

видимому, награды за взятие Одессы. Генерал попрощался с англичанами, перешел со штабом на миноносец, и мы отвалили так же легко и быстро, как и подошли. Генерала мы отвезли в Херсон. В устьях Днепровского лимана хорошо видна разница между мутными водами Днепра и синей водой Черного моря.

Поход на Одессу показал, что котлы миноносца требуют проверки, и миноносец вскоре вернулся в Севастополь и стал у стенки порта для производства этой работы. В этот период я отказался быть машинным содержателем и передал машинную кладовую Осипову. Дважды во время похода на Одессу, заменяя болевшего кочегара, мне пришлось нести вахту в кочегарке, и я едва выдерживал четыре часа. Во время стоянки в Севастополе, как-то на палубе, старший механик сказал мне, что предполагает списать меня в экипаж как слабого. Дело шло к осени, к бурям и качкам. Я попросил его не списывать меня, а дать разрешение на переход в 5-й бронепоездной дивизион, формировавшийся в Севастополе. Разрешение я получил. Отец мой не возражал. На путях вокзала я нашел штаб дивизиона, где меня принял адъютант дивизиона капитан Генерального штаба Энгельгард. Он дал свое согласие, написал мне бумагу в штаб флота о моем переводе в их распоряжение, и дело пошло по канцеляриям.

Миноносец тем временем пошел опять в поход в Одессу, и я с ним. Котлы были все в исправности, и мы делали до 24 узлов. Опять побывали в Очакове и Херсоне. В Херсоне командиру попался на глаза чудный небольшой моторный катер, и он решил взять его с собой. Сперва пробовали поднять катер на таях на палубу, но шлюп-балки погнулись, не выдержав тяжести. Тогда решили взять его на буксир. Пока шли по Днепру и по лиману небольшим ходом, дело шло, но, когда вышли в открытое море и дали 23 узла, катер затонул. Его вытащили, откачали. Пошли — он опять затонул. Тогда к катеру прикрепили красный буюк и оставили его на дне морском, так как у миноносца было срочное задание и командир торопился в Одессу. Дальнейшая судьба катера мне неизвестна.

В Одессе около нас, на рейде, произошел взрыв и пожар на французском сторожевом катере, на котором погибли два французских моряка. Первую помощь при тушении пожара оказали моряки с миноносца, но потушил пожар спасательный катер Одесского порта с мощными помпами. Погибших моряков похоронили с отданием воинских почестей: была команда с миноносца и взвод от 4-й стрелковой дивизии.

В Одессе командир получил предписание о моем переводе в 5-й бронепоездной дивизион. Мне выдали необходимые документы, ос-

тавили мне мое английское обмундирование, мои морские чемоданы и даже койку, дали отношение командиру канонерской лодки «Грозный», шедшей в Севастополь, и я покинул миноносец «Живой» и флот вообще для новой службы на бронепоезде «Непобедимый»³²⁴.

С миноносцем я встретился еще раз, когда он после похода в Азовское море для борьбы с прорвавшимися в тыл Белой армии махновцами стоял в сухом доке в Севастополе, а я приходил охранять боевые площадки бронепоезда, заканчивавшиеся оборудованием в мастерских Севастопольского порта. Тут я узнал, что во время похода по приговору военно-полевого суда были расстреляны из экипажа миноносца два кочегара, Григор и Мендель, за попытку к бунту.

Конец миноносца был печальным. Как мне сообщил генерал-лейтенант Л.Д. Твердый³²⁵, корабль погиб со всем своим экипажем при эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма. Машины миноносца были неисправны, и он шел на буксире, который ночью, по-видимому, оборвался.

*Я. Шрамченко*³²⁶

КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА «ТЕРЕЦ» В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ³²⁷

Весной 1919 года, покончив с Украинской республикой, волны Красной армии стали заливать юг России, отжимая добровольцев и казаков к берегам Черного и Азовского морей. Кубань и Новороссийск еще держались крепко, но главные силы донцов были окружены и отрезаны. На пятой неделе Великого поста красные прорвали слабый фронт добровольцев на Перекопе и начали вливаться в Крым. Эвакуация Севастополя казалась неминуемой. На рейде Севастополя стояла большая французская эскадра и несколько английских миноносцев. В Новороссийске были англичане.

В это время я занимал должность начальника артиллерийских и минных складов в Сухарной балке. Мастерские там работали на Добровольческую и Донскую армии, снабжая бронепоезда 75- и 120-мм патронами.

Было Вербное воскресенье, когда меня вызвал командующий флотом адмирал М.П. Саблин и сообщил, что Севастополь должен быть эвакуирован до четверга, что с понедельника караул в Сухарной балке принимают на себя французы, что он не разрешает взрывать там погреба и что для эвакуации офицеров и чиновников, а также надеж-

ных и лучших мастеровых Сухарной балки он дает в мое распоряжение канонерскую лодку «Терец», стоящую под крышей у стенки в Южной бухте. Ни матросов, ни специалистов на ней нет, и я должен сам набрать себе команду хотя бы из мастеровых.

«Терец» перевели в Сухарную балку. Рабочие погрузили из наших запасов две тысячи пудов отличного донского брикета. Когда же развели пары и хотели опробовать машину, то в фундаменте сказала трещина и машину нельзя было пустить в ход. Тогда на совете старших служащих и представителя Добровольческой армии полковника В.К. Акинтьевского³²⁸ было решено использовать канонерскую лодку «Терец» как блокшив и буксировать его при помощи одного из тральщиков Донской флотилии.

В Страстную среду караван судов вышел из Севастопольской бухты в море. Тральщик «Эльпидифор» вел на буксире «Терца», у которого, в свою очередь, на буксире было две баржи с боевыми припасами.

На «Терец» было взято максимальное количество инструментов и матриц от станков для снаряжения патронов, а также почти все минные запалы. Пассажирами были старшие служащие Сухарной бухты, полковник Акинтьевский и несколько мастеровых, все — с семьями, морских офицеров было всего три — я, капитан 2-го ранга Кузнецов и лейтенант Любимов³²⁹. Ни инженера-механика, ни матросов не было вообще. Всего, с женщинами и детьми, на корабле было 73 человека. Под защитой Крымских гор в море было тихо. Ход — 4—5 узлов.

В четверг вечером, чувствуя себя в ответственной роли хозяина блокшива, я обратил внимание, что на горизонте, в районе Керченского пролива, видны веера облаков «сирус». Ожидая, что ночью за свежеет, я обошел палубы, предупреждая пассажиров о предстоящей качке. Во время обхода ко мне подошел благообразный, хорошо одетый старик и сказал мне: «Разрешите, капитан, я буду у вас боцманом; я — старый матрос и буду вам полезен». — «Очень рад, — сказал я, — попросите кого-нибудь из мужчин помочь вам закрепить гребные суда». Новоназначенный боцман быстро справился со своей задачей — грунты и найтовы были положены по всем правилам морского искусства.

Вечером, перед сном (я решил спать на мостике), я пошел с боцманом осмотреть дейдвудный подшипник. В наглухо задраенное отделение дейдвуда проникнуть уже было нельзя — там была вода. Было слышно, как она журчала, вливаясь в трюм. «Я буду мерить прибыль воды в трюме через палубные отверстия, — сказал мне боцман, — и каждый час буду вам докладывать».

В час ночи боцман разбудил меня и сказал, что вода в трюме сильно прибывает. «Пойдемте в машинное отделение, — предложил я, — там будет виднее». С коптилками в руках (электричества на корабле не было) мы пробрались, лавируя между спящими на палубе женщинами и детьми, в машинное отделение. Там нам сразу стало ясно, как велика была опасность. Вода глухо ударялась и переливалась с борта на борт при качке, и уровень воды подходил уже под настил машинного отделения. На корабле не было ни одного брандспойта, помпы Дайтона были неисправны. Мой взгляд остановился на трюмной донке и ее распределительной доске, хорошо знакомой мне со времени, когда я был корабельным гардемаринном на «Славе». «Если вы сможете развести пары в котле и сумеете поднять давление до 45 фунтов, то я смогу пустить трюмную донку в ход», — обратился я к сопровождавшему нас мастерскому Андрееву. Разбудили артиллерийского полковника Копьева, который, будучи студентом-политехником, ходил когда-то на практику кочегаром на паровозе. В помощь ему был назначен как кочегар портовый бухгалтер, коллежский ассессор Кондюров. С делом справились, пары были подняты. Тогда я вспомнил, как отвечал на экзамене по трюмному делу на «Славе», и уверенно проделал все манипуляции: поставил клапана на трюмной доске по стрелкам надписи — «берет воду из трюма», «откачивает за борт», потом открыл нижний приемный клапан донки, затем — регулятор пара... Донка начала работать, но результатов не было видно. Я послал предупредить спящих около пожарного отростка и перевел клапана на «дает воду на верхнюю палубу». Наверху послышались крики: кого-то окатило водой... Но это уже не важно, мы были спасены! Я быстро перевел клапан на надпись «За борт». Уровень воды в трюме начал понижаться... В Страстную пятницу вечером мы благополучно прибыли в Новороссийск, достали съестные припасы, соответствующие празднику, и отслужили заутреню на «Терце».

Через несколько дней я был назначен командиром «Терца», а пассажиры свезли на берег. Расставаясь с моим «боцманом», я просил его сказать мне, кто он такой. «Я — старый моряк и двадцать лет командовал океанскими пароходами», — ответил он. «Бог послал мне вас в трудную минуту моей жизни», — сказал я ему. Мы крепко обнялись и расцеловались со стариком. Больше я его никогда не встречал и фамилии его, к сожалению, не могу сейчас вспомнить. «Терец» был отлично отремонтирован отделением Ревельского судостроительного завода. Три 120-мм орудия были сняты и заменены шестидюймовыми орудиями «канэ».

Я был командиром «Терца» в течение двух лет и принял участие во многих боях Добровольческой армии как на Днестре, так и в Азовском море, под Геническим, защищая правый фланг Перекопских позиций от наступающей Красной армии. Офицерами у меня были: старшим офицером — старший лейтенант Трасковский³³⁰, штурманом — мичман Гассовский³³¹, вахтенным начальником — мичман Гансон³³², ревизором — мичман Любинский³³³, инженером-механиком — сначала полковник Бекман³³⁴, затем инженер-механик лейтенант Животов³³⁵ и, последние месяцы, инженер-механик мичман Кадесников. Команда состояла из бывших студентов Новороссийского университета, терских и кубанских казаков — учеников старших классов реальных училищ и нескольких армейских офицеров, поручиков и подпоручиков, из расформированных пехотных частей.

И. Холодковский³³⁶

ДЕЙСТВИЯ КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКИ «К-15» В 1919 ГОДУ³³⁷

В марте 1919 года в Севастополе была вооружена и укомплектована морскими офицерами и добровольцами канонерская лодка «К-15» под командой старшего лейтенанта (ныне капитан 2-го ранга) А.А. Остолопова. Ввиду всеобщей забастовки орудия (2 — 6" «канэ») ставились личным составом канонерки с помощью портового крана, который обслуживался также офицерами корабля.

Канонерка принимала участие в обороне Перекопа, после падения которого, в апреле, была послана в Азовское море к деревне Ак-Манай, у основания Арабатской стрелки. Здесь упирался в море правый фланг войск генерала Боровского, которые прикрывали Керченский полуостров, задержавшись на линии Феодосия—Ак-Манай. Вследствие своей тихоходности (2—3 узла) канонерка «К-15» подошла к Ак-Маная 2 мая, на другой день после большого «первомайского» наступления красных. У Ак-Маная стояло несколько английских легких судов с пятидюймовой артиллерией и два монитора, вооруженные 1-9" пушкой каждый. Из русских судов здесь был вооруженный ледокол «Полезный» (75-мм орудия), принадлежавший, кажется, Донской флотилии.

1 мая большевики овладели деревней Ак-Манай. Только что начавшие формироваться гвардейские кавалерийские части, которые занимали позиции, поддались панике. Создалось тяжелое положение, так как падение Ак-Маная открывало красным путь в тыл позиций

генерала Боровского. Только сосредоточенный огонь судовой артиллерии остановил, деморализовал и обратил в бегство обходящую группу противника. В этом бою деятельное участие принимал «Полезный», стоявший под самым берегом. Положение было восстановлено, и Ак-Манай снова занят нашими частями.

Через день или два по приходе «К-15» к Ак-Маная, красные вновь повели наступление, но на этот раз вне видимости с судов. Тем не менее благодаря налаженной телефонной связи с береговыми наблюдательными постами судовая артиллерия сыграла решающую роль в этом бою, который и был последним, так как наступательный дух красных был убит. О силе огня в этот день можно судить по тому, что мы с «К-15» выпустили по своему участку 187 6" снарядов, то есть более 90 снарядов на пушку, при подаче вручную по вертикальному железному трапу из погреба на верхнюю палубу. Какое же количество снарядов могли выпустить английские пятидюймовки? Вся эта масса металла обрушивалась на левую наступающую группу и отчасти на центр красных (по которому стреляли мониторы). По правой же группе стреляли из Феодосийского залива только что укомплектованный крейсер «Кагул» (впоследствии «Генерал Корнилов») и дредноут «Лемнос». Немудрено, что наступление красных захлебнулось.

После этого боя мы простояли у Ак-Маная около двух недель, обстреливая расположение противника. Затем «К-15» была послана на реку Дон для поддержки наступавших вверх по реке донцов. Однако в Ростове выяснилось, что осадка лодки не позволяет ей пройти средний Дон, и мы вернулись в Таганрог.

Вскоре было получено срочное приказание идти к Мариуполю для присоединения к отряду капитана 2-го ранга Собецкого. Но наш ход сбивал все расчеты штаба, мы пришли в Мариуполь уже после его занятия, где от коменданта узнали, что суда и войска направились к Бердянску. Пришли в Бердянск на другой день по его взятии и застали здесь как отряд капитана 2-го ранга Собецкого, так и знакомых по Ак-Маная англичан. Следующим заданием было взятие Геническа.

Для обсуждения плана этой операции командиры русских судов и представители военного командования собрались на яхте «Пернач» («Колхида»), где держал свой брейд-вымпел капитан 2-го ранга Собецкий. После заседания русские суда были оповещены, что формируется морской десантный отряд под командой старшего лейтенанта С.И. Медведева. Желаящим предлагалось записываться с разрешения командиров судов. Из наших офицеров желающим оказался мичман (ныне лейтенант) Ю.А. Степанов³³⁸.

Однако старший лейтенант Остолопов наотрез отказал ему в разрешении, добавив, что это «детская затея» и что «зря людей перебьют». В общих чертах план операции был таков: отряд старшего лейтенанта Медведева на пароходе «Перика» (пароход не вооруженный) идет прямо по каналу в Генический порт, высаживается и занимает город. Его поддерживает английская и отчасти русская судовая артиллерия. В то же время армейский десант высаживается у деревни Юзкуй, в северном углу Генического залива, и угрозой перерыва сообщений красных у Геническа с Мелитополем облегчает морякам занятие города. Для содействия этой группе назначалась наша канонерка «К-15» и один или два вооруженных парохода из отряда капитана 2-го ранга Собецкого. Всею операцией руководил генерал-майор Залесский (если не ошибся фамилией). По данным разведки, в самом Геническе красных частей нет, а стоят они севернее города.

На этот раз «К-15» была выслана за сутки до начала операции, и на другой день в темноте соединенный русско-английский отряд вошел в Генический залив и стал на якорь по диспозиции. Высадка началась с рассветом следующего дня. Две баржи с войсками были подведены к самому берегу, и высадка произошла без всяких помех со стороны неприятеля. Однако английский десант, отойдя сажень 100—200 от береговой черты, остановился за какой-то рошей и дальше не двигался. По семафору с десанта нам приказывали стрелять то туда, то сюда. Передавали, что от нашего огня неприятель бежит, но сам десант не двигался. Подходил на катере генерал, но положение не изменилось.

Наконец, уже под вечер, генерал снова подошел на катере и сообщил, что операция не удалась. Десант вновь погрузился на баржи, и мы пошли к выходу. Англичае, пэстреляв по городу беглым огнем, присоединились к нам.

Насколько я мог узнать, операция у самого Геническа протекала так: «Перика» с отрядом старшего лейтенанта Медведева с рассветом вошел в узкий длинный канал, ведущий к порту. При подходе был обстрелян, потерял рулевого и сел на мель. Десантный отряд, на шлюпках, не встретив более никакого сопротивления, высадился в порту. Полнейшая тишина вселила уверенность, что красные ушли из города, и отряд двинулся по одной из улиц. Когда он вышел на площадь, то был обстрелян сильным перекрестным пулеметным и ружейным огнем и был весь уничтожен.

Спасся только гардемарин (впоследствии мичман) Б.Н. Конге³³⁹. Он был ранен и назвался красноармейцем какого-то отряда. Его положили на излечение в Мелитопольский госпиталь, и впоследствии он

снова присоединился к Добровольческой армии. В таком виде была известна в то время история гибели отряда старшего лейтенанта Медведева, насколько точно — не знаю. Геническ был занят позднее, при дальнейшем развитии успехов Вооруженных сил Юга России.

Что касается канонерки «К-15», то, вследствие путаницы в штабах, она была отозвана в Новороссийск, разоружена и сдана в порт, а личный состав отправлен в Севастополь для назначения на суда Днепровской флотилии. Но вследствие той же путаницы на Днепр мы, не попали и впоследствии были в пополненном составе отправлены в Каспийское море.

*И. Нелавицкий*³⁴⁰

НАЧАЛО 2-ГО ОТРЯДА СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И СНЯТИЕ С МЕЛИ КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКИ «ТЕРЕЦ»³⁴¹

2-й отряд судов Черноморского флота или, в просторечии, Азовский отряд, с начальником, пользовавшимся правами отдельно командующего, был основан во второй половине декабря 1919 года. Начальником отряда был назначен только что произведенный энергичный капитан 1-го ранга Машуков (приказ о назначении от 25 декабря 1919 года по старому стилю). Базой отряда служила Керчь, и действия отряда распространялись на Азовское море и часть Черноморского побережья, прилегающую к Таманскому берегу.

Образование такого отдельного отряда было вызвано тем, что Азовское море приобрело значение очень важного участка, ввиду оставления нами Ростова и Ейска, появления на его берегах красных и также трудными боями в районе Геническа. Отряд предполагалось сформировать из вооруженных и вооружавшихся паровых шхун, а главными силами должны были быть канонерские лодки «Страж» и «Грозный», построенные в это время для пограничной стражи, и канонерская лодка «Терец», посланная ранее к Геническу для поддержки правого фланга наших частей, на Арабатской стрелке. «Терец» снабжался необходимым при помощи ледаколов «Всадник», «Гайдамак» и «Джигит», вооруженных тогда еще только 75-мм пушками. Изредка туда же подходил и «Грозный», имевший ледакольные образования. Тогда это были все наличные силы отряда. «Страж» еще не был готов, а вооружение других шло медленно.

Зима 1919/20 года была лютая. Азовское море стало, и ледаколы с трудом пробивались к Геническу и к стоявшему во льду «Терцу».

Образовались торосы, которые ползли на «Терец» и сжимали его со всех сторон. Зимой «Терец» несколько раз яростно отбивал атаки красной пехоты. Наконец, двинувшиеся льды прижали «Терец» почти к берегу и к марту месяцу оказалось, что он совсем на мелком месте. К этому времени «Грозный» и даже ледаколы с большим трудом могли передвигаться во льдах. Их ждали к середине марта в Керчь (пишущий эти строки прибыл в отряд 9 марта).

На всех ледаколах в то время администрация и команда были вольнонаемные, были они под флагом Министерства торговли и промышленности. Только на «Джигите» был военный комендант. Предполагалась, с приходом ледаколов в Керчь, замена администрации военным командованием и постепенная смена вольнонаемной команды матросами военного флота. На «Джигит» был назначен помощником военного коменданта мичман Нелавицкий. Обязанности артиллерийского офицера при 75-мм орудии на баке исполнял поручик по адмиралтейству Эглит. Капитаном ледакола числился типичный коммерческий капитан Усачев, при двух помощниках, а старшим механиком был Батиевский, тоже при двух помощниках. Все они, кроме Усачева, оставляемого на должности в качестве специалиста по ледакольно-спасательному делу, предназначались к списанию. «Гайдамак», с прибытием командира старшего лейтенанта Б.А. Новикова и старшего офицера лейтенанта Б.А. Калиновича³⁴², тоже стал приобретать военный вид. Таким образом постепенно слагался 2-й отряд судов.

В конце марта стали снаряжать экспедицию для снятия «Терца» с мели. Все надежды были возложены на «Джигита», как на самый сильный ледакол, и, когда море открылось и только в северной его части оставались лишь плавучие льдины небольших размеров, мы плавно рассекали бурные волны Азовского моря, направляясь к Геническу.

Накануне выхода прибыл к нам новый командир старший лейтенант Георгий Николаевич Болотин³⁴³, наскоро принявший вечером корабль. Хозяйство и денежная отчетность были сданы вновь прибывшему ревизору, подпоручику Корпуса корабельных офицеров Долголенко. Вольнонаемная команда была недовольна некоторой задержкой уплаты жалованья. Ледакол еще не принял военного вида и нес флаг Министерства торговли и промышленности. На этот поход командир еще считался комендантом, я — его помощником и вахтенным начальником.

Ранним мартовским утром подошли мы к Геническу, возле которого маячил силуэт беспомощного «Терца». Имея осаду, при пол-

ной нагрузке, в 18 футов, мы медленно, вымеряя лотом, приближались к цели. Ближе 150 сажен мы подойти не могли и с такого расстояния стали заводить перлиня. Мы сплеснили 12" пеньковый канат новый и старый 6" стальной, которого имелось еще 100 сажен.

От «Терца» отделилась шестерка, и на ней прибыл к нам его командир, капитан 2-го ранга Шрамченко, и штурманский офицер, тогда еще мичман Гассовский. Подойдя на возможно близкую дистанцию, мы отдали якорь и начали выработать план работ. «Терец» сидел почти всем своим корпусом на береговой отмели, фута на три выше ватерлинии. При его положении, с кормой, завалившейся в сторону Геническа, стрелять могли орудия только по правому борту. У кормового шестидюймового орудия был оторван ствол. Эти дни было затишье, прерывавшееся краткими поединками с красным бронепоездом, которых обычно бронепоезд не выдерживал и уходил. Иногда поднималась красная воздушная «колбаса», обстреливаемая нашей артиллерией.

Работы по снятию лодки начались в тот же день. Заводкой буксиров распоряжался наш специалист капитан Усачев, а всей вообще операцией руководил командир «Терца», капитан 2-го ранга Шрамченко. Концы завозили шлюпки с «Терца», под командой своих офицеров. Работа не ладилась. Перлиня лопались, уголь был плохой, мелкий, — полный пар не держался более пяти минут. Неприятель нам не мешал, но чувствовалось, что дух команды был надломлен. Все надеялись, что с приходом ледоколов в день или два «Терец» будет на чистой воде. После первой же неудачи, когда Усачев пробовал всякие способы, в том числе и «смычки» (переход с малого на полный сразу), стало ясно, что работа затянется и необходима промывка грунта. Команда упала духом. Работа, и очень тяжелая, шла впустую: с большим трудом, в продолжение многих часов заводили на большое расстояние тяжелые стальные 6" и пеньковые 12" перлиня, и все для того, чтобы один нажим — и они мгновенно рвались.

Затребовали катер для промывки грунта под лодкой. Пока ее, чтобы что-нибудь делать, продолжали тянуть, но достигли всего лишь того, что «Терец» получил некоторый крен. Неприятель тревожил редко. Наконец в нашем деле появился «Ногайск», небольшой буксирчик, не помню, откуда взявшийся. Он был быстро приспособлен к промывке грунта. Обслуживала его команда с «Терца».

В один из этих дней, после полуночи, дежурный по «Джигиту» офицер, поручик Эглит, выйдя наверх, не обнаружил вахтенной смены ни наверху, ни в машине. Это было в 0 ч. 30 м. Шлюпки на бакштове не оказалось, пулемета на баке также. Картина ясная: коман-

да бежала. Подняли тревогу. По семафору вызвали с «Терца» «Ногайск», который пришел через полчаса, с вооруженной командой при офицерах. Принял вооруженный караул с «Джигита», и пошли мы рыскать по заливу. Осадка до семи футов, ночь, плавающие льдины, отсутствие компаса. Напрасно рыскали часа два. Бежало 10 человек старой вольнонаемной команды.

Этот случай послужил скверным примером особенно для команды «Терца», обескураженной безуспешностью операции по снятию с мели, во что они уже и не верили.

Скоро наступила Святая Пасха, принесшая еще больше разочарований. Случай удачного бегства к красным прочно засел в головах и других чинов команды. Зараза по́пала на благоприятную почву. На сей раз также совершенно беспрепятственно бежал «Ногайск» с полным составом обслуживавшей его команды. Бежал он в 4 часа дня, просто отвалив от борта «Джигита», где он принимал уголь, в чем ему помогали и все офицеры «Терца» и «Джигита». С утра на первый день Пасхи выдался густой туман. В десяти метрах ничего не было видно. Море тихо. Мы ожидаем «Ногайск». Сегодня Пасха, но оба командира решили не терять времени и погрузить его углем сегодня, дабы не потерять день для промывки грунта. Были вызваны добровольцы с обоих кораблей, и все офицеры, для примера, вышли на погрузку.

Около четырех часов дня, после окончания погрузки, мы, грязные от угольной пыли, спустились вниз, чтобы, умывшись, приветствовать своих гостей с «Терца» рюмкой водки в кают-компани. Почти сейчас же отчетливый ружейный залп по ледяному поясу «Джигита» и возня наверху заставили нас, разобрав винтовки, выбежать наверх. Скрываясь в густом тумане, уходил «Ногайск». Ругань и перебранка на нем перемешивались с беспорядочной стрельбой. Наше орудие бездействовало — был снят ударник. Мы стояли в полном оцепенении. Все было проделано дерзко, неожиданно и потому успешно. Среди бежавших было лишь три простых казака, остальные — ученики мореходных училищ, не окончившие учебные заведения гимназисты, реалисты, в том числе один племянник офицера с «Терца». «Ногайск» выбросился где-то у неприятельского берега, в глубине Генического залива. На «Джигите» были легко ранены два матроса.

Пошли совсем печальные дни. «Джигит» беспомощно стоял в 150 сажнях от «Терца» и, для проформы, изредка «тянул». Наконец из Керчи появились транспорт со снарядами для «Терца» и какой-то буксир для промывки. Это были вестники какого-то оживления. С воз-

духа потянуло предстоявшей операцией по завладению Геническим. Главные наши силы, «Грозный», «Страж», паровая вооруженная шхуна «Како-Георгий», были в море где-то у Цареводаровки или Бердянска. Их ждали у нас. Пока шла перегрузка снарядов для «Терца», мы узнавали новости. Предполагалась небольшая десантная операция для завладения геническими позициями или для демонстрации.

Наконец, на рейд пришли главные силы отряда и транспорта с десантом, около тысячи человек пехоты при взводе артиллерии. Операция началась немедленно. Ею руководил капитан 1-го ранга Машуков, находившийся на «Гайдамаке». Начался обстрел Геническа. «Страж», «Грозный» и «Како-Георгий», крейсируя по заливу, метким огнем разрушали укрепления красных на подступах к Геническому. Иногда открывал огонь и «Терц». Наш «Джигит» оставался молчаливым зрителем происходившего. Начальник оперативной части капитан 2-го ранга Б.В. Карпов и брат командира «Джигита» лейтенант Б.Н. Болотин³⁴⁴ находились с успешно высаженным десантом на берегу, для связи с флотом. К вечеру стало известно, что наша пехота ворвалась в Геническ, заняв его на несколько часов, но была выбита, и ее разрозненные остатки бежали, частью вброд; на Арабатскую стрелку. Посты связи были разоружены красными. Лейтенант Болотин не вернулся, а капитан 2-го ранга Карпов еле спасся на какой-то шлюпочке. Так печально закончилась эта операция.

За эти дни работы по снятию «Терца» сильно подвинулись вперед. Два больших буксира, не переставая, промывали грунт под ним. К вечеру «Гайдамаку» было приказано иметь полные пары, а «Джигит» был отставлен от буксировки, так как угля на нем, и к тому же плохого, оставалось только на переход до Керчи. Всю ночь «Гайдамак» работал полным ходом, и к рассвету «Терц» наконец медленно тронулся с места и пошел на чистую воду. Всеобщая радость была велика. Три недели работал над этим «Джигит», и, наконец, вся работа была завершена «Гайдамаком».

Через сутки «Джигит» привел «Терца» в Керчь и еще через два дня в Севастополь, где стоявшие на рейде корабли устроили ему торжественную встречу. На «Терц» прибыл Главнокомандующий генерал Врангель и раздал награды команде. Все офицеры за боевые отличия были произведены в следующие чины; командир, капитан 2-го ранга Шрамченко, произведен в капитаны 1-го ранга, с назначением командиром транспорта «Рион», уходившего в заграничное плавание.

«Терц» был поставлен в Севастополе возле мастерских для ремонта, где и остался навсегда после эвакуации 1920 года.

П. Варнек

ЭВАКУАЦИЯ ОДЕССЫ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ В 1920 ГОДУ³⁴⁵

Начавшееся в конце октября 1919 года контрнаступление красных против выдвинувшейся далеко на север Добровольческой армии увенчалось полным успехом. Между главными силами Добровольческой армии, отошедшими к Дону, и Киевской группой войск генерала Бредова³⁴⁶, отступавших в Новороссию, образовался разрыв во много сотен верст, и вся левобережная Украина и подступы к Крыму остались без защиты.

Директивой Главнокомандующего генерала Деникина от 4/17 декабря войска Киевской группы и все прочие части, находившиеся на западе, были подчинены командующему войсками Одесского округа генералу Шиллингу³⁴⁷. 26 декабря по новому стилю из разговора по прямому проводу со Ставкой, находившейся в Екатеринодаре, генерал Шиллинг выяснил, что главной задачей ему ставилось прикрытие северной Таврии и Крыма с отводом войск на левый берег Днепра у Каховки и Херсона, что предreshало вопрос об оставлении Одессы. Однако это решение вызвало протест руководителей союзных военных миссий, английского генерала Хольмана и французского генерала Манжена, считавших удержание Одессы чрезвычайно важным. Для облегчения этой задачи они обещали доставить в Одессу необходимое вооружение и снабжение и, кроме того, даже боевую поддержку английского военного флота. По этой причине, характера скорее политического, генерал Деникин отдал 18 декабря по новому стилю новую директиву: «Союзники встревожены эвакуацией Одессы... Удержание Одесского района признается чрезвычайно важным...» Далее говорилось о возможности выполнить эту задачу без ущерба для обороны Крыма и о потребованных от англо-французов гарантиях для содействия эвакуации Одессы в случае, если удержать ее не окажется возможным. В связи с новой директивой генерал Шиллинг приказал группе войск генерала Слашева, ведшей до того времени борьбу с махновцами в районе Екатеринослава, прикрывать Крым и северную Таврию, а правофланговому 2-му корпусу³⁴⁸, сосредоточившемуся в районе Кривого Рога, было указано базироваться на северную Таврию, что предопределяло его отход в сторону Крыма. Главным силам генерала Бредова предписывалось отходить постепенно к нижнему Днепру и Бугу и прикрывать непосредственно Одессу.

Между тем 13-я советская армия ввиду отхода частей генерала Слащева начала продвигаться вдоль левого берега Днепра, и для прикрытия Херсона явилась необходимость оборонять этот район не только с севера, но и с востока 2-м корпусом, перенеся его базирование на Одессу. Изменение первоначального плана выдвигало вопрос об эвакуации в случае неудачи через Одессу всех находившихся в Новороссии войск, большого числа гражданских лиц и огромных складов военного имущества. В своих донесениях в Ставку генерал Шиллинг указывал, что полная эвакуация морем может оказаться невыполнимой даже при содействии союзников, и поэтому просил получить через них разрешение на пропуск войск и беженцев в Бессарабию.

4 января генерал Деникин обратился к начальникам союзных миссий с просьбой о содействии в этом вопросе. После переговоров, происходивших в Константинополе между представителем Главнокомандующего генералом Лукомским³⁴⁹ и английским командованием, последнее обещало обеспечить эвакуацию морем раненых, больных и семейств офицеров. Остальных беженцев оно предлагало направить сухим путем в Бессарабию, войдя для этой цели в сношения с румынскими властями.

Со своей стороны генерал Шиллинг обратился 6 января к начальнику английской военной миссии в Одессе полковнику Волпшу с просьбой о содействии английского флота в обороне Одессы, о доставке вооружения и снабжения, в организации, если потребуется, эвакуации и о пропуске войск в Бессарабию, если не будет возможности вывезти их морем. Лишь 18 января полковник Волпш дал ответ: 1) помощь морской артиллерией будет оказана, и 10 тысяч винтовок уже высланы на пароходе «Авертон», 2) для вывоза семейств чинов Добровольческой армии и лиц, ей сочувствующих, будет предусмотрен тоннаж на 30 тысяч человек, 3) вопрос о пропуске войск и беженцев в Румынию не может быть решен в Константинополе и об этом послан запрос междусоюзной конференции в Париже. Но уже через три дня Волпш сообщил, что для эвакуации 30 тысяч человек нет достаточного количества пароходов и, кроме того, возникают трудности с размещением такого большого количества беженцев за границей.

С другой стороны, переговоры представителя Добровольческой армии в Румынии генерала Геруа с румынским правительством не дали никаких результатов.

В случае неудачи на фронте положение создавалось безвыходное, но нужно сказать, что вся эта переписка носила как бы условный ха-

ракти, так как генерал Шиллинг сообщал, что военные действия в Новороссии протекают успешно и Одессе в ближайшем будущем ничто не угрожает. В этот период времени связь со Ставкой в Екатеринодаре осуществлялась лишь по радиотелеграфу, причем не все телеграммы доходили по назначению. В Екатеринодаре склонны были верить оптимистическим заявлениям генерала Шиллинга, но многие из бывших на месте не разделяли этого оптимизма. Например, посетивший разные участки фронта агент английского Интеллидженс сервис, ознакомившись с состоянием войск, которых косил еще и сыпной тиф, вынес определенное впечатление о приближавшейся катастрофе. Того же мнения был и полковник Волпш.

Обеспокоенный их донесениями, верховный комиссар союзного командования английский генерал Мильнер на флагманском корабле командующего флотом адмирала де Робека «Айрон Дюк» прибыл в начале января в Одессу. На свидании с генералом Шиллингом последний дал заверения, что войска смогут удержать фронт, и просил лишь материальной помощи.

Вопрос о предварительной эвакуации из Одессы небоевых элементов осложнялся и неопределенным положением Крыма. Принимая во внимание заверения генерала Шиллинга, вторжение Красной армии в Крым казалось более вероятным, чем скорое падение Одессы. Такое мнение основывалось, во-первых, на здравых стратегических соображениях, которыми, казалось бы, должно было руководиться командование Красной армии, и, во-вторых, на малочисленности войск генерала Слащева, отходивших к крымским перешейкам. В самом Крыму никаких сил не было: так, в Севастополе с его многотысячным революционно настроенным рабочим населением, кроме небольшого отряда капитана 2-го ранга Кисловского и комендантской команды, единственной надежной частью была рота гардемарин Морского корпуса. Невозможно было предвидеть, что командование красного Юго-Западного фронта, при котором находился Сталин, сделает такой промах и не сумеет сосредоточить своевременно достаточное количество сил для прорыва в Крым. Действительно, наступавшая по левобережной Украине 13-я советская армия при подходе к побережью оказалась растянутой от Таганрога до нижнего Днепра! Английское командование считало угрозу захвата Крыма красными вполне реальной и на случай эвакуации Севастополя держало там два-три транспорта и военные корабли.

Выход Красной армии в первых числах января к берегам Азовского моря заставил командующего флотом вице-адмирала Ненюкова озаботиться эвакуацией Мариуполя и других портов. Для этого в Азов-

ское море были посланы все наличные ледоколы и несколько пароходов. 7 января был отдан приказ об образовании под командой капитана 2-го ранга Машукова «Отряда судов Азовского моря», в состав которого вошли ледоколы и канонерские лодки. С 12 января и до самой эвакуации Крыма корабли этого отряда оказывали сильную огневую поддержку сухопутным войскам, и можно утверждать, что только благодаря артиллерийскому огню кораблей и судовым десантам, а также действовавшему с другой стороны, у Юшуни, дивизиону вооруженных барж войска генерала Слащева смогли удержаться на перешейках. В это время флот терпел большой недостаток во всякого рода снабжении и питании. Запасов угля в Севастополе не было, и его скудные остатки выдавались лишь на корабли, находившиеся в операции. Можно указать для примера, что флагманский крейсер «Генерал Корнилов» для экономии угля прекратил пары и, несмотря на морозы, стоял без отопления и освещался керосиновыми лампами. Сам флот был весьма немногочислен: не считая действовавших у перешейков канонерских лодок и ледоколов, фактически были боеспособными в январе 1920 года: один крейсер, три вспомогательных крейсера, пять миноносцев и две-три подводные лодки. Из этого числа один вспомогательный крейсер и часть миноносцев для устрашения грузин и для борьбы с зелеными находились постоянно у кавказских берегов. Накануне падения Одессы, по распоряжению высшего командования, «Генерал Корнилов» под флагом контр-адмирала Остелецкого был послан в Новороссийск, и это ясно указывает на то, что в Екатеринодаре не отдавали себе отчета в серьезности положения в Одессе. Все эти обстоятельства лишали адмирала Ненюкова возможности оказать Одессе существенную помощь.

Между тем в Новороссии события развивались: 23 января советская 41-я стрелковая дивизия и приданная ей кавалерийская бригада Котовского начали наступление по правому берегу Днепра в направлении на Николаев, на фронт 2-го корпуса Добровольческой армии генерала Промтова, усиленного частью Одесского гарнизона. Сильно поредевшие от потерь в предыдущих боях и от сыпного тифа, а также из-за массовой сдачи в плен солдат Одесского полка добровольческие части не выдержали натиска и начали отходить к реке Буг, на северном берегу которой расположена судостроительная база Черноморского флота — Николаев.

В Николаеве, не считая разного рода материалов и военного имущества, находились в постройке или в ремонте многие корабли, некоторые — в почти законченном состоянии. Чтобы не дать красным возможности создать через короткое время отряд из новых кораблей,

нужно было эти корабли эвакуировать. В несколько дней эта операция была произведена командиром военного порта контр-адмиралом М. Римским-Корсаковым³⁵⁰, воспользовавшимся присланными из Одессы ледоколом и буксирами, для снабжения которых углем Одесский порт израсходовал последние свои запасы, сняв уголь даже со стоявших в порту пароходов. Несмотря на трудности буксировки по извилистому и уже покрытому льдом фарватеру, крейсер «Адмирал Нахимов», эскадренные миноносцы «Цериго» и «Занте», две подводные лодки, два десантных судна, большие транспорты «Дон» и «Баку» были приведены на буксирах в Одессу. Лишь посыльное судно «Джалита», по вине своего командира наткнувшись на камни, затонуло в Днепро-Бугском лимане.

Последним ушел из Херсона «Особый отряд обороны Днепро-Бугского лимана» под командой капитана 1-го ранга Собеуцкого, состоявший из двух азовских паровых шхун, вооруженной баржи и других мелких судов. На замерзшем Днепре отряд был принужден оставить вооруженный колесный пароход «Корсунь» и два-три катера. В пути суда были несколько раз обстреляны с берега пулеметным огнем. Преодолев лед, с целью оказать поддержку своей артиллерией войскам, оборонявшим Юшуньскую позицию, отряд направился в Каркинитский залив. 25 января две плавучие батареи своей шестидюймовой артиллерией содействовали успешной контратаке добровольцев.

Не считая далеко не законченных постройкой судов, в Николаеве остались лишь три недостроенных десантных судна типа «Эльпидифор», находившиеся в сборке подводные лодки типа «АГ», ремонтировавшаяся подводная лодка «Нерпа» и несколько недостроенных катеров.

29 января красные заняли Херсон и на следующий день — Николаев. В связи с положением, создавшимся на фронте, стало очевидно, что продолжительная оборона Одессы больше невозможна. 31 января генерал Шиллинг послал генералу Деникину телеграмму с изложением обстановки, а на следующий день уведомил о том же начальника английской миссии. Для ускорения получения помощи из Крыма генерал Шиллинг отправил в Севастополь своего начальника штаба генерала Чернавина³⁵¹, который вечером 31 января на эскадренном миноносце «Живой» отбыл в Севастополь. Лишь после его доклада командующему флотом последний уяснил себе истинное положение в Одессе и неизбежность ее эвакуации. Вместе с генералом Чернавиным адмирал Ненюков посетил старшего английского морского начальника в Крыму, командира линейного корабля «Мальборо»,

который обещал немедленно направить в Одессу два транспорта и пароход с углем. Но, опасаясь все же за судьбу Крыма, англичанин обусловил дальнейшую посылку четырех пароходов и крейсера тем, что генерал Слащев даст ему заверение о прочности положения на перешейках. В ночь на 3 февраля в Джанкое состоялось совещание, на котором генерал Слащев дал просимое заверение. В этот же день из Севастополя вышли приспособленные для перевозки войск английские транспорты «Рио Прадо» и «Рио Негро» и распоряжением английского командования в Одессу был послан пароход с углем и крейсер «Кардифф». Другие корабли должны были следовать в течение ближайших нескольких дней. Со своей стороны адмирал Ненюков отправил для эвакуации сыпнотифозных больных пароход «Святой Николай» и на следующий день транспорт «Николай» (№ 119). Воспользовавшись предоставленными командиром «Мальборо» с пришедшего в Севастополь угольщика двумя тысячами тонн угля, адмирал Ненюков приказал вспомогательному крейсеру «Цесаревич Георгий», миноносцу «Жаркий» и другим транспортам готовиться к походу в Одессу.

Но события на фронте развивались быстрым темпом. Деморализованный поражением 2-й корпус не смог удержаться на линии реки Буг и стал отходить к Одессе. Считая, что его эвакуация через Одессу морем невозможна, генерал Шиллинг приказал генералу Промтову отходить, минуя Одессу, к Днестровскому лиману с целью переправиться в Румынию. Находившиеся гораздо дальше к северу главные силы армии под командованием генерала Бредова оказались отрезанными от Одессы и получили приказ сосредоточиться у Тирасполя и отступать в Румынию. Как известно, румыны отказались впустить белые войска на свою территорию, следствием чего и явился 13-дневный поход частей генерала Бредова до соединения их с поляками.

Вследствие отхода остатков 2-го корпуса на запад между наступавшими со стороны Николаева красными и Одессой не оказалось больше никаких войск. 3 февраля выделенный из советской 41-й стрелковой дивизии отряд занял приморскую крепость Очаков, запиравшую Днепро-Бугский лиман, а главные силы дивизии двинулись прямо на Одессу.

4 февраля генерал Шиллинг опубликовал приказ об эвакуации. Но время для ее планомерной организации, для погрузки десятков тысяч людей и огромных военных запасов было безвозвратно упущено. В Одессе имелось управление военного порта под начальством капитана 1-го ранга Н.Н. Дмитриева (не смешивать с военно-морским агентом в Париже капитаном 1-го ранга В.И. Дмитриевым³⁵²), кото-

рый, основываясь на словах генерала Шиллинга и на публикуемых комендантом города полковником Стесселем³⁵³ успокоительных приказах, не проявил инициативы и не принял предварительных мер по организации эвакуации. Находившиеся в порту частновладельческие пароходы не были им мобилизованы, и многие портовые буксиры не имели военных комендантов. Вместе с тем в Одессе состояло на учете достаточное число морских офицеров, не считая даже личного состава эвакуированного в Одессу управления Николаевского военного порта, который тоже не был использован. После ухода «Живого», кроме маленького посыльного судна «Летчик», в Одессе не было русских военных кораблей, но, ошвартовавшись кормой к оконечности Платоновского мола, стоял английский крейсер «Церес» и два больших миноносца, а на внешнем рейде отдал якорь дредноут «Аякс» и пришедший затем крейсер «Кардифф».

С утра 5 февраля весь порт пришел в движение, но командование, поставленное более или менее неожиданно перед огромной задачей, не приняло достаточно энергичных мер для упорядочения эвакуации. Пароходы грузили без всякого плана то, что было вблизи их стоянки, или же имущество и снаряжение, которое доставлялось к их борту по инициативе начальников частей. В первый день эвакуации, еще не веря, очевидно, в близкую опасность, сравнительно малое число людей спускалось к молам. В конце дня линейный корабль «Аякс» обстрелял из башенных своих орудий места предполагаемого скопления красных войск северо-восточнее Одессы. С наступлением темноты в самом городе здесь и там возникала ружейная перестрелка между белыми войсками и начавшими проявлять активность местными большевиками.

К утру 6 февраля доносившаяся с севера артиллерийская стрельба, которую вели, вероятно, отходившие к Одессе бронепоезда, становилась все слышнее и в городе создавалось если не паническое, то, во всяком случае, нервное настроение. Тысячи людей толпились у молв, где стояли большие пароходы. Взамен нашедших на их место людей все время подходили новые толпы военных и гражданских лиц, женщин и детей. Порядка при посадке не было, но английские транспорты, как правило, брали лишь по специальным пропускам семейства чинов армии и гражданских лиц, чья предыдущая деятельность или служебное положение не позволяли им остаться у красных. Русские военные транспорты предназначались для эвакуации военных, а один иностранный пассажирский пароход принимал на борт беженцев лишь за солидную плату валютой.

В эти дни стояли морозы около 5—10 градусов, и море на подходах к Одессе было покрыто довольно густым плавучим льдом, об-

разовавшим в порту от движения судов ледяную кашу, в которой пароходы застревали и испытывали затруднения при швартовке к молам. В глубине порта образовался ледяной припай, и команде посыльного судна «Летчик» пришлось ломами прорубить канал до более или менее свободной воды. Ни одного ледокола в порту не было, но имевшие военные команды ледокольные буксиры «Смелый» и «Работник» и большой английский буксир оказывали до последних часов эвакуации помощь транспортам, тогда как некоторые портовые буксиры предпочитали выводить в море за хорошую плату частновладельческие пароходы. Непонятно зачем были выведены на внешний рейд землечерпалка и какая-то баржа. У борта ставшего на якорь английского угольщика «Вотан» была толчея, и капитаны пароходов спорили между собой, кому раньше грузить уголь. Некоторые частные пароходы, никому не подчиняясь, стремились покинуть порт как можно скорее и ушли почти без пассажиров. Имевшие же военных комендантов пароходы, не говоря уже о военных транспортах, брали на борт как можно больше людей и только тогда отходили от молмов, когда все палубы и трюмы были заполнены людьми. Ввиду того что главная масса боевых частей была отрезана от Одессы, на пароходы были взяты главным образом члены различных учреждений и штабов, тыловые части армии, технические войска, вольно или невольно отбившиеся от своих полков военные и некоторое количество гражданских лиц.

Управление военного порта перешло на пароход «Румянцев», который вскоре пошел к «Вотану» для погрузки угля, но командир порта находился на пароходе «Анатолий Молчанов», стоявшем у Платоновского мола. Управление движением в порту совершенно отсутствовало. В последние два дня это частично взял на себя командир крейсера «Церес», который указывал приходившим пароходам место и время швартовки. Подошедший к молу пароход, предназначенный для эвакуации раненых, был взят штурмом толпой военных и беженцев, но начальнику санитарной части удалось через англичан получить в свое распоряжение последний, еще свободный большой русский пароход, но далеко не всем раненым и больным нашлось на нем место.

В ночь на 7 февраля генерал Шиллинг со штабом перешел на пароход «Анатолий Молчанов», а в 6 часов утра части советской 41-й стрелковой дивизии со стороны Пересыпи и Каляльника вошли почти без потерь в северо-восточную часть города. Посланная в обход города кавалерийская бригада вскоре заняла станцию Одесса-Товарная. Прощедшая с боями всю Украину дивизия, хотя и усилившаяся при-

соединившимися к ней партизанскими отрядами, была слабого состава и с малочисленной артиллерией. Продвигаясь к центру города, красные встретили сильное сопротивление, организованное комендантом города полковником Стесселем. С боем, особенно упорным за здание офицерского собрания, красные медленно продвигались к центру города. Одному отряду, составленному, видимо, из партизан, удалось почти без сопротивления проникнуть на господствующий над портом Николаевский бульвар и около 11 часов, после жаркого боя с караульной командой, занять комендантское управление, помещавшееся в Воронцовском дворце. Дальнейшее продвижение красных вниз, на территорию порта, было остановлено заставами юнкеров Сергиевского артиллерийского училища³⁵⁴, которые прикрывали его южную половину, начиная от Военного мола, но Каботажная гавань оказалась вне этого периметра. С высоты бульвара красные открыли ружейный и пулеметный огонь по прилегающей территории порта и по ближайшим Военному и Новому молам. Стрельба, хотя и малодейственная из-за расстояния до молов, вызвала панику среди ожидавших возможности погрузиться. Люди искали укрытия за ангарами и железнодорожными составами и бросились в южную часть порта, куда пули не долетали; были, конечно, убитые и раненые. У стоявших еще у молов пароходов образовалась неимоверная давка, и пароходы стали торопиться уйти. Не догрузившись, имея на борту всего лишь несколько сот человек конвоя командующего, «Анатолий Молчанов» вышел на рейд. Взяв двойное против нормального количество пассажиров, 1400 человек, ушел «Рио Негро», оставив на молу большую толпу народа. Через некоторое время юнкера, усиленные некоторыми частями, при поддержке полубатарей, прорвавшихся в порт по находившемуся в южной части Польскому спуску, перешли в контратаку, без особого труда вытеснили красных с Николаевского бульвара и снова заняли Воронцовский дворец. В порту стало спокойнее, но с центром города, где продолжался бой, связь восстановлена не была, и Военный мол оставался под угрозой обстрела с севера. В это время английское командование, принимая во внимание малочисленность сил, оборонявших порт, приняло решение закончить эвакуацию и отдало приказание своим кораблям еще до темноты выйти на внешний рейд. По распоряжению английского командования крейсер «Церес» должен был взять на борт прикрывавших порт юнкеров, а прочие воинские части должны были сами найти себе место на стоявших еще у молов русских пароходах. После 15 часов юнкера получили приказание постепенно отходить к Платоновскому молу. Бывшие еще в порту русские транспорты старались взять на

борт возможно больше людей, но при отсутствии какого-либо морского командования каждый из этих транспортов был предоставлен своей судьбе.

Пароход Добровольного флота «Владимир» взял на борт несколько тысяч военных, которые заполнили все трюмы и стояли вплотную один к другому на палубе. Но толпа продолжала штурмовать пароход, и, чтобы дать ему возможность отойти, караул был принужден применить оружие. Уходивший одним из последних, если не самым последним, переполненный транспорт «Далланд» застрял в проходе во льду. Воспользовавшись этой его остановкой, проваливаясь в воду, с мола побежали к нему по льду люди. Тревожные гудки «Далланда» остались без ответа, так как все буксиры уже покинули порт.

Имея неисправную машину, транспорт «Дон», на котором находились в большинстве чины технических частей, остался в беспомощном состоянии у Военного мола. Продвигавшаяся к молу цепь красноармейцев была взята под сильный огонь установленных на «Дону» пулеметов бронепаровозного дивизиона и залегла. Тогда поручик корпуса корабельных офицеров Моренко с тремя охотниками флота, одним старым матросом и двумя офицерами бронепаровозного дивизиона спрыгнули на стенку и под градом пуль добежали до стоявшей у этого же мола паровой шаланды «Сурож». Шаланда была под парами, но ее команда не имела намерения уходить в море. Заменяв команду своими людьми и обрубив швартовы, Моренко подвел «Сурож» к «Дону» и, несмотря на слабую машину шаланды, не без труда вывел большой транспорт на рейд. Оценив поведение новой команды «Сурожа», англичане снабдили его углем, но ввиду малой его мореходности поручили французскому пароходу отконвоировать его до Сулина.

Готовый к выходу небольшой пароход «Дмитрий» по невыясненной причине не ушел. Возможно, что не нашлось смельчаков отдать под огнем швартовы, но может быть, и его команда не пожелала идти в море.

Сняв заставы, юнкера благополучно погрузились на «Церес», взявший также полуроту старших кадет Одесского корпуса³⁵⁵, прибывших в порт. В сутолоке на крейсер проникло некоторое количество и других военных. В то время, когда последние юнкера грузились на крейсер, по Ланжероновскому спуску, под обстрелом красных, прибежали еще 130 кадет младших классов корпуса, которые были погружены на стоявший у борта крейсера каботажный пароход. Толпа на берегу стала к этому времени рассеиваться, так как многие, не видя возможности эвакуироваться, уходили постепенно назад в город. Через не-

которое время после отхода юнкеров красные снова вышли на Николаевский бульвар и возобновили ружейный и пулеметный обстрел порта. Опасаясь, вероятно, огня судовой артиллерии, вниз, к молам, они не пошли.

Полевая батарея красных открыла редкий и безрезультатный огонь шрапнелью по стоявшим на рейде судам. Вскоре пули начали щелкать по надстройкам «Цереса» и перед сумерками, отдав швартовы, крейсер направился к выходу из порта. Молчавшая весь день, несмотря на обещание огневой поддержки, артиллерия крейсера открыла огонь по предполагаемой позиции батареи.

Последняя группа раненых и больных, около двухсот человек, которая смогла достигнуть порта, прибыла, когда не было уже возможности найти для нее место на пароходах, и была укрыта в одном из ангаров. Сопровождавшему эту группу доктору удалось обнаружить портовый буксир, который, не будучи мореходным, остался в порту. Доктор уговорил капитана буксира доставить раненых на внешний рейд. Сажая раненых на палубе вплотную одного к другому, удалось уместить около ста человек, которые на рейде были переданы на только что пришедшее из Константинополя английское госпитальное судно. Затем, не слушая уговоров англичан, тот же доктор решил вернуться в порт за оставшимися в ангаре тифозными и для переноски больных вызвал себе в помощь добровольцев. Находившийся на госпитальном судне начальник английской военной миссии, восхищенный его самоотвержением, вызвался сопровождать доктора, и в сумерках, когда все корабли уже покинули порт, буксир подошел к назначенному месту. Красных в этом районе еще не оказалось, и все больные были быстро перенесены на буксир. На обратном пути некоторые из больных, не имевшие даже шинелей, умерли, не выдержав мороза. Предполагалось, что буксир, передав больных на госпитальное судно, вернется в Одессу, но по настоянию его капитана, боявшегося репрессии за помощь, оказанную белым, буксир был отведен госпитальным судном в Варну.

На следующее утро английский миноносец подошел к застрявшему в проходе «Даланду», и с его помощью транспорт вышел на рейд. Вероятно, одновременно был выведен из порта имевший аварию мотора танкер «Баку», на котором оказалось более шестисот пассажиров.

Совершенно невероятная история произошла с недостроенным и не имевшим еще орудий эскадренным миноносцем «Цериго». На нем был почти полный комплект офицеров, взявших на борт свои семьи, и небольшая команда добровольцев-матросов. Во второй половине после-

днего дня эвакуации портовый катер, на котором находился старший офицер миноносца старший лейтенант Корнилович³⁵⁶, оттащил «Цериго» от мола, но, пройдя две-три сотни метров, миноносец зацепился за какое-то препятствие. При попытке сдвинуть его с места лопнул буксир, и ввиду слабости машины катера командир миноносца капитан 2-го ранга Задлер³⁵⁷ приказал Корниловичу идти на рейд и привести более сильный буксир. Проходивший мимо около 15 часов пароход «Россия», несмотря на окрики, помощи не оказал. Возможно, что его капитан боялся тоже сесть на мель. На берегу шла стрельба, но пули до миноносца не долетали, и скоро его скрывала темнота. В этом положении «Цериго» простоял всю ночь, но к утру, под влиянием усилившегося ветра, поднявшего, вероятно, воду в порту, миноносец сдвинулся с места и был отнесен обратно к Карантинному молу. Положение находившихся на борту офицеров казалось трагичным, и они с минуты на минуту ожидали появления красных. На всякий случай все они переоделись в матросскую форму.

Но пришедшие на мол красноармейцы, считая, вероятно, что миноносец добровольно остался и перешел к красным, не сделали никакой попытки подняться на его борт. Видя стоящие еще на рейде корабли, офицеры миноносца надеялись, что кто-нибудь придет с моря им на помощь. С другой стороны, было ясно, что такое положение долго продолжаться не может и организующиеся в Одессе красные власти заинтересуются в конце концов стоящим без флага миноносцем. Желая выиграть время и избежать появления красноармейцев на борту, было решено послать в красный штаб представителей от мнимого «судового комитета» с заявлением, что миноносец добровольно остался в Одессе и переходит к красным. Инженер-механик лейтенант А.Ф. Поляков³⁵⁸ и два матроса составили эту «делегацию» и во второй половине дня отправились в город. Не без труда они нашли штаб нового комендантского управления и были приняты его комиссаром. Выслушав их сообщение, комиссар выдал им бумагу, ограждавшую миноносец от самочинных обысков и от разграбления имущества и материальной части безответственными партизанскими группами. Для избежания возможных инцидентов комиссар распорядился поставить на молу часовых, и под их охраной спокойно прошел весь вечер. Ночью, когда надежда на прибытие помощи почти исчезла, в темноте показался силуэт буксира, который бесшумно подошел к миноносцу и подал конец. На буксире находился старший лейтенант Корнилович, которому удалось получить его только в этот день. Считая, очевидно, что миноносец переходит по приказанию красного командования на дру-

гое место, бывшие на молу красноармейцы не реагировали на его уход, и лишь утром 9 февраля, когда миноносец был уже на рейде, красная полевая батарея выпустила в его сторону несколько снарядов, не причинивших вреда. Достаточно сильного буксира для перевода «Цериго» по разбушевавшемуся морю в Севастополь не было, а волны угрожали между тем сорвать миноносец с якоря и выбросить его на берег. Через некоторое время к «Цериго» подошел вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий», командир которого капитан 2-го ранга Домбровский ввиду невозможности спустить в такую погоду шлюпку приблизился к корме миноносца и при помощи судового крана снял с «Цериго» сначала женщин и затем всех остальных людей. Впоследствии выдержавший все же на якоре шторм «Цериго» был приведен в Севастополь.

«Цесаревич Георгий» и миноносец «Жаркий» пришли на Одесский рейд, когда эвакуация была уже закончена. «Жаркий» получил задание войти в сумерках в порт и содействовать выходу оставшихся там пароходов, тогда как «Цесаревичу Георгию» было поручено вывести на рейд две груженые снарядами баржи. Следуя за большим английским миноносцем, который открыл ему до входного маяка фарватер в более или менее битом льду, «Жаркий» стал пробиваться дальше самостоятельно самым малым ходом из-за густого льда. В порту все было спокойно, и командир миноносца старший лейтенант Манштейн по собственной инициативе решил попытаться захватить и вывести на рейд недостроенный крейсер «Адмирал Нахимов». Миноносец подошел кормой к молу, у которого, немного далее, стоял крейсер, и небольшой отряд добровольцев из команды выскочил на мол. Внезапно с разных сторон и с борта крейсера открыли огонь несколько ручных пулеметов, и из темноты полетели в добровольцев ручные гранаты. Осветив мол прожектором, кормовое 75-мм орудие миноносца открыло огонь «на картечь», а бывшие на молу чины команды начали бросать ручные гранаты. Красные (вероятно, это не были их регулярные войска) убежали с мола. Воспользовавшись наступившим затишьем, высаженная партия дошла до крейсера и обнаружила, что он вмерз в лед и без помощи ледокола сдвинуть его с места нет возможности. Продержавшись еще некоторое время в порту и видя бесполезность дальнейшего там пребывания, старший лейтенант Манштейн решил уходить. С одного из молов миноносец был обстрелян пулеметным огнем и, хотя пули и попадали в надстройки, обошлось без потерь. В 2 часа ночи «Жаркий» покинул порт и стал на якорь у Большого Фонтана.

Утром недостроенный эскадренный миноносец «Занте», который был ранее выведен из Одессы и оставлен командой, сильной волной

был сорван с якоря и начал дрейфовать в сторону «Жаркого». На «Жарком», не имевшем паров для экономии угля, быстро стравили якорную цепь, что позволило миноносцу избежать прямого удара, но все же «Занте» навалился на него и помял борт в районе кормового мостика. Желая спасти «Занте», старший лейтенант Манштейн приказал срочно поднять пар, но пока это было сделано, «Занте» уже выбросило волнами на прибрежный песок, где он и остался до окончания Гражданской войны. Осмотр повреждений, полученных «Жарким», выяснил необходимость ремонта, и его командир решил вернуться в Севастополь.

«Георгий» направился в порт после «Жаркого». Он был также обстрелян с берега и в ответ открыл огонь из своих 75-мм орудий. В темноте найти баржи не удалось, и крейсер вышел на внешний рейд. Затем «Георгий» получил задачу произвести рекогносцировку берега в районе Днестровского лимана, в сторону которого отошли части полковника Стесселя, защищавшие центр города. Надо было, в частности, выяснить судьбу 400 кадет, которые по невыясненной причине ушли с директором корпуса к румынской границе. Если бы удалось их обнаружить, то сделать все возможное, чтобы их эвакуировать. Для выполнения этой задачи старшему штурману крейсера лейтенанту Б.Н. Степанову (ныне — председатель Морского Собрания в Париже) было приказано подвести сопровождавший «Георгия» тральщик «Баклан» возможно ближе к берегу, высадиться на берег на шлюпке и выяснить обстановку. Лейтенант Степанов выполнил эту задачу и из опроса жителей выяснил, что ни кадет, ни других белых в ближайших местах не было. В действительности, ввиду того что румыны отказались впустить их на свою территорию, белые части, и в том числе и кадеты, двинулись более или менее разрозненными группами вдоль Днестровского лимана на север в надежде соединиться с войсками генерала Бредова. 8 февраля находившаяся в районе Овидиополя группа была окружена красной кавалерийской бригадой Котовского и наступавшей с севера кавалерийской бригадой 45-й стрелковой дивизии и через два дня сложила оружие. Но группе с полковником Стесселем во главе, в которой находились и кадеты, после кровопролитного боя 12 февраля у станции Выгода, удалось частично прорваться на соединение с генералом Бредовым, а некоторое количество кадет было все же пропущено румынами в Бессарабию.

В самой Одессе, по свидетельству советских авторов, упорные бои продолжались сутки и лишь утром 8 февраля красные части проникли в южную часть порта и к 14 часам завершили занятие всей территории Одессы. Ввиду их малочисленности они не распространились

вдоль всего побережья, что дало возможность некоторым лицам добраться на яликах до стоящих на рейде пароходов. Часть английской эскадры оставалась на рейде еще три дня, в течение которых взятые на военные корабли беженцы были пересажены на присланный болгарским правительством пароход «Царь Фердинанд» и на другие, стоявшие еще на рейде транспорты. Раненые и больные были переведены на госпитальное судно. Пароходы догружали уголь и по готовности уходили. 9 февраля ушел в Крым «Анатолий Молчанов» с генералом Шиллингом.

С красными установилось как бы перемирие, и командир пришедшего американского миноносца в сопровождении английского офицера съехал на берег для переговоров об эвакуации нескольких оставшихся в Одессе подданных этих стран. Но английское командование было обеспокоено фактом оставления в Одессе двух почти законченных постройкой подводных лодок и приказало их обезвредить. 11 февраля неожиданно для красных английские корабли открыли по порту сильный огонь, под прикрытием которого миноносцы вошли в гавань и захватили подводные лодки «Лебедь» и «Пеликан». Как и в других местах, англичане искали лишь случая уничтожить столь навредившие им во время Великой войны подводные лодки и под предлогом закупорки порта, не достигнув все же результата, затопили лодки в южном проходе.

Ввиду неопределенности положения в Крыму английское командование направляло бывшие так или иначе под его контролем пароходы с беженцами в Константинополь. Некоторые пароходы частных обществ, в том числе и «Румянцев», ушли в Варну; большинство же немореходных и мелких судов направились в ближайший Сулин. Лишь военные транспорты и мобилизованные пароходы ушли в Севастополь. Несмотря на изношенность машин на многих пароходах и на поднявшийся 8 февраля сильный северный ветер, почти все суда, порой обледенев до верхушек мачт, благополучно достигли порта. Исключением был транспорт «Грегор», который вел английский буксир: при штормовом ветре лопнул буксирный трос, и транспорт был выброшен волнами на турецкий берег у мыса Шили. Бывшим на нем 350 пассажирам и команде удалось высадиться на берег. Но маленький пароход под командой старшего лейтенанта Кандыба с десятком сухопутных офицеров в качестве команды пропал без вести.

Принимая во внимание то, что покинувшие Одессу пароходы направились в различные порты, трудно установить количество эвакуированных из Одессы людей. Но судя по сведениям, касающимся части транспортов, можно определить это число примерно в 15 тысяч че-

ловек. Указываемая советскими историками цифра в три тысячи не может соответствовать действительности, так как один лишь, например, транспорт «Дон» имел на своем борту четыре тысячи пассажиров. Что касается материальной части, то из Одессы были вывезены все танки, все исправные бронев автомобили, часть оборудования технических войск, автомобилей и авиационного имущества, но, конечно, огромные военные запасы были там оставлены. По донесению командующего 14-й советской армией, в Одессе было взято в плен три генерала, около двухсот офицеров и три тысячи солдат. Было захвачено 100 орудий разных калибров, четыре бронепоезда, четыре бронев автомобиля, несколько сот тысяч снарядов и патронов, склады инженерного, автомобильного, авиационного и прочего имущества и продовольствия. В порту были оставлены недостроенный крейсер «Адмирал Нахимов», десантные суда типа «Эльпидифор» — № 413 и № 414, несколько небольших пароходов, требовавших ремонта, и десятков немореходных буксиров и катеров.

Учитывая малочисленность красных войск, не без труда овладевших Одессой, можно смело предположить, что при продуманной организации обороны и при разумном использовании частей генерала Промтова, без всякой пользы направленных к румынской границе, город и, в частности, район порта можно было бы удерживать гораздо дольше, чем это имело место. А каждый выигранный день позволил бы эвакуировать значительное количество людей, так как к Одессе все время подходили новые пароходы. Лучшая организация посадки позволила бы вывезти больше людей, а опоздавшее лишь на два-три часа большое госпитальное судно могло бы погрузить несколько сот раненых из числа выразивших желание эвакуироваться, из которых 1500 раненых и больных были оставлены в госпиталях.

В. Бекеч³⁵⁹

НА ТРАНСПОРТЕ «ДОН»³⁶⁰

В № 106 «Военной Были» помещена обстоятельная статья П.А. Варнека об эвакуации Одессы Добровольческой армией в 1920 году. В статье этой я, сам участник операции, нашел некоторые неточности и поэтому прошу не отказать поместить прилагаемый очерк. Командир и чины 3-го отряда танков, поддерживающие между собой тесную связь и внимательно следящие за вашим изданием, будут очень довольны ознакомиться с заметкой, в которой с точностью обрисована пре-

имущественная роль офицеров отряда в операции вывода на рейд транспорта «Дон», который, в известном смысле, обязан своим спасением первым русским танкистам.

Во время наступления Красной армии в конце октября 1919 года 3-й отряд танков находился в распоряжении генерала Бредова. Отрядом командовал проживающий ныне в Соединенных Штатах полковник П.И. Миронович³⁶¹ (бывший воспитанник Суворовского корпуса, как и большинство офицеров отряда). Добровольческая армия отходила к Дону. Приказанием Главнокомандующего 3-му танковому отряду было предписано поступить в распоряжение генерала Слащева. По прибытии в Екатеринослав мы узнали, что мост через Днепр взорван, вследствие чего следовать в составе корпуса генерала Слащева, отступавшего в Крым, мы не могли. Отряд был вынужден идти обратно на станцию Христиновка и там присоединиться к отступающей армии, с тем чтобы достигнуть Николаева, погрузиться там на транспорт и быть перевезенным в Одессу для ее обороны.

Местность до Христиновки была занята повстанцами, и отход происходил в чрезвычайно тяжелых условиях. Повстанцы нападали на станции, разбирали пути, грабили и жгли все, что только было возможно. Пощады не было никому. Чинам отряда неоднократно приходилось разбирать станционные постройки, чтобы топить паровоз, и сгребать руками снег из-за недостатка воды. Впереди базы были прицеплены платформы, нагруженные шпалами и рельсами: если путь оказывался разобранным, его можно было чинить своими средствами. На платформах был установлен небольшой прожектор, освещавший путь. Команды танков находились на своих постах на случай атаки повстанцев.

По прибытии в Николаев отряд был погружен на транспорт «Дон». Погрузка прошла очень хорошо под руководством капитана 1-го ранга Зеленого (имени и отчества коего я, к сожалению, не запомнил). Танки и цистерны с бензином были опущены в трюм, однако не в самый низ, что грозило бы пробойнами, а на одну из внутренних палуб. Это, конечно, нарушало устойчивость корабля, но было признано капитаном Зеленым неизбежным риском. Машина транспорта была в неисправности, своими силами он идти не мог и был взят на буксир.

Отношения наши — танкистов — с очаровательной семьей капитана Зеленого были самыми сердечными. В открытом море, совместно с офицерами транспорта, было решено устроить встречу Нового года. Капитан предоставил кают-компанию, на палубе был устроен бал для пассажиров. И палубу, и кают-компанию удалось осветить

благодаря имевшейся в отряде небольшой электрической станции. Танцевали до поздней ночи, и большим успехом пользовалась известная балерина Х.

В Одессе пассажиры сошли на берег, а «Дон» пришвартовали к Военному молу. Так как в Одессе не было достаточно мощных кранов, выгрузить танки оказалось невозможным, и они, находясь официально в распоряжении генерала Шиллинга, были бесполезны и беспомощны. Когда началась эвакуация, командира 3-го отряда в штабе генерала Шиллинга заверили, что транспорт «Дон» будет эвакуирован, но сделано это не было, и «Дон» был оставлен на произвол судьбы. Взвесив положение, командир отряда полковник Миرونвич собрал чинов отряда, и на совещании было решено, если не придет помощь, взорвать «Дон», а отряд, с оружием в руках, попытается с наступлением ночи пробиться к границе Румынии. На счастливый исход такой операции надежды было мало, но другого выхода не находилось.

В ожидании сумерек было установлено несколько пулеметов, как на борту транспорта, так и на самом молу, слегка впереди, чтобы не позволить красным приблизиться к «Дону». Никаких других, кроме 3-го танкового отряда, воинских частей на транспорте не было, хотя отдельных военных было довольно много. Много было и штатских пассажиров, мужчин, женщин и детей.

Небольшая перестрелка началась еще до наступления вечера. Находившиеся при пулеметах две группы чинов отряда продвинулись немного вперед в надежде найти буксир. Одна группа двигалась по правой стороне мола, другая по левой. Лично я, входя в состав левой группы, обнаружил пришвартованный к молу транспорт «Александрия», машины которого, судя по тому, что из трубы шел пар, были в исправности. Вскочив на палубу и найдя капитана, я приказал ему немедленно идти на помощь «Дону», угрожая, в случае отказа, тут же пристрелить его. Капитан отвечал мне, что у него нет смазочных веществ, машинного масла и т. д. Я его заверил категорически, что масло ему доставят, но что, если через два часа «Александрия» не будет готова к отплытию, он будет убит. Мы тотчас же послали несколько человек с донесением к командиру отряда, и очень скоро посланные вернулись с бочкой масла. Капитан, видя, что ему в случае противодействия грозит смерть, приказал поднять пары. Продолжая держать его на мушке, я обошел транспорт и обнаружил в трюме множество совершенно новеньких английских мотоциклетов марки «Триумф». Транспорт этот прибыл в Одессу совсем недавно, и разгрузить еще ничего не успели.

По истечении некоторого времени спешно прибежали посланные от полковника Мироновича и передали его приказание немедленно вернуться на «Дон». К большому моему огорчению, я не смог захватить с собой ни одного мотоциклета. На борт «Дона» я и мои люди поднялись по веревочной лестнице. Оказалось, что другая группа наших офицеров, продвигавшаяся по правой стороне мола, обнаружила паровую шаланду «Сурож», на которой виднелся свет и из трубы которой шел пар. Полковник Багинов³⁶² (Георгиевский кавалер), поручик Тарасов и еще несколько наших офицеров вскочили на борт шаланды и приказали команде выйти к носу «Дона» и взять его на буксир. Команда «Суροжа» не хотела было исполнить приказание, но под угрозой смерти подчинилась. Офицеры танкового отряда остались, разумеется, на борту. Ввиду слабости машин «Сурож» вывел «Дон» на рейд с трудом, но все-таки вывел. Было уже почти темно. Шаланда была отпущена, так как пользы от нее не могло быть больше никакой: ее мореходность была совсем ограниченной, и плавучие льдины становились все более многочисленными и плотными.

На другое утро мы увидели перепрыгивавшего с одной льдины на другую человека, размахивавшего белым флагом. Он мужественно добрался до транспорта, был поднят на борт и объявил, что он «делегат красных», которые предлагают «Дону» вернуться в порт, заверяя, что всем нам гарантирована жизнь и что никаких репрессий вообще не будет. Его выслушали и затем спустили на лед и никак не помешали ему вернуться восвояси.

Находясь на рейде, «Дон» был обстрелян красной артиллерией, но никакого вреда этот обстрел не причинил. Некоторые из нас, иронизируя, пожалели, что не обстреляли возвращавшегося по льдинам «делегата». Храбрость его, впрочем, признали все.

Через день или два «Дон» был взят на буксир французским крейсером «Вальдек Руссо», который направился в Севастополь. Море было беспокойно, и приблизительно на полпути буксирный трос лопнул. Мы были вынуждены спустить якорь. Из-за крепкого ветра попытки «Вальдека Руссо» приблизиться к нам и перебросить другой трос не удалось, и «Дон» оказывался в беспомощном положении. По счастью, скоро появился румынский угольщик небольшого тоннажа, который по приказанию французов принял участие в маневрах, и после нескольких попыток трос был перекинут. Необходимые при этом авральные работы были проделаны офицерами 3-го отряда. За неисправностью машин якоря поднять было нельзя, и было решено взорвать якорную цепь, которая с грохотом погрузилась в море. «Дон», таким образом, остался и без машин и без якоря, что, конечно, не было очень обнадежива-

юще. Но дальнейшее плавание протекло без всяких приключений, и мы благополучно пришли в порт. Появление транспорта в Севастополе было неожиданностью, ибо все считали его погибшим.

3-й танковый отряд был немедленно выгружен и отправлен на фронт для пополнения защищавших Крым очень небольших сил. После приведения армии в порядок генералом Врангелем 3-й танковый отряд отличился при выходе в северную Таврию и был награжден вымпелом ордена Святого Николая Чудотворца (вторым по счету в истории этого ордена). Первым кавалером ордена оказался поручик Любич-Ярмолович, командовавший вырвавшимся вперед танком. Впоследствии орден этот получили еще два офицера отряда: капитан А. Трембовельский³⁶³ и я. За спасение танков в Одессе несколько офицеров отряда, в их числе и я, были представлены начальником английской военной миссии полковником Уолшем к английскому ордену.

*Б. Карпов*³⁶⁴

КРАТКИЙ ОЧЕРК ДЕЙСТВИЙ БЕЛОГО ФЛОТА В АЗОВСКОМ МОРЕ В 1920 ГОДУ³⁶⁵

Начиная статью о деятельности русского флота в период Гражданской войны, мы должны, к глубокому сожалению, отметить один характерный и, можно сказать, традиционный для русской истории, за исключением петровского периода, факт — это почти полное незнание сухопутных военачальников с сущностью морской силы, с морской стратегией и тактикой и вытекающее отсюда непонимание значения флота для России. С грустью мы видим, что даже последний наш Главнокомандующий, ныне покойный генерал Врангель в своих «Записках» о Крыме почти нигде (за исключением эвакуации) не говорит ничего ни о действиях флота, ни о роли, которую сыграл он за время этой тяжелой кампании, а между тем, поистине, она была огромна. Потому на нас лежит обязанность рассказать, наконец, обо всем этом не для удовлетворения чьего-либо самолюбия или тщеславия, а для того, чтобы на историческом примере показать значение флота хотя бы для обороны Крыма.

Каково же было стратегическое положение Белой Русской Армии к началу 1920 года? К концу 1919 года добровольческие войска под командой генерала Слащева отступили в Крым, держа свои передовые части на линии Геническ—Сальково—Перекоп. Впоследствии, в середине марта 1920 года, туда же перешли остатки армии, сражав-

шейся на Кубани, и, таким образом, вся Добровольческая армия оказалась запертой на Крымском полуострове.

Как известно, из Крыма на материк ведут три узких пути по перешейкам: Перекопскому, Чонгарскому и косе — Арабатской стрелке. Крым, омываемый со всех сторон Черным и Азовским морями, представляет собою почти остров, так как указанные перешейки весьма узки. По этому одному можно уже заключить, что флот для армии, находящейся в Крыму, конечно, должен иметь громадное значение. Армия, обороняющая Крым, в первую очередь должна думать о защите его берегов от возможных высадок неприятеля, тем более что удобных мест для этого на Крымском побережье имеется достаточно; единственным же способом защиты в этом случае может служить обладание Черным морем, а средством к тому — флот.

При обладании морем, даже в невероятном случае удачной высадки неприятеля на берегу, немедленно будет отрезан флотом от своей базы. Потеряв же возможность получения боевого снабжения, подкреплений и прочего, он, несомненно, обречен на гибель. В противном случае — при отсутствии сильного флота ничто не может серьезно воспрепятствовать высадке неприятельских войск, что было неоднократно доказано в 1854—1855 годах в том же Крыму и в 1904 году на Дальнем Востоке. Второй, не менее важной заботой для нашей армии в Крыму в 1920 году являлось обеспечение нашего снабжения по коммуникационным линиям Черного моря из Константинополя. И эти линии, дававшие возможность самого существования армии в Крыму, также могли быть обеспечены только Черноморским флотом.

В конце 1919 года у нашего противника на Черном море никакого военного флота не было; у нас же в Севастополе находился довольно сильный флот, включавший настоящие боевые корабли с линейным кораблем «Генерал Алексеев» (бывший «Император Александр II») во главе. Эта морская сила, находившаяся в Севастополе, так сказать, в состоянии потенциальном, она поддерживала лишь наблюдение за портами неприятеля, заставляла красных постоянно разбивать себе лоб о позиции на Перекопском перешейке, обеспечила снабжение армии до последнего момента и обеспечила, наконец, самое спасение армии при катастрофе на берегу, вывезя на себя и прикрыв собою армию и беженцев, и это все по одному лишь тому, что эта морская сила во всякий момент могла быть приведена в действие.

Но мало того, что флот помогал армии, так сказать, пассивными действиями, он выделил для поддержки левого фланга нашей армии,

управшегося в Каркинитский залив, специальный отряд из мелко-сидящих судов под командой капитана 1-го ранга Собецкого, так же как и в район устьев реки Днепра, который по мере надобности своим огнем помогал действиям сухопутных войск Тендровской косы; было установлено почти постоянное наблюдение за Одессой и Очаковом, и там подолгу стоял крейсер «Генерал Корнилов».

Со стороны Азовского моря Крымское побережье также открыто для десантных операций и также нуждается в защите морской силой. Особенно же важна защита Керченского пролива, так как тут при отсутствии флота и при узости пролива (местами ширина его не превышает 1,5—2 мили) очень легко в подходящую погоду атаковать крымский берег. Отсюда понятно из соображений только оборонительного характера (не говоря уже о наступательных), какое огромное значение имело для армии владычество нашего флота в Азовском море.

В действительности же значение нашего флота в Азовском море было гораздо больше, так как все надежды на будущее справедливо возлагались не на сидение в «запертой бутылке», как тогда называли Крым, а на выход из него как в Мелитопольском, так и особенно в Кубанском направлениях. Выйти же из Крыма без помощи десантных операций ни в том ни в другом направлении было невозможно, так как форсирование узких и прекрасно укрепленных крымских позиций на перешейках требовало невероятных жертв и усилий и было просто невозможно без удара в тыл и фланг десантным корпусом. Что же касается берегов Кубани, занятых красными, то туда, совершенно понятно, армия без флота никак не могла попасть, а именно от ее действий на Кубани и ожидали наибольших успехов.

Здесь от флота требовалось проявить максимум активной деятельности и не только обеспечить берега от неприятельских десантов, но и самому произвести ряд десантных операций; для этого требовалось безусловно обладание морем во что бы то ни стало; и как мы увидим далее, флот это задание выполнил.

Понимания все значение обладания Азовским морем, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ненюков уже 27 декабря 1919 году отдает приказ о формировании «Отряда судов Азовского моря», в который на первое время вошли канонерские лодки «Терей», «Грозный» и «Георгий» и невооруженные ледоколы: «Гайдамак» и «№ 1». Начальником отряда был назначен капитан 2-го ранга Н.Н. Машуков. Этот отряд, переименованный впоследствии во 2-й отряд судов Черноморского флота, и нес ту службу, о заданиях которой только что сказали.

Действия канонерской лодки «Терец»

Из кораблей вновь сформированного Отряда судов Азовского моря канонерская лодка «Грозный» могла выйти к Геническу только к 1 января 1920 года, так как к этому времени должны были быть закончены работы по исправлению машины, ледокол «Гайдамак» находился тогда в Ейске и помогал эвакуации этого порта, канонерская лодка «Георгий» занята была под Геленджиком усмирением зеленых, «Страж» был в недостроенном виде в Керчи, ледокол № 1 («Всадник») был не вооружен и не имел еще военной команды, поэтому 27 декабря 1919 года на позицию к Геническу вышла одна канонерская лодка «Терец», которой суждено было испытать немало неприятностей. Заслужить почетное звание «спасительницы Арабатской стрелки».

К 1 января 1920 года наши части — Сводно-стрелковый полк, — отступая, заняли город Геническ. На удивление всем, льда в это время все еще не было, и потому «Терец» 2-го и 3 января ходил на поддержку гарнизона Геническа и своим огнем по тылам красных в деревне Юзкуй заставил их остановить свое наступление на Геническ. Однако уже с 3 января запас угля на «Тереце» был исчерпан, а обещанная помощь углем из Севастополя не только не пришла, но и не выходила. Положение «Тереца» без куска угля с надвигающимися морозами было весьма тяжело. Тем не менее 6 января «Терец» с помощью небольшого, случайно оказавшегося буксира «Шалуна» стал на позицию на самом фланге наших стрелковых окопов на косе Арабатской и замерз там во льдах, которые к 7 января, наконец, сковали воды Генического залива. Семь дней оставался «Терец» без угля, без какого-то бы ни было отопления, среди наступивших вдруг сразу 15—20-градусных морозов и штормов. Только к 14 января подошло, наконец, обещанное подкрепление в виде канонерской лодки «Грозный» и ледокола «Гайдамак» с углем. До того времени единственным моральным помощником и верным другом-джентльменом для «Тереца» был английский миноносец «Готадак» с его командиром. Этот англичанин был прислан от своего командования не для помощи нам, а для наблюдения вообще за нашими и неприятельскими действиями. Однако он по собственной инициативе делился с нами чем мог — начиная со взрывчатых веществ, необходимых для взрывов на берегу, кончая виски и медикаментами, передавал наши радиотелеграммы, так как мы без паров не могли делать даже и этого, наконец, никак не соглашался уйти от нас раньше, чем мы не получим уголь, несмот-

ря на то что тонкий корпус миноносца был все время под серьезной угрозой быть раздавленным льдами. И действительно, в последний день — 13 января, он чуть было не погиб от сильного напора льда во время снежной ночной пурги. После 14 января «Терец», получив немного угля, стал снова на свою позицию, с которой его за эти семь суток с 7-го по 14 января несколько снесло, и простоял уже до апреля месяца 1920 года. Канонерская лодка «Грозный» благодаря сильным штормам и подвижкам льда была значительно отнесена от позиций, так же как и ледокол «Гайдамак», которые непосредственного участия в обороне правого фланга наших войск в Крыму почти не принимали, посылая лишь часть своих экипажей в десант в помощь Сводно-стрелковому полку³⁶⁶.

Между тем вот что происходило в то же время на берегу. 6 января 1920 года наши войска — Сводно-стрелковый полк и 2 полевых орудия — отошли от Геническа на Арабатскую стрелку и заняли позицию на так называемой Генической горке, на фланге которой чуть сзади стрелковых окопов первой линии находился «Терец». Утомленные войска, зараженные брюшным тифом, свирепствовавшим в Крыму с ужасной силой, быстро таяли, и к февралю здоровых и выздоравливающих, способных носить оружие, оставалось всего во всем «полку» не более 250 человек. Этого совершенно не хватало для того, чтобы держать ставшую теперь широкой линией обороны поперек Арабатской стрелки и вдоль нее, так как соленое озеро Сиваш замерзло и сделалось проходимым не только для пехоты, но и для кавалерии. Наши корабли списали сколько могли людей из своих малочисленных экипажей (70—80 на канонерских лодках и 45 человек — на ледоколе), но этого было мало.

8 февраля, пользуясь внезапностью, благодаря утренней мгле, бронепоезд красных скрытно подошел к Геническу и обстрелял неожиданно канонерскую лодку «Терец». По удивительному счастью, повреждения «Терца» были незначительны, но машинное отделение залило водой, так как получилась легкая течь правого борта, а откачивать воду без паров было нечем. Надо сказать, что накануне вечером на «Терец» было доставлено большое количество патронов, которые не успели убрать еще в патронно-бомбовые погреба. Ящики с ними загромождали палубу и не давали возможности стрелять. На счастье, ни один из неприятельских снарядов не попал в эти ящики, иначе был бы неминуемый взрыв корабля. Попаданий же было четыре или пять в разные несущественные части корабля.

Через несколько дней, когда «Терец» успел пристреляться по всем возможным целям, красные, полагая, что «Терец» приведен к молчанию, пошли в атаку на наши позиции в значительно превосходящих силах и, несомненно, имели бы успех, если бы не были остановлены и обращены в бегство вдруг оказавшимся в живых «Терцем», который своим беглым огнем своих орудий один отбил всю атаку.

После этого были еще повторные попытки бронепоездов уничтожить «Терец», но дело кончалось каждый раз не в их пользу; атаковать же по льду или по стрелке в присутствии исправного «Терца» красные так и не решились до самой весны, когда было уже поздно. Таким образом, без всякого преувеличения можно сказать, что зимой 1920 года правый фланг армии, защищавшей Крым, был удержан почти исключительно благодаря флоту — то есть канонерской лодке «Терец», командиром которой был капитан 2-го ранга Я.В. Шрамченко.

Необходимо добавить ко всему этому, что положение всех наших судов под Геническим («Терца», «Грозного» и «Гайдамака») во льдах было очень тяжелым, так как угольные запасы их были очень малы и скоро истощились, а пополнить их было невозможно, потому что Азовское море замерзло настолько сильно, что никакие ледоколы не могли пробиться к Геническому. Заслуга нашего флота была тогда официально признана командующим войсками Крыма — генералом Слашевым и Главнокомандующим — генералом Врангелем, теперь же об этом следует напомнить, тем более что в мемуарах о действиях флота почти ничего не говорится.

Эвакуация Туапсе

С первых чисел марта стало ясно, что наша армия, находившаяся на Кубани, идет к неизбежной катастрофе, так как, потеряв боеспособность под гипнозом паники, она не в состоянии оборонять Новороссийск в течение достаточного времени, необходимого для полной эвакуации войск. Для облегчения и ускорения посадки войск их надо было направить в несколько подходящих портов, а не в один Новороссийск. Очень выгодным в этом отношении портом была станица Таманская, так как ее пристани отстояли от Крымского берега всего в 14 милях, а местность полуострова до крайности облегчала его оборону, потому что из трех возможных путей наступления два — дорога из Темрюка и дорога из Анапы — проходили, в значительной своей части, по берегу моря и были доступны обстрелу какого угод-

но калибра морской артиллерии. Что касается третьего пути — от села Гастогаевского на станицу Старо-Титоровскую, то он проходил от Кубани по длинной и узкой дамбе, которая также могла быть быстро обстреляна с моря, но уже крупным калибром 10" и выше. Условия же обороны головы этой дамбы на Таманском полуострове с сухопутной стороны были прекрасны.

При самой небольшой энергии весь Таманский полуостров можно было бы легко удержать за собой, не говоря уже про то, что здесь можно было бы свободно задерживаться очень долгое время и, во всяком случае, больше того, которое потребовалось бы для эвакуации войска. Поэтому генерал Деникин приказал всей Донской армии отходить на Тамань и Анапу. Нашему отряду, находившемуся в Керчи, приказано было принять все меры для организации перевозки войск с Тамани в Крым и потому задержать все находящиеся в Керчи частные суда.

Подожли трагически числа 12—13 марта эвакуации Новороссийска, а на Тамань никаких войск наших не прибыло. Вместо этого начальник нашего отряда капитан 1-го ранга Машуков, запрашивавший несколько раз командующего флотом вице-адмирала Герасимова, не нужна ли его помощь, вдруг получил срочную телеграмму от командующего войска в Крыму генерала Слащева, где тот писал, что он умоляет начальника отряда немедленно идти спасать остатки армии, брошенной в Новороссийске, Геленджике и Туапсе. Оказалось, что генерал Сидорин³⁶⁷, командующий Донской армией, не исполнил приказ генерала Деникина и, как случилось с ним и раньше, загубил все дело спасения донцов. Он вывел Донскую армию к тому же Новороссийску, куда стекались все тылы, все запасы снабжения и куда отходил и Добровольческий корпус. При той массовой потере духа, которая зовется «паникой», не известно почему охватившей особенно сильно Донскую армию, при ее нежелании стойко оборонять Новороссийск в течение времени, необходимого для вывоза этого огромного числа людей и лошадей (более 40 тысяч) из одного порта, оказалось невозможным их эвакуировать до подхода никем не сдерживаемых красных, и огромное число казаков попало в руки неприятеля, а другая их часть направилась по дороге в Туапсе. Это было результатом неисполнения приказаний генерала Деникина генералом Сидориным, который все же, бросив большую часть казаков, сам сумел спастись. Вот этих-то брошенных людей и надо было спасать.

Получив телеграмму, начальник отряда судов Азовского моря выслал все суда и все буксирные баржи в Туапсе, то есть разведка вы-

яснила, что ни в Новороссийске, ни в Геленджике никаких войск уже не было. По приходе в Туапсе 16 марта оказалось, что настроение войск, там находящихся, сравнительно бодрое, что они намереваются держаться не менее одного месяца и что главное: командовавший там войсками генерал Писарев³⁶⁸ никаких приказаний об эвакуации не имеет. Не без некоторого труда нам удалось уговорить его эвакуировать в Крым 4-й Донской корпус³⁶⁹, который он сам считал временно небоеспособным, и больных и раненых. Впоследствии нерешительность и боязнь принять на себя ответственность за эвакуацию всех войск из Туапсе, тогда уже явно необходимую по здравому смыслу, привела к тому, что все эти войска, за исключением двух-трех тысяч человек, вывезенных впоследствии из Адлера, попали в плен к большевикам. Таким образом, на судах нашего отряда по нашим настояниям было вывезено около 15—20 тысяч человек и несколько тысяч лошадей, составивших в Крыму главное ядро Донского корпуса. Люди и лошади везлись на самых разнообразных судах, начиная с больших транспортов и кончая хлебными баржами, шедшими на буксирах пароходов.

Десантная операция у деревни Кирилловки

Еще задолго до новороссийской эвакуации генерал Слащев поднимал вопрос о том, как весной следовало бы выбираться из Крыма, и еще тогда он пришел к заключению, что сделать это без флота нельзя, так как форсирование позиций неприятеля, расположенных на северных оконечностях перешейков, потребует огромных человеческих жертв и может ни к чему не привести. Поэтому генерал Слащев еще в феврале месяце просил начальника Отряда судов Азовского моря составить план десантной операции с ударом во фланг или тыл позиций красных. План такой операции был составлен штабом судов Азовского моря и сообщен в главных чертах генералу Слащеву. Он сводился к тому, что нами было указано как наиболее подходящее для высадки место — берег у деревни Кирилловки, так как высаженные здесь войска могли быстро ударить по двум главным направлениям: по ближайшим тылам красных, расположенным на позициях у Ново-Алексеевки—Геническа, по главной базе их войск — Мелитополю с железной дорогой Мелитополь—Джанкой. Благодаря этому при действии здесь крупного десанта он, при одновременном наступлении наших войск с юга от деревни Сальково, наносил неприятелю столь сильный удар, что красные не мог-

ли не очистить позиции и не отойти к северо-западу, а это, в свою очередь, давало новую выгоду десанту: он соединялся со своими главными силами, наступавшими от Салькова, и получал, таким образом, связь с тылом не только по морю, но и сухим путем. Кроме того, этот берег имел и большие тактические преимущества, так как место высадки было низко и совершенно открыто для обстрела с моря прямой наводкой. Берег был песчаный, к которому пристать было нетрудно, и без пристаней. Корабли, поддерживающие высадку, могли подойти близко и видеть все происходящее на берегу; наконец, конфигурация побережья в виде полуострова позволяла с западной стороны поддерживать десант в его продвижении огнем морской артиллерии из залива Утлюнского, а его правый фланг обеспечивался непроходимым озером Молочным. Кроме всего этого, в случае неудачи десант мог отступать на полуостров Бирючий и оттуда погрузиться обратно. Удерживать этот полуостров с помощью флота было очень легко, так как с материком его соединяла длинная и узкая, вполне доступная для обстрела с моря коса.

Штаб Отряда судов Азовского моря считал, что это место должно быть использовано для крупной десантной операции, так как только большие силы могли дать нужный результат, а малые силы могли быть легко разбиты и могли заставить противника в следующий раз принять серьезные меры обороны на этом месте и тем сорвать большую операцию.

Однако сухопутное командование в связи с тяжелыми обстоятельствами на фронте решилось прибегнуть к помощи хотя бы и слабого десанта для того, чтобы предупредить наступление превосходящих сил неприятеля и, по крайней мере, вырвать из его рук инициативу действий. Для этого нам было приказано высадить 1 апреля Алексеевскую бригаду (Алексеевский³⁷⁰ и Самурский³⁷¹ пехотные полки) при двух орудиях в районе Кирилловки с задачей — пройти к станции Акимовка и испортить там железнодорожный путь и мосты, а затем вернуться обратно и погрузиться на суда. В то же время предполагалось, что войска нашего правого фланга (корпус генерала Слащева), стоявшие у станции Таганаш, пользуясь замешательством в тылу красных, будут наступать на полуостров Чонгарский, имея целью захватить станцию Сальково. Так как к этому времени мы успели вооружить 6" артиллерией транспорт «Страж», а ледокол № 1 («Всадник») имел уже два 75-мм орудия, то мы были полными хозяевами в Азовском море, красные там еще ничего не имели. Исполняя приказание Главкомандующего, мы

в ночь с 30-го на 31 марта погрузили все войска на две большие баржи и вышли с ними на буксире через Керченский пролив к деревне Кирилловке. Ночь была темная, и мы, незамеченные красными, наблюдавшими с Таманского берега, благополучно вышли в открытое море. С нами шли ледокол «Гайдамак» — брейд-вымпел начальника отряда, канонерская лодка «Страж» (2—6"), ледокол «Всадник» (2 — 75-мм), канонерская лодка «Грозный» (2 — 75-мм и 2 — 120-мм). Две баржи с десантными войсками, три-четыре буксирных парохода для подвода барж к берегу. На следующий день в 5 часов утра была произведена высадка у деревни Кирилловки, причем небольшой отряд красных, не открывая огня, бежал с берега, и мы высадились без выстрела. Не вдаваясь в подробности сухопутных действий, надо сказать, что благодаря полному незнакомству ни командного состава бригады, ни ее солдат с десантными операциями, благодаря, быть может, не прошедшему еще влиянию ужаса новороссийской катастрофы и, наконец, благодаря полному отсутствию кавалерии и необходимости формировать ее на месте высадки, отряд этот не смог выполнить своего задания и вместо того, чтобы быстро ударить по железнодорожной станции Акимовка, принужден был довольно медленно двигаться по берегу на деревни Давыдовку, Атманай, Юзкуй и Геническ. Все же это настолько привлекло внимание красных, что нашим войскам под командой генерала Слещева довольно легко удалось занять весь Чонгарский полуостров и деревню Сальково. Однако сам десант, уже заняв Геническ, благодаря ошибке его сухопутного командования, был разбит и, потеряв 80 человек убитыми и пропавшими без вести, отошел на Арабатскую стрелку. Приблизительно в то же время на левом(?) фланге наших войск была высажена 3-м отрядом Черноморского флота Дроздовская дивизия в Хорлах. Высадка была трудной, так как Хорлы защищались двумя полками красных при четырех орудиях и многих пулеметах. Высаживать же войска приходилось в лоб позициям неприятеля непосредственно под Хорлы, куда вел узкий и мелкий фарватер. Тем не менее усилиями офицеров и команд этого отряда под сильным огнем артиллерии и пулеметов высадка была произведена в обход правого фланга неприятеля, но никаких результатов не дала, так как не была поддержана одновременным наступлением наших войск с Перекопа. И во-вторых, силы этой дивизии были слабы и удар, по-видимому, вышел не неожиданным и слабым. Дивизия эта с трудом вернулась к своим, прорвавшись у деревни Преображенки, но все же привела с собою все свои трофеи и раненых.

На этот раз главное командование и генерал Слащев как бы пробовали десантный маневр, чтобы в недалеком будущем на его опыте основать весь стратегический план выхода из Крыма. Флот — в особенности в Азовском море — приобрел теперь большую ценность в глазах главного командования.

Поход в Мариуполь

Так как у нас не было никакой тайной морской разведки, а потому отсутствовали сведения о противнике, то возникла серьезная необходимость произвести глубокую разведку Таганрогского залива с осмотром самих портов: Мариуполя, Ейска и Таганрога. Из них Мариуполь являлся главным. Для выполнения операции решено было воспользоваться первомайскими торжествами красных, и потому канонерская лодка «Страж», ледокол «Всадник» и вооруженный катер «Никола Пашич» подошли к Мариуполю на рассвете 19 апреля и открыли огонь по порту и вокзалу. Под этим заградительным огнем в порт полным ходом направился «Никола Пашич». Красные, еще не протрезвевшие после своей «маевки», бежали с судов и из порта, почему «Никола Пашич» не только безвозбранно вошел в порт, имея на борту всего пять человек вооруженных офицеров и казаков, но смог вывести из порта, захватив в плен, небольшой катер «Республиканец» и паровую шхуну, предназначенную красными для вооружения, — «Софию». Однако после того, как огонь наших судов по порту прекратился (из-за боязни попасть в «Николу Пашича»), красные опомнились и, разойдясь по разным местам на молах и пристанях, открыли огонь со всех сторон по катеру. На катере был только один пулемет и одна английская 3" пушка, испортившаяся после первых же выстрелов; осыпавшийся пулями со всех сторон катер захватил «Республиканца» и вышел с ним из порта, не потеряв ни одного человека. «Софию» пришлось оставить в порту, так как пять человек команды не смогли под огнем отдать многочисленные швартовы, которыми она была прикреплена к берегу, и поднять два якоря.

Этой разведкой было установлено, что противник только начинает вооружать суда, преимущественно того же типа, что и у нас, — паровые шхуны, что Мариуполь является главной базой их флота, что в Ейске никаких серьезных сил нет и что он защищается батареей полевой артиллерии. Про Таганрог нельзя было узнать почти ничего, так как к нему нельзя было близко подойти из-за малой воды.

Высадка 2-го армейского корпуса

По возвращении из этой операции генерал Врангель приказал нам приготовиться к высадке у деревни Кирилловки корпуса генерала Слащева в составе приблизительно семи-восьми тысяч человек при двух тысячах лошадей и 35—40 орудиях. Этому десанту ставилось задачей: действуя одновременно с частями, наступавшими от деревни Сальково, и нанося удар по железной дороге у станции Акимовка в тыл неприятелю и по его главной базе — Мелитополю, разбить и уничтожить неприятельский левый фланг, а затем лихим ударом кавалерии в тыл неприятельского правого фланга содействовать и его уничтожению, помогая войскам 1-го армейского корпуса³⁷² генерала Кутепова³⁷³.

Эти действия десанта, таким образом, открывали почти свободный выход нашим войскам из Крыма сначала через Чонгарский полуостров у деревни Сальково, так как неприятель, в тыл которого ударял десант, должен был, конечно, очистить позиции у Салькова, а затем, при расширении успеха, он оказывал такое же действие в направлении на Каховку.

После весьма интенсивной подготовки судов отряда Азовского моря к выполнению этой операции, их розыску, починке, вооружению (так как ведь в это время ничего постоянного и готового не было, а все приходилось устраивать из подручного материала — импровизировать) к 15 мая в Феодосии были уже приготовлены баржи десантного дивизиона... в Керчи — буксирные катера для них. Кроме того, наш отряд пополнился вооруженными в той же Керчи канонерскими лодками «Урал», «Алтай», на каждой из которых было по 2 6" орудия. 20 мая по приказу Главнокомандующего была начата погрузка войск на суда по расписанию, составленному нами с тем расчетом, чтобы при выгрузке авангардные части шли бы первыми на баржах, для чего они и грузились прямо туда, затем шли части главных сил, посаженные в том же порядке, чтобы высаживаться в той последовательности, которая понадобится для их развертывания на берегу, и т. д. Погрузка войска шла в полном порядке, очень быстро и не прерываясь ни днем ни ночью, и закончилась к утру 22 мая, когда, после смотра на судах Главнокомандующим генералом Врангелем, транспорта около 13 часов вышли в море. Пройдя ночью Керченский пролив, они на рассвете 23 мая встретились все в заранее назначенной точке рандеву вне видимости берегов. Тут же к транспортам присоединились и суда отряда

Азовского моря (2-й отряд судов Черноморского флота): канонерские лодки «Алтай», «Урал», «Страж» (каждая по 2 6" орудия), «Грозный» (2 — 120-мм и 2 — 75-мм) и ледоколы: «Гайдамак» (1 — 75-мм), «Всадник» (2 — 75-мм), а также семь буксирных катеров. Транспортный флот состоял из 11 разных пароходов и девяти барж общим тоннажем приблизительно на 22 тысячи тонн. Численность десанта была около 10 тысяч штыков и сабель при двух тысячах лошадей, 50 орудиях, двух броневиках и только при 150 повозках обоза.

24 мая на рассвете десант подошел к деревне Кирилловке и при весьма свежей погоде началась высадка, которая, благодаря хорошо сохраненному секрету, оказалась совершенно неожиданной для красных и потому прошла без всякого сопротивления с их стороны. Самоотверженная работа десантного дивизиона и судовых экипажей с их офицерами во главе, не останавливавшихся ни перед какими трудностями и риском приставания к берегу при большом прибое, дала возможность уже к 10 часам утра закончить высадку всего авангарда, который тотчас же двинулся вперед. Вскоре он удачным боем с начавшими подходить красными отбросил их и обеспечил плацдарм высадки. 25 мая были высажены уже и главные силы, а 26-го — они перерезали уже железную дорогу у станции Акимовка, и другая часть их подходила к Мелитополю. 28 мая был Мелитополь взят. В то же время 25 мая наши главные силы, стоявшие на позиции у Перекопа и станции Сальково, перешли в наступление. Красные не выдержали одновременного удара в лоб и их левый фланг и тыл и отступили сначала на левом фланге — наиболее угрожаемом десантом, и только к 28—30 мая под напором войск 1-го армейского корпуса генерала Кутепова и одновременным заходом кавалерии десанта им в тыл бежал и правый фланг красных за реку Днепр через Каховскую переправу. В общем, оказалось, что вся 13-я советская армия, стоявшая на Перекопских позициях, была благодаря удачному нашему десантному маневру разбита наголову, при этом к нам в плен попало около 10 тысяч человек красноармейцев, несколько десятков орудий, два бронепоезда, сотни пулеметов и все снабжение армии, сосредоточенное в Мелитополе. Наша же армия понесла небольшие, сравнительно, потери и сразу вышла из «бутылки» Крыма на широкий простор Таврии. Здесь следует особенно отметить то обстоятельство, что операция эта оказалась одной из самых красивых по замыслу и исполнению совместного действия армии и флота и почти не имевшей в прежнее время подобных себе.

К сожалению, полученный нами удачный практический урок оказался недостаточно усвоенным сухопутным командованием, следствием чего явился проигрыш главнейшей нашей операции — попытки перебраться снова на берега Кубани.

Начало боевых столкновений на море и высадка десанта полковника Назарова

С 19 апреля прошло уже больше месяца, как мы имели последние достоверные сведения о противнике, а потому необходимо было снова произвести глубокую разведку Таганрогского залива.

Посланная для этого в рекогносцировку канонерская лодка «Алтай» 30 мая под нижним Бердянским маяком впервые встретила вооруженную паровую шхуну с такой же баржей на буксире. Происшедшая между ними перестрелка на больших дистанциях окончилась повреждением баржи красных и отступлением обоих неприятельских судов в Бердянский порт. Вскоре после этого — дней через 10—12 — Бердянск был очищен красными и временно — на несколько дней — занят нашими судовыми командами. Числа 12—13 июня нашей разведке (канонерские лодки «Урал» и «Грозный») пришлось иметь дело уже с тремя-четырьмя вооруженными судами красных, которые были отогнаны нами от маяка Белосарыйского к Мариуполю. Это были ледокол № 4 (вооружение: 2 — 130-мм), паровая шаланда «Орна» (1 или 2 6") и 2 буксирные баржи (по 1 6"). Кроме того, было установлено, что вход в Таганрогский залив между косой Белосарыйской и Должанской минирован. С этих пор пришлось установить за красными наблюдение нашими дозорными кораблями, постоянно державшимися у входа в Таганрогский залив. 24 июня нам было приказано высадить далеко в тыл красным отряд полковника Назарова³⁷⁴ в 900 человек донских казаков при двух полевых орудиях, одном бронев автомобиле и одной радиостанции. Этот небольшой отряд должен был пройти от станции Новониколаевская на Дон и там поднять восстание в глубоком тылу красных. Полковник Назаров надеялся на успех широкого восстания, и тогда при одновременном нажиме с нашего фронта и ударе в тыл красным можно было предполагать снова докатиться до Дона. Высадить этот отряд приказано было на косе Кривой у станции Кривая.

Для того чтобы дойти до этого места, надо было форсировать минное заграждение и оставить у себя глубоко (на 25—30 миль) в тылу главную базу неприятельского флота — Мариуполь. Во исполнение

этого приказа, переданного нам командующим флотом вице-адмиралом Саблиным, мы вышли в 2 часа ночи 24 июня из Керчи с канонерскими лодками «Страж», «Грозный», «Алтай», «Урал», миноносцем «Живой», двумя десантными баржами с десантом на буксире у канонерских лодок «Страж» и «Грозный» и тремя-четырьмя буксирными катерами.

В ночь с 24-го на 25-е отряд благополучно прошел предполагавшийся проход в минном заграждении и к 5 часам утра подошел совершенно неожиданно к Кривой косе, где, захватив неприятельскую баржу и пароход, высадил десант. Причем сделал это без всяких пристаней и настолько быстро, что к моменту появления из Мариуполя главных сил красных (ледокол № 4, три-четыре паровые шхуны, однотипных с нашими, канонерская лодка типа «Урал» и одна буксирная баржа с 6" орудиями) был совершенно свободен в своих действиях. Это дало возможность загнать большевиков обратно в Мариуполь почти без выстрелов, не считая перестрелки дозорных судов.

Здесь интересно отметить характерную для Гражданской войны бутафорию и ненадежность севастопольских команд. Приданный к отряду миноносцу «Живой» по каким-то причинам пришел из Севастополя на эту операцию без мин. Тем не менее, так как большевики об этом, конечно, знать не могли, он был послан в демонстрационную минную атаку, которая произвела на красный ледокол № 4 весьма сильное впечатление, которым, к сожалению, не удалось воспользоваться, так как, когда миноносец подошел к неприятелю на дистанцию 24—25 кабельтовых, оба его 75-мм орудия почему-то внезапно сдали и перестали стрелять. Таким образом, миноносец оказался совершенно безоружным: мин нет, артиллерия не действует, почему и использовать замешательство неприятеля оказалось невозможным, и он был упущен в Мариуполь. В ту же ночь с 25-го на 26 июня отряд вышел обратно тем же путем, но канонерская лодка «Урал», не попав, по-видимому, точно в проход, подорвалась носом на малой речной мине. К счастью, потери на «Урале» были невелики: трое убитых и 12 раненых; благодаря распорядительности командира и офицеров, принявших все меры к спасению корабля, он благополучно дошел до Керчи, где вскоре был исправлен и уже через три недели вступил в строй. Таким образом, и эта весьма рискованная задача была флотом выполнена. Отряд полковника Назарова прошел на Дон, увеличился там до 10 тысяч человек, но все же в одном из боев был разбит красными и общего восстания поднять ему не удалось — казаки тогда были слишком терроризированы и не верили в успех белых. Характерно для сухопутного командования полное непонимание всей серьезности положения наших судов в море

при этой операции, так как тотчас по возвращении из нее нам было предложено снова послать какой-либо корабль к Кривой косе с 200 винтовок для передачи их отряду полковника Назарова. Из-за 200 винтовок требовали повторения всего этого риска.

Десантная операция у станицы Приморско-Ахтарской

Пожалуй, самой важной, в стратегическом смысле, операцией был переход нашей армии на Кубань из Крыма. Одна Кубань могла дать Добровольческой армии продовольствие, лошадей и людей и, что самое главное, возможность широкого народного восстания, чего нельзя было добиться среди инертного населения Таврии. Казалось бы, что к организации такой важнейшей операции надо было отнестись серьезно и подготовить ее так, чтобы провала быть не могло.

Нам, морякам, всегда казалось, что наилучшим способом решения этого вопроса было овладение Таманским полуостровом и выход с него на линию: стан. Троицкая—стан. Крымская—Геленджик. При таком решении получалось: полное обеспечение своего тыла, так как Таманский полуостров представлял исключительно выгодные условия для его обороны с моря нами, владевшими тогда морем, и переброска войск из Крыма на Тамань была наиболее простой, потому что расстояние от Тамани до Керчи было всего 14 миль, и при продвижении с Таманского полуострова на Кубань левый фланг наших войск естественно обеспечивался рекой Кубанью, а правый — морем, и в результате трех-четырёх дней боев в наши руки попадал такой важный пункт, как Новороссийск. Наш фронт занимал бы тогда прочное положение между стан. Полтавской и Геленджиком. При этом выдвижению нашего левого фланга могли бы способствовать отряды повстанцев, укрывавшихся в плавнях между стан. Ахтарской и Темрюком. Поэтому нашим морским командованием в Керчи несколько раз делались представления Главнокомандующему, даже еще до выхода из Крыма в Мелитопольском направлении, в мае месяце, о необходимости искать выход из положения именно здесь — в десантной операции на Таманский полуостров.

Велико было наше удовлетворение, когда мы получили приказание приготовить все для операции на Таманский полуостров в начале июля. Вскоре, однако, пришла отмена этого распоряжения и приказано было готовить все для главной высадки у стан. Приморско-Ахтарской и демонстративной — в районе мыса Утриша к югу от Анапы. Операция была назначена на 1 августа.

Для этого предприятия назначен был Кубанский казачий корпус генерала Улагая³⁷⁵ в составе 8 600 человек, штыков и сабель, 26 орудий. Для его переправки было дано 13 транспортов, шесть десантных барж и 7 буксирных катеров. Общий тоннаж был около 25 тысяч тонн. Морское положение на Азовском море к этому времени сильно изменилось, и вместо почти полного отсутствия морской силы у неприятеля, как это было до 1 июня, красные успели за это время вооружить и сформировать отряд таких же судов, как и наш, и почти равной силы. Произошло это потому, что мы не имели возможности ни разу предпринять ни одной серьезной операции против главной базы их флота — Мариуполя, так как главнокомандование не видело в этом настоятельной необходимости и не отпускало для сего ни угля, ни тем более войск, без которых нельзя было достигнуть никаких серьезных результатов.

Силы нашего отряда к тому времени были таковы: 1-й дивизион — канонерские лодки «Алтай», «Урал», «Салгир» с эскадренным ходом 6,5 узла и артил. из 2 6" ор. и 2-й дивизион — канонерские лодки «Страж», «Грозный», ледоколы «Гайдамак» и «Джигит» с эскадренным ходом 8 узлов и бортовым залпом из 3 6" ор. 1 4", 120-мм ор., а всего на отряде бортовой залп был: 10 — 6" и 4" оруд. и 1 — 120-мм.

У красных, по их сведениям, было шесть таких же кораблей с бортовым залпом 9 — 130-мм и 4 — 4" орудий.

Для обеспечения высадки от нападения неприятельского флота наш отряд должен был выйти в тесную блокаду Таганрогского выхода, и на линии Белосарайская коса — коса Еленина часть судов непосредственно должна была прикрывать операцию высадки. 29 июля войска начали грузить в двух группах: одна в Феодосии — главная сила, другая в Керчи — авангард. Красные аэропланы летали все время над Керчью, но не могли серьезно помешать погрузке. В ночь с 31 июля на 1 августа десант вышел в море и, благополучно миновав Керченский пролив, 2 августа на рассвете был высажен в 14 километрах от стан. Ахтарской на косе Ясенской. Попытка красных оказать сопротивление высадке была немедленно ликвидирована кораблями, непосредственно поддерживавшими десант, и войска быстро вышли на берег и заняли стан. Ахтарскую. Главные силы нашего отряда судов, как было сказано, тесно блокировали неприятеля в устье Таганрогского залива. Поначалу на берегу все шло хорошо и десант быстро продвигался к Екатеринодару, взятие которого являлось главной целью. Тогда рассчитывали, что с взятием Екатеринодара вся Кубань поднимется и загорится всеобщее восстание. Но уже 5 августа, после взятия нашими войсками стан. Тимашевки, наступление на Екатеринодар было приостановлено вследствие

угрозы со стороны красных базам нашего десантного корпуса, которую он устроил себе в стан. Ахтарской.

В дальнейшем, несмотря на удачные бои первых дней, из-за полной необеспеченности длинной коммуникационной линии десанта, Улагай не решился покинуть свою базу в Ахтарской и не смог быстрым движением захватить Екатеринодар. Ожидаемого поголовного восстания не получилось, и десант, из-за промедления времени, принужден был с большим трудом и риском пробиваться к берегу, будучи почти со всех сторон обойденным успешными за это время сосредоточиться красными. В результате к 17 августа войска подошли к Ачуеву, откуда в течение девяти дней были эвакуированы обратно в Крым все до последнего человека; при этом интересно отметить тот факт, что силы корпуса при эвакуации значительно, почти в два раза, возросли вследствие присоединения части восставших казаков и захвата большого числа пленных и орудий. Эвакуация эта также была обеспечена нашим отрядом судов и только под его прикрытием могла состояться. Таким образом, флот не только дал возможность произвести эту важнейшую операцию, но и спас десантный корпус от верной гибели и неудачи.

Из второстепенных действий за это время следует отметить высадку демонстративного десанта 31 июля ледоколом «Всадник» у м. Утриш в количестве 500 человек пехоты при двух орудиях. Десант этот через два дня был взят обратно тем же кораблем и привезен в Тамань, которая была занята этим отрядом вместе с наскоро сформированным отрядом из Керчи. Дело в том, что при высадке в станице Ахтарской красные сами освободили Таманский полуостров, и потому мы заняли его почти без труда. Но с поражением главного десанта красные перебросили все силы на Тамань, и слабые силы Таманской группы принуждены были очистить полуостров и также были благополучно перевезены судами нашего отряда в Керчь. И здесь флот спас свои войска, несмотря на тяжелые условия эвакуации. Красные имели возможность каждую ночь засыпать рейд Ахтырский минами и видеть все происходящее в станице со своих аэропланов. На их минах мы потеряли подорвавшимися миноносец «Звонкий», канонерскую лодку «Алтай» и транспорт «Волга».

Морской бой 2 сентября 1920 года

Почти весь август прошел для 2-го отряда судов Черноморского флота то в поддержке кубанского десанта, то в его эвакуации, закончившейся к 26 августа. Наши корабли, набранные из разных коммер-

ческих судов, были в большинстве своем старые, со старыми котлами, а канонерские лодки «Страж» и «Грозный» были постройки революционной, следовательно небрежной, ненадежной и, кроме того, не были вообще постройкой закончены.

Поэтому после такой усиленной работы в течение почти целого месяца, когда некоторые суда прибыли в море по 20—25 суток непрерывно, почти всем кораблям необходим был ремонт механизмов (текущий, обычный) и чистка котлов. Этим делом и занялись сейчас же по возвращении в Керчь, предполагая быть готовым к 5—6 сентября. Однако 30 августа было получено приказание командующего флотом 2-му отряду обеспечить в Азовском море погрузку зерна на пароходы у деревни Цареводаровки и Геническа и обеспечить свободное плавание по Азовскому морю для вывоза зерна за границу. Это приказание требовало полной боевой готовности всего нашего отряда и выхода его в крейсерство для блокады неприятеля в Таганрогском заливе. Дело это еще осложнялось тем, что красные имели большой запас мин заграждения, которые они к этому времени начали ставить у наших берегов и особенно вблизи своих. Необходимо было считаться с тем, что, по нашим последним сведениям, противник не уступал нам теперь в силе, так как имел отряды судов даже сильнее, чем наш по своей артиллерии.

Поэтому выход в море не всех наших судов, а лишь части их, являлся большой неосторожностью. Однако командующий флотом настаивал на немедленном выходе в море хотя бы части отряда, тем более что, по сведениям наших сухопутных агентов, противник сосредоточил в Бердянске десантные средства и готовился сам к десанту на Крым. Как ни невероятно казалось это сообщение, но оно весьма сильно взволновало главное командование, и нам было добавлено к полученной директиве требование немедленно выйти в море и осмотреть еще порт Бердянска для проверки полученных сведений. Делать было нечего — надо было исполнять приказание и посылать те суда, которые могли срочно собрать машины. Таковыми оказались канонерские лодки «Урал», «Салгир», ледоколы «Гайдамак», «Джигит», миноносцу «Зоркий», тральщики «Петрель» и «Дмитрий Герой». Отряд этот имел бортовой залп из 5 6" ор. и 1 4" ор., эскадренный ход отряда был 6,5—7 узлов (по канонерской лодке «Урал»). Миноносцу «Зоркий» мог дать не больше 12 узлов, так как таковы были его машины, которые никак не могли быть исправлены в Севастополе. Мин на нем не было, артиллерия была — 2—75-мм орудия. Тральщики были невооруженными, с ходом 6—7 узл.

В ночь с 30-го на 31 августа этот отряд вышел в море, имея приказание: 1) произвести разведку порта Бердянска и уничтожить, если там таковые окажутся, десантные средства; 2) после сего идти к Цареводаровке и, имея ее базой, охранять как саму погрузку зерна там и в Геническе, так и охранять торговые пути по Азовскому морю, имея наблюдение за неприятелем, находящимся в Таганрогском заливе.

Во исполнение этих приказаний отряд осмотрел на рассвете 1 сентября порт Бердянск, для чего в гавань был послан тральщик «Петрель», ходивший под прикрытием заградительного огня отряда. Конечно, как и следовало ожидать, никаких десантных средств там не оказалось, и к вечеру, протралив на всякий случай несколько курсов на рейде Бердянска, отряд пошел к Цареводаровке. Придя туда около часа ночи 2 сентября, канонерские лодки «Урал», «Салгир», ледокол «Джигит» с тральщиками стали на якорь, а ледокол «Гайдамак» с миноносцем «Зоркий» остались в дозоре у косы Обиточной в 10 милях к осту. Корабли были в полной готовности к встрече с неприятелем, но в действительности не верили в то, что он рискнет отойти так далеко от входа в Таганрогский залив.

Около 6 часов утра стоявший на якорю отряд был разбужен выстрелами неприятеля, который, едва успев обрисоваться в утренней мгле, уже открыл огонь по нас с дальней дистанции. Через две минуты мы снялись с якоря и несколько задержались, разглядывая неприятеля и выравнивая свой строй. Красные шли курсом ост, направляясь в Мариуполь. Они были от нас на WNW. Мы легли на NW на пересечку курса им с тем расчетом, чтобы срезать им голову. В строю красных мы различили шесть больших и два малых корабля. Начался бой. Было около 6 часов 35 минут утра. Ледокол «Джигит», как глубокосидящий, сильно опасался при маневрировании сесть на мель. Вышел из строя и отошел в сторону ледокол «Гайдамак», то есть к осту. Бой вели только канонерские лодки «Урал» и «Салгир».

Красные торопились стрелять, и, хотя море и кипело около нас, попаданий не было. Выгода нашего положения — обрезающего нос — быстро сказалась, когда мы подошли к створу мачт неприятельской линии. В это время мы открыли беглый огонь по голове противника, и последний, не будучи в состоянии выдержать наш огонь, начал последовательно ворочать влево на 180 градусов, а затем, после поворота третьего корабля, строй смешался и противник просто кучей стал уходить на W. В бою выяснилось, что у неприятеля на шести кораблях стоит не менее как по два орудия в 6" или 130-мм на каждом, а на некоторых имеется по три, так что общее число орудий у неприятеля

было не менее 13 орудий большого калибра, тогда как у нас было всего в этот момент на двух кораблях 4-6" орудий. Отчасти поэтому, отчасти и потому, что при преследовании уходящего неприятеля мы могли бы стрелять только носом, то есть одним орудием, и наконец, потому, что ледоколы не могли бы нас скоро поддержать, мы не стали преследовать красных, все равно не могших никуда уйти от нас, раз они повернули к W, и пошли на соединение с нашими ледоколами.

Было около 7 часов 15 минут, когда первый бой кончился отступлением шести красных кораблей перед двумя белыми. У нас потерь не было. Около 8 часов утра мы соединились с ледоколами и миноносцами и, видя неприятеля на SO от себя, идущим курсом S, сами легли на этот курс, чтобы не выпустить большевиков к Мариуполю. Для того чтобы они не повернули к нам раньше времени под нос, вперед по курсу был выслан миноносец «Зоркий», которому было приказано в случае поворота неприятеля вести на него демонстративную атаку.

С 8 часов до 9 часов 30 минут мы шли параллельным неприятелю курсом, в расстоянии около 12 миль, постепенно уменьшающимся, так как мы понемногу догоняли его и сближались. При проверке в 9 часов утра боевых запасов на кораблях оказалось: на «Урале» и «Салгире» имелось всего по 80 выстрелов на корабль, то есть по 40 выстрелов на пушку. Это произошло потому, что некоторое количество снарядов было израсходовано 1 сентября на обстрел при разведке Бердянска, во-вторых, выстрелов до 50 на пушку было израсходовано в первом, утреннем, бою, а запасы снарядов на наших судах вообще были скудны, так как их было мало в Крыму.

Около 9 часов утра неприятель, шедший до сего времени на S, повернул все вдруг на O и в строе фронта стал приближаться к нашему курсу. Мы продолжали идти тем же курсом, рассчитывая при повороте противника снова к S оказаться на параллельных курсах и на траверзе неприятеля.

Около 10 часов расстояние уменьшилось до 55—60 кабельтовых, мы открыли редкий огонь по противнику. Неприятель почти тотчас же повернул все вдруг вправо и лег снова на S в кильватерной колонне. Он все же оказался несколько впереди нашего правого траверза и теперь открыл беглый огонь по нас. Этим курсом мы приближались к мысу Казантип, и чем ближе были к своим берегам, тем выгоднее считали для себя дать бой. С утра в 7 часов 30 минут мы известили нашего начальника отряда в Керчи о встрече и бое с неприятелем и ожидали, что, возможно, кто-нибудь из наших судов подойдет к нам на помощь, так как хотя духом мы и были сильнее

красных, но все же на их стороне было более чем двойное превосходство в артиллерии и численности. Главное же — у нас было мало снарядов. Таким образом, с утра завязался бой на дальней дистанции, на курсе S. Видя бесполезность стрельбы на столь большой дистанции — 55 кабельтовых и имея так мало снарядов, мы стреляли очень редко, через 3—5 минут с каждого корабля по порядку, то есть 15—20 минут один залп с одного и того же корабля. Стреляли мы для того, чтобы неприятель не был бы уж совершенно спокоен при своей стрельбе по нас и чтобы все же израсходовал бы зря побольше снарядов. Мы шли все время полным ходом, чтобы занять снова выгодную для нас позицию впереди головы неприятеля, и ждали этого момента. Слегка покачивало. Около 11 часов 45 минут неприятель, заметив наше выдвижение несколько вперед (у нас было 7 узлов хода, у неприятеля — 6—5? узлов), повернул последовательно на 15—20 градусов влево на сближение с нами, и мы оба замолчали. Около 12 часов дня мы, наконец, сблизились на расстояние около 40 кабельтовых и оба открыли огонь. Через 10 минут шедший третьим в нашей колонне ледокол «Гайдамак» попал своим 6" снарядом в ледокол № 4 — лучший корабль у красных. Он шел у них пятым и вел на буксире еще какой-то корабль. Ледокол № 4 весь в пару вместе со своим буксиром вышел из строя вправо. У нас начали кричать «ура». Между тем мы сближались. В 12 часов 30 минут, на наше несчастье, в канонерскую лодку «Салгир» в борт у ватерлинии сразу попало 2-6" снаряда, и он начал тонуть. Пришлось головному «Уралу» застопорить машины, подойти к погибающему «Салгиру» и снять с него людей. Этот маневр был проделан под сосредоточенным огнем неприятеля, но, к счастью, ни один снаряд в этот момент не попал в корабли и почти вся команда и офицеры были сняты на «Урал», перенесены предварительно все остававшиеся на «Салгире» снаряды и заряды. Вскоре после этого «Салгир» затонул. Во время этого маневра все наши корабли не переставали стрелять по красным, и когда «Урал» отошел от «Салгира», то оказалось, что на нем осталось всего 10—12 снарядов. Приходилось выходить из боя из-за недостатка снарядов. А положение было весьма серьезным: расстояние уменьшилось до 33 кабельтовых, неприятель был подбодрен и против его 10 6" и 130-мм орудий у нас могло действовать только 4 6" пушки, и то почти без снарядов.

Учтя обстановку, мы решительно повернули на сближение, чтобы этим маневром испугать красных. В 12 часов 50 минут красные не выдержали и покатались от нас вправо, а мы, израсходовав последние снаряды, повернули вдруг на 4 румба влево и, пользуясь замешатель-

ством красных, не ожидавших этого маневра с нашей стороны, легли на Керчь. Всю тяжесть арьергардного боя, который продолжался до 1 часа 30 минут, вынес на себе «Гайдамак», замыкавший нашу колонну. К 2 часам 30 минутам неприятель повернул на НО и пошел в Мариуполь.

В этом бою мы еще раз убедились в том, что не в числе кораблей и не в материальной части лежит успех сражения, а в духе, обучении личного состава, в его дружности и в искусстве маневрирования. Утренний бой был выигран нами четырьмя орудиями против 13 неприятельских. Мы не закончили его полным поражением противника только благодаря малому числу пушек, могущих стрелять на нос при преследовании отступающего противника. Единственно, что можно рассматривать как наш недостаток, — это слабая подготовка наших комендоров. Этот недостаток сказался во втором бою. Вследствие недостатка снарядов мы были поставлены в тяжелое положение и выручили нас крепкая спайка личного состава (случай с «Салгиром» и «Уралом»), и правильный маневр нажима на неприятеля в критическую минуту, и удачный выход из боя.

Как бы ни относиться к опыту Гражданской войны, как бы ни умалять его значения, как это делают многие, нельзя, однако, не признать, что основы тактики и стратегии для всякой войны одни и те же и в данном случае участники этого боя получили несомненно прекрасный показательный урок — боевой опыт, который останется у них на всю жизнь, и будет очень жаль, если бы офицеры эти не перенесли его в будущей Российской флот.

В этом бою мы потеряли канонерскую лодку «Салгир», потонувшей, и двух человек на ней, пропавшими без вести — лейтенанта Б. Олтаржевского³⁷⁶ и телеграфиста, бросившихся преждевременно в воду. Кроме того, было несколько человек легко раненных. На остальных судах никаких повреждений не было. Красные потеряли ледекол № 4, выведенный из строя до конца кампании.

В этих боях, утреннем и последнем, было проявлено много личной храбрости со стороны командиров судов, офицеров и команд, когда утром сражались вдвоем «Урал» и «Салгир» против шести неприятелей, а днем, имея очень мало снарядов, до последнего не хотели выпустить красных в Мариуполь, несмотря на двойное их преимущество в артиллерии. В общем же этот случайный бой со стратегической стороны был ошибкой, так как белые подставили часть своих сил удару всех сил красных. Это сделано было по настоянию сухопутного командования, не вполне понимавшего положение на море, и по недостаточной авторитетности морского командования в

глазах Главнокомандующего. Ошибка эта только потому не дала гибельных результатов, что на стороне белых была храбрость и стойкость их офицеров и команд и 1—1,5 узла преимущества хода. Тактически это была несомненная победа, так как благодаря этому бою, хотя и нерешительному, были спасены многочисленные транспорты, которые грузились под нашей защитой зерном у Цареводаровки и в Геническе. Задание, данное флоту, опять было выполнено, несмотря на очень тяжелые условия, и главное командование получило теперь зерно, а значит, и хлеб для армии, и деньги для снаряжения, так как иностранцы давали его нам не даром. Практически после этого боя, несмотря на его нерешительный результат, красные больше не показывались в Азовском море, справедливо считая, что если только половина нашего отряда оказалась такой крепкой, то уж при встрече с целым отрядом им несдобровать.

Из Керчи подкрепления нам выслать не смогли, так как все корабли, находившиеся там, были без паров, а эскадренный миноносец «Беспокойный», шедший как раз в это время из Севастополя в Керчь, опоздал.

За этот бой командиры судов и лейтенант Лубченко³⁷⁷, старший артиллерийский офицер «Гайдамака», были награждены Главнокомандующим орденами Святого Николая, а матросы получили по 20 Георгиевских крестов на корабль. За высадки 25 мая у деревни Кирилловки войск генерала Слащева все суда отряда, участвовавшие в деле, получили Николаевские вымпелы. Таким образом, наш импровизированный отряд быстро спаялся и сделался настоящим боевым отрядом всего за каких-нибудь четыре-пять месяцев.

Поход в Мариуполь

Бой 2/15 сентября показал, что у красных за это время, пока мы позволили спокойно сидеть за их заграждениями и батареями, накопилась порядочная сила, которая превосходит своей материальной частью и даже подготовкой комендоров наш 2-й отряд Черноморского флота, укомплектованный главным образом сухопутными людьми, не имевшими никакой серьезной подготовки в деле стрельбы на море. (Не хватало у нас и морских артиллерийских офицеров: так, на канонерской лодке «Урал» артиллерийским офицером был сухопутный артиллерийский капитан, на «Салгире» — неопытный мичман.) У нас на отряде не было почти ни одного матроса с военного флота, а учиться стрелять нашим командам приходилось прямо на неприятеле, так

как для практической стрельбы не было ни времени, ни снарядов. У красных же, наоборот, было сколько угодно старых опытных комендоров — матросов военного флота. Зато мы превосходили их своим офицерским составом и общим духом своих экипажей. Однако, так или иначе, появившуюся морскую силу неприятеля приходилось учитывать, а потому желательно было уничтожить ее как можно скорее. Но то, что можно было легко сделать в мае, когда вход в Таганрогский залив не был еще заминирован и укреплен батареями, теперь сделать было трудно, так как вход был серьезно минирован тремя линиями мин и, кроме того, на Мариупольском берегу немного севернее маяка Белосарайского стояла батарея 8" орудий, простреливавшая почти насквозь вход в залив. Тягаться с этой батареей нашим небронированным кораблям было невыносимо. Кроме этой морской позиции Кривой косы, как это оказалось впоследствии, была такая же вторая позиция с минами и батареями 6" орудий на самой косе, а в глубине залива, под Таганрогом, и третья позиция, но о них мы узнали только после занятия нами Мариуполя, по мере преследования нами неприятеля. Чтобы уничтожить при такой обстановке красный флот, необходимо было нашему отряду сначала прорваться сквозь заграждение в Таганрогский залив и запереть красных в Мариуполе, а потом сухопутным войскам взять Мариуполь, так как уничтожить красных в их гавани для нас было бы невозможно, потому что гавань хорошо защищалась береговыми батареями, расположение которых нам было неизвестно. Но при начале действий необходимо было обезвредить неприятельскую 8" батарею, защищавшую самый вход в Таганрогский залив, так как иначе она не дала бы нам возможности тралить. Значит, ее должны были бы взять сухопутные войска до начала нашего траления. Таким образом, необходимо было точно сообразовать действия флота и армии, иначе в случае упреждения событий со стороны армии, например занятия Мариуполя раньше времени, противник просто ушел бы из залива раньше, чем мы успели в него войти. Или в случае опоздания захвата 8" батареи, мы не могли войти в залив и напрасно преждевременно обнаружили бы свои намерения. Такую задачу легче всего было бы решить десантной операцией, командование которой было бы всецело в морских руках, которое бы и регулировало ход событий по мере надобности их флоту. Такой план решения этой задачи и предлагался начальником 2-го отряда судов Черноморского флота контр-адмиралом Машуковым еще в мае сухопутному командованию с просьбой дать для этого небольшой сухопутный отряд войск, так как тогда это можно было сделать легко и в корне пресечь возможность организации мор-

ских сил красных. Тогда ведь не было ни мин, ни батарей и можно было легко захватить Мариуполь хотя бы на одни сутки и вывести оттуда все суда, годные для вооружения. Однако план этот принят не был, и отказ мотивировался недостаточностью войск. Теперь сделать это было уже много труднее, но все же возможно. Вопрос этот стал остро, и надо было кончать его.

План десантной операции был и теперь отвергнут, а вместо этого Главнокомандующий приказал: «11 сентября генералу Кутепову волновахскую группу красных разбить и овладеть Мариуполем, а 2-му отряду судов Черноморского флота запереть 15 сентября Мариупольский порт и совместно с сухопутными войсками овладеть Мариуполем, разрушив базу красного флота». Отрядом командовал тогда уже контр-адмирал Беренс; во исполнение этого приказа весь наш отряд с придачей эскадренных миноносцев «Дерзкий» и «Беспокойный», шедших на буксирах, ледоколов «Джигит» и «Гайдамак» (так как на миноносцах почти не было нефти) вышел 13 сентября в море и, задержанный сильным противным штормом, который не давал возможности тралить, подошел к утру 15 сентября к подходу в Таганрогский залив и начал тралить. Тральщиков было всего три пары, из которых в самом начале траления одна вышла из строя, потеряв подорвавшимся флагманский тральщик и на нем храброго и единственного опытного начальника дивизиона тральщиков капитана 2-го ранга князя В.К. Туманова³⁷⁸ и командира — капитана 2-го ранга В.М. Феодотьева³⁷⁹. На оставшихся тральщиках личный состав, к сожалению, несмотря на его храбрость, не отличался практическим знанием дела, так как совсем недавно был назначен на тральщики. Благодаря этому траление затянулось, а к 19 часам при уборке тралов взорвалась и вторая пара тральщиков. Поэтому 15 сентября наш отряд не смог войти в залив и вошел лишь 16-го, а Мариуполь был взят войсками 15-го. Флот же красных ушел из него уже 14-го, при приближении наших войск. Произошла неувязка в действиях армии и флота. Армия, не будучи прочно связана с флотом, упредила действия на море и этим лишила возможности уничтожить флот красных, который теперь укрылся за новой позицией, не менее сильной, — в Таганроге. Кроме того, море было там настолько мелко, что главные наши силы ослаблялись выводом из строя из-за большой осадки обих эсминцев с буксирующими их ледоколами, которые сидели по 19—20 футов.

Поэтому наше преследование неприятеля, отступившего в Таганрог, не удалось, и нам пришлось ограничиться лишь разрушением базы в Мариуполе и постановкой небольшого числа мин в Таганрог-

ском заливе. (Мин заграждения у нас до 10 сентября вообще не было, так как только к этому времени их стали готовить в Севастополе.) 21 сентября, когда наши войска покинули Мариуполь, наш отряд вышел из Таганрогского залива и вернулся в Керчь.

Однако действия эти заставили красных совершенно отказаться до конца кампании от всяких попыток выходить в Азовское море. Наши же суда по-прежнему блокировали красных и помогали огнем своим войскам при отходе их из Таврии и в Крым, обстреливая противника на Арабатской стрелке.

Числа 20—23 октября нам было приказано готовиться к десантной операции на Одессу. Это нас нисколько не удивило, так как дела Крыма были не блестящи и надо было искать новый выход, однако все думали, что на Перекопских позициях, а в крайности на Ак-Манайских (что в 90 верстах впереди Керчи) мы удержаться всегда сможем.

Числа 25 октября в Керчь стали прибывать транспорты для войск. На многих из них не было достаточного запаса воды, и их приходилось наливать водой. Это было огромное затруднение, так как водопровод в порту давал всего 20—30 тонн, при возникшей потребности в сотни тонн. Кроме того, не было и наливных барж. Пошли спешные приготовления транспортов к походу. Приказано было взять под войска все имевшиеся суда. Вдруг 28 октября мы получили известия, что это не десант, а эвакуация Крыма и... последний поход, уже за границу.

Невозможно описать той горечи и силы внезапного удара. Ведь накануне еще мы верили, что сможем долго удерживать Перекопские позиции; о них столько говорили, как они устроены, как сильны, и вот... Эвакуация! Но что делать: мы люди маленькие, мы не знаем, что делается на фронте, какова политическая обстановка, каковы в действительности наши положения и возможности. Мы до сего момента всецело верили нашему Главнокомандующему генералу Врангелю и не можем сомневаться в его преданности России и армии. Ему виднее, а если бы мы и не захотели уходить и воспротивились — то ведь сейчас нас никто не послушает. Наше дело теперь, как ни горько и тяжело это, — эвакуировать армию и население.

Работая день и ночь над организацией погрузки войск и части населения, не хотевшего оставаться, надо было в каких-нибудь три дня успеть погрузить все суда углем, водой и всеми запасами для перехода в Константинополь и принять меры к устранению возможной паники при посадке войск, помня пример Новороссийска. Теперь на нас лежала тяжелая ответственность за спасение людей от красных палачей.

К счастью, и здесь, как в Керчи, так и во всех портах Крыма, благодаря энергии и распорядительности всех чинов флота, начиная с командующего флотом, вице-адмирала Кедрова и его штаба и кончая мичманами-комендантами транспортов, эвакуация прошла в полном порядке, и ни один солдат или гражданин не был оставлен на берегу. Наш отряд до последнего момента прикрывал отход из Керчи, выставил боевые суда в Керченском проливе, будучи готов вступить в бой с неприятелем, если бы он вздумал преследовать транспорты. Но большевики не появились, транспорты снялись с якоря 3 ноября и вышли в море. Последним покинул рейд Керчи начальник 2-го отряда судов Черноморского флота контр-адмирал М.А. Беренс.

Теперь флот, перегруженный до крайности, порою рискуя перевернуться, увозил на своей спине свою армию и гражданское население и спасал от неминуемой гибели 130 тысяч человек.

Это было его последним делом до... верим, твердо уповаем... нового его возрождения в великой и национальной России под славным Андреевским флагом.

*Г. Усаров*³⁸⁰

ТРИ ПОХОДА В ХОРЛЫ В 1920 ГОДУ³⁸¹

Товаропассажирский пароход Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) «Веста» был мобилизован в конце 1919 года, вооружен и переименован в посыльное судно. Вооружение его состояло из двух 75-мм орудий, установленных на полубаке с каждого борта, и одного 47-мм — на кормовой рубке.

Экипаж корабля был смешанный. На нем оставалась администрация (капитан, два помощника и механик), палубная и машинная команды. Военная команда состояла из командира, старшего офицера, артиллерийского офицера, фельдшера (кондуктор), восьми кадет Морского училища, исполнявших должности артиллеристов и сигнальщиков и произведенных вскоре в подпоручики корпуса корабельных офицеров, трех охотников флота (среди которых был преподаватель математики. Позже, в Бизерте, он преподавал в гардемаринских ротах Морского корпуса теоретическую механику), трех матросов и немного позже, когда был произведен выпуск из радиошколы (на «Березани»), радиотелеграфиста, установившего радиопост в специально построенной для этого рубке на спардеке. Весь военный лич-

ный состав, за исключением трех матросов, помещался в пассажирских каютах. В обширной кают-компании военные размещались за столом с одного борта, а коммерческие моряки — с другого. Взаимоотношения между ними были самые дружеские.

Хорлы

Между северо-западной частью Крымского полуострова и материком расположен мелководный Каркинитский залив, вдающийся на 64 мили (118 км) к Перекопскому перешейку. В его северо-западной части тянется на 23 мили (43 км) труднонаблюдаемая с моря Джарылгатская коса. На ее восточной оконечности поставлен для облегчения следования судов в Хорлы и Скадовск Джарылгатский маяк.

От крымского берега в этом месте выступает на север песчаная Бакальская коса длиной около 4 миль (7,5 км), переходящая далее в отмель протяжением около 10 миль (18,5 км). Таким образом, для прохода судов в восточную часть залива остается практически небольшой проход около одной мили (1,8 км) и глубиной в 27 футов (8 м). За этим проходом идет на восток большое водное пространство с глубинами от 6 до 20 сажен (12—40 м), называемое «внешним хорловским рейдом». В $5\frac{3}{4}$ мили (10,5 км) к востоку (на 82°) от Джарылгатского маяка начинается первый так называемый «морской канал», идущий на восток, длиной более двух миль (около 4 км), глубиной в 23 фута (6,9 м), обставленный вехами, которым должны проходить суда, идущие в Хорлы, среди окружающего мелководья.

По выходе из него расположен «внутренний хорловский рейд» площадью около восьми квадратных миль (15 кв. км) и глубиной в 24 фута (7,2 м). Он слегка вытянут с севера на юг и сжат с запада на восток. В $3\frac{3}{4}$ мили (6 км) от конца «морского канала» и почти под прямым углом к нему (к северу на 13°) идет второй, так называемый «портовый канал», ведущий в самый порт Хорлы. Канал этот, длиной около двух миль (3,5 км), шириной в 15 сажен (30 м), с уширением до 25 сажен (50 м) в конце и глубиной в 23 фута (6,9 м). Он также огражден вехами.

Бассейн самого порта имеет четырехугольную форму с размерами 150×100 сажен (300×200 м) и глубиной в 23 фута (6,9 м). Западной границей порта является земляная дамба, идущая в залив, длиной в 70 сажен (140 м), которая в то же время служит и пристанью. Восточная же его граница — это деревянная пристань длиной в 100 сажен (200 м), идущая по направлению входного канала.

Вдоль берега пристани нет. Поднявшись от порта на крутую возвышенную часть берега, попадаем в небольшой сад с сигнальной мачтой и створными знаками входного канала, а за ним идет и сам поселок Хорлы, расположенный на обрывистом полуострове Голый Кут, имеющем форму ромба с площадью около четырех квадратных верст.

Перешеек, соединяющий полуостров с материком, представляет собой естественную дамбу длиной около версты и шириной около 26 сажен (52 м).

Первый поход. За пшеницей

Около 14 часов 7 января «Веста» вышла из Севастополя в свой первый поход под Андреевским флагом и направилась под командой капитана 1-го ранга Леонида Ивановича Захарченко³⁸² в Каркинитский залив, в порт Хорлы (вторым и последним командиром «Весты» был капитан 1-го ранга Заев, произведенный затем в контр-адмиралы и назначенный начальником службы связи).

По дороге были разобраны и осмотрены замки всех орудий, а потом, с требуемыми предосторожностями, все орудия по очереди были опробованы боевыми снарядами. Все сошло гладко. На другой день, пройдя благополучно оба канала, «Веста» ошвартовалась у деревянной пристани для погрузки пшеницы (происходящие события не позволяли теперь регулярного надзора за вежами, ограждающими каналы и отмели, а потому многие из них потеряли свои голики и даже просто исчезли).

Два дня прошли спокойно. Все побывали на берегу и хорошо познакомились с этим небольшим селом. Но 10-го утром за перешейком появились подозрительные разезды (по словам жителей, это были части красной кавалерии). Чтобы их попутать и отогнать, было сделано несколько выстрелов из левого 75-мм орудия (из-за ориентировки корабля вторым стрелять было нельзя). Высокий, обрывистый берег, затем сад и постройки села не позволяли видеть перешеек ни из порта (даже с клотика мачты, куда взобрался с биноклем сигнальщик), ни с рейда. Стрельба поэтому велась без корректирования. Не имея никакого прикрытия на берегу и опасаясь возможности нападения ночью, «Веста» под вечер ушла на «внутренний рейд», где и стала на якорь около стоявшего там английского миноносца № 29.

На другой день, не решаясь вернуться снова в Хорлы из-за создавшейся сомнительной обстановки и отсутствия достаточного запаса

угля, было решено идти обратно в Севастополь. Подходя к «морскому каналу», «Веста» села на мель. После продолжительных усилий она все же самостоятельно снялась с мели и пошла дальше. Но начавшееся невезение продолжалось, и вскоре корабль снова сел на мель, и на этот раз уже весьма основательно. Все попытки сняться своими машинами оказались тщетными. Тогда пришел на помощь английский миноносец. Но пеньковый трос, поданный с «Весты», оказался недостаточно крепким и два раза рвался. После этих неудачных попыток с миноносца передали стальной трос, но из-за его толщины он не мог быть взят для тяги на имевшийся брашпиль, и его пришлось вытаскивать голыми руками из ледяной воды мобилизованному для этого всему личному составу, без исключения.

Усилия миноносца остались безрезультатными, и только благодаря подошедшему буксирному катеру «Березань» «Веста» была наконец стянута на чистую воду и, пройдя «морской канал», стала на якорь на «внешнем рейде».

Тут выяснилось, что по причине всех этих непредвиденных событий получился перерасход угля и его не хватит до Севастополя. Пришлось стоять и ждать, пока не выручат. По счастью, пришедший на второй день эскадренный миноносец «Капитан Сакен» (командир капитан 2-го ранга Остолопов), став у борта «Весты», передал ей немного угля, и она тронулась дальше. Но неприятности продолжались: пройдя Тарханкутский маяк, «Веста» попала в полосу густого тумана, совершенно скрывшего берег. Пройдя, по счислению, до начала минного заграждения, она стала на якорь в ожидании просвета. Часа через полтора туман разошелся, и, к удивлению всех, весь берег и Севастополь были покрыты белоснежной пеленой снега. К концу дня «Веста» вошла на Севастопольский рейд.

Второй поход.

С морским отрядом капитана 2-го ранга Кисловского

Вернувшись из похода в Новороссийск, «Веста» была отправлена в феврале в Хорлы вторично, на этот раз — для высадки «морского десанта» (морской отряд капитана 2-го ранга Кисловского и приданные к нему группы, снятые с кораблей).

Выйдя под вечер с миноносцем «Живой» из Севастополя, «Веста» встретила в море свежую погоду, которая к ночи перешла в шторм. Ветер ревел и развел большую волну. Разбивавшиеся о форштевень волны окатывали полубак, а бризги, подхваченные ветром, летели на

мостик, окатывая стоявших там холодным душем. Часам к 22 маленький «Живой» сообщил, что у него залит водой носовой кубрик и он не может держаться против волны, а потому уходит обратно. Весь «морской десант» лежал, конечно, вповалку (сам адмирал Нельсон укачивался всю жизнь! Чего же требовать от юношей, попавших впервые в передрагу!).

На другой день, чтобы переждать непогоду и дать людям десанта немного прийти в себя, «Веста» зашла в Ак-Мечеть и стала там на два якоря, следя еще, чтобы ее не дрейфовало. У берега, укрывшись от ветра, стоял катер «Березань». Ветер был такой силы, что два молодых, сильных сигнальщика не могли вытянуть «до места» двухфлажный сигнал для «Березани»!!!

На следующий день при подходе к Хорлам произошел случай, чуть не кончившийся весьма печально для школьников села. Приближаясь к Хорлам и не зная, заняты ли они красными или нет, на мостике «Весты» были заинтригованы суетой и беготней у одного дома, стоящего отдельно, слева от села. В бинокль и в дальномер были видны фигурки, носящиеся и суетящиеся у дома. За дальностью расстояния разобрать точно, что там происходит, не было возможности. Высказывались предположения, что это — красный штаб и при виде приближающихся кораблей там происходит быстрая эвакуация. Было отдано распоряжение зарядить орудия. Но, к счастью, обратили внимание на то обстоятельство, что все снующие фигуры от дома не уходят, а потом даже просто скрылись в нем. Все это было непонятно, и потому огня не открыли. Потом, будучи уже в Хорлах, заинтересовались узнать, что это за дом, и оказалось, что это... сельская школа! Очевидно, в момент, когда ее наблюдали в бинокль с «Весты», была перемена и дети резвились во дворе, а по ее окончании скрылись в классах.

Неприятеля в Хорлах не оказалось. Мы ошвартовались у деревянной пристани, десант был высажен на берег и выставил на перешейке охранение. «Веста» была соединена телефоном со «штабом», поместившимся в одной из хат села.

Через день пошли тревожные слухи о том, что с перешейка видели сборище пеших и конных людей. Были ли это красные, никто не знал. Население села тоже было подозрительным. Малочисленный отряд (что не могло укрыться от внимательного взора и могло быть сообщено «куда нужно») и к тому же мало подготовленный к такого рода операциям позволял предполагать, что красные могут этим воспользоваться, и, следовательно, можно было ожидать сюрпризов, особенно ночью. Атмосфера стала нервной и напряженной.

И вот вечером, часов около 20, вдруг неожиданно штабной телефон перестал работать и связь порвалась. Это вызвало тревогу на корабле, и в село срочно был послан один из кадет с поручением найти там хату со «штабом», узнать, в чем дело, и вообще выяснить обстановку. Поднявшись в сад и пройдя его, в кромешной темноте, утопая в непролазной грязи (ни мостовой, ни тротуаров), ему пришлось бродить по селу с наглухо закрытыми ставнями хат, не встречая ни одной живой души, отыскивая «штаб». А в голове мелькали предположения, что, быть может, красные уже неожиданно захватили село, со «штабом» вместе, и поэтому-то телефон и перестал работать.

С такими мыслями, еле волоча утопающие в грязи ноги, в одной из боковых улиц ему вдруг открылось освещенное крыльцо хаты со стоящим на нем часовым с винтовкой в руках. Опознать, свой это или чужой, не было возможности, и оставалось идти «на авось». Приблизился. Оказалось — свой! В «штабе» никто не обеспокоился даже, что телефон не работал и связь порвана. «Объяснили», что, мол, видимо, оборвался провод (а может быть, его и оборвали). С перешейка пока ничего тревожного не доносят.

На корабле, на всякий случай, уже приняли меры предосторожности: было выставлено добавочное охранение на пристань и у заряженных орудий поставлены дежурные комендоры. Нервное состояние, в котором все находились, вызвало одну комическую сценку: очень рано утром один из охотников флота во сне, видимо переживая события дня, завопил во всю глотку: «Красные на палубе!» В один миг все, кто в чем был, похватав винтовки (все были вооружены ими), выскочили на верхнюю палубу. Тут выяснилась причина крика. Часть приняла инцидент в шутку и весело смеялась и острела, а другая же, менее склонная к юмору, отпускала по адресу виновника этой «полундры» не особенно лестные словечки из морского лексикона.

На другой день, ввиду тревожного положения, весь десант погрузился на корабль и благополучно вернулся в Севастополь. Для какой цели посылался этот «морской десант», сказать не могу. Знаю только, что отряд капитана 2-го ранга Кисловского, облюбовав «Весту», остался мирно на ней жить. Даже при начавшейся вскоре новороссийской эвакуации, где не хватало транспортов, «Веста» спокойно простояла в Южной бухте, превратившись в плавучий отель отряда Кисловского. Только подготовка к высадке в Хорлах Дроздовской дивизии³⁸³ заставила наконец отряд, и то с большой неохотой, покинуть «Весту».

Третий поход. Высадка Дроздовской дивизии

О целях десанта читатели уже знают из статьи П.А. Варнека в № 108 «Военной Были», поэтому о ней говорить не будем, а остановимся более подробно на самой операции, так как в той же статье некоторые части ее не совсем точно передают имевшие место события.

30 марта в Южной бухте Севастополя началась погрузка Дроздовской дивизии на суда, предназначенные для этой операции. Командующий дивизией генерал-лейтенант Витковский³⁸⁴, штаб и большая часть 2-го Дроздовского полка³⁸⁵ погрузились на вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» (бывший пассажирский пароход РОПИТа, крымско-кавказской линии, вооруженный тремя 75-мм орудиями), под командой капитана 2-го ранга Домбровского³⁸⁶. Вторая его часть — на паровую шхуну «Павел». 1-й Дроздовский полк³⁸⁷ с оркестром музыки был погружен на посыльное судно «Веста» и тральщик «412». Дроздовская артиллерийская бригада³⁸⁸ — на «Россию». К отряду был придан эскадренный миноносец «Беспокойный» (три 100-мм орудия) под командой капитана 2-го ранга Романовского³⁸⁹.

Рано утром 31 марта отряд, под командой капитана 1-го ранга Федяевского, вышел в море, направляясь на север. К вечеру того же дня, пройдя Джарылгатский маяк, все корабли стали на якорь на «внешнем хорловском рейде». Здесь к отряду присоединились еще два небольших тральщика, «Скиф» и «Березань», и буксир «Смелый».

На другой день, 1 апреля, с рассветом суда начали сниматься с якоря и, проходя по очереди «морской канал», вошли на «внутренний хорловский рейд» (в канале суда не могли идти в кильватер, так как если бы одно из них уселось на мель, то все за ним следующие оказались бы в критическом положении: из-за узкости канала в нем нельзя ни повернуть, ни просто остановиться). Тем временем «Скиф» был послан на разведку в порт Хорлы. Идя портовым каналом и уже подходя к порту, он был неожиданно обстрелян с берега, сначала пулеметным, а затем и артиллерийским огнем. Это было полным сюрпризом, так как предполагалось, что частей Красной армии в Хорлах нет. На «Скифе» был убит его командир, мичман Ковалевский³⁹⁰, и ранен рулевой, но корабль благополучно вернулся к отряду.

На огонь красной батареи начали отвечать суда отряда «Цесаревич Георгий», «Беспокойный» и «Веста». Суда располагались так впереди всех; не доходя до начала «портового канала» и чуть левее его

оси, носом к берегу, была «Веста», что позволяло ей стрелять из обеих 75-мм орудий. Влево и немного сзади нее был «Цесаревич Георгий», а правее, почти на траверзе, «Беспокойный». Батарея была, по-видимому, пристреляна по оси канала, так как все ее снаряды ложились между «Вестой» и «Беспокойным», поднимая бурные столбы воды (со дна, ввиду мелководья). Отстреливаясь, «Беспокойный» сразу же перешел в самую дальнюю, южную часть рейда и оттуда, оставаясь вне досягаемости снарядов батареи, вел стрельбу из своих 100-мм орудий.

Этот поспешный переход вызвал потом в кают-компании «Весты» многочисленные остроты, и миноносец даже переименовали, в шутку конечно, из «Беспокойного» в «Бесполезный». Рисковать получить шальной снаряд, который мог бы произвести серьезные аварии, из-за полного отсутствия броневой защиты в новом, исправном миноносце (которых к тому же осталось так мало) было, конечно, глупо, а стрельба его дальнобойных орудий была так же действительна и оттуда, как и на более близкой дистанции. Кроме того, из-за малых глубин рейда «Беспокойный» рисковал, маневрируя, забить кингстоны своих полодильников илом и водорослями.

Во все время перестрелки, среди грохота орудийных выстрелов и фонтанов, поднимаемых падающими снарядами, раздавались звуки брагурных маршей духового оркестра дроздовцев, игравшего на юте «Весты». Огонь орудий «Весты» был сосредоточен на береговом садике, откуда виднелись в бинокль вспышки выстрелов, и, кроме того, это было единственное место, откуда батарея могла наблюдать и корректировать свою стрельбу. По каким целям стреляли другие корабли, сказать не могу. Вскоре красная батарея смолкла. Было ли это следствием огня «Весты»? Возможно, но утверждать не берусь. Тогда прекратили стрельбу и наши суда. Вся перестрелка продолжалась недолго, не более 45—50 минут.

В самый разгар стрельбы у правого 75-мм орудия «Весты» случилась неприятная история, чуть не окончившаяся трагично. Один из снарядов дал осечку. Отсчитав положенное, взвели курок для нового выстрела тем же снарядом, но он снова дал осечку. Тогда артиллерийский офицер, подпоручик корпуса корабельных офицеров (бывший артиллерийский кондуктор линейного корабля «Пантелеймон»), отсчитав, решил выбросить негодный снаряд за борт. Только комендор положил руку на рукоятку затвора, чтобы его открыть, как совершенно неожиданно раздался выстрел. Произойди он на секунду позже, затвор был бы уже открыт и все кончилось бы весьма печально для орудия и для личного состава, его обслуживающе-

го, а может быть, даже и для прислуги соседнего орудия с левого борта.

Прекратив огонь и отойдя немного дальше к югу от «портового канала», все корабли стали на якорь. Последовавший вскоре семафор с «Цесаревича Георгия» пригласил всех командиров прибыть на совещание. На нем было решено, что если из-за мелководья нельзя произвести высадку в другом месте, то следует попытаться на другой день с рассветом высадить на катере первую часть, с тем чтобы она отогнала от берега красных и позволила высадить остальных.

К вечеру весь отряд ушел обратно на «внешний рейд», где корабли стали на якорь. Этот маневр ввел красных в заблуждение. Они решили, что атака отбита и белые ушли. За дальностью расстояния они не могли рассмотреть, что все корабли остались на «внешнем рейде». Учитывая печальный урок «Скифа», на катерах рулевые рубки были обложены мешками с углем.

Наутро 2 апреля, еще до рассвета, суда, без огней и в полной тишине, стали проходить «морский канал» и становились на якорь на «внутреннем рейде». Тут сама природа пришла нам на помощь: густой предрассветный туман окутал все, и море и берег. С «Весть» перегрузили в полной тишине на «Скиф» часть 1-го Дроздовского полка под командой полковника Петерса³⁹¹, и он исчез в молочной пелене тумана, направляясь по каналу в Хорлы. Начал чуть брезжить рассвет, но из-за тумана дальше чем на 150 метров ничего не было видно. Через некоторое время донеслась пулеметная трескотня. Как потом выяснилось, красные, думая, что отряд окончательно ушел, и не видя ничего из-за тумана, были захвачены появлением «Скифа» врасплох. Выскочившие на пристань дроздовцы быстро выбили из порта и первых построек озадаченных красноармейцев, выбегавших полуодетыми из хат поселка. Подошедшие затем катера высаживали новые партии, и к утру Хорлы были заняты. Взошедшее солнце разогнало туман, а передовые части дроздовцев заняли перешеек полуострова и там остановились.

Вся высадка производилась только катерами. Из больших кораблей ни один в порт не входил. Судовая артиллерия в этот день огня не открывала: с высадкой частей легко было обстрелять своих же, да и густой туман, закрывавший берег, не позволял этого сделать. Со стороны противника тоже не было сделано ни одного орудийного выстрела. После полудня был приведен болиндер с установленным на нем шестидюймовым орудием, который только один из всех судов и стрелял по красным за перешейком.

На ночь дроздовцы остались в Хорлах. Около часа ночи красные внезапно атаковали охранение перешейка, но были отбиты. Утром

3 апреля началось наступление дроздовцев на деревню Адамань, к северо-востоку от Хорлов, а затем и дальше, к Перекопу. Не имея возможности из-за мелководья содействовать ушедшему отряду, корабли перешли на «внешний рейд», где и стали на якорь. Один из катеров ходил в море хоронить убитых.

Перед полуднем прилетел наш гидравион. Поставив аппарат на бакштов «Цесаревича Георгия», летчик по шторм-трапу поднялся на корабль. Через некоторое время снова услышали звук мотора летящего авиона. Он летел с северо-запада и оказался аппаратом красных. Летел он довольно высоко, и ни один корабль, не имея противоаэропланных орудий, не мог по нему стрелять. Ограничились тем, что все высыпали на верхнюю палубу и следили за ним, обмениваясь замечаниями. Пролетев вдоль стоящих судов, он сбросил одну или две бомбы, упавшие далеко от кораблей, подняв небольшие столбики воды. Прилетевший летчик быстро спустился на свой гидро, видимо намереваясь преследовать противника, но приготовления заняли время и красный авион скрылся из виду.

На другой день на «Цесаревиче Георгии» был поднят сигнал приблизительно такого содержания: «Главкомандующий ВСЮР благодарит Морской Отряд за удачно произведенную высадку десанта». В связи с этим сигналом произошел следующий анекдот: сигнальщики «Цесаревича Георгия», набирая флаги для сигнала, ошиблись и вместо нужного флага вставили в комбинацию другой. Несмотря на ошибку, вахтенный сигнальщик «Весты», кадет Борис Щепинский, быстро его разобрал, но решил «обложить» сигнальщиков «Георгия» и, не поднимая ответный флажок «ясно вижу» «до места», держал его на половине высоты (ответный сигнальный флаг, поднятый «до места», означает «ясно вижу ваш сигнал, я его понял»). Поднятый же до половины говорит: «Вижу ваш сигнал и я его разбираю». Как только сигнал разобрал, флаг поднимается «до места». Если же он остается до половины высоты, то говорит: «Плохо вижу, не могу разобрать, может быть, вы ошиблись»). Наконец, после того, как прошло немало времени, на «Георгии» заметили свою ошибку, и сигнал был спущен, а через минуту снова поднят, уже исправленным. В тот же момент Щепинский вытянул «ясно вижу» до места.

На другой день «Цесаревич Георгий» самостоятельно ходил к Скадовску. Остальные суда начали уходить «по способности»: 5 апреля ушла в Севастополь после своего третьего боевого похода в Хорлы и «Веста». Дроздовская дивизия, как маленький остров, окруженная красными, ведя непрерывные бои, доблестно дошла к Перекопу и соединилась там с частями Русской Армии.

П. Варнек

У БЕРЕГОВ КАВКАЗА В 1920 ГОДУ³⁹²

Хорошо оборудованный Новороссийский порт являлся главной базой снабжения Добровольческой армии иностранными грузами, и на складах находились стройные запасы вооружения и прочего имущества. В порту англичане имели свою базу, через которую проходили все выгружаемые ими в Новороссийске грузы. Там же обыкновенно стоял один из их старых крейсеров. В Новороссийске было организовано управление военного порта, командиром которого с начала 1919 года являлся контр-адмирал А.М. Клыков, но после перехода флота летом в Севастополь управление потеряло свое значение. Все же в Новороссийске постоянно находился вспомогательный крейсер или один-два миноносца, которые время от времени для устрашения грузин и зеленых и для наблюдения за нелегальным судоходством посылались вдоль Кавказского побережья. В один из таких походов миноносец задержал и отвел в Новороссийск грузинский вооруженный буксир «Чорох», присутствие которого к северу от границы казалось подозрительным. Но после данных капитаном объяснений буксир был отпущен.

Туапсе, единственный между Новороссийском и Поти оборудованный порт, связанный железной дорогой с Армавиром, был почти не использован. Изредка сюда приходили транспорты, доставлявшие снабжение местным гарнизонам и грузинскому фронту, и иногда заходил один из миноносцев. Летом 1919 года в Туапсе находилось четыре бронекатера и их база «Ингул», которые в июле были отправлены по железной дороге в Царицын, где вошли в состав Волжской флотилии под командой капитана 1-го ранга Заева. При оставлении Царицына в октябре катера были перевезены в Азовское море.

6 февраля 1920 года из Севастополя с секретной миссией вышел в Новороссийск крейсер «Генерал Корнилов» под флагом контр-адмирала Остелецкого. Войдя в бухту, крейсер попал в знаменитую новороссийскую «бору» — дувший с гор страшной силы шквальный норд-остовый ветер. Мороз дошел до 10 градусов, и под ударами ветра море как бы кипело, высоко поднимая водяную пыль. Все надстройки, орудия и мачты покрылись коркой льда, и, несмотря на отданный якорь, крейсер дрейфовало к берегу. Из-за обледенения цепи и всего бака поднять якорь не было возможности, и его пришлось бросить. Когда крейсер повернул бортом к ветру, его букваль-

но повалило, грот-стенга с антенной сломалась и упала за борт. На второй день ветер уменьшился, и, получив новое приказание, «Корнилов» ушел в Севастополь.

После нескольких неудачных попыток, сделанных грузинами в 1919 году с целью отбросить части Добровольческой армии и завладеть Сочинским округом, между грузинским правительством и генералом Деникиным было заключено соглашение, по которому граница фиксировалась южнее Адлера, по реке Псоу, но во избежание конфликтов между позициями обеих сторон была образована нейтральная зона в несколько километров шириной. В начале октября 1919 года для борьбы с Махно, угрожавшим Таганрогу, лучшая часть из находившегося на грузинской границе отряда, 3-й Кавказский офицерский полк, на вспомогательном крейсере «Цесаревич Георгий» был перевезен в Мариуполь. В районе Адлера осталась лишь слабого состава бригада 52-й пехотной дивизии.

Кавказские горы давали хорошее укрытие разного рода зеленым. Вначале они состояли из укрывавшихся от мобилизации местных жителей и были малоактивными, но постепенно усиливались. В связи с поражениями на фронте банды зеленых сильно пополнились дезертирами, и направленные партией из городов коммунисты и скрывавшиеся командиры приступили к военной организации отдельных отрядов и к объединению их в более крупные части, образовавшие в конечном результате «Партизанскую армию». В связи с участившимися налетами партизан на прибрежные селения еще осенью 1919 года мелкие казачьи отряды, стоявшие на пограничных кордонах, были стянуты к крупным центрам и вся местность между ними и приморское шоссе оказались под контролем «покрасневших» зеленых. Телеграфные линии были перерезаны, и фактически Туапсе, Сочи, Адлер и другие пункты оказались без связи между собой и с центром.

28 января, спустившись из района Красной Поляны, крупный отряд партизан после боя занял Хосту; остатки находившегося здесь отряда белых отошли по направлению к Сочи. Через два дня партизаны заняли Адлер и дошли до грузинской границы и затем, повернув на север, 9 февраля вступили в Сочи. 24 февраля Туапсе был одновременно атакован партизанами, подошедшими с юга, и другим отрядом, спустившимся с гор вдоль железной дороги. Захваченный врасплох гарнизон, после короткого боя, вместе с его командиром генералом Бруевичем был взят в плен. Партизаны захватили здесь несколько орудий. Очевидно, что в Новороссийске не знали о грозящей опасности Туапсе, военных кораблей в Туапсе не было и в порту находилось лишь три стоявших без паров буксира. Продвигаясь да-

лее вдоль моря, партизаны подошли к Геленджику и рано утром 13 марта внезапно обстреляли из пулеметов и маленькой пушки стоявший на якоре эскадренный миноносец «Беспокойный». Открыв огонь из своих орудий, миноносец сразу заставил противника прекратить стрельбу. Несмотря на то что пули понаделали много дырок в трубах и надстройках, потерь на миноносце не было. На рассвете следующего дня «Беспокойный» подошел к Туапсе и с целью вызвать огонь батареи переменными галсами стал приближаться к порту. Около 9 часов батарея себя обнаружила, и снаряд ее третьего залпа сломал на миноносце стену и сорвал радиотелеграфную сеть. Но место батареи было замечено, миноносец обстрелял ее беглым огнем всех трех орудий, и она сразу замолчала; после этого был бомбардирован вокзал, в районе которого пострадали лишь мирные жители. Находившийся тут же английский миноносец решил войти в порт, но был встречен беглым огнем батареи и, не теряя времени на разворачивание, полным задним ходом вышел назад. 15 марта «Беспокойный» и английский миноносец поддерживали своим огнем войска, оборонявшие Геленджик, но все же после семичасового боя партизаны его заняли; дальнейшее их продвижение к Новороссийску было остановлено в районе Кабардинки, примерно в 20 километрах от порта. Но, проходя горами, мелкие отряды партизан не раз совершали налеты на восточные пригороды, что вынуждало иметь в Новороссийске достаточный гарнизон, в состав которого входила переформировавшаяся Марковская дивизия³⁹³.

В это время на Кубани шли тяжелые бои; белые армии постепенно отходили к югу, и занятая ими территория, на которой скапливались беженцы, раненые и больные, уменьшалась. Это вызвало необходимость разгрузить тыл от небоевых элементов, и таким образом, частичная эвакуация через Новороссийск началась до крушения фронта, но непрочное положение на крымских перешейках, во всяком случае, пока была надежда отстоять Кубань, мешало организовать предварительную эвакуацию в Крым. По этой причине, насколько позволяли политические обстоятельства, эвакуируемые направлялись за границу. 6 марта ушел в Пирей приспособленный как госпитальное судно пароход «Херсон», имея 1042 раненых и больных на борту. Другие раненые и неспособные носить оружие были направлены в Болгарию, куда был также эвакуирован кадетский корпус, иные через Салоники в Сербию. В индивидуальном порядке беженцы устраивались на ходившие в Константинополь пароходы Русского общества и другие, принимавшие при уплотнении до 800 пассажиров.

Но развязка произошла быстрее, чем это предполагало главное командование. 19 марта на станции Крымская генералом Кутеповым был созван совет старших начальников Добровольческого корпуса, признавший, что, ввиду упавшей боеспособности войск, дальнейшая борьба на Кубани невозможна. На следующий день 20 марта генералом Деникиным было принято окончательное решение об эвакуации армии в Крым, причем обеим кавалерийским дивизиям и Донской армии было приказано отходить на Таманский полуостров, пехоте же и прочим частям идти для посадки на пароходы в Новороссийск; предполагалось, что находившаяся на восточной стороне фронта Кубанская армия³⁹⁴ сможет выйти к морю у Туапсе или где-либо далее.

Таманский полуостров в смысле эвакуации представлял большие возможности. (Этим путем воспользовались немцы при оставлении ими Северного Кавказа.) Действительно, оборона полуострова со стороны Кубани не требовала больших сил, тогда как малое расстояние до Керчи позволяло, не говоря о пароходах, даже десантным баржам вместимостью на 1500 человек сделать в одни сутки два или даже три рейса.

Для этой цели начальник действовавшего в Азовском море 2-го отряда судов капитан 1-го ранга Н.Н. Машуков получил от командующего флотом вице-адмирала А.М. Герасимова приказание сосредоточить в Темрюке и Тамани имевшиеся в его отряде мелкосидящие канонерские лодки, баржи и прочие плавучие средства для перевозки в Крым большого количества людей.

Подготовка морской части эвакуации Новороссийска, в том, что касается транспортных средств, была возложена на начальника морского транспорта инженера-механика генерал-майора М.М. Ермакова, но в несколько оставшихся в его распоряжении дней было чрезвычайно трудно собрать в Новороссийске требуемое количество пароходов. Необходимо отметить, что в это время большинство больших пароходов и некоторые из транспортов, частично на фрахте французского и английского правительств, находились за проливами и не могли быть возвращены в скорое время. Бывшие в Крыму транспорты и пароходы были направлены в Новороссийск, так же как и четыре мобилизованных морской базой в Константинополе парохода. Пароходы необходимо было снабдить углем и прочими материалами, некоторые освободить от груза, что было помехой для быстрого прихода их в Новороссийск. Несмотря на все принятые меры, количество сосредоточенного тоннажа не позволяло сразу взять всю массу людей, которых следовало эвакуировать, но по предложению морского командования эвакуация должна была продолжаться несколько дней, что позволило бы транс-

портам, ввиду короткого расстояния до порта разгрузки Феодосии (переход 12—15 часов), совершить по два или более рейсов. Но в действительности этого не произошло.

По заявке штаба армии каждой дивизии Добровольческого корпуса был представлен один среднего размера пароход, на который передевшие в боях и от дезертирства дивизии, насчитывавшие в это время от двух до трех тысяч бойцов каждая, бросив обозы, артиллерию и лошадей, должны были уместиться. Отдельные полки, отряды и службы были расписаны по другим транспортам, а для эвакуации раненых и больных было предназначено два больших парохода.

Кроме русских пароходов, в Новороссийск прибыло также несколько иностранных, из которых находившиеся в распоряжении английской миссии транспорты по выдаваемым пропускам брали связанных с армией гражданских лиц, также легкораненых и больных.

В это время в Новороссийском порту стояли эскадренные миноносцы: «Беспокойный», на котором находился начальник дивизиона капитан 1-го ранга В.И. Лебедев, «Пылкий», «Капитан Сакен» и посыльное судно «Летчик». Предназначенный для эвакуации генерала Деникина и его штаба вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» стоял у первой пристани, на которой под охраной бронепоезда находились штабные поезда, а в предвидении какого-либо внезапного нападения с другой стороны ошвартовалась подводная лодка «Утка».

На внешнем рейде, под флагом командующего Средиземноморского флота адмирала Сеймура, стояли английский дредноут «Емперор оф Индия», крейсер «Калипсо», матка гидропланов «Пегасус» и пять английских миноносцев, а также отряд французских кораблей в составе двух броненосных крейсеров, двух эскадренных миноносцев и канонерской лодки. Для эвакуации подданных своих стран итальянцы прислали старый крейсер «Этна», а греки эскадренный миноносец «Иепаз». Кроме того, скорее в качестве наблюдателей стояли американский крейсер «Гальвестон» и два миноносца.

Генерал Кутепов, находясь в своем поезде, продолжал управлять отходившими частями Добровольческого корпуса и арьберггардами, но руководство всей эвакуацией номинально оставалось в руках штаба Главнокомандующего, начальником Военного и Морского управления которого был генерал-лейтенант Лукомский, имея своим помощником по морской части капитана 1-го ранга А.И. Тихменева. Даже в последнем этапе, когда флот и его транспорты играли главную роль, руководство эвакуацией морскому командованию передано не было. Вместе с тем в самом разгаре погрузки войск Верховное командование распалось и фактически отдельные морские и сухопутные началь-

ники были предоставлены самим себе. При этом обстоятельстве известную помощь оказал адмирал Сеймур, который, имея предписание содействовать проведению эвакуации, в последний день до некоторой степени распорядился движением пароходов и распределением эвакуированных на стоящие на рейде суда.

Приказ генерала Деникина, отданный 20 марта об эвакуации Кубани и соответствующих с ней движений войск, ввиду разложения во многих частях и усилившегося давления со стороны Красной армии, явился запоздалым. Лишь 21-го кавалерийские дивизии, находившиеся в районе Крымской, выступили на запад в сторону Тамани, но красные части, переправившись через реку Кубань, закрыли им туда дорогу и к вечеру 22-го заняли Анапу, которую защищали Атаманский³⁹⁵ и Лейб-казачий³⁹⁶ полки. Не будучи в состоянии прорваться на запад, обе кавалерийские дивизии и Черноморский конный полк³⁹⁷, являясь арьергардом армии, стали отходить к Новороссийску. Переход на Тамань Донской армии, державшей фронт правее Добровольческого корпуса, являлся сложным рокадным маневром, невыполнимым в том состоянии, в котором находилась в это время Донская армия; донцы и находившиеся при них огромные обозы беженцев стихийно ринулись к Новороссийску. Лишь их правофланговый 3-й корпус³⁹⁸ начал отступать в сторону Туапсе.

Если большинство боевых частей Добровольческого корпуса было более или менее обеспечено пароходами, этого нельзя сказать про тысячи других военных, вольно или невольно отбившихся от своих частей или принадлежавших ранее к различным службам, не считая массы продолжавших прибывать в порт беженцев. Это положение катастрофически усугублялось неожиданным прибытием в Новороссийск кавалерийских дивизий и всей Донской армии. Никаких мер для создания вокруг Новороссийска временной обороны порта принято не было, и фактически арьергарды отходили, имея дело лишь с конницей красных. Возможно ли было по состоянию частей организовать такую оборону — судить не нам, но при создавшемся положении последовательной эвакуации быть не могло, а наличные в порту транспорты не были в состоянии принять сразу такое большое количество людей.

В первые после объявления эвакуации дни Новороссийск покинули уже грузившиеся пароходы с беженцами и небоевыми элементами. Так, в ночь на 23 марта ушел английский транспорт «Бургмейстер Шредер», имея пять тысяч беженцев и некоторое количество легкораненых на борту. В этот же день ушли «Анатолий Молчанов» с более чем тысячью пассажиров и зафрахтованный донским прави-

тельством пароход «Дунай», с чинами донских правительственных учреждений и отошедшими от Анапы казаками Атаманского полка, общим числом 900 пассажиров. В этот и на следующий день ушли «Лазарев» (бывший австрийский «Бруени») и еще несколько пароходов.

По плану Верховного командования главная масса войск должна была прибыть в порт утром 26 марта и немедленно начать погрузку на назначенные частям транспорты. Арьергарды, занявшие в нескольких километрах от порта позиции, оставив временно на местах кавалерийские отряды и несколько бронепоездов, должны были начать отход в первую половину этого же дня; взяв их на борт, к полуночи 26-го все транспорты должны были отойти от пристаней. Фактически, ввиду того, что собственно единственная ведущая из Кубани дорога была забита обозами, артиллерией и бесчисленными повозками беженцев, а вдоль железной дороги на несколько километров от вокзала стояли брошенные составы с интендантскими грузами, бронепоезда и пассажирские вагоны, отход частей произошел с большим опозданием. Связь между войсками и командованием была нарушена и лишь более или менее осуществлялась конными ординарцами. Большинство солдат из мобилизованных и бывших пленных, не желая эвакуироваться, бросало оружие и разбегалось, но многие другие, боясь опоздать на пароходы, оставляли свои части и спешили в порт. При всех этих обстоятельствах большинство войск прибыло на пристани с опозданием на несколько часов, и это еще больше усложнило посадку на пароходы.

С 25-го числа началась интенсивная погрузка, но боевые части прибыли лишь на следующий день. От каждой части заблаговременно был установлен у основания пристани караул, который пропускал на назначенный ей транспорт лишь тех, которые к ней принадлежали. Но на нефтяной пристани, у которой стоял предназначенный для эвакуации команд бронепоездов тральщик «412», караул несли вооруженные французские матросы, а у английских транспортов проверяли документы английские солдаты. Густая толпа стояла у пристаней и всячески пыталась прорваться к пароходам, и лишь угроза применения оружия смогла их удержать. На сходнях некоторых пароходов происходила невероятная давка и драки, во время которых люди падали в воду; в борьбе за место обезумевшие люди спихнули носилки с тяжелораненым и сестру, которая пыталась его защитить.

Но погрузка сохранивших дисциплину частей Добровольческого корпуса произошла в порядке, и за малым исключением, не считая вольно или невольно потерявших связь со своими полками, они были

взяты на транспорты. Не считая ручного оружия, пулеметов, седел и нескольких походных кухонь для прокормления военных в пути, вся материальная часть, орудия, автомобили и лошади были брошены и в ангарах порта оставлены большие интендантские склады и огнеприпасы, которые частично были преданы огню.

Днем 26 марта ушел приспособленный как госпитальное судно пароход «Владимир», имея 983 раненых и больных; примерно такое же количество эвакуировал «Тигр». Насколько можно установить, все находившиеся в новороссийских госпиталях раненые были вывезены ранее, но из числа прибывших в Новороссийск в последний день, если их не взяли с собой боевые товарищи, некоторое количество осталось на берегу. В нескольких километрах от порта застрял санитарный поезд (вероятно, и не один), персонал которого, бросив тяжелораненых, разбежался. Исключение составили лишь две добровольно оставшиеся сестры.

Не имея возможности эвакуировать через Новороссийск прибывшие части Донской армии, им было предложено двинуться дальше по береговому шоссе и, опрокинув зеленых, занять и организовать оборону Геленджика. Морское командование рассчитывало, несмотря на мелководность этой бухты, с 28-го числа организовать эвакуацию через этот порт. Действительно, уже утром 27-го ожидался шедший из Константинополя пароход «Колыма», и из Севастополя вышел большой транспорт «Рион». Начальнику 2-го отряда судов, ждавшего донцов у Тамани, было приказано идти к Геленджику, где его мелкосидящие суда могли бы, снимая с берега и пристани людей, доставлять их на большие транспорты. В дальнейшем можно было рассчитывать на приход разгрузившихся в Феодосии пароходов. Кроме того, только что возвращенный англичанами эскадренный миноносец «Дерзкий», который принимал в Ялте с выведенной из Новороссийска баржи нефть и как будто там забытый, получил срочное приказание идти к Новороссийску.

Вечером 26 марта 1-я Донская дивизия, с целью прорваться к Геленджику, атаковала Кабардинку, но вместо предполагаемых слабо вооруженных зеленых здесь уже оказались перевалившие из Кубани по горной дороге регулярные части 9-й Красной армии, которые отбросили донцов назад. Корабли флота в этом деле могли бы оказать действительную огневую поддержку, но морское командование о готовящейся операции не было уведомлено.

Потрясенная поражением и безрезультатностью всех кровавых жертв и двухлетних усилий и лишений, некоторая часть офицерства открыто обвиняла генерала Деникина и его штаб в происходящей

трагедии. Один офицерский отряд пришел на пристань, у которой стоял «Цесаревич Георгий»; к этому времени генерал Деникин и его штаб уже перешли на крейсер. Начальник прибывшего отряда заявил, что он желает видеть Главнокомандующего. Опасаясь недоброго, командир «География» капитан 2-го ранга Домбровский посоветовал генералу Деникину с другого борта перейти на миноносец «Капитан Сакен», что тот и сделал, взяв с собой лишь нескольких лиц своего штаба. «Капитан Сакен» тотчас же отошел и стал на якорь в отдалении. Можно считать, что с этого момента Верховное командование распалось и какое-либо руководство эвакуацией перестало существовать.

Согласно полученным приказаниям, во второй половине дня 26 марта к порту начали стягиваться арьергардные части, которые временно занимали ближайшие к пристаням здания. Отход арьергардов происходил несогласованно; батальон Марковской дивизии, занимавший позицию на горах севернее бухты, прибыл в порт уже в 16 часов, и именно с этой стороны на следующее утро появились первые красные, тогда как находившийся на железной дороге арьергард из Корниловской дивизии³⁹⁹, в частности стоявшие у туннеля юнкера Корниловского училища⁴⁰⁰, прибыли лишь поздно вечером, а еще позднее Самурский и часть 3-го Дроздовского полка⁴⁰¹.

После 14 часов три последних бронепоезда покинули станцию Тоннельная, которая уже обстреливалась артиллерийским и пулеметным огнем. Не дойдя до станции Гайдук, которая находится в 10 километрах от новороссийского вокзала, вследствие крушения, бронепоезда были оставлены, и их команды пешим порядком направились в порт, куда прибыли после 23 часов. Но «412», на котором они должны были эвакуироваться, уже в 20 часов отошел от пристани.

Около 16 часов, с целью облегчить отход арьергардов, «Емперор оф Индия» открыл редкий огонь из 34-сантиметровых орудий по районам, где проходили железная и шоссейная дороги, и по окрестным высотам. Разрывы снарядов более тонны весом, образуя огромные воронки, имели большое психическое воздействие на красноармейцев и наводили панику в их рядах; в частности, это помогло Сводно-кавалерийской дивизии⁴⁰², находившейся у шоссейной дороги и в направлении на Абрау-Дюрсо, удержать позиции у Борисовки до наступления темноты, пока она не получила приказ отходить к порту. Французский крейсер «Вальдек Руссо» тоже стрелял из своих башенных орудий.

Постепенно пароходы, беря как можно больше людей, отходили от пристаней. Для эвакуации были использованы все возможные пла-

вучие средства. Большая баржа, на которой поместилось несколько сот людей, была выведена на рейд одним из пароходов; стоявшая разоруженной в порту речная канонерская лодка «К-15», благодаря энергии командовавшего ею подпоручика по адмиралтейству, была приведена в порядок и, взяв на борт 300 казаков, ушла в Феодосию. Последними уходили войсковые транспорты. В 23 часа ушла «Маргарита» с Марковской дивизией числом в 900 человек, захватившей с собой четыре орудия с запряжками и несколько повозок. На этот транспорт был также погружен Сибирский батальон⁴⁰³ и еще несколько мелких частей. После полуночи ушел «Цесаревич Георгий», на котором находился штаб и управление армии, отряд охраны и команды двух бронепоездов. Генерал Кутепов со штабом Добровольческого корпуса и его охраной перешел на эскадренный миноносец «Пылкий», который ночью вышел на рейд. Корниловская дивизия грузилась на пароход «Корнилов», который, поджидая арьбергартный батальон, отошел позже. Дроздовская дивизия (две тысячи человек) ушла на транспорте «Екатеринодар». Для эвакуации двух кавалерийских дивизий, которые не вошли в первоначальный расчет, остался лишь пришедший в Новороссийск небольшой пароход «Аю-Даг». Прибывшая первой на пристань дивизия генерала Барбовича⁴⁰⁴ быстро заполнила пароход и из прибывшей около 22 часов Сводно-кавалерийской дивизии генерала Чеснокова лишь двум-трем сотням удалось еще втиснуться на «Аю-Даг», который вскоре ушел. Адмиралу Сеймуру было сообщено о бедственном положении последних защитников Новороссийска, и он приказал одному маленькому пароходу в несколько рейсов перевезти на стоявшие на внешнем рейде корабли оставшихся кавалеристов. В два рейса пароход увез около шестисот человек, но ввиду начинавшегося рассвета англичане не разрешили ему идти в порт в третий раз. Таким образом, на берегу остался Мариупольский гусарский полк⁴⁰⁵ в составе 450 человек и небольшая часть Клястицкого полка⁴⁰⁶. На рассвете 27 марта, в надежде найти возможность эвакуироваться, гусары пошли пешком кругом бухты к восточному молу, где у пристани Цементного завода еще стоял транспорт «Николай 119», задержавшийся ожидая отходивший последним Самурский пехотный полк. Он уже имел на борту Алексеевскую дивизию⁴⁰⁷ и был забит людьми разных частей, и кавалеристы на него проникнуть не смогли; закончив погрузку самурцев, «Николай» после рассвета вышел на внешний рейд. В то же время ушла подводная лодка «Утка», взявшая на буксир парусную яхту «Забава», на которой нашли себе место десятка два людей. Порт опустел, но на его восточной стороне, у цементной пристани и в районе восточного

мола, находилась многотысячная толпа главным образом казаков, но и других военных, а также беженцев с женщинами и детьми и их подводами, груженными всяким скарбом. Стоял целый табор калмыков, среди которого были верблюды. Весь район порта был запружен брошенными повозками, автомобилями, пушками и танками, и в нем находились тысячи оставленных лошадей, которые, привыкнув к уходу за ними людей, в большинстве оставались на месте (но были случаи, когда кавалеристы со слезами на глазах застреливали своих верных четвероногих соратников). Пробиваясь с трудом через всю эту «кашу», большинство гусар достигли восточного мола в километр длиной и в надежде, что придут еще пароходы, пробрались в его конец. В большинстве своем бывшая на берегу толпа пассивно ожидала своей участи, многие женщины плакали, но необходимо отметить, что здесь же находились также тысячи солдат из мобилизованных и бывших пленных, которые никакого желания эвакуироваться не имели. Но были случаи, что некоторые отчаявшиеся офицеры, предпочитая плену смерть, стрелялись. Более энергичные разыскивали в порту шлюпки и оставленные маленькие катера и на них, иногда без весел, гребя лишь досками и руками, выходили за входные маяки, где их подбирали миноносцы.

В районе вокзала и в северной части порта горели склады английской базы и армии и шел грабеж оставленного имущества. В начале утра на горах за цементными заводами показались передовые отряды красных, и при этих обстоятельствах адмирал Сеймур считал, что дальнейшая эвакуация людей из порта невозможна. Но в это время с «Пылкого» был замечен вышедший из ворот порта маленький паровой катер, дававший тревожные гудки. На катере, которым не без труда управлял бывший кадет Морского училища поручик А. Векслер⁴⁰⁸, среди других оказался командир Мариупольского полка, который доложил генералу Кутепову о нахождении полка на молу. Об этом было сообщено капитану 1-го ранга Лебедеву на «Беспокойный», причем генерал Кутепов просил принять все меры для спасения бывших в последнем арбергарде гусар. Приказав «Пылкому», на котором было много эвакуированных, передать всех пассажиров на английский дредноут, капитан 1-го ранга Лебедев с «Беспокойным» и «Капитан Сакен» направились в порт. Видя это, начальник французской военной миссии генерал Манжен, не желая оставаться лишь зрителем, привлек к этой операции французские корабли. Обеспечивая других, «Беспокойный» стал на якорь среди порта и открыл огонь по спускавшимся с гор красным цепям, которые, пока с дальнего расстояния, начали обстреливать порт из пулеметов. На пристани про-

тив «Беспокойного» горел поезд с боеприпасами и осколки взрывающихся снарядов падали кругом. «Капитан Сакен» (капитан 2-го ранга Остолопов) подошел к концу мола, и в несколько минут вся его палуба была забита перепрыгнувшими на миноносцец людьми. Отойдя от мола, капитан 2-го ранга Остолопов направился к стоявшей у одной из пристаней барже, на которой находилось несколько сот пехотных солдат и казаков, и, взяв ее на буксир, вышел на внешний рейд. Французская канонерская лодка «Дюшафолт» тоже подошла к молу и, взяв на борт 190 человек, ушла прямо в Феодосию. Примерно в то же время в порт вошла подводная лодка «Утка» (старший лейтенант Монастырев). Красные уже успели подвезти батарею, открывшую огонь по молу и порту, но ее место было замечено с «Утки», которая, открыв огонь из своих двух 75-мм орудий, заставила батарею замолчать. Лишь расстреляв весь свой боевой запас, лодка вышла из порта.

Около 9 часов к молу подошли французский эскадренный миноносцец «Ансень Ру», с генералом Манженом на борту, и «Пылкий», но, когда французский миноносцец, наполнив палубу людьми, хотел отойти от мола, у него произошла авария в машине и он не смог дать ход. К этому времени красные части вышли к порту со стороны вокзала и открыли пулеметный огонь с пристаней. Отошедший уже от мола «Пылкий», имея 300 пассажиров на борту, видя беспомощное состояние француза, вернулся назад и, частично прикрыв его своим корпусом, подал ему буксир. Одновременно «Пылкий» вел огонь по неприятельским пулеметам и по снова начавшей стрелять батарее. Выпустив за короткое время около ста 102-мм снарядов, около 10 часов «Пылкий» вывел «Ансень Ру» на рейд и подвел его к французскому крейсеру.

Французское правительство оценило самоотверженное поведение «Пылкого» и наградило его командира капитана 2-го ранга В. Григоркова орденом Почетного легиона офицерского креста, старшего артиллериста лейтенанта И. Брюховецкого⁴⁰⁹ орденом кавалерского креста и заведовавшего заводкой буксира боцмана-кондуктора И. Крупина военной медалью.

Принимая во внимание действия подвезенной красными артиллерии, дальнейшая посылка в порт кораблей была признана слишком рискованной, но все же в это утро, не считая бывших на барже солдат, кораблями с мола было снято более тысячи человек, среди которых все прибывшие на мол кавалеристы и какой-то мусульманский отряд.

К 15 часам красные части завершили оккупацию всего порта и города.

Произведя необходимую перегруппировку эвакуированных, в частности освободив русские миноносцы от пассажиров и дав им с «Емперор оф Индия» нефть, после полудня английская эскадра, французский крейсер «Вальдек Руссо» и другие корабли направились к крымским берегам. После 14 часов, по инициативе капитана 1-го ранга Лебедева, «Беспокойный» пошел в Туапсе с целью выяснить, не прорвались ли туда какие-либо войска. Вероятно, для ремонта машины на «Ансенъ Ру» в новороссийской бухте остались крейсер «Жюль Мишле» и миноносец «Алжериен», которым было суждено произвести последний акт новороссийской эвакуации.

Среди оставшихся на берегу оказалось более двухсот человек 3-го Дроздовского полка, опоздавших на предназначенный их дивизии транспорт и затем не смогших втиснуться на уже перегруженный «Николай», а также Черноморский конный полк в 300 шашек, не получивший вообще парохода. По предложению командира Дроздовского полка полковника Манштейна было решено совместно сделать попытку пробиться к Геленджику. Видя проходившие мимо полки и узнав о цели их движения, из стоявшей толпы в одиночку и группами к Черноморскому полку присоединилось около четырехсот имевших оружие конных и пеших, среди них часть команды бронепоездов. Но шедшим впереди дроздовцам у Кабардинки дорогу перегородили занимавшие позицию части Красной армии. Положение казалось безвыходным, но, услышав стрельбу и видя на берегу войска, с приблизившегося французского миноносца была послана шлюпка и прибывший офицер, войдя в связь с командующим Черноморским полком, предложил эвакуировать весь отряд. Французы послали к берегу все свои шлюпки, которые буксировали паровые катера крейсера, но все же перевозка людей шла очень медленно. Когда дроздовцы начали отходить к месту посадки, чтобы задержать красных, «Жюль Мишле» открыл огонь по району дороги перед Кабардинкой. После 17 часов все бывшие здесь люди, около девятисот человек, были взяты на французские корабли. Этим закончилась новороссийская эвакуация.

По сведениям, опубликованным в журнале «Часовой», не считая беженцев, гражданских чинов и лиц, принадлежавших разным тыловым учреждениям, число которых не поддается учету, было эвакуировано 35 тысяч человек, находившихся в боевых частях Добровольческой армии, и 10 тысяч казаков, но является сомнение, не вошли ли в это число казаки, эвакуированные неделю спустя из Туапсе. Все плавучие средства, за исключением трех-четырёх маленьких буксиров, были выведены из порта.

Эскадренный миноносец «Пылкий», котлы и механизм которого за годы войны и революции, не имея серьезного ремонта, совершенно износились, выйдя из бухты, оказался в бедственном положении и без котельной воды. После 16 часов у Мысхака его встретил вышедший в 8 часов утра из Ялты эскадренный миноносец «Дерзкий». «Пылкий» стал на якорь, и с целью дать ему воды «Дерзкий» подошел к его борту, но довольно сильная волна, раскачивая миноносцы в противоположные стороны, стала бить их один о другой, причинив этим небольшие повреждения в надстройках, и принудила миноносцы разойтись. «Пылкий» направился к оказавшемуся поблизости пароходу «Колыма», который опоздал к эвакуации. К вечеру волна немного улеглась, что дало возможность «Колыме» снабдить миноносец водой, и после починки сдавших механизмов в 2 часа ночи «Пылкий» и «Колыма» пошли в Феодосию. Этот небольшой инцидент очень показателен, в каком состоянии в то время находились многие корабли белого флота и какие усилия должны были прилагать их командиры, чтобы они все же могли действовать.

После 17 часов эскадренный миноносец «Дерзкий» вошел в Новороссийскую бухту, имея предписание присоединиться к «Беспокойному» и получить от начальника дивизиона дальнейшие инструкции. Но «Беспокойного» здесь не оказалось, и отходившие от Кабардинки французы сообщили, что он ушел в море. В ожидании получения по радио новых инструкций командир «Дерзкого» решил держаться у входа в бухту, с целью перехватить продолжавший идти к Новороссийску транспорт «Рион»; предполагалось, что могут быть еще другие суда, не уведомленные об оставлении порта. После полуночи удалось связаться по радио с «Рионом» и передать ему приказание идти в Феодосию, откуда он через несколько дней перевез в Севастополь Дроздовскую бригаду. В 23 часа ушел в море французский отряд, и наконец около 4 часов утра на «Дерзком» получили радио с «Беспокойного» срочно идти в Туапсе.

В помощь «Пылкому» из Керчи, где еще не знали о падении Новороссийска, лишь вечером был выслан буксир «Шалун», который утром 29 марта подошел к Новороссийской бухте, у входа которой стояли вернувшийся из Феодосии крейсер «Калипсо» и французская канонерка, от которых он узнал, что Новороссийск эвакуирован и «Пылкий» уже накануне вечером пришел в Феодосию.

Выйдя по окончании эвакуации порта из Новороссийской бухты, вечером 27 марта эскадренный миноносец «Беспокойный» подошел к Туапсе и обнаружил, что порт занят перевалившими через горы казаками. Выяснилось, что 3-й Донской корпус, Кубанская армия, бри-

гада астраханцев, другие мелкие части и семь бронепоездов, отходивших вдоль Армавир-Туапсинской железной дороги, объединились в одну группу войск под командой генерала Писарева. После безрезультатных переговоров о пропуске к морю с зелеными партизанами, занимавшими Гойхтский перевал, Кубанская дивизия генерала Шифнер-Маркевича⁴¹⁰, при поддержке бронепоездов, 22 марта заняла станцию Гойхт, и вечером следующего дня бронепоезда дошли до станции Туапсе. За ними двинулись войсковые части и бывшие с ними обозы с беженцами. Партизаны поспешно отступили по Новороссийскому шоссе, и вслед за ними был выдвинут отряд казаков с батареей, занявший деревню Небуг и дошедший до Казачьей балки, в 22 километрах от Туапсе. В районе Гойхтского перевала был оставлен арьергард в составе 2-й Кубанской дивизии с тремя бронепоездами. Двинутые по Сочинскому шоссе кубанские казаки обнаружили лишь мелкие группы партизан, которые при их приближении убегали в горы. Этими мерами, во всяком случае до подхода главных сил Красной армии из Новороссийска или с севера, спокойное проведение эвакуации Туапсе было обеспечено. По какой-то причине преследовавшие казаков 34-я и 50-я стрелковые дивизии Красной армии отстали и несколько дней не двигались вперед.

Находившийся на «Беспокойном» начальник дивизиона капитан 1-го ранга Лебедев по радиотелеграфу сообщил о создавшемся в Туапсе положении и просил срочно выслать из Феодосии пароходы для эвакуации многих тысяч людей. Бывшему у Новороссийска эскадренному миноносцу «Дерзкий» было приказано немедленно идти в Туапсе. Следовавшему к Геленджикю, который продолжал занимать противник, начальнику 2-го отряда судов капитану 1-го ранга Машукову было передано, чтобы он со своим отрядом тоже шел в Туапсе.

В 8 часов утра 28 марта «Дерзкий» пришел в Туапсе. Этот миноносец, как и все другие, бывшие в хорошем состоянии корабли, был захвачен в январе 1919 года «союзниками» и лишь 1 марта 1920 года был возвращен в Измиде англичанами. Туда пришел эскадренный миноносец «Поспешный», который предполагалось отправить на Мальту в ремонт, и его уже сплавившаяся команда с капитаном 2-го ранга Н.Р. Гутаном во главе перешла на «Дерзкий». После перегрузки всех материалов, снарядов и имущества и необходимого ознакомления с новым кораблем «Дерзкий» 22 марта прибыл в Севастополь. Но нефти для него там не оказалось, и через три дня «Дерзкий» был послан в Ялту для приема горючего с бывшей там баржи. Но нефть оказалась настолько густой, что ее с трудом могли перекачивать помпы, и, не догрузившись, миноносец ушел к Новороссийску. По при-

ходе «Дерзкого» в Туапсе капитан 1-го ранга Лебедев со своим флаг-офицером перешел на него, а «Беспокойный», у которого все запасы были на исходе и оставалось мало снарядов, перекачав на «Дерзкий» немного лишней нефти и взяв некоторое количество раненых, в следующую ночь ушел в Феодосию. Капитан 1-го ранга Лебедев с помощью капитана 2-го ранга Гутана и офицеров «Дерзкого» взял в свои руки все управление морской частью эвакуации. Было организовано управление портом, и на балконе его дома непрерывную вахту несли сигнальщики «Дерзкого», через которых шла вся связь между сухопутным командованием и стоявшим в порту на якоре миноносцем.

29 марта пришел отряд капитана 1-го ранга Н.Н. Машукова, который находился на канонерской лодке «Георгий», оборудованной из парохода серии Эльпидифоров, вооруженный ледокол № 1, впоследствии названный «Всадник», с десантной баржей — болиндером и сторожевой катер «Старший лейтенант Макаров». Вслед за ними прибыл тральщик № 412, начали приходить из Феодосии пароходы и прибыл находившийся у Новороссийского залива английский крейсер «Калипсо» и эскадренный миноносец «Стедфаст».

Немедленно было приступлено к погрузке войск, но тут выяснилось, что кубанский войсковой атаман генерал Букретов⁴¹¹, председатель рады Иванис⁴¹², председатель краевого правительства Тимченко и другие лица ведут усиленную пропаганду среди кубанских казаков в смысле полного разрыва с Добровольческой армией, отказа от эвакуации в Крым и создания независимой Кубани в союзе с мифической Горской республикой, зелеными Черноморья и будто бы с активной поддержкой Грузии. Несмотря на противодействие командующего Кубанской армией генерала Шкуро⁴¹³ и большинства офицерства, кубанские казаки поддались этой пропаганде и не пожелали эвакуироваться. Но все эти обещания были лишь пустыми словами: Горская республика была быстро ликвидирована красными, зеленые превратились в Красную партизанскую армию, а Грузия отказалась пропустить казаков на свою территорию. В связи с этим положением началась погрузка 3-го донского корпуса, астраханцев, попавших в Туапсе добровольцев и беженцев. Ввиду большого количества подлежащих эвакуации лиц, из Феодосии были вызваны добавочные пароходы. Пассажирский пароход «Тигр» был предоставлен раненым и больным, беженцы устраивались по способности, в частности на пришедшие английский и французский пароходы.

30 марта канонерская лодка «Георгий» пошла к Сочи для оказания содействия продвигавшимся вдоль моря на юг кубанским каза-

кам. Сторожевой катер «Старший лейтенант Макаров» для выяснения намерений грузин был послан в Сухум, но к назначенному ему сроку не вернулся. 31 марта ледокол № 1, взяв под командой мичмана два десятка вооруженных матросов с «Дерзкого», при пулемете, был послан к Джубге, где стояли два буксира и парусные шхуны, на которых при оставлении Туапсе партизанами часть из них бежала. С хода ледокол подошел к стоявшему на якоре «Тайфуну», на который перепрыгнули матросы «Дерзкого», но на буксире никого не оказалось. Маленький буксир «Елизавета» стоял у береговой пристани, и захватить его не было возможности. Выпустив несколько 75-мм снарядов по берегу, ледокол взял «Тайфун» на буксир и привел его в Туапсе. По поводу «Тайфуна» между Лебедевым и Машуковым произошел забавный спор. Основываясь на том, что буксир был захвачен кораблем его отряда, Машуков настаивал на его зачислении в этот отряд, но Лебедев, которому «Тайфун», ввиду отсутствия в Туапсе буксиров, был крайне необходим для оказания помощи при швартовке пароходов и для буксировки болиндера, напомнил старый корсарский обычай, по которому призовое судно принадлежит тем, которые первые завладели его палубой и на ней продолжали оставаться, то есть в данном случае мичман и его команда с «Дерзкого». Но в это время команда, оставив «Тайфун» стоять на якоре, вернулась на миноносец. Зная это, капитан 2-го ранга Гутан, для продолжения занятия буксира и избежания захвата оставленного судна азовцами, срочно послал на него гардемарина. Капитан 1-го ранга Машуков был очень рассержен таким поворотом дела.

В 6 часов утра 2 апреля «Дерзкий» с целью подбодрить находившиеся на фронте части и устрашения партизан вышел в море. У Небута с берега на шлюпке прибыл кубанский генерал Науменко⁴¹⁴, заменивший отбывшего со своим корпусом генерала Писарева. Генерал Науменко предложил пройти на северо-запад с целью установить, не подходят ли по шоссе из Новороссийска части Красной армии. Малым ходом «Дерзкий» в двух-трех километрах от берега пошел дальше. У Ольгинского кордона был обстрелян из орудий конный разъезд. Затем было выпущено несколько снарядов по Джубге, где, вероятно, находилась главная база партизан, и были утоплены стоявшие у берега буксир и шхуна. На обратном пути миноносец обстрелял деревню Ольгинка, а затем по просьбе, переданной из штаба отряда, открыл огонь по склону дальней горы, до которой полевая артиллерия не доставала и где виднелась цепь партизан, убежавшая после первых же выстрелов. В это время казачья батарея обстреливала шоссе и прибрежную гору. Никакого

движения войск по шоссе не было замечено, из чего можно было заключить, что с этой стороны части Красной армии еще не подходили. После захода солнца «Дерзкий» вернулся в порт.

3 апреля в Туапсе пришла вторая партия пароходов: «Лазарев», «Колыма», «Россия» и транспорт «Николай 119», благодаря которым явилась возможность эвакуировать всех желающих. Пришла также французская канонерская лодка «Дюшафолт», взявшая на борт небольшое количество интеллигентных беженцев.

Вечером партизаны произвели внезапное наступление и отбросили передовые части казаков за реку Небуг. Опасаясь их дальнейшего продвижения, генерал Науменко попросил об оказании артиллерийской поддержки с моря. В 2 часа ночи 4 апреля «Дерзкий» снялся с якоря и, подойдя близко к берегу и осветив долину прожекторами, в 4 часа утра открыл огонь залпами из своих четырех орудий по мосту, шоссе и южному склону долины. Перед рассветом миноносец отошел в море, но в 6 часов, когда он снова стал приближаться к Небугу, по нему начали стрелять два полевых орудия, сразу давшие один перелет и один недолет. Орудия, которые стояли в разных местах, были сейчас же обнаружены по вспышкам выстрелов; развернувшись бортом, «Дерзкий» их обстрелял, и после первых же близких разрывов они замолчали. С целью снова вызвать их стрельбу миноносец прошел четыре раза в двух-трех километрах от берега, но орудия упорно молчали. В 8 часов «Дерзкий» вернулся в Туапсе и подошел к «Калипсо», который дал ему сколько мог нефти. Действия на морском фланге «Дерзкого», видимо, обескуражили партизан, которые не только прекратили попытки наступать, но даже отошли назад, и высланный в этот день казачий разъезд прошел на несколько километров вперед, никого не обнаружив.

На следующий день капитан 1-го ранга Машуков, присутствие которого было необходимо ввиду готовившегося десанта в Азовском море, ушел на ледоколе № 1 в Керчь. Вслед за ним, несмотря на поднятый «Дерзким» сигнал «вернуться», который, возможно, не был понят, ушел и «Георгий».

6 апреля фактически эвакуация была закончена и все пароходы ушли в Феодосию. У железнодорожной пристани остался транспорт «Николай 119», грузивший еще артиллерию и который должен был взять команды бронепоездов. Управление портом было переведено на транспорт, «Тайфун» с болидером пошел в Сочи, куда должны были посылаться в дальнейшем пароходы. Надо отметить, что в Сочи и далее до Поти не было оборудованных портов и погрузка на суда была возможна лишь при помощи мелкосидящей баржи с пересадкой лю-

дей на стоявшие на якоре пароходы. Находившийся на железной дороге арьергард и бронепоезда, устроив в туннелях завалы, в этот день оставили Гойхтский перевал и начали отходить к Туапсе; кубанские части и обозы уходили на юг по Сочинскому шоссе. Два бронепоезда отошли на железнодорожную пристань, и командир «Николая» предложил своими стрелами снять с них и погрузить на транспорт орудия и башни. Остальные бронепоезда, кроме одного, были приведены в негодность. Транспорт должен был взять с собой находившийся в порту буксирный катер «Петр», который с трудом был приведен к его борту четверкой «Дерзкого». На остальных мелких катерах машинисты миноносца сняли части механизмов. Окончательное оставление порта было назначено на 7 апреля, в зависимости от того, как быстро будут наступать красные, но из предосторожности стоявшие в середине порта «Дерзкий» и «Калипсо» к вечеру подняли все шлюпки и были готовы к немедленной съемке с якорей. На Новороссийском шоссе арьергард отошел на последний перед портом Агойский перевал, но партизаны здесь его не беспокоили, вероятно не решаясь атаковать эту крутую гору. В первую половину дня 7 апреля продвигавшаяся вдоль железной дороги дивизия красных была задержана арьергардом при поддержке бронепоезда у последней станции Кабардинка, но их части продвигались также вдоль долины Паук. В 14 часов «Николай», окончив погрузку, отошел от пристани, но на случай необходимости взять еще кого-либо был поставлен на якорь в порту и ушел лишь два часа спустя. Оставленные им пустые бронеплощадки паровоз столкнул в море. В 15 часов начался отход арьергардов. Для облегчения отступления арьергарда с Новороссийского направления «Дерзкий» в 16 часов подошел к долине Агоя и выпустил десяток снарядов вдоль шоссе. В момент поворота миноносца в море по нему открыли огонь два 3" орудия, место которых сразу определить не удалось. «Дерзкий» обстрелял некоторые пункты на берегу, где предположительно могла бы находиться батарея, которая сделала десятка два выстрелов, причем некоторые ее снаряды ложились вблизи миноносца. Наконец сигнальщики заметили вспышки выстрелов на склоне холма у Небуга, и по этому месту был открыт беглый огонь из трех орудий, и тотчас же батарея замолчала. В 17 часов 30 минут «Дерзкий» вернулся к Туапсе и стал на якорь в двух километрах от берега на внешнем рейде, невдалеке от вышедшего в 16 часов из порта «Калипсо». К этому времени арьергард с железной дороги уже отошел на юг. У вокзала был большой пожар, зажженный командой бронепоезда, и рвались боеприпасы. Сам бронепоезд отошел на Черноморский вокзал, взорвав после себя мост через Туапсинку. Через

город на рысях проходило несколько сотен казаков, бывших в арьергарде на Новороссийском шоссе.

Цепи красных появились со стороны Кабардинки и затем на холмах со стороны Паука. Бронепоезд обстреливал их шрапнелью, но по нему открыла довольно меткий огонь батарея; после попадания гранаты в стоявший за ним паровоз бронепоезд отошел за поворот. Другая батарея (возможно, это был бронепоезд) более крупными снарядами обстреливала город и порт. «Дерзкий» сделал лишь несколько выстрелов, так как с мостика было трудно разобрать, где свои и где чужие. В 18 часов, вероятно приблизившись, как предполагали, 42-линейная батарея одиночными выстрелами открыла огонь по кораблям гранатами и иногда шрапнелью, целя главным образом в «Калипсо». Выбравшие заблаговременно якоря корабли малым ходом начали уходить, причем капитан 2-го ранга Гутан, не желая при этом опережать «Калипсо», держался позади его траверза. Ответного огня корабли не открыли, так как местоположение батареи не удалось заметить, а стрелять по городу было безрассудно. Шрапнель разорвалась между мачтами «Дерзкого», и пули, как горох, рассыпались по стальной палубе, но в этой части миноносца по боевой тревоге ничего не было, а проходивший здесь старший офицер лейтенант Полетика⁴¹⁵ успел отпрыгнуть под надстройку. Затем у самой кормы «Калипсо» поднялся фонтан воды, и разорвавшийся снаряд осыпал ее осколками, после чего крейсер увеличил ход и его примеру последовал «Дерзкий». Батарея оказалась дальнобойной, и корабли находились в сфере ее обстрела 20 минут.

Через Туапсе, включая беженцев и гражданских лиц, было эвакуировано примерно 15 тысяч человек, некоторое количество лошадей и орудий.

После рассвета «Дерзкий» подошел к Гаграм, чтобы посмотреть, нет ли там пропавшего «Макарова», но катера там не оказалось. На смену «Дерзкому» для продолжения эвакуации должен был прибыть эскадренный миноносец «Живой», вместе с тем на «Дерзком» не было достаточно нефти, чтобы дойти до Севастополя, требовалось перебрать кое-какие механизмы и его команда от интенсивной работы сильно устала. Принимая это во внимание и предполагая, кроме того, что в Крыму нефти не достать, капитан 1-го ранга Лебедев приказал идти в Батум, куда миноносец пришел в 18 часов. Во время спокойной стоянки «Дерзкого» в Батуме у всех оказалось время предаться своим мыслям. Под влиянием происшедшей катастрофы Добровольческой армии в настроении команды произошел некоторый упадок. О реальном положении в Крыму сведений не было, и в случае его

падения предполагалось, что миноносец уйдет за границу. Обильное потребление кахетинского вина позволяло забыть горечь поражения, но несколько человек из более чем ста человек команды дезертировали. Среди них оказался старшина одной кочегарки, гардемарин инженерного училища, и, что всех удивило, боцман, бывший унтер-офицер Гвардейского экипажа. В 1919 году, когда в Новороссийске формировалась команда «Поспешного», он явился на миноносец и на вопрос старшего офицера, есть ли у него документы, распахнул бушлат, показал свою богатырскую грудь, на которой от края до края, в красках, был нататуирован императорский орел, и сказал: «Вот мой документ, куда я с таким могу еще податься!» Но необходимо отметить, что, когда через несколько дней «Дерзкий» снова вышел в море и пошел в родной для многих матросов Севастополь, все тяжелые думы были забыты и команда, как раньше, превосходно работала.

Вступивший в командование Русской Армией генерал Врангель для разрешения создавшегося на Кавказском побережье положения командующим Кубанской армией назначил генерала Улагая, доставить которого в Туапсе должен был только что закончивший ремонт миноносец «Живой» (командир старший лейтенант М. Лазарев⁴¹⁶). Взяв на борт генерала Улагая, его начальника штаба генерала Стогова⁴¹⁷ и полковника Туманова, «Живой» зашел сперва в Керчь, где на него погрузилось несколько членов кубанской рады из числа лояльных генералу Врангелю, которые должны были оказать влияние на казаков, после чего миноносец направился в Туапсе. Зная о его приходе, всю ночь после оставления порта «Дерзкий» периодически вызывал «Живого» по радио, а уходивший в другую сторону «Калипсо» слал в эфир: «to all to all and руска миноноска» и далее, по-английски: «Туапсе занят большевиками». По какой-то причине не приняв этих телеграмм, во второй половине дня 8 апреля «Живой», пройдя в близком расстоянии Кадошский мыс, подошел к Туапсе. Отсутствие каких-либо кораблей в порту показалось Лазареву подозрительным, и он тотчас же застопорил машины, чтобы осмотреться. Расстояние до набережной было не более километра, и не прошло и нескольких минут, как стоявшее у таможни 3" орудие открыло огонь, и первый его снаряд упал в 50 метрах от борта. Миноносец дал полный ход и, прижимаясь к берегу Кадоша, пошел в море. Кормовое 75-мм орудие открыло огонь, и после нескольких выстрелов ему удалось сбить стрелявшую пушку. На мысу была хорошо видна установленная в 1916 году двухорудийная морская 6" батарея, на которой копошились люди, начавшие поворачивать орудие в сторону миноносца. С расстояния в 200 метров батарея была обстреляна из пулемета, и

бывшие там люди разбежались. Отойдя в море, «Живой» обстреляла дома на набережной, начиная с большого здания с развевающимся красным флагом, который загорелся. Всего было выпущено 83 снаряда. Около 18 часов, когда миноносец уже отошел от порта, в 100 метрах от него поднялся высокий столб воды от падения крупного, вероятно 6", снаряда. Через короткий промежуток времени второй снаряд разорвался в восьми-десяти метрах против носовой части и осколок прочертил по шпилью. В этот момент подошедший с юга английский миноносец начал стрелять залпами по Туапсе и батарея перенесла огонь на него; повернув в море, миноносцы быстро вышли из сферы падения снарядов. «Живой» пошел к Сочи, но через часа полтора в носовом отсеке была обнаружена вода, и миноносец заметно сел носом. При осмотре борта у ватерлинии против клюза была обнаружена пробоина в 10 на 12 сантиметров с острыми, вывернутыми наружу(!) краями. Мотор электрической помпы оказался уже в воде, и пришлось организовать откачивание воды ручным брандспойтом, на который встали члены рады. Для уменьшения количества воды отсек туго забили ветошью и паклей, но вода продолжала прибывать и начала заливать кубрик через отошедший, вероятно по ветхости, люк водонепроницаемой переборки. После нескольких часов усилий машинному унтер-офицеру удалось прижать и заклинить люк и, продолжая выкачивать воду, ее дальнейшее распространение удалось прекратить; в 23 часа был дан ход. Вспышек выстрелов на «Живом» не видали, но все же офицеры предполагали, что стреляла батарея Кадош, хотя бывший командир Туапсинского порта капитан 2-го ранга Винокуров⁴¹⁸ еще в Севастополе сказал Лазареву, что с орудий этой батареи в свое время были сняты замки и стрелять она не могла. В одни сутки красные восстановить ее не могли, и можно предполагать, что стрелял тяжелый бронепоезд, с которым потом еще пришлось иметь дело.

После оставления Туапсе кубанские части отошли на 30 километров и, пройдя Лазаревку, закрепились вдоль бурной в это время года горной реки Псезуап; затем, после трехдневного боя, они 15 апреля были вынуждены отступить до долины реки Шахе, в 25 километрах от Сочи. Строившаяся железная дорога оканчивалась несколько километров далее, у Лоо; поддерживавший казаков бронепоезд был взорван, и его команда погрузилась на прибывший к Сочи пароход «Колыма», грузивший людей с помощью болиндера. Генерал Науменко отбыл в Крым, и его заменил генерал Морозов⁴¹⁹.

Утром 9 апреля «Живой» встал на якорь у Сочи; вскоре с берега прибыл генерал Шкуро, который имел длинный разговор с генералом

Улагаем в кают-компани миноносца. Позже было получено радио с приказанием генералу Улагаю следовать в Батум, для переговоров с прибывшим туда из Владикавказа командовавшим войсками на Кавказе генералом Эрдели⁴²⁰. 10 апреля в канун Пасхи «Живой» пришел в Батум. Для более энергичного откачивания поступавшей воды «Дерзкий» передал ему свой брандспойт, и капитан 1-го ранга Лебедев обратился за помощью к командиру стоявшего в порту английского крейсера «Карадок». «Живой» был подведен к крейсеру, и спустившийся за борт английский машинист, обрезав острые края пробойны, наложил на нее железную планку и крепко ее притянул болтами, после чего поданным шлангом крейсер осушил отсек. Уголь на «Живом» подходил к концу, и англичане разрешили пополнить его запас из возвышавшейся на пристани горы угля. «Дерзкий» впервые после Константинополя смог принять полный запас нефти. Фактически в Батуме всем распоряжались англичане. Они имели здесь свою базу, через которую шло снабжение в Каспийское море и Персию, и в городе стояла их пехотная часть.

С самого основания Грузия страдала отсутствием флота, который состоял лишь из трех бывших русских быстроходных катеров, трех вооруженных маленьких буксиров, и имелся лишь один коммерческий пароход «Михаил». Решив воспользоваться крушением Добровольческой армии, грузинские власти захватили в Потти четыре парохода под русским флагом, но после протеста генерала Эрдели, поддержанного английским командованием, три парохода были ими отпущены. На одном из них прибыл в Батум бывший кадет Морского училища, подпоручик корпуса корабельных офицеров Малов, состоявший в команде катера «Старший лейтенант Макаров», которому удалось бежать из грузинского лагеря. Малов сообщил, что катер зашел в Сухум и, несмотря на предупреждение капитана 1-го ранга Лебедева быть осторожными с грузинами, командир катера, оставив на нем лишь четырех человек, с остальной командой отправился гулять в город, где все были арестованы. К стоявшему на якоре «Макарову» подошли два грузинских катера, и человек 20 вооруженных грузин, перепрыгнув на него, им завладели. После этого «Макаров» был отведен в Потти. Узнав об этом пиратском акте, капитан 1-го ранга Лебедев решил с двумя миноносцами идти в Потти и, если надо, угрожая бомбардировать порт, потребовать возвращения катера. Английское командование нашло действие грузин в захвате катера неправильным, а командир бывшего в Батуме французского эскадренного миноносца «Хова», вероятно по собственной инициативе, решил присоединиться к этой демонстрации.

Поход был назначен на 14 апреля, но командир «Живого» попросил отсрочки, так как принятый им уголь был столь низкого качества, что почти не горел в топках котлов. На следующий день «Живой» все еще не поднял паров и капитан 1-го ранга Лебедев решил вести его на буксире. Вечером, светя прожекторами, капитан 2-го ранга Гутан, очень искусно маневрируя, подвел «Дерзкого» к стоявшему у пристани «Живому», ошвартовавшись к нему бортом, вывел его из порта и в час ночи перевел его за корму. Генерал Улагай опять пошел на «Живом». К утру разыгрался штормовой ветер прямо в нос миноносцам и развел довольно большую волну. В 10 часов утра лопнул буксир и не без труда из-за качки был заведен новый. По оборотам винтов ход должен был быть 6 узлов, но фактически миноносцы вперед почти не продвигались и их снесло на старое, но все еще опасное минное поле. После полудня, ввиду непрекращающегося шторма, капитан 1-го ранга Лебедев решил операцию отменить и приказал повернуть на Сочи. Присоединившийся утром «Хова» с благодарностью был отпущен. На новом курсе, хотя качка усилилась, но ветер мешал меньше, и с риском порвать буксир «Дерзкий» прибавил число оборотов, но в действительности ход не превышал четырех узлов. В 23 часа снова со свистом, извиваясь спиралью, лопнул стальной буксир. При свете прожекторов Гутан подвел корму «Дерзкого» к «Живому», при помощи бросательного конца ему был передан перлинь, и он был подтянут ближе. Миноносцы качало, и таран «Живого» угрожающе бросало вверх и вниз у самой кормы «Дерзкого». На обдаваемой брызгами носовой палубе «Живого» работать было очень трудно, и матросы ежесекундно рисковали свалиться за борт. Было решено в качестве буксира использовать якорный канат, но живинцы его упустили, и сто сажен тяжелой цепи с грохотом полетели за борт; не имея пара на шпиле для его подъема, канат пришлось отклепать. Пришедший на корму Гутан, видя, что команда «Живого» не справляется и его старший офицер мичман Христо-Феодорато безучастно сидит на пушке, приказал строевому унтер-офицеру «Дерзкого» и тем матросам перебраться на «Живой». Цепляясь руками и ногами за канат, они достигли «Живого», после чего дело пошло быстрее и новый буксир был заведен. В 2 часа ночи «Дерзкий» дал ход. К утру шторм постепенно стих, и, воспользовавшись этим, команда «Живого» через узкие палубные горловины начала выбрасывать за борт батумский уголь, чтобы добраться до оставшегося, правда в небольшом количестве, хорошего угля. В 11 часов утра 17 апреля миноносцы пришли в Сочи, и, к общей радости команды «Дерзкого»,

«Живой» был передан «Колыме», которая, взяв тысячи полторы пожелавших эвакуироваться, на следующий день ушла с ним в Феодосию.

В день прихода «Дерзкого» у Шахе красные части пытались продвигаться вперед. В 11 часов стоявший у Сочи английский миноносец «Стедфаст» снялся с якоря и днем несколько раз обстреливал тылы красных, до Лазаревки включительно. Вместе с тем в штабе было получено сведение, что в следующую ночь красные собираются на катерах и шлюпках высадить десант в тылу позиции казаков. Ввиду этого, в 23 часа «Дерзкий» снялся с якоря и до рассвета, светя прожекторами, малым ходом крейсировал между Лазаревкой и Шахе, в поисках проблематичных катеров. После рассвета миноносец через посланную к берегу шлюпку получил просьбу из штаба отряда обстрелять правый берег реки Шахе и прилегающие к ней склоны долины, так как красные начали атаку позиций. Действительно, на берегу была слышна жаркая пулеметная и ружейная стрельба, но артиллерия безмолствовала. Об этой просьбе были поставлены в известность англичане, и прибывшие в Сочи крейсер «Карадок» и «Стедфаст» тотчас же вышли к Шахе. В 8 часов 15 минут, проходя шестиузловым ходом в четырех километрах от берега, «Дерзкий» быстро чередующимися двухорудийными залпами открыл огонь. Через пять минут шедший немного мористее его «Карадок» и немного позднее миноносец начали энергичный обстрел берега. В бомбардировке принял участие десяток скорострельных орудий, и сразу долина и склоны горы покрылись дымом разрывов и пылью. «Дерзкий» обстреливал железную дорогу, шоссе и близлежащий район, тогда как «Карадок» эффектными четырехорудийными залпами посылал 6" снаряды дальше, в глубь долины. После первых же залпов перестрелка на берегу прекратилась, и красноармейцы бросились назад в поисках укрытий. В 8 часов 30 минут корабли повернули на обратный путь, причем «Карадок» и миноносец вступили в кильватер «Дерзкому», что было удобнее при стрельбе. До 9 часов 10 минут более редким огнем корабли продолжали обстрел берега, после чего «Дерзкий» ушел в Сочи, а англичане остались у Шахе и около полудня снова обстреливали долину. В 16 часов вернулся «Карадок», а миноносец оставался там до темноты, но красные не решались больше что-либо предпринимать.

19 апреля в 8 часов утра, согласно полученному приказанию, «Дерзкий» пошел в Севастополь. Смена ему не посылалась, и надо думать, что это решение было вызвано невозможностью сговориться с кубанскими представителями. Вслед за ним из Сочи вышел «Стедфаст» и, подойдя к Лазаревке, начал ее обстреливать. Внезапно около него на-

чали подниматься высокие столбы воды от падения, вероятно, 6" снарядов, но стреляло, видимо, лишь одно орудие. Командир «Дерзкого» хотел идти к нему на помощь, но капитан 1-го ранга Лебедев сказал, что в этом нет надобности. Действительно, поставив дымовую завесу и дав самый полный ход, «Стедфаст» ушел зигзагами в море, а появившийся скоро «Карадок» в отместку сильно бомбардировал Лазаревку. По всей вероятности, миноносец был обстрелян вооруженным морским орудием бронепоездом, продвинувшимся в это утро до Лазаревки, и его присутствие усложняло действия кораблей у Шахе.

Положение казаков на остававшейся в их распоряжении маленькой территории продолжало ухудшаться. В этом поистине райском саду, которым является Черноморское побережье весной, когда все деревья в цвету, всегда был недостаток в пищевых продуктах, и казаки лишь с трудом находили себе пропитание и голодали. Ввиду этого, по распоряжению Константинопольской морской базы пассажирский пароход «Святой Николай», нагружив 50 тонн муки, 24 апреля был послан в Сочи. Там он взял на борт 1100 больных и 400 других пассажиров и доставил их в Ялту. Видя тщетность своих уговоров, генерал Шкуро со своим конвоем покинул Ялту на английском миноносце. Но развязка быстро приближалась. Потеснив казаков, 29 апреля красные части заняли Сочи, и кубанцы, в надежде быть пропущенными в Грузию, отошли в нейтральную зону; преследуя их, 2 мая красные дошли до границы. У нейтральной зоны, против хутора Веселый, стояли на якорях английский линейный корабль «Айрон Дюк», эскадренный миноносец, пришедший из Крыма пароход «Бештау» и незаменимый «Тайфун», со своим болиндером. На «Айрон Дюке» находился генерал Шкуро, который еще раз попытался повлиять на казаков. В конечном результате на «Бештау» и взятый им на буксир болиндер было погружено до трех тысяч казаков, среди них Военное училище и много офицеров. Больше пароход не мог вместить, и к вечеру 3 мая все корабли вышли в море. Атаман Букретов, при посредничестве генерала Морозова, вступил в переговоры с местным красным командованием и заключил с ним при условии нерепрессирования сдавшихся договор о капитуляции, но это условие впоследствии не было признано высшими властями. Обманутые своими лидерами казаки хотели устроить над ними самосуд, но Букретов, Иванис и Тимченко бежали в Грузию. Некоторое количество казаков решили все же не сдаваться и распылились в окрестных горах.

За это время в Новороссийске произошел не совсем понятный инцидент. 21 апреля в порт вошел итальянский крейсер «Этна», ко-

мандир которого заявил, что он прибыл с целью начать переговоры относительно возобновления политических сношений между Италией и РСФСР. Документов, подтверждающих эту дипломатическую миссию, командир не имел, и советские власти пришли к заключению, что «Этна» пришла с целью разведки в пользу белых, и решили крейсер задержать. Но 28-го вечером «Этна» снялась с якоря и направилась в море. По крейсеру, осветив его прожектором, открыли огонь полевая батарея и бронепоезд; «Этна» стала отвечать из своих орудий и без повреждений ушла в море. Необходимо отметить, что итальянцы в Гражданской войне никакого участия не принимали и обвинение их в помощи белым надо считать ничем не обоснованным.

3 мая в Севастополе была проведена реорганизация морского командования. Генерал Врангель, найдя деятельность вице-адмирала Герасимова малоэнергичной и, в частности, то, что он допускал своему начальнику штаба капитану 2-го ранга Рябинину открыто говорить офицерам о безнадежности положения Крыма и о необходимости прекращения Гражданской войны, освободил адмирала от занимаемой должности и назначил вице-адмирала Саблина командующим флотом и одновременно начальником Морского управления. Должность главного командира портов и судов, которую ранее занимал адмирал Саблин, была упразднена.

Операция с кубанскими казаками не закончила действий флота по эвакуации с Кавказа и перевозки в Крым прорвавшихся к морю воинских частей. Так, в конце мая Астраханско-Терская бригада, под командой полковника Колоссовского⁴²¹, перевалившая через горы, при попустительстве грузин была снята с берега севернее Поти с помощью приведенного болиндера вооруженным ледоколом «Гайдамак» и другим судном 2-го отряда. Но эвакуация более крупной группы войск, главным образом терских казаков с их атаманом генералом Вдовенко⁴²², отошедшей в Грузию по Военно-Грузинской дороге, встретила препятствие со стороны грузин, опасавшихся осложнений с советским правительством. Для урегулирования этого вопроса генерал Врангель поручил адмиралу Герасимову в качестве своего полномочного представителя отправиться в Батум. В последних числах июня эскадренный миноносец «Жаркий», конвоируя транспорт «Сарыч» (бывший «Маргарита»), вышел по этому назначению. 27 июня туда же, имея на борту генерала из штаба армии, пошла подводная лодка «Утка», командир старший лейтенант Монастырев, которая попутно должна была произвести разведку в Новороссийской бухте. Ночью, подойдя к берегу у Кабардинки, на тузике был высажен кондуктор, который из разговора с жителями выяснил, что в Новороссийском

районе никаких повстанцев нет, порт совершенно пустой и мелкие отряды красноармейцев находятся во всех населенных пунктах побережья. По выходе из бухты в открытом море сильная волна не дала возможности лодке поднять мачты для радио-телеграфирования, и командир, для передачи полученных сведений, зашел в Керчь, после чего «Утка» отправилась в Батум, куда прибыла 30 июня. Походы подводных лодок, о которых командование должно было предупреждать англичан, всегда их беспокоили; перед Батумом «Утку» встретил миноносец «Стедфаст», который под видом получения сведений послал к ней шлюпку с офицером, и в порту за лодкой велось постоянное наблюдение.

В июне английское правительство приняло решение о прекращении интервенции в России и оказания помощи антибольшевистским силам. 28 июня английская военная миссия покинула Севастополь, и с этого времени армия генерала Врангеля была предоставлена своим собственным силам, как в военном смысле, так и в финансовом отношении и изыскании способов снабжения. Лишь в августе Франция, желая косвенно поддержать Польшу, признала правительство генерала Врангеля. Решение англичан коснулось и Грузии; в начале июля они производили эвакуацию своей Батумской базы, и 7 июля находившаяся там эскадра ушла в Константинополь. Возможно, что новое положение и присутствие в порту русских военных кораблей сделали грузин более уступчивыми, и они дали свое согласие на погрузку войск. 5 июля «Утка» ушла в Севастополь; окончив погрузку войск, «Сарыч» и «Жаркий» тоже покинули Батум.

Ввиду поступавших в Севастополь сведений о восстаниях на Кубани и появления антисоветских отрядов на побережье, в течение лета и осени корабли флота неоднократно ходили к кавказским берегам, высаживали разведочные партии или казачьих офицеров, пытавшихся войти в связь с этими отрядами. Попутно велась блокада занятого красными побережья. В этих операциях участвовали подводные лодки, эскадренный миноносец «Капитан Сакен» и другие корабли. Лейтенант Бачманов⁴²³, выйдя из Керчи на катере, высадился у Геленджика и вернулся, добыв ценные сведения. Генерал Врангель поручил генерал-майору Муравьеву⁴²⁴ пробраться в Баталпашинский отдел и, действуя его именем, объединить находившиеся там отряды и предупредить их о предполагаемом десанте на Кубань. Чтобы не привлечь внимания появлением военного корабля, генерал Муравьев в сопровождении нескольких офицеров отправился на моторном судне, мотор которого на втором дне перехода сломался, и судно лишь на двенадцатый день было принесено ветром к азиатскому берегу. После еще долгих скитаний

генерал Муравьев прибыл в Гагры и вошел в сношения со скрывавшимся в горах отрядом полковника Улагая⁴²⁵. 27 июля полковник Улагай атаковал слабые части красных, стоявшие у границы, и занял Адлер, Хосту и Молдаванку, но получившие подкрепление красные отбросили на следующий день казаков назад, и они расплылись в нейтральной зоне, тогда как Муравьев через горы отправился в район Баталпашинска. Сведения о выступлении отряда Улагая были получены в Крыму с большим опозданием. Не зная еще, что он потерпел неудачу, 17 августа на помощь была выслана «Утка», имевшая на борту войскового старшину Балонева, семь казачьих офицеров и сестру милосердия. На лодку было погружено 410 тысяч ружейных патронов, 300 винтовок и семь пулеметов, для выгрузки которых на буксир был взят моторный баркас. По пути были осмотрены две грузинские шхуны, которые до этого были задержаны вооруженным моторным катером под красным флагом. «Утка» приблизилась к берегу в надежде поймать этот катер, но в наступавшей темноте его не обнаружила. Капитан грузинской шхуны сообщил, что действительно казаки занимали Адлер, но теперь там снова большевики. 20 августа «Утка» подошла к берегу у нейтральной зоны и на тузике два офицера были высажены на берег для выяснения положения. Офицерам удалось переговорить с командующим грузинскими войсками генералом Мачавариани, который сообщил им все, что знал о действовавшем на Кубани отряде генерал Фостикова⁴²⁶ и происшедших в районе Адлера событиях; в заключение генерал добавил: «Передайте вашему командиру, что он может делать что хочет, при условии ненарушения нейтралитета Грузии». По возвращении офицеров было решено, что вся офицерская группа высадится в нейтральной зоне, где также предполагалось оставить на берегу оружие, но за ненахождением подходящего для этого места последнее не было исполнено. На обратном пути, проходя мимо Адлера, лодка была обстреляна полевой батареей, но после нескольких удачных ответных выстрелов батарея замолчала. 25 августа «Утка» вернулась в Севастополь.

С другой стороны, красное командование делало усилия для поддержки находившихся в крымских горах зеленых. 9 августа из Анапы вышел паровой катер «Витязь», имея на буксире моторный катер «Гаджибей», и ночью высадил в Судакской бухте группу в 12 человек с комиссаром Мокроусовым во главе и выгрузил некоторое количество оружия. После этого моторный катер был затоплен, а «Витязь», для избежания встречи с белыми кораблями, спустился к югу и благополучно вернулся в Новороссийск.

14 августа у Приморско-Ахтарской был произведен десант на Кубань, и через три дня с целью демонстрации у мыса Утриш был выса-

жен небольшой отряд. Предполагаемого успеха операция не имела, и 31 августа началась эвакуация высаженных войск через Ачуев, а потом через Таманский полуостров. Повстанческие отряды генерала Фостикова, пытавшиеся 24 августа овладеть Лабинской и Майкопом, потерпели неудачу и, не имея патронов и артиллерии, отступили в горы. У генерала Фостикова остался лишь один выход: перевалить через горы и прорваться к морю. По плохим горным дорогам, сбивая высланные с побережья заслоны, через Красную Поляну и частью отряда через перевал Умпыр, казаки прорвались к морю и 23 сентября заняли Адлер, где к ним присоединился отряд в 400 казаков полковника Улагая. Опредив свой отряд, генерал Фостиков в сопровождении генерала Муравьева горной дорогой пришли в Гагры, где встретили представителя генерала Врангеля полковника Валуева. Но телеграфной связи с Крымом не было, и для доклада генералу Врангелю о положении отряда, через Батум в Севастополь, отправились генерал Муравьев и полковник Улагай. По получении первых сведений о занятии Адлера казаками, начальник штаба генерала Врангеля генерал Шатилов⁴²⁷ отправился туда на миноносце. 3 октября из Севастополя, под конвоем подводной лодки «Утка», вышел транспорт «Сарыч» и также пароход «Аскольд». После совещания в Адлере с генералом Фостиковым генерал Шатилов заключил о необходимости возможно скорее эвакуировать казаков и ушел на миноносце в Севастополь, и заменявший заболевшего вице-адмирала Саблина контр-адмирал Николая 6 октября получил предписание произвести эту операцию.

В это время в Севастополе находился, не считая дредноута, лишь вспомогательный крейсер «Алмаз», так как «Генерал Корнилов» был у Очакова, а миноносцы в Мариупольской операции. Начальником операции был назначен командир «Алмаза» капитан 2-го ранга Григорков и старшим транспортным офицером старший лейтенант Булашевич⁴²⁸. Кроме «Алмаза», в состав отряда вошли: большой транспорт «Дон», приспособленный для перевозки лошадей транспорт «Ялта» (бывший «Виолета»), а также находившиеся в Керчи транспорт «Крым» (бывший «Николай 119»), который должен был привести болиндер, и буксир «Доброволец». Вышедшие ранее «Утка», «Сарыч» и «Аскольд» по соединении с «Алмазом» входили в подчинение начальника операции. На «Алмазе» шел генерал Муравьев и полковник Улагай, и на крейсер было погружено полевое орудие, винтовки и 200 тысяч ружейных патронов. На «Дон» было взято некоторое количество провианта.

Утром 7 октября «Алмаз» вышел из Севастополя, но у юго-восточных берегов Крыма уже четыре дня свирепствовал норд-остовый

шторм, принудивший «Утку» зайти в Феодосию и затем отставиваться в Керчи. На «Алмазе» при сильной качке вода через порты для загрузки угля, у которых не было резиновых прокладок, отсутствовавших в Севастопольском порту, стала проникать в угольные ямы и через них в кочегарки. Водоотливные помпы вскоре забились углем, и крейсер был принужден зайти в Ялту. Опасаясь, что боиндер зальют волны, «Крым» и маленький «Доброволец» тоже ожидали улучшения погоды.

Приведя все в порядок и воспользовавшись уменьшением силы волн, утром 10 октября «Алмаз» снялся со швартовых и пошел по назначению. На следующее утро двухорудийная батарея, стоявшая на правом берегу речки Сочипета, открыла по крейсеру огонь, но ее снаряды падали большими недолетами и, ввиду дальности расстояния, «Алмаз» ей не отвечал. Проходившая потом ближе к берегу «Утка» была тоже обстреляна этой батареей и выпустила по ней восемь снарядов. Не зная точно, кто занимает Адлер, подойдя к нему на 40 кабельтовых, «Алмаз» произвел один выстрел в горы, после чего стоявшая в селении полевая батарея красных открыла огонь, дав первым залпом перелет. «Алмаз» стал немедленно отвечать и, выпустив двадцать 120-мм снарядов, заставил ее замолчать. Когда он подошел к нейтральной зоне, на берегу был замечен делавший сигналы человек. Капитан 2-го ранга Григорков приказал подошедшей «Утке» с темнотой его подобрать, сам же пошел к Гаграм, где ночью для выяснения местонахождения отряда генерала Фостикова на шлюпке был высажен полковник Улагай. За несколько суток, потерянных кораблями из-за шторма, положение отряда коренным образом изменилось, и взятый с берега «Уткой» человек, оказавшийся полковником Лиманским⁴²⁹, сообщил следующее: 5 октября красные, имея бронеавтомобили, которым казаки могли противопоставить лишь пулеметы и винтовки, при поддержке артиллерии, атаковали находившуюся в пяти километрах впереди Адлера позицию и вынудили казаков отойти за реку Мзынта, где они укрепились. Но подошедшие со стороны Красной Поляны части красных, потеснив казачий арьергард, заняли Молдаванку за флангом этой позиции. Кроме того, патроны были на исходе. Принимая все это во внимание, генерал Фостиков вечером 9 октября отдал приказ всем сосредоточиться в нейтральной зоне у хутора Веселого, с целью дальней от моря дорогой перейти в Грузию. 11 октября, примерно в 15 километрах от берега, отряд перешел пограничную реку Псоу и вскоре был остановлен грузинскими постами. Генерал Фостиков связался по телефону с генералом Мачавариани и стал добиваться от него разрешения интернировать отряд в Грузии. В это время с моря донеслась канонада перестрелки

«Алмаза» с батареей, но вернуться отряду к берегу уже не было возможности. Появление кораблей позволило Фостикову переменить тон разговоров, и в конечном результате, при условии сдачи всего оружия, было получено разрешение перейти границу, после чего казаки должны были быть помещены в лагерь на режиме военнопленных. В ночь на 12-е отряд перешел линию грузинских постов, сдавая им свое оружие. Но о последнем факте на «Алмазе» узнали лишь через два дня.

Днем 12 октября к Гаграм подошли «Дон», «Крым» с болиндером, «Доброволец» и «Аскольд». «Ялта» пришла лишь на следующий день. «Сарыч» пришел раньше, и грузины разрешили ему взять около четырехсот находившихся в Гаграх раненых и больных. Транспортам было приказано держаться с застопоренными машинами в 10 милях к западу от Адлера.

Вечером, считая, что отряд находится все еще в нейтральной зоне, для создания диверсии «Алмаз» сделал 20 выстрелов по Адлеру и «Утка» — два. В течение ночи корабли течением были отнесены на северо-запад, и, когда утром 13 октября они возвращались, сочинская батарея, давая большие недолеты, открыла огонь. Днем появившийся самолет бросил три бомбы большого калибра, упавшие вблизи «Алмаза». После наступления темноты под наблюдением «Утки» к берегу нейтральной зоны был послан «Доброволец» со шлюпкой на буксире, при помощи которой было выгружено некоторое количество патронов, в надежде, что их удастся потом передать казакам. «Утка» сняла с берега полковника Шевченко, посланного генералом Фостиковым для связи с кораблями, который сообщил об интернировании отряда и приказание Фостикова направить транспорты к Гаграм, куда по указанию грузин был переведен его отряд.

Утром 14 октября транспорты подошли к Гаграм и, чтобы сделать видимость соблюдения нейтралитета Грузии, подняли вместо военных флагов национальные трехцветные флаги, выдавая себя за коммерческие пароходы. Но вскоре на «Дон» прибыл генерал Фостиков и ввиду того, что вопрос о посадке с грузинами еще не был решен, приказал отвести транспорты от берега. За это время грузины перевели казаков на 25 километров дальше и расположили их около Пицунды, на правом берегу реки Бзыбь, в окруженном с трех сторон стеной большом имении, где они находились под стражей грузинских солдат. Грузины никакой провизии не давали, казаки голодали и обменивали свои вещи и лошадей крестьянам за два-три хлеба. На происшедшем затем на «Алмазе» совещании между Фостиковым и Григорковым было решено после наступления темноты сделать попытку взять казаков на корабли. Для отвлечения внимания «Утке» было

приказано обстрелять район между Адлером и Веселым. Около полуночи, под видом передачи провианта, на буксире «Добровольца» к берегу подошел болиндер и также шлюпки «Алмаза». Провизия была немедленно выгружена прибежавшими казаками, которые затем заполнили до отказа болиндер и шлюпки. Небольшая грузинская стража, подкупленная подарками, не создавала препятствий, но перегрузка людей с болиндера по одному трапу на высокую палубу «Дона» брала много времени. Вместе с тем погода испортилась и пошла довольно сильная волна, выбросившая катер «Алмаза» на берег и принудившая прекратить погрузку. Всего до рассвета удалось перевезти на «Дон» 1300 человек, среди них отряд полковника Улагая. С рассветом появился комендант Гагр, который категорически воспротивился дальнейшей погрузке. Ввиду этого генерал Фостиков приказал кораблям отойти в море, а сам снова отправился для переговоров в Гагры. Вечером 15 октября была сделана новая попытка погрузки. «Дон», «Ялта» и «Аскольд» приблизились, а «Доброволец» с болиндером, на который была погружена провизия, подошел к берегу. Но усиленная пехотой охрана не позволила казакам приблизиться к морю и даже не разрешила выгрузить провизию. Попутно выяснилось, что эвакуации еще подлежат около пяти тысяч человек и несколько сот лошадей, так как большинство прибывших с Кубани беженцев и сравнительно небольшое количество казаков, снова поверивших появившемуся Иванису, решили остаться в Грузии. Такое количество людей свободно могли принять «Дон» и «Ялта», и 16 октября капитан 2-го ранга Григорков отправил «Крым» и «Аскольд» в Севастополь.

Генерал Фостиков продолжал вести с грузинами безрезультатные переговоры. Вместе с тем было известно, что согласно одной из статей заключенного в свое время мирного договора между Грузией и РСФСР все переходившие грузинскую границу русские белые должны были выдаваться советским властям. Будучи уверенным, что мирным путем нельзя ничего добиться и казакам грозит выдача красным, уже днем 16 октября капитан 2-го ранга Григорков телеграммой на имя комфлота просил разрешения применить против грузин вооруженную силу. Вечером того же дня из Севастополя был получен положительный ответ, с получением которого капитан 2-го ранга Григорков с «Алмазом» и «Доном» пошел к Пицунде. «Утке», которая уже раньше с «Ялтой», «Добровольцем» и болиндером была послана для новой попытки, было приказано по радио ожидать начальника отряда. Но уведомленный посланным в Гагры офицером о новом решении, генерал Фостиков приказал до утра ничего не предпринимать. Вместе с тем запасы угля на «Алмазе» и «Доне» не позволяли дольше продолжать крейсерство и

стояла тихая погода, которая в осеннее время могла ежечасно измениться и не допустить похода болиндера и шлюпок к берегу. Принимая во внимание эти факты, Григорков решил взять инициативу в свои руки и в 8 часов утра 17 октября на моторном катере послал лейтенанта Григорьева с письмом, адресованным генералу Мачавариани, в котором ставил его в известность, что, имея приказание погрузить людей, он начнет эту операцию в полдень, и просил генерала дать распоряжения, чтобы ей не было оказано противодействий, в случае которых будут применены все имеющиеся средства. Письмо было передано грузинскому коменданту лагеря, и одновременно генералу Фостикову была передана просьба подготовить отряд к погрузке. Около 14 часов корабли двумя кильватерными колоннами, имея впереди «Алмаз» и «Утку», на которых была пробита боевая тревога, пошли к берегу. Ввиду отсутствия какого-либо движения грузин, создавалось впечатление, что они не будут противодействовать посадке, но, когда болиндер был подведен к берегу, грузины не позволили ему спустить сходни и он был принужден отойти. Генерал Фостиков на моторном катере прибыл на «Алмаз» и сообщил, что грузины разрешили лишь выгрузить провизию, и, не видя другого выхода, он присоединился к решению действовать силой. На происшедшем на «Алмазе» совещании было решено, для нейтрализации грузинской стражи с наименьшим кровопролитием для обеих сторон, применить своеобразного «троянского» коня. 250 отобранных из отряда полковника Улагай вооруженных винтовками казаков с обращенного к морю борта «Дона» были посажены с их командиром в трюм болиндера, на который, замаскированный мешками муки, установили пулемет с «Алмаза». Старший лейтенант Булашевич был назначен начальником посадки.

Генерал Фостиков пошел на «Добровольце», который в 17 часов подвел болиндер к берегу. Несмотря на протесты стражи, сходни были выкинута на берег и из трюма высыпались казаки, которые набросились на опешивших грузин и просто вырывали из их рук винтовки. Бросившиеся бежать к забору лагеря были схвачены бывшими там казаками. Для устрашения грузин и если понадобится поддержка, «Утка» с наведенными пушками подошла как можно было ближе к берегу. Полковник Улагай разделил десант на три отряда, оцепившие место посадки, и после перестрелки окончательно отогнал грузинских пехотинцев. Тотчас началась посадка людей на болиндер; для ее ускорения все шлюпки «Алмаза» и «Дона» были посланы к берегу и стали перевозить эвакуированных прямо к транспортам. Вечером и в течение ночи грузины сделали шесть выстрелов шрапнелями по месту посадки, не причинивших потерь. Очевидно, они это делали, чтобы большевики их

не обвинили в попустительстве. Место батареи с «Алмаза» не было замечено, и он ответного огня не открывал. Всего болиндер совершил пять рейсов. В последний раз он отошел от берега в 3 часа 30 минут утра 18 октября, взяв последнюю партию казаков и десантный отряд. Генерал Фостиков, который все время лично руководил посадкой, ушел на баркасе «Алмаза». Казаки привели к месту посадки лишь 150 лошадей, но, ввиду того что они боялись спускаться в темный трюм болиндера, удалось в последнем рейсе взять лишь 36 из них. Закончив погрузку, корабли отошли от берега, и было приступлено к перегрузке лошадей на «Ялту». Всего за две операции было эвакуировано 6203 человека, из которых две трети находились на «Дону», а остальные на «Ялте», среди них около пятисот беженцев, и это не считая 400 раненых и больных, взятых на «Сарыч». Поручив «Утке» конвоировать «Ялту», взявшую болиндер на буксир, и «Добровольца» и направить их в Феодосию, а самой идти в Севастополь, капитан 2-го ранга Григорков с «Алмазом» и «Доном» пошли в Феодосию. Днем выяснилось, что на крейсере не может хватить угля, чтобы дойти до этого порта, и «Дон» взял его на буксир. Но стоявшая все время отличная погода стала портиться, и ночью при задувшем сильном ветре лопнул буксир. Завести новый при сильной волне и маневрируя большим высокооборотным транспортом было чрезвычайно трудно, и «Алмаз» снова пошел своими машинами, но угля хватило лишь до Чауды, и, не дойдя 20 миль до Феодосии, «Алмаз» был вынужден стать на якорь, а «Дон» пошел дальше. Утром 20 октября из Керчи пришел буксир «Херсонес», который отвел «Алмаз» в Феодосию.

На этом закончились операции флота по сбору и перевозке войск с кавказских берегов, к которым надо добавить доставленный 27 июля пароходом «Саратов» из Сулина в Феодосию отряд генерала Бредова. Благодаря подвезенным флотом подкреплениям оказалось возможным восстановить казачьи дивизии, сыгравшие немалую роль в действиях армии генерала Врангеля.

Как и в других местах, красное командование приняло меры для обороны побережья, что ему облегчалось ресурсами Балтийского флота. В августе была создана Новороссийская морская база, начальником которой был назначен бывший лейтенант выпуска 1910 года А. Кондратев, и в бухте было поставлено минное заграждение. 27 сентября в районе маяка Дооб и Геленджикской бухты в две линии было выставлено 240 мин образца 1912 года и в октябре, в дополнение к полевой артиллерии, были установлены батареи: № 1 из 130-мм орудий и № 2; кроме того, из Каспийского моря прибыли снятые с находившихся там эскадренных миноносцев торпедные аппараты, для

устройства в бухте кинжальной батареи. На озере Аброу была оборудована база гидросамолетов. В Туапсе была восстановлена 6" батарея. Всеми этими мерами Новороссийск был достаточно укреплен, но собственно морские силы были представлены лишь восемью найденными в порту малыми буксирами и моторными катерами, вооруженными мелкокалиберными пушками и пулеметами, но существование даже этой мелочи вынудило белое командование из предосторожности конвоировать военными кораблями транспорты, когда они должны были идти вдоль берегов. 11 октября по железной дороге прибыли катера японской постройки типа «Пантера», вооруженные одной 47-мм пушкой и двумя пулеметами, переброшенные из Западно-Двинской флотилии, и два трехмоторных быстроходных катера. Но неожиданное подкрепление пришло от Кемаль-паши. Две канонерские лодки, имевшие по два 100-мм орудия, и пароход «Шахин» находились в Трапезунде в руках кемалистов. Опасаясь их захвата англичанами, Кемаль-паша приказал им укрыться в Новороссийске. О переходе канонерок стало известно в Севастополе, и, когда «Алмаз» и «Утка» уходили к Гаграм, их командиры получили приказание в случае встречи с турецкой канонерской лодкой ее задержать. Но встреча не произошла, так как «Адин Рейс» уже 11 сентября пришел в Новороссийск, а «Превеза» 13 октября, то есть когда отряд капитана 2-го ранга Григоркова уже второй день находился в районе Адлера. По приходе в Новороссийск турецкие корабли были переданы в пользование советскому правительству, подняли красные флаги и получили новые названия: «Восставший» («Превеза») и «Луч Востока» («Адин Рейс»), но в операциях они не приняли участия и потом были возвращены Турции. Но пароход «Шахин» был использован при авантюристической попытке десанта в Крым.

Не сведущий в морских делах реввоенсовет Кубанской армии, игнорируя опасность встречи в море с белыми кораблями и также вероятность их быстрого прихода из Керчи или Феодосии и неминуемого в этих случаях уничтожения отряда до окончания высадки, составил план десанта на Керченский полуостров. Для перевозки десанта силой в тысячу красноармейцев был предназначен тихоходный «Шахин», который должны были сопровождать быстроходный катер (второй сжег мотор) и маленький буксир для высадки красноармейцев на берег. По организационным причинам операция несколько раз откладывалась, и отряд вышел в море лишь в ночь на 10 ноября, в течение которой генерал Врангель отдал приказ об эвакуации Крыма.

Но в море разыгрался шторм, отряд потерял свое место, и залитый волнами буксир затонул, после чего, лишенный возможности вы-

садить на берег людей, «Шахин» вернулся в Новороссийск. Лишь быстроходный катер дошел до Судакской бухты, где он высадил небольшую группу партизан.

Более опасным для белого флота было отданное 11 ноября приказание командующего морскими силами республики бывшим контр-адмиралом Немицем выставить у южного выхода Керченского пролива минное заграждение. Но Новороссийская база не имела подходящих для такой операции судов и не смогла выполнить эту задачу. 16 ноября корабли белого флота, последним в 18 часов 30 минут вооруженный ледокол «Всадник», под флагом начальника 2-го отряда контр-адмирала Беренса, смогли спокойно выйти из Керченского пролива и, эвакуируя армию, уйти в Константинополь.

*А. Долгополов*⁴³⁰

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ДЕСАНТЫ В АЗОВСКОМ И ЧЕРНОМ МОРЯХ⁴³¹

1-й десант в Азовском море

В апреле 1919 года отряд особого назначения капитана 1-го ранга Собецкого, организованный в Таганроге, высадился и занял города Мариуполь и Бердянск.

Десант старшего лейтенанта Медведева

В апреле 1919 года десантный отряд старшего лейтенанта Медведева, погруженный на невооруженный пароход «Перикл» и две баржи, вошел и высадился в порту Геническ. Заняв город, отряд попал в западню и был весь уничтожен. Спасся только один гардемарин Конге (впоследствии мичман).

Десант у Феодосии

Крейсер «Кагул», принимавший участие в защите Ак-Манайских позиций в мае 1919 года, высадил в тылу у красных десант под командой капитана 2-го ранга Кочетова с целью обследовать Двухъякорную бухту и пристрелочную станцию около Феодосии.

По возвращении десант был обстрелян с гор, окружающих бухту, пулеметным огнем.

Крейсер заставил их замолчать мелкокалиберной артиллерией.

Десант в Коктебеле

5 июня 1919 года был высажен десант в Коктебеле крейсером «Кагул» и буксиром «Дельфин». Морскими орудиями были обстреляны позиции красных, быстро отступивших в горы.

Десант у Кинбурна

В начале августа 1919 года отряд судов Черноморского флота в составе: миноносец «Жаркий», канонерские лодки «Терез» и «Грозный», пароход «Граф Игнатъев», баржа № 405 и катер «К-10» — высадил десант под Варваровкой у Кинбурна, под огнем красных Очаковских батарей.

Города Херсон и Николаев были взяты с боем 8 августа 1919 года 4-й пехотной дивизией генерала Слащева. Огонь морских орудий оказал существенную поддержку сухопутным войскам.

Десант у Одессы

В первых числах августа 1919 года крейсер «Кагул» с отрядом судов: эскадренный миноносец «Живой», транспорт «Маргарита», тральщики «Роза» и «Адольф», буксир «Доброволец», катера № 52 и 58, три баржи и еще один катер — высадили у Одессы Крымский конный полк⁴³² и пехотные части корпуса генерала Шиллинга. Десантными операциями руководил полковник Туган-Мирза-Барановский⁴³³, командир Крымского полка.

10 августа ночью в Сухом Лимане у Одессы был высажен Сводно-драгунский полк⁴³⁴ в составе 74 офицеров, 841 солдата, 253 лошадей и 38 повозок. 11 августа, после стремительного наступления, при поддержке орудий флота, с помощью восставших офицерских организаций, Одесса была освобождена от красных.

Попытки красного бронепоезда прорваться в Одессу были отбиты огнем дальнобойных орудий крейсера «Кагул». За помощь, оказанную при взятии Одессы, крейсер «Кагул» был переименован в «Генерал

Корнилов», а командир его, капитан 1-го ранга Остерлеуцкий, произведен в контр-адмиралы.

При бомбардировке сильно укрепленных позиций красных большую помощь оказал английский крейсер «Карадок».

Десант на Арабатской стрелке. Подвиг канонерской лодки «Терец»

В конце 1919 года части Красной армии подошли берегом Азовского моря к Чонгарскому железнодорожному мосту на пути в Крым.

Арабатскую стрелку прикрывал Сводно-стрелковый полк — 250 штыков и 2 орудия, — которым командовал полковник Гравицкий, и канонерка «Терец» под командой капитана 2-го ранга Я.В. Шрамченко.

Затертый льдами, без топлива и провизии, залитый водой от многочисленных пробоин, «Терец» был выброшен на берег, став неподвижной мишенью для красной артиллерии.

Три полка красной пехоты, один конный полк и несколько бронепоездов тщетно пытались пробиться в Крым. «Терец», высадив в десант почти всю команду, кроме артиллеристов, отбивал все атаки красных. Несколько красных бронепоездов, вступивших в поединок с «Терцем», были разбиты и бежали от меткого огня моряков. Чонгар и Арабатская стрелка были удержаны и Крым спасен.

Когда в апреле 1920 года лед сошел и пришла смена, пробоины на «Терце» были заделаны, вода выкачана, «Терец» снят с мели и уведен в Севастополь. Весь Черноморский флот стал «смирно», когда в бухту был введен искалеченный герой — древний «Терец» (постройки 1887 года, водоизмещением в 1250 тонн). Ревели гудки, развевались флаги, кричали «ура!». Главнокомандующий генерал Врангель посетил «Терец» и благодарил команду за верную службу Родине. Все офицеры были произведены в следующий чин, команда получила Георгиевские кресты из рук Главнокомандующего.

Десант дроздовцев в Хорлах

Самым трудным и опасным был десант Дроздовской бригады в Хорлах. Хорлы — небольшой приморский поселок с одной пристанью в мелководном заливе Черного моря, в 40 верстах к западу от

Перекопа. 1-й и 2-й Дроздовские полки, с батареей четырех легких орудий, 18 верховыми лошадьми, радиостанцией, двумя автомобилями Форда и двумя мотоциклетами; погрузились в Севастополе на следующие суда: броненосец «Цесаревич Георгий», пароходы «Веста», «Павел», «Россия», транспорт № 412 и тральщик «Скиф».

Под командованием генерала Витковского десант высадился с боем 2 апреля 1920 года в глубоком тылу красных, осаждавших Крым. Пройдя с боями более 60 верст по красным тылам, дроздовцы разгромили весь налаженный тыл красных, готовившихся к атаке Перекопа.

Красное командование, сняв с Перекопа свои наиболее стойкие части, артиллерию и конницу, бросило их на дроздовцев. Окруженные со всех сторон многочисленным противником, дроздовцы медленно, но упорно пробивались к Перекопу. И когда наступил роковой час — кончались патроны и решалась судьба отряда, — 1-й Дроздовский полк, с оркестром музыки впереди, без единого выстрела пошел в атаку! Красные не выдержали и отступили перед железной волей непобедимых добровольцев! Это была последняя лобовая атака пехоты с музыкой в современной военной истории. Незабываемая, неповторимая картина!

Разгромив отборные красные части, дроздовцы и сами понесли тяжелые потери — 575 раненых и убитых. Все раненые были вынесены, многие — на руках! Военная добыча — около 100 пленных, 4 орудия с упряжкой, снарядами и частью прислуги, 12 пулеметов и 30 коней. Все планы красного командования относительно атаки Перекопских позиций были нарушены.

По странному и непонятному упущению генерала Слащева части Крымского корпуса, стоявшие на Перекопе, которые должны были своевременно перейти в наступление, не были даже осведомлены о десанте, слышали орудийную стрельбу в тылу у красных, но не вышли на помощь дроздовцам, ничего не зная о десанте. И когда дроздовцы вышли к Перекопу у деревни Преображенки, то лишь благодаря счастливой случайности они не были встречены огнем своих же орудий и пулеметов.

Первый десант у Кирилловки

Одновременно с десантом дроздовцев в Хорлах 2 апреля 1920 года в 8 часов утра в красном тылу у деревни Кирилловки был высажен десант под руководством капитана 1-го ранга Машукова.

Первым был высажен отряд в 450 штыков при одном орудии, который состоял из 1-го Алексеевского и Самурского полков и сотни юнкеров Корниловского военного училища (в Керчи). Около сотни человек оставались на барже для высадки ближе к Геническу. Десантом командовал полковник Звягин⁴³⁵. Суда, принимавшие участие в десанте: ледокол «Гайдамак», канонерская лодка «Страж», две баржи и три буксирных парохода.

Красноармейцы, стоявшие в Кирилловке, вышли христосоваться с десантом. Кирилловка и Горелое были заняты десантом без боя. Задача десанта была дойти до Акимовки, разрушить железную дорогу и через Геническ вернуться в Крым. Сводно-стрелковый полк под командой полковника Гравицкого⁴³⁶, защищавший Арабатскую стрелку, должен был взять Геническ.

Спешно подвезенные по железной дороге красные части — два конных полка Буденного, три латышских, один китайский, два полка, стоявшие в Геническе, несколько бронепоездов, батарей и 40 пулеметов — не дали горсти добровольцев выйти из прибрежной полосы. Десант, подойдя с тяжелыми боями к Геническу, узнал, что город в руках красных!

Теснимый со всех сторон многочисленным врагом, десант, подержанный огнем орудий военных кораблей «Терез», «Страж», «К.-Георгий», ледокол № 1, после кровопролитного боя вошел в город. Два малочисленных батальона Сводно-стрелкового полка смогли, наконец, сбить красные пулеметы, перешли мост и вошли в Геническ с юга. Ввиду своей малочисленности, десант не исполнил своей задачи, но выяснил обстановку и возможности более крупного десанта.

Красные части понесли сильные потери и, невзирая на свое упорство и превосходство в количестве — 10 на 1, — не могли уничтожить десант. Десант, потеряв 80 человек, отошел в Крым. Решающая роль в благополучном исходе этой операции принадлежит морским орудиям флота.

Десант в Мариуполе

2 мая 1920 года канонерская лодка «Страж», ледокол «Всадник», вооруженный катер «Никола Пашич», обстреляв порт и железнодорожный вокзал, вошли в порт. Десантный отряд захватил стоявший у пристани советский вооруженный катер «Республиканец», который был уведен в Крым.

Десант корпуса генерала Слащева

24 мая 1920 года, за день до выхода Русской Армии за Перекоп, Крымский корпус (2-й) генерала Слащева высадился в тылу красных, в Азовском море, между селами Кирилловка и Степановка. Состав корпуса был следующий: 13-я пехотная дивизия⁴³⁷ — 49-й Брестский полк, 50-й Белостокский полк, 51-й Литовский полк, 52-й Виленский полк; 34-я пехотная дивизия⁴³⁸ — 133-й Симферопольский полк, 134-й Феодосийский полк, 135-й Керченский полк, 136-й Таганрогский полк; Сводная кавалерийская бригада — 1-й Туземный полк, 2-й Туземный полк, Терско-Астраханский отряд; 34-я артиллерийская бригада⁴³⁹, Отдельная инженерная рота и другие мелкие части — всего около 10 тысяч штыков и сабель, две тысячи лошадей, 50 орудий, два автоброневика и 150 повозок обоза. Войска были погружены в Феодосии.

Суда, принимавшие участие в десанте: вооруженные ледоколы № 1, «Гайдамак», «Всадник»; разведывательное судно «Мария»; канонерские лодки: «Грозный», «Алтай», «Урал», «Страж»; транспорт «Россия», 10 пароходов, шесть буксирных катеров, девять барж и вооруженный буксир «Азовец» (бывший «Республиканец», захваченный у большевиков десантом 2 мая 1920 года в Мариуполе).

Условия высадки были чрезвычайно тяжелые, на море был сильный шторм, шел дождь, сильный прибой переворачивал шлюпки, войска высаживались по плечи в воду. Потери при высадке — один вольноопределяющийся и две лошади.

Сбив большевиков, части Крымского корпуса стремительным наступлением перерезали железную дорогу, идущую на Чонгарский фронт; 28 мая был взят Мелитополь — главная база Красной армии. Наши потери — 40 человек убитых и раненых.

Одновременный выход из Крыма 1-го корпуса генерала Кутепова, действия Крымского корпуса генерала Слащева в красном тылу привели к полному разгрому 13-й советской армии; в плен попало 10 тысяч красноармейцев, десятки орудий, сотни пулеметов, два бронепоезда, все склады снаряжения и снабжения 13-й армии. Остатки армии бежали за Днепр. Северная Таврия, богатая зерном, людьми и конями, была освобождена.

Десант в Бердянске

10—12 июня 1920 года десант, высаженный канонерскими лодками «Урал» и «Грозный», на несколько дней занял Бердянск.

Десант полковника Назарова

Азовский отряд судов, в составе канонерских лодок «Страж», «Грозный», «Алтай», «Урал», миноносца «Живой», двух десантных барж и четырех катеров, погрузил в Керчи отряд полковника Назарова, состоявший из 900 донских казаков при двух полевых орудиях, одном автоброневике и радиостанции.

Отряд был высажен 23 июня 1920 года на косе у станицы Кривой. Отряд с боями прошел на Дон, увеличился до 10 тысяч, но ожидаемого общего восстания казаков не последовало; к 9 июля отряд занимал район Александровка—Грушевка в 35 верстах от Новочеркасска.

В конце июля собранными крупными силами красные разбили отряд полковника Назарова у станицы Константиновской. Остатки отряда ушли в Сальские степи и расплылись. Полковник Назаров был захвачен в плен, но бежал и, перейдя фронт в северной Таврии, вернулся в Крым один.

Кубанский десант генерала Улагая

В состав этого десанта вошли: 1-я конная дивизия генерала Бабиева⁴⁴⁰ — около тысячи шашек, 35 пулеметов, шесть орудий, 2-я Сводная Кубанская дивизия (пешая) генерала Шифнер-Маркевича — 100 шашек, 900 штыков, 48 пулеметов, восемь орудий, Сводная пехотная дивизия генерала Казановича⁴⁴¹, в которую вошли 1-й Кубанский Стрелковый полк, Алексеевский пехотный полк с Алексеевским артиллерийским дивизионом, Константиновское и Кубанское военные училища — всего силой 2500 штыков, 50 пулеметов, 12 орудий, плюс отряд терцев и астраханцев. Итого боевая численность десанта: пехоты — 3400, конницы — 1100, пулеметов — 133, орудий — 26. Кроме того, несколько броневтомобилей, восемь аэропланов. Кроме строевых частей, прибыло несколько тысяч тыловых частей и несколько тысяч кубанских беженцев.

Всего флотом было высажено 16 тысяч человек, 4500 лошадей, орудия, запасы снаряжения, продовольствия, обозы и т. д. Для перевозки всей этой массы были предназначены 13 транспортов, шесть десантных барж, семь буксирных катеров. Военные корабли Азовского отряда: канонерские лодки «Алтай», «Урал», «Салгир», «Страж», «Грозный»; вооруженные ледоколы «Гайдамак» и «Джигит». Большая часть их блокировала красный флот в Таганрогском заливе, часть прикрывала десант.

Погрузка происходила — авангарда в Керчи, главных сил и беженцев — в Феодосии. В ночь с 31 июля на 1 августа 1920 года десант вышел в море, и 2 августа на рассвете авангард был высажен в 14 километрах от станицы Приморско-Ахтарской, на косе Ясенской. Береговые батареи красных были уничтожены дальнебойными орудиями военных судов, и десант высадился без потерь. Станица Ахтарская была взята, там и происходила высадка главных сил, лошадей, орудий и всей материальной части.

Конная дивизия генерала Бабиева быстро продвигалась вперед. Были взяты станицы Тимашевская, Поповичевская, Брюховецкая. Конница доходила до 40 верст от Екатеринодара. Несмотря на блестящие победы генералов Бабиева и Улагая, наступление захлебнулось. Красные спешно перебросили крупные силы и атаковали десант со всех сторон. Не оправдались надежды на всеобщее восстание казаков.

К 19 августа было решено эвакуировать десант из более удобного Ачуева. В течение девяти дней была произведена нагрузка и вывоз в Крым всех частей, складов и беженцев.

Несмотря на большие потери, десант увеличился на 10 тысяч кубанцев, присоединившихся к добровольцам.

Все до единого человека были вывезены. Красные аэропланы вели непрерывное наблюдение за движением частей, бросали ночью плавающие мины в порты, на которых взорвались миноносец «Звонкий», канонерская лодка «Алтай» и транспорт «Волга».

Генерал Врангель в своих записках винит за неудачный десант приписывает себе — неудачный выбор командующего. Прекрасный боевой генерал Улагай не хотел слушать своего начальника штаба. Десант был скован огромным тылом с большим запасом оружия, снарядов, продовольствия — и беженцами. Наши части, заняв 5 августа станицы Поповичевскую, Тимашевскую, Брюховецкую, остановились на три дня — 6-е, 7-е, 8-е августа. Между командующим отрядом генералом Улагаем и его начальником штаба генералом Драценко происходили разногласия. Необходимое условие успеха — быстрота и внезапность — было утеряно. Большевики начали эвакуацию Екатеринодара. Красные лихорадочно подвозили по железным дорогам свои отборные части со всего Кавказа, окружая отряд со всех сторон, угрожая базе.

Невзирая на большие потери, численность частей возросла. Например, дивизия генерала Шифнер-Маркевича, потерявшая убитыми и ранеными около 300 человек и 200 лошадей и вышедшая из Феодосии в составе 1200 человек и 250 лошадей, увеличилась до

1500 казаков и 600 лошадей. Полное отсутствие резервов — хроническая слабость Добровольческой армии — не позволило оказать никакого подкрепления десанту. Флот спас десант.

Десант отряда особого назначения

500 человек под командой генерала Черепова, в составе юнкеров Корниловского военного училища, офицерского взвода Керченского гарнизона и дивизиона спешенных черкесов, при двух горных орудиях, были посажены в Керчи на две десантные баржи на буксире у ледокола «Всадник» и на один пароход, в сопровождении подводной лодки.

Высадка произошла 5 августа 1920 года у мыса Утриш (между Анапой и Абрау-Дюрсо). Место высадки было указано световыми сигналами зеленых отряда полковника Лебедева.

Оттянув четыре полка красной пехоты и полк конницы, десант, погрузившись рано утром 11 августа, ушел на Тамань. Одна баржа, подбитая снарядами красных, была брошена на берегу.

Десант на Тамани

8—9 августа 1920 года на Таманском полуострове были высажены: Керченская офицерская рота, сотня пластун, при одном орудии, под командой генерала Харламова. Станица Таманская была взята без боя. Красные увели почти все войска с Тамани на борьбу с десантом генерала Улагая. 12 августа на Тамань был переброшен отряд генерала Черепова.

К 13 августа были взяты станицы Актонизовская и Вышестеблиевская. 18 августа после упорного боя была взята станица Старо-Титорская и гора Камышеватая. Большевики стянули крупные силы, и десант 20 августа покинул Тамань.

Десант на Тендре

Крейсер «Генерал Корнилов» в июне 1920 года обстреливал Николаевскую батарею, на которой большевики установили шестидюймовые орудия. В июне 1920 года на Тендре была высажена десантная рота под командой поручика Высочина. Десант, кроме защиты берегов, снабжал свежей провизией корабли, блокировавшие Очаков. Десант был на берегу до 20 октября 1920 года.

Десант в Бугском лимане

Крейсер «Кагул» блокировал вход в Бугский лиман у Очакова. В середине июля 1919 года десант под командованием капитана 2-го ранга Кочетова занял Николаевскую батарею, установил 75-мм орудие и обстреливал Очаков.

Разведывательные десанты

Весной и летом 1920 года штаб Русской Армии, готовясь к выступлению из Крыма, посылал небольшие разведывательные десанты в места, занятые Красной армией: на Кавказское побережье, полуостров Тамань, остров Березань, Ачуев, Кирилловку и другие места, о которых не имеется сведений.

Десант у Адлера

В конце сентября 1920 года остатки Кубанского Партизанского отряда генерала Фостикова принуждены были отойти к грузинской границе в район Адлер—Гагры. Отряд находился в бедственном состоянии — без патронов и провизии. Ему грозило быть захваченным большевиками или же, перейдя в Грузию, быть интернированным, разоруженным и выданным большевикам, согласно 5 договору меньшевистского правительства Грузии, рассчитывавшего ценой предательства сохранить свою независимость с их старшими товарищами по партии — большевиками.

Для эвакуации отряда был послан из Крыма отряд судов Черноморского флота следующего состава: вспомогательный крейсер «Алмаз»; подводная лодка «Утка»; транспорты «Сарыч», «Дон», «Ялта»; буксир «Доброволец» с баржей. Командовал отрядом капитан 2-го ранга В. Григорков.

Подойдя к Сочи и Адлеру, корабли были обстреляны большевиками. Морские орудия принудили неприятеля замолчать. Подойдя к Гаграм, капитан Григорков узнал, что отряд генерала Фостикова перешел в Грузию и обезоружен. Транспорт «Сарыч», пришедший в Гагры на два дня раньше остального отряда, успел погрузить 400 больных и раненых. Грузины, открыв огонь, не подпустили корабли к берегу.

2 октября, невзирая на препятствия, между Гаграми к Пицундой на транспорт «Дон» был посажен отряд полковника Улагая — 1300 человек. Убедившись, что отряду генерала Фостикова грозит

гибель, капитан Григорков решил действовать. 4 октября был высажен десант из 250 казаков отряда полковника Улагая, вооруженный винтовками и пулеметом, привезенными кораблями.

Под командой полковника Улагая десант высадился на берег. После короткой перестрелки грузинский отряд частью был захвачен в плен, частью бежал в горы. Находившиеся высоко в горах грузинские батареи открыли огонь по кораблям. Стрельба была беспорядочная и бесцельная, и корабли даже не отвечали на нее.

День и ночь шла погрузка отряда шлюпками и баржей. 5 октября весь отряд был посажен на суда; последним ушел десантный отряд, с ним полковник Улагай и генерал Фостиков.

Всего было вывезено в Крым 36 лошадей (несколько сот было оставлено ввиду трудности погрузки) и 6703 человека, из них 400 больных и раненых и около пятисот беженцев.

Десант в тылу красных 25 мая 1920 года

(по воспоминаниям участника — обработал А.Ф. Долгополов)

В феврале 1920 года была сформирована Отдельная рота Симферопольского Офицерского полка⁴⁴² из больных, раненых и застрявших в Крыму офицеров этого полка (около ста человек), в то время как самый полк уже находился в Польше с частями генерала Бредова, интернированными при отступлении туда правительством маршала Пилсудского.

14 апреля рота, под командой капитана Стольников⁴⁴³, получив и обучив 300 солдат из 7-го запасного батальона в Симферополе, выступила на фронт на ст. Сальково, где и была влита в качестве 3-го батальона в 49-й пехотный Брестский полк⁴⁴⁴ 13-й дивизии (начальник дивизии генерал Ангуладзе⁴⁴⁵, командир полка полковник Хаджи⁴⁴⁶). В тот же день, 14 апреля, батальон понес большие потери, сменив 1-й и 2-й батальоны 49-го полка в окопах у ст. Сальково. Батальон был немедленно атакован крупными силами красных, поддержанными огнем бронепоезда со станции Ново-Алексеевка (железнодорожной линии Джанкой—Чонгар—Сальково—Ново-Алексеевка—Рыково—Акимовка—Мелитополь).

2-й корпус генерала Слащева оборонял эту часть Крымского фронта до того дня, когда обе дивизии — 13-я и 34-я — были неожиданно сняты, посажены на повозки и отправлены по кратчайшему пути в Феодосию; но тогда еще никто не знал, что части направляются в Феодосию, ибо весь этот марш был засекречен. На фронте у Салькова нас сменил Сводный корпус генерала Писарева.

К 24 мая Феодосия была полна войсками. Среди населения распространялись слухи о десанте в Одессу или Новороссийск. Мы же ничего определенного не знали, пока 24 мая не были погружены на десантные суда самой различной формации. 49-й Брестский полк был погружен на громадную баржу под каким-то трехзначным номером, влекомую буксирным пароходиком.

Генерал Врангель прибыл в Феодосию и напутствовал уходящие суда, не сказав о цели десанта. Только в открытом, очень бурном Азовском море, после того как мы больше суток провели в бурю на транспортах, страдая от морской болезни, нам был объявлен только теперь вскрытый приказ о высадке у села Кирилловка и походе на Мелитополь с тыла. Сводный и Донской корпуса и бронепоезда должны были наступать на Мелитополь из Крыма вдоль железной дороги. Из Перекопа одновременно выходил 1-й корпус генерала Кутепова.

Рано утром 25 мая, при сильном волнении, пехота стала выгружаться далеко от берега, только с легким оружием, и направляться к берегу по грудь в воде. 49-й Брестский полк выгружался первым. О выгрузке артиллерии, лошадей, тяжелых пулеметов и прочего не могло быть и речи из-за бурного моря.

Как выяснилось потом, эскадрон красной кавалерии, бывший на охране села Кирилловка, сопротивления не оказал, а если и стрелял, мы не видели, как не слышно было из-за бури и стрельбы корабельных орудий, хотя, приближаясь к пологому берегу, мы видели разрывы снарядов. Мы сразу же пошли вперед, не встречая сопротивления. Прошли верст двадцать и остановились у широкой ложины, за которой, очевидно, было какое-то село.

На этом участке 49-й Брестский полк должен был обеспечить выгрузку артиллерии, кавалерии и тяжелых пулеметов с лошадьми и танками, когда это станет возможным по состоянию погоды. Нам было неизвестно, в каком направлении ушли другие полки и какие им были поставлены задачи.

К концу дня красные собрали немногочисленную пехоту, мало боеспособную, вероятно, из тыловых частей, и четырехорудийную батарею, которые и заняли укрытую позицию по другую сторону ложины. Красные открыли интенсивный огонь по нашим цепям, уже окопавшимся, причем с такой близкой дистанции, что можно было слышать команды их артиллерийских наблюдателей. Здесь наш полк понес значительные потери от артиллерийского огня, и мы с нетерпением ждали подхода нашей артиллерии. Мы не получили приказа двигаться ни вперед, ни назад.

Наш ружейный огонь по невидимому противнику не был эффективным, да и на пополнение патронами пока нельзя было рассчитывать, поэтому мы берегли их. Так мы и пролежали остаток дня, ночь и весь следующий день, когда, наконец, подошли наши первые орудия и сразу остановили огонь красных. Легко сбив пехоту, мы тронулись на Мелитополь с тыла, со стороны реки Молочная, и 28 мая без больших усилий заняли город.

Овладев городом, мы попали в трудное положение, так как железнодорожная станция Мелитополь, отделенная от города бесконечными фруктовыми садами, оставалась в руках красных, под защитой пяти бронепоездов, из коих два — тяжелых. Два бронепоезда стояли на самой станции и три — между станцией и ближайшим разъездом «Терпение». Наши же части с бронепоездами очень медленно продвигались по железнодорожной линии Ново-Алексеевка—Мелитополь, так как большевики, отступая, взрывали полотно, мосты и водокачки. Наши батареи из города безуспешно вели огонь по станции Мелитополь и по бронепоездам, тогда как их пять бронепоездов все время держали под тяжелым обстрелом и город, и наше расположение.

Говорили, что каша кавалерия — 8-й Калмыцкий полк — была послана взорвать полотно железной дороги в тылу бронепоездов и тем лишить их возможности отхода. Трем бронепоездам удалось все-таки уйти, два же на станции были подбиты, оставлены прислугой и захвачены вместе со станцией атакой 9-й роты (командир роты — штабс-капитан Турчанинов Павел) при одном орудии и с батальонной пулеметной командой. Это орудие и подбило эти два бронепоезда прямой наводкой с окраины фруктовых садов, выходящих к станции. Несмотря на орудийный и пулеметный огонь бронепоездов, 9-я рота, при атаке по открытому полю (между садами и станцией, шагов 300—400), овладев станцией Мелитополь, понесла незначительные потери... Вскоре подошли с юга наши бронепоезда.

Пошли вперед...

*А. Ваксмут*⁴⁴⁷

К СТАТЬЕ «ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ДЕСАНТЫ»⁴⁴⁸

Согласно просьбе редакции хочу сообщить некоторые данные о десантах.

В десанте старшего лейтенанта Сергея Ивановича Медведева гардемарин Конге (впоследствии мичман) никакого участия в высадке

в Геническе не принимал, так как находился все время у меня. Я же в то время вооружал катера в Туапсе для отправки их в Царицын на Волгу, и Конге был со мной. Участником этой высадки был капитан малого плавания Вячеслав Николаевич Адрианов, офицер Марковского полка, поступивший в полк в начале 2-го Кубанского похода, где и был ранен. Я встретился с ним первый раз в клинике Напалкова в Ростове, а потом он был у меня офицером на корабле в Каспийском море.

О Геническе он рассказал следующее: когда «Перикл» вошел в порт Геническ, то сразу сел на мель и подвергся усиленному обстрелу. Старший лейтенант Медведев был тяжело ранен и, лежа на палубе, просил всех его пристрелить, что в конце концов и было выполнено. Оставшиеся целыми для спасения себя от расстрела попрыгали в воду, благо было мелко, а оттуда были взяты в плен. В голом виде их привезли на берег, и только это «голое обмундирование» спасло Адрианова от смерти, так как всех офицеров тут же рубили шашками. В голом же виде их погрузили в товарные вагоны и под охраной повезли куда-то в тыл. Везли довольно долго, по дороге сердобольные бабы на станциях кое-как приодели их. До конечного пункта охрана вся разбежалась, и они устроились в госпиталь как потерпевшие красноармейцы. После госпиталя Адрианов поступил горнистом в какой-то красный полк и при встрече с белыми перешел к ним. После этого он был отправлен в Каспийское море, куда приказано было отправлять всех моряков для укомплектования Каспийской флотилии. До конца Белой борьбы Адрианов был со мной и потом умер в Сан-Франциско. Другой участник этой высадки, мичман Петр Герасимов, также из плена пробрался в Крым, потом попал в Европу и недавно умер в Греции.

Кроме этой поправки, я хочу рассказать об одной высадке, которой я был участником и которой в списке нет. Правда, она была произведена Донской флотилией Всевеликого Войска Донского, но так как большинство участвовавших в ней офицеров были из Добровольческой армии, то я думаю, что она заслуживает быть также помещенной в этом списке.

Первым на реке Дон в районе Новочеркасска, Аксая и Ростова начал действовать против красных инженер-механик лейтенант Балтийского флота Евгений Николаевич Герасимов, природный донской казак. Про него говорили, что в первые дни революции, когда в Гельсингфорсе матросы убивали офицеров, он, будучи механиком на одном из миноносцев, также был убит и тело его было брошено на лед. К вечеру все трупы были свезены в городской морг. А наутро, когда

морг был открыт, среди трупов стоял Герасимов. Оказалось, что пуля только скользнула по сердцу. Он сейчас же был отправлен в госпиталь в Петроград, откуда, поправившись, уехал на Дон. Первым его помощником против красных был лейтенант Балтийского флота Феодосьев.

После возвращения Добровольческой армии из 1-го похода в Ростов ими снова была занята яхта «Колхида», где разместился штаб Донской флотилии, начальником которой был назначен атаманом Красновым⁴⁴⁹ инженер-механик Герасимов, начальником штаба лейтенант Балтийского флота Борис Ильвов (первопоходник) и командиром первого корабля, речного парохода «Новочеркасск», лейтенант Феодосьев. Не помню точно, но, кажется, в конце июня месяца 1918 года Ильвов пригласил меня командовать вторым кораблем, речным пароходом «Кубанец». Старшим офицером у меня был мичман Михайловский⁴⁵⁰, артиллеристом поручик артиллерии Костецкий и пулеметным офицером сотник Алексеев-Попов⁴⁵¹. Корабли были вооружены двумя трехдюймовыми сухопутными пушками на колесах, и рубка была обита железными листами для защиты от пуль.

Приняв корабль, который еще не совсем был готов к действию, я наконец лег в клинику Напалкова для операции моего плеча, где рана, полученная под Батайском, до сих пор, с февраля месяца, не заживала, отчего моя левая рука не действовала. Только меня приготовили для операции, как получено письмо от начальника штаба: «Останови свою операцию и возвращайся на корабль, завтра срочный поход, операцию сделаешь после похода».

Возвращаюсь и узнаю, что, вероятно благодаря 2-му Кубанскому походу Добровольческой армии или наступлению генерала Покровского на Таманский полуостров, красные стали отходить от левого южного берега Дона и Азовского моря, и нам приказано немедленно идти и взять город Азов, для чего дана сотня казаков и назначено еще несколько офицеров — мичманы Киреенко⁴⁵², Герасимов, Эльманович⁴⁵³ (первопоходник).

Командующий флотилией лейтенант Герасимов располагает у меня на корабле, и мы, два корабля — «Кубанец» и «Новочеркасск» — с четырьмя трехдюймовыми орудиями, пулеметами и сотней казаков (около 80 человек), отходим от пристани и идем вниз по Дону.

Наконец, как на ладони, открывается город Азов, расположенный на левом берегу Дона и спускающийся до самой реки. Приготовились к бою, но видим, что город совершенно мертвый и в нем полная тишина. Подходим прямо к пристани, на которой какие-то два

прапорщика нас встречают и докладывают, что красные ушли, что в городе все спокойно и что отцы города приглашают нас на угощение. Командующий решил здесь заночевать и наутро двигаться дальше вниз по Дону. Таким образом, все приняли участие в обильном ужине, продолжавшемся до глубокого вечера.

Утром идем дальше вниз и у самого устья Дона, на его левом берегу, подходим к большой станице, названия которой я не помню, где нас встречают очень радушно: красные также покинули это место. Здесь дали нам местного рыбака, который провел нас, благодаря нашей маленькой осадке, через какие-то каменные кряжи и совсем не по фарватеру в Азовское море. Идем дальше вдоль южного берега моря. Компасов на кораблях нет, и карта Азовского моря очень примитивная. Берег идет по направлению с востока на запад, круто спускается к морю, и нам не видно, что на нем делается.

Впереди видна на берегу большая группа людей; подходим и видим — выстроилось в две шеренги человек двести. Старший из них докладывает, что красные только что ушли, а они просят дать им офицера, чтобы ими командовать и преследовать красных. Сотник Алексеев-Попов был назначен и отправлен на берег. Здесь же у берега был небольшой катер «Ворон», который мы забрали; мичман Эльманович был назначен командиром.

Ввиду такого громадного успеха, командир решил произвести высадку в Ейске, где, по сведениям, еще были красные войска. Кроме того, в гавани находилась самоходная баржа «болиндер», вооруженная шестидюймовым орудием. Эти «болиндеры» употреблялись Черноморским флотом для высадки войск на турецком берегу.

Идем на запад вдоль берега, с расчетом около полуночи подойти к Ейску. Я иду головным, и на буксире у меня катер «Ворон»; сзади в кильватере идет «Новочеркасск». Наконец, стемнело, берега не видно, но, к счастью, звездное ясное небо, и я иду, руководствуясь Полярной звездой. Но скоро берег поворачивает круто, на 90°, на юг и входит в мелководную бухту, употребляемую только рыбаками, на южном берегу которой и расположен Ейск. Необходимо было этот поворот сделать вовремя, потому что иначе вместо бухты мы могли попасть на песчаную косу, выходящую от Ейска далеко в море. Все оказалось правильно, и почти ровно в полночь мы, благодаря нашей речной осадке около одного фута, подошли к самым рыбацким судам, стоявшим у города, и начали высаживать нашу сотню, частью воспользовавшись шляпками рыбаков. Часть погрузилась на катер «Ворон», но он отошел от нас не больше чем на сажень и сел на мель — осадка этого морского катера была

больше нашей. В общем, высадка была произведена благополучно, катер «Ворон» снялся с мели, и мы отошли от берега на дистанцию, удобную для обстрела из наших пушек. Кроме десанта сотни, был отдельно высажен мичман Киреенко с людьми со специальным заданием — через косу пробраться в морскую гавань, ворваться в «болиндер» и снять замок с шестидюймового орудия, что ими было выполнено вполне удачно, так как все вокруг спали. Они вернулись еще до рассвета и привезли с собой замок орудия.

Высаженная на берег сотня должна была без выстрелов пробраться в центр города, где захватить все центральные учреждения, но вскоре после высадки раздались выстрелы. Наши ли, не распознав в темноте друг друга, начали стрельбу, или была другая причина, но секрет наш был открыт. Стрельба пошла по всему городу. Мы, для поддержки духа нашего десанта, открыли огонь из наших орудий по городу. Так продолжалось до рассвета. С рассветом вижу — десант пытается на шлюпках отойти подальше от берега, но на воде скрыться некуда, и их расстреливают, как куропаток. Говорю командующему: «Высадка наша не удалась, разрешите идти спасать остатки». — «Да, идите», — отвечает Герасимов, и я иду вглубь, в самую гущу стрельбы. Тут же мичман Киреенко был тяжело ранен в шею, а мичман Герасимов легко. Стрельба была настолько интенсивная, что когда деревянные ручки моего рулевого штурвала при повороте его выходили вне защиты рубки, то все почти сбивались пулями.

Возвращавшиеся с берега были по три раза ранены уже в шлюпках, и, чтобы их поднять, надо было своим бортом защищать их от пуль. Боцман был убит, помогая поднять их на палубу, а командующий, лично руководивший поднятием раненых, был так сильно контужен, что слег без чувств и пролежал до самого возвращения в Ростов. Подобрали мы человек сорок, остальные все погибли. Подобранные же все были ранены. «Новочеркасск» в это время обстреливал город из орудий. Так закончилась наша операция, и мы начали уходить из бухты под продолжавшийся усиленный обстрел из пулеметов и ружей, а потом и какая-то пушка долго провожала нас своими снарядами.

Решил идти в Таганрог, занятый тогда немецкими войсками, в надежде сдать там раненых, которых мы не могли обслуживать за неимением медицинских средств и персонала. Пока были видны берега, еще можно было держать направление, но когда берега стали скрываться, то без компасов и без солнца держать направление было почти невозможно. На наше счастье, какой-то маленький пароходик, воспользовавшись стрельбой и суматохой, удрал из морской

гавани и присоединился к нам. Имея все необходимое для мореплавания, он и довел нас до Таганрога. В Таганроге немцы сначала арестовали меня и не хотели оказывать никакой помощи, но потом, видимо получив от кого-то инструкции, взяли всех раненых в свой военный госпиталь и даже дали нам уголь, чтобы дойти до Ростова, куда мы и прибыли на следующий день. Командующий лейтенант Герасимов продолжал лежать больным, и я был вызван атаманом Красновым в Новочеркасск для личного доклада. Атаман принял меня очень радушно и после доклада благодарил за все наши действия. Через некоторое время после доклада я получил приказ о производстве меня за боевые отличия в старшие лейтенанты, а мичмана Киреенко в лейтенанты.

П. Варнек

НА ФЛАНГЕ АРМИИ⁴⁵⁴

При описании военных действий, даже на приморских участках, сухопутные авторы очень часто упускают из виду роль флота. В 1920 году Крым мог существовать и обороняться от красных лишь при условии господства белого флота на Черном море. Флот защищал берега от возможных десантов противника, охранял пути снабжения, собирал с побережья прорвавшиеся части, отрезанные в девятнадцатом году, и, наконец, производил десанты своих войск.

В статье Евгения Яконовского «Голая Пристань», № 7 журнала, автор, говоря о защите устьев Днепра, пишет: «Батальон оказался на самом левом фланге белого фронта, с центром в Алешках. Левее его действовали партизанские отряды, охранявшие Днепровский лиман». И в таком случае остается неясным, так где же был наш флот.

25 мая 1920 года, окрепшая в Крыму и реорганизованная генералом Врангелем, армия перешла в наступление и вышла на просторы северной Таврии. Действовавший на фланге Перекопской позиции 3-й отряд судов Черноморского флота, под командой капитана 1-го ранга Собецкого, был переведен к устью Днепра, и его плавучие батареи вошли в Егорлыцкий залив.

Войска подошли к Днепру значительно севернее, и в углу между морем и Днепро-Бугским лиманом образовалось какое-то «междучарствие». На правом берегу Днепра находился противник, имевший специальные десантные суда; его фланг опирался на крепость Очаков. Флоту была поставлена задача: воспротивиться высадке

войск противника в районе лимана, не допускать выхода его кораблей в море и подготовить прорыв силой в лиман. Последние две задачи легли на 1-й отряд судов, блокировавший лиман с моря и составленный из наиболее сильных боевых кораблей, под непосредственным командованием, в разгар операции, командующего флотом адмирала Саблина.

Егорлыцкий залив, лежащий за Тендровским и отделенный от лимана Кинбурнской косой, тянется вдоль него на 25 километров и кончается примерно против устьев Буга. Это положение давало возможность плавучим батареям, передвигаясь вдоль залива, обстреливать большую часть лимана и не допускать подхода к левому берегу вражеских судов.

Унылая, песчаная местность, пересеченная болотистыми плавнями. Небольшие дюны скрывают местами лиман, что требовало корректировки стрельбы с другого берега косы. В середине лимана, на искусственном острове, находилась, занятая красными, Николаевская батарея. Ее 130-мм орудия простреливали Кинбурнскую косу, и она, несколькими залпами, салютовала подходу судов отряда.

У селения Покровка был высажен десант под командой старшего лейтенанта Рыкова, выяснивший, что население, в большинстве рыбаки, которым красные запрещали выходить в море, довольны приходом белых. В районе имелись повстанцы, очищавшие местность от потерявших свои части красноармейцев. Продвигаясь вперед, отряд захватил стада баранов, предназначенные для интендантства Красной армии. Зная, что в Севастополе продукты на учете, старший лейтенант Рыков отправил полторы сотни баранов в подарок Морскому корпусу. Часть из них продержалась до эвакуации и была съедена кадетами уже в голодных условиях Константинополя. Лейтенант Гернет⁴⁵⁵, действуя в конном строю, захватил лошадей и коров, которых тоже презентовал корпусу. Нужно сказать, что появление лошадей в хозяйственной части Морского корпуса немало озадачило местное начальство.

Вскоре из Севастополя была прислана Стрелковая рота Черноморского флотского экипажа. Это была специально обученная для десантных операций, хорошо вооруженная часть. Рота прочно заняла Прогнойск, где имеется небольшой порт, и высала дозоры вверх по лиману. Старший лейтенант Фомин⁴⁵⁶, имея при себе полуроту, дошел до Алешек, оказавшихся уже занятыми прошедшей через Перекоп, но, увы, безлошадной кавалерией, и остался там, в качестве резерва.

В первой половине июля красные, желая оказать помощь окруженному корпусу Жлобы, сделали попытку переправиться по островам,

между Херсоном и Алешками. Отряд старшего лейтенанта Фомина принял участие в отражении атаки. Пулеметный взвод моряков был передан в распоряжение начальника боевого участка, командира эскадрона Мариупольских гусар, штабс-ротмистра Анатолия Векслера, бывшего морского кадета. Своим метким огнем взвод поддержал кавалеристов, в особенности при обратном занятии острова, чем вызвал похвалы пещих гусар. Вскоре после этого боя кавалеристы, получившие от Жлобы коней, были заменены пехотой, а моряки оттянуты ближе к морю.

10 июля с пришедшего в Тендровский залив крейсера «Генерал Корнилов» был свезен судовой десант, при пулеметах, а 19-го был высажен десант с линейного корабля «Генерал Алексеев». Оба эти десанта оставались на берегу до эвакуации. Занятие берега десантом и позволило командиру дивизиона плавучих батарей, старшему лейтенанту Реймерсу⁴⁵⁷, установить снабженные телефонами наблюдательные пункты на берегу лимана. Его отряд состоял из двух так называемых «болиндеров». Это стальные, специально построенные для десантных операций, мелкосидящие баржи, на которых еще для действий на Дунае в 1916 году было установлено по одной шестидюймовой пушке с дальностью боя до 16 километров. В принципе на «болиндер» полагалось по два мотора, но во время революции предприимчивые севастопольские свободные граждане нашли их моторам более выгодное применение, превратив парусные рыбацьи лайбы в моторные суда.

Флагманским судном была низкая, вроде подводной лодки, дунайская баржа. Севастопольский порт установил на ней вагон 3-го класса, в котором находилось помещение экипажа. На крыше вагона был построен настоящий мостик с дальномером и даже компасом. Две элегантные мачты со старого миноносца поддерживали радиосеть, динамо и мотор для которой дал другой миноносец. Два 130-мм орудия с затонувшего линкора «Императрица Мария» составляли артиллерию. Две занитные пушки и два пулемета дополняли вооружение этого корабля. Артиллерия этих плавучих батарей, носивших звучное имя «Како», была грозной силой для сухопутного фронта. С ней приходилось считаться и красным, и зеленым врагам, так как малая осадка барж позволяла заходить в недоступные для других кораблей места.

После преждевременного восстания, 10 июля, в Станиславовке на правом берегу в Прогнойск бежал буксирный катер «Игрушка», который вооружили пулеметами. Пользуясь темнотой и большим ходом, узким проходом между Очаковым и Николаевской батареей, в лиман

проскочил сторожевой катер «Капитан 2-го ранга Медведев». Чтобы предупредить неожиданную высадку, эти катера по ночам патрулировали вдоль берега.

Таким образом, весь берег, от моря до устья Днепра, находился под наблюдением морских отрядов и, на большом протяжении, под огнем артиллерии кораблей. Попыток высадить десант, если не считать агентов, не было, но плавучие батареи неоднократно вступали в бой с выходившими из Буга красными судами, пытавшимися обстрелять тот или иной пункт. Чаще всего места, где шла разгрузка подвизимого морем снаряжения. Обыкновенно, они заставляли красные суда уйти назад.

В конце июля флот получил задание уничтожить Очаковские батареи и подготовить прорыв в лиман канонерских лодок, для содействия переправе войск через Днепр и Буг. Подобная операция была успешно проведена в 1919 году, но в двадцатом красные оказались значительно сильнее. Перед Очаковом были сосредоточены главные силы флота, которые систематическим артиллерийским огнем производили разрушение батарей. Был день, когда красные, не выдержав бомбардировки, прекратили ответный огонь и, как доносила разведка, бросили батареи, но, увы, у нас не было войск, чтобы занять крепость.

Вслед за тем, хотя главное командование и сообщило, что оно не предполагает в ближайшем будущем производить наступательных операций на нижнем Днестре, все же демонстрации флота у Одессы и бомбардировка Очаковских батарей, составляя угрозу десантом, сковывали немалые силы красных, оттягивая их от сухопутного фронта. С начала осени красные стали заметно усиливать свою оборону. Из Балтийского моря приходили тяжелые орудия и всякое снабжение. На подходах к берегам ими было поставлено большое количество мин и установлена восьмидюймовая морская батарея. В строй вступила первая подводная лодка, авиация усиливалась с каждым днем и начала групповые налеты на наши корабли. Канонерская лодка «Кача» получила одно попадание и имела большие потери. Осенняя погода и начавшиеся морозы сделали стоянку судов на открытых рейдах очень тяжелой, в особенности для мелких судов, которые заходившая волна валяла сутками с боку на бок.

18 октября, в связи с отходом войск на Перекоп, был дан приказ об эвакуации берега. Эвакуация прошла в полном порядке, все части и желавшее уехать население были приняты на суда. Сторожевой катер «Капитан 2-го ранга Медведев» уже раньше прорвался обратно в море, и лишь «Игрушку» пришлось взорвать, да на пути в Крым, в шторм, была потеряна баржа, служившая минным складом.

ПАМЯТИ «САЛГИРА»⁴⁵⁸

В 1920 году, когда наша Белая армия была в Крыму, в Азовском море, в Керчи находился 2-й отряд судов Черноморского флота.

Он состоял из семи-восьми небольших коммерческих пароходов и даже ледоколов (500—800 тонн), вооруженных одной-двумя шестидюймовыми пушками. Отряд этот блокировал красный флот (из таких же судов), базировавшийся на Мариуполь в Таганрогском заливе. К устью этого залива, для наблюдения за красным флотом и охраны «купцов» («купцами» военные моряки называют торговые корабли), белые высылали обычно два, корабля в дозор. Об одном из таких дозоров и идет речь в нашем рассказе.

Стояли жаркие июльские дни. На мостике канонерской лодки «Салгир» под тентом на вахте — молодой мичман М-в. М-в высокий, стройный блондин, в изящной белой гимнастерке вместо морского кителя (следствие революции и Гражданской войны) и кажется еще совсем юношей.

— Сигнальщики, не спать! — кричит он двум матросам на крыльях мостика, размякшим от жары. — Что это там черное прямо по носу?

Через минуту разглядывания в подзорную трубу и бинокль следует ленивый ответ — так что будто мина плавает!

— Право руля! Малый ход! Комендоры, к пулеметам! — командует мичман, который уже и сам рассмотрел сорванную мину. — Что же вы, черти, или я за вас должен смотреть? Так бы и взорвались на ней! — сердится М-в.

— Так что уж очень жарко — пот глаза застилает! — отвечают устыженные сигнальщики — каспийские рыбаки с бронзовыми обветренными лицами.

Да и не только жарко, думает М-в, но и тоска в этом дозоре страшная. Вот уже 10 дней как болтаемся мы перед Белосарайским маяком, а ни одного-то дымка, ни одного паруса в море не видно! Точно оно вымерло, застыв как зеленовато-серое зеркало. Даже чайки и те не летают! Одни эти проклятые мины несет, и бог знает откуда. Где их наставили красные? Быть может, и тут где-нибудь!

Вскоре мина была расстреляна и, взорвавшись огромным черным столбом дыма и воды, доставила некоторое развлечение вышедшим наверх офицерам и команде.

— А здорово Митрич потрафил — аккурат в самый колпак! — промолвил на баке бравый боцман с серьгой в одном ухе, обращаясь к артиллерийскому боцманмату Каткову.

— Да он и не так моги́т! На Каспии-то, на «Надежде», с нашим командиром, когда плавали, как это он по красному пароходу-то! Так и загнал его ко дну! А теперь-то што — и боев никаких нет! Одно дело — вахта да спать. Известно — дозор! — Недовольно сплюнув за борт, он занялся общим любимцем Шариком. Однако и собака на этот раз не была расположена к обычным фокусам.

Но вот с мостика раздался звонкий голос М-ва — команде обещать!

Засвистали унтер-офицерские дудки, повторяя команду вахтенного начальника, и матросы с баками потянулись за обедом в камбуз. Сменившийся с вахты М-в вошел в кают-компанию. Несмотря на настежь открытые иллюминаторы и работавший большой ветрогон, там было жарко и душно от раскалившихся железных бортов. Офицеры обедали.

— Ну, Ваня, и жара же стоит проклятая! Твои сигнальщики сейчас чуть мину не прозевали! — обратился он к своему приятелю штурману О.⁴⁵⁹ Последний, тоже молодой мичман, выглядел несколько старше М. благодаря своей полноте.

— Рыба и та по такой жаре спит! — отгрызнулся О. — И для чего мы здесь болтаемся? — продолжал он. — Ничего-то здесь не видно и не слышно! Боев никаких нет и не будет. Красные никогда не вылезут из своего Мариуполя!

— Не война, а одна профанация! Да и с провизией плохо, — подхватил ревизор мичман Ш. — В Керченской базе и консервов-то мало — на 15 суток не запасешься.

Разговор сразу стал общим. Все были недовольны. Даже и механик, большой флегма, заметил, что такое плавание «одна зрящая порча машин». Доставалось и штабу отряда за его якобы бездействие.

Горячий О. не выдержал и заявил:

— Знаете, господа, как мне ни жаль командира и вас, а я буду проситься о списании на берег в боевую часть. Там повоюем!

Все соглашались со штурманом и просили старшего офицера передать командиру такие же рапорты.

— Прошу вас, господа, прекратить эти разговоры, так как они переходят рамки дисциплины на корабле, — энергично остановил молодежь старший офицер Д. — А о вашем желании повоювать я доложу командиру.

Д. был такой же горячий, молодой лейтенант, как и остальные офицеры «Салгира», но только более выдержанный. Он отлично понимал их настроение. Д. плавал с ними и раньше и участвовал во многих боевых делах. Это была одна боевая семья.

За тонкой стеной кают-компаний, в своей каюте, командир старший лейтенант В-н⁴⁶⁰ поневоле слышал весь этот чересчур громкий разговор.

Он с досадой поднялся с дивана, на который только что прилег отдохнуть с книгой, и в раздражении швырнул свою любимую «Историю войны на море».

«Черт возьми! — думал он, шагая из угла в угол по каюте. — Чего это мне стоило вооружить «Салгир» да еще выдрать из Севастополя боевых офицеров» — В-н сразу же вспомнил многочисленные неприятности, доставленные ему эгоистичным тылом.

В тот же момент раздался осторожный стук в двери.

— Войдите! — резко крикнул он, и в дверях появился старший офицер.

— Р.Э., разрешите поговорить с вами неофициально, — осторожно начал Д.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — пригласил командир.

— Р.Э., сегодня в кают-компаний зашел разговор о нашем плавании здесь, и знаете, молодежь скулит — тоскует по боевым делам. Это уже не в первый раз я от нее слышу за две недели, как мы здесь. Доходят даже до того, что хотят просить вас о списании на берег в боевые части. Да ведь и правда же, тут не война, а одна профанация!

Командир встал и ледяным официальным тоном обратился к озадаченному старшему офицеру, вытянувшемуся перед ним в струнку:

— Господин лейтенант, потрудитесь передать господам офицерам, что никаких их рапортов о списании я не приму. Мы должны исполнять свой долг там, где прикажет начальство, а «разговорчики» эти в кают-компаний прекратить! — Затем, смягчась, он добавил: — А что касается боев, так они будут, и еще какие! Вот увидите. Разъясните господам офицерам всю важность нашей блокады. Можете идти.

Сконфуженный старший офицер вышел, а командир долго еще не мог успокоиться. Он сам был молодым и лихим офицером. Не раз отличаясь в боях, ему уже удалось утопить в два раза сильнейший большевистский корабль.

В-н понимал настроение своих офицеров.

«Но чем бы его поднять? — думал он. — Ведь и среди команды чувствуется апатия! А боевой дух можно поднять только действиями».

В тяжелом раздумье он сел писать рапорт начальнику отряда. В нем командир с резкостью настаивал на необходимости уничтожения красного флота в самом Мариуполе и вообще энергичных действиях.

Не зная тайн штаба и упрекая его в бездействии, он и сам делал ту же ошибку, что и его офицеры. В штабе давно уже был составлен подобный же план, но сухопутное начальство оттягивало его исполнение ввиду «высших соображений». В действительности же это было обычно незнание сухопутными требований морской войны.

Между тем лейтенант Д., собрав офицеров в кают-компанию, передал им слова командира и подчеркнул всю важность блокады, благодаря которой армия держится в Крыму.

— Не забудьте, — говорил он, — что без этой блокады армия не будет иметь ни хлеба из Новороссии, ни боевых припасов. Ведь их покупают у иностранцев за тот же хлеб! Некому будет защищать Азовский берег Крыма. Не будет возможности высадить десант на Кубань, о чем все так мечтают.

Нам скучно здесь, но это наша морская обязанность, а бои с красными будут, и притом серьезные. Большевики в Мариуполе вооружают отряд сильнее нашего. Имейте же терпение! — заключил старший офицер.

Офицеры были смущены и сожалели, что невольно обидели уважаемого и любимого командира, и потому все они разбрелись по каютам с тяжелым чувством.

Час спустя вахтенный матрос подал мичману О., дежурному по шифру, радиотелеграмму с загадочными цифровыми сочетаниями. Взяв таблицу шифра на сегодняшний день, О. быстро разобрал ее и отправился с докладом к командиру.

Подавая ему расшифрованную телеграмму, он имел строго официальный вид в противоположность установившемуся дружески почтительному отношению к командиру.

— «Прошу произвести разведку Бердянска и выяснить, занят ли он красными. Штаб приморской группы войск», — прочел В-н. — Так вот-с, — обратился он, видимо довольный, к мичману, — пошлите немедленно телеграмму в Керчь начальнику отряда с просьбой о разрешении нам произвести эту разведку.

— Есть! — радостно ответил О. и бегом направился в радиорубку.

Вскоре был получен ответ от начальника отряда с разрешением произвести разведку, и, следуя приказанию, «Салгир» уже шел полным ходом к Бердянской косе. Его парный корабль «Гайдамак» остался в прикрытии с моря.

Командир решил из предосторожности разведать сначала на этой косе у маячных служащих, что делается в городе, а затем уже принимать дальнейшие шаги.

Все на корабле были очень довольны предстоящим развлечением среди этого нудного крейсерства.

В кают-компании наступило оживление. Старший офицер, которому командир приказал идти в разведку, уже гуляет в громадных высоких сапожищах с его знаменитой огромной саблей-палашом, которую мичманы в шутку называли «мечом Готфрида Бульонского».

Он отдает распоряжения боцману о том, кого и что взять в «десант на маяк». Ревизор мечтает достать свежей провизии — «курятинки». Остальные надеются тоже как-нибудь «примазаться» к этой авантюре.

Среди команды идет почтительное упрощивание боцмана Савищенко о назначении в десант. Савищенко сначала отвечает, что нельзя же всех послать в десант, а затем, изведенный приставанием, прибавляет уже ругательства, которые команда прозвала «небоскребами».

Вскоре «Салгир» подошел к Бердянской косе. Она далеко выдается от города в море и тянется низкой песчаной лентой с чуть заметной на ней грунтовой дорогой. На самом конце этой косы стоит высокая маячная башня с небольшими пристройками — квартирами смотрителя и сторожей. Все голо и пустынно на ней.

На мостике собрались офицеры во главе с командиром, а на палубу высыпала любопытная команда. Глаза всех устремлены на эту пустынную косу. Быстро спустили шлюпку, и семь человек вооруженных матросов с пулеметом под командою старшего офицера отвалили на берег. Им было приказано произвести разведку на маяке и оставить там пропагандную литературу.

Когда шлюпка уже отошла, командир, внимательно наблюдавший за берегом, заметил на дороге облачко пыли. Вскоре из него показалась бричка с двумя седоками, несшимися во весь опор к маяку.

Бричка успела подъехать к нему раньше, чем к берегу подошла шлюпка с «Салгира», и седоки успели скрыться в маячном здании.

Потом с корабля было видно, как старший офицер с разведчиками выскочили на берег, окружили часовыми маячные постройки, порубили телефонные провода и даже, переусердствовавши, срубили телеграфный столб.

— Сразу видно, что Д. орудует! — рассмеялся командир. — Всегда переборщит!

Затем лейтенант Д. вошел с несколькими матросами в смотрительский дом, где его ожидали какие-то люди — должно быть сторожа, и скоро вышел оттуда. Видимо, на маяке красных не было. Шлюпка вернулась на корабль, и лейтенант Д. с бравым видом доложил командиру:

— Маячные служащие говорят, что красные два дня как выступили из Бердянска, а городские жители с нетерпением ждут белых.

— Все это хорошо, — обратился командир к Д., — но что это были за люди, которые только что перед вами прискакали из города, и почему вы их не взяли с собой?

— Это были маячные артельщики, ездившие в город за провизией. Они-то и сообщили последние новости, — доложил Д.

— Хорошо, можете идти, г. Ив., — произнес командир и вместе с тем недовольно буркнул себе под нос: — Хм, не очень-то им можно верить!

Теперь ничего не оставалось другого, как идти в гавань, — только там можно было удостовериться в правильности этих сведений. Однако это было весьма рискованно — можно было попасть в опасную западню.

После минутного колебания командир обратился к штурману:

— Ну что ж, И.И., рискнем! Ложитесь на курс в гавань!

Раздался звон машинного телеграфа, и «Салгир», осторожно обходя обычный фарватер, который мог быть загражден минами, направился в Бердянск.

Молодежь, спустившаяся с мостика в кают-компанию, уже полна надежд: город свободен!

— Погуляем на бережку, поедим по-человечески после дозорного поста, а может быть, и выпьем и закусим! — Такие речи раздавались в кают-компании.

М-в добавил:

— А не дурно было бы и потралить за женским полом! В прошлом году я тут видел прехорошеньких барышень!

Ревизор, тот определенно отдавал приказания артельщикам приготовиться с мешками идти на берег за провизией и рассчитывать на «курятинку».

Через полчаса «Салгир» уже приближался к гавани.

Встретившиеся на пути рыбаки также подтвердили, что город свободен от красных.

Вот уже отчетливо видны молы гавани и за ней город Бердянск, несколько возвышающийся над морем со своими церквями и жалкими остатками городского сада, вырубленного на дрова.

Все высыпали на палубу.

— Пробеите боевую тревогу! Пулеметы по бортам! — приказывает командир удивленному вахтенному начальнику Н. — В машине! Будьте готовы к полным ходам! — кричит он механику.

Раздалась тревога, и люди быстро разбежались по своим местам к пушкам и пулеметам. Орудия и пулеметы заряжены, замки приоткрыты.

— Малый ход! — слышится с мостика, и «Салгир» ловко, почти вплотную огибая мол, входит в гавань. — Посмотрите-ка на этих «жителей», какие у них рожи, — обратился командир к штурману. — Не очень-то радостно нас встречают! Всего-то пять человек на молу от всего Бердянска! А вон и купальни, в глубине гавани, видите, женщины и дети — прячутся от нас!

— Держи ухо остро, ребята! Поглядывай по сторонам! Вишь, за купальней-то штой-то не ладное! Вроде будто пулемет! Тут все может быть! — наставлял Катков комендоров своей носовой пушки.

Корабль уже тихо, вплотную подходит к пристани.

— Обе стоп! Право на борт! Правая полный назад! Подать швартовы! — раздаются команды с мостика.

— Эй, вы, на берегу! Принимай концы! — крикнул боцман, бросая «легость» (мешочек с песком, к которому привязана тонкая веревка, за нее на берегу вытягивают толстый швартовый конец). Тотчас кормовой швартов был закреплен на пристани стоявшими «жителями».

Но в этот момент произошло нечто совсем неожиданное. Один из пяти встречавших «жителей» выхватил револьвер и дал три выстрела в воздух. В мгновение ока он был тут же застрелен его соседом, а остальные бросились прятаться за ближайшие предметы.

В то же время из трех углов маленькой гавани раздалась трескотня пулеметов и на «Салгир» посыпался град пуль. Положение сразу стало очень серьезным. Красные бьют в упор. Стоящие на мостике — командир, штурман и рулевой — как на ладони перед скрытыми пулеметами. Прислуга орудий также ничем не защищена. В один миг на мостике пробиты пулями машинный телеграф, нактоуз (деревянный постамент, на котором укреплен компас), дальномер и даже деревянный штурвал (рулевое колесо) в руках самого рулевого, а ходовая рубка (каюта на мостике для рулевого, в скверную погоду там стоит штурвал) вся изрешечена.

На корабле почувствовалось веяние смерти. Рулевой и штурман О. побледили. Теперь все зависит от хладнокровия и находчивости командира. Все взоры невольно обращены на него.

— Боцман, руби швартовы! Открыть огонь по красным пулеметам — один за купальней, другой на конце южного мола, третий за пристанью! — раздалась громкая уверенная команда командира.

— Первая чуть выше купальни, вторая по концу мола, огонь! — командует М-в, и тотчас на всю гавань рывкнули пушки.

Два, три снаряда за купальню, один шестидюймовый по волнолому — и двух пулеметов не стало с порядочным куском мола. На их месте поднялось черное облако дыма и пыли. Приходится стрелять, не обращая внимания на женщин и детей. По третьему пулемету строчат два бортовых салгирских, и он скоро замолкает.

Между тем командир за эти минуты уже отвел корабль от пристани и благополучно направил «Салгир» к выходу из гавани. Обе машины работали полным задним ходом. В машине, где, как громовое эхо, отозвалась стрельба пушек, сам механик давал хода.

— Смотрите! Вот где мерзавцы! — кричит командир М-ву, указывая на прячущихся за старой шляпкой «жителей», и сам идет на крыло мостика, выхватывает револьвер и разряжает его по провокаторам. Один из салгирских пулеметов быстро приканчивает их.

Вскоре корабль был уже на чистой воде вне гавани, но с берега с одной из церковных колоколен Бердянска все еще трещало по нему четыре пулемета. Не желая стрелять по церкви, командир не разрешил открывать огня. Вырвавшись из бердянской ловушки, «Салгир» сравнительно легко отделался. На нем было всего два человека легко раненных: артиллерийский боцманмат Катков да комендор Непокойчицкий. Это было удивительным счастьем, однако еще большим счастьем было то, что на мостике никто не был даже задет.

— Ну как, И.И., — обратился командир к штурману, у которого была пробита фуражка, — не всегда здесь одна «профанация». Бывает и война. Дайте-ка телеграмму в Керчь и штабу приморской группы войск, что Бердянск занят красными.

Впоследствии, когда Бердянск был прочно занят белыми, на «Салгире» узнали, что люди, встречавшие его в гавани, седоки брички, мчавшейся на маяк, и «рыбаки», встретившиеся по пути, — все они были провокаторами. Их адский план был сорван тем, кого они убили. Последний был офицером и служил по принуждению у большевиков. Красные предполагали пустить «Салгир» в гавань, зазвав под ложными предлогами командира и офицеров на берег, а во время их отсутствия напасть на корабль и захватить его. Это им не удалось благодаря пронизательности командира и самоотверженности старого воина-офицера, сделавшего предупредительные выстрелы.

Вечная память этому неизвестному герою!

П. Варнек

**ДЕЙСТВИЯ ФЛОТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РАЙОНЕ
ЧЕРНОГО МОРЯ В 1920 ГОДУ⁴⁶¹**

Нельзя отрицать того, что десятимесячная оборона Крыма оказалась возможной лишь при условии господства в море белого флота. Благодаря флоту были перевезены в Крым десятки тысяч войск из Новороссийска, Туапсе, Сочи, Одессы, потом прорвавшиеся к морю через Кавказский хребет в Адлер и Грузию кубанцы генерала Фостикова и, наконец, 27 июля из Сулина — бригада генерала Бредова. Артиллерия флота позволила подошедшим в Крым слабым частям Добровольческой армии удержать перешейки. В дальнейшем флот произвел несколько армейских десантов, а его демонстрации у вражеских берегов оттягивали силы красных от главного фронта. Владея морем, флот обеспечивал спокойствие и безопасность крымских берегов и беспрепятственную доставку в Крым снабжения и продовольствия, которые почти полностью шли морским путем.

Господство на море ставило флоту главной задачей не допустить выхода в открытое море судов красных, что осуществилось, в частности, блокадой Одесско-Очаковского района. Для выполнения этой задачи силы флота были вполне достаточны: летом 1920 года они состояли из одного линейного корабля, одного крейсера, двух или трех вспомогательных крейсеров, трех больших и пяти старых эскадренных миноносцев, четырех подводных лодок, девяти канонерских лодок из оборудованных для этой цели пароходов и прочих мелких судов. Но после трех лет войны и революционной разрухи механизмы на кораблях были сильно изношены и ощущался большой недостаток в материальной части, пробелы, которые Севастопольский порт, разграбленный разными оккупантами, с его часто бастующими рабочими, не мог, не был в состоянии упразднить.

Не все было благополучно и с личным составом, где наблюдался недостаток в опытных обер-офицерах, и далеко не все корабли имели полный комплект кадровых офицеров. Многие из морских офицеров находились в армии, где служили, в частности, на бронепоездах, иные стремились уклониться от службы на импровизированных военных судах, разных «болиндерах», буксирах и «каках», как в шутку называли канонерские лодки, обозначенные литерой «К». Для пополнения офицерского состава был учрежден Корпус корабельных офицеров (ККО), состоявший из кондукторов, обладавших хорошими знаниями по своей специальности, из офицеров военного времени, из

прапорщиков флота, из переводимых на флот сухопутных офицеров и даже кадет Морского корпуса. Некоторые из них не имели никакого опыта в морской службе. Командиры кораблей имели чрезвычайно пестрый состав. Матросов старого флота, за исключением части команды эскадренного миноносца «Дерзкий», было самое ограниченное количество. Экипаж давал лишь новобранцев, которых надо было обучать на кораблях, но матроса, и тем более специалиста, нельзя создать за один год. Надо, впрочем, сказать, что «охотники флота» из учащейся молодежи приморских городов, которых было немало на действующих кораблях, благодаря своей культуре и свойственному молодежи энтузиазму довольно быстро изучили палубные, главным образом, специальности. Но они все не были привычны к тяжелой физической работе. Практики было недостаточно, так как обстановка не давала времени на планомерное обучение специалистов, и первая же стрельба была обычно уже боевой. Особенно трудно было с машинными командами, обслуживавшими сложные и хрупкие механизмы боевых кораблей, и офицерам инженерам-механикам пришлось немало трудиться и иногда самим братья за кочегарную лопату. Все же к лету 1920 года на некоторых кораблях, плававших в боевой обстановке уже целый год, как, например, на «Генерале Корнилове», «Дерзком» (на который перешла команда «Поспешного»), «Жарком», «Тюлене» и некоторых других команды накопили достаточный опыт.

Ввиду того что вооруженные красными суда по своим малым размерам не представляли объектов для торпедных атак и действия кораблей были направлены против береговых целей, то эскадренные миноносцы торпед не имели и, за исключением одного случая, действовали так же, как и подводные лодки, только своей артиллерией. Лишь осенью 1920 года «Беспокойный» и один миноносец типа «Жаркий» получили торпеды.

Принимая во внимание трудности восстановления в то время сложных механизмов подводных лодок и нефтяных миноносцев, для которых периодически не было нефти, и также отсутствие опытных специалистов, можно задать вопрос: не сделало ли командование ошибки, тратя время и материалы на ремонт кораблей этих классов? Не было ли целесообразней вооружать в более короткие сроки коммерческие пароходы с исправными и более простыми в обращении машинами, требовавшими меньше команды для их обслуживания? В этом случае имелась бы возможность увеличить количество фактически действовавших кораблей, так как подходящих для этой цели паровых шхун, так называемых «Эльпидифоров», было

более чем достаточно. Примером может служить Азовский отряд, весь почти состоявший из импровизированных канонерских лодок, что не помешало ему, даже имея противником сильную красную флотилию, владеть этим морем.

Несмотря на все эти дефекты, плавающий личный состав флота в целом с честью преодолел все трудности, связанные с боевой службой и плаванием при столь ненормальных условиях, когда приходилось бороться и с неприятелем, с одной стороны, и с плохим техническим состоянием своих кораблей, с другой, и это порою при самом скудном питании, а зимой — при температуре ниже нуля.

* * *

Для поддержки малочисленных частей, оборонявших крымские перешейки, 7 января 1920 года был сформирован под командой капитана 2-го ранга Н.Н. Машукова «Отряд судов Азовского моря», оперировавший у Геническа и Арабатской стрелки. С другой стороны, у Перекопского перешейка действовал отряд Каркинитского залива. Но здесь мелководный залив, в который даже плоскодонные баржи не могли проникнуть, ограничивал действия этого отряда. Лишь у мыса Карт-Казак, примерно на высоте Юшуня, глубины позволяли вооруженным баржам стать на якорь и держать под обстрелом местность впереди Юшуньских позиций.

22 января бригада 46-й советской стрелковой дивизии пыталась «с хода» ворваться в Крым. 24-го ей удалось подойти к деревне Юшунь, но на следующий день контратакой частей генерала Слащева, поддержанных огнем двух барж-болиндеров, вооруженных шестидюймовыми орудиями, красные были отброшены. Новое наступление красных, предпринятое 31 января, было снова отбито при активном участии артиллерии болиндеров.

В последние дни января, после эвакуации Николаева и Херсона в Каркинитский залив пришел действовавший ранее в Днепро-Бугском лимане отряд капитана 1-го ранга В.И. Сободецкого в составе канонерской лодки «Альма» (1 — 120-мм, 1 — 75-мм), болиндера, парохода-базы и нескольких катеров. Капитан 1-го ранга Сободецкий вступил в командование объединенным отрядом, получившим наименование «Отряд Каркинитского залива». Для передовой базы было выбрано место при входе в залив, в укрытии мыса Сары-Булат, тыловая же находилась в Ак-Мечети, доступной судам с большой осадкой. 12 февраля при поддержке двух болиндеров наши войска перешли в успешное контрнаступление и, продвинувшись к Перекопу, вышли из сферы

действия корабельной артиллерии. По свидетельству красных, разрывы шестидюймовых морских снарядов, кроме потерь и разрушений, оказывали большое психологическое воздействие на красноармейцев и этим немало способствовали успеху белых войск.

Весной капитан 1-го ранга Собецкий заболел и в командование отрядом вступил капитан 1-го ранга И.К. Федяевский.

С целью ослабить давление, оказываемое противником на крымские перешейки, и дезорганизовать его тылы, командование приняло решение произвести одновременно два десанта за флангами занимаемых красными позиций. Высаженные войска должны были затем прорваться на соединение с частями, занимавшими перешейки. Во исполнение этого плана 15 апреля Азовский отряд судов высадил у дер. Кирилловки Алексеевский и Самурский пехотные полки, которые прорвались затем в Геничеськ и соединились с продвинувшимся навстречу Сводно-стрелковым полком. Второй десант надлежало высадить в порту Хорлы, расположенном в мелководной части Каркинитского залива. Фарватер, ведущий между отмелями к Хорлаам, оканчивался прямым и узким каналом около трех километров длиной, по которому суда могли идти лишь в кильватерной колонне. Акватория порта была очень мала, и имелось всего лишь две пристани, одна — параллельно высокому берегу, другая — ей перпендикулярно. Все эти условия осложняли морскую часть операции.

В десант была назначена Дроздовская бригада под командованием генерала Витковского в составе 1600 человек, при четырехорудийной батарее. Войска были погружены в Севастополе на пароходы «Веста» и «Россия», паровую шхуну «Павел» и тральщик «№ 412». Начальник отряда капитан 1-го ранга Федяевский и генерал Витковский находились на вспомогательном крейсере «Цесаревич Георгий», эскадренный миноносец «Беспокойный» сопровождал отряд. В Каркинитском заливе к ним присоединились малые тральщики «Скиф» и «Березань», буксир «Смелый» и моторный сторожевой катер «СКЗ». По данным разведки, красных войск в Хорлах не было, и в связи с этим предполагалось подвести оба больших парохода к пристани и прямо с них и высаживать десант.

Утром 15 апреля пароходы, имея головным «Цесаревича Георгия», начали приближаться к порту. Внезапно четырехорудийная полевая батарея красных открыла беглый огонь и, несмотря на большое расстояние, застрочили и пулеметы. Имея три 75-мм орудия, из которых лишь два могли стрелять на один борт, «Цесаревич Георгий» не мог рассчитывать своим огнем подавить батарею. Сигналом начальник отряда приказал оставшемуся мористее «Беспокой-

ному» (З — 100-мм) приблизиться и обстрелять батарею, но командир миноносца капитан 2-го ранга Романовский, считая, что среди отпелей его длинный миноносец не сможет маневрировать, остался вдали. «СКЗ» (1 — 37-мм и пулеметы) было приказано идти к берегу и своим огнем подавить пулеметы, но ввиду интенсивного огня красных он не мог этого сделать. Батарея противника открыла огонь, когда наши суда еще не совсем вошли в канал, и это дало возможность им развернуться и отойти в море, где они стали на якорь. Несмотря на падавшие среди судов снаряды, ни потерь, ни попаданий в корабли не было.

Ввиду неожиданного противодействия противника высадке был выработан новый план: тральщики «Скиф» и «Березань» получили задачу высадить на пристани авангард силою в батальон, который должен был оттеснить красных от берега и обеспечить высадку с пароходов главных сил отряда. Перед рассветом, малым ходом, чтобы уменьшить шум машин, тральщики вошли в канал. У входа в порт ход был увеличен до полного, и два пулемета, стоявшие открыто на обрыве на берегу, открыли огонь по шедшему головным «Скифу». Пулеметной очередью, прошедшей вдоль тральщика, был убит его командир мичман Ковалевский, и были убитые и раненые среди стоявших на палубе один вплотную к другому дроздовцев. Тяжело раненный рулевой, падая, повернул штурвал, и «Скиф» врезался в деревянные сваи пристани, возвышавшейся над палубой тральщика. Меткой очередью, выпущенной из «люйса» дроздовским офицером, оба красных пулемета были приведены к молчанию, в одном месте пристани оказалась лестница, по которой дроздовцы стали быстро взбираться на берег и бросились в атаку. Вошедший тем временем в порт «Цесаревич Георгий» дал несколько выстрелов по гребню обрыва, но, видя, что дроздовцы почти уже достигли его, прекратил огонь. Красная батарея ускакала за перешеек, где на следующий день была захвачена дроздовцами. Наблюдавший с марса за боем командир «Цесаревича Георгия» капитан 2-го ранга М.В. Домбровский заметил столб пыли, поднятый уходящей батареей, и приказал преследовать ее огнем.

Довольно скоро весь полуостров, на котором расположены Хорлы, был занят высадившимся батальоном авангарда, и после 10 часов утра к пристани подошли пароходы и начали высаживать главные силы и артиллерию. По окончании разгрузки, взяв на борт раненых, пароходы выходили на внешний рейд, где становились на якорь. Переночевав в Хорлах, утром 17 апреля Дроздовская бригада двинулась вперед и после 60-верстного перехода, ведя непрерывный бой, про-

рвалась к Перекопу. После ухода бригады из порта Хорлы отряд кораблей направился в Севастополь, так как мелководный залив, вдоль которого шли с боем дроздовцы, был недоступен даже катерам.

Разбирая эту операцию, можно отметить, что по сравнению с десантом, высаженным в Азовском море, артиллерийская поддержка сухопутных войск огнем корабельной артиллерии была плохо организована и было бы целесообразнее иметь в отряде вместо миноносца мелкосидящие канонерские лодки. Неизвестно, впрочем, имелись ли таковые налицо.

После эвакуации Одессы этот порт до самого окончания Гражданской войны имел некий особый статус и был как бы «полунейтральным». Флот установил наблюдение за этим портом, летом 1920 года превратившееся в почти непрерывную блокаду, но в то же время туда свободно ходили французские и итальянские транспорты с репатрируемыми русскими военнопленными и солдатами «особых» бригад с Западного и Салоникского фронтов.

Начавшаяся после новороссийской эвакуации (конец марта) и укрепления положения в Крыму посылка кораблей в Одесско-Очаковский район имела целью вести наблюдение за возможными действиями и предприятиями красных, недопущение морских перевозок между занятыми красными портами и коммерческих сношений с границей, диверсионные действия и высадка мелких десантов, беспокоившие красное командование, высадка на берег и прием агентов разведки и попутно, в особенности в первое время, снятие бежавших с берега на шлюпках людей. Для экономии угля и продления таким образом операции корабли, действовавшие в этом районе, стояли обыкновенно на якоре в виду Очакова, в Тендровском заливе, выходя время от времени в крейсерство вдоль берегов.

Инициатором этих походов был энергичный командир эскадренного миноносца «Жаркий» старший лейтенант Манштейн, которому, после того как были исправлены полученные при эвакуации Одессы миноносцем повреждения, не сиделось без дела в Севастополе, и он добился от штаба предписания идти в Одесский район. 1 апреля в Одессу прибыли четыре транспорта с военнопленными. Ожидая их разгрузки, конвоировавшая транспорты французская канонерская лодка «Ла Скарп» держалась в море недалеко от берега, что дало возможность шлюпкам с беглецами ее достигнуть. Здесь же находился и «Жаркий», которому французы передали снятых со шлюпок людей. Миноносец тоже встретил несколько таких шлюпок и, кроме того, захватил и отвел в Тендровский залив несколько фелюг. За один день «Ла Скарп» и «Жаркий» встретили двадцать шлюпок и фелюг. Вече-

ром миноносцу пришел в Тендру, и после осмотра груженные главным образом сельскохозяйственными продуктами фелюги были отправлены с вооруженным конвоем в Севастополь. Там хозяевам оплачивали за груз, и пустые фелюги, если им это нравилось, отпускались назад.

Иногда перед рассветом «Жаркий» подходил ближе к берегу и становился на якорь по западную сторону Очакова. Когда светало, обнаруживались обыкновенно идущие из Одессы фелюги, которые миноносцу несколькими выстрелами принуждал подойти к своему борту. Когда пришло время возвращаться в Севастополь, «Жаркий» привел туда на буксире несколько таких фелюг. Канонерская лодка «Альма», из отряда Каркинитского залива, высадила однажды на берег несколько человек для покупки провизии у крестьян. Красные приняли этот «десант» за рекогносцировку для готовящейся операции.

Советское командование отлично понимало роль флота в предстоящей кампании и сразу же после выхода Красной армии к морю предприняло шаги для создания флотилий и организации береговой обороны. Нетронутые запасы Балтийского флота облегчали эту задачу. Существует мнение о малой компетентности командования красного флота того времени, но, если просмотреть список морских начальников, относящийся к лету 1920 года, можно констатировать, что мнение это ошибочно: командующим морскими силами республики и управляющим делами комиссариата был контр-адмирал А.В. Немиц, начальником морских сил Черного и Азовского морей — капитан 1-го ранга А.В. Домбровский, командующим Азовской флотилией — старший лейтенант Е.С. Гернет, Новороссийской базой заведовал лейтенант А.А. Кондратьев, начальником отряда судов и обороны побережья Северо-Западного района — капитан 2-го ранга Н.А. Пини, начальником дивизиона канонерских лодок Днепро-Бугского лимана — старший лейтенант Хорошкин и, наконец, «Эльпидифорами» этого дивизиона командовали мичманы. На вооруженных пароходах, правда, почти не было офицеров, но на должностях специалистов были большей частью матросы с многолетним стажем.

Красное командование с самого начала опасалось высадки крупного десанта в Одесско-Очаковском районе, для противодействия которому в районе Одессы находилась, не считая других частей, целая стрелковая дивизия. Ввиду отсутствия вначале морских орудий для противодесантной обороны было привлечено десять армейских батарей, до шестидюймового калибра включительно. В Очакове была пер-

воначально установлена четырехорудийная 48-линейная батарея. Из Кронштадта были затребованы морские орудия, мины, заграждения и прочие материалы, включая замки для очаковской шестидюймовой батареи, которые не то белыми, не то красными были увезены при одной из эвакуаций. Уже в начале марта 1920 года с Балтийского флота прибыло 100 моряков с командным составом, которые послужили кадром для создаваемой флотилии. Одновременно принимались меры для пуска в ход Николаевских заводов для достройки «Эльпидифоров», для сборки подводных лодок и, в первую очередь, для ремонта и вооружения оставленных во время эвакуации мелких судов. 16 апреля вступила в строй первая вооруженная шестидюймовым орудием баржа-болиндер, которая была поставлена против Очакова, за Кинбурнской косой. В конце апреля, желая, очевидно, устроить сюрприз находившемуся в Тендровском заливе миноносцу, плавучая батарея на буксире вышла в залив и на рассвете его обстреляла. Несмотря на близкие разрывы, никаких повреждений миноносцу не получил и вышел из сферы огня.

3 мая у Очакова произошел инцидент с французами. Канонерская лодка «Ла Скарп», конвоируя русский пароход «Император Александр III» с репатрируемым солдатами, имела намерение высадить их в Очакове и для переговоров с местными властями направилась к берегу. Когда канонерка подошла на 15 кабельтовых, плавучая батарея № 1, не зная намерений французов, открыла по ней огонь и вторым снарядом попала в середину корабля, повредив машину. «Ла Скарп» (командир капитан 2-го ранга Мюзелье, впоследствии — адмирал, сподвижник де Голля), имея четырех убитых и 17 раненых, стала на якорь и подняла белый флаг, после чего команда была свезена на берег и объявлена военнопленной. 7 мая прибыла французская эскадра в составе линейного корабля и нескольких других судов и, угрожая бомбардировкой, потребовала возвращения «Ла Скарп» и освобождения ее команды. По распоряжению из Москвы это требование было исполнено, и 9 мая, взяв канонерку на буксир, французский отряд ушел в Константинополь.

12 мая в Очакове было закончено оборудование трехорудийной шестидюймовой батареи «канэ». Четвертое орудие, разбитое в 1919 году снарядом с эскадренного миноносца «Поспешный», заменено не было.

3 мая в Севастополе произошла перемена в командном составе, и вместо вице-адмирала А.М. Герасимова, в продолжение трех месяцев занимавшего должность командующего флотом, был назначен вице-адмирал М.П. Саблин, уже в 1919 году бывший на этом посту.

В мае миноносец «Жаркий» снова вернулся в Тендровский залив. В ночь на 17 мая, для задержания фелюг, он стал на якорь с западной стороны Очакова и для экономии угля притушил котлы. На рассвете шестидюймовая батарея открыла по миноносцу огонь, но ее залпы дали перелеты. Кочегары, поливая уголь нефтью, начали поднимать пары, а команда вручную выбрала якорь. Поваливший из четырех труб густой дым скрыл миноносец, и, предполагая, вероятно, что миноносец дал ход, батарея продолжала стрелять на перелетах. Когда пары были подняты, ее залп лег недолетом, и, нормально, следующий должен был бы быть накрытием, но тут миноносец дал ход и ушел в сторону Одессы. Немного далее его обстреляла полевая батарея, но после нескольких ответных выстрелов она прекратила огонь.

Продержавшись день в море, старший лейтенант Манштейн решил уничтожить хорошо оборудованный пост службы связи с телефонной станцией у Григорьевки. В следующую ночь, посадив на шестерку двух служивших в команде сухопутных офицеров и десять охотников и взяв шлюпку на буксир, «Жаркий» малым ходом зашел, насколько ему позволяла осада, в глубь небольшой бухты, у поста. В 4 часа утра шестерка отвалила от борта и бесшумно подошла к берегу. Одна группа высадившихся подкралась к посту и, ворвавшись в дом, захватила в плен спавших там двух красноармейцев. Командующий группой офицер приказал одному из пленных телефонировать в Одессу и в Очаков, что у Григорьевки стоит эскадра белых и высаживает десант. После этого годные еще аппараты, сигнальные книги и документы были перенесены на шестерку, а все прочее уничтожено. Вторая группа, имея подрывные патроны, взорвала несколько телеграфных столбов, и в 6 часов утра десант вернулся на миноносец. Но «Жаркий» не ушел и, не отдавая якоря, стал ожидать дальнейших событий. Прислуга стояла у заряженных орудий и пулеметов.

Ждать пришлось недолго, и вскоре из-за холма, скрывавшего дорогу в Одессу, появилась шедшая в колонне кавалерийская часть, автомобиль и несколько мотоциклистов. Спускаясь к берегу, красные увидели миноносец и обстреляли его из пулемета. Это дало сигнал к открытию огня «Жарким». Прямой наводкой, боковое орудие — картечью, другое — фугасными снарядами, а пулеметы — длинными очередями, смели красную часть. Ища укрытия за холмом, уцелевшие бросились назад и больше не показывались. Считая, что «Жаркий» наделал достаточно шума и красные, вероятно, подвезут сейчас артиллерию, старший лейтенант Манштейн ушел в море. Уголь был на исходе, и надо было возвращаться в Севастополь, но для этого было

необходимо обогнуть поставленное во время войны минное заграждение, тянувшееся от Очакова до Одессы. При приближении «Жаркого» к восточной оконечности заграждения очаковская батарея открыла огонь и преградила ему этот путь, но штурман миноносца рассчитал, что есть возможность пройти вдоль самой границы заграждения вне досягаемости батареи. Это было сопряжено с известным риском, так как граница заграждения в открытом море не может быть точно определена. Приказав команде надеть спасательные пояса и приспустив шлюпки, командир приказал штурману вести миноносца малым ходом по этому пути. Все обошлось благополучно, но на подходе к Севастополю кончился уголь, и только взятая накануне с задержанной фелюги макуха позволила «Жаркому» дойти до порта. В следующую ночь, имея целью завлечь миноносца в ловушку, плавающие батареи красных № 1 и № 2 (1—130 мм) были выдвинуты к острову Березань, но операция эта опоздала.

Вслед за «Жарким» в Тендровский залив был послан однотипный ему «Звонкий» (командир капитан 2-го ранга Г.А. Мусатов), который производил аналогичные операции, в результате чего красное командование запретило плавание судов и рыбную ловлю у своих берегов, что вызвало большое неудовольствие среди рыбаков.

Один из миноносцев, уходя на Тендру, взял на борт взвод моряков из отряда капитана 2-го ранга Кисловского, предназначавшийся для производства диверсионных десантов. Взвод был высажен на Тендровской косе, где могли появиться красные. В мае десант был высажен на шлюпках у Покровки, против Очакова, и оставался там целый день. Это вызвало у красных тревогу, и они отправили через лиман для ликвидации десанта отряд моряков. Но ко времени прибытия красных наш десант уже ушел.

В связи с планом общего наступления армии 6 июня в 10 часов утра Азовский отряд судов, не встретив сопротивления, произвел высадку частей 2-го армейского корпуса у Кирилловки. Успеху операции способствовали намеренно распускавшиеся слухи о том, что десант будет произведен в Хорлах и у Одессы. Активные действия наших судов в северо-западном районе моря служили с точки зрения красного командования подтверждением этих слухов, и, ожидая высадки главного десанта в Хорлах, красные усиливали свои войска в этом районе, оставив побережье Азовского моря почти без защиты. Чтобы держать противника возможно дольше в заблуждении, отряд судов Каркинитского залива утром того же 6 июня произвел демонстрацию у порта Хорлы, и три вооруженные баржи, став на якорь, обстреляли порт. Вскоре полевая батарея красных открыла

ответный огонь, и суда, отойдя от порта, оставались в видимости целый день.

7 июня наши войска прорвали Перекопские позиции красных и, быстро продвигаясь по северной Таврии, 12-го вышли к Днепру у Каховки, а на следующий день заняли расположенный против Херсона город Алешки. В перспективе дальнейшего наступления армии в Новороссию овладение широким, в 50 километров длиной, Днепро-Бутским лиманом приобретало большое значение, но для овладения им и для прохода туда достаточно сильного отряда судов было необходимо нейтрализовать защищавшие вход в лиман очаковские батареи.

В первые же дни наступления армии отряд судов Каркинитского залива, оставив там на всякий случай болиндер «Б-2», перешел в Тендровский залив, и его дивизион вооруженных барж (начальник старший лейтенант Реймерс) был поставлен в Егорлыцком заливе, отделенном от лимана узким перешейком. Выставив на берегу лимана связанные телефоном наблюдательные посты, баржи имели возможность обстреливать значительную его часть. Оборудованная в Севастополе дунайская баржа «Б-1» была вооружена двумя 130-мм орудиями, имевшими дальность стрельбы около 16 километров, и двумя зенитками и имела радио, позволявшее ей держать связь с кораблями в Тендровском заливе. На перешейке, у селения Покровка, был высажен небольшой отряд моряков. Капитан 1-го ранга Федяевский перешел на «Звонкий», и отряд, приказом от 3 июля, был переименован в «3-й отряд судов».

Еще до начала наступления армии в Севастополе были подготовлены команды, имевшие мелкие орудия и пулеметы для вооружения двух речных отрядов судов на Днестре. Команды вышли на запад вслед за войсками и в ожидании возможности сформировать флотилии включились в оборону берега Днестра.

1-й Днепровский речной отряд под командой капитана 2-го ранга Рыкова направился в район нижнего Днестра, где при занятии Голлой Пристани был захвачен буксирный катер «Николай», на котором установили одно 47-мм орудие. Такое же орудие, за неимением других судов, было поставлено на маленькую баржу, тогда как для разведок в лимане взяты две парусные фелюги!

Из местных партизан с кадром моряков был образован Морской кавалерийский отряд, ведущий разведку вдоль берега. 30 июня часть отряда под командой старшего лейтенанта Фомина, совместно с полуэскадром мариупольских гусар, которым командовал бывший кадет Морского корпуса штабс-ротмистр А. Векслер, огнем своих мно-

гочисленных пулеметов отбили попытку красных переправиться по островам Днепра у Алешек. Таким образом, морские команды с помощью вооруженных барж, усиленные в июле десантной ротой крейсера «Генерал Корнилов» и в начале августа ротой линейного корабля «Генерал Алексеев» и стрелковой ротой Черноморского экипажа, обеспечили фланг армии вдоль лимана.

Судьба 2-го Днепровского речного отряда, образованного из части команды (числом около ста человек) разоруженного к тому времени вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», под командой его бывшего командира капитана 2-го ранга М.В. Домбровского, сложилась трагично. В предвидении взятия Александровска он был направлен на Днепр для создания там флотилии. Походным порядком отряд пришел в село Водяное, лежащее почти напротив Никополя. Здесь он имел частые перестрелки с занимавшими противоположный берег красными и произвел несколько ночных поисков на дубках на другую сторону. После начавшегося наступления Красной армии отряд получил приказание отходить. У селения Малая Белозерка он встретился с Донским стрелковым полком и, поступив под начальство командира полка, занял позицию перед селением. На следующий день, 15 августа 1920 года отряд был атакован крупными силами красной конницы, которая, несмотря на пулеметный огонь, буквально раздавила отряд и захватила много пленных. Мичману А.А. Герингу⁴⁶² с десятком матросов удалось достичь селения, через которое они стали пробиваться, ведя огонь из единственного имевшегося пулемета Льюиса и бросая ручные гранаты.

Бросив в скакавших всадников последнюю гранату, был убит прапорщик флота Гасенко, и в конце этого неравного боя невредимыми остались только мичман Геринг, фельдфебель Федор Будяков и знаменщик, кадет 2-го корпуса Гепферт, спрятавший знаменный флаг себе под рубаху. Но красная конница, которую теснила с севера Донская дивизия генерала Калинина, в Малой Белозерке не задержалась и, бросив пленных, ушла к югу.

На следующий день мичман Геринг занялся розыском раненых и сбором уцелевших людей, которые в большинстве были раздеты и разуты красными. Раненым нашли одного лишь мичмана Казанского, который позже скончался в Симферополе. Капитану 2-го ранга Домбровскому тоже удалось бежать из плена, и через два дня он прибыл на сборный пункт в Мелитополь. Впоследствии он был назначен командиром «Ростислава».

Постепенно 3-й отряд судов усиливался. Вскоре в Тендровский залив прибыл эскадренный миноносец «Капитан Сакен» (командир

капитан 2-го ранга А.А. Остолопов), имевший два 120-мм орудия, и также четыре сторожевых катера, тогда как «Звонкий» был отправлен в Скадовск, через который шло снабжение частей, находившихся у южной части Днепра. В середине июля отряд был усилен эскадренным миноносцем «Дерзкий» (командир капитан 1-го ранга Н.Р. Гутан), и прибыли четыре тральщика, отлично натренированные начальником дивизиона, специалистом трального дела капитаном 2-го ранга князем В.К. Тумановым. На случай прорыва в лиман в первую очередь предназначались канонерские лодки «Кача» и «Альма». Все снабжение отряда, до котельной воды включительно, высылалось на транспортах из Севастополя, но впоследствии у Тендровской косы была поставлена баржа-база «Тилли».

Сосредоточение кораблей в Тендровском заливе и производимые ими демонстрации убеждали красное командование в подготовке большой операции и высадки десанта, и оно приняло меры для усиления обороны. Уже 30 мая в Николаев из Каспийского моря прибыли четыре гидросамолета (в дальнейшем их число было удвоено), а в Очаков был доставлен наблюдательный аэростат. Второй гидроавиационный отряд формировался в Одессе. В лимане уже действовало три плавучие батареи, но 15 июня в бою с полевой батареей у Алешек на плавучей батарее № 2 снарядом было сбито орудие. Из вооруженных 75-мм орудиями буксиров создавался дивизион канонерских лодок, а оставленные в Одессе не вполне достроенные «Эльпидифоры» № 413 и № 414 в ночь на 18 июня перешли, не будучи замеченными, в Николаев, где каждый из них был вооружен двумя 130-мм орудиями. № 413 вступил в строй в июле, а № 414 — в августе. Николаевский остров, лежащий у входа в лиман, во избежание захвата его десантом, как это произошло в 1919 году, был занят батальоном пехоты, и в июле на нем были установлены два 130-мм и одно зенитное орудия. Созданная таким образом там батарея получила название «Первомайской». В то же время трехорудийная батарея того же калибра была установлена в Люстдорфе, у Одессы, и начались подготовительные работы для создания двухорудийных восьмидюймовых батарей из снятых с «Андрея Первозванного» орудий, одной — у Одессы, другой — на острове Березань.

Работы, производившиеся на Николаевском острове, были замечены из Покровки, и 2 июля стоявшие в Егорлыцком заливе баржи подвергли остров бомбардировке. Впоследствии баржи неоднократно обстреливали как остров, так и суда красных, появлявшиеся в лимане. 11 июля вооруженный буксир красных обстрелял Прогнойск, но

после открытия огня с баржи ушел полным ходом к противоположному берегу.

19 июля южнее Большого Фонтана тральщики красных поставили заграждение в 192 мины образца 1912 года. На следующий день итальянский эскадренный миноносец «К.А. Рашио», конвоировавший три транспорта с военнопленными, взорвался на mine и, переломившись, затонул. Во второй половине июля катера красных, работая по ночам, закончили постановку к западу от Кинбурнской косы 80 мин крепостного типа. Мины были поставлены вдоль отмели, которую большие корабли обыкновенно обходили, но они преграждали вход в лиман с этой стороны судам с малой осадкой. В августе было поставлено заграждение по другую сторону Очакова, на меридиане мыса Аджиаска и у Сычевки, и было усилено заграждение у Одессы. Всего до окончания Гражданской войны красные поставили в Одесско-Очаковском районе 1300 мин заграждения. В заключение можно отметить, что береговая оборона красных к концу июля начала принимать серьезный характер, и прорыв отряда наших кораблей в Днепро-Бугский лиман и затем бой с флотилией красных, при отсутствии войск для занятия очаковских батарей, превышал, вероятно, возможности нашего флота того времени. Вместе с тем красные продолжали усиливаться.

17 июля, имея на борту, кроме нормального состава команды, еще в полуроту гардемарин Морского корпуса, вышел из Севастополя крейсер «Генерал Корнилов» (капитан 1-го ранга В. Потапьев). Зайдя по пути в Ак-Мечеть, куда в качестве стационара и для тренировки команды был послан крейсер «Алмаз», и затем в соседнюю бухту Ярылгач, 20 июля крейсер пришел в Тендровский залив и, приблизившись к Кинбурнской косе, открыл в 17 часов 30 минут огонь по Очакову. Дав несколько залпов (всего 18 выстрелов), как бы в подтверждение своего прихода, крейсер отошел и стал на якорь в заливе. «Первомайская» батарея ответила на этот «привет» семью выстрелами, и, хотя снаряды упали вблизи крейсера, попаданий в корабль не было. На следующий день десантная рота «Генерала Корнилова» под командой поручика Высочина была свезена на берег и заняла район Прогнойска. С той поры «Генерал Корнилов» оставался на Тендре до самой эвакуации, и капитан 1-го ранга Федяевский поднял на нем свой брeid-вымпел.

В ночь на 24 июля на правом берегу лимана, в селении Станиславка и других, вспыхнуло крестьянское восстание. Оно было начато преждевременно, без согласования с ожидавшимся наступлением нашей армии. Повстанцы захватили паровой катер «Игрушка», кото-

рый пришел, прося помощи, в Прогнойск. Узнав об этом, старший лейтенант Реймерс сообщил по радио капитану 1-го ранга Федяевскому о восстании, но слабые силы, разбросанные по берегу лимана, и, главное, отсутствие плавучих судов не позволили нам поддержать повстанцев. Лишь «Игрушка», взяв на буксир шлюпки, груженные боеприпасами, во второй половине дня отправилась назад, но в пути ее встретила канонерская лодка красных «Харьков», имевшая два 75-мм орудия, которая открыла огонь и погналась за ней. На помощь «Игрушке» подоспели «Б-1» и «Б-3», прогнавшие «Харьков», но от оказания другой помощи повстанцам пришлось отказаться.

Один миноносец произвел только демонстрацию у Сычевки и обстрелял красные войска, замеченные на берегу. С помощью своей флотилии, которая высаживала десанты в тылу повстанцев, красным удалось через полторы суток ликвидировать восстание, но как редкость для того времени нужно отметить, что ночью повстанцам удалось сбить гидросамолет красных.

Начиная с июля авиация красных начала налеты на корабли, вначале единичными гидросамолетами. Одна бомба попала в канонерскую лодку «Кача», проделав небольшую дыру в верхней палубе.

В связи с начавшимся 25 июля наступлением армии для отвлечения красных сил и для выяснения возможности прорыва отряда судов в лиман была произведена 29 июля энергичная бомбардировка очаковских батарей. В 7 часов 20 минут утра «Генерал Корнилов» со стороны Кинбурнской косы открыл залповый огонь по «Первомайской» батарее. «Кача» и «Альма», делая вид, что идут на прорыв, приблизились к входу в лиман и несколько позже, демонстрируя высадку десанта, обстреляли Карабуш. Миноносцы также приняли участие в бомбардировке, а подводная лодка («АГ-22»?) была послана к Одессе. Для усиления своих батарей боиндеры красных № 1 и № 2 были высланы к входу в лиман, но были обстреляны из Егорлыцкого залива баржами и отошли. «Б-1» и «Б-3» также стреляли по «Первомайской» батарее. С промежутками бомбардировка продолжалась семь часов, и корабли израсходовали около 650 снарядов. Два-три раза, когда крейсер временно прекращал огонь, батарея на острове ожидала и давала несколько залпов. Кроме того, «Генерал Корнилов» был дважды атакован гидросамолетом, заставившим его маневрировать, уклоняясь от бомб.

Не считая тревоги, созданной у красных, опасавшихся начала большого десанта, непосредственные результаты бомбардировки оказались незначительными. Среди прислуги батарей имелись небольшие потери, но ни одно орудие уничтожено не было, несмотря на разрывы

снарядов почти вплотную к ним. Действительно, при условии хорошего укрытия брустверами и броневыми щитами лишь прямое попадание в лицевую часть щита могло дать результат. Можно также отметить, что «Генерал Корнилов», на котором не хватало двух орудий, переданных на бронепоезда, имел бортовой залп из семи 130-мм орудий, что по опыту боев флота с берегом давало скорее преимущество очаковским батареям, имевшим в это время пять шестидюймовых и 130-мм орудий. Это, конечно, при условии, что их прислуга не пряталась бы в казематы после первых близких разрывов, как это имело место в Очакове. Для уничтожения этих береговых батарей необходимо было применить снаряды большого калибра, в полтонны весом, и это явилось задачей пришедшего 1 августа, под флагом вице-адмирала Саблина, линейного корабля «Генерал Алексеев».

Одновременно с ним прибыла яхта командующего «Лукулл» и подводная лодка «Тюлень». Доставленный кораблем гидросамолет был отправлен на Тендровскую косу, где для него была оборудована база, но из-за неисправности мотора он почти не летал. С «Генерала Алексеева» были свезены в Покровку десантная рота и стрелковая рота Черноморского экипажа, взятая в Севастополе. В этот день два болиндера красных, приблизившись, обстреляли стоявшие в Егорлыцком заливе баржи, которые немедленно открыли ответный огонь, и после нескольких близких разрывов красные отошли к своему берегу.

2 августа тральщики произвели контрольное траление по направлению к Очакову и, чтобы красные ночью не набросали бы здесь мин, в конце протраленного фарватера был оставлен в дозоре тральщик «Бакан». Следующим утром, следуя за тральщиками, «Генерал Алексеев» подошел ближе к берегу и стал на якорь в 97 кабельтовых (18 тысяч метров) от «Первомайской» батареи. На Кинбурнской косе, против острова, был оборудован наблюдательный пункт, связанный телефоном со стоявшей в Егорлыцком заливе «Б-1», которая по радио передавала корректировку на корабли. Через несколько дней на посту была установлена маломощная радиостанция, позволившая ускорить передачу наблюдений. В 10 часов утра линейный корабль открыл огонь одиночными орудиями из носовой башни, произведя 21 выстрел, причем шесть или семь снарядов попали в остров. По сообщению корректировавшего стрельбу старшего лейтенанта Реймерса, прислуга батареи покинула остров на шлюпках. Осталось невыясненным, по какой причине не была сделана попытка занять остров десантом из Покровки, в районе которой, не считая других мелких отрядов, находились три роты моряков.

Утром 4 августа по протраленному накануне в сторону Очакова фарватеру, в конце которого снова был оставлен «Бакан», «Генерал Алексеев» подошел ближе к городу и был установлен на якорях, бортом к берегу. «Генерал Корнилов» стал в двух милях от него. В 14 часов корабль открыл огонь из своей третьей башни по батарее «канэ», но связь с «Б-1» нарушалась все время радиопомехами красных, и за этот день было произведено лишь семь выстрелов. На ночь корабли остались на месте, и с 14 часов следующего дня «Генерал Алексеев» возобновил обстрел той же батареи, сделав за день 21 выстрел, причем «Генерал Корнилов» давал добавочную корректировку. По наблюдениям с корабля попаданий в стоявшую перед самым обрывом батарею было мало. За действиями наших кораблей наблюдал из Очакова привязной аэростат красных, часто менявший место, что исключало возможность уничтожения его артиллерийским огнем. Во время бомбардировки скрытый за Николаевским островом болиндер красных открыл огонь по наблюдательному пункту, но после трех выстрелов из башни и нескольких залпов «Генерала Корнилова» по предполагаемому месту стоянки он замолчал.

Утром 6 августа «Генерал Алексеев» обстреливал батарею «канэ» из своей третьей башни, сделав с хорошими результатами 29 выстрелов. Снаряды в полтонны весом падали в районе цели, вздымая огромные столбы земли, и на батарее было замечено три взрыва. Во время полуденного перерыва стрельбы из-за Николаевского острова полным ходом вышел буксир и открыл огонь из 75-мм орудия по наблюдательному пункту. «Генерал Алексеев» произвел по нему шесть выстрелов, но буксир, повернув назад, быстро вышел из поля зрения комендоров. Во второй половине дня первая башня сделала еще 21 выстрел по той же батарее, и старший лейтенант Реймерс телеграфировал, что он считает батарею уничтоженной. После этого были обстреляны предполагаемые позиции других батарей, по которым было выпущено еще 17 снарядов.

7 августа была произведена как бы «генеральная репетиция» прорыва канонерских лодок в лиман, имевшая целью вызвать огонь уцелевших на красных батареях орудий. Утром «Генерал Корнилов», следуя за тральщиками, подошел на 50 кабельтовых (девять тысяч метров) к Очакову, а затем канонерские лодки «Кача» и «Альма», идя от Березани, прошли всего лишь в трех милях от берега и обстреляли очаковские батареи беглым огнем. Потом «Кача» прошла еще раз туда и назад, а после полудня «Альма» с близкого расстояния еще раз обстреляла Очаков, и к берегу был послан тральщик «Язон». Весь день «Генерал Алексеев» и «Генерал Корнилов» находились в готовности

поддержат ходившие вдоль берега корабли, но батареи красных молчали. Как выяснилось впоследствии, ввиду невозможности бороться с арденутом прислуга батарей покидала их с утра и возвращалась лишь ночью для исправления полученных за день повреждений. Можно предположить, что в этот или на следующий день прорыв в лиман отряда судов, в состав которого предназначались эскадренный миноносец «Капитан Сакен», две канонерские лодки, две баржи и катера, был вполне возможен, но затем, до занятия берегов армией, отряд был бы отрезан от базы, без возможности пополнить запасы угля и другого снабжения. Кроме того, командующий флотом получил из штаба флота телеграмму, в которой сообщалось, что ввиду начавшегося наступления красных наше командование не предполагает перенести в ближайшем будущем действия наших войск за Днепр и это исключает необходимость прорыва флота в лиман. В связи с этим командующий флотом приказал временно прекратить операцию, и после двух часов все корабли отошли к Тендровский косе. Воспользовавшись этим, катера красных в ту же ночь поставили минное заграждение на меридиане мыса Аджиаск.

В эту же ночь вице-адмирал Саблин ушел в Севастополь на «Лукулле», который взял с «Генерала Алексеева» находившуюся на нем без дела полуроту гардемарин. По пути «Лукулл» зашел в Ак-Мечеть, где адмирал посетил стоявший там крейсер «Алмаз». Вечером после выхода «Лукулла» из бухты поднялся ветер, который быстро развел сильную волну. Старая, с комично качающимися горизонтальными цилиндрами машина, построенная в 1866 году, внезапно остановилась, и яхту, развернувшуюся бортом к волне, стало нести к берегу. Качка дошла до предела, и волны ежеминутно вкатывались на палубу с двух сторон, через фальшборт. Какие-то арбузы, разные другие вещи, гардемаринские винтовки катались по палубе яхты. Гардемарины цеплялись за что могли, чтобы не быть унесенными за борт. Адмирал Саблин вышел из кормового помещения и, держась за протянутый вдоль палубы леер, прошел на ходовой мостик не без того, чтобы его не окатило волной. Его спокойный вид придал всем бодрости. Довольно скоро машинисты исправили аварию, цилиндры снова закачались, и «Лукулл» пошел дальше.

По приходе на Тендру подводная лодка «Тюлень» была послана для наблюдения за движением судов к Одессе. 4 августа его сменила пришедшая из Севастополя «Утка», имевшая задачей задержать при выходе из порта находившийся в Одессе итальянский коммерческий пароход. 7 августа «Утка» была отозвана в Севастополь, и ее снова заменил «Тюлень».

Как раз в эти дни между красными и французами произошел новый инцидент. 1 августа в Одессу под конвоем эскадренного миноносца «Алжериен» прибыли два транспорта с репатриированными солдатами. На одном из них находилось 10 гидросамолетов, предназначенных, по всей вероятности, для доставки в Крым. Красное командование в Одессе, считая самолеты военной контрабандой, потребовало их выгрузки в порту и ввиду отказа французов это сделать задержало транспорты. 5 августа к Одессе пришел отряд французских кораблей в составе броненосного крейсера «Вальдек Руссо», двух авизо типа «Изер» и тральщиков. Командующий отрядом адмирал Кине, угрожая бомбардировкой порта, потребовал освобождения транспортов. 10 августа французские тральщики начали траление, но после залпа с батареи у Большого Фонтана отошли. В этот же день по приказу из Москвы транспорты были отпущены и вместе с «Алжериеном» вышли из порта. Вероятно, вместе с ними ушел и итальянский пароход.

В ночь на 7 августа при активной помощи своей флотилии красные переправились через Днепр в районе Алешек и у Каховки. 10 августа в Голой Пристани их канонерские лодки захватили пароход «Николай», баржу и два паровых катера. 11 августа, с целью отвлечения сил красных демонстрацией десанта, «Кача» и «Альма» бомбардировали находящийся между Одессой и Очаковом Сычевский мыс. 13-го, как бы с намерением пройти в лиман, корабли отряда подошли к Очакову, но к этому времени красные, кроме ставшего потом знаменитым Каховского плацдарма, везде были отброшены за Днепр.

Не предвидя в ближайшее время крупных операций, командование отправило 17 августа линейный корабль «Генерал Алексеев», эскадренный миноносец «Капитан Сакен» и два сторожевых катера в Севастополь. Они были заменены приведенными транспортом «Ингул» катерами «СК-4» и «СК-6». Таким образом, в конце августа отряд судов в Тендровском заливе, в командование которым снова вступил капитан 1-го ранга Собецкий, состоял из крейсера «Генерал Корнилов», эсминца «Дерзкий», подводной лодки «Тюлень», канонерских лодок «Кача» и «Альма», сторожевых катеров «Киев» и «Полтава» (вооруженные одним 75-мм орудием минные катера), барж «Б-1» и «Б-3», трех «СК», вооруженного катера «К-51», тральщиков «Скиф» и «Язон», буксира «Смелый», баржи-базы «Тилли» и, поперечно, одного из транспортов с углем. В сентябре прибыл еще на буксире «Рабочего» болиндер «Б-2».

В связи с начавшимся новым наступлением красных 3-й отряд произвел 24 августа демонстрацию у Очакова. С 9 часов до 13 ча-

сов «Генерал Корнилов» в сопровождении других кораблей произвел сильную бомбардировку батарей. Вечером, уже после возвращения к Тендровской косе, корабли были атакованы гидросамолетом. На следующий день два катера красных вышли из лимана на постановку мин, но, обнаружив патрулировавшие катера, ушли назад, но в ночь на 28-е канонерской лодке «Припять» удалось усилить заграждение у Аджиаска, тогда как выходявшие из Одессы на минную постановку катера, увидя какое-то судно, возможно «Тюлень», вернулись обратно. 29 августа «Генерал Корнилов» бомбардировал «Первомайскую» батарею, выпустив 182 снаряда. Батарея ему не отвечала.

Красные продолжали усиливать минные заграждения, и 31 августа четыре тральщика поставили 80 мин типа «Рыбка» у Сычевки. Сопровождавшее их посыльное судно № 1 было замечено «Тюленем», который за ним погнался. В этот же день произошла безрезультатная перестрелка между болиндером красных, который сопровождали две канонерские лодки, и баржами из Егорлыцкого залива. Со 2-го по 4 сентября красные усилили 434 минами заграждение у Большого Фонтана. Высланный в дозор к Сычевке катер «Ястреб», увидя «Тюленя», поспешно вернулся в Одессу.

В составе 3-го отряда находилась присланная из Севастополя маленькая баржа, имевшая некоторое количество мин типа «Рыбка», но капитан 1-го ранга Собецкий, считая, что постановка заграждений только свяжет действия кораблей у берега, их не использовал.

Ввиду перенесения центра тяжести морских действий в Азовское море, силы 3-го отряда постепенно уменьшались. 9 сентября ушел «Дерзкий», последний из находившихся в Тендровском заливе миноносцев, у которого оставалось нефти лишь на переход в Севастополь. 16 сентября с пирамидами арбузов на палубе ушла «Кача», ушел, израсходовав свои запасы, «Тюлень», и ушли также два катера.

Вместе с тем чувствовалось, что силы красных с каждой неделей возрастают. В начале сентября прибыл из Красноводска новый отряд гидросамолетов, и в связи с этим участились налеты на корабли. Обыкновенно налеты происходили перед вечером, но лишь когда была спокойная погода, чего требовала несовершенная конструкция самолетов того времени. Это были в большинстве своем летающие лодки типа «М-9», бравшие две бомбы весом в 15 килограммов. Иногда они обстреливали корабли из пулеметов. Атаки с воздуха не давали конкретных результатов, но они вносили помехи в жизнь отряда, вынуждая рассредоточивать корабли и прекращать прием снабжения с транспортов. Зенитная артиллерия кораблей по своему несовершен-

ству равнялась авиации того времени и состояла из приспособленных 47-мм и 37-мм орудий Гочкис, лишь на крейсере были установлены две 40-мм зенитки Виккерс, устройство которых знал один только прошедший специальную школу поручик Корпуса корабельных офицеров Погребняк, а, не считая матросов-комендоров, обслуживавшие их гардемарины знакомились с этими пушками лишь при первом налете! Английские зенитки часто заклинивались в самый критический момент, и, вероятно, самыми действенными против сравнительно низко летавших самолетов были высоко задиравшие дуло 130-мм орудия. Эффектные разрывы их шрапнелей были очень неприятны пилотам. При приближении самолетов, о высоте которых иногда предупреждали из Покровки, начиналась хаотическая стрельба всех кораблей отряда из орудий, пулеметов и, в первое время, даже из винтовок. Видя такой прием, самолеты обыкновенно отворачивали и избирали менее опасную цель, как, например, 6 сентября шедший одиноко тральщик «Язон».

13 сентября были получены сведения, что собранная в Николаеве подводная лодка «АГ-23» вышла на пробу в лиман. Из предосторожности начальник отряда приказал всем кораблям перейти ближе к Тендровской косе, где глубины не позволяли подводной лодке подойти в подводном положении. Во избежание ночной атаки с поверхности два катера становились на ночь на якорь мористее крейсера. «Генерал Корнилов» произвел учебную стрельбу противолодочными снарядами. Эти меры были вполне целесообразными, но капитан 1-го ранга Собецкий не мог знать, что в Николаеве не оказалось торпед для американских аппаратов «АГ-23»!

С целью вызвать огонь батарей, которые после августовских бомбардировок линейным кораблем упрямо молчали, утром 15 сентября «СК-4» был послан к Очакову. Когда катер подошел к берегу на 20 кабельтовых, шестидюймовая батарея внезапно оживила, но попасть в уходящий зигзагами 25-узловым ходом катер, конечно, не могла. Когда «СК-4» уже подходил к месту стоянки отряда, происходил воздушный налет. Заметив одинокий катер, два гидросамолета бросились к нему и, снизившись, обстреляли его из пулеметов и старались попасть в катер бомбами. Но при каждом заходе самолета шедший полным ходом катер бросался в последний момент в сторону, накренившись так, что вода доходила до палубы. Бросив без результата все четыре бомбы, самолеты ушли. Во время этой атаки, боясь повредить катер осколками своих снарядов, «Генерал Корнилов» прекратил огонь, и его команда с волнением наблюдала эту картину.

12 сентября канонерская лодка «Альма» и «СК-4» ходили вдоль берега в сторону Одессы и, не обнаружив никаких судов, вернулись назад. 21-го отряд был впервые атакован сразу тремя самолетами. Один из них сбросил свои бомбы в районе аэробазы на косе, другой чуть не попал в пришедший с углем тральщик «412». Продолжая быть под гипнозом возможного десанта у Одессы, 22-го и 30 сентября тральщики красных поставили новые минные заграждения к югу от порта, но фактически в этот район суда отряда не ходили.

В связи с начавшейся Заднепровской операцией армии отряд получил приказание активизировать свои действия. 8 октября в 17 часов «Генерал Корнилов» снялся с якоря и, следуя за тральщиками, подошел на 84 кабельтова к «Первомайской» батарее, которую бомбардировал трехорудийными залпами, выпустив более ста снарядов. В то же время «Альма», подойдя со стороны Березани, начала обстрел Очакова, но открывшая по ней огонь батарея «канэ» вынудила канонерскую лодку отойти в море. Высланный, вероятно, на поддержку батарей болиндер красных обстрелял Покровку. Перед сумерками «Генерал Корнилов» стал на якорь у Кинбурнской косы на высоте Покровки и ночью тревожил красных светом своего прожектора. На следующий день авиация красных была особенно активна. Утром два гидросамолета атаковали баржи в Егорлыцком заливе, а третий сбросил бомбы на наблюдательный пост на косе. В 17 часов «Генерал Корнилов» снялся с якоря, и в то же время показались три самолета, атаковавшие крейсер с трех сторон, принудив его маневрировать, чтобы уклониться от их атак. Настойчивость летчиков и их тактика значительно улучшились, но и зенитная артиллерия крейсера тоже стала более действенной, и самолеты вернулись на свои базы, имея, вероятно, много пробоин от шрапнельных пуль. Когда налет окончился, оставалось уже мало времени до темноты, вследствие чего предполагавшаяся бомбардировка Очакова была отмена и крейсер ушел к Тендровской косе. В течение этого времени «Альма» в сопровождении двух тральщиков обстреляла посты в Аджиаске и Карабуше. Когда отряд проходил мимо «Первомайской» батареи, она с большой дистанции сделала по кораблям несколько выстрелов.

11 октября из Севастополя пришел транспорт «Добыча», имевший всякого рода снабжение и материалы для отряда и предназначенный служить ему плавучей базой. Но самым трудным вопросом было снабжение отряда водой. Опреснители крейсера, работая без остановки, не могли удовлетворить все корабли, и воду приходилось привозить на «Водолее» из Севастополя или же на барже из Хорлов.

11 октября у Одессы была опробована восьмидюймовая батарея. Готовность батареи того же калибра, которую устанавливали к западу от Очакова, ожидалась через три-четыре недели. По мнению начальника морских сил советской республики, бывшего адмирала Немица, после вступления в строй этих батарей весь Одесско-Очаковский район окажется, без участия в операции дредноута, недоступным другим кораблям.

Во время очередного налета 13 октября близким разрывом 130-мм шрапнели был поврежден мотор одного из самолетов, но пилоту удалось спланировать в лиман, где аппарат был взят на буксир катером красных. Два других самолета, не долетев до отряда, повернули назад.

25 октября приказом генерала Врангеля вместо серьезно заболевшего вице-адмирала М.П. Саблина командующим флотом был назначен контр-адмирал М.А. Кедров и начальником штаба контр-адмирал Н.Н. Машуков. Несколько дней спустя адмирал Саблин, с именем которого была связана история Черноморского флота двух последних лет, скончался.

В конце октября красные при помощи флотилии совершили несколько десантов в Алешках, Голой Пристани и в других местах нижнего Днепра. В происшедших затем боях суда их флотилии получили повреждения, и ее начальник, бывший старший лейтенант Хорошхин, был ранен. 20 октября контратакой действовавшего здесь гвардейского отряда положение было восстановлено, но 18 октября были прекращены военные действия на польском фронте, что дало возможность красным перебросить на юг освободившиеся войска и перейти здесь в решительное наступление. 28 октября 1-я конная армия Буденного прорвала фронт у Каховки, а переправившаяся через Днепр южнее 6-я армия на рассвете 30 октября вышла к Перекопу.

Уже вечером 28 октября войска, занимавшие линию нижнего Днепра, начали отходить к Перекопу и, частично, к Скадовску. В последних числах октября наступили морозы и сильный норд-ост развел в Тендровском заливе волну, не позволявшую грузить уголь на мелкие суда, которые вместе с «411» были отправлены к Покровке. 30-го температура упала до 7 градусов, и Егорлыцкий залив начал покрываться льдом, что вынудило перевести баржи к выходу из залива. Бывшая на крейсере в «летнем учебном плавании» полурота гардемарин не имела шинелей, и гардемарин пришлось освободить от несения вахт и от работ. 30 октября было получено приказание эвакуировать Прогнойск и Покровку. Утром 1 ноября

«Генерал Корнилов» для прикрытия эвакуации стал на якорь против Покровки и принял с берега свою десантную роту. «411» уже накануне взял Алексеевскую и стрелковую роты экипажа и несколько гражданских лиц и передал всех их на «Добычу». Находившийся в Прогнойске катер «Игрушка» был взорван. 2 ноября эвакуация была закончена и весь отряд собрался у затопленной «Чесмы».

Утром 4 ноября капитан 1-го ранга Собеуцкий получил приказание отправить вооруженные баржи и катера в Каркинитский залив для оказания поддержки войскам на Перекопском перешейке. «Генералу Корнилову» и «Альме» предписывалось продолжать блокаду и не допустить выхода судов красных из лимана в море. Капитан 1-го ранга Собеуцкий, предназначавшийся в предвидении возможной эвакуации Крыма начальником морской части посадки в Севастополе, должен был идти туда на «Добыче», которая взяла на борт находившихся на крейсере гардемарин. В то же утро Тендровский залив покинули тральщик «Язон» с «Б-1» на буксире, в полдень — «Работнику» с «Б-2» и «Скиф» с «Б-3» и около 17 часов — «Добыча», буксируя «Тилли» и минную баржу, и «Смелый» с катерами «Киев», «СК-4» и «К-51». К вечеру поднялся сильный противный ветер, который развел большую волну. В 22 часа ввиду того, что волны заливали катера, «Смелый» стал на якорь у берега и «Добыча», которая до входа в Каркинитский залив сопровождала другие суда, последовала его примеру. Утром суда пошли дальше, но маленький «Работник» не выдержал волны и повернул назад. Его встретила получившая накануне вечером приказ тоже следовать в Каркинитский залив «Альма», которая и взяла «Б-2» на буксир. Когда «Добыча» проходила Софиевку, к берегу подскочил кавалерийский разъезд, открывший по транспорту огонь из пулемета. Вскоре транспорт был обстрелян и артиллерийским огнем, что заставило невооруженную «Добычу» повернуть в море. Ночью оторвалась не имевшая людей на борту минная баржа, а под утро — «Тилли», которая после безуспешных попыток завести на волне новый буксир была, по снятии людей, поставлена на якорь. Камбуза для пассажиров и запаса питьевой воды на «Добыче» не было, и люди питались галетами, запивая их ржавой котельной водой. После более чем трех суток плавания «Добыча» пришла наконец в Севастополь. «Смелый» привел свои катера в Ак-Мечеть, после чего разыскал «Тилли» и отбуксировал ее в Севастополь, где она послужила для перевозки имущества Морского корпуса.

Вечером, после ухода «Добычи», «Генерал Корнилов» получил приказание командующего флотом срочно идти в Севастополь и утром 5 ноября, после пятимесячного пребывания у Очакова, крей-

сер покинул Тендровский залив. В тот же день был эвакуирован и Скадовск, где находился грузившийся зерном пароход «Саратов» с баржей.

«Альма» и баржи, преодолев штормовую погоду, пришли в Каркинитский залив, где уже находились заградитель «Буг», посыльное судно «Атаман Каледин» (бывший буксир «Горгипия»), болиндер «Б-4» и база — плавучий маяк «Песчаный». В командование составленным таким образом 3-м отрядом вступил командир «Буга» капитан 2-го ранга В.В. Вилкен, подчинявшийся в оперативном отношении командующему фронтом генералу Кутепову.

Для артиллерийской поддержки войск на Юшуньских позициях четыре баржи (пять — 130-мм и шестидюймовых орудий) заняли позицию у Кара-Казака. Уже при первой попытке красных прорваться в Крым «Б-4» своим беглым огнем способствовала отражению их атак. В ночь на 8 ноября красные части переправились через Сиваш и подошли вскоре к Юшуньским позициям. 9-го и 10 ноября баржи и, вероятно, также и «Альма», получая по телефону указания целей и корректировку, вели интенсивный огонь по наступавшему противнику. Передвижениям судов и отчасти стрельбе мешал норд-остовый шторм, и залив покрылся льдом до 12 сантиметров толщины. Несмотря на неблагоприятные условия, огонь судов был действительным, и части 6-й армии несли потери от флангового обстрела из Каркинитского залива. В ночь на 11 ноября Юшуньские позиции были оставлены, но суда продолжали находиться на своих позициях и утром бомбардировали станцию Юшунь. Во второй половине дня отряд получил приказание идти в Евпаторию, но снятию барж с позиции уже мешал плотный лед. На следующее утро отряд вошел в густой туман и по ошибке в счислении в 9 часов 40 минут, в четырех милях от Ак-Мечети, «Буг» сел на мель. Несмотря на перегрузку тяжестей на баржу «Б-2», усилия буксиров стащить «Буг» с мели остались безуспешными, и в ночь на 13 ноября, по снятии команды, он был приведен в негодность.

Пришедшие к Евпатории баржи, перед уходом эвакуировавших Евпаторию судов 14 ноября, когда в городе уже развевались красные флаги, были по приказанию старшего морского начальника, контр-адмирала Клыкова, потоплены снарядами тральщика «412». Канонерская лодка «Альма» пришла в Севастополь, но после года непрерывных походов у нее потек котел и, чтобы она, попав в руки красных, не смогла бы обстреливать еще стоявшие у Стрелецкой бухты суда, по распоряжению штаба флота она была затоплена в Южной бухте.

* * *

Мало кому известно, что ушедшие при эвакуации из Севастополя суда подвергались реальной опасности встречи с подводной лодкой красных «АГ-23». Через два дня после ухода «Генерала Корнилова» из Тендровского залива «АГ-23» перешла в Одессу и 13 ноября была направлена в район Севастополя, куда, надо думать, она пришла после ухода последних судов, покинувших внешний рейд поздно вечером 14 ноября. Возможно, что в море она разошлась с эскадренным миноносцем «Пылкий», который до 8 часов утра 15 ноября находился у Евпатории и затем пошел в Константинополь, косвенно являясь прикрытием с запада для транспортов. Посланную из Одессы телеграмму с приказанием выйти на линию Севастополь—Константинополь лодка не приняла из-за неисправности своей радиостанции и, никого не встретив, 18 ноября вернулась в Одессу. Но можно отметить, что экипаж лодки не имел никакой практики, механическое ее состояние оставляло желать много лучшего и сомнительно, чтобы вставленные при помощи клиньев торпеды меньшего, чем диаметр аппаратов, размера могли бы попасть в цель. Все же одно даже появление подводной лодки вблизи шедших иногда с большим трудом транспортов могло причинить немало неприятностей и даже оказаться трагедией.

Б. Карпов

ВТОРОЙ ОТРЯД СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА⁴⁶³

В 1920 году вся наша Белая Русская Армия сосредоточилась в Крыму. Его стратегическое полуостровное положение — слабая связь с материком только тремя узкими перешейками — Перекопским, Чонгарским да Арабатской стрелкой — создавало особенно большую зависимость армии, находящейся в Крыму, от моря, то есть от флота. Все питание армии вооружением и снабжением шло Черным морем из-за границы. Оно могло быть обеспечено только флотом, охранявшим морские пути.

Черноморское и Азовское побережья Крыма могли послужить неприятелю для высадки своих войск во фланг и глубокий тыл нашей армии. Такого рода нападения наша малочисленная армия, сражавшаяся одновременно на перешейках, выдержать ни в коем случае не могла, как не может, впрочем, и никакая армия защищать огромной

длины морское побережье. Поэтому побережье могло быть защищено только флотом, который владел Черным и Азовским морями.

Все надежды на удачный исход кампании справедливо возлагались тогда на выход из Крыма на Мелитополь и на Кубань. Но идти в лоб сильно укрепленным позициям красных на перешейках было невозможно без обходного движения по морю во фланг и тыл этим позициям, а перекинуться на Кубань надо было тоже морем. Сделать это мог тоже только флот.

Наконец, в случае неудачи в самых тяжелых условиях начинающейся дезорганизации вследствие поражения нашей армии спасти ее и связанное с ней гражданское население от поголовного истребления мог тоже только флот. Таково было громаднейшее значение и ответственнейшие задачи флота в 1920 году.

Также велико значение флота было и в 1918-м, 1919 годах, когда также снабжение армии шло морем, переброска войск в Крым, Одессу, Батум и другие порты шла морем, спасена армия в Новороссийске была морем и многие дела были сделаны флотом и на морях, и на реках, но тогда это только не выделялось так ярко, как в Крыму. Не исполни тогда флот хоть одного из этих заданий, наша армия не смогла бы продержаться и одного-двух месяцев и могла бы быть совершенно уничтоженной, между тем как она продержалась целых десять месяцев и благополучно эвакуировалась не по вине флота, который все свои задачи выполнил до конца и дал больше того, что требовалось, отдав часть своих людей в армию. Так, севастопольский флот владел полностью Черным морем, охранял по нему сообщение, блокируя красные суда в Николаеве, Одессе, Новороссийске и не давая им выходить в море. Отряд судов Каркинитского залива поддерживал огнем с моря позиции Перекопа.

Оборону берегов Азовского моря, охрану путей по нему и производство наиболее активных операций нес на себе 2-й отряд судов Черноморского флота под командой контр-адмирала Машукова, а затем контр-адмирала Беренса. Всем же Черноморским флотом командовали последовательно вице-адмирал Ненюков, Саблин, а в последнее, самое тяжелое время вице-адмирал Кедров, который и эвакуировал армию и население так, что ни один человек не был забыт или брошен.

2-й отряд судов Черноморского флота (будем его в дальнейшем для краткости называть Азовским) был сформирован главным образом из коммерческих кораблей, получивших название канонерских лодок, которые были постепенно вооружены шестидюймовыми и четырехдюймовыми пушками. Все это были небольшие старые суда, и

взяты они были потому, что не хотели рисковать дорогостоящими военными кораблями, а последних и так было мало, да и у противника не было других.

Важнейшими из дел 2-го отряда были следующие.

Канонерская лодка «Терец» с января по апрель, претерпев тяжелую зимовку во льдах у Геническа, совместно с 200—300 человек стрелков Сводно-стрелкового полка удерживала наш правый фланг на Арабатской стрелке. Ей помогали в этом канонерская лодка «Грозный» и вооруженный ледокол «Гайдамак».

24 мая весь отряд высадил 2-й армейский корпус генерала Слащева (около 10 тысяч человек, две тысячи лошадей, 40—50 орудий) по плану, составленному начальником Азовского отряда, у деревни Кирилловки. Этот десант, ударив в тыл и фланг 13-й советской армии, дал возможность нашим войскам сравнительно легко выйти из Крыма и разбить наголову эту армию.

24 июня четыре корабля отряда с приданным им миноносцем «Живой» прошли через защитные минные заграждения красных, стоявшие в несколько линий при входе в Таганрогский залив, прошли в тыл за 30 миль от базы красного флота — Мариуполя и высадили десант в 900 человек донских казаков с двумя орудиями и одной бронемашинной у станицы Кривая Коса. Этот отряд благополучно прошел на Дон, поднял там восстание в тылу красных войск, но, к сожалению, был разбит. Руководил им храбрый донской казак полковник Назаров.

1 августа весь отряд произвел высадку Кубанского корпуса у станицы Ахтарской около 8600 штыков и сабель, 26 орудий, 3700 лошадей. Цель десанта была поднять восстание на Кубани и овладеть Екатеринодаром. Она не была достигнута, несмотря на прекрасную высадку, почти без потерь, и первые отличные успехи благодаря переоценке готовности населения к восстанию и потому пренебрежению основными стратегическими требованиями организации десантных операций. В результате этого десанту, увеличившемуся чуть не вдвое за счет присоединившихся казаков и пленных, пришлось отступить на берег моря у Ачуева, где весь десант со всеми его трофеями был спасен от окружавших его превосходных сил красных и благополучно эвакуирован в Крым тем же Азовским отрядом без всяких потерь (было эвакуировано 17 500 человек, 7890 лошадей, 42 орудия). Таковы были главнейшие совместные действия Азовского отряда с Русской Армией.

Но не менее важно было то, что он все время блокировал неприятельский флот в устье Таганрогского залива, то есть не давал ему

выйти в Азовское море, благодаря чему пути по этому морю были открыты для всех этих операций и для перевозки военных и коммерческих грузов, а берега были надежно защищены от десантов неприятеля. Кроме перечисленных дел, было много других, как то: мелких высадок, нападений на порты неприятеля со входом в их гавани, даже в самую базу красных — Мариуполь с порчею крупных и захватом мелких их судов, обстрелов укрепленных пунктов, поддержки фланга нашей армии, эвакуаций частей армии с Кавказского побережья, боев отдельных наших кораблей с красными, всегда кончавшихся их убегаением за свои мины и батареи и т. д., и, наконец, эвакуация Донского корпуса, 35 тысяч человек из Керчи 3 ноября 1920 года. Но самым интересным, в смысле морском, был бой 2—15 сентября 1920 года части нашего отряда со всей красной флотилией, чему как раз исполняется теперь десять лет.

К этому времени на стороне красных были такие же корабли, как и у нас, но несколько сильнее вооруженные, пятидюймовыми дальнобойными орудиями числом шесть с бортовым залпом в 12 или 13 орудий. В нашем отряде было в ту пору тоже шесть кораблей, но с бортовым залпом в 9 орудий (шестидюймовые, 4,7-дюймовые и четырехдюймовые). Преимущество в ходе было на нашей стороне на 1—1½ узла.

Команды кораблей у нас были почти сплошь неопытные добровольцы из гимназистов, студентов, донских казаков и сухопутных офицеров, и только большинство машинных команд да кое-где отдельные матросы были из коммерческого флота. Офицеры были военного флота и коммерческого. Снарядов было мало, мин заграждения и мин Уайтхеда не было вовсе.

Наши комендоры из сухопутных офицеров и казаков могли стрелять сносно с некачающегося и неподвижного корабля, но на качке и на ходу им было очень трудно, так как никакой серьезной подготовки для этого мы дать не могли за отсутствием для практических стрельб снарядов и времени. Учились они прямо на неприятеле в случайных одиночных боях. Зато дух команд был превосходный.

На стороне красных было мало флотских офицеров, зато корабли были укомплектованы матросами военного флота, имели большой запас снарядов и мин заграждения. Их комендоры должны были бы превосходить наших умением, и вообще материальные возможности их были значительно шире, то есть за ними была вся Россия, а за нами опустошенный немцами и союзниками один Севастополь. Их дух был ниже нашего.

28 августа 1920 года Азовский отряд, после почти непрерывного своего пребывания в море, возвратился в Керчь — нашу базу. Все наши корабли требовали немедленного ремонта своих старых, расхлябанных машин и котлов. Некоторые суда пробыли непрерывно в море более тридцати суток. Канонерская лодка «Алтай» подорвалась на mine и вовсе вышла из строя. В отряде оставалось всего шесть кораблей. К нам был прикомандирован для разведочной службы миноносец «Зоркий» старого типа с двумя 75-мм пушками, минными аппаратами без мин и испорченной машиной, не дававшей более 12 узлов хода.

30 августа, когда все суда были заняты ремонтом, окончание которого предполагалось числа 5—8 сентября, Азовскому отряду было приказано немедленно выйти в море в охрану торговых кораблей, идущих перевозить зерно, необходимое для армии, из Генчешка и деревни Цареводаровки в Крым. Несмотря на то что мы могли тогда послать только часть судов, так как остальные не могли успеть собрать даже наскоро своих ремонтирующихся машин, приказание было подтверждено командующим флотом вице-адмиралом Саблиным, и нам было добавлено задание осмотреть Бердянск, в котором, по агентурным сведениям, красные собирали десантные средства против нас. Нам было приказано их уничтожить.

Поэтому в 2 часа ночи 31 августа в море вышли канонерские лодки «Урал» (под брeйд-вымпелом начальника дивизиона) и «Салгир» (по два шестидюймовых орудия на каждом корабле), ледоколы «Гайдамак» (1 — шестидюймовое орудие 2 — 75-мм), «Джигит» (1 — 100-мм и 2 — 75-мм), невооруженный тральщик «Дмитрий Герой», вооруженный катер «Петрель» (1 — 75-мм орудие) и «Зоркий».

1 сентября на рассвете отряд подошел к Бердянску, и под прикрытием огня «Урала» и «Салгира» «Петрель» вошел в гавань, осмотрел ее и, не найдя никаких десантных средств, вернулся. К ночи отряд перешел к Цареводаровке, где грузили зерно наши пароходы, и стал на якорь в 10 милях к югу от нее в полной боевой готовности. В 10 милях к востоку был выставлен дозор из «Гайдамака» и «Зоркого» для наблюдения пути из Мариуполя. Вечером около 19 часов 1 сентября «Гайдамак» доносил, что видит дым со стороны Мариуполя, который скрылся в темноте.

Ночь стояла темная и тихая. Перед рассветом потянул северо-западный ветер. В 6 часов 30 минут утра в предрассветной мгле с наших судов был замечен отряд красных судов слева от нас, шедший вдоль берега и повернувший на нас, который сейчас же открыл по

нас огонь с расстояния около 60 кабельтовых. Мы немедленно снялись с якоря и легли на курс NW на сближение и пересечку курса неприятеля, дабы зайти ему в голову и таким образом бить его анфиладным огнем вдоль линии его кильватера. Неприятеля видно было восемь кораблей — шесть больших и два малых. Тактическое преимущество наше при таком положении не давало ему возможности развернуть против нас всей силы своего огня — 12—13 тяжелых орудий против наших 4 шестидюймовых, и можно было надеяться на то, что мы заставим его отойти к W от Цареводаровки и не пустим его к Мариуполю.

Действительно, через 50 минут боя, в 7 часов 30 минут в строю неприятеля произошло замешательство и он стал последовательно ворочать на WSW. Это дало нам возможность усиленно бить его в точке поворота, в которой подходили по очереди его корабли, и было заметно, как третий его корабль не выдержал нашего огня и повернул раньше, а затем красные сбились в кучу и стали быстро уходить на WSW. К несчастью, на «Урале» — головном в нашем отряде — в этот момент заклинило одно шестидюймовое орудие, что не давало развить полного огня. Были ли у красных повреждения в эту фазу боя, нельзя было установить. Таким образом, в первом бою шесть красных кораблей, можно сказать, бежали от наших двух, так как «Джигит» не участвовал в бою из-за мелкости места. По окончании первого боя «Урал» и «Салгир» несколько задержались, идя малым ходом на юг, вслед уходящим красным, ожидая подхода «Джигита» и «Гайдамака» с «Зорким» для преследования неприятеля. Но подойти они могли не раньше чем через полтора часа. В утреннем бою мы никаких потерь не понесли, кроме мелких повреждений дымовой трубы «Салгира».

Соединившись около 9 часов с «Гайдамаком», «Джигитом» и «Зорким», мы легли на курс S. В это время неприятель шел далеко впереди нас, вправо и тоже курсом S. Мы дали полный ход и стали его нагонять. «Зоркий» был послан вперед с приказанием зайти в голову красным и в случае поворота их на O делать демонстративные минные атаки (мин у него не было), чтобы задержать их, не дать пересечь нам курса и не выпустить их к Мариуполю.

Около 10 часов неприятель повернул строем фронта на O. Мы продолжали идти тем же курсом на сближение. В 10 часов 30 минут расстояние уменьшилось до 60 кабельтовых. Мы открыли редкий огонь, чтобы заставить его повернуть снова на S, что он вскоре и сделал и лег кильватерной колонной на курс SSO, открыв тоже огонь на нас. Мы легли на параллельный курс.

Расстояние было большое, наш ход был около семи узлов, и неприятель в невыгодном для нас положении — впереди нас. Нам надо было, не сближаясь, пользуясь своим преимуществом в ходе в один-полтора узла, выйти снова противнику в голову.

Поэтому мы оставались на параллельном с ним курсе и редким огнем не давали красным приблизиться к нам. Они отвечали частыми залпами. Была небольшая качка, и их снаряды все время ложились то перелетами, то недолетами.

Попаданий не было ни с той ни с другой стороны. Между тем осталось после утреннего боя на «Урале» и «Салгире» по 40 на пушку и по 100 на «Гайдамаке» и «Джигите». Поэтому мы давали по очереди с каждого корабля залпы через пять минут, корабль за кораблем. Наконец, около одиннадцати с половиной часов мы почти догнали неприятеля, и наш головной поравнялся с их третьим кораблем. Тогда неприятель повернул на сближение. Мы же продолжали идти тем же курсом, чтобы выиграть еще сколько можно для захода ему в голову. С этого момента оба противника прекратили огонь — берегли снаряды к решительному удару.

Около 12 часов 10 минут расстояние уменьшилось до 45 кабельтовых. В 12 часов 15 минут «Гайдамак» попал во второй с хвоста неприятельской колонны корабль — лучшее их судно ледокол № 4, — и он вместе с концевым кораблем, которого, по-видимому, буксировал, вышел из строя в облаке пара. На наших кораблях ликование. Усилили огонь, но все время стреляем каждый по своему визави.

В 12 часов 30 минут в «Салгир», шедший вторым в нашей колонне, попадает в правый борт у ватерлинии два пятидюймовых снаряда одновременно. Он сильно кренится на правый борт и прекращает огонь, но держится в строю. У нас остается четыре пушки против 9—10 неприятельских. Снарядов остается совсем мало — по 20 на пушку у «Урала» и несколько больше у ледоколов, стреляющих чаще. Расстояние 36 кабельтовых — в бинокль видны люди на мостиках неприятельских судов. Сближаемся, чтобы добиться результатов стрельбы — ей сильно мешает небольшая качка и неопытность наводчиков-комендоров.

В 12 часов 40 минут у «Салгира» сдала водонепроницаемая переборка, отделявшая машину от затопленного кормового трюма, и корабль тонет. «Урал», шедший головным, под сосредоточенным огнем неприятеля, стопорит машину, дает подойти «Салгиру» к своему левому борту и снимает с него оставшиеся снаряды и людей. Море кипит от неприятельских снарядов вокруг кораблей, но попаданий больше нет.

Последним переходит командир уже по приказанию начальника дивизиона, чуть не насильно взятый, так как он ни за что не хотел переходить, желая разделить участь корабля. На «Салгире» машина продолжает работать, и руль, положенный право, увлекает его в сторону неприятеля. Он описывает полукруг и тонет с поднятым флагом.

Теперь мы поворачиваем на сближение, и расстояние быстро уменьшается до 32—33 кабельтовых. Через несколько минут противник не выдерживает и поворачивает от нас. Тогда мы в 12 часов 55 минут поворачиваем все вдруг на четыре румба влево и, отойдя так 10—15 кабельтовых, ложимся на Керчь. Мы расходимся под прикрытием арьбергартного огня «Гайдамака». На «Урале» израсходованы почти все заряды. Около 13 часов 30 минут мы вышли из боя. Неприятель повернул на S и, не сближаясь с нами, продолжал идти так до 15 часов, когда, не видя больше опасности нашего возвращения к его подбитому кораблю, повернул на обратный курс NO и пошел в Мариуполь. «Зоркий» за время боя два раза ходил в демонстративную атаку и сбивал на короткое время неприятельскую пристрелку по нас.

К сожалению, в этом бою мы не смогли уничтожить противника. Мы потеряли один корабль, который могли легко заменить другим; красные — свой лучший корабль, сильно поврежденным. В утреннем бою неприятель превосходил нас силами втрое, но был нами обращен в бегство и не допущен к Цареводаровке. В дневном бою он превосходил нас вдвое и значительно числом снарядов, которых не жалел, но бой материально кончился вничью, так как у нас не хватало снарядов.

Однако морально он оказал такое действие на красных, что с тех пор красные корабли никогда больше до самого конца кампании не показывались в Азовском море. Они были теперь надежно заблокированы. Этот результат можно приписать только высокому духу офицеров и команд наших кораблей и еще раз повторить, что на войне побеждает не число и материя, но дух и умение, а особенно в гражданской войне.

Командирами кораблей в этом бою были: «Урала» — капитан 2-го ранга Веревошкин⁴⁶⁴, «Салгира» — старший лейтенант Вирен, «Гайдамака» — старший лейтенант Новиков и «Джигита» — старший лейтенант Болотин. Всем дивизионом командовал капитан 2-го ранга Карпов.

2 сентября 1920 года Андреевский флаг в последний раз гордо развевался среди грохота неприятельских снарядов и боевого дыма верных России кораблей. Но верим и страстно желаем, чтобы он снова взвился и под своей сенью повел бы нас — русских моряков на освобождение Родины.

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ «ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ» И ИСТОРИЯ ЕГО ПУШЕК⁴⁶⁵

17 октября (н. ст.) 1919 года англичане привели в Севастополь захваченный ими линейный корабль «Воля» (бывший «Император Александр III») и вернули его русскому командованию. В честь основателя Добровольческой армии кораблю было присвоено наименование «Генерал Алексеев». Находился корабль в довольно запущенном состоянии, но котлы и машины были в исправности. Артиллерийская часть тоже была в порядке, лишь 2-я башня не поворачивалась, так как под ней были треснувшие стальные шары. При отсутствии специалистов, знающих устройство всех сложных приборов и механизмов и умеющих ими пользоваться, сформировать команду и привести все в порядок было нелегким делом, за которое взялись назначенные в большем количестве, чем полагалось по штату, опытные офицеры. В это время Добровольческая армия вела наступление на Москву, и казалось, что в Черном море боевых операций больше не будет. В связи с этим спешное вступление в строй «Генерала Алексеева» не представляло насущной необходимости. Но военное счастье изменило добровольцам, белые армии покатались назад, и 4 января 1920 года красные части, заняв Мариуполь, достигли Азовского моря. Был потерян Донецкий бассейн, и в Севастополе наступил угольный кризис. Имевшихся запасов угля едва хватало посылаемым для защиты крымских перешейков малым судам, и не могло быть и речи о том, чтобы дать дредноуту сотни тонн угля, которые пожирала его топка. Нефти не было совсем. Вопрос с углем был разрешен покупкой его за границей лишь к лету 1920 года.

В июне 1920 года окрепшая в Крыму армия генерала Врангеля с помощью высаженного флотом 6 июня в Азовском море десанта вышла на просторы северной Таврии. Следующим этапом наступления должна была быть Заднепровская операция, для облегчения которой флот получил задачу войти в Днепро-Бугский лиман и оказать содействие наступавшим войскам. Аналогичная операция была осуществлена флотом в 1919 году сравнительно слабыми силами. Но в 1920 году, как установили рекогносцировки, батареи Очаковской крепости, запиравшие вход в лиман, были гораздо сильнее, и красные успели, кроме того, сорганизовать флотилию из двух, потом трех, вооруженных 150-мм орудиями плавучих батарей и малых во-

оруженных пароходов. Из Балтийского моря были доставлены мины, и с 17 июля красные начали ставить заграждения на подходах к Очакову и Одессе.

Ввиду этих обстоятельств было решено сосредоточить у Очакова все наличные силы флота, оставив в Азовском море 2-й отряд, а для уничтожения хорошо укрытых красных батарей использовать 305-мм орудия «Генерала Алексеева». В соответствии с этим надо было довести численность команды до необходимой нормы. Для этого были использованы школы специалистов, флотский экипаж и, так как этого было все же недостаточно, 300 новобранцев из северной Таврии, образовавших кочегарную роту. Кроме того, полурота гардемарин Морского корпуса была взята для несения на корабле караульной службы и как ординарцы штаба, а рота «морских стрелков» — для высадки десанта. Судовые офицеры разрывались на части, чтобы в несколько дней привести все в порядок, принять уголь, боевой запас и все припасы.

31 июля под флагом командующего флотом вице-адмирала Саблина «Генерал Алексеев» в сопровождении подводной лодки «Тюлень» и яхты «Лукулл» вышел в море. Ход был от 6 до 10 узлов, в зависимости от способностей «кочегаров». После полудня следующего дня, в восьми милях от Тендровского маяка, корабль был встречен дивизионом из четырех тральщиков, которые провели его за тралями до места стоянки 1-го отряда в Тендровском заливе. Здесь находились крейсер «Генерал Корнилов», под брейд-вымпелом начальника отряда капитана 1-го ранга Федяевского, эскадренные миноносцы «Дерзкий» и «Капитан Сакен» и сторожевые катера. 3-й отряд в составе канонерских лодок «Кача» и «Альма» и трех вооруженных барж стоял у Покровки, в Егорлыцком заливе, отделенном от лимана лишь узкой полоской земли. Подводная лодка «Тюлень» была послана для блокады Одессы, где она сменила «Утку». На Тендровской косе была организована база гидросамолетов, куда был отправлен прибывший на «Генерале Алексееве» аппарат.

2 августа тральщики произвели контрольное траление в сторону Очакова и у конца протраленного пространства был оставлен в дозоре «Бакан». На следующее утро «Генерал Алексеев», следуя за тральщиками, подошел ближе к берегу и стал на якорь в 18 тысячах метров (97 кабельтовых) от находящегося у входа в лиман Николаевского острова, на котором красные установили 130-мм батарею. На Кинбурнской косе против Очакова и Николаевского острова был оборудован наблюдательный пункт, связанный телефоном со стоявшей в Егорлыцком заливе вооруженной баржей «Б-1»,

которая по радиотелеграфу должна была передавать корректировку на стрелявшие корабли.

В 10 часов «Генерал Алексеев» открыл по Николаевской батарее огонь одиночными выстрелами из носовой башни. Всего в этот день был произведен 21 выстрел, причем шесть или семь снарядов попали в остров, вызвав на нем сильный взрыв. По сообщению начальника дивизиона вооруженных барж старшего лейтенанта Реймерса, корректировавшего стрельбу, прислуга батареи покинула остров. Если это сведение соответствовало действительности, можно удивляться тому, что остров не был занят десантом из Покровки, где была высажена рота «морских стрелков» и находилась десантная рота с крейсера «Генерал Корнилов».

4 августа по протраленному накануне фарватеру к Березанскому лиману «Генерал Алексеев» подошел ближе к Очакову и, развернувшись с помощью двух тральщиков, стал на кормовой и носовой якоря бортом к берегу. К этому же месту подошел и «Генерал Корнилов». Во второй половине дня линейный корабль открыл огонь по 150-мм батарее «канэ», но сделал лишь семь выстрелов; так как связь с наблюдательным пунктом все время нарушалась радиопомехами красной станции. В дальнейшем для упразднения передаточной инстанции на Кинбурнскую косу была отправлена радиостанция малой мощности. На ночь корабли остались на том же месте под охраной ходивших кругом тральщиков и сторожевых катеров.

После 14 часов «Генерал Алексеев» открыл огонь по батарее кане, и его стрельбу, кроме наблюдательного пункта, корректировали также и с крейсера «Генерал Корнилов». В этот день был произведен 21 выстрел. Стоявшая за Николаевским островом и невидимая с моря плавающая батарея красных открыла огонь из 150-мм орудий по наблюдательному пункту на Кинбурнской косе, но после трех выстрелов с «Генерала Алексеева» и нескольких залпов «Генерала Корнилова» по ее предполагаемой позиции она замолчала. За действиями кораблей красные наблюдали с аэростата, привязанного, вероятно, к автомобилю, так как он часто менял свое место, и это исключало возможность уничтожения его артиллерийским огнем; доставленный же на Тендру гидросамолет никак не мог оторваться от воды.

6 августа утром «Генерал Алексеев» продолжал обстрел батареи «канэ» из своей третьей башни. Орудия стреляли по готовности, но из-за неопытности прислуги все время происходили разного рода задержки. Башня произвела 29 выстрелов с хорошими результатами: снаряды падали и разрывались в районе цели, вздымая огромные столбы земли, и на батарее было отмечено три взрыва. Около по-

лудня из-за Николаевского острова полным ходом вынесся вооруженный 75-мм орудием буксир и открыл огонь по наблюдательному пункту на косе. «Генерал Алексеев» произвел по буксиру шесть выстрелов, но буксир, повернув назад, быстро вышел из поля зрения комендоров. Во второй половине дня первая башня продолжала обстрел батареи, но после 21-го выстрела старший лейтенант Реймерс телеграфировал, что он считает эту батарею совершенно разбитой. Огонь был тогда перенесен на предполагаемые места других батарей, по которым было сделано еще 17 выстрелов.

В связи с начавшимся наступлением Красной армии и переправой красных частей на левый берег Днепра в районе Алешек, флот получил приказание произвести демонстрацию высадки десанта. Утром 7 августа крейсер «Генерал Корнилов», следуя за тральщиками, подошел на девять тысяч метров (50 кабельтовых) к Очакову. Канонерские лодки «Кача» и «Альма», демонстрируя прорыв в лиман, идя от Березани, прошли мимо Очакова всего лишь в трех милях и обстреляли батареи беглым огнем. Чтобы вызвать ответный огонь батарей и тем обнаружить места уцелевших орудий, «Кача» прошла еще раз под берегом туда и назад, потом «Альма» с близкой дистанции снова обстреляла Очаковскую батарею, и к берегу был послан тральщик «Язон». Весь день «Генерал Алексеев» и «Генерал Корнилов» держались наготове, но красные батареи упорно молчали. Как выяснилось впоследствии, ввиду невозможности бороться с дредноутом и для избежания потерь, прислуга батарей днем их покидала и возвращалась лишь после окончания бомбардировки, исправляя по ночам разрушения. Можно предположить, что в этот день прорыв канонерских лодок в лиман был возможен с той лишь поправкой, что им пришлось бы еще вступить в бой с красной флотилией и быть отрезанными от базы снабжения до занятия берегов нашими войсками. Вместе с тем командующий флотом получил из Ставки телеграмму, в которой говорилось, что в ближайшем будущем выполнять Заднепровскую операцию не предполагается; это исключало надобность прорыва кораблей в лиман. В связи с этим, продолжая до самой эвакуации тесную блокаду Очаково-Одесского района, бомбардировки и демонстрации высадки десантов, флот мог сократить действующие силы. 8 августа на яхте «Лукулл» вице-адмирал Саблин отбыл в Севастополь, 18-го в сопровождении «Капитана Сакена» туда же вернулся и «Генерал Алексеев».

В дальнейшем «Генерал Алексеев» в море больше не выходил и стоял на бочке в Северной бухте. В день отдачи приказа об эвакуа-

ции Крыма, 10 ноября, для ускорения приемки запасов из порта буксиры подвели его кормой к пристани в Корабельной бухте. Воспользовавшись приказом генерала Врангеля о добровольности эвакуации, большинство чинов команды линейного корабля, состоявшей из мобилизованных, ушло на берег, и, в частности, настоящих кочегаров осталось всего лишь восемь человек. Двое суток день и ночь шла погрузка угля, всевозможных запасов из портовых складов, имущества Морского корпуса и пассажиров. К погрузке были привлечены гардемарины и кадеты Морского корпуса и артели, сформированные из офицеров всех родов войск. Вся палуба была загромождена горой ящиков, тюков и мешков, и в наскоро построенной загородке мычали принадлежащие корпусу десять коров и блеяли сто баранов. К сожалению, полного запаса котельной воды корабль не получил.

13 ноября в 7 часов «Генерал Алексеев» вышел на внешний рейд и стал на якорь против Стрелецкой бухты. На борту находились 2086 пассажиров, персонал и кадеты Морского корпуса, полурота гардемаринов и юнкера Атаманского училища⁴⁶⁶. Для предстоящего перехода в Константинополь были приняты меры к пополнению команды: на трубах и у камбуза был вывешен приказ командира корабля, призывавший работоспособных пассажиров записываться у ревизора на предмет зачисления в команду, и в этом случае им будет выдаваться корабельный паек. Явившиеся строем чубатые атаманцы были посланы в помощь восьми кочегарам и нескольким инженерам-механикам, стоявшим у котлов. Из гардемаринов и кадет Морского корпуса была образована сигнальная вахта, и, ввиду опасения саботажа, гардемарины были поставлены часовыми во всех жизненных частях корабля, включая кочегарку.

В 22 часа 15 минут «Генерал Алексеев» снялся с якоря и взял курс на Константинополь. Ход не превышал пяти узлов, с остановками, когда требовалось чистить топки. Ночью «Генерал Алексеев» лег на обратный курс, чтобы идти на помощь столкнувшемуся с болгарским пароходом транспорту «Кронштадт», который растерял шедших у него на буксире миноносцев «Жаркий» и три катера. Вскоре «Генерал Алексеев» получил приказание продолжать свой первоначальный путь.

Утром 16 ноября, на третий день плавания «Генерал Алексеев» подошел к Босфору и стал на якорь в шести милях от входного маяка. С одной стороны, не хватало котельной воды, но, кроме того, принимая во внимание сильное течение в проливе, было опасение, что, имея черепаший ход, дрейфует не сможет управляться. К этому надо добавить, что все восемь кочегаров буквально свалились с ног. Была

сделана попытка вести «Генерала Алексева» дальше на буксире уже возвращавшегося из Константинополя ледокола «Илья Муромец», но из этого ничего не получилось: несмотря на свои 3100 тонн, «Илья Муромец» не мог удержать дрейф на курсе, и при разворачивании последний инерцией своей массы тащил ледокол вспять! Оставалось лишь одно решение: взяв с ледокола сколько можно воды, дать кочегарам и инженерам-механикам хорошенько выспаться, а затем идти самостоятельно. На следующий день, нагнав пару, «Генерал Алексеев» 10-узловым ходом прошел Босфор и после 18 часов стал на якорь в Мраморном море, на рейде Мода, где собирались все русские суда.

В Константинополе, готовясь к дальнему переходу, корабль был освобожден от пассажиров. Остался лишь персонал Морского корпуса и кадетская рота. Гардемарины были переведены на стоявшее здесь без команды учебное судно «Свобода». Экипаж «Генерала Алексева» был усилен командами с демобилизованных частновладельческих судов и других, которые временно оставались в Константинополе. От французского командования был получен полный запас угля и 500 тонн нефти для снабжения в походе миноносцев. В знак того, что корабли эскадры находились под покровительством Франции, на фок-мачте был поднят французский флаг.

8 декабря первая группа судов в составе «Генерала Алексева», транспорта-мастерской «Кронштадт», угольщика «Даланд» («Форос») и дивизиона нефтяных миноносцев ушла с рейда Мода. Зайдя в бухту Наварин, где «Генерал Алексеев» снабдил миноносцы нефтью, 27 декабря 1920 года он пришел в Бизерту и стал на якорь во внутреннем озере, закончив свой последний поход.

По требованию французских властей, для уменьшения расходов, команды судов Русской эскадры были сокращены и часть моряков была переведена в лагерь, на беженское положение. Но еще в течение почти четырех лет эскадра продолжала жить, а переведенный в старый форт Морской корпус возобновил занятия. На «Генерале Алексееве» были организованы артиллерийские классы для молодых офицеров, и оставшиеся на кораблях команды, главным образом офицеры и охотники флота, поддерживаемые надеждой еще послужить во славу Андреевского флага, содержали свои корабли в порядке и производили текущий ремонт. Снаряды, заряды и торпеды были сданы в арсенал Сиди Абдаллах. Французы дали возможность ввести «Генерала Алексева» в сухой док, где силами команды его огромное днище было очищено от водорослей и выкрашено. Но команды постепенно все сокращались, и под конец на «Генерале Алексееве» осталось лишь несколько десятков человек. 29 октября 1924 года, в

связи с признанием Францией советского правительства, на эскадре были спущены Андреевские флаги. В последующие дни корабли были переданы на хранение французам и последние русские офицеры и матросы их покинули.

Французское правительство считало корабли эскадры собственностью России, какое бы там ни было правительство. В связи с этим положением в конце декабря в Бизерту прибыла советская комиссия для ознакомления с состоянием кораблей на предмет их возможной буксировки в Черное море. Председателем комиссии был известный профессор-кораблестроитель А.Н. Крылов⁴⁶⁷, а его помощником — бывший контр-адмирал Е.А. Беренс⁴⁶⁸, брат последнего командующего эскадрой. После осмотра кораблей комиссия признала, что «Генерал Алексеев», шесть нефтяных миноносцев и четыре подводные лодки еще имеют боевое значение и есть смысл отбуксировать их в Черное море для ремонта. Что же касается крейсера «Генерал Корнилов» и прочих более старых судов, комиссия признала более практичным продать их на слом на месте. Но французское правительство связывало возвращение кораблей с признанием советским правительством долгов по займам, сделанным Россией до революции; споры об этом затянулись на многие годы, корабли же в это время ржавели, требуя все же кое-какого ухода, чтобы не затонуть.

В связи с решением советской комиссии 28 октября 1929 года французы продали признанные негодными суда местной фирме, которая, между прочим, разбирала и некоторые корабли австрийского флота. В конце концов, отчаявшись добиться положительных результатов в переговорах о долгах, французское правительство приняло в 1933 году решение продать и оставшиеся корабли, внося полученную таким образом сумму в счет русского долга. В 1934 году «Генерал Алексеев», последний корабль Русской эскадры в Бизерте, был продан на слом, с условием, что его орудия и кое-какие приборы останутся собственностью Франции и будут доставлены в арсенал Сиди Абдаллах. Разборка и разрушение дредноута начались не сразу и были завершены лишь в 1937 году, но история корабля этим еще не закончилась.

Через четыре месяца после начала европейской войны, 30 ноября 1939 года Красная армия атаковала Финляндию. Под давлением общественного мнения западных стран Франция и Англия начали предпринимать некоторые меры для оказания помощи финнам. В январе 1940 года французское правительство согласилось уступить Финляндии 305-мм орудия «Генерала Алексеева», для которых у финнов были снаряды, оставшиеся после ухода Балтийского флота из Гельсингфор-

са в 1918 году. Ввиду того что балтийские проливы контролировались немецким флотом перевозка орудий должна была быть осуществлена финскими пароходами. Для уменьшения риска потери сразу всех орудий, всегда возможной по обстоятельствам войны, они были разделены на три партии, по четыре орудия в каждой.

Первая партия была погружена на пароход «Жюлиетт», который вышел из Бизерты 29 января 1940 г. «Жюлиетт» особенно не торопилась и, заходя в попутные порты для совершения коммерческих операций, пришла на английский контроль для нейтральных пароходов на рейде Доунс в Северном море, лишь когда 13 марта 1940 года советско-финская война была уже закончена. Французы потребовали тогда возвращения находившихся на борту «Жюлиетт» орудий, но после переговоров отказались от своей претензии, и «Жюлиетт» получила разрешение идти в Финляндию. Но накануне ухода она была сильно повреждена наскочившим на нее английским пароходом, что потребовало месячного ремонта. В течение этого времени немецкие войска вторглись в Норвегию, что опять поставило под вопрос ее дальнейшее плавание. Через некоторое время англичане все же разрешили «Жюлиетт» идти дальше, но не в Балтийское море, а в Печенгу (Петсамо), которая уже несколько месяцев как была присоединена к Советскому Союзу! Капитан парохода вместо Печенги зашел в пограничный норвежский порт, где выгрузил предназначенный для Финляндии груз, кроме орудий, так как здесь не было крана, способного поднять 48-тонные орудия. Лишь в августе «Жюлиетт» получила распоряжение идти кругом Норвегии в Балтийское море. Вероятно, для сокрытия орудий от нескромных взоров в трюм была насыпана тысяча тонн зерна. 8 сентября пароход наконец пришел в Або, и капитан смог сдать свой груз представителю финского командования.

Второй пароход, «Карл Эрик» ушел из Бизерты через неделю после «Жюлиетт», но его плавание прошло без приключений; пройдя английский контроль, он успел проскочить в Балтийское море до начала Скандинавской операции немцев и пришел в Або через несколько дней после заключения перемирия с СССР.

Дальнейшая судьба доставленных в Финляндию восьми орудий «Генерала Алексева» осталась пока невыясненной. Не исключается возможность того, что во время второй советско-финской войны они могли быть где-либо установлены, но в описаниях военных действий о финских батареях столь крупного калибра нет нигде никаких сведений, и можно поэтому предположить, что они не были использованы.

Последняя партия орудий была погружена на пароход «Нина», вышедший из Бизерты 26 февраля. В день нападения немцев на Норвегию пароход находился в Бергене, где был ими задержан и потом направлен в Германию. С согласия ли финских властей, или не спрашивая их разрешения, орудия были выгружены и посланы на завод Круппа для приспособления к установке на береговой батарее. О дальнейшем известный французский военно-морской историк Г. Ле Массон сообщил следующее: «Из четырех орудий русского корабля была сформирована батарея с морской командой, получившая название «Мирус», кажется — по имени одного известного в Германии морского артиллерийского офицера. Батарея была предназначена для защиты острова Гернзей, группы Англо-нормандских островов, и была установлена на возвышенности у бухты Перелле. Четыре орудия стояли вдали одно от другого и были хорошо закамуфлированы под видом построек фермы с соломенными крышами. Каждое орудие было независимо от других, и в железобетонных подземных помещениях с хорошей вентиляцией и центральным отоплением находились казармы для прислуги, санитарная часть, погреба для боевого запаса и группа дизель-динамо, дававшая ток для освещения и для действия электромоторов, обслуживавших орудия. Лафет позволял большой угол возвышения, при котором нормальная дальность стрельбы была в 28 тысяч метров с возможным максимумом в 30 тысяч метров. Не считая пробных и учебных стрельб, батарея, по-видимому, ни разу не стреляла по противнику. После войны она была разобрана англичанами и ее орудия пошли как железный лом в переплавку».

На этом кончается история корабля, волею судеб имевшего четыре названия и носившего пять различных флагов!

*В. Григорков*⁴⁶⁹

**ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА КРЕЙСЕРА 2-ГО РАНГА
«АЛМАЗ» О ПОХОДЕ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ К БЕРЕГАМ
КАВКАЗА В ОКТЯБРЕ Н. СТ. 1920 ГОДА**⁴⁷⁰

*И. о. командующего Черноморским флотом
23 сентября/6 октября 1920 г. № 531 (оп.) с. Севастополь*

Настоящая копия донесения была получена в ноябре 1962 года от контр-адмирала Н.Н. Машукова. В ней были сделаны некоторые добавления по памяти (помещены между скобками).

Совершенно секретно

Командиру вспомогательного крейсера «Алмаз»

Предлагаю с получением сего выйти в район Гагры—Адлер для охраны, совместно с посланной уже туда подводной лодкой «Утка», операции погрузки людей, лошадей и грузов у Адлера. Старшим начальником в этой операции назначаетесь Вы, причем эти обязанности по приходе имеете принять от командира транспорта «Сарыч».

Старшим транспортным офицером назначен старший лейтенант Булашевич.

Суда в Вашем подчинении: подводная лодка «Утка», транспорты «Дон», «Сарыч», «Крым» (из Керчи), «Ялта», п/х «Аскольд», буксир «Доброволец» (из Керчи) и болиндер (из Керчи).

Все указания по погрузке и обстановке в районе имеете получить от генерала Фостикова, в распоряжение которого через Вас, как старшего морского начальника, поступают все боевые и транспортные суда, посланные для операции. При исполнении настоящего поручения иметь в виду следующее:

1) Боевым судам избегать захода в территориальные воды Грузии, причем между рекою Псоу и Адлером находится нейтральная полоса (между Советроссией и Грузией), севернее же Адлера территория занята красными.

2) При сношениях с грузинами соблюдать полную корректность.

3) Боевым судам быть готовыми поддержать огнем наши части на берегу.

4) Всем транспортам поднять на корме во время операции вместо транспортных национальные флаги.

5) По погрузке транспортам следовать в Феодосию.

6) Два раза в сутки доносить по радио в Севастополь оперативную обстановку в районе и о ходе погрузки.

7) В случае встречи в море с турецкой (кемалистов) канонерской лодкой «Алдин-Рейсс», вышедшей из Трапезунда 19 сентября н. ст. в море, Главнокомандующий приказал ее захватить; это же предписание имеет и командир подводной лодки «Утка».

Эта канонерская лодка, по сведениям, вышла в Туапсе с военным грузом для красных.

8) Ко времени Вашего прихода на место там будут подводная лодка «Утка», транспорт «Сарыч» и п/х «Аскольд».

9) Содержание настоящего предписания доложите генералу Фостикову и сообщите командиру подводной лодки «Утка» и комендантам транспортов, в части их касающейся.

Контр-адмирал *Николя*

За флаг-капитана оперативной части капитан 2-го ранга *Бачманов*

*Командир крейсера 2-го ранга «Алмаз»
Октября 12/25 1920 г. № 3461 рейд Феодосийский*

Командующему Черноморским флотом

РАПОРТ

Доношу Вашему Превосходительству, что предписание Ваше за № 531 (оп.) с., коим я назначался старшим морским начальником в операции вывоза из района Адлера отряда генерала Фостикова, было мною получено 23 сентября/6 октября 1920 года.

(Здесь в копии контр-адмирала Машукова довольно большой пропуск. Дополняю по памяти: в тот же день на крейсер прибыли присланные генералом Фостиковым через Батум генерал-майор Муравьев и полковник Улагай, которые осветили мне обстановку. Из порта были приняты одно трехдюймовое полевое орудие с патронами к нему и 200 тысяч ружейных патронов для снабжения отряда генерала Фостикова. 24 сентября/7 октября утром я снялся с бочек против Графской пристани и вышел по назначению.)

Пройдя около 15 часов Сарыч, я встретил свежий NOst, который постепенно усиливался и к вечеру достиг силы шторма.

(На «Алмазе» погрузка угля производится, как на многих яхтах, через порты, проделанные в борту. Все резиновые прокладки, за неимением таковых в порту, были заменены жгутами из пакли. При сильном волнении вода проникала в угольные ямы, а оттуда — в кочегарки. Помпы для выкачивания воды были забиты углем и не действовали. Крейсер получил крен на левый борт.)

Пришлось изменить курс и зайти в Ялту. На переход в 17 миль я потратил более 5 часов, так как кочегары укачались и пар сел до 40—50 фунтов.

(25 сентября/8 октября утром я пришел в Ялту и стал сначала на якорь на рейде. Волнение было сильное, и пришлось отдать два якоря. Под вечер я вошел в гавань Ялты и ошвартовался у мола. Дни 25-го и 26 сентября, после отдыха, данного машинной коман-

де, были потрачены на очистку кочегарок от угля и приведение в порядок помп.)

27 сентября/10 октября, утром, снялся со швартовов и вышел по назначению. На следующее утро, подходя к Сочи, я был обстрелян неприятельской батареей, стоявшей в группе деревьев, направо от гостиницы «Ривьера», на пригорке, на правом берегу речки Соча-пста, кабельтовых в двух от берега моря. Стреляло, по-видимому, два орудия, одно — калибром около пяти дюймов, другое — меньше.

Неприятель стрелял на очень больших недолетах, и дальность была выше дальности моих пушек, почему огонь не открывал. Имея в виду, что Адлер может быть оставлен нашими войсками, я подходил к нему с осторожностью.

(Будучи кабельтовых в сорока от берега, я приказал сделать один выстрел в горы, где не было жилья, в расчете, что если Адлер занят большевиками, то они будут отвечать на мой огонь. Предположение мое оправдалось.)

Я был обстрелян неприятельской батареей калибром около пяти дюймов, стоявшей где-то в самом Адлере. Первое падение было с перелетом в несколько кабельтовых. Немедленно отвечал, причем неприятель весьма быстро прекратил стрельбу.

Я сделал три галса в расстоянии от 40—50 кабельтовых и выпустил 20 снарядов. Окончив перестрелку, я пошел вдоль нейтральной зоны, находящейся между селениями Веселым и Пиленковым, надеясь войти в связь с отрядом генерала Фостикова, и вскоре действительно заметил на берегу человека, подававшего мне сигналы ручным зеркалом и белым флажком.

В это время с севера подошла подводная лодка «Утка», пришедшая, как выяснилось, из Керчи, куда она должна была зайти из-за свежей погоды. Командир «Утки», старший лейтенант Монастырев, доложил, что он также был обстрелян неприятельской батареей в Сочи, причем отвечал и сделал восемь выстрелов. Я оставил на месте «Утку» с приказанием подобрать с темнотой человека, делавшего сигналы, а сам пошел к Гаграм, где ночью высадил полковника Улагая, который должен был узнать, где находится отряд генерала Фостикова, и сообщить ему о нашем прибытии и планах.

Прождав полковника Улагая до утра 29 сентября/12 октября, я вернулся без него к нейтральной зоне и узнал от снятого «Уткой» с берега офицера отряда генерала Фостикова, полковника Лиманского, что отряд принужден был вследствие отсутствия патронов перейти в нейтральную зону между Грузией и Советроссией и находится сей-

час верстах в пятнадцати от берега, в районе селений Сулева и Милегрипша.

Как я узнал впоследствии от начальника штаба генерала Фостикова, в эту самую ночь с 28-го на 29 сентября отряд покинул нейтральную зону и перешел на грузинскую территорию.

Посоветовавшись с бывшим на «Алмазе» генерал-майором Муравьевым, я составил следующий план действий:

1) Попытаться войти в связь с генералом Фостиковым через полковника Лиманского и передать ему приказание Главкома о погрузке.

2) Свезти на нейтральную зону 50 тысяч патронов и спрятать их временно в кустах у берега. Полковник Лиманский должен был организовать их доставку генералу Фостикову.

3) Для подбодрения нашего отряда и устрашения большевиков обстрелять еще раз Адлер (расположение батареи).

Я рассчитывал, что, получив патроны и имея поддержку флота, отряд наш сможет выбить снова большевиков из Адлера и обеспечит этим себе необходимое для посадки на суда место.

В течение дня 29 сентября/12 октября подошли с моря транспорты «Дон», «Крым» с болиндером, п/х «Аскольд» и буксир «Доброволец». Всем судам приказал держаться на West, в 10 милях от Адлера, по возможности — с застопоренными машинами, дабы не тратить уголь. Вечером того же дня обстрелял Адлер. «Алмаз» сделал 20 выстрелов, «Утка» — два. Неприятель не отвечал.

С темнотой послал полковника Лиманского на берег. К сожалению, патроны в этот день выкинуть не удалось, так как сильно засвело, и полковник Лиманский отправился только с письмом к генералу Фостикову.

В ночь с 29-го на 30 сентября сильным течением корабли были отнесены на 27 миль к NW. Утром снова начали собираться к месту рандеву, причем, когда я проходил мимо Сочи, батарея снова открыла огонь. Расстояние было около семидесяти кабельтовых, батарея стреляла с большими недолетами, и я решил не отвечать.

Днем, при очень тихой и ясной погоде, неприятельский самолет сбросил на нас три бомбы большого калибра, но вреда не причинил. Вечером того же дня, 30 сентября/13 октября, я снова послал шлюпку на буксире «Доброволец» к нейтральной зоне с целью выкинуть патроны на берег. Наблюдение за операцией было поручено командиру «Утки», который все время, по моему приказанию, держался против нейтральной зоны. К сожалению, было очень темно, «Доброволец» «Утки» не нашел и выполнил поручение самостоятельно.

А.П. Ваксмут

Н.З. Кадесников

Г.К. Старк

П.А. Варнек

Вице-адмирал А.В. Колчак

Вице-адмирал М.А. Кедров

Контр-адмирал В.В. Безуар

Контр-адмирал Н.Н. Машуков

Контр-адмирал М.А. Беренс

Адмирал С.А. Воеводский

Вице-адмирал С.Н. Ворожейкин

Вице-адмирал А.Г. Покровский

Штабс-капитан по адмиралтейству С.К. Терещенко

Контр-адмирал князь М.Б. Черкасский

Капитан
1-го ранга
Н.С. Харин

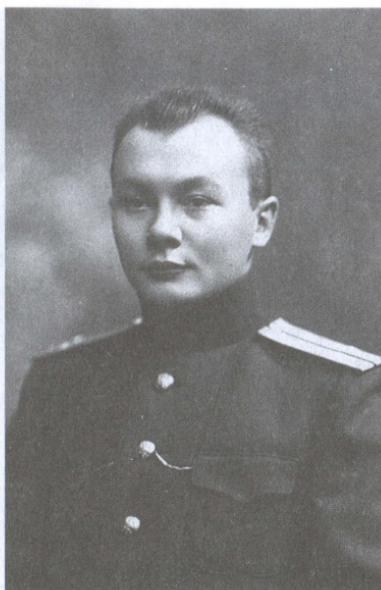
Капитан 2-го ранга
Н.А. Монастырев

Капитан 1-го ранга
В.Н. Потемкин

Мичман В.В. Чехурский

Инженер-механик
мичман А. Чернов

Лейтенант Д.А. фон Дрейер

Лейтенант В. Гансов

Мичман военного времени Н. Ткаченко

Воспоминания о жизни и деятельности Н. Ткаченко в годы войны

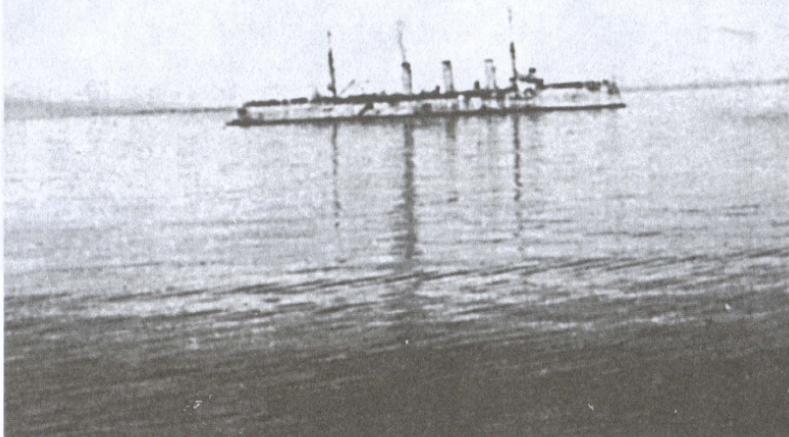
Старший лейтенант Д.Н. Федотов

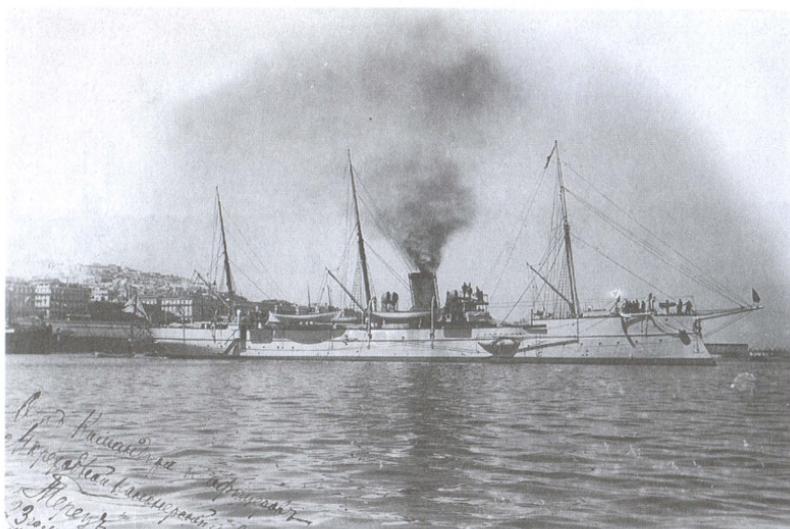
Морское орудие на
железнодорожной платформе

Контр-адмирал М.И. Смирнов
и летчик старший лейтенант
В.М. Марченко

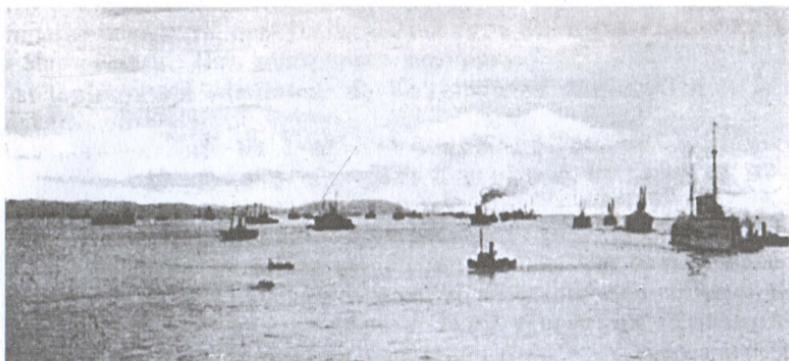
Крейсер «Генерал Корнилов»

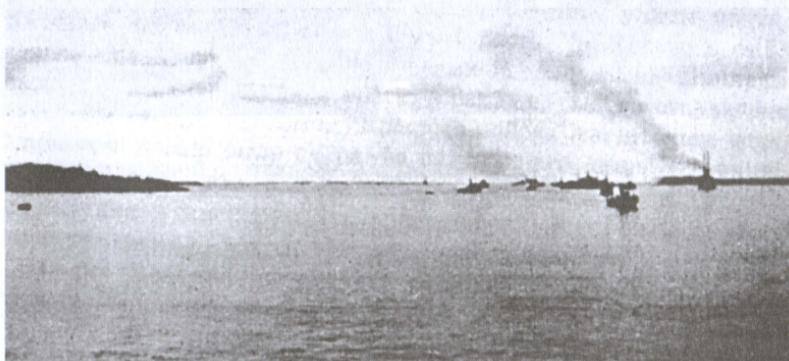
Канонерская лодка «Терец»

«Патрокл». Один из кораблей Сибирской флотилии

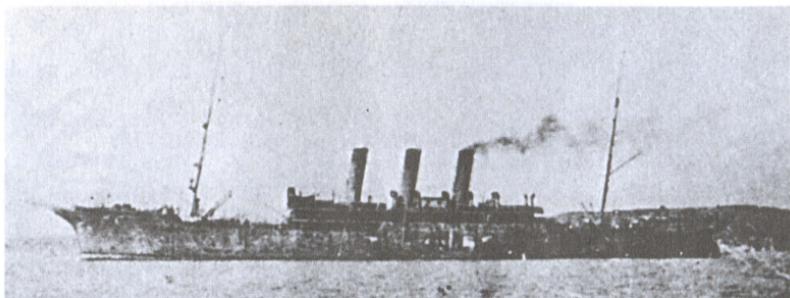
Эвакуация Крыма. Суда выходят на рейд

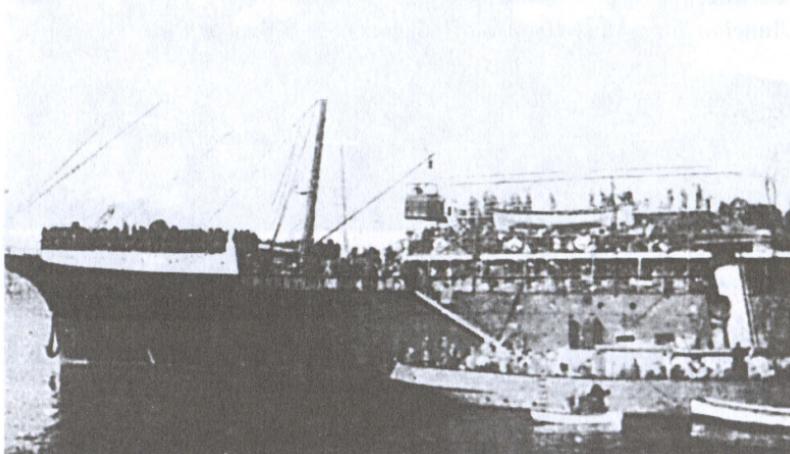
Эвакуация Крыма. Последние суда уходят в море

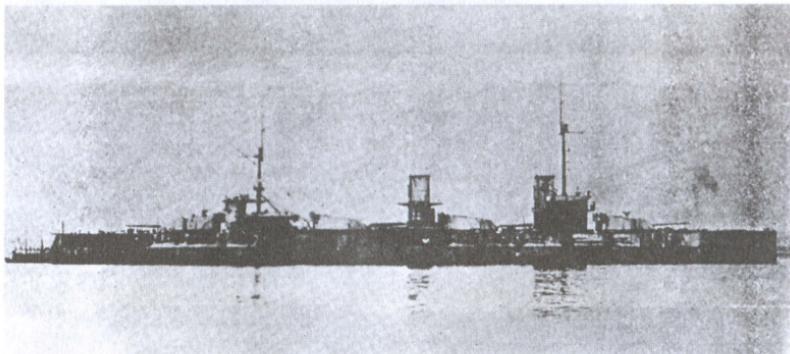
Транспорты в проливе Босфор

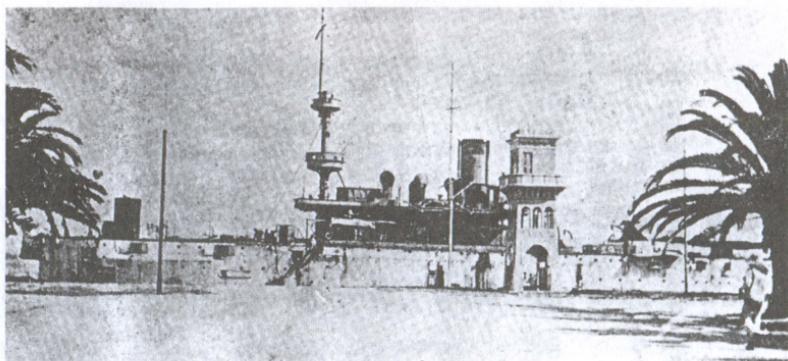
Транспорт «Рион»

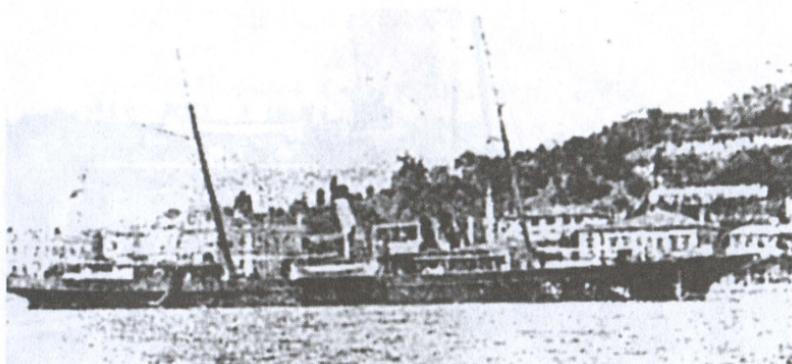
Эвакуация Крыма. Погрузка на транспорт «Саратов»

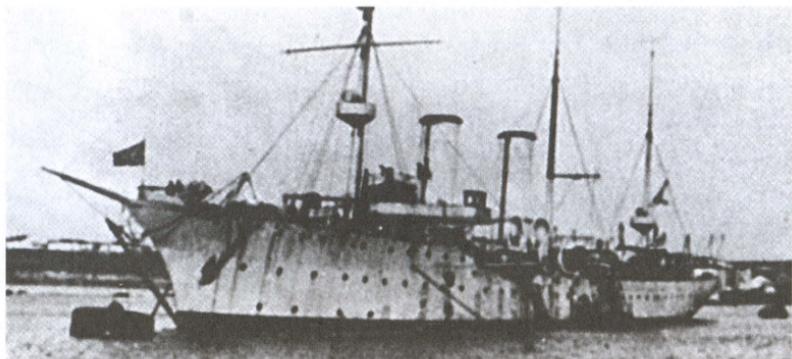
Линейный корабль «Генерал Алексеев»

Линейный корабль «Георгий Победоносец» в Бизерте

Яхта «Лукулл»

Крейсер «Алмаз»

А.В. Колчак с группой офицеров в США

А.В. Колчак с морским министром контр-адмиралом
М.И. Смирновым

А.В. Колчак в штабе 2-й армии

А.В. Колчак в рабочем кабинете

Не имея прочной связи с берегом, я рисковал, конечно, что патроны эти попадут вместо нашего отряда грузинам, что в действительности и произошло, но я считал необходимым пойти на этот риск, так как без патронов отряд генерала Фостикова ничего предпринять не мог.

Как потом оказалось, «Утка» отошла от берега раньше подхода шлюпки и взяла бывшего на берегу офицера отряда генерала Фостикова, полковника Шевченко, который должен был передать мне предписание генерала Фостикова. Полковник Шевченко прибыл ко мне только утром и передал предписание от 30 сентября за № 281, в котором генерал Фостиков извещал меня об интернировании отряда в Грузии и приказал отправить транспорты к Гаграм.

«Дон», «Крым» с болиндером, «Аскольд» и «Доброволец» были в это время уже туда направлены, так как командир «Утки» заранее известил меня об этом по радио. То же самое я сделал и с подошедшим к этому времени транспортом «Ялта». Сам я подошел к Гаграм к полудню 1/14 октября.

Генерал Фостиков был в это время уже на «Доне». Он перешел оттуда ко мне и приказал отвести суда от берега, так как вопрос посадки еще не решен, а присутствие у Гагр судов нервирует грузин. Назначив рандеву на West, в 15 милях от Пицундского маяка, который регулярно освещался, я отошел с судами от берега. По совету с генералом Фостиковым было решено послать с темной к месту стоянки его отряда транспорты, болиндер и шлюпки с «Алмаза» и попытаться произвести посадку на суда. «Утке» было приказано обстрелять для демонстрации расположение большевиков между селом Веселым и Адлером.

Транспорты подошли к месту посадки (между Гаграми и Пицундой, на правом берегу реки Бзыби, у имения Игумнова) около полуночи. Немногочисленная грузинская стража была подкуплена различными подарками, и погрузка началась. Ночью засвежело, и до рассвета удалось погрузить на «Дон» только 1300 человек. Катер с «Алмаза» выбросило волной на берег, и его сняли только утром, когда стихло.

С рассветом явился из Гагр грузинский комендант, бывший полковник русской службы Сумбатов, и категорически запретил дальнейшую погрузку, причем держал себя, по докладу очевидцев, до крайности нагло. По приказанию генерала Фостикова суда отошли от берега к месту рандеву, и он прибыл на «Алмаз». На берегу в это время оставалось около 4500 человек и 800 лошадей. Остальные лошади были, по большей части, проданы или обменены на

провизию, так как грузины не позволяли нам ни свозить провизию на берег, ни грузить людей на суда, сами же, конечно, их не кормили, и положение отряда было самое бедственное. Мне говорили, что были случаи обмена лошади на два хлеба.

По совещании с генералом Фостиковым было решено попытаться повторить ту же операцию и в следующую ночь, то есть со 2/15 на 3/16 октября, причем погрузить на болиндер некоторое количество провизии и, если погрузка не удастся, то хотя бы скинуть эту провизию на берег для питания отряда, который положительно голодает. Эта попытка посадки на суда должна была быть последней. Если она не удастся, генерал Фостиков приказал с судами уходить в Севастополь, так как наше присутствие раздражает грузин и, ничему не помогая, может лишь ухудшить положение отряда. Сам генерал Фостиков в таком случае останется с отрядом и разделит его участь.

Ввиду того что по пункту пятому мирного договора между Грузией и Советроссией грузины обязаны были выдать отряд большевикам, генерал Фостиков предполагал попробовать расплыться по этой стране и снова собраться через десять дней в районе Нового Афона, куда к этому времени просил выслать транспорты. Одновременно генерал Фостиков дал мне для передачи Главнокомандующему телеграмму с просьбой о помощи. Радио это удалось передать лишь днем 3/16 октября.

Вечером 2/15 октября транспорты, за исключением «Крыма», который остался при мне, пошли снова к берегу, но грузины выставили усиленную охрану и не позволили не только грузить на суда людей, но даже и подать провизию на берег. Мой офицер, бывший на баркасе у места предполагаемой посадки, вернулся около 11 часов утра 3/16 октября на крейсер и доложил мне, что генерал Фостиков приказал, если я не имею новых распоряжений от Главкома, то действовать так, как было условлено накануне, то есть уходить в Севастополь, но добавил, что он попытается еще раз уговорить грузин дать разрешение на выгрузку провизии для отряда.

Ввиду этого я отправил в Севастополь лишь ненужные мне больше «Крым» и «Аскольд» (если бы удалось грузить лошадей, я смог бы погрузить их на «Ялту», специально для этого оборудованную, и на «Дон») и вечером 3/16 октября снова послал «Ялту», болиндер с провизией и «Добровольца» к берегу, придав им для связи со мною «Утку». До этого случая я к месту посадки боевые суда не посылал, чтобы не нарушать нейтралитета.

Будучи почти уверен, что и эта попытка не даст желаемых результатов и что отряды генерала Фостикова грозят участь быть выданным

большевикам, я послал днем 3/16 октября экстренную телеграмму Вашему Превосходительству за № 143, в которой просил разрешения применить к грузинам вооруженную силу. К этому присоединился и полковник Семенихин, которого генерал Фостиков оставил своим заместителем у меня на отряде.

Ответ Вашего Превосходительства с разрешением Главкома применить в случае необходимости силу я получил вечером того же дня, известил о нем командира «Утки» и пошел с «Доном» к месту посадки. Прибыв туда ночью, я послал на берег своего офицера, лейтенанта Григорьева⁴⁷¹ и полковника Семенихина. Последнего я попросил передать генералу Костикову для ознакомления мое письмо на имя командующего грузинскими войсками Гагринского фронта генерала Мачавариани или, в случае его отсутствия, помощнику его в Гаграх, полковнику Сумбатову, офицеру же приказал отослать письмо по назначению тем способом, который укажет генерал Фостиков.

Привожу текст письма: *«Его Превосходительству, генералу Мачавариани, или коменданту Гагр, полковнику Сумбатову. Имею честь известить Вас, что мне приказано погрузить на транспорты людей и лошадей отряда генерала Фостикова. Прошу Вас не отказать сделать необходимые распоряжения к тому, чтобы со стороны подчиненных Вам лиц не было оказано противодействия этой посадке, так как такое рассматривалось бы правительством юга России как акт недружелюбия, и мне в таком случае приказано действовать всеми имеющимися у меня средствами. Командир крейсера «Алмаз» капитан 2-го ранга Григорков. В море у Гагр, 4/17 октября 1920 года».*

По причинам, для меня не вполне ясным, генерал Фостиков воспротивился передаче этого письма, приказал мне до утра ничего не предпринимать и сказал, что он рано утром сам поедет в Гагры к генералу Мачавариани и надеется уладить с ним мирным путем, без предъявления подобного ультиматума. Письмо было доставлено мне обратно.

Мне было очень неприятно действовать против желания генерала Фостикова, но возложенная на меня Вашим Превосходительством личная ответственность заставила принять собственное решение. К тому же: 1) Уголь у «Алмаза» и «Дона» был на исходе. 2) Я не считал возможным начать посадку людей без извещения грузинских властей, как мне было указано Вашим Превосходительством в телеграмме № 2803, так как для этого пришлось бы предварительно убрать грузинскую стражу. 3) Нужно было пользоваться благоприятной для посадки погодой. Погода могла очень быстро измениться, и тогда погрузка оказалась бы фактически невозможной.

Руководствуясь этим, я снова послал моего офицера и полковника Семенихина на берег и приказал офицеру, если генерал Фостиков уже уехал в Гагры или он не пожелает взять с собой письмо, передать его через грузинского коменданта лагеря лейтенанта Бохуа для отсылки генералу Мачавариани. В письме я прибавил, что погрузка начнется в полдень, и просил полковника Семенихина передать генералу Фостикову или, в случае его отсутствия, старшему после него начальнику, чтобы к этому времени отряд был бы готов к погрузке.

Генерал Фостиков уже уехал, и письмо было передано в 8 часов 40 минут утра грузинскому коменданту лагеря, который обещал, что оно сейчас же будет отослано генералу Мачавариани. По просьбе коменданта мой офицер сообщил ему на словах содержание письма. От места расположения лагеря до Гагр езды было около полутора часов, почему я рассчитывал, что генерал Мачавариани сможет отдать необходимые распоряжения к 12 или самое позднее к 13 часам.

Вслед за тем я с судами отошел на пять-шесть миль от берега и остановился в выжидании времени. Застопорив машины, я вызвал на «Алмаз» с «Дона» полковника Улагая, отряд которого был посажен еще в первую ночь, и устроил совещание с ним и полковником Семенихиным. Было решено вооружить имевшимися у меня винтовками 400 человек отряда полковника Улагая, выбрав для этой цели отборных людей, и приготовить их для десанта, на случай, если грузины окажут сопротивление.

Около 14 часов я подошел с судами снова к берегу двумя кильватерными колоннами: впереди — «Алмаз» и «Утка», позади — транспорты «Дон» и «Ялта». «Доброволец» с болиндером и двумя моими шлюпками держался вблизи «Алмаза». На «Алмазе» была пробита тревога.

На широком береговом пляже виднелась кучка людей с генералом Фостиковым во главе, развезжали грузинские конные милиционеры, а за длинным забором имения Игумнова, вдоль берега, были видны густые толпы казаков.

У всех создалось впечатление, что грузины не будут противодействовать посадке. К сожалению, это не оправдалось: когда болиндер на буксире «Добровольца» подошел к берегу, грузины не позволили ему спустить сходню, и он принужден был отойти от берега. Генерал Фостиков прибыл ко мне на моей шлюпке. Я доложил Его Превосходительству, что считаю, что нужно применить силу. Генерал Фостиков оказался того же мнения. Он сказал мне, что сам поведет десант на болиндере, а так как грузины ему разрешили выгрузить провизию для отряда, то вторичный подход болиндера к берегу будет ими, вероятно, объяснен как ее подвоз. Десант в 250 человек под

командой доблестного полковника Улагая был быстро погружен в трюм болиндера с борта «Дона», обращенного к морю, на палубу было подожжено несколько мешков муки, и в 17 часов болиндер был подведен «Добровольцем» к берегу. На палубе болиндера были только баржевые и спрятанные за рубкой пулеметчики с «Алмаза» с пулеметом Максима.

Несмотря на протесты грузинской стражи, они были быстро выкинуты на берег. Генерал Фостиков, бывший на «Добровольце», перешел на болиндер, и, к удивлению растерявшихся грузин, из трюмов начали высыпаться вооруженные люди и набрасываться на них. Дело было окончено после нескольких выстрелов. Милиционеры рассыпались по направлению к забору, были схвачены безоружными казаками, спешены, разоружены и затем выведены за черту лагеря.

Десант, выскочив на берег, сразу же разделился на три группы и оцепил место посадки. Несколько времени шла перестрелка с немногочисленными грузинскими цепями пехоты, но и она затихла и затем во все время посадки поднималась лишь изредка и то больше одиночными выстрелами.

Как только грузины были отогнаны, к берегу начали подходить в большом порядке стройными колоннами и даже «в ногу» наши части. Посадка началась в 17 часов и проходила в большом порядке. На первый болиндер пыталось быть шесть больше положенного числа, но генерал Фостиков лично вмешался и быстро водворил порядок. В помощь болиндеру были посланы все шлюпки с «Алмаза» и «Дона», которые перевозили людей непосредственно на транспорты. До темноты болиндер успел сделать один рейс. Вся остальная погрузка происходила при полной темноте. Суда стояли без огней. Погода была на редкость благоприятная.

В 19 часов 35 минут грузины открыли артиллерийский огонь по месту посадки. Сделано было сначала три выстрела шрапнелью, не причинившие никому вреда, и затем в течение ночи, с большими интервалами, еще три, с тем же успехом. Увидев, как грузины стреляют, я принял решение не отвечать на их огонь. Действовал я так по следующим соображениям:

1) Наш огонь ночью был бы почти недействителен. 2) Была опасность попасть в своих. 3) Наш огонь, не причинив повреждений грузинской батарее и не остановив бомбардировки, мог бы нанести большой вред местным жителям (местность населена довольно густо). В этом случае конфликт с Грузией, который, если я верно понимаю поведение грузин, может быть, вероятно, улажен довольно легко, принял бы совершенно нежелательную остроту.

За ночь болиндер успел сделать четыре рейса и отвалил в последний раз от берега в 3 часа 35 минут 5/18 октября, забрав последнюю партию казаков, лошадей и десантный отряд полковника Улагая, который всю ночь провел в цепях, охраняя посадку. Генерал Фостиков был до самого последнего момента на берегу и отвалил на моем баркасе почти одновременно с болиндером. К погрузке было предъявлено 150 лошадей, а остальные к этому времени были или проданы, или обменены голодавшими казаками на провизию. Я отдал распоряжение старшему транспортному офицеру старшему лейтенанту Булашевичу погрузить максимальное число, но, к сожалению, удалось погрузить лишь 36 лошадей, так как лошади боялись и их нельзя было заставить спуститься в трюм болиндера. По проверке в Феодосии людей оказалось, что всего было перевезено на «Доне» и «Ялте» 6203 человека, из которых $\frac{2}{3}$ на «Доне» и $\frac{1}{3}$ — на «Ялте». В это число входили и беженцы, но сколько их было в действительности, сказать не могу. По некоторым сведениям — около 500.

Закончив погрузку, я отошел с судами от берега миль на восемь, где болиндер был подведен к «Ялте», и она начала перегрузку лошадей. Отдав необходимые распоряжения и поручив охрану и конвоирование до параллели Новороссийска «Ялты», болиндера и «Добровольца» командиру «Утки», я вышел с «Доном» в Феодосию. «Утка», проводив суда до назначенного мною места, должна была следовать в Севастополь. «Ялте» я приказал следовать в Феодосию. На переходе в Феодосию я узнал от генерала Фостикова, что вечером 4/17 октября, уже во время погрузки, он получил письмо от генерала Мачавариани, которое служило как бы ответом на мое письмо.

Привожу его текст: «Генералу Фостикову. Весьма срочно. Командир крейсера «Алмаз» прислал мне сегодня ультимативное предложение, где просит разрешения погрузить казаков на суда, иначе он примет самые решительные меры, вплоть до обстрела, в чем я усматриваю официальный разрыв с Грузинской Республикой, и на выстрелы будем отвечать тем же. Угроза нас не пугает, а так как завтра ожидается приезд смешанной комиссии, то рекомендую подождать приезда комиссии. Командующий войсками Гагринского фронта генерал Мачавариани. Адьютант штаба капитан (подпись). № 2275. 17 октября 1920 года».

Естественно, что получение этого письма не могло ни на минуту изменить наших планов и остановить начатую погрузку. Что касается до комиссии, о которой говорится в письме, то она, по объяснению генерала Фостикова, должна была состоять из грузин, больше-

виков и каких-то иностранцев, и ей было поручено грузинским правительством решить судьбу отряда.

До 17 часов того же 5/18 октября я следовал самостоятельно, но затем, выяснив окончательно, что угля у меня до Феодосии не хватит, вступил на буксир «Дону». Погода, бывшая до того очень хорошей, начала дортиться, и вечером задул свежий NW. Ночью он усилился, и во время одного из шквалов буксир лопнул. Пришлось поднять пары и идти самостоятельно, так как свежая погода делала новую подачу буксира чрезвычайно затруднительной. К 16 часам 30 минутам 6/19 октября я дошел, израсходовав весь уголь, до глубины в 30 сажен на Sud от мыса Чауда, стал на якорь и отпустил «Дон» в Феодосию.

Утром 7/20 октября из Керчи пришел буксир «Херсонес», с которого я принял уголь, снова развел пары, поднял якорь и вышел на буксире в Феодосию, куда прибыл благополучно к вечеру того же дня и ошвартовался у Широкого мола.

В Феодосии я застал, кроме «Дона», транспорт «Ялту», пришедший днем 7/20 октября с болиндером и «Добровольцем», а также транспорт «Сары», привезший около четырехсот больных и раненых отряда генерала Фостикова, которых он взял из Гагр еще до моего туда прихода. Я очень доволен работой и палубной и машинной команды крейсера. Все вели себя молодцами. Господа офицеры были на высоте.

Н. Гутан⁴⁷²

КРАТКИЙ ОЧЕРК ДЕЙСТВИЙ ФЛОТА ПРИ ЭВАКУАЦИИ КРЫМА В НОЯБРЕ 1920 ГОДА⁴⁷³

Состояние флота перед эвакуацией

Состав флота. Состояние флота, как военного, так и коммерческого, в Крыму в 1920 году было далеко не удовлетворительное. Военный флот представлял собой остатки Черноморского Императорского флота и состоял из одного линейного корабля «Генерал Алексеев» (бывший «Император Александр III», бывший «Воля»), одного крейсера «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул»), посыльного судна-яхты «Алмаз», трех нефтяных эскадренных миноносцев по одной тысяче тонн — «Дерзкий», «Беспокойный» и «Пылкий», пяти угольных миноносцев — «Капитан Сакен», «Живой», «Жаркий», «Звонкий» и «Зоркий», четырех подводных лодок — «Буревестник», «Утка», «Тюлень», «АГ-22» и

транспорта-мастерской «Кронштадт». К этому надо прибавить небольшое число вспомогательных судов различных назначений. Эти остатки флота с начала революции прошли все этапы развала смутного времени, последовательно перебывав в руках большевиков, немцев и союзников. С переходом флота в конце 1918 — начале 1919 года (а некоторые суда даже в 1920 году) в состав противобольшевистских сил сначала Добровольческой армии, а потом Вооруженных сил Юга России суда, абсолютно все нуждавшиеся в капитальном ремонте, начали оборудоваться и приводиться в боевую готовность. Все остальные военные суда представляли собой либо корпуса совершенно еще не достроенные и находившиеся главным образом в Николаеве, либо остовы судов совершенно запущенные, разграбленные и со взорванными англичанами в апреле 1919 года машинами, а потому совершенно непригодные.

Работа по восстановлению боевых судов шла медленно и не всегда планомерно. Этой работе препятствовали: 1) обстановка, в которой суда находились, так как Севастополь, единственная база флота, представлял ближайший тыл армии и даже в 1919 году на три месяца был нами эвакуирован; 2) скудные технические средства разграбленного и большевиками, и немцами, и союзниками портового завода Морского ведомства; 3) малое количество квалифицированной рабочей силы; 4) почти полное отсутствие на нашей территории необходимых материалов; 5) скудные запасы угля; 6) ограниченность денежных средств и 7) совершенная неопытность вновь набираемых судовых команд.

С другой стороны, боевая обстановка все больше и больше требовала содействия флота и даже самостоятельных его операций, а потому приходилось: 1) ограничиться лишь частичным, самым необходимым, ремонтом военных судов, благодаря чему корабли выходили часто из строя, иногда даже в самую нужную минуту; 2) прибегнуть к импровизации флота, то есть, сообразуясь с обстановкой в данном районе, вооружать разные, преимущественно малого тоннажа, коммерческие суда, баржи и катера, обращая их в канонерские лодки и посыльные суда. Из таких судов были одновременно составлены наши речные флотилии, а также наш 2-й отряд Азовского моря, базировавшийся на Керчь. Из катеров и буксиров, как Морского ведомства, так и частных, был в 1920 году сформирован и дивизион тральщиков. Хотя мобилизация вышеупомянутых частновладельческих судов и уменьшала коммерческий тоннаж, главным образом каботажный, тем не менее суда этого типа давали те преимущества, что они, во-первых, были весьма экономичны в смысле расхода угля и воды,

во-вторых, обладали малой осадкой, в-третьих, требовали меньше команд и, наконец, в-четвертых, благодаря простейшей конструкции своих механизмов и котлов могли легче обслуживаться неопытными, молодыми командами. Таким образом, военный флот летом 1920 года, разделенный на три отряда, состоял из следующих судов (приказ командующего Черноморским флотом от 20 июня № 4896):

1-й отряд:

- Линейный корабль «Генерал Алексеев».
- Бригада крейсеров:
 - Крейсер 1-го ранга «Генерал Корнилов».
 - Вспомогательный крейсер «Алмаз».
 - Вспомогательный крейсер «Бут».
- Минная бригада:
 - 1-й дивизион эскадренных миноносцев: «Беспокойный», «Гневный», «Дерзкий», «Пылкий».
 - 2-й дивизион эскадренных миноносцев: «Капитан Сакен», «Жаркий», «Живой», «Звонкий», «Зоркий».
- Транспорт «Водолей».
- Подводный дивизион: подводные лодки «Буревестник», «Тюлень», «Утка», «АГ-22».
- Дивизион тральщиков: «Альбатрос», «Баклан», «Дмитрий Герой», «Березань-2», «Скиф-1» и «Язон».
- При первом отряде транспорт-мастерская «Кронштадт».

2-й отряд

- Дивизион морских канонерских лодок: «Терец», «Грозный», «Страж».
- 2-й дивизион речных канонерских лодок: «Георгий», «Алтай», «Урал», «Кавказ».
- Дивизион вооруженных ледоколов: «Всадник», «Гайдамак», «Джигит».
- 2-й дивизион сторожевых катеров: «СК-11», «СК-12», «СК-13», «СК-14», «СК-15», «СК-16», «СК-17» и «СК-18».
- Десантный дивизион: катера «Мария», «Азовец», «Никола Пашич», «Меотида», «Пантикапея» и «Дмитрий».
- Болиндеры: № 442, 443 и 445.
- 2-й гидроавиационный отряд.
- Плавучая батарея «Ростислав».

3-й отряд

1-й дивизион речных канонерских лодок: «Кача», «Салгир», «Альма».

1-й дивизион вооруженных барж: «Б-1», «Б-2», «Б-3» и «Б-4».

1-й дивизион сторожевых катеров: «СК-1», «СК-2», «СК-4», «СК-5», «СК-6», «СК-7» и «СК-8».

3-й дивизион вооруженных катеров: «Киев», «Полтава», «Сечь» и «Мичман Ковалевский».

1-й гидроавиационный отряд.

Посыльное судно «Атаман Каледин».

Вооруженные катера: «Смелый», «Работник», «Пушкарь» и № 51.

Отдельные соединения

Дивизион легких катеров: «ЛК-1», «ЛК-2», «ЛК-3», «ЛК-4», «ЛК-5» и при них 16 гребных судов.

Морская охрана побережья Крыма: посыльные суда «Летчик»; «Днепровец», катера «Тайфун», «Василий», «Петр».

Тральные катера: «Стриж», «Роксана» и легкий катер «СК-3».

Посыльное судно «Лукулл» (в распоряжении командующего флотом).

Гидрографическое судно «Казбек».

Посыльное судно службы связи «Севастополь».

К военному флоту надо причислить также и транспорты Морского ведомства. Всего по списку в 1920 году таких транспортов было 31. Из этого числа несколько пароходов были во фракте. Около 25 % всех транспортов Морского ведомства находились за проливами. Другие 25 % были заняты перевозками казенных грузов по Черному морю. Остальные транспорты находились в портах Крыма, при этом несколько пароходов ремонтировалось в Севастополе. Состояние всех транспортов было тоже малоудовлетворительным, так как суда были сильно изношены во время большой войны, а после революции и развала России они почти не ремонтировались.

Список транспортов Морского ведомства к октябрю 1920 года

В Севастополе: «Сарыч», «Инкерман», «Моряк», «Шилка», «Ингул» (в ремонте), «Дунай» (в ремонте), «Заря» (во фракте у РОПИТа), «Крым», «Осторожный» (в ремонте), № 412.

В Тендре: № 411, «Добыча» (при 3-м отряде).

В Керчи: «Самара».

В Феодосии: «Поти», «Ялта», «Дон».

В Константинополе: «Рион», «Екатеринодар», «Артемида», «Баку», № 410.

В Зунгулдаке: «Орфей».

За проливами: «Далланд», «Трапезунд» (во фракте), «Днепр» (в Италии), «Ольга», «Родосто» (в Италии арест.), «Почин» (в Греции), «Надежда» (в Греции), «Тендра» (во фракте), «Мечта».

Личный состав. Что касается личного состава, то он заставлял желать много лучшего. Офицерский состав, хотя и сильно преуменьшенный в сравнении с дореволюционным временем, все же был более чем достаточным для укомплектования боевых судов. Но на практике этого не было. Кадровое офицерство не представляло уже собой столь сплоченной среды, как раньше. Влияние революции сказывалось. Пониженная мораль, борьба за существование, упадок дисциплины и так называемая «партизанщина» часто заставляли некоторую часть офицерства стремиться в тыл, переходить в другие ведомства и предпочитать скорее получить место на берегу или транспорте, чем быть назначенным на плавающий корабль.

Поэтому далеко не все корабли были сплошь укомплектованы кадровыми флотскими офицерами. Для укомплектования приходилось прибегать к офицерам новейших формаций из офицеров по адмиралтейству, офицеров военного времени и офицеров Корпуса корабельных офицеров. Этот последний корпус был создан в 1919 году и комплектовался главным образом из произведенных в офицеры бывших кондукторов флота разных специальностей. Эта часть корпуса по своим специальным знаниям и опыту была удовлетворительной, но зато другая часть — переводимые в корпус офицеры военного времени и офицеры сухопутные всех родов оружия, без всякого опыта и знаний — была ниже всякой критики. Такой пестрый состав, конечно, тоже не мог увеличить сплоченности среди офицерства.

Кроме того, чувствовался недостаток в офицерах среднего служебного стажа, а именно: достаточно прослуживших лейтенантов и старших лейтенантов, для занятия должностей старших офицеров на судах 2-го ранга и старших специалистов. У молодежи, почти не служившей в нормальных условиях во флоте и мало из-за революции плававшей, совершенно отсутствовал опыт, и вахтенная служба бывала часто не на должной высоте. А служба была далеко не легка. Так как наши суда в техническом отношении сильно хромали, а на ремонт

нельзя было особенно рассчитывать, то приходилось постоянно перебирать механизмы и производить мелкий ремонт судовыми средствами, часто даже на позициях и в виду неприятеля. Кроме того, ввиду все большей и большей потребности в содействии флота суда находились постоянно в море, и из них, так сказать, выжимались все соки до последнего. Приходилось стоять и даже зимовать во льдах (Азовское море). Из экономии угля на стоянках в портах и на рейдах суда стояли без паров и отопления с температурой в жилых помещениях чуть ли не ниже нуля. Обмундирования вообще, а теплой одежды в частности было мало. Подвоз провизии тоже не всегда возможен был аккуратным, а потому приходилось и недоедать, оставаясь иногда по нескольку дней без хлеба и даже сухарей. Все это изнашивало личный состав, отражаясь на его нервной системе, и тоже служило одной из причин малочисленности плавающего состава.

Еще хуже обстояло дело с командами: нельзя создать матроса, а тем более специалиста за один год. Судовые команды приходилось набирать самим командирам, так как Черноморский флотский экипаж мог давать только новобранцев, а существовавшие специальные школы не успевали в такой срок выпускать специалистов. Поэтому команды представляли чрезвычайно пестрый состав. Настоящих матросов старого флота было самое ограниченное число, большинство же составляло учащаяся молодежь: гимназисты, кадеты, студенты, затем техники и мастеровые, словом, люди всех профессий, положений и возрастов, совершенно непривычные к тяжелой физической работе и к морю. Кроме того, большой процент команд составляли под разными предлогами увиливавшие от фронта офицеры, солдаты и казаки и, кроме того, солдаты и офицеры, уволенные по категориям из строя для службы в тылу. Все эти лица тоже не обладали ни соответствующими знаниями, ни опытом.

Набрав таким образом команду, командирам приходилось учить свою команду, каждого лишь своей узкой специальностью, а так как время и обстановка редко это допускали, то приходилось учить прямо в боевой обстановке, под огнем. Нередко поэтому бывали такие случаи, когда в начале плавания корабля почти вся команда укачивалась, пар садился и корабль стопорился. Были случаи, когда из-за неопытности команд сжигались котлы или портились механизмы, были несчастные случаи у орудий. Часто молодежь не выдерживала тяжелой службы в машинах и у котлов и заболела малокровием и даже туберкулезом. Особенно трудно было с такими командами плавать на современных боевых судах, со сложнейшими и нежнейшими механизмами, требующими больших знаний и опыта и самого вниматель-

ного ухода. С материальной стороны команды были обставлены очень плохо. Получаемое денежное содержание, кроме морского довольствия (пайка), шедшего в котел и не выдаваемого на руки, было такими грошами при все возрастающей дороговизне, что о нем и говорить не приходится. Неудивительно поэтому, что при первой возможности люди, особенно семейные, уходили на берег, ища более сносных условий существования. Команды транспортов и коммерческого флота были почти все старые, состоящие из опытных настоящих матросов торгового флота, благодаря чему им легче было справляться с техническими дефектами своих судов, а потому пароходы меньше хромали. Материально эти команды были поставлены тоже лучше, так как ходили и за границу, да и занимались своими личными коммерческими делами.

Однако, несмотря на перечисленные дефекты личного состава, как офицерского, так и команд, плавающий личный состав, в своем целом, с честью преодолевал все трудности, связанные с боевой службой и плаванием при столь ненормальных тяжелых условиях, беспрестанно борясь, так сказать, на два фронта: с неприятелем, с одной стороны, и с плохим техническим состоянием своих судов, с другой, неизменно являя величие духа, исполняя долг свой не за страх, а за совесть, результатом и доказательством чего явилась столь хорошо проведенная, беспримерная в истории, эвакуация Русской Армии из Крыма.

Коммерческий флот. Коммерческий флот на юге России был далеко не многочислен. Крупнейшими пароходными компаниями были: Русское Общество пароходства и торговли (РОПИТ), Российское Общество (Ространс) и Добровольный флот.

Общества эти, растеряв, как за время войны, так и революции, много лучших своих пароходов, путем перехода их под иностранный флаг, переживали тяжелый кризис. Пассажирских линий почти не было, а грузовых операций, кроме правительственных, было мало. Только небольшое количество пароходов выгодно эксплуатировалось за границей, главным образом в бассейне Средиземного моря. Большинство же пароходов стояло в портах без дела и ремонта, дождая все больше и больше своим командам. Отсюда совершенно ясно вытекало стремление почти всех пароходных обществ как можно больше перевести своих пароходов за проливы, дабы эксплуатировать и их.

С другой стороны, необходимо было постоянно иметь достаточный тоннаж и в Черном море для перевозки государственных грузов, как военно-оперативных, так и правительственно-продовольственных. Поэтому для урегулирования всех этих вопросов и для контроля над распределением тоннажа было образовано Управление морским

транспортом, начальник которого (намортран), подчиненный непосредственно во всех отношениях командующему флотом, ведал всеми транспортами и перевозками. Транспорты Морского ведомства намортран распоряжался непосредственно, а тоннажем частных пароходных обществ только в оперативном отношении, через посредство Тоннаж-Бюро. Это Тоннаж-Бюро состояло из представителей всех пароходных обществ, и назначение его состояло в распределении тоннажа для выполнения морских перевозок по нарядам намортрана. Намортран, получая от различных управлений задания на перевозки государственных грузов, как оперативных, так и продовольственных, в случаях невозможности выполнения этих перевозок на транспор-тах Морского ведомства давал наряд Тоннаж-Бюро, причем в таких случаях Тоннаж-Бюро само выбирало необходимые для данных перевозок суда.

В случаях же оперативного характера намортран сам указывал наименование судов. Кроме того, в случаях, если намортран находил представленное Тоннаж-Бюро для перевозок судно неподходящим, то намортран опротестовывал и требовал другое судно. Таким путем командующий флотом в лице намортрана контролировал движение русского морского транспорта с точки зрения военно-оперативной, и с этой же точки зрения выход судов за проливы допускался только с согласия командующего флотом. Когда летом 1920 года численный состав Русской Армии увеличился и по заданиям главного командования при составлении на всякий случай плана эвакуации находящегося в Черном море тоннажа не хватало, командующий флотом привлек в Черноморский бассейн дополнительное количество судов различных пароходных обществ, соответствующее новым цифровым заданиям состава армии.

Угольный вопрос и снабжение. С потерей нами в конце 1919 года Донецкого угольного бассейна вопрос с углем на юге России стал критическим. Единственным источником получения угля оставалась за граница, при этом уголь приходилось приобретать либо путем товарообмена на хлеб, либо на наличные деньги в иностранной валюте. Для этой цели в Константинополь был послан представитель Морского управления, который совместно с начальником русской морской базы в Константинополе должен был вести закупками угля. К сожалению, ввиду ограниченности валюты в распоряжении главного командования уголь приобретался в количестве лишь самом необходимом. В нем постоянно нуждались и железные дороги, и заводы, и город, и население, не говоря уже о флоте, который углем в своих операциях был связан буквально по рукам.

Экономия всюду была доведена до максимума. Корабли на стоянках стояли без паров, а потому без отопления и освещения. Часто в разных ведомствах благодаря непредвиденным расходам угля выходили из нормы, а потому, путем передачи угля из одного ведомства в другое, постоянно приходилось покрывать его недостатки, дабы не стопорились дороги или заводы и не страдали бы оперативные заготовки, передвижение и снабжение. Флоту, кроме всего прочего, необходимо было еще постоянно иметь так называемый оперативный запас угля. Этот запас должен был быть неприкосновенным для обеспечения, в случае эвакуации, перевозки из Крыма за границу Русской Армии, учреждений и населения. Количество угля оперативного запаса все возрастало в зависимости от увеличения армии и числа лиц, подлежащих эвакуации по заданиям главного командования, и достигало до полумиллиона пудов для одного лишь транспортного флота, не считая флота военного.

Добычи нефти на территории Крыма тоже не было, а потому нефть необходимая во флоте, главным образом для миноносцев, приобреталась покупкой же в Батуми и за границей, и нефти было тоже в обрез. Доходило до того, что нефтяные миноносцы, как это было в сентябре—октябре в Азовском море, плавали без паров, на буксире угольных судов, с правом разводить пары, иначе говоря — становиться боееспособными, лишь при непосредственном столкновении с флотом противника. Почти так же обстояло дело с машинным маслом и другими смазочными материалами. Их тоже приходилось приобретать на стороне, и в них тоже постоянно чувствовался недостаток. Для оперативного запаса машинного масла приходилось иметь неприкосновенный запас в 1500 пудов для одного лишь транспортного тоннажа.

Что касается снабжения судов по части инвентаря и шкиперской, то это снабжение было весьма примитивно. Буквально во всем чувствовался недостаток. Настолько суда были разграблены за время смуты, что, например, по части штурманской пришлось посылать в Англию для покупки мореходных инструментов: часов, секстансов, биноклей и труб.

В смысле снабжения судов флота боевым запасом дело обстояло тоже не совсем благополучно. Главным образом чувствовался недостаток в снарядах средних калибров: часть боевых запасов Морского ведомства была уничтожена немцами, часть была дана флотом на бронепоезда и позиционную артиллерию. Особенно мало было снарядов 100-мм для орудий больших миноносцев и канонерских лодок. Корабль мог рассчитывать получить новый боевой комплект 100-мм снарядов, лишь посылая периодически, по мере расхода артиллерийско-

го комплекта, стреляные гильзы в Севастополь в артиллерийскую лабораторию Сухарной балки, где эти гильзы вновь снаряжались и возвращались на суда.

Техническое оборудование и производительность Портового завода Морского ведомства в Севастополе и транспорта-мастерской «Кронштадт» были сильно понижены. Эти два учреждения — единственные в Севастополе, да и вообще в Крыму, работавшие на оборону, были завалены работой, как своего Морского ведомства, так и ведомств военного и путей сообщения. Порту и «Кронштадту» приходилось ремонтировать бронепоезда, танки, вагоны и паровозы и изготавливать для армии все снаряжение, вплоть до пик и подков. Понятно поэтому, что все эти срочные заказы других ведомств тяжело отзывались на нуждах флота — ремонте кораблей, столь им необходимым. При вообще уменьшенном количестве мастеровых порта и более худшем их качестве, в сравнении с дореволюционным временем, доходило до того, что общее количество мастеровых, работавших на флот, равнялось 33 % их общего числа.

Вот, вкратце, состояние флота — состояние, явно заставляющее желать много лучшего, при котором наступила эвакуация Крыма, в которой флоту пришлось сыграть столь крупную, решающую роль.

Подготовка эвакуации

Дислокация флота к моменту эвакуации. Участь флота и его дислокация в борьбе Русской Армии на юге России с Красной армией вытекали из географического положения Крыма. Пока шла оборона перешейков и Русская Армия реорганизовывалась в Крыму после всех неудач конца 1919 — начала 1920 года, флот поддерживал фланги перешейков. Правый фланг прикрывался 2-м отрядом судов, базировавшимся на Керчи и поддерживавшим наши части на Арабатской стрелке у Геническа. Левый фланг обеспечивался 3-м отрядом судов — болиндерами и мелкосидящими канонерскими лодками, действовавшими в Перекопском заливе. С выходом армии весной за перешейки и распространением ее в северной Таврии на долю флота выпала задача: во-первых, прикрытие и высадка десантов, как в Хорлах и Скадовске, так и со стороны Азовского моря — у Кирилловки, и, во-вторых, поддержка новых флангов армии при ее продвижении, обеспечение вывоза зерна из Геническа и воспрепятствование высадкам красных десантов в тыл нашим частям, — словом, владение Азовским морем и блокада

Днепро-Бугского лимана. Эта задача и выполнялась соответственно 2-м и 3-м отрядами судов.

В течение лета 1920 года, в зависимости от изменения обстановки и при самостоятельных операциях, как, например, высадка десанта на Кубань, эти оба отряда иногда усиливались судами 1-го отряда, базировавшегося вообще на Севастополь. Для усиления блокады Днепро-Бугского лимана к 3-му отряду были присоединены крейсер «Генерал Корнилов» и миноносцы, а одно время и корабль «Генерал Алексеев», а в Каркинитский залив был послан вспомогательный крейсер «Алмаз», ходивший также к берегам Кавказа за отрядом генерала Фостикова. Когда же на Азовском море силы красного флота выросли до того, что перешли даже к агрессивным действиям, то после боя 2 сентября судов нашего 2-го отряда с красным флотом наш 2-й отряд был усилен миноносцами, как большими, так и малыми. Эта обстановка так и продержалась до самого конца, почти без изменений, и потому дислокация нашего военного флота перед эвакуацией к 26 октября была следующая:

Каркинитский залив: вспомогательный крейсер «Буг», тральщики «Скиф» и «Язон», канонерская лодка «Альма», посыльное судно «Атаман Каледин», вооруженный катер «Работник», вооруженные баржи «Б-1», «Б-2», «Б-3» и «Б-4». Плавающий маяк «Песчаный».

Ак-Мечеть: вооруженные катера «Киев» и № 51. Линейные корабли «Генерал Алексеев», «Георгий Победоносец», крейсер «Генерал Корнилов», вспомогательный крейсер «Алмаз», подводные лодки «АГ-22», «Тюлень», «Утка», «Буревестник», канонерские лодки «Терец», «Кубанец», «Алтай», «Кавказ», № 411 и № 412. Эскадренные миноносцы «Гневный», «Пылкий», «Строгий», «Свирепый», «Капитан Сакен», «Жаркий», «Звонкий», «Цериго» (брандвахта). Посыльные суда «Лукулл», «Днепровец», «Севастополь». Тральщики «Баклан», «Березань», «Ипполай». Тральные катера «Коршун», «Чигирин». Вооруженные катера «Сечь», «Полтава», «Мичман Ковалевский», «Смелый», «Пушкарь», «Тайфун». Сторожевые катера «СК-1», «СК-3», «СК-5», «СК-6», «СК-7», «СК-8». Вооруженный ледокол «Гайдамак». Маяк «Беглицкий». Большой спасательный пароход «Черномор». Морского корпуса: яхта «Забава» и пар. шх. «Бриз». Тр. маст. «Кронштадт».

Ялта: катера «Петр», «Василий».

Феодосия: катера «Доброволец», «Помощник», болиндер № 441.

Керчь: эскадренные миноносцы «Живой», «Зоркий», канонерская лодка «Кача», десантные катера «Силач», «Мария», «Меотида», «Пантикапая», «Азовец», «Дмитрий», «Никола Пашич», «Петрель», «Ногайск», «Дружный», «Очаковский канал». Тральщики «Альбатрос»,

«Черногория». Тральные катера «Стриж», «Роксана». Буксирный катер «Херсонес». Сторожевые катера «СК-11», «СК-12», «СК-13», «СК-14», «СК-15», «СК-16», «СК-17», «СК-18». Наливная цехуна «Кара-Кермен». База отряда «Вежа». Плавающий маяк «Тузлинский». Брандвахта «Фанагория». Плавающая батарея «Ростислав».

Азовское море: эскадренные миноносцы «Беспокойный», «Дерзкий». Канонерские лодки «Страж», «Грозный», «Урал». Вооруженные ледоколы «Джигит», «Всадник». Тральщик «Чурубаш». Транспорт «Водолей».

Распределение транспортного тоннажа по портам по плану эвакуации

С момента перенесения всей борьбы в Крым и назначения Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала Врангеля было приказание, на случай нашего неуспеха на фронте перешейков, выработать план эвакуации армии, флота и учреждений из Крыма в Константинополь.

Секретным отношением начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России от 4 апреля 1920 года за № 002430, на имя командующего флотом, Главнокомандующий приказал, соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки, в случае необходимости, 60 тысяч человек в Константинополь. Для этого предлагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки с таким расчетом, чтобы было можно начать посадку на суда через четыре-пять дней после начала нашего отхода с перешейков. При этом давались следующие данные по портам: из Керчи — 12 тысяч человек, из Феодосии — 15 тысяч, из Ялты и Севастополя — 20 тысяч, из Евпатории — 13 тысяч человек.

А так как предполагалась переброска Донского корпуса из Евпатории в район Ак-Манайских позиций, то по окончании ее количество грузящихся в Евпатории должно было уменьшиться до трех тысяч, а в Феодосии соответственно возрасти до 25 тысяч. Кроме того, командующему флотом предлагалось, в пределах его власти, заготовить необходимое количество угля, надежно обеспечивающее эвакуацию. Этот уголь предполагалось погрузить на суда заранее, вместе с запасами продовольствия и медикаментов из расчета на один месяц на всех людей, подлежащих эвакуации. По этим заданиям было составлено следующее расписание тоннажа по портам и исчислено необходимое для него количество угля:

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Порты	Суда	Людей	Угля	Всего угля
<i>Евпатория</i>				
3 000 чел.	2 шхуны РОПИТа или 2 судна из резерва	3 000	по 6 000 пуд.	12 000 пуд.
<i>Севастополь</i>				
20 000 «	«Далланд»	3 000	8 000 «	
	«Цесаревич Георгий»	2 000	8 000 «	
	«Алмаз»	1 500	12 000 «	75 000 «
	«Рион»	6 000	25 000 «	
	«Дон»	5 000	18 000 «	
	«Кронштадт»	3 000	10 000 «	
<i>Ялта</i>				
5 000 «	«Добыча» «Виолетта» п/х Ространса п/х РОПИТа	5 000		28 000 «
<i>Феодосия</i>				
25 000 «	«Херсон»	4 000	по 18 000 «	
	«Николай-119»	2 500		
	«Маргарита»	3 000	21 000 «	
	«Екатеринодар»	3 000		
	«Поти»	1 500	7 000 «	
	«Корнилов»	3 000	8 000 «	
	«Моряк»	4 000	6 000 «	95 000 «
	п/х РОПИТа		7 000 «	
	«Мечта»	2 500	7 000 «	
	«Шилка»	1 500	6 000 «	
	«Буг»	1 500	8 000 «	
	«Дооб»		6 000 «	
<i>Керчь</i>				
12 000 «	«Ростислав»	4 000		
	10 мелких судов	8 000		50 000 «
65 000 «		67 000		260 000 «
			10 % на запас	26 000 «
				<u>Всего 286 000 «</u>

ФЛОТ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Суда	Людей	Угля	Всего угля
<i>Суда, не вошедшие в расписание</i>			
«Кольма»	1 500	6000 пуд.	
«Витим»	2 000	6000 «	
«Саратов»	5 000	18 000 «	
«Дунай»	1 000	8000 «	
п/х РОПИТа	2 000	7000 «	
п/х РОПИТа	1 000	7000 «	
п/х Ространса	1 500	7000 «	
5 шхун	3 000	25 000 «	
буксиры		30 000 «	
	17 000 чел.		114 000 пуд.
		10 % на запас	11 400 «
			125 400 «
на суда по расписанию			286 000
			Всего 411 400 пуд.

Однако это расписание не могло оставаться таким долго, так как численный состав армии менялся, особенно увеличившись в апреле. Секретным отношением от 9 мая 1920 года № 003084 начальник штаба Главнокомандующего известил командующего флотом о ниже следующих изменениях в первоначальной директиве от 4 апреля.

Общее число, подлежащее перевозке, возросло с 60 тысяч человек до 98 тысяч. Пункты посадки остались прежними, но численное распределение войск по портам сводилось к следующим цифрам: Керчь (при благоприятной погоде и Кыз-Аул) — семь тысяч человек, Феодосия — 40 тысяч человек, Ялта и Севастополь (при благоприятной погоде и Алушта) — 30 тысяч человек, Евпатория — 21 тысяча человек.

Соображения о переброске Донского корпуса из Евпатории в Ак-Манай отменялись. Все прочие указания, касавшиеся заготовки угля и погрузки на суда этого оперативного запаса, а также продовольствия и медикаментов, соответствующие новым цифровым данным, оставались в силе. Кроме того, командующий флотом был запрошен по следующим вопросам: 1) в какой мере наш флот, при настоящем его тоннаже, в состоянии справиться с одновременной перевозкой 98 тысяч человек, и если в этом встречаются затруднения, то какие необходимы для этого мероприятия; 2) насколько флот обеспечен углем на случай эвакуации.

ации и какие необходимы для этого меры, если достаточного запаса угля еще не имеется; 3) выполнено ли требование Главкомандующего о погрузке на суда неприкосновенного запаса угля.

На эти новые задания командующий флотом ответил секретным отношением на имя начальника штаба Главкомандующего от 14 мая за № 225, что при настоящем наличии тоннажа в Черном море, как казенного, так и частного, включая и все мелкие паровые суда, не представляется возможным поднять для единовременной перевозки цифру 98 тысяч человек. Что наибольшее число, которое можно поднять для такой перевозки при полном напряжении всех транспортных средств и при условии незамедлительного их подхода в порты посадки по приказанию, будет 75 тысяч человек, принимая в расчет все суда, находящиеся в плавании в Черном море, а равно и занятые перевозкой угля. Сосредоточение всех судов в портах посадки в срок четыре-пять дней оказывалось возможным лишь при условии, если главная часть тоннажа (75 %) будет заранее привязана к портам назначения в Крыму. Кроме того, должен быть обеспечен постоянный правильный подход судов для рейсов из Константинополя, Батума и других, что, как выяснилось практикой, являлось трудноисполнимым.

Затем командующим флотом было указано, что из назначенных портов Евпатория представляла много трудностей к посадке 21 тысячи человек, даже при своевременном подходе транспортов, по причинам открытого рейда, отсутствия пристаней и мелководья. Угля для перевозки 75 тысяч человек для одних лишь транспортов заготовить нужно было 315 тысяч пудов, причем этот оперативный запас угля должен был бы храниться в портах посадки, а именно в Севастополе (для Севастополя, Ялты и Евпатории) — 117 тысяч пудов, для Феодосии — 95 тысяч пудов и для Керчи — 50 тысяч пудов, а не грузить этот уголь вместе с неприкосновенным запасом провианта и медикаментов на суда заранее, так как такой погрузкой пришлось бы заполнить целые трюмы, связав этим пароходы, и погруженное подвергалось бы порче и расхищению. Для успешного же выполнения новых заданий командующий флотом полагал:

1. Для увеличения тоннажа истребовать в Черное море от Добровольного флота пароходы «Саратов», «Владимир» и еще один большой типа «Иртыш»; от РОПИТа — не менее четырех больших судов пассажирского типа; от Ространса — два товаропассажирских парохода типа «Руслан» и от частных судовладельцев — пять судов большого тоннажа.

2. Заготовить угля, в виде неприкосновенного запаса, кроме 315 тысяч пудов, еще 117 тысяч для судов, кои необходимо истребовать в

Черное море, а всего 435 тысяч пудов для судов, назначенных для перевозки, не считая судов боевых.

3. Заготовить, в виде неприкосновенного запаса, также и машинного масла в размере 1500 пудов.

4. Иметь в виду запас денежных знаков для операции.

5. Увеличить срок приготовления судов до 10 дней от момента отдачи приказа, так как представлялось совершенно невозможно произвести все вспомогательные действия (погрузка угля и провизии), сосредоточение и расстановку судов для погрузки в столь короткий срок.

6. Выработать заранее военную сторону посадки, охрану портов посадки, поддержание порядка в портах и главным образом сохранение дисциплины и подчиненности.

7. Изменение распределения числа людей по портам посадки в зависимости от местных условий, а именно исходя из срока посадки четыре-пять дней: Евпатория — 10 тысяч человек, Севастополь — 20 тысяч человек, Ялта — 10 тысяч человек, Феодосия — 50 тысяч человек, Керчь — восемь тысяч человек. Всего 98 тысяч человек.

Эвакуация этого количества людей была возможна лишь при условии прихода в Черное море дополнительно требуемых судов. Кроме того, командующий флотом подтвердил о необходимости распоряжения о выходе судов за проливы производить только из Севастополя.

Выполняя эту директиву главного командования и исходя из цифры 98 тысяч, распределение тоннажа было составлено следующее, в которое еще должны были войти суда, истребованные дополнительно в Черное море. Число людей и суда:

Евпатория: по 1500 человек — «Аю-Даг», «Бештау», «Аралат», «Херсонес», № 411, 412; 1000 человек — «Херсонес», 800 человек — «Аскольд».

Севастополь: 6000 человек — «Рион».

Ялта: 5000 человек — «Дон», 4000 человек — «Саратов», по 3000 человек — «Кронштадт», «Виолетта», 2500 человек — «Лазарев», по 2000 человек — «Цесаревич Георгий», «Россия», по 1500 человек — «Алмаз», «Добыча».

Феодосия: 4000 человек — «Херсон», по 3000 человек: «Маргарита», «Корнилов», «Екатеринодар», по 2500 человек — «Николай II», «Мечта», 2000 человек — «Моряк», «Трувор», по 1500 человек — «Поти», «Шилка», «Колыма», «Витим», по 1000 человек — «Буг», «Дооб», 4 малые шхуны.

Керчь: 3000 человек — «Ростислав»; по 4000 человек — 10 шхун и другие суда.

Всего людей 73 000.

В связи с составлением плана плавания судов торгового флота в Черноморском бассейне и демобилизации судов генерал-квартирмейстер 15 июня был запрошен штабом флота о следующих сведениях:

1. Какой тоннаж необходим на случай десантных операций?
2. За какое время будет предупрежден флот о сроке десантной операции?
3. Какой тоннаж необходим на случай эвакуации?
4. Время, потребное на сосредоточение судов в портах посадки?

Между тем, видимо в силу предполагавшихся десантных операций на Кубань и других соображений, цифровые данные, изложенные в директиве от 9 мая, стали изменяться. 23 июня 1920 года начальник штаба Главнокомандующего отношением за № 005836 на имя командующего флотом, извещая, что флоту будет дано приказание о сосредоточении судов в случае десантной операции за неделю, а в случае эвакуации армии за две недели, сообщил, что количество эвакуируемых Главнокомандующий определяет в 25 тысяч человек. В этом же сношении просилось сообщить, какое количество сверх указанной цифры, по состоянию тоннажа судов и при сроке сосредоточения их две недели, может быть посажено на суда для эвакуации. Поэтому в ответ на сношение от 23 июня штаб флота 28 июля за № 314-оп. уведомил штаб Главнокомандующего, что флоту необходимы точные задания о числе лиц, подлежащих вывозу из Крыма в случае эвакуации. Что эти данные нужны для составления заданий торговому флоту для разных перевозок, и главным образом оперативных, необходимых для расчета тоннажа, который надо всегда иметь готовым в портах Крыма или, в надежде на хорошую связь и точность исполнения приказания, который можно отпустить в плавание до Константинополя.

В окончательном виде оперативные задания штаба Главнокомандующего предписывали определять суда, которым можно разрешить свободное плавание до Константинополя и даже за проливы. Так как в последней директиве указывалась цифра 25 тысяч, но тут же задавался вопрос, какое число может быть перевезено сверх этой нормы и это количество свыше 25 тысяч не указывалось, то штаб флота, полагая со своей стороны достижимой цифрой 60 тысяч, считал необходимым все же получить вполне определенные задания. Эти задания должны были лечь в основу для выработки, совместно с Управлением торговли и промышленности, общего плана для использования торгового флота в Черноморском бассейне. В ответ на изложенный выше вопрос, телеграфно, 9 июня штаб флота был извещен, что число лиц, подлежащих вывозу, — 40 тысяч. Это задание оставалось в

силе до конца сентября. 30 сентября генерал-квартирмейстер известил начальника штаба флота отношением срочным, вне очереди, за № 009784, что в изменение всех прежде сообщавшихся сведений надлежит принять за норму при расчетах потребного нам тоннажа: 20 тысяч пехоты, до четырех тысяч всадников, до четырех тысяч лошадей и конницы и до пяти тысяч лошадей артиллерийских.

Эта норма определялась одинаковой как для десанта, так и для эвакуации. Срок сосредоточения судов для десанта — одна неделя, для эвакуации — две недели. Наконец, 25 октября, то есть за несколько дней до эвакуации, командующий флотом был извещен начальником штаба Главнокомандующего отношением за № 0010446, что в случае посадки на суда распределение войск по портам будет следующее: в Керчи — 25 тысяч человек, в Феодосии — 13 тысяч, в Ялте — 10 тысяч, в Севастополе — 20 тысяч, в Евпатории — четыре тысячи. Всего 72 тысячи человек.

Изложенное по приказанию Главнокомандующего сообщалось для руководства при распределении тоннажа между портами. Далее сообщалось иметь в виду, что вследствие небольшого размера нашей территории и наличия у противника крупной конницы группировка судов должна быть закончена для Евпатории через два дня, остальных портов через четыре-пять дней после оставления нами перешейков. По этой разбивке армии по портам посадки было приказано на Керчь отступить Донскому и 2-му корпусам, на Феодосию — Кубанскому корпусу, на Ялту — Конному корпусу, на Севастополь — двум дивизиям 1-го корпуса и на Евпаторию — одной дивизии 1-го корпуса. 28 октября это решение было изменено для 2-го корпуса, которому приказано было грузиться в Керчи до 20 тысяч, а в Севастополе соответственно увеличивалось до 25 тысяч.

Между тем в это время, а именно к 26 октября, наш и иностранный транспортный тоннаж находился по следующим портам:

Евпатория: пароходы «Дыхтау», «Лазарев», «Заря», «Эльпидифор», греческий пароход «Никола Канилопус».

Севастополь: транспорты «Кронштадт», «Моряк», «Рион», «Крым», «Сарыч», «Добыча», «Ялта», «Инкерман», «Ингул», «Осторожный», «Казбек», «Дунай», пароходы «Херсон», «Саратов», «Аскольд», «Бештау», «Херсонес», «Дооб», «Веста», «Хриси», «Волга», «Адмирал Кашерининов», «Генерал Рузский», «Киев», «Черномор», «Сулин», «Неожиданный», паровые шхуны «Аджадер», «Истриян», «Узу-Кале», английский транспорт «Цезарь», французский транспорт «Сиам», греческие пароходы «Кефалония», «Зитнос», итальянский пароход «Глория», польский пароход «Полония».

Ялта: пароходы «Сурож», «Алушта», «Гурзуф», паровая шхуна «Петр».

Судак: паровая шхуна «Алкивиадис».

По пути в Феодосию: «Румянцев», «Феникс».

Феодосия: транспорты «Дон», «Екатеринодар», пароходы «Владимир», «Корнилов», «Харакс», «Петр Регир», американский транспорт «Фараби», итальянский пароход «Марк Аврелий».

Керчь: паровые шаланды «Ахимеон», «Гординия», «Конка», «Корсунь», «Танаис», пароходы «Бабушка», «Вестник», «Королевич Александр», «Принцип», паровые шхуны «Астреля», «Павел», «Пандия», «Святой Николай», «Яков», «Любовь».

В Азовском море: транспортные пароходы «Самара», «Поти», «Мечта».

В этот перечень транспортного тоннажа к 26 октября входило несколько малых судов, находившихся в ремонте, а также несколько судов, как по своим размерам, так и мореходным качествам, совершенно непригодных к перевозке войск.

Из всего списка транспортного тоннажа, мобилизованного в разное время до эвакуации, было 10 различных частновладельческих пароходов. В октябре 1920 года, когда положение фронта Русской Армии стало тревожным и армия отошла в Крым, командующий флотом, на случай эвакуации, мобилизовал еще следующие суда:

18 октября: пароходы «Херсон», «Владимир», «Херсонес», «Харакс», «Аскольд», паровые баржи «Пандия», «Алкивиадис», «Феникс», «Астреля», буксир «Успех».

25 октября: паровая баржа «Хриси».

26 октября: пароходы «Бештау», «Саратов», «Дооб».

27 октября: пароходы «Лазарев», «Александр Михайлович», паровая баржа «Эльпидифор».

28 октября: пароходы «Румянцев», «Румыния», «Адмирал Кашерининов».

29 октября: пароход «Цесаревич Георгий».

31 октября: пароходы «Дыхтау», «Русь».

1 ноября: пароходы «Мечта», «Арабат», «Петр Регир», паровые баржи «Яков», «Павел».

В Константинополе были мобилизованы и вызваны в Крым: 29 октября: пароход «Константин», 30 октября: пароход «Россия».

Всего мобилизовано было для эвакуации 30 судов.

27 октября командующий флотом, получив приказание о сосредоточении судов по портам для посадки и исходя из данных о местонахождении транспортов по портам к 26 октября, отдал окончатель-

ные распоряжения о перемещении судов между портами для сосредоточения необходимого тоннажа по портам посадки, по новым заданиям, мобилизуя, как выше было сказано, частновладельческие пароходы и вызвав из Константинополя РОПИТа «Константин» и Ространса «Россию». Таким образом, окончательно для посадки войск в портах были сосредоточены следующие суда:

Евпатория: транспорты «Добыча», № 411, № 412, пароход «Эльпидифор».

Севастополь: транспорты «Ялта», «Сарыч», «Рион», «Инкерман», «Моряк», «Кронштадт», «Якут», пароходы «Херсон», «Бештау», «Саратов», «Александр Михайлович», «Херсонес», «Дооб», «Осторожный», «Киев», «Генерал Рузский», «Неожиданный», «Псезуапс», «Заря», «Румянцев», «Арагат», французские пароходы «Сиам», «Сежет», норвежский пароход «Модиг», греческий пароход «Сфинос», польский пароход «Полония».

Ялта: транспорт «Крым», пароходы «Цесаревич Георгий», «Русь», «Хриси», «Константин», итальянский пароход «Корвин».

Феодосия: транспорт «Дон», пароходы «Владимир», «Корнилов», «Аскольд», «Петр Регир».

Керчь: транспорты «Екатеринодар», «Поти», «Самара», пароходы «Мечта», «Дыхтау», «Харакс», «Россия», паровые шхуны «Алкивиадис», «Пандия», «Яков», «Павел», «Астрей», «Феникс», «Фанагория».

Когда же, по ходу посадки, обнаружилось, что и войск, и беженцев гораздо больше предполагаемого числа, то стали грузить и на все военные суда, особенно в Керчи на суда 2-го отряда.

*А. Штром*⁴⁷⁴

ПОСЛЕДНИЕ... ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ «РОСТИСЛАВ» И КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА «СТРАЖ»⁴⁷⁵

Полвека минуло со времени нашего «великого исхода» из Крыма в ноябре 1920 года. Воспоминания тускнеют, многое забывается, и если общая картина Крымской эвакуации сохранилась по описаниям, то отдельные ее эпизоды, может быть и незначительные сами по себе, конечно, «поглотит меденная Лета». Поэтому я попытаюсь описать один заключительный этап этого исторического события.

Осень 1920 года. Бывший линейный корабль Черноморского флота «Ростислав» с начала лета стоял как плавучая батарея (из-за взорванных англичанами цилиндров высокого давления) в Азовском море,

при входе в Керченский пролив, охраняя последний от возможного прорыва красных судов. Октябрь месяц подходил к концу, наше положение на фронте ухудшалось с каждым днем. На «Ростислав» сведения поступали плохо и с большим запозданием. Ходили неясные слухи о возможном переводе «Ростислава» на другое место, но куда именно — точно не было известно.

Поэтому, когда 31 октября командир «Ростислава» капитан 2-го ранга М.В. Домбровский (скончался в 1958 году в Париже) собрал офицеров у себя в каюте и объявил о предстоящей эвакуации, новость эта оказалась для всех полной неожиданностью. В своем последнем приказе генерал Врангель писал: «...Сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие пути наши полны неизвестности...», поэтому каждый должен был сам решить, следует ли ему эвакуироваться или же остаться, предав свою судьбу на милость победителя. Обещать в будущем генерал Врангель ничего не мог. Позже то же самое было объявлено офицерам армии, находившимся на «Ростиславе» на должностях рядовых, юнкерам и остальной команде. Выяснилось, что из полутораста человек команды решили остаться только 10—12 человек, пожилых и семейных. Все остальные решили эвакуироваться, несмотря на полную неизвестность в будущем. Надо особенно подчеркнуть, что остававшиеся совсем не были сторонниками красных, а просто не хотели бросать свои семьи на произвол судьбы и их отношение к уходящим совершенно не изменилось. Наоборот, они искренне сочувствовали и с большой готовностью и усердием приняли участие в подготовке корабля к эвакуации.

К «Ростиславу» подошел и ошвартовался вооруженный ледокол «Джигит», и началась погрузка судового имущества и скудных запасов продовольствия. Аврал продолжался всю ночь без перерыва, работали дружно, без понуканий. Закончив перегрузку, на «Джигит» перешли под начальством временно исполняющего обязанности старшего офицера штурманского офицера старшего лейтенанта князя Вл. Вл. Шаховского⁴⁷⁶ (одного из последних могижан парусного флота) офицеры и команда «Ростислава» за исключением командира, капитана 2-го ранга Домбровского, артиллерийского офицера, инженера-механика, трех или четырех офицеров и человек 10—15 специалистов, необходимых для обслуживания дежурных шестидюймовых и десятидюймовых орудий и механизмов. Днем на смену «Джигита» подошла канонерская лодка «Страж» (командир капитан 2-го ранга К.Г. Люби, скончавшийся в Париже в 1957 году). «Джигит» ушел в Керчь, а «Страж» должен был находиться у «Ростислава» до окончания эвакуации Керчи, чтобы в последний момент снять находившихся на «Ростиславе» людей.

Остаток дня прошел спокойно, в тщательном наблюдении за горизонтом. Вечером, когда уже совсем стемнело, со стороны Азовского моря были замечены белый и красный огни, скоро скрывшиеся. Возможно, что это было какое-либо сторожевое или дозорное судно красных, производившее разведку. Обнаружив «Ростислава» на его обычном месте, судно удалилось. Позже, в течение всей ночи и утром следующего дня ничего подозрительного замечено не было. Вскоре после полудня на «Страже» было принято радио начальника 2-го отряда, условно гласившее: «Давайте, давайте, давайте!», что означало: эвакуация Керчи закончена. «Ростислав» затопить, «Стражу» уходить!

Согласно этому распоряжению на «Ростиславе» были открыты кингстоны и подорвано днище, но из-за малой глубины корабль не затонул, а только сел на грунт, погрузившись до уровня адмиральского балкона. У орудий были сняты оптические прицелы и в замках вынуты стреляющие приспособления (грибовидные стержни). В распоряжение оставшихся была дана шлюпка, на которой они рассчитывали в ту же ночь переправиться на Тамань. Оба командира решили уходить после спуска флага.

С заходом солнца были с обычной церемонией спущены на «Ростиславе» в последний раз флаг и гюйс и оставшиеся офицеры и команда перешли на «Страж», который отвалил от «Ростислава» и направился к проливу, в который мы вошли, когда совсем уже стемнело. По обоим берегам пролива начали то здесь, то там загораться костры, служившие, по-видимому, какими-то сигналами или условными знаками.

Как назло, на «Страже» сдала рулевая машинка. Пришлось послать рулевого на ручной кормовой штурвал и передавать команду с мостика голосом, что при проходе не освещенного мигалками фарватера канала представляло собой не только большое затруднение, но и значительный риск, с которым капитан 2-го ранга Люби, неоднократно проходивший этот канал, блестяще справился.

Миновали Керчь, погруженную в полный мрак, и ночью подошли к маяку Кыз-Аул, где находились все плавучие средства, ранее ушедшие и уведенные из Керчи.

Так закончился последний акт героической борьбы. Мы были последним заслоном.

Раздел 3

*К. Шуберт*⁴⁷⁷

РУССКИЙ ОТРЯД ПАРУСНЫХ СУДОВ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ⁴⁷⁸

Еще в 1918 году, в бытность мою командиром Ейского временного военного порта, после того как Добровольческая армия заняла Новороссийск, я подал главному командованию докладную записку, в которой указывал на важность занятия Каспийского моря и всего течения Волги. Располагая этим водным рубежом, мы могли бы получить возможность беспрепятственной связи с нашими бывшими союзниками через Персию (порт Энзели), а кроме того, обеспечили бы себя материально на все время предстоящих военных действий, владея такими несметными богатствами, как Бакинский нефтяной район, приволжские хлеботородные губернии и богатое рыбой Каспийское море. Кроме того, через посредство Волжского водного пути получалась полная возможность фактически соединиться с пребывавшим в Омске Верховным правителем России адмиралом Колчаком, что удвоило бы наши силы и увеличило бы влияние всего Белого движения.

Зиму в начале 1919 года, после моих походов из Ейска на Мариуполь и из Керчи на Бердянск, я провел в Новороссийске, состоя в резерве чинов флота. Мысль о значении Волги и Каспия в нашей борьбе с большевиками меня не оставляла, а после официально опубликованного генералом Деникиным подчинения адмиралу Колчаку овладение этой водной системой представлялось мне совершенно необходимым.

Вскоре мне стало известно о намерениях Главнокомандующего образовать из занятых Добровольческой армией на Северном Кавказе областей кавказское наместничество с целью не только прочно обеспечить наш тыл, но и распространять свои границы на юг до пре-

жней границы Российской империи или, во всяком случае, до включений в него Бакинского нефтяного района. Представлялось возможным в дальнейшем осуществить эмиссию новых денежных знаков главного командования под обеспечение их нашими нефтяными богатствами, а установлением через Каспийское море правильных пароходных сообщений и почтового сношения связать Туркестан, Персию, Уральскую область и Астрахань с нашим центром, которым являлся в то время Екатеринодар.

Тогда же было решено воссоздать нашу военную Каспийскую флотилию, постоянной базой которой являлся прежде порт Баку. Вскоре начался набор сохранившихся в распоряжении командования морских кадров для ее укомплектования, и, так как таковых набралось немного, набор в значительной степени пополнялся всякими добровольцами. Частным образом до меня дошли известия, что первый эшелон под командой моего бывшего приятеля и близкого мне человека, капитана 1-го ранга Бориса Михайловича Пышнова, уже отправился в путь, предполагая до выяснения обстановки основаться в городе Петровске. После этого я узнал, что начальником Каспийской флотилии был назначен капитан 1-го ранга Сергеев, незадолго перед своим назначением приехавший в Екатеринодар из Тифлиса.

Мне очень хотелось быть действующим лицом в деле, над решением которого я много поработал, и поэтому я предпринял ряд шагов, чтобы тоже быть назначенным в Каспийскую флотилию, для чего мне на несколько дней пришлось съездить в Севастополь, где в то время, не имея в своем распоряжении никаких морских сил, образовался при новом командующем на юге России, адмирале Канине, огромный, бестолковый и очень пестрый по своему составу штаб.

В конце концов я был назначен флаг-капитаном штаба Каспийской флотилии, что было последовательно подтверждено приказами начальника Каспийской флотилии (от 16 марта 1919 года за № 6) и командира Новороссийского порта (от 29 марта за № 784).

* * *

1 апреля я вступил в должность, и тогда же началась моя работа по сбору 2-го морского эшелона, снабжению его всем необходимым и выработке маршрута для наиболее беспрепятственного следования к берегам Каспия, причем первоначальным пунктом нашей деятельности был намечен тот же Петровск.

Это последнее обстоятельство сильно осложнило наше движение. Незадолго перед нашим выступлением в путь стало известно, что на

железнодорожном пути Минеральные Воды — Петровск зашевелились, какие-то горские племена, под влиянием вражеской агитации объявившие Горскую республику и преградившие доступ к Петровску настолько, что последний одно время был совершенно отрезан от Ставки и, сообщался с последней лишь при помощи самолетов.

11 апреля весь эшелон, числом около ста офицеров и добровольцев, собрався в Екатеринодаре, где в наше распоряжение был предоставлен особый поезд, составленный только из товарных платформ и вагонов 3-го класса, ибо все лучшее было основательно приведено в негодность хозяйничавшими ранее в Кубанской области большевиками.

Мы считали большим приобретением отпущенные нам Ставкой два трехтонных грузовика, которые в дальнейшем путешествии оказали нам неоценимые услуги. Вооружением мы были снабжены чрезвычайно скудно: Ставка сама в нем очень нуждалась, и предполагалось, что при счастья и умении мы разживемся всем необходимым на месте. 12 апреля мы двинулись через Минеральные Воды на станцию Червленная, где, в зависимости от обстановки, должен был определиться наш дальнейший путь. Переезд по железной дороге проходил довольно монотонно, с бесконечными остановками на разных станциях; с некоторыми из нас путешествовали и наши семьи, с которыми мы не рисковали расстаться надолго в то тревожное и смутное время. Моя жена путешествовала со мной. На пути мы имели возможность хорошо ознакомиться с теми разрушениями и опустошениями, которые были причинены дивившейся уже более года Гражданской войной богатому и дотоле мирному и безмятежному Кубанскому краю. Всюду вдоль железной дороги валялись развороченные вагоны, палые лошади, были видны следы пожарищ, а местами виднелись сваленные в беспорядочные кучи ржавые и пришедшие в негодность запасы разного военного имущества. Бог знает откуда они были завезены сюда отступавшими под нашим натиском революционными бандами, спешно бросавшими их потом где попало по дороге своего отступательного движения от Черноморского побережья к берегам Каспия. Глядя на этот бессмысленный хаос, на это уничтожение нашего русского достояния, меня временами душила злоба. Как помогла бы нам в нашей предстоящей борьбе сотая доля того, что здесь погибло. Сколько бесплодных усилий было потрачено в Екатеринодаре, чтобы получить хоть что-нибудь из того бесценнейшего снабжения, которое здесь, в кубанских степях, пропадало безо всякой пользы.

На станции Минеральные Воды я нашел прекрасно сохранившийся катер с одного из черноморских линейных кораблей; я не имел воз-

возможности взять его с собой за совершенным отсутствием подъемных средств и приспособленных для его перевозки платформ. Еще более я удивился, найдя впоследствии на одной из небольших станций, не доезжая Кизляра, вельбот с посыльного судна «Березань», которым я командовал с июня 1914-го до начала августа 1916 года и на котором выдержал ряд боев с турками при обороне Батума в первый период войны. В счастливое время я был полон энтузиазма и горделивых мечтаний. Победа и слава казались мне близкими и несомненными. И вот теперь этот мой вельбот в затерянных южнорусских степях. Я хорошо узнал его — мой, мой капитанский вельбот. Он был сильно попорчен и мало походил на ту щегольскую шлюпку, какой он был на корабле Его Императорского Величества «Березань». Мне очень хотелось вывезти его отсюда и пользоваться им потом на Каспии, но после нескольких попыток я с грустью увидел, что мое желание неосуществимо, он был слишком длинен и не помещался на наших грузовиках, да, кроме того, он причинил бы людям немало бесполезных хлопот. Пришлось его бросить.

Пасху мы провели на станции Червленная. Дальше нам не пришлось двигаться прямо на Петровск. До нас дошли известия, что горцы перервали сообщение, и начальник флотилии решил свернуть в сторону и выйти к Каспийскому морю где-нибудь севернее устьев Терека. Таким путем мы увидели наконец город Кизляр, отделенный от нас вздувшимся от весеннего разлива Терекком. Железнодорожный мост через него был, как и полагается, разрушен, и мы, выгрузившись из поезда, остановились в недоумении, каким образом переправить через реку все наше добро и двинуться дальше.

Хорошо, что погода стояла все время ясная и довольно теплая. Здесь мне пришлось взяться за дело, к которому я в жизни не был вовсе приготовлен. Большую половину нашего имущества можно было с грехом пополам перетащить на другой берег по доскам, кое-как настиланым на остатки моста, но наши грузовики по ним протащить было невозможно, и приходилось налаживать переправу.

К моему счастью, я нашел неподалеку от нашей стоянки старый, склепанный из листового железа паром. В нем было несколько отверстий от ружейных пуль, которые мы наскоро заткнули. Самое трудное было подать леер с одного берега на другой. Но богатырь и атлет-гардемарин Загорский, несмотря на холодную воду и быстрое течение, отлично справился с этой задачей, перебравшись через реку вплавь с концом в зубах. Затем оставалось насыпать на обоих берегах небольшие гати для подхода грузовиков вплотную к парому. Работа велась весело и дружно, почти безо всяких инструментов, и через

несколько часов, при радостных восклицаниях, мы все со всеми вещами оказались на другом берегу. В дальнейшем было решено, что я с несколькими вооруженными людьми отправлюсь на двух грузовиках вперед, для определения пути и места ночлега, а остальной эшелон будет двигаться с начальником флотилии походным порядком. Для перевозки семей, провизии и имущества было нанято в Кизляре несколько повозок, запряженных волами.

Воображение относило это странное шествие флота на волах к далеким временам великого Петра, когда, вероятно, таким же образом передвигались войска молодого Царя по бесконечным степям Южной Руси к берегам Азовского моря для его первых блистательных побед, потрясших турецкое могущество. Обстановка та же, но сколько порыва и надежд тогда и какая злоба и бессилие теперь.

Наши грузовики не без труда выбрались на торную дорогу и быстро двинулись вперед. Вскоре мы потеряли Кизляр из виду. Весь эшелон наш вышел на несколько дней позже нас. Наш путь лежал на большую станицу Терского казачьего войска Александрийскую, она же Копай. По дороге мы встречали изредка цветущие казачьи хутора. Население встречало нас робко, но не враждебно. Мы входили в местности, лишь косвенно и незначительно затронутые революционной бурей, где люди мало разбирались во всем происходившем. Мы видели захолустный, самобытно развивавшийся, патриархальный уклад казачьей жизни, которого в те времена почти не коснулась безжалостная и преступная рука интернационала. В местах наших кратковременных остановок мы наскоро закусывали, осведомлялись о дальнейшем пути, а я оставлял краткие записки с руководящими указаниями для начальника флотилии, прося наших временных хозяев передавать их по назначению, когда подойдет эшелон. Я очень торопился вперед, ибо мне представлялась в недалеком будущем кипучая патриотическая работа на родной стихии. К вечеру мы подошли к нашей цели — станице Александрийской. Мы разыскали станичного атамана, который немедленно распорядился разместить нас всех по хатам. Зажиточность и довольство казачьего населения нас поражали. Мне было отведено помещение у приветливой пожилой казачки. В ее домике, состоявшем из нескольких комнат, было чисто и уютно. В спальне один угол был сплошь заставлен образами старинного письма, перед которыми горела лампада. Тут же были помещены изображения Государя Николая II в нескольких видах.

Мы привели себя в порядок после пыльной дороги. Я вынул свой дорожный мешок и попросил горячей воды для бритья; атаман неоступно следил за мной и немедленно исполнял все мои просьбы.

Вид безопасной бритвы и мои приемы бритья его поразили чрезвычайно. Он попросил разрешения испробовать эту бритву на себе, и тут же снес свою прекрасную русую бороду. Мы разговорились, и я спросил его, насколько здесь безопасно и нет ли поблизости грабительских шаек. Атаман вполне успокоил меня в этом отношении, но предупредил, что сами казаки станицы, которым по случаю пасхальных праздников полагалось пьянствовать, сейчас не очень спокойны — «лучше с ними особенно не связываться: в душу каждому не влезешь, а времена лихие и настоящей власти как будто нет». Все это было очень верно, и я принял на ночь некоторые меры предосторожности. Однако ночь прошла совершенно спокойно, и мы отлично отдохнули. На следующее утро, распростившись с атаманом и оставшись друг другом вполне довольными, мы тронулись дальше, получив на дорогу напутственные указания и казака-проводника. Предложенная мною за ночлег плата была решительно отвергнута.

Станица Александрийская лежит как бы на границе плодородной Терско-Кубанской степи. Дальше почва получает постоянный уклон в сторону Каспийской котловины и становится все более бесплодной, голой и солончаковой, являя несомненные признаки когда-то высохшего морского дна. Известно, что уровень Каспия на 42 с лишним футов ниже уровня океана. Почва становилась все более вязкой, и наши грузовики подвигались с трудом, оставляя за собой глубокие борозды. Местность имела унылый и мертвый вид; изредка попадались калмыцкие становища со стадами баранов или табунами превосходных лошадей. Всюду мы встречали самое трогательное гостеприимство, особенно когда люди узнавали, что мы боремся с большевиками и не являемся врагами Царя. Несколько раз мы видели далеко в стороне за горизонтом густой дым и зарево пожара; раза два почудилась отдаленная стрельба, но наш поход совершался беспрепятственно, и монотонность его ничем не нарушалась. К вечеру следующего дня, пересекши несколько раз высохшее русло старого Терека, ныне пробившего себе новое несколько южнее, мы увидели впереди себя столь желанную голубую полосу большой водной поверхности. В воздухе запахло соленой свежестью, мы были почти у цели, и мое морское сердце радостно забилося.

Вскоре мы добрались до берега. Местность была пустынна и уныла; Каспийское море, дотоле мне совершенно незнакомое, тихо плескалось у отлогого и совершенно ровного побережья. Мы подъехали к какому-то большому по тем местам деревянному дому, казалось, недавно построенному. Из него на некоторое расстояние тянулась телеграфная проволока, которая шла дальше по столбам. Несколько

поодаль и правее, у самого берега, виднелась жалкая бедная деревушка, казавшаяся совершенно вымершей, — это и была станица Старотеречная — цель нашего путешествия.

Мы начали с обследования загадочного дома, не имевшего ни одного стекла в окнах. Он оказался совершенно пустым: казалось, что постройка его была по каким-то обстоятельствам прервана и он так и остался незаконченным. Мы нашли внутри некоторый запас плотничьих гвоздей и веревок. Снаружи был сложен разного рода лесной строительный материал. Тут же неподалеку начиналась проложенная железнодорожная ветка, которая, идя рядом с телеграфной линией, внезапно резко обрывалась. Железнодорожный материал — рельсы и шпалы — тоже были в беспорядке сложены в разных местах поблизости. Складывалось впечатление, что здесь строилась кем-то железнодорожная станция и намечался железнодорожный путь. Еще более поразило нас то, что дом, по-видимому, подвергался артиллерийскому обстрелу с моря. При ближайшем обследовании он оказался сильно попорченным снарядами — были вырваны целые куски досок, а внутри от разрыва гранат сильно пострадал пол.

Мы не имели понятия, какая драма и когда разыгралась здесь и кому могло прийти в голову бить снарядами по этому мирному и пустынному уголку Русской земли. Впоследствии мне удалось выяснить лишь кое-что. Мы прибыли сюда через несколько месяцев после того, как окончилась на Каспии эпопея значительно шумевшего в Прикаспийском районе генерала Бичерахова. Слухи о нем доходили до нас уже в Екатеринодаре, но определенного о его деятельности никто ничего не знал, и даже до сих пор не знаю, в какой степени он был генерал. Как бы то ни было, это был человек незаурядного размаха. В Баку он владычествовал довольно долго и сумел объединить вокруг себя все враждебные большевизму круги. Ему подчинились и Каспийская флотилия, и все военные чины, случайно застигнутые в Баку и его районе. Военные действия его по обороне города и прилегающего к нему нефтяного района были довольно удачны. Он располагал значительными средствами, добытыми, как говорят, в Персии. Это тоже привлекало к нему сторонников. Он вел себя маленьким царьком и не стеснялся раздавал чины и Императорские боевые ордена. В разное время я встречался с разными его сподвижниками, и не могу сказать, чтобы отзывы о нем были особенно неблагоприятны. По-видимому, это был чистой воды авантюрист, каковых немало выкинуло на свою поверхность русское безвременье. Постройка станции у Старотеречной и проведение оттуда ветки на Кизляр были, как говорят, затеяны им. Мне совершенно неизвестно, почему этот чело-

век, назначенный даже, с некоторым запозданием, адмиралом Колчаком своим представителем в Прикаспийском районе, был вынужден внезапно оборвать свою деятельность и уйти в неизвестность. Мне кажется, что одной из основных причин было то, что он, подобно многим крупным русским людям этой эпохи, действовал исключительно «во имя свое», не во имя Христово, не во имя Царя и Родины. Деятельность его, как бы кипуча и разностороння она ни была, по существу своему была беспочвенна и лишена будущего.

Все эти мысли пришли мне на ум гораздо позже, теперь же в ожидании подхода эшелона приходилось спешно готовить для людей сколько-нибудь надежное убежище. Я знал, что Петровск был извещен о нашем вынужденном движении на Старотеречную и что Пышнов получил распоряжение прислать какие-нибудь плавучие средства для перевозки нас к себе отсюда морем, но не было уверенности, что наши люди в Петровске вообще в состоянии как-нибудь нам помочь. Приходилось поэтому думать о, быть может, продолжительном выжидании у моря погоды. Поэтому я распорядился занять вышеописанный дом и немедленно, по мере сил, приступить к его починке. Вскоре закипела работа, а я начал понемногу знакомиться с окружающей местностью.

Далеко в море, на горизонте виднелся маяк, построенный на острове Чечень. Когда стемнело, загорелся ярким блеском маячный огонь. Значит, там была жизнь и кто-то исправно нес свои обязанности. Вправо и влево от маяка временами показывались парходные дымки, некоторые из них заметно передвигались. Как оказалось впоследствии, это была английская эскадра под начальством командора сэра Даниеля Норриса. Она состояла из реквизированных англичанами, вооруженных и укомплектованных русскими большими коммерческих пароходов и насчитывала до десяти вымпелов. Стоянка ее на острове Чечень была обусловлена необходимостью сторожить выход флотилии большевиков и не допускать ее продвижения на юг дальше параллели остров Чечень — форт Александровский. Суда эскадры для пополнения запасов посменно уходили в Петровск.

Неподалеку от меня, на берегу у самой деревушки, было выброшено на берег несколько деревянных буксирных барок, приведенных в совершенную негодность. Станица как бы вымерла. Впоследствии нам удалось найти все-таки какого-то мрачного ее обитателя. На нас он смотрел с большим недоверием, и можно было понять, что туземцы натерпелись-таки страху от военных действий в этих местах. Предвидя, что нам рано или поздно придется делать попытки двинуться морем на Петровск, я заговорил с ним о возможности пере-

править нас на Чечень. Оказалось, что у него есть довольно неказистый рыбачий парусный баркас. Понемногу мы разговорились, причем я заметил, что наш нелюдимый спутник внимательно ко мне присматривается. Через несколько времени он проговорился, что знает меня по Николаеву, где служил матросом в 1907—1908 годах, в то время, когда я был старшим офицером на строившемся линейном корабле «Евстафий». Мне были тогда очень неприятны всякие напоминания о безвозвратно прошедшем счастливом времени. Я поэтому не стал развивать затронутую тему, а мой сумрачный собеседник, как бы испугавшись своей невольной откровенности, снова ушел в себя. Упоминаю об этом незначительном факте лишь потому, что хочу показать, как трудно было мне стусевываться, когда мне это было почему-либо необходимо. За почти четверть века моей службы в Черноморском флоте меня хорошо знало огромное количество всевозможного люда в приморских портах. Мастеровые и рабочие, бывшие матросы, всякого рода портовые рабочие и просто знакомые попадались на моем пути довольно часто, и при моей собственной очень плохой памяти на лица они почему-то меня неизменно узнавали, что нередко было для меня причиной больших неприятностей.

Работы по приданию занятому нами зданию жилого вида шли полным ходом. Правда, все было сделано грубо и топорно, но в нем можно было укрыться от непогоды и обсохнуть — большего пока и не требовалось.

С большим удовольствием я вспоминаю моих спутников: поручика по адмиралтейству Виктора Иосифовича Руторского — специалиста по радиотелеграфии — и машинного унтер-офицера Терентьева. Оба постоянно ровного характера, жизнерадостные, безумно храбрые и бесконечно преданные нашему святому делу, они были мне драгоценными сотрудниками и помощниками.

За время до подхода нашего эшелона я могу отметить лишь одно происшествие. К берегу подошел средних размеров пароход безо всякого флага. Вскоре от него отвалила шлюпка, как оказалось, с несколькими пассажирами, в числе коих было несколько офицеров бывшего бичераховского отряда. Я попробовал порасспросить одного из них, но он отвечал очень неохотно, а на мое предложение примкнуть к нам, вернуться в Петровск и продолжать борьбу с большевиками ответил уклончиво. Вскоре он поспешил скрыться, и я больше его не видел, пароход же, несмотря на наши знаки с берега, быстро снялся с якоря и ушел в море. В те времена я был еще так наивен или, если угодно, чист душой, что полагал возможным всем русским противникам большевиков объединиться в один мощный кулак под единым на-

чалством и таким путем дружными усилиями добиться их уничтожения. Теперь я знаю, как я ошибался.

Через несколько дней, когда подошел весь наш эшелон, навстречу которому я выслал проводника — того же бесценного Терентьева, мы начали обдумывать способы дальнейшего движения на Петровск. Постоянный вид дымов английской эскадры, составленной из русских судов и плававшей в русских водах, нас раздражал. Мы были отрезаны и от Петровска, и от Екатеринодара. Я предвидел, что рано или поздно у нас выйдет запас провизии и отпущенные нам скромные капиталы, да, наконец, надо было использовать наступающее летнее время и душа рвалась к деятельности.

В конце концов я убедил начальника флотилии командировать меня на английскую эскадру с поручением вступить с начальником ее в переговоры и или добиться согласия на перевозку всех нас в Петровск, или, во всяком случае, выяснить положение. На этом в конце концов и порешили. Я взял с собой мичманов Цветкова и Лаского⁴⁷⁹, получил письменное удостоверение о своей личности и занимаемой должности и нанял уже знакомый нам парусный баркас с его мрачным владельцем, который должен был доставить нас на остров Чечень, откуда я надеялся добраться как-нибудь до флагманского корабля англичан.

* * *

Я считаю, что с этого момента начался боевой период моей работы в Каспии. Первый и едва ли не самый тяжелый бой, правда словесный, имевший скорее характер единоборства, мне пришлось выдержать, ведя беседу с командором Норрисом.

Во время нашего плаванья наступило полное безветрие; единственный наш парус печально болтался, и в конце концов мы общими силами его убрали. Дальнейшее движение совершалось при помощи единственной пары весел. Мы подошли к острову уже к вечеру. Солнце стояло низко. Нам удалось найти пристанище, напоминавшее гостиницу. Здесь мы закусили, привели себя в порядок, а я, чтобы сгладить неприглядность своего заслуженного синего кителя, надел свои взятые с собой боевые ордена и шарф.

В таком виде мы подошли к берегу, в нескольких кабельтовых от которого была якорная стоянка англичан. Вскоре мы увидели направлявшуюся к берегу с одного из кораблей гребную шлюпку. Она подошла к берегу недалеко от того места, где мы стояли, и на нее стали грузить провизию. Мы подошли и кое-как объяснили наше желание

видеть начальника эскадры. Когда нас поняли, мы были приняты беспрекословно. Через несколько минут мы оказались на палубе бывшего парохода общества «Кавказ и Меркурий», носившего несколько необычайное название «Президент Крюгер». Солнце уже зашло, и на судах зажглись огни. Мы были встречены по уставу, и, думается, вид моего форменного кителя и орденов был отчасти причиной того, что я был встречен чрезвычайно корректно. Узнав, что я русский морской офицер, ко мне сейчас же вызвали переводчика. Передо мной предстал изящно одетый в английскую походную форму наш русский морской офицер старший лейтенант Литвинов⁴⁸⁰.

Как я узнал, многие наши офицеры, спасаясь от зверств большевиков, скитаясь по Кавказу и чувствуя себя обреченными на голодную смерть, нашли свое спасение и обрели сносное положение и заработок, поступив на военную службу к англичанам. Винить этих людей, конечно, нельзя: ведь англичане числились еще нашими союзниками, и лишенные возможности присоединиться к Добровольческой армии, эти нередко прекрасно образованные и достойные офицеры считали, что продолжают русскую борьбу, служа в рядах союзных армий. Таким же образом некоторые попали и к англичанам, появившимся в Закаспийском районе. Я встретил там впоследствии еще одного молодого офицера, Юрочку Сукина⁴⁸¹, служившего одно время под моим начальством на дивизионе миноносцев, которым я командовал перед самой революцией.

Я объяснил Литвинову, кто я и зачем прибыл, и показал ему мои «верительные грамоты». С его стороны я встретил самое предупредительное отношение, и в течение всего времени, что я имел дела с англичанами, я имел в нем надежного и верного союзника. По-английски он говорил безукоризненно. Он проводил меня в кают-компанию, а сам пошел докладывать обо мне начальнику эскадры. Несколько английских офицеров очень любезно поднялись мне навстречу; любопытство их, видимо, разбирало, и они пробовали со мной заговорить, но я не говорил по-английски, а они, как истинные англичане, тем более не знали других языков.

Через несколько времени, в сопровождении своего флаг-капитана, капитана 1-го ранга Grief, и Литвинова, появился командор Норрис. Это был невысокого роста, плотный и коренастый, с красным, аполлексического вида лицом человек. Правую руку он носил на перевязи и, извинившись, подал мне левую. Через Литвинова он сказал мне несколько любезных слов и знаком пригласил всех сесть. В центре оказались друг против друга командор и я. Рядом с ним сел Литвинов, за ним флаг-капитан и командир корабля. За мной скромно сели

оба мои спутника — Цветков и Лаский, далее кругом разместились остальные английские офицеры.

Я чувствовал некоторую напряженность минуты. Англичане как-то насторожились. Я сознавал, что несу в эту минуту большую ответственность за честь своего царского мундира и за первый, быть может решающий, успех наших действий на Каспии. Это сознание меня тяготило, ибо на дипломатическом поприще я никогда не подвизался и красноречием не блистал. Будучи всегда скромным рядовым офицером, я никогда не предполагал, что мне придется вступить в состязание с такими испытанными политиками, какими во все времена являлись англичане. Кроме того, на основании моих личных наблюдений и всего того, что я по отрывочным сведениям в армии о них знал, я не мог быть по отношению к ним особенно доброжелательно настроенным. Я сознавал, что мне нельзя было никак выступать в роли какого-то просителя, ибо я был у себя дома, на русской территории. С другой стороны, зная свой характер, я опасался, что не сдержусь и испорчу все дело. Повторяю, положение было очень трудное, и я решил всеми силами сдерживаться.

Я очень хорошо помню мысли и чувства, которые меня тогда волновали, и очень жалею, что ныне, после стольких потрясающих событий, не в состоянии восстановить всего нашего разговора, длившегося почти до полуночи и принимавшего временами очень бурный характер. Некоторые отдельные фразы Норриса были, однако, столь знаменательны, что врезались мне в память навсегда, и я считал бы очень полезным, если бы их запомнили хорошо все истинные русские патриоты.

На вежливый вопрос командора о целях моего прибытия я объяснил, что русское командование нашло своевременным восстановить нашу Каспийскую флотилию, чтобы преградить большевикам доступ из Волжской дельты в Каспий; что, вероятно, ему известно уже, что наш первый эшелон находится в Петровской, что начальник флотилии, так же как и я, будет двигаться со вторым эшелонем, который из-за перерыва железнодорожного пути был вынужден выйти к берегу у Старотеречной. Дальше двигаться можно только морем. Я очень рад видеть здесь наших союзников, которые, как я понимаю, прибыли сюда для оказания нам содействия в установлении порядка в России, поэтому, продолжал я, командор, вероятно, не откажет мне в своем согласии доставить нас в Петровск. Общий смысл ответа был довольно сух и гласил, что командор очень сожалеет, но не может самостоятельно решить этот вопрос, а должен телеграфно запросить указаний адмирала лорда Сеймура, который стоял в это время в Батуме.

На это я заметил, что опасаясь, что на такие переговоры может уйти много дорогого времени; кроме того, по общему смыслу пребывания здесь англичан перевозка эшелона в Петровск ни в какой мере не может противоречить общим нашим целям. На это получился очень странный ответ, что английская эскадра имеет целью не только помогать нам, но и охранять неприкосновенность Горской республики. Я заметил, что существование такого государства мне неизвестно и что я пребываю в незыблемом убеждении, что Кавказ является неоспоримым достоянием Российской империи. Дальнейший наш разговор я помню довольно точно:

Командор. Адмирал Сеймур поставил меня в известность, что британское правительство признало существование Горской республики.

Я. Это тем более странно, что вам не может быть неизвестно, что командование Русской Армии относится к таким произвольным самообразованиям совершенно отрицательно. Во всяком случае, я позволю себе спросить, как думает английское командование согласовать помощь нам и горскому правительству, понимая, несомненно, что наши интересы взаимно противоположны.

Командор. Это, конечно, очень трудно, но я здесь поделаться ничего не могу, ибо таковы полученные мною инструкции.

Я. Не будете ли вы, по крайней мере, так любезны объяснить мне, из кого состоит правительство этой чертовой республики (Литвинов так и передал devil's republic), каковы ее границы и размеры?

Командор. Я в этом еще не разобрался.

Я. Во всяком случае, я не понимаю, каким образом наше стремление уничтожить большевиков мешало бы процветанию и благополучию кавказских народов.

Командор. Горская республика претендует на владение городом Петровском и очень обеспокоена увеличением в этом городе количества русских войск.

Я. В таком случае я не вижу смысла пребывания в каспийских водах английской эскадры, которая, как мне говорят, находится здесь для содействия Русской Армии. Я полагаю, что вы не можете запретить нам работать над освобождением нашего отечества так, как мы считаем наиболее целесообразным, и ваша задача сводится к содействию нашим операциям, выработанным по определенному плану.

Командор. Я желал бы знать ваш план.

Я. Я рассчитываю по прибытии в Петровск приложить все усилия к скорейшему восстановлению Каспийской флотилии, с которой и двинуться вверх по Волжской дельте для занятия Астрахани. В дальнейшем нам предстояло бы двигаться вверх по Волге для поддержки

наших сухопутных сил, которые в некоторых пунктах уже вышли к берегам реки. Для выполнения этой операции нам необходимо, конечно, ваше содействие.

Командор. История не знает подобного прорыва вверх по реке.

Я. Наоборот, я напому вам о действиях адмирала Фаррагута во время междоусобной войны в Соединенных Штатах, когда он с полным успехом и при несравненно более тяжелых условиях прошел с боем вверх по Миссисипи гораздо большее расстояние.

Командор. Откуда у вас такие сведения?

Я. Я окончил курс в Морском кадетском корпусе в Петербурге.

Командор. Англия поклялась, что не допустит появления вновь на Каспийском море Андреевского флага.

Я. На это я вам отвечу, что я и мои друзья поклялись в противном, вы же вашим заявлением даете мне повод считать вас не союзниками, а врагами, о чем я безотлагательно уведомлю начальника Каспийской флотилии.

Наш разговор становился все резче и резче, и тон его повышался; при последней фразе мы оба вскочили и как два разъяренных петуха взъерошились; и командор и я стучали при этом кулаками по столу. Не знаю, чем бы кончилась эта сцена, если бы не вмешался спокойный и уравновешенный флаг-капитан, который всеми силами старался меня успокоить. Он сказал, что я напрасно так волнуюсь и что вопрос, вероятно, можно решить к общему благополучию. Я сейчас же опомнился и просил меня извинить за мою горячность, прибавив, что ему, как военному и патриоту, вероятно, понятно мое волнение, когда дело касается чести и интересов моего отечества.

Командор тоже остыл и просил в свою очередь извинить его.

Я имел удовольствие заметить, что несомненно проскальзывавшее до сего времени несколько пренебрежительное отношение ко мне англичан понемногу сменилось выражением искреннего уважения. Тотчас появилась откуда-то бутылка виски, и дальнейшее время прошло в обсуждении, что можно бы было сделать для удовлетворения моих домогательств. Наконец командор встал, сказал, что уже поздно, а на завтра утром он назначает съемку с якоря для следования в Петровск. Он просил меня и моих спутников быть его гостями и заявил, что согласен перевезти меня в Петровск на своем корабле. Относительно же дальнейшего он настоял на необходимости предварительного сношения с адмиралом, ибо, как он заявил, он человек подчиненный и не считает себя вправе преступать данных ему инструкций.

Мы расстались друзьями, после чего мне отвели прекрасное помещение в верхней рубке. Весь этот день и волнения последних часов

утомили меня бесконечно. Отдых меня манил, но предстояло еще написать подробное донесение в Старотеречную, и о сне нельзя было думать. Я горячо благодарил Литвинова за его содействие и просил достать мне чернил и бумаги. Приказавши Цветкову быть готовым к 5 часам утра ехать обратно курьером с моим докладом, я засел за его писание. Было уже светло, когда я его кончил и вручил Цветкову. В 6 часов полумертвый от усталости я завалился спать. Совесть моя была совершенно удовлетворена.

* * *

Я проснулся около 10 часов утра. Мы были в море. Дул свежий ветер, и мутно-желтые воды девятифутового рейда сменились вскоре глубокими синими водами, столь родными и знакомыми мне по моим плаваниям у западных берегов того же Кавказа в минувшие счастливые времена. Я привел себя в порядок. Утренний завтрак я проспал и не знал, что с собой делать до обеденного времени. На палубе было шумно: происходило артиллерийское учение с пожарной и водяной тревогами, и какие-то люди, покорные отдаваемым с мостика командам, с шумом пронеслись мимо дверей моей рубки, таща с собой ведра, топоры и маты. Я вышел посмотреть на ученье. К моему удивлению, бегавшие мимо меня люди говорили по-русски. На их лицах были написаны усердие и исполнительность. Оказалось, что это люди трюмно-пожарного дивизиона, в который входит и небоевая смена машинной команды. Из дальнейших расспросов выяснилось, что английское командование, взяв для своих целей наши суда, предложило машинным командам этих пароходов остаться у них на службе по контракту; те польстились сдуру на фунты и шиллинги, а теперь каются, да поздно. Англичане кормят хорошо, но обходятся сурово и потачки не дают. Что касается палубной команды, то вся она состояла из матросов английского военного флота. Я не мог удержаться, чтобы не обругать русских машинистов крепким словом по поводу того, что не хотели, мол, быть под русским царем, побегаете теперь под англичанами.

У орудий происходило обучение заряджанию на скорость. По привычке я вынул часы и стал считать число заряджаний в минуту. Начитав всего девять заряджаний, я был вполне удовлетворен, на моем «Заветном» число их было когда-то доведено до пятнадцати. Вскоре ко мне подошел Литвинов, и мы пошли в кают-компанию, где разговаривали на незначительные темы, когда к нам вышел командор Норрис, он сказал мне пару любезных фраз, и я, через Литвинова,

извинился, что не вышел к подъему флага и проспал. Командор ответил, что ему известно, что русский капитан всю ночь работал. Потом он вытащил из своей каюты карту северного Каспия и устьев Волги прекрасного английского издания и начал меня расспрашивать об условиях плавания в этих водах и о продвижении нашей армии. Литвинов куда-то отлучился, и я давал объяснения по-французски. Я старался убедить моего хозяина, что Англии просто выгодно оказать нам возможно скорее здесь существенную помощь, что Волга протекает на значительном расстоянии по хлебородному району, бывшему до войны житницей Европы. В настоящее время русский крестьянин, не уверенный, что у него не отберут плодов его работы, отказывается приступать к полевым работам, которым как раз подошло время. Надо им теперь же вернуть право собственности и уверенность в завтрашнем дне. В противном случае снабжение хлебом Европы резко понизится, а жизнь вздорожает, ибо неурядицы на русском хлебном рынке не могут не отозваться на экономическом состоянии Европы, которое и без того уже потрясено беспримерной войной. Мои слова, видимо, произвели на командора впечатление; он очень задумался и потом сказал: «Я могу вам ответить неофициально, что я с вами вполне согласен».

Наш разговор продолжался довольно долго. В кают-компаниии начали накрывать столы к обеду и понемногу стали собираться офицеры, свободные от службы. Заметив, что на столы подают вместо свежего хлеба морские сухари и галеты, я спросил, давно на эскадре нет свежего хлеба. Мне ответили, что по всему Закавказью чувствуется недостаток хлеба и что при всем старании англичанам не удалось наладить правильную поставку его на эскадру, вследствие чего приходится пользоваться галетами и сухарями, доставляемыми из Англии. Я вспомнил, что мои мичманы запаслись при отъезде из Старотеречной большим караваем прекрасного белого хлеба, какой выпекают на Кубани. Он оказался нетронутым, и, взяв его, я принес его в кают-компанию и, обратившись к командору, сказал: «У нас принято встречать друзей хлебом-солью, позвольте мне, как одному из хозяев, использовать этот прекрасный русский обычай по отношению к вам — нашим союзникам — и вместе с тем сообщить вам, что если бы вы нашли возможным установить с нами более тесную связь, то вам не пришлось бы страдать от отсутствия свежего хлеба, которого у нас более чем достаточно». Командор меня очень благодарил, и я имел удовольствие видеть, с какой жадностью англичане на него набросились; в несколько минут его поделили и съели, не дожидаясь обеда.

По-видимому, у англичан в этот день был какой-то табельный день. В голове стола сел командор. Я был посажен по правую руку от него, против меня сели Grief и Литвинов, подали прекрасный портвейн; и командор, постучав стаканом по столу, произнес тост за короля, который, по старому обычаю, произносится сидя с провозглашением одного лишь слова: «King». В это одно слово вкладывается, однако, очень много значения, и я невольно сравнил эту немногословную здравицу с теми витиеватыми цветами красноречия, которыми в подобных случаях раздражалась наша прогрессивная общественность, что не помешало ей, однако, предать своего Государя на мученическую смерть. Командор пил и за успех нашего оружия, и я благодарил как умел. Обед прошел очень тепло. Около 3 часов дня мы подошли к Петровску, которого я никогда не видал до того времени со стороны моря. Мы вошли в гавань и ошвартовались у стенки. Гавань была очень оживлена. Вся северная часть ее была занята судами под английским военным флагом. На берегу в некоторых местах высились склады и горы всякого военного имущества, обведенные колючей проволокой; всюду были расставлены часовые в лице рослых сипаев в тюрбанах, виднелись гидропланы на ровной площадке; в наскоро сколоченных бараках развернулись разнообразные мастерские, работавшие полным ходом. Русский флаг отсутствовал совершенно; казалось, что англичане хозяйничают в завоеванной стране. Меня опять охватила волна раздражения, и я задавал себе вопрос, кто нам опаснее — большевики или Англия.

Надо было, однако, скрывать свои чувства. Я распростился с командором как можно любезнее, дружественно пожал руки ближайшим офицерам и попросил Литвинова проводить меня до места стоянки нашего эшелона.

* * *

Первый эшелон, прибывший в Петровск приблизительно на месяц раньше, помещался в то время в обширном двухэтажном каменном здании, бывшем, вероятно, в мирные времена гостиницей или чем-нибудь в этом роде. У входа в подъезд стоял часовым незнакомый мне молодой морской офицер. Когда я подошел, он встал смиренно и удивленно на меня взирал. Я поднялся во второй этаж и вскоре был сердечно встречен Пышновым и еще несколькими знакомыми офицерами флота, которые очень удивились моему появлению. Главное их помещение было разгорожено развешанными в виде занавесок сигнальными флагами, разделявшими его на несколько кают. В них стояли койки,

были разложены вещи их обитателей и развешаны винтовки и амуниция. Мне нужно было возможно скорее ознакомиться с местной обстановкой и настроениями, чтобы решить, как действовать дальше; скоро мы все расселись и я начал свои расспросы.

Первое, что меня поразило, — это полное уныние и даже растерянность, которые царили в нашей среде. О плавании и о каких-нибудь военных действиях, по словам моих новых подчиненных, не могло быть пока и речи. Все занято англичанами, которые одновременно с эскадрой привезли сюда значительный десант, состоящий из цветных войск. Эти вооруженные силы ведут себя в городе завоевателями, по городу ходят их патрули, повсюду стоят их караулы, ими же занято несколько лучших зданий. Матросы с эскадры бесчинствуют и пьянствуют. Набранные, по-видимому, далеко не из первосортного элемента, они продают на базаре казенное имущество, и английское командование никаких мер для прекращения этого безобразия не принимает.

Все было бы понятно, если бы в городе не было никаких русских войск. Между тем здесь стоит пробившийся с остатками Закавказской армии престарелый и заслуженный генерал Пржевальский. В его распоряжении сохранились броневики, несколько орудий, некоторое количество казаков и значительное количество офицеров. Все это понемногу разлагается. Пышнов являлся генералу, объяснял цель своего прибытия, но никакого определенного решения не получил. Единственным распоряжением пока было нести караулы в общей очереди с сухопутными войсками для охранения военного имущества. Вдобавок в городе существует антирусская агитация, не то со стороны большевиков, не то со стороны горцев, успешно мутящих все разноплеменное и разноязычное местное нерусское население. На днях получилось известие, что значительные части горцев намереваются спуститься с гор и ночью овладеть городом. Появились признаки панических настроений. Наши решили было проверить эти слухи: была сформирована небольшая часть, около полуроты, которая должна была выйти за город и пройти немного в горы с целью произвести разведку, но их встретила рота сипаев, и английский офицер предложил им немедленно вернуться в город, так как охрану его взяли на себя англичане. В случае неисполнения его распоряжений он угрожал открыть огонь. Не имея никаких указаний, как вести себя с англичанами, отряд несолоно хлебавши вернулся вспять. Появились разочарованность и апатия и, как следствие этого, жестокое пьянство по ночам. Таковы были первые полученные мною неутешительные сведения. Я не знал, что предпринять. Было уже поздно, и я решил выспаться, а на другой день

первым делом представиться генералу Пржевальскому, как старшему военному начальнику в городе. Мне отвели ложе в одной из импровизированных кают, и я скоро заснул.

На другое утро я проснулся в отличном настроении, в голове зародились кое-какие мысли о неотложных мероприятиях. Надо было действовать. Главным моим козырем было то обстоятельство, что я знал, как вести себя с англичанами, и последние уже знали меня. Мне не хотелось являться к генералу без какого-нибудь готового определенного плана, и я спросил моих моряков, не могут ли они указать кого-нибудь из сухопутных офицеров, к которому можно иметь полное доверие во всех отношениях и который им известен как человек решительный и не утерявший влияния в среде своих подчиненных. Мне указали на командира автоброневоего дивизиона Генерального штаба полковника Георгия Дионисиевича Ивицкого⁴⁸². К нему я и направился.

Полковник Ивицкий произвел на меня сразу приятное впечатление. Это был настоящий военный, умный и образованный, импонирующий помимо всего остального и своей могучей красивой внешностью. Мы быстро сошлись, наша взаимная симпатия скоро перешла в искреннюю дружбу, сохранившуюся и до сего дня. В дальнейшем он оказал мне много услуг. Люди одинаковых симпатий и верований, оба убежденные монархисты, мы быстро сошлись в главных пунктах, и в конце концов отправились к генералу со следующим предложением. Хозяином города и всего района является генерал, стоящий во главе размещенных здесь русских войск. Англичане рассматриваются как прибывшие для содействия нам наши союзники. Все вмешательства их в распоряжения генерала должны быть пресекаемы самым решительным образом. Оборона города и обуздание как горцев, так и местных большевиков является нашим делом, и никто не смеет препятствовать нам принимать в этом отношении все необходимые меры. В частности, в данный тревожный момент необходимо провести следующее: 1) всех сколько-нибудь ненадежных воинских чинов уволить и удалить из города, 2) остальными в первую голову укомплектовать броневики и батарею, кои охранять усиленными караулами, 3) для батареи наметить наиболее удобную позицию и иметь дежурное орудие постоянно заряженным, 4) автоброневикам для всеобщего устрашения периодически циркулировать по городу, для чего взять на учет все наличные запасы бензина, 5) на следующую же ночь снова послать роту на разведку за город, о чем предупредить англичан с указанием, что по всякому, кто будет пытаться этому препятствовать, будет открыт огонь. Кроме того, было признано полезным

привлечь к делу обороны добровольцев из местных жителей и установить тесную связь с застрявшими в городе казачьими частями.

Мы нашли генерала в полной прострации. Почтенный старик встретил нас в халате с Георгием на шее, небритый и нечесаный. Я представился ему по случаю моего прибытия, а затем полковник Ивицкий доложил ему об общей сумбурной и беспокойной обстановке в городе и просил о принятии перечисленных необходимых мер. Генерал Пржевальский только тяжело вздыхал и махал руками: все равно, мол, ничего не выйдет и все пропало. Ему, старому заслуженному военному человеку, трудно было понять и переварить все те ужасные события, жертвой которых стали и Государь, и Россия. Он предоставил нам полную свободу действовать от его имени, и мы вскоре раскланялись.

Полковник Ивицкий, так сказать, полуявочным порядком вступил в исполнение обязанностей градоначальника и начальника гарнизона города Петровска, и с той поры я имел дело исключительно лишь с ним. Охрана города перешла в твердые и надежные руки. Назначение Ивицкого вскоре после восстановления железнодорожной связи со Ставкой и Пятигорском — местопребыванием назначенного на должность кавказского наместника генерала И.Е. Эрдели — было официально подтверждено, и тяжелый кризис миновал. Все это было несколько позже, теперь же, не имея нужды заботиться о нашей непосредственной безопасности, я получил возможность обратиться к своим морским делам.

Прежде всего, чтобы рассеять мрачное уныние, овладевшее нашими моряками, и поднять в эшелоне бодрость и дисциплину, я чувствовал необходимость дать им хоть немного какой-нибудь работы, убедить их в действительной необходимости их существования. Вместе с тем я отнюдь не забыл грозной фразы об Андреевском флаге, в пылу нашего спора невольно вырвавшейся у командора Норриса. Надо возможно скорее показать англичанам, что Андреевский флаг является истинным хозяином на Каспии. По этому поводу я имел с Борей Пышновым несколько продолжительных совещаний. Я узнал, что он с громадным риском побывал в Баку с целью обследовать, какими из стоявших там наших военных судов можно было бы воспользоваться для наших целей. Положение оказалось совершенно безнадежным. Обе наши канонерки «Карс» и «Ардаган» нуждались в продолжительном ремонте, оба миноносца стояли разоруженными и никуда не годились; в таком же положении были приблизительно и посыльные суда «Часовой», «Страж», «Асхабад» и несколько других. Кроме того, вследствие царившей в городе неразберихи корабли нечем было укомплектовать. Приступить к ремонту было невозмож-

но без сильной и надежной охраны судов и мастерских, а все сколько-нибудь пригодные к плаванию коммерческие суда были уже заняты англичанами. В самом же городе переплелись в неразрешимый узел татары, армяне, грузины, а также какие-то итальянские военные части. Русских как будто никогда и не было. Во всяком случае, в Баку какие бы то ни было мероприятия были мыслимы лишь после того, как мы сколько-нибудь укрепим в Петровске. Оставалось, значит, только рассчитывать на самих себя и создавать что-нибудь лишь из того, что было на месте, под рукой.

В Петровске Пышнову удалось получить в свои руки два-три разных размеров паровых катера; самым большим и исправным командовал старший лейтенант Вирен — храбрый и исполнительный офицер. Я отправился в порт, северная часть его, как я уже упоминал, была занята англичанами. Гавань была довольно обширна и недурно оборудована.

В мою голову гвоздем засела мысль показать всем самым наглядным образом, что хозяева здесь мы, а никто другой. Я решил установить в гавани военную брандвахту для наблюдения за входящими и выходящими судами и для точного их учета, а также для несения военно-полицейской службы в порту. Надо было подыскать для этого какую-нибудь, хоть самую негодную посудину. Тщательно обходя все закоулки гавани, мне посчастливилось найти небольшой колесный пароход, с виду довольно приличный. Он оказался, правда, с совершенно испорченными машиной и котлом, но для моих целей он подходил отлично. Я приказал поставить его на якоря к стенке у самого входа в гавань, назначил командира и вооруженную команду и составил для них письменную инструкцию с указанием препятствовать силой оружия каким бы то ни было посягательствам на брандвахту и исполнять лишь мои приказания. На брандвахте было установлено телефонное сообщение с берегом и торжественно поднят Андреевский флаг. За неимением каких бы то ни было музыкальных инструментов мы сопровождали подъем флага криками «ура». Англичане все это видели, но посягать на мою брандвахту не решились. Моральная победа была несомненно одержана нами. Люди подтянулись и стали смотреть веселее.

Вторым мероприятием было возможно скорое приведение в исправность катера «Петровск» и посылка его под командой Вирена к Старотеречной в распоряжение начальника флотилии. Я недоумевал, как доставить оттуда наши грузовики, но в конце концов решил, что их можно будет там оставить с несколькими людьми, лишь бы эшелон скорее доставить сюда. Через несколько дней «Петровск» ушел по назначению.

В дальнейшем мое время было занято главным образом разными хозяйственными вопросами. Надо было собрать и взять на учет все морское имущество, как привезенное, так и найденное на месте, озаботиться постоянным питанием людей, приисканием помещения для второго эшелона и для штаба флотилии — все это было не так просто и проходило не без трений. Главной моей заботой было все же стремление возможно скорее переселить людей на воду. Правда, для военных действий мы еще не очень годились, но надо было дать им хоть какую-нибудь практику и служебную спайку.

Мне помог случай. Однажды вечером я получил записку от флаг-капитана Grief с просьбой прибыть в английский штаб. Идти туда я отказался и просил известить меня, что им нужно. Тогда пришла бумага, в которой было изложено по-русски следующее: русские команды, служившие на пароходах под английским флагом, под влиянием большевистской пропаганды в Баку, забастовали и покинули суда. Ввиду того что англичанам необходимы срочные перевозки военных грузов и, кроме того, нарушается почтовое и пассажирское сообщение между каспийскими портами, английское командование просит уведомить его, не найду ли я возможным дать на время своих людей для обслуживания этих пароходов при условии оплаты их английским командованием.

Здесь необходимо заметить, что, овладевши нашим коммерческим флотом, англичане, как уже известно, лучшие пароходы вооружили. Остальные же были пущены в рейсы, причем все доходы от их эксплуатации поступали в английский карман и в значительной мере окупали их военные расходы. Всемирный маклер извернулся и здесь. Играть им в руку я отнюдь не намеревался, поэтому я ответил, что до подхода второго эшелона я не располагаю достаточным количеством людей для укомплектования всех пароходов, да кроме того, до прибытия начальника флотилии, который наметил местом сбора людей город Петровск, я не считаю себя вправе посылать их в Баку, где, по моим сведениям, возможны всякие осложнения и беспорядки.

Тогда на другой день ко мне пришел Литвинов с покорнейшей просьбой от капитана Grief зайти к нему в штаб для совершенно частного разговора. Я пошел. Флаг-капитан был очень любезен. Он сообщил мне, в какое тяжелое положение англичане поставлены вспыхнувшей забастовкой, потом заметил, что мой ответ на их бумагу он считает вполне основательным, но что, может быть, я найду возможным укомплектовать хотя бы те два парохода, команды коих забастовали здесь, в Петровске. Эти пароходы надо охранить от порчи и расхищения и поддерживать их готовность к выходу в море, и он надеется, что для

их укомплектования у меня найдутся люди. Я ответил, что согласен на это, но при соблюдении некоторых условий, которые в виде контракта должны быть написаны на двух языках и подписаны им и мною. Он нашел это вполне понятным и просил изложить их.

Я поставил условиями следующие:

1) так как пароходы будут укомплектованы русскими военными командами, то и командовать ими могут только русские морские офицеры;

2) пароходы со времени занятия их моими людьми поднимают русские флаги и

3) русские морские офицеры, вступившие в командование пароходами, исполняют только мои приказания.

От всякого вознаграждения со стороны английского командования я отказался наотрез, сказав, что я считаю все это актом содействия нашим союзникам в военное время, а не наймом частных людей для частной службы. Grief попросил меня изложить теперь же мои условия на бумаге, после чего я с ним распростился. На другой день я имел удовольствие получить мой контракт переведенным и подписанным Норрисом; я тотчас объявил об этом моим людям. Ликование было всеобщим. Тотчас состоялось распределение людей на оба парохода. Командиром одного я назначил Пышнова, он же был впоследствии и начальником экспедиции; командиром другого был назначен старший лейтенант Ноинский⁴⁸³, впоследствии изменивший присяге и перешедший к большевикам.

На другой день утром команда строем с песнями проследовала в порт, где и заняла оба парохода; за неимением в наших запасах Андреевских флагов, на них были подняты с воинскими почестями русские коммерческие. Пароходы назывались «Эдисон» и «Самет-Ага»; на обоих началась правильная военно-морская служба. Я ликовал и внутренне решил, что англичанам этих судов больше не видать.

Почти непосредственно после занятия этих пароходов нашим командам выпало на долю счастье сослужить хорошую службу русскому делу. В одно время со всеми вышеописанными событиями разгорелась борьба с большевиками и в пределах Уральского казачьего войска. Уральцы, как и вообще вся народная Россия, совершенно не были подготовлены к тому, чтобы дать новому врагу должный отпор: не было ни организации, ни средств, ни оружия. И вот, проведав о ликвидации нашего Закавказского фронта, а также о деяниях Бичерахова, уральцы послали своих верных людей с поручением попытаться набрать кое-что из сохранившихся бесхозных военных технических средств и вооружения и доставить все это в Гурьев — единственный город Уральской

области, лежащий на берегу Каспия. Ко времени вышеописанных событий Уральская миссия находилась уже в Петровске. Дело свое она выполнила очень хорошо и раздобыла несколько броневых машин, орудия, пулеметы и многое другое, что полагалось для ведения войны. Беда была лишь в том, что невозможно было добыть какие-либо перевозочные средства для доставки всего этого в Гурьев, и бедные уральцы метались по городу и толкались во все двери, чтобы добиться каких-нибудь результатов.

Конечно, в конце концов, в более спокойное время для этой цели можно бы достать за хорошие деньги какой-нибудь грузовой пароход, но беда была в том, что плавание северной частью Каспия в пределах так называемого девятифутового рейда было совсем не безопасно. Большевики, основавшиеся в Астрахани, отнюдь не сидели спокойно и как-то стихийно и слепо, но неуклонно тянулись в Азию. В этом своем стремлении они заняли находящийся на восточном берегу форт Александровский — старое укрепление времен Императора Александра II — и понемногу перевозили туда из Астрахани топливо, провизию и другие запасы, как бы собираясь создать там какую-то базу для своего дальнейшего движения. Они поддерживали довольно оживленное сообщение между этими двумя пунктами, и англичане им в этом не очень препятствовали. Правда, во время моего пребывания в гостях у Норриса последний рассказывал мне с гордостью о своем нападении на стоявшие на рейде у Александровского военные суда большевиков, окончившемся их разгромом, но постоянного наблюдения за этим районом не велось, и передвижения большевиков, конечно, там возобновились. А так как линия Петровск—Гурьев как раз пересекает направление Астрахань — форт Александровский, то понятно, что невооруженные суда не рисковали появляться в северо-восточной части Каспия, из опасения быть захваченными большевиками.

Узнав, что я получил в свое распоряжение два больших парохода, уральцы обратились ко мне, и я согласился перевезти их грузы в Гурьев. Разумеется, это была чистейшая авантюра: мы морем не владели и весь расчет был лишь на удачу. Но с другой стороны, я считал очень важным помочь им, рассчитывая, что, быть может, в будущем мне придется совместно с ними вести операции против Астрахани. Я считал также необходимым дать своим людям хорошую военноморскую встряску и приказал обоим пароходам готовиться к походу. Курсы были рассчитаны так, чтобы проскочить опасную воду ночью с потушенными огнями. Я дал людям всякое имевшееся в моем распоряжении вооружение, то есть винтовки с большим запасом патро-

нов и значительное число ручных гранат. Я уведомил также о предстоящем походе полковника Ивицкого, и тот доложил об этом генералу Пржевальскому.

На другой день была назначена погрузка. Утром, в районе гавани, перед обоими ошвартовавшимися у стенки пароходами состоялась маленькая торжественная церемония. Был приглашен священник и хор певчих, приехал генерал Пржевальский, и назначенные по наряду военные части составили каре. Отслужили напутственный молебен, после которого генерал пожелал уральцам счастливого плавания. Он очень благодарил меня за что-то, потом обнял и поцеловал. Тотчас по окончании церемонии началась погрузка броневигов, а затем и остального военного снаряжения. Вечером, перед заходом солнца, пароходы вышли в море, и наступившая темнота вскоре скрыла их от наших взоров. На душе моей было очень беспокойно: я знал, что взял на себя ответственность за жизнь многих хороших русских людей. Англичанам я не сообщил ничего. Забегая вперед, я скажу, что плавание было совершено благополучно и что наш маленький отряд был встречен в Гурьеве с энтузиазмом, причем людей носили на руках и не знали, как угостить. Вернулись они уже после прибытия в Петровск начальника флотилии, пробыв в плавании около недели, причем Ноинский вернулся на сутки раньше Пышнова. Последний заметил во время обратного плавания на горизонте какие-то дымки. Дело было перед вечером, и до наступления полной темноты он маневрировал, чтобы сбить с толку возможного неприятеля. Люди не спали и пережили несколько часов сильного напряжения. Слава богу, все кончилось благополучно, и я облегченно вздохнул, когда увидел Пышнова невредимым.

Удача этого похода была мне тем более приятна, что я послал с Пышновым обширный письменный доклад адмиралу Колчаку, пребывавшему в это время в Омске. Линия связи с Верховным правителем была в то время подвержена всяким случайностям. Она шла из Гурьева на Уральск и далее, посредством Уральской и Оренбургской казачьей летучей почты, через Орск на Омск. Впоследствии я имел удовольствие узнать, что мое донесение было адмиралом получено.

Опасность путешествия по водам северного Каспия была несколько позже подтверждена самым трагическим образом. В Петровск прибыл с важными бумагами из нашей Ставки генерал Гришин-Алмазов. Он вез документы для личной передачи адмиралу Колчаку, и его путь тоже лежал через Гурьев. В Петровске он получил в свое распоряжение довольно хороший катер и, в сопровождении нескольких офицеров при очень благоприятных условиях летней погоды, пустил-

ся в дальнейший путь. На поддороге, почти на траверзе форта Александровского, катер был замечен и настигнут одним из больших миноносцев типа «Москвитянин», который в числе нескольких других был переправлен большевиками из Балтики по Волге в Каспий. Генерал успел уничтожить бумаги и застрелиться; прочие же офицеры были захвачены и отправлены в форт Александровский на тяжелые работы. Впоследствии из газет, доставленных мне из Астрахани, я узнал, что эти несчастные были перевезены туда и расстреляны.

* * *

2 апреля прибыл на катере «Петровск», с большей частью 2-го эшелона, начальник флотилии. Прибыла также в числе пассажиров и моя жена. Все они имели весьма истомленный вид, ибо катер попал в свежую погоду и его сильно потрепало. Все чины штаба заняли приготовленную для этого бывшую гостиницу, до некоторой степени сохранившую свое благоустройство. С этого времени я начал исполнение своих обязанностей флаг-капитана, каковые, собственно говоря, не очень соответствовали моему характеру. Впрочем, я не особенно долго их и исполнял: 15 мая я ушел уже в море. Этому обстоятельству содействовало несколько разнообразных причин.

С первых же шагов у меня с капитаном 1-го ранга Сергеевым выяснилось такое расхождение взглядов, что было ясно, что нам вместе работать будет трудно. Оставляя в стороне различные мелкие дразги и какое-то затаенное недоброжелательство с его стороны, упомяну лишь главные пункты нашего разногласия. Он очень не одобрял занятой мною независимой позиции по отношению к англичанам, и то положение, которое мною было установлено, было им сведено на нет. Это показали и те переговоры, которые велись Сергеевым с Норрисом при первом их свидании, на котором присутствовал и я. Командор вновь принял холодный и недоступный тон и начисто отказался передать в наше распоряжение часть занятых и вооруженных англичанами русских судов. Моя посылка в море двух пароходов, которые я оттягал от английского командования, тоже не была им одобрена, и вскоре по возвращении их домой они были англичанам возвращены.

Перестало также поддерживаться мое доброе согласие с нашими сухопутными войсками, и Ивицкий относился к Сергееву неодобрительно. Наконец, последний был очень недоволен моей попыткой связаться с адмиралом Колчаком. Этому были свои причины. В бытность Колчака командующим Черноморским флотом в 1916—1917 годах Сергеев командовал линейным кораблем «Императрица Екатерина II».

Это его командование было настолько неудачно, что адмирал убрал его с корабля на берег и отослал в Тифлис для связи флота с командованием Кавказской армии. Конечно, это была почетная ссылка, поэтому Сергееву совсем не улыбалось установление связи с Омском, он опасался для себя новых неприятностей.

За свое короткое время пребывания в Петровске я отмечу еще два характерных случая. Как я уже упоминал, железнодорожное сообщение Петровска со Ставкой было вскоре восстановлено, и к нам стали подходить разного рода подкрепления в виде пополнений и подвоза разного рода снабжения. Прибыли в это время также и чины контрразведки, поступившие в распоряжение штаба флотилии. Во главе ее стоял умный и образованный капитан Мусиенко, которого я знал еще по Новороссийску. Несмотря на свои тяжелые ранения, он поражал меня своею неутомимостью. Его помощниками являлись капитан Мелешкевич и поручик Попандопуло, оба старые корниловцы. Здесь я должен упомянуть, что, насколько наша контрразведка по многим причинам не пользовалась во время Гражданской войны хорошей славой, присылка к нам вышеупомянутых трех офицеров являлась каким-то счастливым исключением.

Работа этих людей была очень плодотворна и не замедлила сказаться. Капитан Мусиенко вскоре набрал себе штат секретных помощников; в числе их находилась и русская барышня, отлично говорившая и писавшая по-английски и работавшая на пишущей машинке. Именно благодаря этим качествам ее удалось поместить переводчицей в штаб английского командования в Петровске, где она имела возможность знакомиться со многими секретными бумагами, содержание коих через капитана Мусиенко потом сообщалось мне. Из числа этих бумаг я упомяну лишь об одной. Содержание ее вполне объясняет образ действия англичан повсюду, где во время Гражданской войны они соприкасались с нами. Бумага эта исходила от лорда Сеймура, и в ней предписывалось Норрису чинить нам в нашей борьбе с большевиками, по возможности незаметно, всяческие помехи. Если же, доведенные до крайности, наши власти выкажут намерение обойтись с англичанами как с врагами, то в последнюю минуту идти на всякие уступки. Этот документ меня ошеломил, и я тотчас передал его содержание капитану 1-го ранга Сергееву. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. В своих воспоминаниях я никак не могу обойти молчанием этого случая. Документ этот является как бы единой программой, которой руководились наши бывшие союзники одинаково, как у нас на юге, так и в Архангельске, и у Колчака, и у Юденича, и может объяснить многое.

К этому же времени относится и другой характерный случай. Однажды я получил написанную наскоро карандашом записку от Литвинова, извещавшего меня, что на одном из вооруженных английских судов, пришедшем из Баку, находится в качестве пассажира известный автор «приказа № 1» Соколов, пробирающийся в Астрахань к большевикам. Роль этого приказа была достаточно хорошо известна всем нам, ибо опубликование его послужило основанием развала всех наших вооруженных сил на всех фронтах; также хорошо было известно нам и имя предателя Соколова, и понятно было общее желание с ним расправиться. Извещая меня о прибытии Соколова в Петровск, Литвинов умолял добиться выдачи его в наши руки. Почти одновременно я получил такие же извещения и от полковника Ивицкого, и от капитана Мусиенко. Я бросился в порт, на пароход, привезший этот ценный груз. На палубу нас не пустили; у схода стояли часовые. Соколова не было видно. К нам сошел на набережную английский офицер, и через переводчика Литвинова мы все втроем начали настаивать на выдаче нам Соколова, объясняя его значение в русской революции и ту опасность, которую он мог представлять в дальнейшем. Все наши усилия и убеждения оказались напрасными. Нам было сказано, что Соколов находится под защитой английского флага и что он нам выдан не будет. Так мы его и не видали, и мне неизвестно, куда его потом сплывали англичане.

Между тем время шло. Все сосредоточившиеся в Петровске военно-морские чины были собраны в Каспийский полуэкипаж. Было учреждено управление Петровским военным портом. В оперативном отношении мы были подчинены кавказскому наместнику генералу Эрдели. Для атаки Астрахани с сухого пути был образован особый отряд под начальством генерала Драценко, которому предстояло движение от Кизляра по безводным солончаковым степям к северо-западным берегам Каспия и Волжской дельте. Кавказское командование, учитывая в будущем трудность доставки продовольствия и подкреплений к новообразованной группе генерала Драценко, а также считая нужным обеспечить с моря его правый фланг и установить прочное сообщение с ней, настоятельно требовало от нас принятия решительных мер в этом отношении. Мы же все еще сидели на мели, не имея в своем распоряжении никаких плавучих средств со сколько-нибудь боевым значением. От англичан добиться чего-нибудь нельзя было и думать. Кроме того, кроме мореходных глубокосидящих вооруженных пароходов, которыми располагало английское командование, приходилось думать о том, чтобы обзавестись какими-нибудь мелкосидящими судами малого тоннажа, которые

были бы способны разворачиваться на мелководье северного Каспия и близко подходить к берегам для поддержки непрерывной боевой связи с сухопутными войсками. Несколько таких колесных пароходов мелкого тоннажа имелось в виду получить в будущем из Баку. Только что стали прибывать оттуда отдельные застрявшие там морские офицеры; но присоединение их к нам шло очень туго, и, во всяком случае, не было никакой возможности предусмотреть, сколько времени потребуется на то, чтобы вырвать из Баку какие-нибудь необходимые нам плавучие средства.

А между тем, как сказано, время не терпело, и штаб заместника на нас сильно нажимал. В это время, принимая во внимание крайнюю потребность поддержки с правого фланга наших войск, возникла мысль в виде некоего суррогата использовать рассыпанные повсюду бесхозьяственные парусные рыбацьи шхуны, так называемые «рыбницы», составить из них отряд и, пока не найдется чего-нибудь более лучшего, хоть таким путем оказать свое содействие, двигаясь под парусами вдоль побережья на север, поддерживая связь с сухопутным отрядом и, сколь возможно, мешая приморским операциям красных. Идея эта была особенно популярна в среде нашей молодежи. О ее рискованности, обо всем безумии этой авантюры как-то не думали; увлекала романтичность затеи — боевые действия под парусами в наш век! И хотя опытных офицеров парусников у нас почти уже не имелось, было отдано распоряжение приискать несколько исправных парусных шхун и начать набор людей для их укомплектования.

Как я уже упоминал, работа в штабе флотилии, хотя бы и в должности флаг-капитана, меня не удовлетворяла; некоторые распоряжения начальника флотилии мне казались ошибочными, и, в частности, я совсем не одобрял того заискивающего поведения, каковое было им усвоено по отношению к английскому командованию.

Плавание под парусами особенно манило меня, сделавшего еще в 1902—1903 годах более 11 тысяч миль под парусами в Атлантическом океане, и, чувствуя, что из моей дальнейшей работы ничего хорошего не выйдет, я обратился к капитану 1-го ранга Сергееву с просьбой доверить формируемый парусный отряд мне.

Моя просьба была уважена не без удовольствия, и приказом начальника Каспийской флотилии от 14 мая за № 138 я был назначен начальником экспедиции особого назначения. Должность свою я сдал капитану 2-го ранга Апушкину, прибывшему в Петровск еще с первым эшелонем, и на другой же день, подняв свой брейд-вымпел на одной из шхун, около 3 часов дня вышел со всем отрядом в море. В гавани нас провожали многочисленные друзья и знакомые. Многие

нам завидовали, другие задумчиво покачивали головами. Англичане со своих пароходов, казавшихся нам дредноутами, взирали на нас с молчаливым удивлением. Так начался наш парусный поход, длившийся непрерывно до 1 июля, то есть полтора месяца.

* * *

Прежде чем приступить к описанию нашего похода, я перечислю его состав и силы, которыми мы располагали. В состав отряда вошло всего девять двухмачтовых парусных шхун, из них семь были вооружены, а две как бы транспортные. Своим ближайшим помощником и заместителем я пригласил своего старого друга Б.М. Пышнова. В сущности, мы с ним и являлись единственно старым элементом на нашем отряде. Все остальное была зеленая молодежь — мичманы, в лучшем случае бывшие накануне своего производства в лейтенанты. Флаг-офицером я взял мичмана Цветкова — офицера совсем неопытного, но очень храброго и большого энтузиаста. Вместо названий шхуны получили номера. Я поместился на шхуне № 1, коей командовал мичман Шейнерт, знакомый мне еще по Батуму, где он плавал на одном из миноносцев моего дивизиона.

К сожалению, фамилии многих моих соплавателей стерлись в моей памяти. Я помню, что шхуной № 3 командовал мичман Курицын, № 4 — князь Мулькуман-Мелькоманович⁴⁸⁴, № 5 — мичман Никифоров⁴⁸⁵, № 7 — мичман Скорописов⁴⁸⁶. На № 6 находился капитан 1-го ранга Пышнов, и командиром у него был штабс-капитан по адмиралтейству, которого я совсем не помню. «Славой» № 2 командовал мичман Степанов, на ней же находился и храбрый инженер-механик лейтенант Ильин, в первом же нашем бою тяжело раненный в голову. Что касается грузовых шхун № 8 и 9, то ими командовали простые рыбаки — испытанные моряки и верные преданные люди, и я как сейчас помню старика Гладченко с двумя богатырями сыновьями.

Экипаж шхун наполовину состоял из добровольцев, наполовину из тех же каспийских рыбаков. Тут были и два-три кондуктора флота, и несколько старых матросов военного флота, и юнкера, и гимназисты. Унтер-офицер Терентьев был, конечно, в их числе. На каждой шхуне состояло в среднем 12 человек, и на всем отряде нас набиралось около сотни. Люди были вооружены винтовками и ручными гранатами, главным же нашим вооружением было семь пулеметов разных систем. Провизией мы были снабжены довольно скудно, особенно мало было хлеба. Правда, дано было довольно много муки, но ее предстояло еще

как-то выпекать, и я не представлял себе, как мы с этим справимся. Паруса и такелаж судов были довольно исправны. Компасные картушки были самого примитивного устройства: вырезаны из картона и надеты на булавку. Ночью они освещались свечой в фонаре. Лагов тоже не полагалось, а лоты заменялись длинными футштоками, которыми в случае надобности и нащупывалось дно. Я располагал лишь единственной общей картой Каспийского моря. Не обинуясь, скажу, что лучшими навигационными инструментами у нас были носы и глаза наших рыбаков, с детства плававших в этих водах. Эти отличные люди были здесь как у себя дома. Ночью и в свежую погоду они разбирались отлично.

Вообще можно сказать, что они удивительно счастливо совмещали в себе качества дисциплинированных солдат и отличных моряков. Высокие, стройные, русые бородачи, нередко старообрядцы, эти люди были прекрасными образцами чистой славянской расы. Большинство их отбывало в свое время воинскую повинность в гвардейских и гренадерских полках, откуда они вынесли прекрасную выправку, дисциплину и преданность Царю и России. Эти качества в соединении с привычкой к морю, зоркостью, бесстрашием и лихой расторопностью создали бесподобный военно-морской личный состав, оказавший мне незаменимые услуги в моем необычайном парусном плавании. Мы с ними сошлись отлично, и верили они мне безгранично. До сих пор у меня сохранилась записка с указанием потаенного места на одном из многочисленных рыбных заводов, где рыбаки — хозяева сохранили 265 тысяч царских рублей. Указывая мне свое потаенное место, эти люди просили меня воспользоваться этими деньгами, так как, по их словам, они знают, что я их не возьму себе, а употреблю для спасения России. К несчастью, обстоятельства сложились так, что я не добрался до заповедного места, да если бы и добрался, то, вероятно, не воспользовался бы сохранившимся там кладом, ибо вскоре с очевидною ясностью вырисовалось неизбежное крушение всех наших усилий...

Для сигнализации во время плавания у меня был всего один комплект сигнальных флагов, на остальных шхунах имелись лишь ответные вымпела. Для взаимных переговоров мы широко пользовались семафором. Пишу мы варили в котелках на баке, что было далеко не безопасно в пожарном отношении. Для ночного освещения на каждой шхуне было по одному ручному свечному фонарю. В качестве противопожарных средств имелось по два ведра, а допотопная шхун-помпа исполняла обязанности водоотливной системы. На каждой шхуне двое старших офицеров помещались в небольшой убогой ка-

ютке на корме впереди рулевого; остальные люди ютились в носовом и среднем трюмах по способности. Одеты мы все были довольно неказисто, но ношение старых царских погон строго соблюдалось. Впрочем, благодаря теплomu летнему времени большинство путешествовали совершенно нагишом, вследствие чего загорели ужасно. На случай штилевой погоды имелось по две пары весел. В каюте водилось неимоверное количество блох, а когда по мере продвижения на север мы въехали в необозримые камыши бесчисленных приволжских рукавов, к ним присоединились тучи комаров, что нас сильно мучило в течение всего похода. К моему особенному удовольствию, вся моя канцелярия сводилась к перу, к чернильнице, дневнику и большой переплетенной тетради, долженствовавшей изображать флагманский журнал.

Настроение наше было в общем прекрасно. Хоровые песни раздавались с утра до вечера то на одной, то на другой шхуне. Князь Мелькоманович был недурной поэт, и я помню распевавшиеся на мотив «Стеньки Разина» его перефразированные шуточные стихи:

Из-за острова на взморье,
Там, где вольная вода,
Выплавали боевые
Кости Шуберта суда.

В общем можно сказать, что оборудование нашей эскадры было весьма скудно, и я думаю, что старик Колумб едва ли отважился бы пуститься в свое знаменитое путешествие, имея под начальством такие убогие каравеллы. Тем не менее вера в наш успех была всеобщая; настроение, как я упоминал, было отличное, и если поход и не дал в итоге никаких достижений, то причина этого лежит в общем ходе военных действий, сложившихся в ту эпоху для нас неблагоприятно. Ко всему сказанному добавлю еще, что морские качества наших шхун были великолепны: они отлично держались в свежую погоду, прекрасно лавировали и очень круто держались к ветру, однако оснастка их была довольно неряшлива, вследствие чего на разных галсах их качества бывали различны. Этого никогда не встретишь на парусниках северных европейских морей, и в этом сказался славянский характер их владельцев. Особенно умиляли меня своеобразные морские термины, которые мне пришлось здесь услышать впервые. Они не имели ничего общего с нашей официальной терминологией, принятой испокон века на военном флоте, и носили чисто русский характер, со значительной примесью татарских и турецких корней. Так, перенести паруса с одного галса на другой называлось «облобачивать», а «шквал» назывался «чамра», это

слово громко передавалось с корабля на корабль, когда на горизонте появлялось облако, предвещавшее шквал, и начинало пениться море. Таким криком рыбаки предупреждали взаимно друг друга о надвигающейся опасности.

* * *

Наш выход в море состоялся при ясной погоде. Ветер был умеренный Ost, что для нашего выхода из гавани, до того времени, как мы ляжем на север, обогнув мелководный бар устья реки Сулик, было не особенно благоприятно. Приходилось тратить время на лавировку. Не будучи особенно уверен в искусстве моих молодых командиров и желая хотя бы на первое время сохранить в руках управление отрядом, я просил начальника флотилии приказать пароходу, шедшему как раз очередным рейсом к острову Чечень — нашей ближайшей цели, вывести нас на буксире до точки поворота. Приказание это было отдано. Мы вытянулись из гавани и под малыми парусами ожидали нашего конвоира с целью принять от него буксиры. Пароход заставил себя ожидать довольно долго, вследствие чего моя эскадра, не умевшая еще держаться соединенно, понемножку растянулась.

Наконец пароход вышел. Мы подошли к нему, приняли от него буксир, и я приказал ему подходить по очереди к остальным шхунам, начиная с ближайших. Но едва мы тронулись, буксир лопнул. Пока мы докричались на пароход, пока он застопорил и мы вновь приняли буксир, прошло много времени, в течение которого на корме парохода, высоко над нами, показалась какая-то взъерошенная фигура, обрушившаяся на нас с неистовой руганью и угрозами. Фигура оказалась самим капитаном, который держал себя чрезвычайно нагло. Чтобы положить этому конец, Цветков, я и еще несколько человек быстро взобрались по штурм-трапу на пароход. Капитан оказался невероятным хамом, вдобавок он был совершенно пьян. Мы безуспешно с ним пытались столковаться, и в конце концов, видя, что время шло, а его дерзости делают нас смешными в глазах окружающих, я приказал его арестовать, что было не так-то легко, пока Цветков не пригрозил ему револьвером и не надавал хороших тумаков. Его заперли в каюту, а в командование пароходом вступил старший помощник. Вся эта история отняла много времени, в течение которого мои шхуны благополучно вышли на ветер и безо всякого строя, самостоятельно врассыпную легли на курс. Ловить их уже не было смысла. На буксире пошли лишь две шхуны, и я провел очень беспокойную ночь в тревоге за судьбу остальных.

К счастью, все обошлось благополучно. Наутро мы пришли на рейд у острова Чечень, где стали на якорь под берегом за цепью английских судов. К полудню подтянулся весь отряд и таким образом совершился наш первый переход.

Мы задержались здесь почти три дня. Две шхуны пришлось забраковать и заменить более исправными. На маяке острова Чечень был устроен наблюдательный пост. Пришлось преподать людям некоторые основные правила совместного плавания под парусами. Подучивали семафор, запасались провизией, то есть осетриной и прекрасной свежей икрой, стоившей еще в те времена 2 рубля 20 копеек фунт. В дальнейшем эти лакомства нам успели осточертеть. Здесь же я отдал и свой первый приказ по отряду, намечая следующим нашим пунктом остановки так называемую Брянскую пристань. На переходе туда предполагалось произвести учебные стрельбы из ружей и пулеметов, для чего надо было сколотить небольшие буксируемые деревянные щиты. С англичанами мы не сносились совершенно. Свободное время люди плескались в воде, как утки, а после захода солнца по тихой глади рейда разносилось хоровое пение.

Рано утром 19-го мы тронулись в дальнейший путь. Мы шли в двух колоннах, очень стройно, при легком восточном ветре. В голове правой колонны шел Пышнов. Шхуны имели на буксирах щиты для стрельбы в цель, причем правая колонна стреляла по щитам левой и обратно. С нами шел и катер «Петровск» под командой Вирена. Переход был очень хорош; люди уже несколько освоились с парусным плаванием, и шхуны держались в строю гораздо лучше. К вечеру мы стали на якорь в поместительном Брянском заливе. С этого времени мы были почти отрезаны от нашей базы и предоставлены самим себе. Залив был очень мелководен, и «Петровску» пришлось остановиться далеко на взморье. Через два дня я отправил его обратно в Петровск, так как по своей осадке он не мог подходить близко к берегу и потому был для нас бесполезен. Вдобавок возникал вопрос о пополнении его запаса топлива.

Не имея понятия о границах, в которых появляются неприятельские суда, я счел за лучшее принять меры сторожевого охранения. Было установлено очередное дежурство шхун, личный состав которых не смел отлучаться на берег; на ночь дежурный корабль выходил к выходу с рейда, имея постоянное дежурство у пулемета. Судам были розданы секретные опознавательные сигналы на случай приближения опасности — сигнальные ракеты.

В Брянске мы простояли довольно долго. Я счел необходимым известить о своем прибытии по телеграфу Кизляр и просил меня озна-

комить с дальнейшими планами командования. В ожидании этих распоряжений мы продолжали заниматься рейдовыми учениями. 21 мая были отпразднованы мои именины. На берегу добыли бочонок кизлярского и разыграли те угощения, которыми перед уходом из Петровска снабдила меня жена.

Через несколько дней я получил извещение, что мне надлежит принять интендантские грузы для доставки их группе Драценко. Точное расположение группы не указывалось, ибо она была еще в движении, совершая в это теплое время года очень тяжелый переход по прикаспийским солончакам. Состав группы мне тоже не был известен, и я знал лишь стороной, что в нее входил Александрийский гусарский полк⁴⁸⁷ и какие-то черкесские или осетинские части. Предназначенный к перевозке груз состоял из картофеля, кукурузы и сена. Груз был принят под расписку, и началась нудная его погрузка на более чем примитивных средствах. Я разместил его на шхуну № 4 и на обе грузовые. Я предполагал перевезти его до укрытой бухты Березяка с очень запутанным входом, куда неприятельским пароходам невозможно было проникнуть. Получив от местных жителей извещение, что ввиду Березяки замечались дымки неизвестных пароходов, я решил сделать переход ночью, что, как оказалось впоследствии, было нашим спасением.

29 мая, с заходом солнца, мы снялись с якоря. Благодаря почти полной луне не было особенно темно. Дул свежий западный ветер, и мы подвигались довольно прилично. Рассчитывая, что мы подойдем к Березяке около полуночи, я предупредил командиров, что перед входом в канал, ведущий в бухту, мы станем на якорь до рассвета. Канал не имел никаких ночных знаков ограждения, и попытка пройти его в темноте привела бы к посадке отряда на мель. Сигналом к постановке на якорь должен был служить мой единственный драгоценный фонарь, поднятый на грот-мачте.

По небу быстро проносились облака, временами заволакивая луну. Море тихо плескалось, люди дремали на палубе. За неимением никаких средств измерения хода приходилось определять нашу скорость на глаз; я считал, что мы идем узлов шесть. Вахтенным было внушено внимательно смотреть вперед, что было особенно важно, так как плоский берег открывался лишь на небольшом расстоянии.

Так шли мы часа три. Приближалась полночь, и я, решив, что мы, во всяком случае, не можем быть далеки от цели, приказал вынести фонарь на палубу и приготовить его к подъему за пять минут до полуночи.

В это время один из моих вахтенных доложил мне, что видит слева по носу какой-то холм или бутор. Я навел бинокль в указанном направ-

лении. К нашему общему удивлению, бугор двигался, и не успел я приказать убрать фонарь вниз, как раздался пушечный выстрел.

О постановке на якорь нельзя было и думать: перед нами был неприятель неизвестной силы, но несомненно пароход. Я оглянулся на свой отряд; суда продолжали стройно идти за мной. Я решил продолжать движение, рассчитывая, что враг нас в темноте потеряет и таким образом его пронесет нелегкая. Но моя надежда не оправдалась. Пароход повернул и лег одним с нами курсом, продолжая стрелять по мне и постепенно нас обгоняя. Вероятно, ему был хорошо виден мой белый Андреевский брeid-вымпел. Все люди на шхуне были на ногах и взялись за винтовки; понимая, что состязание моих пулеметов с его орудиями не давало нам никаких шансов, я не приказывал открывать огонь. Между тем выстрелы и пулеметные очереди все учащались, и пароход стал нам заходить с носу, преграждая дальнейший путь.

Один из моих добровольцев, гимназист Ливанисов, сын артиллерийского кондуктора, подполз ко мне и, сообщив, что ранен в ногу, просил разрешения спуститься вниз. Я решил повернуть на обратный курс. Мой маневр был повторен всеми остальными, и моя шхуна оказалась концевой. Неприятельский пароход вновь пошел вдоль нашего правого борта, обгоняя отряд; огонь его становился все назойливее.

Тогда я повернул прямо на ост, рассчитывая с попутным ветром увеличить свой ход. Мое движение было опять повторено всем отрядом, и мы стали уходить от неприятеля строем фронта. Пароход тотчас пошел за нами, стреляя из носового орудия. Он к нам заметно приближался, а наша линия начала расстраиваться, и худшие ходоки стали отставать. Особенно плохо приходилось бедному Мелькомановичу: его шхуна, нагруженная мешками с провиантским грузом, заметно отставала. Люди начали выкидывать мешки за борт, с целью увеличить ее ход, но это плохо помогало, и вскоре с парохода донеслась по адресу шхуны обычная большевистская ругань и приказание убрать паруса.

Положение было критическое. Берег был за кормой с наветра и, несмотря на его близость, недостижим для нас без длительной лавировки. Оставалось лишь дорого продать свою жизнь. Я приказал перетащить на корму наш пулемет и собраться туда же всем людям с ружьями.

По пароходу был открыт беспорядочный, но очень частый огонь. Эта мысль пришла, по-видимому, в голову и остальным командирам. Пулеметный и ружейный огонь был открыт со всех шхун почти одновременно. Зрелище нашей стрельбы было со стороны очень эффек-

тно, но я не был особенно уверен в действенности нашего огня. Внезапно мы заметили, что пароход отстает; мы не верили нашим глазам, но расстояние между нами все увеличивалось, и скоро наш враг скрылся в темноте. Его отступление было встречено нашим громким «ура», подхваченным на соседних шхунах.

Исчезновение неприятеля было более чем своевременным, ибо на востоке уже занималась полоска летнего рассвета, я же все еще не верил в наше спасение, опасаясь, что, когда рассветет и враг увидит, с кем имел дело, он расщелкает нас по очереди.

Я приказал лечь обратно на Брянскую пристань и с беспокойством ждал утра. С восходом солнца парохода и след простыл, отряд же был совершенно рассеян. Понемногу насчитали мы в разных направлениях шесть шхун. Остальных двух мы не досчитывались, и я очень тревожился за их участь.

Около полудня мы с лавировкой вошли обратно на Брянский рейд. Постепенно подошли еще шесть шхун, и командиры собрались ко мне для выяснения повреждений и потерь и для обмена впечатлениями. Две шхуны, как оказалось, Пышнова и Скорописова, продолжали пребывать в безвестном отсутствии.

Из командирских докладов выяснилось, что в общем Господь нас миловал. Раненых оказалось только двое: мой доброволец и лейтенант инженер-механик Ильин со шхуны № 2. Последний сидел в каюте и заряжал ружье, когда, минуя рулевого, к нему в каютную дверь влетел 47-мм снаряд, разорвавшийся от удара о переднюю переборку. Он разворотил все кругом и тяжело ранил Ильина. Я распорядился нанять на берегу подводу. Ее выложили сеном и в сопровождении кондуктора Ливанисова — отца раненого добровольца — обоих повезли в Кизляр для помещения в госпиталь. Этот же кондуктор повез и мой письменный доклад о нашем ночном бое, в котором я просил прислать мне пару трехдюймовых горных пушек, дабы в будущем не подвергаться риску бесславного истребления. Я оповестил, что недосчитываюсь двух шхун. Оказалось, что при нашем рассеянии, после отступления парохода, они сильно отбились в сторону, с рассветом никого не увидели на горизонте и самостоятельно пришли на рейд острова Чечень. Через два дня они вновь присоединились к нам.

Впоследствии от одного из пленных мы узнали подробности боя, и всю картину столкновения можно было восстановить с большой точностью. Дело в том, что большевики, не отваживаясь очень подаваться на юг, из опасения попасть в руки стороживших их англичан, беспрепятственно распоряжались в пределах так называемого девятифутового рейда. Между прочим, они перехватывали все рыбачьи

флотилии, возвращавшиеся домой с лова осетрины, для чего в море выслаался сторожевой вооруженный пароход. Такие флотилии, состоя обыкновенно из десятка шхун одной компании, имели обычай выбирать старосту, который определял место лова, заботился об общей безопасности, делил пойманную рыбу, и обычай этот очень походил на существующий на рыболовных флотилиях Немецкого моря, во время лова сельдей на Доггербанке. В случае удачного улова на шхуне старосты поднимался белый флажок.

В ночь нашего боя с большевиками был выслан колесный волжский пароход «Елизавета», вооруженный одной 75-мм и одной 47-мм пушками и двумя пулеметами. Он стоял с застопоренной машиной мили на три севернее Березяки.

Оценивая на глаз скорость своего отряда, я ошибся в общем очень незначительно в меньшую сторону; на самом деле благодаря хорошему ветру мы шли быстрее. Вдобавок наши шхуны сносило под ветер, и в результате мы оказались дальше и правее, то есть проскочили Березяку и напоролись на пароход.

Большевики, к своему удовольствию, заметили флотилию рыбачьих шхун и при свете луны различили даже на передней развевающийся белый флаг ¹³ — мой брөйд-вымпел. Тотчас был дан холостой выстрел, по которому шхуны должны были убирать паруса и покорно ожидать своего ограбления. Удивлению их не было конца, когда они увидели, что их выстрел никакого действия не произвел и шхуны продолжали идти дальше. Тогда они начали нас обстреливать, стараясь бить по головному. Когда мы открыли наш огонь, то каким-то счастливым случаем у них оказался подбит пулемет и убит один человек. Большевики были ошеломлены: они знали о присутствии в море англичан и решили, что это какой-нибудь подвох с их стороны. После короткого митинга на мостике товарищи порешили лучше уйти до рассвета, которого они боялись больше нас, — так мы и разошлись.

Материальные повреждения наши тоже были не очень велики. У меня зияла в гроте большая дыра от снаряда; его фаловый угол был изрешечен пулеметной очередью, и две пряди гротафали были перебиты, так что парус чудом удержался на одной пряди. В корпусе, в правой раковине, сидела тоже целая пулеметная очередь. На шхуне № 2 была попорчена каюта, да две-три шальные пули пронизали паруса на других судах.

Все хорошо, что хорошо кончается. Мы получили боевое крещение, а люди приобрели хорошую практику. В ожидании просимых пушек мы оставались пока на якорях на Брянском рейде.

* * *

Здесь, между прочим, мне пришлось познакомиться со своеобразными капризами Каспийского моря, состояние которого всецело зависело от дувших тех или других ветров. Так, при хорошем восточном ветре, случившемся через несколько дней, уровень воды значительно повысился. С моря шла большая волна, и многих из нас сорвало с якорей. Кое-как успев поставить паруса, мы долго не могли выбраться на ветер и встать в более укрытом месте, и были трагикомические моменты, когда мы с бешеной быстротой проносились по главной улице рыбацкого села, на три фута оказавшегося под водой. Шторм длился двое суток, и мы тоскливо болтались на волнах, ругали погоду, бездельничали и до одурения курили, питаюсь всухомятку, ибо общение с берегом было невозможно.

В другой раз, это было перед нашим вторым походом в Березяку, я отдал приказание отряду изготовиться к походу в 6 часов утра, приказав разбудить себя в 5 часов. Проснувшись, я был очень удивлен, увидя, что часы показывают 8 и кругом царит мертвая тишина. Ничего не понимая, я поднял было уже неистовую ругань, когда выяснилось, что поднявшийся ночью норд-вест угнал всю воду и весь мой флот стоит на земле. Мы имели очень печальный вид. Кое-где блестели лужи стоячей воды, в которых плескались мелкие рыбки и какие-то крабы, а наша собачка весело бегала вокруг шхуны и старательно обнюхивала ее подводную часть. Поход, конечно, не состоялся, и мы веселой гурьбой, по морю аки посуху, отправились в село кушать неизбежную осетрину и играть в винт. На другой день ветер прекратился, и мы вновь оказались на плаву.

Мое донесение генералу Драценко произвело надлежащее впечатление. Через несколько дней к нам приехал офицер Генерального штаба. С ним прибыли две горные пушки на колесных лафетах, запас снарядов и офицер-артиллерист. Последний быстро у нас освоился; он оказался храбрым и знающим артиллеристом, и я не мог им хвалиться. К сожалению, я теперь совершенно забыл его фамилию. От прибывших мы узнали об общем положении дел, а я ознакомил штабного офицера с нашими ресурсами и возможностями. Закипела работа по установке на парусных судах горных пушек. Среди наших людей нашлись плотники, которые на двух самых крупных шхунах № 6 и № 7 сделали на баке прочные настилы, на которых и были поставлены обе пушки. Чтобы во время качки они не скатились за борт, под лафетные колеса подбили клинья, и кроме того, лафеты обмотали вокруг средней части запасными якорными канатами, кото-

рые затем пропустили в дыру, просверленную в палубе, и закрепили в трюме. Так как колесные лафеты таким образом при стрельбе лишались возможности откатываться, то вся пушка после выстрела подпрыгивала на месте, и, чтобы не продавить палубы, цепям была дана некоторая слабина.

Вооруженные таким образом, мы в первых числах июня двинулись к Березяке. На переходе была произведена опытная стрельба, давшая вполне удовлетворительные результаты. На душе стало совсем спокойно, и мы только и мечтали вновь встретиться с каким-нибудь пароходом. К Березяке пришлось подходить с лавировкой, в извилистом канале многие вежи отсутствовали. Моя шхуна, шедшая впереди, уселась на мель, да так плотно, что не было сил ее стащить. Она послужила отличным маяком опасного места, мы же перебрались на одну из многочисленных шхун, стоявших здесь без дела: рыбаки не хотели работать на большевиков и понемногу ликвидировали свои промыслы.

В Березяке я впервые связался со штабом генерала Драценко. Он продолжал продвигаться к Астрахани; здесь мне было указано в качестве следующего моего этапа — село Логань, лежащее еще миль на тридцать севернее. Пока налаживалась связь, я обследовал район водного пространства вокруг нашей якорной стоянки. Это была целая сеть узких, глубоко вдающихся в материк заливчиков и каналов — своего рода мелководные шхеры. Влияние Волги уже заметно здесь чувствовалось, и, когда с моря не дул свежий ветер, вода здесь бывала пресная и годная для питья. В глубине самого большого залива была выброшена на берег какая-то огромная деревянная буксирная баржа. Я поехал на шлюпке ее осмотреть. Она оказалась нефтеналивной, и в некоторых ее отсеках еще сохранился значительный запас нефти. Впоследствии мне пришлось этими запасами воспользоваться.

Через несколько дней в село стали прибывать небольшие воинские команды, как оказалось — пополнения для группы Драценко. Прибыл даже военный оркестр и некоторое количество интендантских грузов. Вскоре мною было получено предписание перевезти всех этих людей в Логань. Здесь же я узнал впервые о существовании и действиях партизана, штабс-капитана Складина. Это был местный уроженец, набравший партию своих земляков, посадивший их тоже на рыбницы и в таком виде начавший беспощадную войну с большевиками. Он действовал очень лихо, и мы несколько раз встречались в море с его судами. Однако было заметно, что Складин не очень стремится связаться с нами. По характеру своих действий его отряд очень

походил на появившихся в те времена зеленых. Лично я его никогда не видал, но знаю, что он работал очень храбро и в общем был нам полезен.

Здесь же я вновь связался с Петровском. Я узнал, что за мной, тоже на трех парусных шхунах, движется мой старый приятель Кутковский, которому было поручено тянуть по берегу связь и устанавливать посты службы связи по мере нашего продвижения к северу. Наконец отсюда же я предпринял попытку связаться через Гурьев с уральцами, чтобы условиться одновременно атаковать Астрахань. Для этого я предложил двум служившим на отряде казакам, хорошо знавшим северный Каспий, попытаться пробраться в Гурьев на шхуне с моим письмом. Зная, что у генерала Драценко имеется станция беспроволочного телеграфа и что с другой стороны из Петровска тоже был послан в Гурьев пост службы связи с радиотелеграфом, я в своем письме просил Уральское командование начать движение на Астрахань с востока по получении ими моей условной радиограммы. Мои два казака охотно пошли в море с моим поручением, но судьба их осталась для меня совершенно неизвестной.

Стоя в Березяке, я получил некоторые первоначальные сведения о положении в Астрахани. Этому в значительной степени способствовал посланный капитаном Мусиенко капитан Мелешкевич. Это был замечательный человек. Храбрый, предприимчивый и приветливый, он был жестоко изранен. На левой руке у него были отрублены три пальца, и он постоянно носил перчатку. Тем не менее его боевой пыл нисколько не уменьшился. Будучи послан в мое распоряжение, он немедленно снарядил еще три шхуны, укомплектовал их частью рыбаками, частью взятыми им из разных мест солдатами и пустился за мной вдогонку. Он поставил себе целью перехватывать в море отдельные мелкие суда с коммунистами, постоянно вырывавшиеся из Астрахани и стремившиеся проникнуть к нам в тыл для агитации и пропаганды. От них он добывал всякие сведения, а наиболее опасных истреблял. Он обладал незаурядными способностями и, раздобыв где-то учебник навигации, по пути в свободное время изучал эту, дотоле ему совершенно неизвестную, науку, в чем значительно преуспел.

Чем больше я знакомился с моими сотрудниками, тем больше приходил к убеждению, что корень нации вполне здоров и что недостатка в верных, самоотверженных и преданных России людях нет. Жаль только, что мы искали их не там где следует, ибо в высших слоях и в среде так называемой «интеллигенции» их было относительно гораздо меньше, чем в народной толще.

* * *

Готовясь к переходу в Логань, я выслал вперед для освещения местности обе шхуны, вооруженные пушками, а сам вышел в море 11 июня.

Мой отряд увеличился. Для того чтобы забрать с собой грузы и воинские команды, пришлось прихватить с собой еще несколько шхун. В день нашего выступления море было как зеркало, и мы медленно подвинулись под веслами. Наше путешествие скорее напоминало пикник, чем походное движение. Взятый с собой оркестр нажаривал разные веселые вещи, люди перекликались между собой, строй не соблюдался. Пышнов и Скорописов, вышедшие на своих вооруженных пушками шхунах в полночь, ушли далеко вперед и были невидимы.

Внезапно, около 2 часов дня, далеко на горизонте показался дымок. На отряде притихли. Все взоры и бинокли впились в эту струйку дыма, в неподвижном воздухе поднимавшуюся тонким столбом к небесам. Сомнения не было: дым приближался. С нами не было наших пушек, не было и спасительной темноты, между тем дым двигался с севера и мог быть только неприятелем. Я приказал на всякий случай держаться ближе к берегу.

Вскоре показался пароход, шедший прямо на нас, и я приказал оставить позади наши грузовые шхуны и изготавиться к бою. Между тем пароход проделывал что-то непонятное. Не доходя нескольких кабельтовых до нас, он застопорил машину и начал давать свистки. Все взоры вновь направились в его сторону, и мы увидели на мостике фигуру, что-то усиленно семафорившую. «Пароход взят у большевиков и послан в ваше распоряжение. Мичман Скорописов» — вот что разобрали мы наконец. Трудно представить себе наше общее ликование, мы имели теперь настоящий пароход, на котором нам не были страшны ни штилы, ни противные ветры. Вскоре наши шхуны облепили его со всех сторон. Большая часть людей была пересажена на него, наши парусники были взяты на буксир и потянулись за ним в виде длинного хвоста, оркестр поместился на мостике, мы расцвелились флагами и в таком виде, при стечении всех жителей села Логань, к вечеру вошли в канал и встали около имевшейся у села плавучей пристани.

Тут я узнал от Пышнова все подробности. Оказалось, что, подходя к Логани, он связался с конным разездом александрийцев, которые сообщили ему, что при их приближении большевики ушли из села на север, оставив у пристани пароход. Пышнов тотчас им завладел и послал нам навстречу.

Дня через два рано утром мы получили другой подарок. Стояла чудная летняя погода; кругом тихо волновались необозримые камыши, море было совершенно спокойно, и я только что принялся за чаепитие, когда вдалеке послышался характерный стук моторного двигателя, явно к нам приближавшегося. Мы насторожились, приготовившись к встрече незваных гостей. Но вот из-за камышей показывается какой-то моторный катер, за ним другой, а на буксире три шхуны Мелешкевича. Этот бесценный человек за ночь прошел далеко вперед к Астрахани, атаковал врасплох мирно спавшие катера и привел их к нам, заставив работать неприятельских мотористов под угрозой немедленного их расстрела. Судьба нам улыбалась, мы становились все сильнее, и вместе с тем увеличивалось наше стремление двигаться на север.

В дальнейшем нам удалось захватить разными путями последовательно еще два маленьких парохода, одну парусно-моторную шхуну и еще один небольшой моторный катер. Я предвидел в ближайшем будущем нехватку людей для укомплектования эскадры. Появилась возможность установки на взятых судах мелкой артиллерии и пулеметов. Наконец мы подходили уже к самому входу в Волгу, и по вечерам, на северо-восток от нас, загорался ярким блеском обозначивший этот вход маяк Четырехбугорный. Становилась необходимой периодическая разведка устьев Волги, и ввиду этих обстоятельств я просил начальника флотилии о присылке ко мне офицеров и команд, а также хотя бы двух 75-мм морских пушек и гидроплана.

Капитан Мелешкевич доложил мне между прочим о большом подъеме среди крестьян прибрежных сел. Они высказывали сожаление, что не имели оружия и не могли нам содействовать, и в моем очередном донесении я просил также о присылке нескольких ящиков с ружьями для местных партизан. Помимо усиления таким образом операций против большевиков, эта мера могла привлечь местное население на нашу сторону.

Здесь я должен вспомнить, что штаб нашей флотилии относился к нам довольно холодно, чтоб не сказать более. В течение всей моей экспедиции я не получил из Петровска ни одной пушки и ни одного пулемета. Не было прислано также никаких пополнений людьми, если не считать двух мичманов, перебежавших к нам в Петровск от красных из Астрахани. Перепадали мне и мелочные моральные уколы. Так, в один прекрасный день взамен всего того, что нам действительно было необходимо, я получил от капитана 1-го ранга Сергеева приказ, в котором мой отряд переименовывался в транспортный, то есть, значит, небоевой. Как будто деятельность его могла зависеть от того,

как будут нас называть в тылу. Все это раздражало, и я хорошо помню, как в одном из последних моих донесений я написал, что «с горечью должен доложить, что в течение всего своего похода я не столько опасался неприятеля, сколько собственного тыла». Ящички с ружьями, впрочем, я получил также очень скоро, но от сухопутного командования, бывшего все время очень внимательным к нашим нуждам.

Между тем темп боевых действий ускорялся. Это чувствовалось. По мере продвижения генерала Драценко вперед было ясно, что надвигаются какие-то решительные события. Мы получали временами советские газеты из Астрахани. Там нарастало тревожное настроение. Начинали писать о «деревянном флоте». Некоторые газеты бахвалились и изрыгали обычные насмешки и ругательства, другие, наоборот, ставили нас в пример своим войскам и писали, что «деревянным флотом управляют железные люди».

Появились первые перебежчики — главным образом мастеровые обширных астраханских судостроительных мастерских. Многие из них поступили к нам на службу и были очень полезны. Они утверждали, что население Астрахани ждет белых как освободителей, что в городе начинаются голод и болезни и что они уполномочены своими товарищами сообщить нам, что, как только мы придем в Астрахань, рабочие будут ремонтировать наши суда безвозмездно, лишь бы им давали хлеб, который в данное время на исходе. Вместо него отрывали какие-то корни, перетирали их с молоком и потом пекли лепешки. Это кушанье называлось «чилим». Я его пробовал и весьма не одобрил. Эти же перебежчики сообщили нам, что в городе почти нет врачебной помощи и что дети заразились сапом, который, распространившись с ужасающей быстротой, поразил их несколько тысяч. Тогда прославленное рабоче-крестьянское правительство отделило всех сколько-нибудь подозрительных в этом отношении и расстреляло их из пулеметов.

С другой стороны, выяснилось, что Москва была очень недовольна местными военно-морскими действиями большевиков, которыми заправлял какой-то товарищ Сакс. На смену ему должен был прибыть «сам» знаменитый Раскольников в сопровождении бывшего кадрового офицера — изменника и негодяя капитана 2-го ранга Альфатера⁴⁸⁸. Узнал я также и некоторые фамилии наших возможных будущих противников. Стыдно писать, но нельзя замолчать того факта, что среди них встречалось немало старых честных морских имен, недостойные носители которых мне были лично знакомы. Тут был и капитан 2-го ранга Унковский⁴⁸⁹, Георгиевский кавалер и преподаватель артилле-

рийского класса в Кронштадте, и бывший флагманский артиллерист Черноморской минной бригады, старший лейтенант Ловенецкий⁴⁹⁰, и гвардейского экипажа фон Рейер⁴⁹¹. Все это я мог узнать из приказов, тоже доставленных мне из Астрахани. Там же прочел я и о моем двоюродном брате Александре⁴⁹², сыне полного адмирала Сиденсера — еще совсем юном мичмане, командовавшем у большевиков отрядом быстроходных катеров. Я не подозревал, что нравственное разложение так глубоко проникло в среду наших русских «сливок», и сознание это угнетало и оскорбляло. Я видел, что борьба предстоит ожесточенная, и мне казалось необходимым напрячь все силы и всю волю, чтобы остановить этот процесс разложения.

Я назначил выход в море на 15 июня. План мой сводился к следующему. Помериться с большевиками силами в открытом бою я пока не смел и думать. Располагая несколькими миноносцами 2-го и 3-го ранга, переправленными к Астрахани из Балтики, враг был настолько сильнее меня, с моими жалкими шхунами и несколькими захваченными пароходами, что при первой же схватке от нас полетели бы перья. Меня только удивляло, почему красные до сих пор не выходят в море для активных операций, и я приписывал это недостаткам их личного состава. Мой отряд спасало мелководье, на котором не могло быть места более глубоко сидящим миноносцам. Я решил поэтому не входить в достаточно глубокий Волжский фарватер, а продолжать действовать на мелководье и, если возможно, бесчисленными побочными мелкими рукавами осуществить обход неприятеля с севера. Зная, что красные суда стоят в реке, в разных местах ошвартовавшись к берегу, я полагал возможным захватывать их с сухого пути с помощью высаженного десанта и при содействии жителей местных сел. Я хотел таким путем получить в свои руки хотя бы один миноносец, чтобы наши силы немножко сравнялись. В этом случае я не сомневался в дальнейших успехах. Поэтому я наметил своей ближайшей целью село Воскресенское.

В своем тысячелетнем течении Волга вынесла в Каспий обширную низкую косу — целый полуостров, посреди которого и протекал ее главный судоходный рукав. Эта коса образовала с северо-западным матерым берегом большой залив, на берегу которого расположились четыре богатых рыбацких села. На южной оконечности косы стоял высокий маяк Четырехбугорный с белым проблесковым огнем. Непосредственно к нему примыкало с севера село того же имени. Еще выше лежало село Вахрамеево. Далее, на северном берегу залива, на так называемой Бирючьей косе, расположилось село Рынок. Выходя на юг к морю, оно упиралось другой северной стороной в один из

побочных рукавов Волги. Наконец, на западном берегу залива находилось село Воскресенское. Моей задачей было укрепиться в этих селах и, захватив маяк, установить оттуда наблюдение за устьями Волги, стараясь одновременно привлечь на свою сторону население и искать обходных каналов для выхода к реке мимо главного ее фарватера.

14-го утром я выслал опять вперед мои обе шхуны с пушками. Они должны были главным образом связаться с отрядом Склянина, основавшегося на Бирючьей косе. К этому времени этот лихой партизан стал к нам доверчивее и благосклоннее.

15-го утром мы вытянулись из канала и пошли к намеченной цели. Я имел свой брейд-вымпел на «Екатерине», за мной следовал в кильватер «Ретвизан». У каждого из нас было на буксире по две шхуны. Для пароходов мы успели сшить Андреевские флаги. Мои неопытные кочегары напустили такого дыма, что со стороны наш отряд мог показаться грозным.

Вскоре мы прошли траверз маяка, оставив его справа, и в это время Пышнов обратил мое внимание на несколько пароходов, шедших по Волжскому фарватеру вверх по реке одним с нами курсом. Нас разделяла только узкая полоска косы, и в общем, между нами было расстояние мили в две-три. Опять пришлось мне посетовать на отсутствие морских орудий. Не понимаю только, почему неприятель не стрелял.

Между тем в селах различили наши флаги. Раздался колокольный звон, и кое-где в ответ показались национальные флаги. После полудня мы вошли в канал села Воскресенского и ошвартовались у пристани. Прибывшие вскоре на «Екатерину» командиры высланных вперед шхун доложили об удачном деле.

Побывав в Воскресенском, они двинулись под веслами вдоль самого берега к селу Рынок. Им удалось благополучно передать на берег ящики с ружьями и патронами, а также связаться со Скляниным. В это время были замечены подходящие с моря три неприятельских парохода. Наши обе шхуны подтянулись вплотную к берегу и изготовились к стрельбе. Между тем пароходы, подойдя сколько им позволяла осадка, стали на якоря и, обстреляв село, стали свозить десант, по-видимому желая покончить с отрядом Склянина. На две безобидные рыбачьи шхуны красные не обратили никакого внимания. Как только десант стал приближаться к берегу, обе наши пушки открыли огонь. Эффект был поразительный, ибо пушек не ожидали. Шлюпки с десантом повернули и под дружным огнем с берега и со шхун устремились обратно к своим судам. Красные больше не повторяли своей попытки. Десант, провожаемый нашим обстрелом, спешно по-

грузился обратно, пароходы снялись с якоря и ушли в море. К вечеру во всем заливе настала мирная тишина.

Я немедленно обошел село и приказал всем собрать возможно полные сведения о неприятеле. На берегу я впервые встретился с разъездом александрийцев, под начальством ротмистра Дурилина. Я узнал, что генерал Драценко подходит севернее к самой Волге. Кроме того, что мне было особенно ценно, я узнал от крестьян, что по ту сторону Бирючьей косы, в самой реке, стоят два миноносца типа «Расторопный», что матросы грабят население и пьянствуют и миноносцы плохо охраняются. Это было как раз то, о чем я мечтал.

От крестьян же я узнал, что в окрестностях села скрывается опасный большевик. Это был не кто иной, как сельский фельдшер, зверь в образе человека, причинивший в селе уже много зла. Между прочим, им было расстреляно лично из револьвера до восьмидесяти лучших и состоятельных рыбаков. При нашем приближении он скрылся из села и прятался где-то в окрестностях у калмыков, которые им были настолько запуганы, что не решались его выдать. Посетившая меня особая сельская депутация просила меня его поймать и казнить. Я ответил, что у меня нет времени заниматься розысками и ловлей этого изверга, и предложил им самим устроить слежку, обещая оказать всякое содействие по его ликвидации. Рыбакам посчастливилось на другой же день. Они как-то его заманили и арестовали при помощи александрийцев. Я приказал без дальних слов его повесить, что и было исполнено в присутствии собравшегося на это зрелище населения.

На другой день утром я собрал командиров, чтобы сообщить им мой дальнейший план действий. Пребывание поблизости двух неприятельских миноносцев подтвердилось, и я решил их атаковать. Я назначил несколько человек при офицере для занятия маяка Четырехбугорного и приказал вести оттуда постоянное наблюдение за Волжским фарватером. Мичман Никифоров получил приказание исследовать проходимость мелкого побочного канала, ведущего в обход Бирючьей косы с запада. Два человека были назначены к Склянину предупредить его о нашей предстоящей работе. Главная роль предназначалась выделенному мною десанту в 40 человек, который на подводках с проводниками должен был подойти кратчайшим путем к месту стоянки миноносцев. Командование им я поручил капитану Мелешкевичу как человеку более опытному в сухопутных делах; с этим отрядом предполагал быть и я. Наконец, Пышнов оставался с судами на месте и должен был быть в постоянной готовности к обороне села с помощью своих двух орудий. В случае

неудачи десант должен был отходить к пароходу «Ретвизан», на котором по обследованному им каналу мичман Никифоров должен был проникнуть возможно ближе к месту действия. Движение десанта должно было начаться с наступлением темноты. В случае удачи Пышнов должен был быть оповещен двумя ракетами.

Не успел я, однако, распределить все роли, как ко мне явился ротмистр Дурилин⁴⁹³. Он принес предписание штаба группы генерала Драценко о немедленном отходе назад на Логань. В полевой записке сказано было довольно глухо, что под давлением превосходных сил противника группа отходит, чтобы закрепиться на более удобных позициях. Я приостановил исполнение моего плана. Одновременно получено было известие о необычном движении судов на Волжском фарватере. Я почувствовал, что наступил перелом в событиях не в нашу пользу.

* * *

Вскоре ускакали наши александрейцы, а сельские жители начали выказывать признаки беспокойства. Я понимал, что, если неприятельские суда, выйдя из Волги, завернут в залив, я окажусь запертым, а с наступлением с сухого пути красных сил буду окружен. Поэтому с тяжелым сердцем я приказал моим судам тоже отходить обратно на Логань. Около трех часов дня мы вытянулись в залив и пошли обратно. На Волге были видны многочисленные дымы. К вечеру мы прибыли в Логань. Мне стало ясно, что с ничтожными силами, которыми я располагал, нечего было и думать соваться в Волгу. Обстоятельства на фронте понемногу выяснились. Большевики встревожились не на шутку нашим общим наступлением. Сакс был смнен, и его заменил прибывший с севера товарищ Раскольников. Приехал также пресловутый Альтфатер. Для действий на мелководье большевики приспособили железную буксирную баржу, на которой установили четыре 130-мм морских орудия, привезенных с севера из Балтики. Каким-то путями течение Волги у Саратова, бывшее дотоле под нашим контролем, освободилось, и в Астрахани, справедливо считавшейся красным командованием ключом смычки генерала Деникина с адмиралом Колчаком, в изобилии потекли подкрепления. Между тем, как назло, из Петровска не приходило никакой поддержки. Насколько было в наших силах, мы изворачивались сами. Пароход «Ретвизан» был отправлен в Петровск для пополнения запасов топлива. На нем было отправлено мое донесение, и он же должен был нам доставить пополнения и запасы, если их удастся выскулить. Было решено поста-

вить одну нашу пушку на «Екатерину», и на ней начались срочные работы. На случай прилета гидроплана, о котором я слезно просил, был устроен на берегу канала пологий спуск к воде: несколько поодаль была устроена большая площадка на случай возможного прибытия сухопутных самолетов. Я отдал также на берег для выпечки хлеба, в котором чувствовался недостаток, всю наличную муку, имевшуюся в моем распоряжении.

* * *

Мичман Никифоров просил моего разрешения произвести на шхуне ночную разведку в сторону Воскресенского. Я дал свое согласие. Оказалось, что к Воскресенскому действительно подошли с моря и с суши большевики. Это подтвердили и успевшие бежать оттуда рыбацьи семьи, поведавшие о начавшейся там обычной большевистской расправе. Здесь ко мне наконец присоединился и Рутковский со своей связью. Покидая Воскресенское, я, к счастью, встретил его три шхуны, шедшие туда, и успел ему передать, чтобы он поворачивал и шел со мною в Логань. Теперь, с его помощью, мы начали налаживать связь со штабом генерала Драценко. Для затруднения входа в канал я распорядился снять вежи, обозначавшие его направление, оставив для нашей ориентировки лишь три самые необходимые. Вскоре прибыл в Логань береговой летучий отряд Красного Креста. Наконец мы дождались и нашего гидроплана; управлял им сухопутный летчик, фамилия которого ныне совершенно стерлась в моей памяти. С ним вместе, в качестве механика, прилетел гардемарин Загорский⁴⁹⁴. Они привезли мне от жены большой пакет зелени и сушеных фруктов. Питаясь исключительно рыбой и плохим хлебом, люди на отряде начали страдать цингой. Гидроплан был вытасен на берег, из фруктов был сварен на весь отряд компот, мы подтянули все наши шхуны к пристани, и я пригласил командиров на редкое пиршество. Летчик что-то замешкался; я предупредил его о предстоящей ему разведке, и он возился у своего аппарата, вокруг которого столпилось местное население, никогда дотоле не выдавшее вблизи летательных машин.

Не успели мы проглотить по первой ложке, как с наблюдательного поста сообщили, что с юга летят еще два аэроплана. Это могли быть только друзья, и я распорядился зажечь дымные костры на устроенной нами площадке, дабы показать им, где сесть. Люди столпились на пристани и шхунах, и все мы усердно махали платками быстро приближавшимся птицам. Дружественные отличительные

круги на крыльях стали уже явственно видны. Немного не доходя до нас, аэропланы разделились, и один пролетел несколько вперед и в сторону, а другой стал кружить над одиноко расположенным к югу от Логани рыбным заводом. Мы продолжали им усиленно махать. Внезапно от первого отделилась какая-то блестящая звездочка, а вслед за ней что-то большое, красное, грушевидной формы; к нашему возмущению и ужасу, это оказалась бомба, со страшным эффектом разорвавшаяся на приморской околице села. Не успели мы опомниться, как взорвалась бомба, брошенная и с другого аппарата. Эта попала как раз в рыбный завод; тотчас после своего подвига второй аэроплан пошел на соединение с первым, причем по пути ошпарил из пулемета толпу, стоявшую у моего гидроплана. Затем обе машины соединились и полетели обратно на юг, видимо довольные своей работой. Скоро они скрылись в голубой дымке летнего дня. Мы стояли окаменелые от удивления. Вкусный компот не лез нам в горло. От разрыва первой бомбы, слава богу, не пострадал никто, лишь изба была совершенно исковеркана. Вторая же, попав на двор рыбного завода, убила пять человек, вылезших из дома посмотреть на невиданное чудовище. Кроме того, оказался убитым наповал пулей в висок калмык, стоявший в толпе у гидроплана. Из чинов отряда не пострадал никто. Тотчас полетело донесение в штаб, потащили хоронить убитых, и вообще наше настроение стало минорным. Англичан ругали на все корки. Наши посетители оказались впоследствии какими-то недавно прибывшими канадскими летчиками, которые ошиблись в определении линии нашего фронта. За свой подвиг они были отправлены обратно в Англию, но нам от этого было не легче, и назойливо стала вспоминаться лукавая бумага адмирала Сеймура.

Но этим наш день еще не кончился. Как только улетели на юг англичане, наблюдательный пост известил, что с севера к нам летит новый гость. Это был уже враг несомненный. Наши шхуны, собранные в одну кучу у пристани, представляли заметную цель. Я приказал людям скорее выйти с ружьями на берег и, рассыпавшись по селу, открыть по неприятелю огонь по способности. Приблизившись к нам, большевики тоже бросили бомбу. К счастью, по силе она была гораздо слабее английских и разрыв ее был ничтожен. Однако он нанес нам большой урон, ранив в ногу нашего летчика-офицера. Мы снесли его в околоток Красного Креста, а потом на взятой моторной шхуне отправили в Петровск. Неприятель с красной звездой на крыльях, видимо, не имел больше бомб, ибо улетел обратно; я же был в отчаянии, лишившись возможности использовать такое важное ору-

жие, как присланный мне гидроплан. Впрочем, это был очень ненадежный аппарат: он попал к нам каким-то образом от красных, был кое-как исправлен и послан ко мне. Все на нем дребезжало и хлябало, и я не знал, как быть. Тогда гардемарин Загорский доложил мне, что берется самостоятельно перелететь на гидроплане до Петровска. Не хватало, однако, второго человека, но мичман Цветков, поклявшись, что ему приходилось раньше летать, просил отпустить его с Загорским. Мне надо было во что бы то ни стало поскорее сообщить обо всем случившемся начальнику флотилии, и я скрепя сердце решил им лететь. Надо было видеть, какие фокусы выделывали эти сумасшедшие, бешено носясь по камышам, пока им не удалось как-то оторваться от земли. Они счастливо долетели до Петровска, и англичане, осматривавшие потом нашу убогую машину, не могли понять, как они не разбились.

Тем временем пушка на «Екатерине» была установлена. Одновременно выяснилось, что на обоих оставшихся у меня пароходах приходит к концу запас нефти. Я вспомнил о полуразбитой нефтяной барже у Березяки и решил пойти туда для пополнения запасов топлива. Оставив в Логани мои шхуны с одной пушкой и пятью пулеметами, я пошел за нефтью.

Это была очень длительная и нудная операция. Баржа находилась примерно на расстоянии полутора миль от нашей стоянки. Способ доставки нефти был примитивен до крайности. Две наши шлюпки путешествовали туда, там их наполняли нефтью почти до краев, черпая последнюю ведрами, затем из возвратившихся шлюпок, тоже ведрами, переливали драгоценную влагу в пароходные цистерны. Я хотел набрать нефти самый полный запас, чтобы потом возможно долго в ней не нуждаться, и потому нам предстояло здесь задержаться дня два-три. В ожидании конца этой работы мы пребывали в бездеятельности и почти все время проводили на посту службы связи, под который была отведена поместительная изба на пригорке у моря с хорошим круговым обзором.

В это время в Березяку стали вновь прибывать разные тыловые команды, которые мне предстояло перевезти в Логань. Мне особенно врезался в память один случай, который я не могу назвать иначе, как гримасой Гражданской войны.

Мы в гостях у Рутковского на посту службы связи. Пока начальник поста хлопотал над незатейливым ужином, мы засели за карты. Был тихий ясный вечер, и солнце склонялось к горизонту. Вдалеке слышался звон колокольчиков, и в село вкатили три или четыре пыльные казенные повозки с разной кладью. Они остановились недалеко

от нас, и вскоре к нам вошел немолодой пехотный подполковник, который отрекомендовался заведующим хозяйством не то Ширванского⁴⁹⁵, не то Апшеронского полка⁴⁹⁶. Мы пригласили его с нами поужинать, и во время еды я спросил, когда успел сформироваться его славный полк, о котором до сих пор не было слышно. Наш гость рассказал нам, что в Добровольческой армии нашлось несколько офицеров этого полка, что оказалось также спасенным и славное его знамя и что офицерам было разрешено приступить к набору людей для укомплектования полка, что и удалось, хотя полк еще далеко не в полном комплекте. Я спросил его, из каких людей набраны кадры его полка — оказалось, что он на три четверти укомплектован пленными красноармейцами, которых наскоро подучили и кое-как привели в христианский вид. Я высказал опасение, что такой полк вряд ли может быть особенно надежным, с чем наш гость вполне согласился, прибавив, что в полку уже были кое-где попытки надеть красные банты. Потом я спросил его, что он нам привез. Оказывается, что была доставлена батарея трехдюймовых горных пушек, значительное количество снарядов и патронов, небольшое количество пополнений, полковой денежный ящик и знамя. Последнему я чрезвычайно удивился, ибо мне никогда не приходилось слышать, чтобы знамя следовало в обозе, за несколько десятков верст от полка. Наш подполковник пояснил, однако, что люди в полку считаются настолько ненадежными, что доверить им охрану полковой святыни рискованно. Я тогда же подумал, что лучше было не тратиться на формирование воинской части, которой нельзя доверить собственного знамени. Не далее как через несколько дней мои опасения оправдались. Две роты на фронте самовольно ушли в тыл, и было много хлопот, чтобы как-нибудь заткнуть образовавшуюся дыру. Это был один из печальных примеров царившего в нашей среде карьеризма. Из-за призрачных благ и стремления во что бы то ни стало чем-нибудь командовать на карту ставилась судьба всех наших усилий и неисчислимых жертв. Простой народ чутьем понимал побуждения этих людей и за такими начальниками не шел.

Мы приступили к погрузке всего привезенного. Опять набралось несколько шхун с грузами, которые предстояло тащить на буксире. Так прошло еще два дня. В течение этого времени штаб начал меня усиленно донимать понуканиями скорее вернуться в Логань. Наконец прибыл какой-то штабной полковник с предписанием немедленно возвращаться. Не помню точно, какого числа это было, в моей памяти запечатлелось лишь, что это был понедельник — день, в который морские люди не очень охотно снимаются с якоря. Пред-

писание имело, однако, достаточно категорический характер, да и представитель штаба принял настолько грозный вид, что я скрепя сердце решил после полудня, не закончив еще грузовых работ, выйти в море.

* * *

Опять мертвый штиль, ясный солнечный день и наши два парохода, тянувшие за собой вереницу шхун. Корма «Екатерины» была загружена четырьмя принятыми пушками и сплошь завалена ящиками со снарядами и всякого рода тюками и мешками. Свободными были лишь мостик и пространство на палубе впереди него, где была установлена наша единственная пушка. Мы шли не очень быстро, задерживаемые тянувшимися у нас на буксире шхунами. К заходу солнца я рассчитывал быть в Логани. Все шло благополучно, и часам к шести открылась Логанская церковь, а потом и домики селения на пригорке. В это время Пышнов обратил мое внимание на какой-то странный предмет, маячивший далеко у нас впереди по носу, как будто у входа в самый канал. С первого взгляда он показался мне шхуной, развесившей для просушки свои сети. При более внимательном рассмотрении выяснилось, однако, что перед нами пароход. Сомнения не было — это был неприятель. Пышнов спросил меня, что предпринимать. Я приказал идти прямо на него и начать бой. Другого выбора не было: имея единственное орудие на баке, с очень малым углом обстрела, оставалось направляться на неприятеля носом, то есть идти на сближение с ним до последней возможности. Пробыли боевую тревогу, людям приказали разобрать ружья и быть готовыми к абордажу. Чтобы держать неприятеля дольше под своим огнем, уменьшили ход до малого. Одновременно с этим было приказано отдать буксиры, и наши шхуны, ставя наскоро паруса, белой стаей направились прямо к берегу, стремясь попасть в Логанский канал.

С неприятеля грянул первый выстрел, давший большой перелет. Я почувствовал большое облегчение: у него была такая же трехдюймовая пушка, что и у нас, и его гранаты летели через нас с мелодичным пением. Мы немедленно начали ему отвечать. Наша пушка бешено подпрыгивала после каждого выстрела, и пароход, непривычный к стрельбе, при этом сильно содрогался. Наши снаряды тоже ложились перелетами; расстояние до неприятеля неуклонно уменьшалось.

Я оглянулся кругом. Вся картина была необыкновенно красива. Солнце только что зашло за береговые холмы, но было еще совсем свет-

ло. Высоко над нами начинала обозначаться полная луна. Море было как зеркало; далеко на северо-востоке зажглась яркая звездочка Четырехбугорного маяка. В центре этой картины яростно падали друг в друга два колесных парохода, причем на мачте неприятеля развевался красный значок антихриста, а у нас — белый с синим крестом — хоругвь Христа. Бой разгорался; мы пристрелялись заметно раньше противника; abordажная партия была наготове. В это время противник дал полный ход, очистив нам вход в канал. Не выдержав нашей атаки, он поспешно стал удаляться к маяку. Мы стреляли ему вдогонку, и в наступившей темноте был ясно виден разрыв нашего снаряда у него в корме. Это было как раз вовремя, потому что от непривычных толчков во время стрельбы треснул лафет нашей пушки и мы больше не могли стрелять. Пришлось отказаться от погони, и я решил входить в Логань задним ходом, чтобы, так сказать, на страх врагу быть к нему все время обращенным носом.

Уже в полной темноте мы стали на якорь, встреченные радостным «ура» с судов отряда. Штабной полковник, которому во время нашего боя было сильно не по себе, поспешил съехать на берег. Я узнал, что в Логань прибыл значительный отряд от группы Драценко под начальством генерала Киленина⁴⁹⁷, и немедленно отправился к нему с целью представиться и доложить о бое.

Генерал встретил меня очень приветливо. Он сообщил, что оборона Логани поручена ему и что он решил упорно оборонять село. Я ушел спокойным и был очень доволен, что нахожусь здесь не один. По дороге я узнал, что в селе разместились александрійцы, конная батарея и, кажется, две роты пехоты.

На другой день я был по горло занят разгрузкой «Екатерины» и разными хозяйственными заботами. Я узнал также, что в мое отсутствие Логань подвергалась серьезной опасности быть занятой красными с моря. В село прибыл успевший как-то ускользнуть Склянин со своими партизанами. Сухопутные войска еще не прибывали, и он с остатками моего отряда составлял всю оборону села. Внезапно среди бела дня поднялась тревога: два неприятельских парохода явно намеревались войти в Логанский канал. Люди приготовились отразить атаку. Нашу пушку подтащили к берегу и спрятали в камышах, наведя ее на фарватер, кругом залегли стрелки. Неприятельские пароходы спокойно шли по каналу, как к себе домой, и было видно, как люди расположились на них обедать. Когда суда поравнялись с нашей засадой, был открыт огонь по головному, почти в упор. Пароход остановился, осыпаясь градом пуль. Потом оба дали задний ход и поспешно ретировались. Услышав этот доклад, я подумал, что наше положение не

очень-то крепко со стороны моря, и поторопился установить на позиции полученную мною батарею. К сожалению, это были только горные пушки — «горняшки», как мы их называли; они не были дальнобойными и состязаться с морскими орудиями одинакового калибра им было не под силу. Я поручил Рутковскому внушить своему наблюдательному посту особую бдительность.

26 июля я был приглашен александрийцами к обеду. На фронте было тихо, но в море появлялись часто дымы и силуэты пароходов на горизонте. Появилось тоже много парусных шхун, которые к северу от нас, в сторону несчастного Воскресенского, выделяли какие-то подозрительные эволюции. Обед наш не состоялся: не успели мы сесть за стол, как было получено предписание александрийцам идти на фронт. Тот самовольный уход в тыл двух пехотных рот, о котором я упоминал, образовал довольно широкую брешь, которую они и должны были заткнуть. Я пошел на пост к Рутковскому. В самом деле, и с севера, и с моря надвигалась какая-то неясная угроза. Было заметно усиленное движение пароходов, какие-то шлюпки подходили к берегу севернее Логани и что-то выгружали. Я отправился к генералу с просьбой осветить мне положение. Генерал был по-прежнему спокоен, однако сообщил мне о возможности оставления села. «Во всяком случае, — добавил он, — в нашем распоряжении эта ночь и весь следующий день». О времени оставления Логани он обещал меня уведомить. Я доложил ему, что опасюсь быть заблокированным с моря подавляющими силами и считаю, что, пока не поздно, лучше вывести мой отряд и перевести его в Березяку, но генерал нашел это преждевременным. У меня на сердце было беспокойно. Я был лишен всяких средств разведки и опасался самого худшего. Всю ночь по селу рыскали наши разведы, и я заснул тревожным и чутким сном.

* * *

27-го я проснулся от какого-то необъяснимого предчувствия. Рассвет едва брезжил, когда с поста прибежал человек с наскоро нацарапанной запиской от Рутковского; он извещал, что в море заметно большое количество дымов,двигающихся в нашу сторону. Я кинулся к генералу. Тут только я заметил странную пустоту и тишину на берегу. Оказывается, генерал Киленин покинул ночью село со всеми войсками, не предупредив меня. В помещении его штаба я нашел лишь обрывки бумаги, окурки и хаос, свидетельствовавшие о нервной поспешности. Прибрав обратно, я приказал всем немедленно готовить-

ся к походу и грузить все, что можно, с берега на суда. Мы торопились тащить с берега все, что попадалось под руку, в том числе и оставленный на произвол судьбы околоток Красного Креста. В числе больных оказалась подобранная на фронте красная сестра милосердия со страшной сабельной раной на шее. Мужественный Рутковский оставался на наблюдательном посту и сообщал разные страшные вещи. Он насчитывал уже восемь пароходов, и вскоре мы и сами увидели, что заблокированы. Казалось, выхода не было и участь наша на этот раз решена.

Нас выручили опять наши рыбаки и местные жители. Оказывается, кроме главного, из Логани шел очень извилистый и мелкий побочный канал, который, проходя густым высоким камышом, выводил в море значительно южнее села. Туда я и направил всю тучу своих и частных шхун. Последние были полны беженцами и беспорядочно нагружены всяким скарбом; за ними потянулись наш моторный катер и парусно-моторная шхуна. Но как быть с пароходами? Бросать их не хотелось, а возможность пройти с ними по мелкому фарватеру была сомнительна. Я все же приказал обоим малым пароходам идти осторожно за шхунами и отправился на «Екатерину» к Пышнову с тем, чтобы передать то же и ему. Но он, однако, решительно заартачился. Он уверял, что неприятель не так силен, как я предполагаю, и что он, во всяком случае, не намерен отступать перед этой сволочью, а предпочитает сразиться с ними и прорваться в море. Я невольно залюбовался этим потомком храбрых запорожцев: распустив свои длинные усы и горя боевым задором, он приказал поднять Андреевские стеньговые флаги и готовиться к бою. Я не считал себя вправе пресекать его героический порыв; мы расцеловались, и я бросился руководить продолжавшейся эвакуацией. Когда в селе не оставалось ни одной шхуны, я пошел под парусами последним. Из-за камышей были видны густой дым и мачты с Андреевскими флагами выходившей навстречу неприятелю «Екатерины». Было около семи часов утра.

Медленно двигаясь в тесном канале, мне пришлось успокаивать одних, утихомиривать других, помогать стаскивать с мели ту или другую шхуну. Камыш закрывал нас от неприятеля. Но вот раздались первые выстрелы, и у меня сжалось сердце при мысли о судьбе «Екатерины». В это время мое внимание было отвлечено тем, что пароход «Сыновья», почти выбравшийся уже из канала, плотно уселся на мель. Все наши усилия его стащить были тщетны, а время было дорого, и я приказал людям перебираться по способности на ближние шхуны, а пароход зажечь. Бедный Степанов был в отчаянии, но ничего другого не оставалось делать. Вдобавок я торопился на взморье, чтобы убедиться, не

заблокированы ли мы и с этой стороны. В последнем случае пришлось бы лезть в воду и вброд идти на юг мили две до ближайшего берега. Слава богу, выход был свободен и лишь к северу, у входа в главный канал, наблюдалось значительное количество неприятельских судов. «Екатерина» возвращается!» — раздался крик одновременно с нескольких шхун. Я посмотрел в сторону Логани. Из-за высоких камышей было ясно видно, как две мачты с Андреевскими флагами быстро двигались обратно по каналу, провожаемые оживленным огнем с неприятельских судов. У меня отлегло на сердце: «Екатерина» шла тем же побочным каналом, каким спасались и все остальные. Я с замиранием сердца следил за ее движениями. Было видно, как пароход остановился, не будучи в силах пробраться через мелководье; затем, зажженный руками своего же экипажа, он окутался зловещим черным дымом пожара, и на нем начались непрерывные взрывы, сила, длительность и частота которых напоминали оживленную перестрелку в разгар сражения. Горели привезенные «Екатериной» многочисленные запасы снарядов и патронов. Слава богу, никто из наших людей не погиб: все добрались вброд или до находившихся вблизи наших судов, или до твердой земли, и все вернулись в разное время и разными путями в Петровск.

Одновременно с гибелью «Екатерины» большевики начали энергичный обстрел Логани. Столбы взрывов снарядов, обрушившихся на это несчастное село, были от нас ясно видны. Один красный пароход отделился от своего отряда и двинулся в нашу сторону, видимо намереваясь атаковать наши разрозненные стаи парусников. У нас поднялась тревога: многие выскочили в воду, благо воды было по пояс, и с винтовками и имуществом потянулись к берегу. Другие старательно заработали веслами, так как ветра почти не было и день стоял удивительно ясный и тихий. Внезапно вражеский пароход накренился и стал давать жалобные гудки. Я понял, что наш враг тоже уселся на мель. Тогда наши люди потянулись обратно на свои шхуны, поругивая врага разными нехорошими словами. Огня по нас никто не открывал, и, постепенно вытягиваясь длинной линией, мы с поднявшимся попутным ветерком стали быстро удаляться вдоль берега на юг. В это время были опять замечены два английских самолета, направлявшиеся с юга к Логани. Как всегда, наши союзники решили нам помочь с опозданием на несколько часов. Послышалась ожесточенная ружейная и пулеметная стрельба, были видны разрывы сброшенных бомб, но все это уже не могло изменить хода событий, и Логань осталась во власти большевиков.

Решив идти в Петровск не прямо, а зайти по пути в места наших прежних остановок и известить о случившемся посты службы связи,

я пришел вечером в Березяку, где мы и заночевали. 28-го утром мы вышли в море и заночевали в Брянске, а 29-го перешли на рейд острова Чечень. Англичан я там уже не застал. Рейд опустел, а Петровск, в свою очередь, тоже не давал о себе никаких вестей. Все мои соратники ушли далеко вперед и, вероятно, были уже в Петровске. Я шел, как мне и полагалось, последним. О неприятеле не было ничего слышно, и на Чечене царили мир, тишина и спокойствие.

1 июля, перед полуднем, пользуясь попутным ветром, мы вошли в Петровскую гавань. Мое возвращение не было почти никем замечено. В русской части гавани царило оживление: спешно готовился к плаванию и вооружался какой-то небольшой пароход, что-то куда-то везли, что-то грузили, в разных направлениях сновали озабоченные чины флота. Я приказал спустить свой брейд-вымпел, забрал свой незатейливый узелок с вещами и дневник и пешком отправился домой, где был встречен женой и многочисленными друзьями.

* * *

Так окончилась моя парусная каспийская экспедиция. Капитаном 1-го ранга Сергеевым я был принят неблагоприятно, и разговор наш не был продолжительным, зато я был тронут отношением ко мне полковника Ивицкого и многих простых людей и молодежи. Через несколько дней Ивицкий устроил в честь нашего отряда великолепный банкет, на который были приглашены все офицеры, участвовавшие в этом необычном походе. Было сказано много красивых речей и немало выпито. Чины морского управления в Петровске совершенно отсутствовали. 17 июля я получил предписание от начальника Каспийской флотилии отправиться в Таганрог, где пребывала в то время Ставка и все военно-административные учреждения Добровольческой армии, и явиться в распоряжение начальника военно-морского отдела вице-адмирала Герасимова. Отряд мой был расформирован еще ранее, приказом от 9 июля. Через несколько дней я выехал по назначению, навстречу своей дальнейшей причудливой и далеко не банальной судьбе.

КАСПИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ 1918—1919 ГОДОВ⁴⁹⁸

В середине 1918 года город Баку был занят отрядом генерала Бичерахова, состоявшим главным образом из терских казаков. Несмотря на развал и крушение фронта, генералу Бичерахову удалось сохра-

нить в части вверенных ему войск порядок и дисциплину старой Российской армии. Во главе небольшого отряда он двинулся с Багдадского фронта и, пройдя походом через всю Персию, вышел на побережье Каспия, где большевики уже начинали чувствовать себя хозяевами. Опираясь на свои части и русские общественные организации, генерал Бичерахов направил все свои усилия на установление порядка и поддержание престижа русского имени. Но тут-то ему пришлось столкнуться с противодействием и открытым недовольством матросской вольницы, составлявшей экипажи военных кораблей и порта, и возглавлявшим их Центрокаспием, комитетом с полубольшевистской окраской. Каспийская военная флотилия, состоявшая тогда из канонерских лодок «Карс» и «Ардаган» (с весьма приличной артиллерией) и нескольких вооруженных пароходов, находилась в состоянии полного разложения, и, в конце концов, все грозило вылиться в чисто большевистские формы. Это был вулкан, вечно готовый к извержению. Население трепетало перед тяжелой артиллерией кораблей, бродивших по всему простору моря и не признававших никого и ничего. Кроме политики, «товарищи» усиленно занимались и спекуляцией, перевозя на военных кораблях различные товары и сбывая их, по произвольным ценам, обывателям, находившимся в постоянной блокаде.

В то время большевизм не был особенно популярен среди населения и даже части рабочих, ибо было не до «политики». Извне напирала турки; кучка интеллигенции из туземного населения, разжигая национальную ненависть, вела непримиримо самостийническую политику. Из Персии появились англичане и немедленно принялись за перекачку нефти в Батум, наполняя там десятки судов, на которых развевались английские флаги. Эксплуатируя богатство края, они косо поглядывали на русские государственные элементы, очевидно лишь ожидая благовидного предлога для полной их ликвидации. В эту эпоху господином положения чувствовала себя только Каспийская флотилия, и генералу Бичерахову надо было торопиться с уничтожением очага постоянных смут и большевистской заразы, для какой цели он и командировал в Черное море корабельного инженера, поручика Н.А. Дремлюженко, с просьбой к морскому командованию прислать кадр офицеров и команды для ликвидации Центрокаспия и создания Добровольческой военной флотилии, при помощи которой можно было бы стать твердой ногой на Кавказе и, обеспечив таким образом тыл и правый фланг Добровольческой армии, продвигавшейся через Терскую область к побережью моря, предложить ей прекрасную базу в Баку.

Конечно, возрожденная флотилия, вооруженная 4", 120-мм, 130-мм и 6" пушками, должна была коренным образом изменить положение. Азербайджанским непримиримым тенденциям был бы положен конец, влияние англичан было бы сведено к минимуму, и была бы установлена прочная связь с восставшим Уралом и Туркестаном. А армия, шедшая безводными степями к Астрахани, имела бы прекрасную коммуникационную линию.

Кроме того, взятие самой Астрахани, окруженной водой, без систематической поддержки флотилией, было бы делом чрезвычайно трудным. Для флотилии же владение портом Баку являлось вопросом жизни, так как это был единственный порт, имевший доки и все средства для ремонта судов (остальные служили лишь укрытием от непогоды). С отправкой времени терять было нельзя. Путь к Баку лежал через Грузию, отношения которой с Добровольческой армией портились с каждым днем, и если проезд считался вполне возможным в 1918 году, то в начале 1919 года уже представлялся гадательным. Да и большевистская агитация в Баку сильно прогрессировала. Военные корабли могли ежеминутно уйти в Астрахань и оттуда уже начать военные действия против добровольцев и англичан.

* * *

Севастопольское морское командование встретило проект генерала Бичерахова довольно враждебно, и капитан 2-го ранга Пышнов, взявший на себя организацию отряда и поход с ним в Каспий, натолкнулся на целый ряд препон. Под благовидными предлогами не разрешали офицерам запись в отряд, денег не давали, с обмундированием было скверно, и, наконец, отсутствовал какой-либо свободный транспорт для перевозки в Новороссийск или в Баку. В частных разговорах штаб заявлял, что «нам и здесь нужны офицеры» для «возрождения флота».

Прошел декабрь, январь и февраль — драгоценное время утекло, момент был потерян, ибо проезд через Грузию уже был закрыт. Наконец, после бесконечных разговоров и долгих и упорных хлопот Б.М. Пышнова, отправка была решена, деньги отпущены и нашлся транспорт, на котором разместился отряд, погрузив провизию, 4" снаряды и немного шкиперского имущества.

Отряд, растаявши за время ожидания со 150 до 70 человек, представлял собой довольно непрезентабельную картину. Обмундированием не снабдили, а поэтому офицеры, в большинстве своем пробиравшиеся через всевозможные «фронты» и «границы», одеты были кто

во что горазд. Как сейчас помню нашу воинскую часть во фронте: я имел широкополую бархатную шляпу, клетчатое неопределенного цвета пальто клеш, направо сосед мой, инженер-механик мичман Колесников, в котелке, в фрачном коротком пальто и полосатых брюках, с винтовкой и подсумками, совсем был несуразен; слева мрачный мичман Фроуд⁴⁹⁹ — в фуражке студента электротехнического института и в жиденьком летнем лапсердаке — напоминал какого-то ратника 5-го разряда. Кое-где мелькали старенькие бушлаты и блестящие погоны туземцев черноморов. Коченея в холодном и темном трюме транспорта, мы награждали самыми отчаянными эпитетами сильных мира сего.

Итак, 16 февраля 1919 года «Виолетта» вышла в море, но, встретив сильный шторм от NO и потеряв возможность управляться, через пять суток вернулась в Севастополь. Вторично мы вышли 24-го и 25-го благополучно прибыли в Новороссийск. Начальство встретило транспорт с недоумением. Никто не знал, что с нами делать. Не добившись ничего от местного штаба, капитан 2-го ранга Пышнов выехал в Екатеринодар с докладом. В это время мы получили сведения, что ввиду полной деморализации и большевистских выступлений команд военных кораблей в Баку англичане принуждены были их разоружить и, придравшись к случаю, ликвидировали вместе с тем русское влияние в этом далеком уголке былой России. Ссылаясь на «ненадежность» русских воинских частей, они ультимативно потребовали от генерала Бичерахова оставления края и вывода казаков. Русский вопрос был решен, и мы торжественно опоздали!!! С уходом войск англичане стали полными хозяевами в экзотической Азербайджанской республике, более известной под именем «кукурузной».

В Екатеринодаре капитан 2-го ранга Пышнов получил от генерала Деникина приказ пройти с эшелоном в порт Петровск на соединение с остатками отряда генерала Бичерахова и положить там начало морской добровольческой силы. Конкретного было сказано мало — были лишь выражены пожелания и сказаны хорошие слова. 4 марта эшелон, пополнившись несколькими морскими офицерами, в теплушках выехал из Новороссийска.

В Червленной-узловой (на реке Тереке) мы узнали с бронепоезда «Терец»⁵⁰⁰, что железная дорога, мосты, станции далее не существуют — Чечня восстала и вдоль по Тереку происходят взаимные налеты и бои горцев с казаками. Вековая вражда вылилась в кровавую, беспощадную войну, воскресившую в полном объеме времена Лермонтова. Тогда было решено, спустившись по левому берегу Терека до города Кизляра, далее попытаться степями выйти на побережье

Каспийского моря. Путь между Червленной и Кизляром был весь усеян брошенным имуществом отходившей на Астрахань красной Кавказской армии (кстати, почти целиком погибшей в пути от беспощадного сыпного тифа). Чего тут только не валялось: швейные машинки, граммофоны, мебель, белье, патроны, винтовки и посиневшие полуобглоданные трупы лошадей, а иногда и солдат...

12 марта мы прибыли в совершенно разграбленный большевиками и опустошенный сыпным тифом город Кизляр. Никогда не изгладится из моей памяти этот мертвый, покинутый населением город, памятник Гражданской войны. 16 марта, погрузив незначительное имущество на захваченные в окрестностях подводы, отряд двинулся походным порядком к морю. Промаршировав 80 верст, через двое суток мы вышли на пустынное солончаковое побережье Каспия и расположились в маленьком, забытом богом и людьми рыбацьем поселке со странным названием «Чакан».

Это была кучка вонючих, грязных хижин, вылепленных из грязи, с полудиким населением, принадлежавшим к какой-то секте. Эти туземцы относились к нам с нескрываемым отвращением, как к чему-то поганому, запросто крестясь, плюясь и творя молитву после разговора с кем-либо из матросов или офицеров.

Через несколько дней, заметив проходивший в море мотор, обстреляв и заполучив его таким образом в свои руки, погрузив без дальнейших дипломатических разговоров багаж и разместившись друг на друге, так что мотор сел по верхнюю палубу, мы вышли в море и легли на S. Счастлив наш Бог, что был абсолютный штиль. Хорошо было в море... Все оживились, слышался смех, шутки... Житейские невзгоды, теплушки, насекомые, тиф — все было забыто. Самые мрачные пессимисты с верою смотрели на будущее... Наконец 22 марта ночью мы вошли в гавань Петровска. Цель была достигнута, первая половина приказа генерала Деникина была выполнена.

* * *

Петровск, к прибытию эшелона, напоминал осажденную крепость. Связь с внешним миром поддерживали только по радио и аэропланами. Горы кругом кишели восставшими туземцами, постоянно тревожившими немногочисленный гарнизон города и державшими его в напряженном ожидании и готовности к очередному налету.

По ночам на окраинах, в виноградниках происходили перестрелки с абреками. Настроение было в достаточной степени тревожное. Гар-

низон города в то время составляли части отряда генерала Бичерахова, находившегося под командой престарелого генерала Пржевальского и имевшего в своем составе автоброневой дивизион (несколько хороших машин с пулеметами), конно-горную батарею (четыре орудия), офицерский конный (100 человек) и пеший (250 человек) отряды. Броневой дивизион и батарея находились в отличном состоянии — люди были одеты, дисциплинированы и боеспособны. С офицерскими отрядами было значительно хуже.

Наш эшелон немедленно придали к армии генерала Пржевальского, и мы принялись за несение нарядов гарнизонной службы. Территория же Петровского порта, окруженная проволочными заграждениями, находилась в распоряжении англичан. Порт они превратили в промежуточную базу для своей флотилии. К этому времени они имели несколько вооруженных среднекалиберной артиллерией больших коммерческих пароходов, которые, неся дозорную службу и крейсируя в северной части моря, были всегда готовы отразить покушение большевиков на район Баку.

Англичане встретили нас чрезвычайно холодно; становилось очевидным, что рассчитывать на помощь союзников не приходится. На такое отношение английских моряков мы ответили отказом иметь с ними какой-либо альянс и со своей стороны приняли за правило совершенно не замечать присутствия знатных иностранцев.

В нашей войне с горцами они не принимали никакого участия, сохраняя самый строгий «нейтралитет». Однако мы полагали, что появление какого-то «маргаринowego» правительства из весьма диких людей с большими носами и длинными кинжалами (не то в Дербенте, не то в Темир-Хан-Шуре) обошлось не без благословения представителей Лондона. Один такой «правитель», прибывший, по-видимому, с «важной дипломатической миссией» и обнаруженный на главной улице «столицы», едва не был выпорот в назидание потомству (ссылки на международное право не оказали никакого влияния), и только клятвенное обещание немедленно исчезнуть из города спасло великого человека.

8 апреля мы получили в свое распоряжение первый «корабль». Это был моторный баркас «Успех» (тонн тридцать водоизмещения), на котором бежал из Астрахани капитан 2-го ранга Ордовский-Танаевский. Немедленно на него были назначены лейтенант Р.Э. Вирен, мичман Вильгельминин, инженер-механик мичман Колесников и несколько матросов. Катер вооружили пулеметом и подняли национальный флаг. (Английское командование заявило, что присутствие Андреевского флага в Каспии невозможно.)

14 апреля вернулся ни с чем капитан 2-го ранга Пышнов, ездивший в Баку для переговоров с главным командованием англичан о передаче нам канонерских лодок «Карс» и «Ардаган». В течение апреля месяца «Успех» три раза выходил в море, поддерживая связь с «пристанью» Старотеречная, которая являлась конечным пунктом Кизляр—Каспий. Эта «пристань» представляла собой одну полуразрушенную избу, затерянную в милях ста пятидесяти от Петровска на пустынном солончаковом побережье моря.

В середине апреля на Старотеречную прибыл «начальником» Каспийской военной флотилии капитан 1-го ранга Сергеев, его флаг-офицер капитан 1-го ранга К. Шуберт, флаг-офицер мичман Путилин и группа офицеров и матросов, составлявших так называемый «второй эшелон» флотилии. Капитан 1-го ранга Шуберт первым добрался до Петровска на рыбацьем паруснике. За остальными же был отправлен «Успех», благополучно доставивший командующего к месту службы...

В это время в Петровске готовили к переброске в Область Войска Уральского автоброневой дивизион. Для этой цели были заняты пароходы «Самет-Ага» и «Эдисон». Когда закончили погрузку машин и материалов, внезапно забастовали вольнонаемные команды кораблей, объявив, что помогать белогвардейцам они ни в коем случае не будут. По инициативе капитана 1-го ранга Шуберта оба парохода были заняты нашими моряками. Начальником отряда назначили капитана 2-го ранга Пышнова, командиром «Эдисона» — лейтенанта Шепелева (в распоряжение которого откомандировали мичманов В. Шейнерта, Л. Павлова, Н. Скорописова, Лаврова⁵⁰¹; инженеров-механиков мичманов Нехорошева, Литвинюка, мичмана военного времени Спиридонова⁵⁰², прапорщиков Овчинникова, Муравлева и кондукторов Черного, Вдовиченко, Леванцова. На «Самет-Ага» были назначены старший лейтенант Н, мичманы А. Сеньковский⁵⁰³, А. Степанов и Милькоманович; инженеры-механики мичманы Экк, Трейер и Ильин, мичманы военного времени Завадовский⁵⁰⁴ и Якимович⁵⁰⁵, поручик Пономаров и прапорщик Новиков).

25 апреля под конвоем английского вооруженного парохода отряд, имея баржу на буксире, вышел на Н. На траверзе острова Кулаалы англичане повернули обратно, а транспорты 25 апреля подошли к Гурьеву и стали на якорь в шести милях от берега. Трудно описать радость уральцев, получивших драгоценнейшие технические средства. Моряков встречали как дорогих гостей. Корабли снабжались в изобилии продуктами, о деньгах никто и слышать не хотел. Это был первый подарок восставшему Уралу от Южной Добровольческой армии.

1 мая «Самет-Ага», разгрузившись, первым вышел обратно в Петровск. На следующий день экипажу транспорта пришлось пережить немало тяжелых минут, чуть-чуть не попав прямо в лапы большевикам. Находясь в милях тридцати пяти на NW от форта Александровского, часов в восемь утра обнаружены были, прямо на S, три дыма — один, по-видимому, парохода и два миноносных, шедших в кильватер на Ост. Все притихло на «Самет-Ага», единственное тяжелое орудие — пулемет приготовили к бою. Не было жалоб, не было паники, хотя и гибель казалась неминуемой. Мечтали только об одном — сцепившись с красными борт о борт в абордажной схватке, продать жизнь как можно дороже.

Начальник отряда, Б.М. Пышнов, приказал лечь на N и, стараясь не дымить, попытаться уйти от врага... Маневр удался, и минут через двадцать дымки исчезли за горизонтом. 3 мая «Самет-Ага» вошел в Петровскую гавань, а 4-го вернулся и «Эдисон», не встретив никого в море. Во время рейса наших транспортов трагически погиб со всем своим штабом известный на юге генерал Гришин-Алмазов. Он вышел на пароходе «Леля» из Петровска в Гурьев, имея какую-то миссию к адмиралу Колчаку. Его также проконвоировал до траверзов форта вооруженный английский корабль. И как только последний исчез за горизонтом, транспорт стал легкой добычей откуда-то выскочившего красного миноносца. О пассажирах «Лели» никто ничего не слышал... Тем временем наше положение в Петровске значительно улучшилось. Горцы были разбиты — осада снята. Произошло это следующим образом: терским казакам, по-видимому, порядком надоело терпеть постоянные налеты и грабежи чеченцев. Заволновался Терек, как в доброе старое время Запорожье... Потянулись со всех станиц до Грозного казаки. Не было мобилизации, не было планов, не было штабов, что-то стихийное было в этом движении... Когда, наконец, собралось их тысяч до пятнадцати, то под командой старого терца, генерала Ляхова, они устремились в горы — огнем и мечом прошли по аулам — пощады не было никому. Остатки Чечни спаслись в неприступных ущельях. Дойдя до Петровска, казаки повернули обратно к станицам. Под прикрытием добровольческих броневиков дорога была быстро восстановлена, и мы, наконец, непосредственно связались с базой и Ставкой Добровольческой армии.

В первых числах мая средствами железнодорожных мастерских приступили к ремонту заброшенного 60-тонного мотора «Петровск», на который и были вскоре переведены лейтенант Вирен и инженер-механик мичман Колесников. 5 мая катер «Успех», посланный под командой мичмана Вильгельминина для обстрела чеченцев в районе

Старотеречной, застигнутый жестоким NW, имея неисправными оба мотора и лишившись руля, был выброшен в полузатопленном состоянии на отмель у острова Чечень. 10 мая с Чечни вернулся, не будучи в состоянии снять катер, транспорт «Эдисон», а 13-го мая оба эти транспорта были внезапно оставлены русской командой. Англичане предложили ультимативно в суточный срок вернуть в их распоряжение пароходы.

Тогда капитан 1-го ранга Шуберт предложил сухопутному командованию придуманную им военную авантюру — поход на Астрахань на рыбацких парусниках (на местном жаргоне именуемых «рыбницами»). Он рассчитывал своим ухарством завоевать симпатии кого следует и в конце концов стать всесильным накаспом. Но рекламная экспедиция ничего самому Косте Шуберту не принесла... Итак, заняв девять парусников, расписав по ним личный состав, Костя Шуберт (под этим именем он был известен всем) почувствовал себя совершенно независимым. Не зная ни моря, ни расположения и сил противника, не имея никакого плана, раздобыв где-то четыре пулемета с несколькими лентами на каждом, снабдив часть личного состава винтовками, Костя объявил господам офицерам: «Как-нибудь да возьмем Астрахань». Несмотря на нелепость авантюры, настроение молодежи, покидавшей Петровск, было бодрое. 18 мая на буксире парохода «Восток» армаду потянули к острову Чечень.

* * *

2 июля, под брeid-вымпелом начальника флотилии, чистенький, выкрашенный в шаровый цвет, вышел «Араг» в море. 3-го он стал на якорь в виду Березяка, и командующий съехал на берег для личного свидания с генералом Драценко. На следующий день, на рассвете, «Араг» снялся с якоря и вышел в район 12-футового рейда с целью разведки. Море было мертво. Лишь невдалеке от острова Четырехбугорного на горизонте показались два дыма, а затем и корпуса небольших пароходов. По-видимому, красные ничего не знали о появлении вооруженных кораблей у белых и подпустили «Араг» кабельтовых на тридцать. «Араг», подняв стеньговые флаги, открыл огонь, после чего оба парохода, повернув обратно, полным ходом бросились в устье Волги. На выстрелы «Арага» они отвечали из своих кормовых пушек. Дойдя до устья Волги, Мацылев повернул на Логань, где у входа в канал, ничего не подозревая, покачивался на якоре дозорный колесный пароход. Когда засвистели снаряды с «Арага», красные поняли ошибку и, сделав с десяток безрезультатных выстрелов,

поспешили скрыться за мысом в Логани (в это время она была занята красными). Вернувшись в Березьяк, «Араг» принял командующего и вышел на юг к острову Чечень, где по-прежнему стояла английская армада. На флагманском корабле командора Норриса «Крюгер» состоялось свидание последнего с капитаном 1-го ранга Сергеевым, и передача флотилии была решена окончательно.

Вернувшись в Петровск, командующий объявил о приеме в первую очередь истребителей. Здесь только впервые мы познакомились с этим новым оружием в морской войне. Истребители, или, как их называли, «семби» (от начальных букв СМВ — Coast Motor Boat), по внешнему виду напоминали лодки аппаратов-девятки. Они были снабжены авиационными моторами «фиат» в 250 HP и развивали скорость до сорока узлов (размеры их: длина 36 футов; ширина до 6 футов; осадка 3 фута). В кормовой части, в особом желобе, находилась мина Уайтхеда. В руках смелого командира и опытного моряка «семби» были страшным оружием.

К сожалению, минами им почти не приходилось пользоваться, так как в период кампании большевики почти всегда маневрировали со своими многочисленными баржами на таком мелководье, что не только глубина была недостаточна для минного выстрела (минимум 7 футов), но и сами истребители проходили с трудом.

Первая пара была принята 9 июля: № 1 (мичман Сеньковский и инженер-механик мичман Экк) и № 2 (мичман Степанов и инженер-механик Трейер). 12 июля перешли к нам № 5 (мичман Скорописов и прапорщик Журавлев) и № 10 (мичман Лавров), 15 июля — № 4 (мичман Павлов, моторный унтер-офицер Коваль), № 7 (мичман военного времени Завадовский, подпоручик Сайганов), 18 июля — № 3 (лейтенант Эльманович) и № 6 (мичман военного времени Курицын). Личный состав энергично занялся изучением «семби» — выходили в море, стреляли минами, производили эволюции.

13 июля на вспомогательный крейсер «Азия» прибыли русские морские офицеры и команда астраханцев; англичане познакомили новых хозяев с конструкцией своих пушек и, выйдя в море, произвели практическую и боевую стрельбы. 14-го они покинули корабль. «Азия», двухвинтовой наливной пароход, водоизмещением тысячи в две тонн, имела четыре английские 4" пушки с дальностью 48—50 кабельтовых, расположенных в диаметральной плоскости, и была снабжена прожектором, дальномером, переговорными трубами и радиотелеграфом. Машины находились в исправности, но котлы и питательный трубопровод текли.

«Азию» получил в командование капитан 2-го ранга Пышнов. Судовые офицеры: мичманы Милькоманович, Мичурин⁵⁰⁶, Омосов, Маслов⁵⁰⁷, инженеры-механики мичман Литвинюк, мичманы военного времени Ющенко⁵⁰⁸, Цветков и машинный кондуктор Терентьев.

15 июля пришли из Баку колесные пароходы «Надежда», Sistership «Арага» и «Ленкоранец», Sistership «Кизил-Агач». Они были в буквальном смысле выкрадены оттуда наспециализировавшимся по этой части прапорщиком Пузанковым⁵⁰⁹ (он же привел первую группу). На «Надежде» немедленно приступили к установке двух 4" пушек и одного пом-пома (зенитной 40-мм). Командиром «Надежды» назначили лейтенанта Р.Э. Вирена и перевели на нее мичмана Вильгельмина, инженеров-механиков мичманов Колесникова и Фроуда и мичмана военного времени Яхимовича.

16 июля от англичан приняли базу истребителей, большой наливной пароход «Каму» (1 — 75-мм и 1 пом-пом), на которую немедленно подняли истребители № 1 и № 2. «Каму» и дивизион истребителей (12 штук) получил в командование лейтенант Страутини⁵¹⁰, судовыми офицерами — поручик по адмиралтейству Матвеев⁵¹¹, подпоручик по адмиралтейству Мартенсон⁵¹², мичман военного времени Александров⁵¹³, штурман коммерческого флота Столяров.

Вернувшись из первого похода, «Араг» был сдан лейтенантом Мазылевым мичману Сукину. За эти же дни на «Араге» вместо 75-мм были установлены две 4" пушки.

По готовности кораблей сухопутным и морским командованием решено было, высадив, при поддержке судовой артиллерией, десант, овладеть Логанью.

15 июля вспомогательный крейсер «Азия», посыльное судно «Доброволец» и транспорт «Кизил-Агач» с десантом вышли в операцию. У Березяка к ним присоединился «Араг». Огибая отмели и банки, отряд двигался в милях тридцати—сорока от берега, с расчетом подойти потом с норд-оста к Логани. Одновременно с высадкой десанта с больших кораблей на Логань должна была быть произведена атака партизанским отрядом из астраханских рыбаков под командой капитана Склянина (широко известный в северной части моря богатый рыбопромышленник). Склянинцы двигались на мелких «рыбницах» под самым берегом, имея, в качестве охраны, катер «Ретвизан» с пулеметами. Ниже приводится отрывок из дневника участника этой экспедиции. Вот что он пишет:

«19 июля нашему «Ретвизану» выпала почетная роль буксировать подчалки (парусные шлюпки), числом около тридцати. Невольно возникло сомнение, справится ли он с этой задачей, имея машину 18 НР.

Вышли из Березяка в 6 вечера. Идем, как и ожидалось, черепашьим ходом. В 7 ч. 30 м. Склянин, организатор всего похода, заметил на горизонте дым и сразу же просил командира «удариться в черни» (на астраханском жаргоне — мелководе), считая, что показался большевик. Вблизи опознали «Крепыша». После 12 ч. ночи ветер настолько засвежел, что «Ретвизан» почти не двигался вперед.

Полагая, что мы уже недалеко от Логани и находимся со стороны Мангута, Склянин приказал встать на якорь. Каждый сделался несколько расторопнее и внимательнее. Шапошников забеспокоился о пулемете. К рассвету надвинулся сильный туман. Где мы находимся? Команда приуныла, предчувствуя что-то неладное.

«Вчера ветер не пушал, сегодня туман не пушает», — роптали слабые. Вскоре потянуло с моря и туман начал рассеиваться... в море показались силуэты неизвестных судов. Кто-то радостно кричит: «Араг!», я отлично знаю, что это «Араг».

Но сомнение закрадывается у многих и вопрос: свои ли? — мелькает и сверлит мозг.

— Странно что-то он маневрирует, — замечает кто-то.

— Эх, запустил бы хоть одну!.. Послушали... — тоскливо вырывается у астраханца партизана.

Да, хочется, чтобы скорее ухнуло орудие, тогда отпадут все сомнения. Ведь большевики уже видят нас с вышки. Я стараюсь верить, что эти темные силуэты — свои. Остановили шедший с севера подчалок, и старик рыбак сообщил, что среди красных в Логани большое смятение. В 6 ч. 30 м. дали ход. Склянинцы взобрались на мачты рыбниц, и уверенность, что в море крейсируют «Араг» и «Азия», все растет.

Команда повеселела. В 8 ч. 20 м. вернулся подчалок с разведчиками, и окончательно установлено, что корабли в море — наши. С «Арага» на подчалке нам прислали фельдшера с медикаментами. В 8 ч. 40 м. первые подчалки высадили десант. Идут в воде, рассыпавшись цепью. Настроение серьезное, вдумчивое. Из Логани пока не стреляют. «Крепыш» первым входит в Мангутский канал, за ним движемся мы, имея 15 подчалков на буксире. На горизонте «Араг», «Кизил-Агач» и еле-еле видна «Азия». Пролетели два наших аэроплана. Хочется верить, что все продумано и действия частей согласованы.

Цепи вышли на берег. Около 11 ч. проходим мимо промыслов. Большевицкая застава, бывшая здесь, бежала. Показались какие-то всадники. «Крепыш» обстрелял их — они скрылись... В 11 ч. 15 м. мы вошли в Логань. В селе началась сильнейшая ружейная стрельба.

Заработал пулемет с «Крепыша». А вот с севера показался в канале «Араг», и с него блеснули первые вспышки. На гребне холма, где только что была видна перебежка красных цепей, взметнулись столбы бурого дыма. Залп лег очень удачно. Далее снаряды «Арага» рвутся у вышки с красным флагом, а несколько угодило в промысел. В 11 ч. 45 м. «Араг» в канале у самой Логани! «Крепыш», выйдя на открытое место, стреляет как бешеный из своего пулемета. Несомненно одно, что Никифоров хочет отличиться. Снаряды с «Арага» легли около склянинских цепей, и среди них поднялась паника. В полдень «Крепыш» вернулся к нам, от «Арага» отделился подчалок. Стрельба затихла, и распространился слух, что Логань взята. В 12 ч. 35 м. снова заработал в селе пулемет, и немедленно грохнули пушки «Арага».

Я решил выкупаться, пока «Ретвизан» стоит на рейде без дела. Только что подплыл я к берегу, как в 25 саженях разорвался снаряд. Через минуту второй ударил в холм, где стоял наш пулемет. Застава с холма отошла к берегу. Кто-то передал, что показались пароходы красных. Думаю — фантазия. Просто стреляет трехдюймовка из Логани.

Около трех кабельтов, у борта «Арага» вдруг вижу громадные всплески от падения тяжелых снарядов. Это уже не фантазия. С «Арага» сигнал — «шлюпкам вернуться». Кто стреляет, откуда — неизвестно. «Кизил-Агач» в дыму... «Араг» снимается с якоря и направляется к выходу из канала, против которого показались силуэты пароходов красных. «Араг» весь покрыт всплесками от разрывов снарядов и бешено отстреливается. Наконец, слава богу, ему удалось выскочить из канала. В море слышна канонада...

На берегу сильная ружейная стрельба, работают пулеметы... Немного спустя появились отходящие к подчалкам склянинцы. Операция не удалась. Склянин приказал отходить. Огонь большевики перенесли по нас, но к счастью, попаданий не было...»

В море во время высадки склянинцев происходило следующее: «Араг» и «Кизил-Агач» подошли уже вплотную к Логани, когда с «Азии», крейсировавшей на глубине 12 футов (при осаде в 10 футов), заметили на Норд баржу с 6" пушками и пароходы. Красные шли на Логань и вскоре открыли огонь по «Арагу». Последнему срочно пришлось выходить из канала, чтобы не быть отрезанным вовсе. «Азия», видя тяжелое положение наших кораблей у Логани, пошла на сближение. С 70 кабельтовых баржа открыла огонь по «Азии», держа последнюю все время в накрытии. Дойдя до предельной глубины, когда винты уже заработали в иле, «Азия» повернула. Несколько залпов с нее дали громадные недолеты до красных. От сотрясения

корпуса течь в котлах и трубопроводе настолько усилилась, что из-под обстрела ей пришлось выходить трехузловым ходом. По счастью, ни одного попадания в нее не было. Отряд из-под Логани направился к острову Тюленьему, где «Азия» занялась починкой поврежденного трубопровода. «Кизил-Агач» ушел в Березяк и высадил там десант. Через двое суток «Азия» вышла на Нора в район двенадцати-футового рейда для крейсерства в ожидании прихода «Европы» с 6" артиллерией.

Англичане передали «Европу» 18 июля. Это был наливной пароход тысячи на три тонн, двухвинтовой, с ходом до двенадцати узлов. В ту пору «Европа» была вооружена двумя расстрелянными 6" пушками устаревшего типа, с дальностью около 70 кабельтовых. Имелся прожектор, радиотелеграф, дальномер, переговорные трубы. Мостик был защищен от осколков. Командовал «Европой» лейтенант Мацылев, а на судовые вакансии расписали следующих офицеров: лейтенант Дукш-Дукшинский⁵¹⁴, мичманы Ламсаков⁵¹⁵, Павлов, Янкович⁵¹⁶, Соколов⁵¹⁷, механик капитан по адмиралтейству Косов, механик коммерческого флота Яксич, мичманы военного времени Костюченко⁵¹⁸, Шитц⁵¹⁹, Ющенко и капитан дальнего плавания Кулис.

Вслед за передачей «Европы» англичане покинули и остальные корабли, стоявшие теперь недвижимыми у стенки в Петровске. Если бы большевики только знали, что в море они могли встретить одну «Азию» и «Арага», возможно, тогда историю Каспийской флотилии пришлось бы закончить настоящей страницей.

Канонерская лодка «Надежда»

17 июля мы приступили к работам по креплению корпуса для двух 4" пушек и одной 40-мм зенитки (пом-пом), а 1 августа, опробовав артиллерию, установив прожектор и дальномеры, выкрасившись в шаровый цвет, вышли в свой первый поход на смену «Арага». Тяжело приходилось последнему. В районе Логани он сдерживал натиск красных колесных пароходов, пытавшихся заблокировать и обстреливать фланг армии и самую Лагань, взятую уже к тому времени казаками генерала Драценко и превращенную в базу всего астраханского фронта. Постоянные схватки, а главное — полная оторванность от остальных больших кораблей (не имевших возможности подойти ближе 15—20 миль к району Логани) и угроза быть окруженными порядочно выматывали личный состав. Перед самым нашим приходом «Араг» каким-то чудом выскочил без всяких потерь из Логанского

канала, где, в тумане, к нему подошли штук пять пароходов и, захватив его в полукольцо, принялись с небольшой дистанции расстреливать его из всей своей артиллерии.

Итак, мы были готовы и с «Арагом» образовали второй отряд так называемых «мелкосидящих кораблей». Вдвоем мы уже являлись серьезной угрозой для тучи вооруженных волжских пароходов, и только баржи с их дальнобойными тяжелыми пушками могли не особенно считаться с нашим присутствием. Нельзя сказать, что в открытом море в свежую погоду мы чувствовали себя очень комфортно на нашем плоскодонном дредноте с пятифутовой осадкой. Но к счастью, наши опасения перевернуться или потерять колесо так и не оправдались. Да и корпус оказался в отличном состоянии (на «Надежде» даже палуба была железная).

Поначалу нам все благоприятствовало. Шлепая лопастями колес и плавно покачиваясь на мертвой зыби, мы печатали свои семь узлов, имея все время слева в виду пустынный и низменный берег. Прошли остров Чечень, заглянули в район Березяка и, наконец, около острова Тюленьего разыскали Бориса Михайловича Пышнова на «Азии» и «Каму» с истребителями. С часу на час ждали появления «Европы». «Азия» приняла радио из Логани с запросом, где же «Нажда». Генерал Драценко извещал, что в районе Логани около одиннадцати пароходов красных и красные обстреливают селение. На следующий день, 3 августа, во исполнение приказа генерала Драценко, мы вышли с «Европой» на север. Часа в три пополудни, когда по численности мы были недалеко от цели, «Европа» дошла до предельных глубин и, имея под килем один фут воды, застопорила машины.

Распознавшись с ней, мы легли на Логань и довели ход до полного. Вскоре показался церковный купол, а затем и узенькая полоска берега. К нашей радости, флотилия красных ушла. Я повторяю, к радости, ибо от встречи с 11 пароходами никто ничего хорошего не ждал. Вдруг справа по носу на горизонте появился силуэт однотрубного корабля, и в дальномере мы отчетливо увидели на мачте громадный красный флаг. «Нажда» приготовилась к бою.

Расстояние уменьшалось медленно, и враг казался недвижим. Все на «Нажде» затихло, и лишь отчетливо вырывалось наружу равномерное дыхание машины. Люди впились глазами в маленький черный кораблик, откуда вот-вот должны будут блеснуть яркие вспышки пушечных выстрелов. Даже «вольный» механик, взобравшись на кожух машины, с каким-то недоумением смотрел то на мостик, то на приближавшихся красных. Команда жалась друг к другу, некоторые инстинктивно старались укрыться за палубными надстройками. А около

пушек уже лежали груды лидитных снарядов, и сами они казались живыми. Открытые жерла орудий бесшумно и жадно следили за малейшим движением врага, ежесекундно готовые со страшным ударом судорожно рвануться назад, ослепив на мгновение и ударив в лицо струей раскаленного газа, послать свой фугасный гостинец.

Все мое внимание на дальномер. Ведь сейчас будет экзамен!.. И в мыслях мелькают отрывки из Правил стрельбы. Вилка, накрытие и залпы на поражение — план ясен и прост. Только не подвели бы астраханцы... Расстояние уже 50 кабельтовых, и я передаю командиру. В машине звонок. Мы убавили ход. «Ну, сейчас начинается!..» — «Открывайте огонь! — кричит мне Вирен. — Мы на курсовом угле». Кое-кто из матросов, зажав уши, пригнулся. «Залп» — передает в переговорные трубы команду матрос-астраханец. Резкий удар заставил все заходить ходуном на палубе, и на секунды горизонт исчез за облаком раскаленного воздуха.

Недолет ясно виден. А вот и ответ с красного, и две вспышки сверкнули на нем, а секунд через двадцать пять столбы воды за нашей кормой указали, куда легли оба снаряда. Нервы сразу стали спокойны, неприятного чувства под ложечкой как не бывало. Мы оказались счастливее, и третий или четвертый залп был явным накрытием. Я забыл о своем твердом решении стрелять, конечно, только залпами, заорал «беглый огонь» и впился в бинокль.

Как стреляли большевики, право, не помню. Знаю, что попаданий в нас не было. А офицеры «Европы», наблюдавшие на горизонте картину боя и не зная, в каком числе неприятель, потом уверяли, что не думали, что «Надежда» вернется, ибо так энергично «гвоздил» по нас невидимый враг и мы в свою очередь открыли такую пальбу, что можно было подумать, что перед нами весь красный флот (выпустили 90 снарядов). Бой был короток. Вскоре мы сбили с красного мачту, умолкло одно из орудий, и с креном он начал ложиться обратно, но, развернувшись, остался недвижим, по-видимому выкатившись на банку. Стрельба прекратилась, и от него отделилась шлюпка. Скомандовав «дробь» своим плутонгам, мы легли прямо на пароход, но, обнаружив справа в море присутствие еще четырех кораблей, повернули к «Европе», дабы в темноте нас не окружили превосходными силами.

Казаки и штаб, наблюдавшие с берега за всеми перипетиями боя, были в восторге, и радиостанция «Европы» приняла телеграмму генерала Драценко, в теплых выражениях благодарившего командира и личный состав канонерки. Мы были горды первым успехом. 4 августа, вместе с «Европой», мы держались в районе двенадцатифутового рейда. 5-го, выйдя на север, встретили на широте Логани два

парохода (вооруженных каждый двумя 75-мм) и после короткой перестрелки прогнали их в Волгу. В ночь на 6-е стало свежеть от Нора-Веста. Ветер вскоре дошел до силы шторма — море ревело. Пришлось срочно уходить на юг, так как вода быстро спадала. Следующий день мы отстаивались на обоих якорях. 7-го стихло, и «Европа» приняла телеграмму о приходе транспорта «Кизил-Агач», которого надлежало проконвоировать до самой Логани. 8-го мы вышли навстречу и милях в тридцати южнее Логани, опознав транспорт, передали по са-мафору вступить там в кильватер.

Палуба «Кизил-Агача» была полна офицеров, казаков, и кроме того, на фронт пробирался какой-то госпиталь, о чем можно было судить по группам сестер милосердия. На буксир транспорта шло штук пять «рыбниц», на предмет высадки пассажиров. Подходя к Логани, мы усмотрели три дыма, и затем показались еще два. Передав на «Кизил-Агач» идти к берегу и срочно приступить к высадке пассажиров, направляя все «рыбницы» в Мангутский пролив, мы при-готовились к бою и с Андреевским флагом на стеньге полным ходом пошли прямо на красных. Увидя «Надежду» (а вдали еще один си-луэт), три первых парохода, шедшие в кильватере на юг, повернули на восемь румбов вправо. В наши расчеты не входило вязываться в бой с пятью; необходимо лишь было отвлечь внимание врага от на-чавшейся выгрузки с транспорта, и потому, покотившись влево, мы легли на параллельный курс. Так и шли малым ходом, медленно сбли-жаясь, но не открывая огня. Два других парохода, по-видимому с малыми пушками, держались поодаль. Наконец «Кизил-Агач» закон-чил свою операцию, и в бинокль мы увидели, что последний подча-лок скрылся в Мангуте.

Р.Э. Вирен приказал идти на сближение. На предельной дистанции мы разрядили по красным кормовое орудие (кабельтовых на семь даль-нобойнее носового). Два парохода начали нам отвечать, давая все вре-мя небольшие недолеты. Когда наши залпы дали накрытие, красные повернули на север. Но и мы в свою очередь при появлении на гори-зонте баржи с 6" пушками отошли под прикрытие «Европы».

На следующий день генерал Драценко вызвал нас снова к Логани, сильно пострадавшей от артиллерийского огня большевистской фло-тилии. Телеграммой он приказал нам «потонуть, но не покидать боль-ше Логани...». На этот раз мы подошли к вечеру 9 сентября и притом появились после заката солнца в темной вестовой части горизонта. Три большевистских корабля, расположившиеся прямо у входа в ка-нал, по-видимому, нас заметили лишь тогда, когда горизонт осветил-ся залпом четырехдюймовок. Управлять огнем было трудно, и думаю,

что красные отделались больше испугом. Развив предельную скорострельность, мы заставили своими залпами большевиков в панике за метаться по рейду, а затем броситься наутек в Волгу. В результате этого боя пароходы больше не показывались в районе Логани, и мы провели на якоре относительно спокойных два дня (10-го какой-то пролетающий аппарат, по-видимому свой, сбросил в нас бомбы). 11-го, к великому ликованию, пришел из Петровска «Араг» и стал рядом на якорь. 12-го, по распоряжению генерала Драценко, мы вышли на север. В устье Волги мы встретили два дозорных колесных парохода, которые после первого же накрытия отошли вверх по реке.

Следуя за ними, «Араг» и «Надежда» достигли широты деревни Вахромеевой (миль десять—пятнадцать от устья) и таким образом позволили сухопутным частям занять остров Четырехбугорный. Вернувшись, мы получили предписание снова идти на следующий день в Волгу, подняться верст на сорок (по-видимому, в штабе считали, что раз на карте все закрасшено синей краской, значит, нет причин, почему бы корабль не мог пройти) и там, на повороте Волги, помогая войскам, сбить какую-то батарею и держаться впредь до распоряжений. От деревни Вахромеевой до указанного поворота можно было пройти только узким и извилистым фарватером, на котором все знаки были сняты. Наши рыбаки категорически отказывались вести такой корабль, как «Надежда», — нужен был опытный лоцман. Кроме того, в восьми верстах от цели похода находилась вся красная флотилия *in cogrore*. Штаб утешал, что, по крайней мере, нет ни одного парохода в устье реки. Обещали даже выслать аппарат. Но, даже предположив, что все правда и никто нам не будет мешать заниматься промером (карты фарватера не было) и мы доберемся до поворота, все же было неясно, как вырваться обратно под огнем всего красного флота (большевики также могли обойти нас и по десяткам боковых протоков). Командир, прочитав предписание, просил лишь, чтобы на поход был дан опытный лоцман и на «Надежде» отправился кто-нибудь из чинов штаба. И то и другое нам обещали. Конечно, к моменту отхода никто не явился, не видали также и аэроплана. Продав часа два, «Надежда» и «Араг» снялись и вышли к Четырехбугорному.

Далее в вахтенном журнале на 14 августа 1919 года записано:

10.25. ам. В канале появились два парохода. Боевая тревога. «Арагу» семафор: «Держитесь в море и наблюдайте за боковыми каналами».

11.05. Расстояние по дальномеру 10 500 ярдов (52 кабельтов). Красные открыли огонь, недолеты пять кабельтовых. Идем на сближение.

11.10. Расстояние 9500 ярдов. Открыли огонь из кормового орудия.

11.12. Слева показался третий пароход.

11.15. Красный пароход в накрытии, уходит вверх. Беглый огонь.

11.16. Расстояние уменьшается — девять тысяч ярдов. На максимальном угле возвышения открыли огонь из носового орудия.

11.17. Повреждение в машине. Нет хода. Развернуло течением и сносит на банки. Кормовое орудие в мертвом угле. Носовое не может стрелять, так как створится со штагом фок-мачты и катбалки. Семафор «Арагу»: «Имею повреждение в машине, вступите в бой».

11.19. Мы в накрытии. «Араг» идет полным ходом.

11.21. Залпы красных недолеты один — полтора кабельтова.

11.30. «Араг» подошел и открыл огонь по красным.

11.32. Исправили повреждение. Дали малый ход. Открыли огонь из обоих орудий.

11.34. Дали накрытие по красным.

11.35. Красные уходят к Норду. Кормовое орудие не накатывается.

11.37. Кормовое орудие исправили и открыли огонь.

11.38. Заклинился замок носового орудия.

11.40. Расстояние увеличилось до 10 тысяч ярдов. Красные прекратили огонь.

11.41. «Дробь» кормовому орудию. Дали ход и пошли на сближение.

11.42. Справа показался четвертый пароход и слева виден дым пятого.

11.44. Открыли огонь из кормового орудия.

11.47. Кормовое орудие не накатывается. Красные маневрируют на фарватер к норду от деревни Вахромеевой.

11.50. Исправили носовое орудие и на дистанции девять тысяч ярдов открыли огонь.

11.56. Носовое орудие дает недолеты. «Дробь».

11.57. Расстояние увеличивается. Исправили кормовое орудие и открыли огонь.

12.00. Расстояние по дальномеру 10 200 ярдов. Прекратили огонь.

12.01. рм. Семафор «Арагу»: «Имею неисправными обе пушки и повреждение в машине. Следовать за мною».

12.08. Легли на обратный курс по каналу.

12.30. Отбой боевой тревоги. Выпущено из носового орудия 34 снаряда, из кормового — 65 снарядов.

Оставив «Араг» в районе Логани, мы вышли прямо в Петровск пополнить запас снарядов и привести в порядок артиллерию и машину.

В море мы встретили «Дмитрия Донского» под командой капитана 2-го ранга Бушена. В Петровске носовое орудие заменили английской четырехдюймовкой последнего типа с дальностью 68 кабельтовых. Когда все работы подходили к концу, в Петровск привезли тела прапорщика Поддуцкого⁵²⁰ и трех матросов, убитых при взрыве «Арага», наскочившего на мину заграждения и погибшего в районе Логани. Ранен был также инженер-механик мичман Зубков⁵²¹. Взводы с «Надежды» проводили четыре гроба на местное кладбище.

В начале сентября мы снова вышли в море и на двенадцатифутовом рейде встретили пять или шесть больших кораблей (это, кажется, были «Дмитрий Донской», «Слава», «Америка», «Кама» и «Волга») и маленький «Доброволец» с канонерской лодкой «Опыт» (1 — 4" старой системы и 1 — 75-мм).

10 сентября с отряда был замечен дым на горизонте, и «Надежда» получила приказ выяснить, кто в море. Вскоре мы увидели корпус небольшого парохода с громадным красным флагом на мачте. После первого залпа с «Надежды» красные бросились полным ходом уходить к Четырехбугорному. Минут двадцать гнались мы за большевиком, время от времени посылая вдогонку снаряды из носового орудия.

«Баржа на нас держит!» Этот возглас сигнальщика отвлек наше внимание от парохода. Слева на горизонте еле-еле обрисовывалась темная полоска чьей-то палубы, а рядом труба и мачта парохода. Расстояние по дальномеру было более девяноста кабельтовых, когда на горизонте блеснули две вспышки. Через полминуты с гудением пронеслись над нами два 6" снаряда и разорвались в кабельтовых трех. Следующий залп — перелет полкабельтова, осколки засвистели над палубой. Вирен застопорил машину, и большевики дали недолет в один кабельтов. К этому времени показалась вторая баржа, и мы, отойдя на предельную дистанцию артиллерийского огня барж, в течение часа изображали плавающий щит для красных комендоров.

13 сентября в районе Логани обнаружили пять пароходов и две баржи. Суда красных держались вне досягаемости пушек «Надежды». Баржи стреляли по нас с предельных дистанций, но без всякого результата. Весь день мы держались в виду большевиков на пределе их артиллерийского огня.

14 сентября тот же отряд появился в море, и канонерская лодка «Надежда» опять в течение дня отвлекала на себя внимание и огонь красных.

15 сентября у Логани, с расстояния 85 кабельтовых, мы опять были обстреляны с баржи. В тот же день, около двух часов дня, «Надежда», «Опыт» и «Доброволец» встретили пять пароходов и баржи, шедшие прямо на Логань. Мы приняли на себя огонь барж и отвлекли красных от обстрела селения. Часа три отряд ходил параллельными курсами с красными, стараясь держаться на пределе огня. В это время большевики методично выпускали по нас залп за залпом.

16 сентября красные показались в виду наших больших кораблей, и бой завязался между отрядом капитана 2-го ранга Пышнова, в составе «Донского», «Славы» и «Америки», и двумя баржами (красные пароходы, пять штук, никакого участия не принимали). Стреляли только 6", и расстояние боя было около 85 кабельтовых. На этот раз красные проявили упорство, и огонь с обеих сторон был интенсивен и точен. Залпы красных порой ложились саженья в 10 и у самых бортов, обдавая водой стоявших на палубах. Но наш отряд шел словно заколдованный, и у красных не было ни одного прямого попадания. Мы же, воспользовавшись боем больших кораблей, вышли баржам на пересечку курса и поймали один пароход, шедший впереди остальных отряда. Этот пароход был жестоко обстрелян и, дав полный ход, спасся под защитой барж. Во время боя мы подошли к этим последним на 65 кабельтовых и открыли огонь, когда 6" снаряд с «Донского», угодив в одну из них и окутав все бурым дымом разрыва, вывел ее совершенно из строя. Большевики сейчас же повернули обратно.

18 сентября в 11 часов утра появился в первый раз красный аппарат, сбросивший с высоты 500 метров шесть бомб на отряд. В тот же день «Надежда» имела последний свой бой с красными. Вот выписки из вахтенного журнала:

10.10. ам. Курс Норд-Ост 68°. Слева, на курсовом угле 40°, два дыма.

10.30. Боевая тревога. Расстояние по дальномеру 13 тысяч ярдов.

10.35. Открыл огонь из носового орудия на расстоянии 12 500 ярдов.

10.40. С красного парохода залп из трех пушек. Падение неприятельских снарядов перелет два-три кабельтова, по целику правильно. Опознали пароход типа «Князь Косоожский» (вооружен тремя русскими морскими 100-мм пушками, ход девять узлов).

10.41. Легли на Норд.

10.45. Продолжая стрелять по неприятелю, исправили целик. Расстояние 10 тысяч ярдов. Красные в накрытии.

10.46. Ввели кормовое орудие.

10.47. Снова по красным накрытие.

10.48. Курс Норд-Вест 80°. Красные дали по нас накрытие (два недолета у борта, один перелет). Полный ход.

10.49. Залп красных лег в кильватерную струю в расстоянии один кабельтов. Расстояние 11 тысяч ярдов. Кормовому орудию — «дробь». Курс Зюйд-Ост 50°.

11.15. Курс Ост. Расстояние 12 500 ярдов.

11.20. Залпы красных ложатся у борта «Надежды».

11.24. Курс Вест. Расстояние 12 тысяч ярдов.

11.36. Курс Норд-Ост 50°. Расстояние уменьшается.

11.37. Расстояние 12 тысяч ярдов. Красный пароход в накрытии. Наши снаряды рвутся под носом и кормой.

11.38. Красные поворачивают и уходят на Норд.

11.38. Курс Норд.

11.45. Расстояние 12 500. Снаряды «Надежды» рвутся вблизи красного парохода.

11.52. Красные уходят в Волгу. Пробыли отбой. Легли на Зюйд-Вест 30°.

12.00. Показалась баржа на Норд-Ост.

12.35. рм. Пролетел неприятельский гидроплан (Норд-Норд-Ост). Легли на эскадру.

В последующие дни красные особенной активности не проявили за исключением воздушных атак.

18-го вечером были сброшены три бомбы.

20-го утром две бомбы и вечером шесть бомб.

21-го утром четыре бомбы и вечером пять бомб.

22 сентября большевики снова появились в море, и навстречу им вышли «Надежда» и «Опыт». Находясь на широте Логани, «Надежда» попала на минное заграждение, взорвалась и затонула. Все были спасены шлюпками с «Опыта». Ранены были двое — капитан 1-го ранга Марков, прибывший незадолго до похода на канонерку для изучения театра войны и знакомства с отрядом, и командир лейтенант Вирен. Оба тяжело. Капитан 1-го ранга Марков впоследствии должен был бы принять пост начальника штаба флотилии.

«Надежде» не повезло, ибо в тот же день на большевистском паруснике была захвачена «Америкой» карта минных заграждений. «Америка» вышла в крейсерство к форту Александровскому и на рассвете, в районе 12-футового рейда, обнаружила на горизонте парусник, который старший лейтенант Ваксмут решил осмотреть. Когда «Америка» подошла к борту последнего, вся команда еще спала. Обыск поначалу ничего не дал, обратили на себя лишь внимание «рыбаки», вид которых внушал подозрение. Повторный осмотр дал неожиданные резуль-

таты. Под килем был укреплен минный аппарат с миной Уайтхеда, готовой к выстрелу. Экипаж был сплошь старые матросы-коммунисты, получившие громадные деньги за попытку атаковать какой-либо из наших кораблей. Судом на эскадре они все, за исключением лишь одного человека, были приговорены к расстрелу, и приговор привели в исполнение в день гибели «Надежды».

А. Ваксмут

КОНЕЦ КАСПИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ ВРЕМЕНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД КОМАНДОЙ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА⁵²²

Каспийская флотилия состояла из вооруженных пароходов общества «Кавказ и Меркурий» и других, в мирное время возивших нефть из Баку в Астрахань. Пароходы были вооружены и прекрасно снабжены англичанами (командор Норрис), сражавшимися на них с большевиками в 1918 году и передавшими их командованию Добровольческой армии летом 1919 года.

Почти весь 1919 год флотилия, уже с русским составом, находилась все время в море под Астраханью и, ведя бои с большевистскими кораблями, пытавшимися выйти в море, не выпускала их, и таким образом все Каспийское море было свободно и безопасно для плавания. Флотилия была укомплектована главным образом морскими офицерами, приказом главного командования снятыми с фронта с броневых поездов, и астраханскими рыбаками, приходившими в Петровск целыми партиями на своих рыбницах и по сухому пути. Разграбленные большевиками, они страшно их ненавидели.

Прибыв из Царицына со своими десятью офицерами, я был назначен на пароход «Америка» (многие корабли назывались странами света), вооруженный тремя четырехдюймовыми орудиями. Корабль был в полной исправности и снабжен всем, вплоть до консервов и продуктов, но совершенно пустой. На следующий день штаб прислал мне человек тридцать — сорок астраханцев, на вид простых мужичков. Назначив и расписав их по местам — кого рулевым, кого боцманом, кого к пушкам, — с осторожностью выхожу из гавани, спускаю шит для стрельбы; английский морской офицер показывает, как стрелять из их орудий; произвожу стрельбу и часа через четыре возвращаюсь в гавань уже совершенно уверенно: рулевые прекрасно держат на курсе, комендоры стреляют. На следующий день выхожу под Астрахань.

Таким образом, в течение нескольких часов люди, никогда не служившие до этого на пароходе, уже работали на нем, будто они никогда ничем другим не занимались.

В конце 1919 года армия генерала Деникина начала отход от Орла, кончившийся разгромом армии и отступлением ее на Новороссийск. Каспийская флотилия и войска, действовавшие против Астрахани (генерала Драценко), оказались отрезанными и предоставленными самим себе. К концу зимы армия стянулась к Петровску, нашей базе. Генерал Драценко объявил, что война с большевиками окончена и что все желающие могут идти на все четыре стороны; кто же останется, тот может эвакуироваться на судах флотилии, но куда мы пойдём и что с нами будет — неизвестно, и никому ничего не может быть обещано.

Обстановка к февралю—марту 1920 года складывалась следующим образом: хотя Красная армия и не наступала с суши на Петровск, но образовались местные отряды, которые все время обстреливали Петровск и действовали в его окрестностях, сдерживаемые остатками частей генерала Драценко. Из Астрахани с весной должен был выйти красный флот, усиленный миноносцами 2-го и 3-го ранга, переведенными сюда по Волге из Балтийского моря. Чтобы владеть морем, нам необходимо было прийти первыми под Астрахань до конца заморозков. Выход из устья Волги представляет собой узкий морской канал, тянувшийся в море миль на десять. Всякий корабль, идущий по каналу, мог нами с моря быть легко расстрелянным. Если же мы опоздаем и красные корабли уже будут в море, то нам придется иметь дело с противником гораздо сильнее нас, имеющим настоящие боевые корабли.

В форте Александровском находилась Уральская армия⁵²³, совершенно небоеспособная после ужасного зимнего перехода, где она потеряла чуть не 10 тысяч замороженными и больными. Красноводск еще осенью был занят красными. Азербайджан никакого участия в борьбе с красными не принимал, вел самостийную политику, переговаривался с большевиками и старался вредить Добровольческой армии: не давал нам нефти и поддерживал горские отряды, все время обстреливавшие крайний фланг армии под Дербентом.

В Энзели, в Персии, находился большой отряд английских войск. Командир Каспийской флотилии адмирал Сергеев еще почти за месяц до эвакуации, послав громкую телеграмму атаману Уральского войска на его вопрос об эвакуации — «Я владею морем, эвакуация будет произведена в Александровском форте», — ушел на своем флагманском корабле «Президент Крюгер» в Энзели, где производил ка-

кие-то торговые операции, и в Баку, где, несмотря на то что Азербайджан встретил его залпом из орудий с острова Нарген и он имел попадания на корабле, он все-таки пытался производить с ними какие-то переговоры.

Приказ генерала Драценко о роспуске армии распространился также и на флотилию. Оставшийся за адмирала Сергеева его начальник штаба капитан 1-го ранга Пышнов, не имея никаких инструкций от адмирала, действовал совместно с генералом Драценко. Наши астраханцы заволновались — сначала заявили, что никто не уйдет и они пойдут с нами куда угодно; но потом, видно, чувство привязанности к своим местам — ведь у каждого из них оставались под Астраханью родные и имущество — сделало то, что они со слезами на глазах начали прощаться, говоря: «Если бы вы приказали, что нам делать, а то говорите — как угодно, хочешь — оставайся, хочешь — уходи». Наши корабли опустели, оставшись с офицерами и небольшим числом матросов. Рыбаки все сели на свои рыбницы и с криками «ура» поплыли в сторону Астрахани, предполагая до лета обосноваться на острове Чечень, а летом самостоятельно биться с красными... Уже находясь в Месопотамии, мы читали в газетах, что в Астрахани был переворот и даже был объявлен свой астраханский царь, но, конечно, через некоторое время все это было подавлено, и вряд ли кто-нибудь из наших бывших соплавателей остался в живых.

Чтобы корабли могли двигаться, генерал Драценко дал нам какой-то кавалерийский полк, который и был распределен по кораблям — без лошадей, конечно, но зачем-то со своими седлами. Солдаты первое время нас, моряков, не признавали, не слушались, и была масса недоразумений. И вот с таким составом и, конечно, с запозданием два сильнейших наших корабля — «Дмитрий Донской» и «Князь Пожарский» — под командой капитана 2-го ранга Бушена в марте были отправлены под Астрахань, чтобы предупредить выход красных в море. Вслед за ними должны были буксироваться две баржи с камнями, которые должны были быть затоплены в канале. Подойдя ночью на так называемый 12-футовый рейд, капитан 2-го ранга Бушен заметил много каких-то огней. Утром во мгле были видны какие-то корабли, и Бушен послал вперед «Князя Пожарского» на разведку. Не успел «Пожарский» отойти на полмили, как раздался взрыв и одно колесо (пароход был колесный) было совершенно уничтожено. Видимо, красные оградили себя минами. На виду у красных миноносцев Балтийского флота 2-го и 3-го ранга, оказавшихся уже в море, а также больших вооруженных пароходов Бушен снял всю команду с «Пожарского» и потопил его снарядами. О бое и говорить было не-

чего. Большевики почему-то Бушена не тронули, хотя и могли его тут же утопить. Таким образом, мы уже перестали быть хозяевами Каспийского моря.

За день до эвакуации прибыл на своем корабле адмирал Сергеев. Созвав всех начальников и командиров, адмирал, страшно обозленный на то, что флотилия распушена, за какой-то ответ начальника штаба выгоняет его с заседания. Таким образом, начальник штаба обращается в простого пассажира и потому, не сдав дел, эвакуируется как таковой. Впоследствии этот факт заставил нас перенести очень много волнений. Я, как старший, был назначен начальником отряда действующих кораблей и весь последний день эвакуации находился на внешнем рейде, обстреливая из орудий по указанию генерала Драценко окрестности, где красные наседали на Петровск. Все, что могло плавать, выводилось из порта, и ночью последним вышел «Президент Крюгер» с адмиралом и генералом Драценко.

Выйдя, адмирал потребовал меня к себе и приказал остаться здесь за него и давать распоряжения, а сам сейчас же ушел в Баку. На рейде в это время находилось до сорока кораблей, и половина из них не могла сама двигаться. Из боевых кораблей также не все могли двигаться, так как зимний ремонт еще не был закончен. Коммерческие пароходы, нагруженные всяким имуществом, пытались удрать в Баку, и приходилось выстрелами их останавливать.

В порту начались сильные взрывы — это рвались вагоны со снарядами, подожженные при уходе. Этими вагонами были забиты все железнодорожные пути. Взрывы были настолько сильные, что корабли, бывшие милях в трех от порта, вздрагивали всем корпусом. В непосредственной близости к порту необходимо было затопить один пароход во входном канале, что и было сделано несколькими офицерами и матросами с моего корабля, при страшных взрывах и стрельбе красных.

На следующий день, получив радио от адмирала, я со всей армадой двинулся на Баку, куда благополучно и прибыл; через день прибыл туда также и капитан 2-го ранга Бушен, став на якорь на внешнем рейде против острова Нарген. Адмирал созвал всех командиров и объявил, что по его сигналу мы все должны спустить Андреевские флаги и вслед за ним войти в гавань, где азербайджанские власти примут от нас корабли и поставят свою охрану. Все орудия, запасы и все имущество будет продано Азербайджану, а личный состав, кто пожелает, может остаться на службе у Азербайджана, кто же не хочет, тому будут выданы деньги, и он может ехать куда угодно. Почти все командиры заявили, что такого приказа они не исполняют, что Андреевский флаг ни пе-

ред кем не спустят и оружия своего никому не продадут, а тем более Азербайджану, который всячески противодействовал Добровольческой армии, а теперь, после поражения ее, уже сносится с красными, предлагая им добрососедские отношения. Адмирал пытался грозить нам, но, видя безуспешность своих угроз, ушел к себе в каюту, приказав спустить свой адмиральский флаг.

На следующий день мы передали адмиралу условия, на каких мы согласны войти в Баку, а именно: мы будем продолжать борьбу с красными, для чего все укрепления и все средства для обороны Баку с моря будут переданы нам, и мы будем действовать под русским флагом. Сухопутные военачальники также присоединились к нам, и вечером снова все собрались у адмирала. Был вызван генерал Драценко, находившийся на берегу в Баку. Приехав на корабль, генерал Драценко пригрозил своим, что это равносильно бунту, и заставил их подчиниться своему приказу, мы же стояли твердо на своем. Адмирал тут же заявил, что он передает командование капитану 2-го ранга Бушену, а сам уезжает в Батум и дальше с докладом о нашем бунте. Больше адмирала мы не видели.

На следующий день приехал какой-то господин и заявил, что он представитель правительства и что он послан сказать, что Азербайджан согласен на все условия. Мы снимаемся и входим в гавань под Андреевским флагом. Капитан 2-го ранга Бушен идет в город к премьер-министру, но министр ему заявляет, что его условия остаются прежними, что все корабли должны быть сданы и все оружие продано, что адмирал Сергеев остается морским министром Азербайджана и что никакого представителя он не посылал. Действительно, вскоре приехал генерал-губернатор — какой-то бывший русский генерал — с уже подробным планом и очередью передачи кораблей.

Капитан 2-го ранга Бушен сейчас же приказал готовиться к выходу обратно. Генерал-губернатор заявил, что он прикажет острову Нарген, мимо которого надо проходить, открыть огонь. На это Бушен ответил, что у нас тоже есть пушки, и мы к вечеру снова вышли из гавани. Два корабля отказались с нами идти — это флагманский корабль со всем штабом адмирала и другой корабль, никогда не бывший на фронте и большевистски настроенный. Здесь же, в Баку, команды этих кораблей были убраны и на их место назначены другие офицеры и команда.

Таким образом, на внешнем рейде снова собралась наша флотилия, но только боевые корабли, все же транспорты и все наше снабжение осталось в Баку, так как при подобных обстоятельствах вывести что-либо больше было невозможно.

На следующее утро из Баку подошел какой-то катер, приехали представители русской общественности благодарить Бушена за то, что он ничего не дал Азербайджану и ушел, так как власти Азербайджана всячески притесняют русских людей и им было горько видеть, как русское добро передается врагу.

Приведясь в порядок, мы снялись с якоря и пошли в Энзели. Там мы стали на якорь на внешнем рейде. Прибыли представители английского командования, среди них лейтенант Крислей, прекрасно говорящий по-русски. Капитан 2-го ранга Бушен передал, что он хочет интернироваться на следующих условиях: все корабли и вооружение сдаются англичанам, офицерам оставляется их оружие, англичане должны дать письменное обещание, что они ни в каком случае не выдадут нас большевикам; кроме того, он требовал отправить нас на присоединение к Добровольческой армии. Английское командование согласилось на все условия, кроме последнего, пообещав снестись с надлежащими властями, и если явится возможность, то отправить нас в Крым.

Здесь же бывший начальник штаба капитан 1-го ранга Пышнов, так поспешно изгнанный еще в Петровске адмиралом Сергеевым, нашел в кармане своего пальто пакет от генерала Деникина, на котором написано: «вскрыть по выходе в море», — и там совершенно ясное приказание после эвакуации идти в Энзели и интернироваться у англичан. Мы были удовлетворены, но сколько пришлось совершенно зря перенести и потерять.

Потом, уже находясь в Энзели, мы получили сведения, что вскоре после нашего ухода из Баку появилась красная флотилия, действовавшая под командой мичмана Раскольников, и Баку был занят. Все наши и сухопутные офицеры еще Азербайджаном были посажены в поезда и завезены в какой-то город, где сидели в ожидании получения денег за проданное, но таковых не дождались, а дождались красных. Все офицеры были отправлены на остров Нарген, где их держали впроголодь, часть расстреляли, а часть отправили в Россию на работу. Один адмирал со своим флаг-офицером добрался до Крыма.

После подписания условий интернированные корабли вошли внутрь, и англичане приняли от нас вооружение. Часть лучших орудий была снята, и из них были устроены на берегу батареи. Мы почувствовали себя более уверенно под защитой регулярных войск, видимо желавших дать отпор возможному наступлению красных. Все мы продолжали жить на кораблях, питаясь запасами, вывезенными из Петровска, и ожидая дальнейшего о нас распоряжения. Отношение англичан было вполне корректное и дружеское.

Почти половину апреля 1920 года мы прожили в таких условиях. Бушен получил письмо из Баку от бывшего флаг-капитана лейтенанта Шмидта⁵²⁴, в котором он восхвалял действия большевиков, говоря, что, мол, они теперь борются за то, за что и мы боролись, то есть за единую, неделимую Россию, что если мы вернемся, то нам ничего не грозит. Подобное же письмо было также получено от генерала Куропаткина, находившегося тогда в Закаспийской области. Были ли эти письма написаны под давлением — неизвестно, но они на нас не произвели впечатления.

В одно прекрасное утро мы проснулись от орудийных выстрелов и падения снарядов среди порта и среди наших кораблей. Взобравшись на мачты, мы увидели в море массу кораблей, стрелявших по Энзели. В английском штабе — полная растерянность, ни одна из батарей красным не отвечала. Оказывается, от этих батарей англичане бежали чуть не в одном белье. Через некоторое время мы увидели, как лейтенант Крислей сел на один из наших быстроходных катеров, поднял белый флаг и вышел в море к красным. Мы поняли, что англичане плохая защита, и решили действовать сами, то есть нам надо было уходить. Чем дальше мы уйдем, тем в большей будем безопасности.

Энзели соединен с Рештом единственной дорогой, идущей по перешейку между озером и морем, а также пароходиками, ходящими между Энзели и Пирбазаром на другом конце озера.

Мы погрузили на многочисленные шлюпки больных и не могущих идти и кое-какое имущество. Шлюпки пошли прямо через озеро на Пирбазар, а остальные, человек пятьсот—шестьсот, забрав с собою каждый что мог, во главе с Бушеном отправились посуху по дороге в Решт. Офицеры (почти все, человек двести) имели револьверы; патронов же было всего штук двенадцать—двадцать на человека.

Обстрел вскоре прекратился — видимо, парламентар достиг своей цели. Пройдя с полверсты, мы встретили цепи английских войск — говорят, что впереди красные. Бушен выслал вперед английских цепей 12 человек с винтовками искать, нет ли прохода; вернулись и доложили, что действительно дорога занята красными и весь перешеек ими перерезан. Остается единственный путь — через озеро, но средств никаких. К счастью, видим: какие-то два пароходика направляются из Энзели через озеро; на нескольких рыбацких лодках мы выходим им навстречу и силой останавливаем. Оказывается, что англичане отправляют каких-то армян, находящихся на их иждивении; почти все наши садятся на эти пароходы, и мы к вечеру добираемся до Пирбазара. С пароходов ясно виден красный корабль, стоящий по другую сторону перешейка. Почему он в нас не стрелял — неизвестно.

Всю ночь мы шли из Пирбазара пешком и утром пришли в Решт, где и расположились лагерем в саду и доме русского консульства. На следующий день в Решт вошли и все английские войска, и часть наших, запоздавших и прошедших мимо большевиков вместе с англичанами, переодевшись в английскую форму. Англичане все бросили, все их склады были разграблены персами, уважение к ним было потеряно, и вся ситуация в Персии повернулась так, что мы стали гордиться своими русскими, хоть и нашими врагами.

Большевики, оказывается, высадили всего около тысячи человек, англичане же, имея наши орудия, артиллерию и свои лучшие войска — гуркосов, не оказав никакого сопротивления, принуждены были уйти. С этого времени Англия потеряла все свое влияние в Персии, и войска ее были постепенно выведены в Месопотамию.

В Реште наш командир, капитан 2-го ранга Бушен, пытался добиться, на основании условий интернирования, отправки нас дальше, но англичане определенного ответа не давали, и он понял, что здесь что-то неладно. Решили двигаться дальше самостоятельно и, распродав персам все, что было лишнего, наняли несколько подвод для наших женщин и детей до Казвина.

Утром мы вышли из Решта; в охрану нам английский командир отрядил человек десять солдат с офицером; этот офицер нас кормил, то есть на остановках покупал баранов, которых мы тут же резали, варили суп и ели. Не успели мы пройти и 20 верст, как нас обогнали автомобили, и на каждом человек шесть гурков, с пулеметами и ружьями. Обогнав растянувшийся почти на две версты отряд, в лесу гурки с офицером сделали заставу, не пуская дальше и требуя сдать оружие. Несмотря на протесты, пришлось подчиниться. Отобрав оружие, нас безоружных загнали тут же у дороги на полянку, где мы были окружены гурками.

Английский офицер был связан телефоном с их ставкой, на наши вопросы молчал и только с грустью смотрел на нас. Мы поняли, что идут переговоры о нашей выдаче. Три дня мы были на этой полянке в полной неизвестности, искали путей, где можно было бы удрать, но всюду встречали: «Халт!» Да и куда уйдешь, когда кругом горы и леса со всяким зверьем? Где-то был наш добрый Кучук-хан, любивший старых русских, ненавидевший красных и англичан, имевший большой отряд и действовавший где-то возле Энзели...

На четвертый день английский офицер передает нам — «собираться в путь», и по его радостному лицу мы увидели, что наша мука кончилась. Действительно, нас ведут не в сторону Энзели, а дальше; подошли к какой-то деревушке с рекой, здесь остановились.

Два броневика сторожили нас по обоим концам дороги, и нам было объявлено, что будет привезен большевик, который будет нас уговаривать вернуться: кто, мол, пожелает, тот вернется, остальным будет разрешено идти дальше. На берегу реки мы разбили палатки из одеял и простыней; погода стояла чудесная, природа вокруг дикая — по ночам дикие кабаны подходили к самому лагерю. Купались мы и полоскались в реке и поджидали не без интереса красного представителя.

Как оказалось, выехавшего из Энзели парламентаря лейтенанта Крислея Раскольников арестовал и потребовал нашей выдачи, и вот все это время англичане пытались его освободить. Действительно, через несколько дней приехал злополучный Крислей в сопровождении какого-то типа, оказавшегося матросом Черноморского флота Романюком. Этот матрос, видимо, так был напуган, несмотря на окружающую его охрану, что, выйдя на балкон дома вместе с Крислеем, пролепетал какую-то чисто советскую речь — что-то насчет интернационала и завоеваний революции, и был нами, стоявшими под балконом, осмеян. Досталось также и Крислею, который сейчас же его и увез. Человек десять стариков и тех, у кого остались семьи, пожелали вернуться и были отправлены назад. Мы же на следующий день с песнями и легким сердцем отправились дальше до Казвина. Это было прелестное путешествие по северу Персии, единственным недостатком было — ни гроша в кармане: не было даже возможности выпить чаю во встречающихся чайханах, приходилось довольствоваться лишь баранами, выдаваемыми на каждой остановке.

В Казвине нас поместили в настоящих палатках и объявили, что английский король приказал нам выдавать солдатскую порцию. Тут посыпались на нас блага в виде молока, шоколада, сигарет, сыра и т. п. Через некоторое время нас партиями стали отправлять на грузовых автомобилях через всю Персию до границы Месопотамии, затем на поезде до Багдада, оттуда опять на поезде до какой-то станции на берегу реки Тигр, затем на пароходах по Тигру и Шаталь-арабу до Басры.

Против Басры, на другом берегу реки, милях в трех от нее, нас расположили в пустых бараках английского лагеря Танума, где мы прожили почти полтора года. Через несколько месяцев к нам присоединились и уральцы⁵²⁵.

До нас дошли сведения, что генерал Врангель готовил транспорт «Саратов», чтобы вывезти нас в Крым, но благодаря адмиралу Сергееву, доложившему, что мы все бунтовщики и изменники, посылка транспорта была отставлена. Вопрос этот не переставал мучить нас

всех, и вот на заработанные деньги (нам было разрешено работать в порту, как рабочим) был послан старший лейтенант Мацылев в Константинополь к генералу Врангелю с докладом и всеми документами. Он все это успешно проделал, генерал Врангель одобрил наши действия, и Мацылев вернулся назад, привезя с собой приказы о производствах.

Приблизительно в марте 1921 года англичане объявили, что отправят нас во Владивосток, где в то время были большевики. Командующий заявил протест, указав, что согласно условию они не имеют права нас отправлять к большевикам. Через месяц был получен ответ, что все-таки мы будем туда отправлены. Тогда нами был выработан план захвата парохода, и мы решили идти в Манилу на Филиппины.

В мае месяце мы видели по газетам, что во Владивостоке что-то происходит, какие-то перемены, но что именно — из английских газет понять было невозможно. Наконец, в августе 1921 года пришел пароход «Франц Фердинанд», чтобы везти нас во Владивосток. Здесь еще раз англичане нас оскорбили, поместив вместе с нашими дамами девиц из заведений Багдада и других городов, которых они также насильно высылали в Россию. Наш протест разбился о взвод шотландцев с пулеметами, который был назначен на охрану парохода. Видимо, англичане пронюхали о нашем заговоре.

Первое время караул несли очень строго, на спардек никого не пускали, но постепенно строгость уменьшилась, и мы всегда смогли бы выполнить наш план. Когда мы пришли в Гонконг, к нам приехал какой-то русский капитан китайского парохода с русскими газетами. От него мы наконец узнали правду о Владивостоке, где в данное время было антибольшевистское правительство Меркулова. После этого уже никто не думал о захвате парохода, а наоборот, все мечтали о скорейшем приходе на Русскую землю, куда мы благополучно и прибыли 20 сентября 1921 года, образовав затем кадр Сибирской флотилии, действовавшей против красных под командой адмирала Старка.

Раздел 4

*Г. Мейер*⁵²⁶

ВОЙНА НА ВОЛГЕ. 1918 ГОД⁵²⁷

Двадцать с лишним лет тому назад чешские легионы, составленные из бывших солдат австрийской армии, сдавшихся русским на Юго-Западном фронте, перешли речку Самарка и, после небольшого боя, разогнав отряды тогда еще плохо организованной Красной армии, заняли город Самару. Чехи интересовались Самарой лишь как железнодорожным узловым центром, дававшим им возможность обеспечить себе дальнейшее следование на Владивосток и дальше, водным путем, к себе домой — в Богемию.

Большевики, официально согласившись на их передвижение, на деле всячески им препятствовали, на том основании, что чехи не желали сдавать оружие и двигались воинскими эшелонами. Чехи же понимали, что, как только они сдадут оружие и перестанут быть воинской частью, передвижению их будет положен конец. В то время на русских железных дорогах происходило что-то невероятное, и в полном хаосе двигались только те, у кого была вооруженная сила. Вышеизложенное является лишь предпосылкой к настоящему рассказу, и сам факт занятия чехами Самары интересен только для последующего описания событий.

Пребывание чехов в Самаре дало возможность организовать небольшому количеству русских людей для борьбы с большевиками. Во-первых, образовалась так называемая Народная Армия⁵²⁸ под командой Генерального штаба подполковника Каппеля, а во-вторых — Волжская боевая флотилия. Как бы в противодействие этим благим начинаниям, там же немедленно образовалось и «правительство» из находившихся в Самаре членов разогнанной большевиками Учредилки.

Первой заботой чешского штаба было обеспечение провиантом, как своего Самарского отряда, так и подтягивающихся чешских отрядов. Путем опроса местных жителей им удалось установить, что за день до своего бегства из Самары большевики увели вниз по Волге груженную мукой баржу, которая будто бы стоит на якоре верстах в двадцати от Самары.

Решили баржу эту достать. Среди записавшихся в Народную Армию оказались два моряка, оба мичманы: один военного времени, другой только что произведенный из Морского корпуса. Мичман военного времени Е.⁵²⁹, сразу же после записи, подошел к мичману М.⁵³⁰ и сообщил ему о предстоящей экспедиции за баржей.

Прежде чем пойти в чешский штаб с предложением своих услуг, мичман Е., будучи уроженцем Самары, ознакомил мичмана М. с местной обстановкой и между прочим сообщил, что, по его мнению, для дальнейших действий против большевиков необходимо организовать боевую флотилию. На том и порешили, и, чтобы впоследствии не было никаких недоразумений, мичман Е. предложил мичману М. взять на себя командование флотилией, на что последний любезно предложил мичману Е. сделаться начальником главного штаба. Казалось, что все налаживалось гладко — не доставало только флота... На следующее утро «комфлот», в сопровождении чешского взвода, занимался подысканием какого-нибудь парохода, на котором можно было бы отправиться за баржей с мукой.

Еще за день до взятия чехами Самары находившиеся там пароходы отошли от пристаней и стали на якорь саженьх в пятидесяти от берега. Капитаны пароходов, таким образом, как бы решили соблюдать безопасный нейтралитет. Буксиры эти казались совершенно вымершими, и, несмотря ни на какие призывы, никто не появлялся на палубе. Мичман М., отыскав на берегу лодку, старался с помощью чехов спустить ее на воду, как вдруг кто-то закричал, что вверх по реке идет пароход.

На Волге большинство пароходов приводится в движение боковыми колесами, и поэтому звук приближающегося парохода похож на шлепанье чего-то плоского по воде. Таким образом, в объятия своего «комфлота» «пришлепала» первая боевая единица Волжской флотилии. Капитан (на Волге командиры называются капитанами) ошвартовал свой пароход к пристани, снял фуражку и, по древнему русскому обычаю, перекрестился, благодаря Бога за благополучно совершенное путешествие. В рулевой рубке его примеру последовали лоцман и рулевой. В следующую минуту он уже сожалел, что пришел в Самару, так как появившийся на мостике мичман М. заявил ему,

что и сам он, и пароход его со всею командой реквизированы Народной Армией. После формального протеста капитан сдался. Во время переговоров двое матросов сбежали, но оставшихся было достаточно для управления буксиром.

Около восьми часов утра, погрузив три пулемета и взвод чехов, мичман М. отвалил от пристани и отправился в поход. Маленький буксир, накренившись, быстро бежал вниз по течению. «Комфлот», шагая по мостику, обдумывал способы захвата баржи. Если она не охраняется и на ней находится только постоянная команда «Ваняев» (Ваняй — волжское уменьшительно-ласкательное для Вани) с «Водоливом» (капитан баржи), то вся экспедиция сведется к ее буксировке. Если же баржа охраняется красными, положение станет довольно серьезным. Дело в том, что мука и вообще сухой груз на Волге перевозятся в деревянных баржах с очень высоким надводным бортом, доходящим буксиру до мостика, а иногда и выше, в зависимости от нагрузки. Да и буксиришка в данном случае был крохотный, а потому и мостик его соответственно низкий. Кроме того, пулеметным и ружейным огнем едва ли было возможно нанести существенные повреждения шестидюймовым деревянным бортам баржи, тогда как ни легкие надстройки буксира, ни его тонкие бортовые листы не давали никакого укрытия. Посему длительная перестрелка даст преимущество красным и единственным способом овладения баржей остается abordаж.

Мичману М. вспомнились заветы Суворова: «Пуля — дура, штык — молодец» и «Смелость, быстрота и натиск»; ему показалось забавным, что в XX веке, да еще на воде, можно было применять тактику этого великого полководца. Стал вспоминать, не было ли каких-нибудь примеров из военно-морской истории. Вспомнил Петра Великого и его галеры. В истории нет сведений, как себя чувствовал Государь, посадив своих преображенцев на эти галеры и ведя их в бой против шведов. Во всяком случае, Петр явно не выказывал подчиненным своих опасений. Так и мичман М. решил подбодрить свою пехотную команду и лишь в душе жалел, что она состояла не из испытанных на воде преображенцев, а просто из чехов.

Вскоре показалась баржа. Спрятав всех чехов вниз и придав буксиру его обычный мирный вид, мичман М. прошел полным ходом мимо баржи, а затем, сделав полный поворот, с полного же хода подошел к ее борту. Чехи, конечно, к этому времени были уже наверху. Буксир, ударившись о борт баржи, сразу же отскочил саженой на пять, но в момент удара Комфлот с несколькими чехами успел на нее перескочить. Сопrotивления оказано не было, очевидно, красный караул баржи не

успел прийти в себя от неожиданности нападения. У мичмана М. остался даже какой-то осадок неудовлетворенности, до того все оказалось просто. И чего, спрашивается, волновался... Привели баржу в Самару, накормили всех голодающих русских и чехов и сложили в амбары огромные запасы муки.

Через несколько дней из чешского штаба пришло распоряжение перевести батальон пехоты к Ставрополю — следующему вверх по Волге городу. Для этого похода из всех судов, стоявших на якоре, мичман М. облюбывал два буксира и один пассажирский пароход. Один из буксиров назывался «Фельдмаршал Милютин» — могучий, один из самых больших на Волге, другой поменьше — «Вульф».

Кто не бывал на Волге, тому не будет понятен энтузиазм, охвативший мичмана М. при осмотре этих пароходов. В России их строить умели. Можно смело сказать, что Волжский коммерческий флот был лучшим речным флотом в мире. Пассажирские пароходы поражали своими красивыми линиями и роскошной внутренней отделкой. Чистота на них поддерживалась идеальная. Пароходы эти развивали до 35 верст по течению. (На Волге скорость узлами не определяли.) Буксирные пароходы казались воплощением мощности, и действительно, можно было поражаться, какой колоссальный груз они могли буксировать. Ровная и совершенно свободная палуба буксиров представляла собой идеальную орудийную платформу, как на носу, так и на корме. Кожуха — защита гребных колес — давали достаточную высоту для установки рулевой рубки и пулеметных гнезд. Конечно, никакой защиты, даже от ружейного огня, не было.

На обоих реквизированных буксирах оказался полный состав команды. Уговорить команду остаться и идти воевать помог помощник капитана «Милютина», оказавшийся прапорщиком по адмиралтейству. Капитан «Вульфа» наотрез отказался, а капитан «Милютина» согласился «попробовать». Вообще же волжане народ мирный и никто из команды особого энтузиазма к войне не проявлял.

Поздно вечером, погрузив главный отряд чехов на пассажирский пароход и по полуроте на каждый буксир, отряд с потушенными огнями двинулся в путь. Приблизительно через час по носу «Милютина», шедшего головным, показалась какая-то тень. Сбавили ход, потом застопорили машину и стали прислушиваться. Сомнений не было — тень двигалась.

— Полный вперед! — скомандовал мичман М.

Через минуту, когда «Милютин» набрал ход, из темноты раздался треск пулеметного огня. Пули свистали через мостик. «Самый пол-

ный, дайте все, что можете! — кричал мичман М. в переговорную трубу в машину. — Право руля, так держать»... Раздался страшный треск... «Милютина» дернуло. С носа на мостик клубами повалил пар. Пулеметы теперь тархтели только с «Милютина».

Через секунду все снова исчезло в ночной темноте. В наступившей тишине все пристально глядывались по сторонам, ожидая нового нападения. Осмотрели повреждения корпуса и занялись закреплением якоря, сорванного с кран-балки и висевшего на канате в воде. Потери в личном составе состояли из одного пулеметчика-чеха, убитого, и двух раненых.

Пока возились в темноте с приведением «Милютина» в порядок, подошел пароход с главным десантом, и полковник С., командующий чехами, справился, в чем дело. Командир чешской полуроты на «Милютине» взволнованным голосом докладывал, что идти вперед было бы делом опасным, так как неизвестно, что еще нас может ожидать в темноте. Полковник С. спросил мичмана М., что он думает о создавшейся обстановке. Мичман М. доложил, что, по его мнению, красные не ожидали нашего выступления и с потоплением их дозорного катера шансы на внезапное появление у Ставрополя увеличились, а поэтому надо идти вперед, и немедленно.

Занятие чехами Ставрополя не представляет особого интереса, так как, кроме перестрелки десанта с небольшими отрядами красных, ничего выдающегося не произошло. На обратном пути в Самару нашли винтовой пароход, выбросившийся на правый берег реки. Кормовая палуба его была под водой, правый борт проломан, верх рулевой рубки сорван, очевидно, милютинским якорем, на палубе были обнаружены следы крови.

Значение водного сообщения для ведения войны было теперь всеми оценено, и дело организации флотилии значительно облегчилось. Народная Армия выделила некоторое количество людей для укомплектования судов военной командой. Мичман М. настаивал на получении артиллерийских юнкеров, так как надеялся достать орудия для вооружения пароходов.

Убедить армейцев в том, что из пушки можно стрелять, поставив ее на палубу корабля, было делом почти невозможным, да и пушки все были в руках у чехов. В конце концов удалось убедить дать одну пушку на пробу. Работа закипела, и через два дня у «Милютина» на носу красовалась армейская трехдюймовка, как была, на колесах и с хоботом. При помощи деревянной клетки, состоящей из рам, сооруженных так, чтобы бока их соответствовали линиям шпангоутов, а верхние стороны — бимсам палубы, удалось построить орудийную

установку, которая бы распределяла по корпусу корабля удар на цапфы от отката орудия при стрельбе. На палубе была сооружена деревянная поворотная орудийная платформа, хобот же орудия ходил по деревянному полукругу. Вся верхняя структура была скреплена с внутренней клетью болтами, проходившими через палубу. Нужно ли все это было делать именно так или совсем по-другому — неизвестно, но факт остается фактом — установки эти были действительно крепкими.

Вскоре до штаба дошли слухи, что красные проводят через Мариинскую систему несколько миноносцев из Балтийского моря. Нечего и говорить, что слух этот сейчас же был использован командующим флотилией для получения второй пушки для «Вульфа». Штаб армии торопил установку этой пушки и даже послал на помощь своих плотников. Доканчивали установку по дороге к Ставрополю, куда флотилия была срочно послана навстречу «надвигающимся» миноносцам.

Еще до ухода в поход к мичману М. пришел проситься на флотилию армейский подпоручик Б. Выяснив, что он волжанин и яхтсмен, мичман М. назначил его командиром «Вульфа». Артиллерийским офицером на «Милютине» оказался константиновец⁵³¹, а на «Вульфе» — михайловец⁵³². Юнкерам было предоставлено «самоопределиться». Нечего и говорить, что «Милютин» оказался «константиновским» кораблем, а «Вульф» — «михайловским». Так соревнованию в стрельбе было положено твердое основание.

В описываемое время, летом 1918 года, Волга была такою, какую ее не видали со времен Стеньки Разина и Пугачева. Река эта, кипевшая жизнью главной водной артерии государства, вымерла совершенно. На ее широкой водной поверхности не было видно ни парохода, ни баржи; берега ее опустели. Все бакены и другие навигационные обозначения были сняты большевиками, плавать можно было лишь «наизусть».

Дня три прошло в ожидании миноносцев. Один корабль был выдвинут версты на три-четыре вперед и, медленно шлепая колесами, держался против течения. Другой стоял у пристани под парами, готовый выйти на поддержку в любую минуту. Монотонности этой был положен конец появлением парохода, ведущего на буксире высокобортную деревянную баржу. Дозорный корабль приказал пароходу развернуться и отдать якорь. С флагманского корабля послали шлюпку с офицером и вооруженной командой осмотреть и баржу, и пароход. Посланный офицер в мегафон попросил разрешения привезти делегацию от пассажиров баржи.

Делегация состояла из сестры милосердия и пожилого господина, назвавшего себя полковником. Роль главы делегации на себя взяла сестра милосердия. Привезли также двух арестованных. Ничего не может быть противней осwirепелой женщины: сестра «милосердия» буквально неистовствовала, стараясь доказать, что оба арестованных должны быть немедленно расстреляны за те притеснения, коим они ее подвергали на барже. Сестру пришлось увести в другую каюту. Допросили полковника и от него узнали, что баржа уже прошла одно «чистилище», во время которого красные расстреляли несколько пассажиров, по-видимому офицеров и их жен, в Симбирске.

Удалось также установить, что оба арестованных были комиссарами, назначенными на баржу с грузом в Царицын, дававшими указания, кого нужно расстреливать. Капитан парохода, после длительного допроса, показал, что свои распоряжения он получал от одного из этих двух арестованных. Надо было удивляться неналаженности дела у красных — ни капитан и вообще никто из прибывших на барже не знали о взятии Ставрополя и Самары.

Баржу осмотрели и отпустили под караулом в Самару. В виде напутствия мичман М. посоветовал всем находившимся на ней офицерам, по прибытии в Самару, записаться в Народную Армию. Впоследствии дошли сведения, что ни одного желающего не оказалось, все пожелало следовать дальше. Выгрузив красный груз, штаб предоставил баржу пассажирам. Путешественники прошли еще через одну чистку, попав опять в руки красных ниже Самары. Такую покорность судьбе пассажиры объясняли необходимостью доставить продукты своим семьям. Истратив, быть может, все свое состояние на покупку мешка муки, никто из них этот мешок бросать не хотел. «Мешочничество» как явление вполне объяснимо, так как кто может бросить упрек человеку, старающемуся прокормить свою голодающую семью, но следствием этого было то, что, пока все в России мешочничали, страна уничтожалась большевиками.

В это время полковник Каппель, двигавшийся со своей «армией» по правому берегу Волги, встретил сильное сопротивление у села Климовка. Флотилии было приказано продвинуться на соединение с армией. У Климовки Каппель совершил один из своих многочисленных мастерских маневров. После ожесточенного фронтального боя, длившегося весь день, он ночью, оставив на позиции лишь дозоры с нарочно зажженными кострами, передвинул всю армию за тыл красным и на рассвете обрушился на них. Толпы красноармейцев были прижаты к реке, и флотилия била по ним картечью. Артиллеристы флотилии вошли в такой азарт, что падали до тех пор,

пока с берега не стали махать простынями. Это было понято как сигнал: «Прекратите огонь — своих бьете». Правый берег Волги был очищен от красных до самого Симбирска. В самом Симбирске была паника.

Как-то вечером, после боя под Климовкой, мичман М., сидя на мостике «Вульфа», находившегося в дозоре, мирно пил чай (по Волжскому уставу предосудительного в этом ничего не было). Вдруг сигнальщик доложил о чем-то подозрительном, происходящем под правым берегом. В сумерках мичман М. даже в бинокль ничего особенного не мог рассмотреть. Для проверки провел биноклем еще раз и теперь заметил большой куст или упавшее дерево, плывущее по течению у самого берега. Вдруг из куста выскочил маленький клубок пара. Развернуть корабль было делом одной минуты. Пушка ахнула, и куст, как по мановению жезла, рассыпался. Пустив черный клуб дыма, маленький буксир стал удирать вверх по реке. «Вульф» погнался за ним, стреляя только из пулеметов, — жалко было топить «горчицу» (так на Волге называются крохотные винтовые буксиры, употребляющиеся для буксировки рыбачьих лодок — «рыбалок»). Увидев, что ей от «Вульфа» не уйти, «горчица» юркнула к берегу. «Вульф», подошедшему к ней, пришлось уже отстреливаться от пулеметного огня с берега. В произошедшей перестрелке команде «горчицы», бросившейся вплавь к берегу и попавшей под перекрестный огонь, пришлось пережить много тяжелых моментов.

Так был взят первый приз Волжской флотилии. На буксире нашли четыре пулемета со вложенными в них лентами. Взятие этого буксира долго обсуждалось на флотилии; было совсем непонятно, почему еще при дневном свете красные отправились на разведку. Общими усилиями, наконец, порешили, что «Вульф», держась, как всегда, в дозоре, под машиной против течения, продвинулся вверх по реке; буксир же одновременно сплыл вниз по течению, с расчетом пройти «Вульфа» в сумерки. Встреча произошла раньше, чем того ожидали красные. После этого случая никаких чаепитий на мостике и на открытой палубе не разрешалось.

Потеряв в этом деле несколько человек ранеными, мичман М. решил озаботиться установкой каких-нибудь прикрытий, хотя бы от огня пулеметов. Кипы прессованного хлопка, найденные в Самаре, оказались вполне пуленепроницаемыми, и ими и прикрыли рулевые рубки и расставили по бортам для прикрытия орудийной и пулеметной прислуги. Весила такая кипа пудов двенадцать, толщиной она была фута в два. Двадцати или тридцати таких кип было достаточно для надежного прикрытия одного корабля.

Техника двигалась на флотилии вперед, и вскоре пулеметные башни стали делаться поворотными. Они состояли из двух телескопических железных цилиндров с залитым между ними асфальтом. Испытания показали, что пуля, пробив наружный цилиндр и попав в асфальт, его расплавляла, но очевидно, истратив на это всю энергию, тут же увязала в расплавленной массе.

Взятием Климовки закончились операции вверх по реке, и теперь чехи, обеспечив себя с севера, решили овладеть Сызранским мостом, через который железная дорога проходила из Пензы в Самару и дальше в Сибирь.

Вооружили еще один пароход и оставили его в дозоре у Климовки. «Милютин» же и «Вульф» были посланы пробивать дорогу к Сызрани. У села Батраки произошел бой с береговыми батареями, под огнем которых флотилии удалось увести несколько барж с нефтью, так необходимой для дальнейших операций. У «Вульфа» перебило штуртрос, и он оказался беспомощным под сосредоточенным огнем двух береговых батарей. Починка не клеилась, и, чтобы его не вынесло на берег, пришлось отдать якорь. Орудие по борту стрелять не могло, так как настолько далеко не поворачивалось, и поэтому не имелось возможности даже отвечать на огонь красных. В следующую минуту сбило гафель, и казалось, что наступает конец, но подошел «Милютин» и выручил, взяв на буксир и оттащив к высокому берегу — в мертвый угол батареи противника. Якорный канат пришлось вытравить.

При взятии Сызрани флотилия выполняла роль заслона на случай, если бы красные послали туда свою южную флотилию. Кроме того, своим огнем флотилия существенно помогла сухопутным силам при взятии города, а после была по отступающим по дорогам красным колоннам и их обозам.

Незадолго до заката солнца, в день взятия Сызрани, вниз по реке показались дымы приближающихся пароходов. Вскоре из-за поворота показался пароход, потом другой, третий, и наконец, вся ширина реки была занята идущими полным ходом судами самых разнообразных типов и величин. Зрелище было грандиозное.

Как Давид против Голиафа, вышли «Милютин» и «Вульф» навстречу этой дымящей и несущейся на них армаде. Подпустив головной корабль версты на две, мичман М. приказал выстрелить ему под нос. Все напряженно всматривались вперед, ожидая ответного залпа. После нескольких мучительных минут ожидания армада вдруг сбавила ход, и лишь один передовой продолжал идти полным ходом навстречу. Медленно приближающуюся армаду остановили вто-

рым выстрелом под нос. Передовой корабль, подойдя на разговорную дистанцию, сообщил, что в Вольске было неудачное восстание белых, в результате чего им пришлось бежать на пароходах на соединение с Самарской армией, о приближении которой к Сызрани они уже слышали. Радости не было пределов.

Мичман Д., командовавший армадой, был принят на флотилию с распростертыми объятиями и сразу же назначен командовать третьим кораблем флотилии, выбранным из пароходов, им самим приведенных из Вольска. Среди ценного груза на вольских пароходах было различное военное снаряжение и, что особенно всех порадовало, несколько трехдюймовых зенитных орудий. Немедленно же по одному из них установили на корму «Вульфа» и «Милютина» и два на корабль мичмана Д. Вольские беженцы состояли главным образом из женщин и детей, но оказалось достаточно и мужчин для укомплектования флотилии и Народной Армии. Кадеты Вольского корпуса, конечно, все как один изъявили желание воевать, но по малолетству большинство было оставлено с матерями.

На следующее утро хоронили двух юнкеров, убитых на «Милютине» в бою у села Батраки. Гробы покрыли Георгиевскими флагами — флагами Народной Армии и флотилии. Дело в том, что Народная Армия Каппеля ввела георгиевскую ленту вместо кокарды на шапках, и мичман М. вместо Андреевского флага вначале поднимал на судах флотилии черно-желтый флаг, в виде ленты большого размера, по примеру армии Каппеля. Погоны тоже никто не носил, да и формы почти ни у кого не имелось. После Сызрани мичманы Д. и М. решили носить на плечах защитные погоны с черными нашивками, установленные Временным правительством. Выглядели они в этих погонах как младшие унтер-офицеры.

На похороны собралась довольно большая толпа сызранцев, к которым после погребения мичман М. обратился с призывом присоединиться к Народной Армии и общими усилиями сбросить с России красное иго. Недоверчиво смотрела на молодого офицера немая толпа. Тупые лица как будто хотели сказать: «Пой, пой, малец, но нас не проведешь! Еще неизвестно, чья сторона возьмет верх». Когда толпа разошлась, подошли двое или трое из молодых и, оглядываясь и как будто стыдясь, попросились записаться в армию. Вот и все... Удивляться, что мы проиграли Гражданскую войну, не приходится. Наша покорность — вот что помогало большевикам.

Казалось бы, что простое чувство самосохранения должно было подсказать русскому офицерству и интеллигенции необходимость объединения для борьбы с красными. Ведь каждый из них знал о происходя-

щих по всем углам России расстрелах, но какая-то пассивность охватила огромное большинство, в результате чего, поодиночке, уничтожались лучшие силы страны. Выработалась какая-то особая животная психология сидеть смиренно — «авось до меня и не дойдет». А в то время, в начале Гражданской войны, когда красные еще не были организованы, одни офицеры, соединившись, могли бы свободно пройти поперек всей России и задушить «гидру» в Москве...

Вооружив еще два парохода, мичман М., оставив мичмана Д. с двумя пароходами в Сызрани, сам вернулся с тремя другими в Самару. Каждый приход флотилии в Самару приветствовался жителями, чувствовавшими себя в безопасности, пока корабли были с ними.

Присутствие флотилии в Самаре никогда не поощрялось правительством, и чем дальше, тем больше. Дело в том, что боевые успехи укрепляли авторитет воинских частей, и население все больше и больше отворачивалось от правительства, полупризнаваемого военными начальниками. Чтобы не быть совершенно забытыми, некоторые члены правительства ходили в боевые походы с отрядом полковника Каппеля, и только эти пользовались уважением населения. Остальные занимались говорением на бесконечных своих заседаниях.

Еще до начала мировой войны в Казани был оборудован первоклассный пороховой завод. Во время же войны Казань стала первоклассной военной базой, где, помимо производства пороха, находились склады оружия. В Казани же находилась половина государственного золотого запаса России. Завладение Казанью поэтому для успеха Белого движения было делом необходимым; участие же чехов во взятии этого города может быть объяснено только тем, что Самарским отрядом чехов тогда командовал русский офицер, полковник С.

Подготовительные операции заключались в очищении Волги от красной флотилии, возросшей к этому времени до семи-восьми вооруженных судов, и в посылках экспедиций из отряда полковника Каппеля вдоль правого берега Волги. За исключением нескольких боев, красная флотилия упорного сопротивления не оказывала, но тот факт, что противник в любой момент мог перейти в наступление, постоянно держал в напряжении нервы всего личного состава флотилии.

В самом деле, речная война похожа на действия двух бронепоездов, находящихся на том же пути. Уйти от боя можно лишь отступая в одном направлении — на свою базу. Маневрировать в бою можно лишь в пределах ширины реки. Таким образом, и в стратегическом, и в тактическом отношении можно лишь двигаться в двух направлениях: вперед и назад. Так вся кампания и велась — нос к носу

с противником. Тактически, где ширина реки позволяла, выстраивались в строй фронта и шли в атаку. Такой боевой порядок уменьшал вероятность попадания, так как построение было по малому диаметру эллипса рассеивания снарядов противника. Меняя скорости, можно было с некоторым успехом уходить из вилки. К счастью, красные не применяли системы завесы при стрельбе с кораблей, но береговые батареи устраивали завесы, и тогда их надо было прорывать на больших ходах и стараться войти в их мертвый угол, то есть жаться к высокому правому берегу. Если бы красные владели левым берегом и имели бы на нем свои батареи, белой флотилии пришлось бы много труднее. Действия полковника Каппеля, с которым флотилия координировала свои действия, помогали ее продвижению, так как иначе пришлось бы считаться с установленными на уровне воды кинжальными батареями.

Как-то раз с «Вульфа», стоящего у берега на отдыхе, заметили приближающегося человека в рваном крестьянском одеянии. Оборванец оказался старлейтом Ф.⁵³³ По прибытии в Самару он «нанялся» начальником штаба Волжской боевой флотилии. Это было большим приобретением, так как старлейт Ф. был энергичного характера и с большим опытом в оперативной работе.

Флотилия была разделена на два дивизиона: Северный, или 1-й, с мичманом М. во главе и Южный, или 2-й, под командой мичмана Д. На судах флотилии были подняты Андреевские флаги. В одном из боев под Симбирском старлейт Ф. с мичманом Е. пошли в бой и лихо его провели, заставив один из красных кораблей выброситься на берег. Мичман Е. был ранен осколком в щеку.

После взятия Симбирска мичман М., узнав, что в городе проживает капитан 2-го ранга Ф., явился к нему с рапортом и предложил вступить в командование 1-м дивизионом. Там же оказались и старлейт Р.⁵³⁴ и лейтенант Х. Капитан 2-го ранга Ф.⁵³⁵ от лица всех присутствующих заявил, что все они пойдут драться под командой мичмана М. Старлейт Р., по специальности артиллерист, предложил вооружить баржу шестидюймовыми орудиями, которые он обещал достать в Симбирске.

Действительно, через неделю флотилия обогатилась новой боевой единицей — баржей, вооруженной двумя шестидюймовыми орудиями Шнейдера. Командиром был назначен капитан 2-го ранга Ф., старшим офицером — лейтенант Х., а старшим артиллеристом — старший лейтенант Р. Этой плавучей батарее был придан сильный буксир, и теперь флотилия была готова к походу на Казань. Мичман К., тоже оказавшийся в Симбирске, был назначен комендан-

том на десантный пароход, и на его корабль была посажена рота чехов в 80 человек.

Вся армия была погружена на пароходы, баржи, и армада двинулась вверх по реке. План действий был основан на внезапности удара. Красные не могли ожидать, что армия с правого берега реки будет убрана и путь на Самару будет оставлен открытым. Подойдя к Казани, флотилия должна была прикрыть высадку армии своей артиллерией, а остальное было уже делом армии. Десантный отряд мичмана К. должен был взять Верхний Услон — высокий холм на правом берегу, на котором, по имевшимся сведениям, была устроена красная батарея.

Того натиска, с которым флотилия продвигалась вперед, ни один из участников этой экспедиции никогда не забудет. Весь длинный путь от Симбирска до Казани (около двухсот верст) велся непрерывный бой с красной флотилией. Мичман М. приказал не сбавлять хода — будь что будет. Флотилия неслась под всеми парами, оставив далеко позади весь транспорт и свою вооруженную баржу. Красные, не ожидая такого напора, иногда застигались врасплох, и в таких случаях бой велся на коротких дистанциях.

В селе Тетюши, куда была высажена разведка, нельзя было найти ни души. Наши телефонисты соединились по телефону с Казанью и включились в разговор с красными, которым столько наговорили, что последние очень встревожились и спрашивали информацию. В Спасском Затоне, куда на зиму ставились пароходы, среди массы судов, находившихся «на приколе» (волжское выражение, обозначающее пароход в бездействии), нашли гордость и красу волжского судоходства — самый быстроходный пассажирский пароход «Фельдмаршал Суворов». К общему негодованию, на колесных кожухах красовалась надпись — «Карл Маркс». Такого позора перенести было нельзя, и поэтому было оставлено посыльное судно смыть надпись.

Подойдя к Нижнему Услону, верстах в двенадцати от Казани, флотилия остановилась осмотреть пароходы и баржи, оставленные позади красными. Одна из барж была нагружена бакалейными товарами. Найденный шоколад был сейчас же разделен по судам, и проголодавшаяся команда буквально им объелась. По выработанному плану действий мичман М. должен был здесь ждать подхода армии для дальнейших совместных действий. Но в это время вверх по реке заметили движение пароходов. Большинство уходило вверх, и только небольшая их группа медленно спускалась вниз по течению. По-видимому, это были буксиры, хотя два из них были выкрашены в защитный цвет, что для волжских пароходов было совершенно необычайно.

Вскоре среди судов флотилии стали ложиться снаряды. Мичман М. решил атаковать. Так начались действия, повлекшие за собою взятие Казани. Во время атаки флотилии сошлись так близко, что «Вульф», шедший головным, пулеметным огнем разогнал орудийную команду концевого красного парохода. С этого момента красная флотилия расстроилась, и каждый корабль стал удирать по способности. Три из них выбросились на берег, и команда разбежалась под орудийным и пулеметным огнем.

Мичман М. семафором отдал распоряжение высадить десант на Верхний Услон. Мичман К. выкатил свой корабль с полного хода на берег, и чехи стали карабкаться вверх по холму. Одновременно флотилия стреляла по батарее, расположенной на вершущке холма. После небольшой перестрелки холм оказался в руках чехов, а захваченные ими орудия красных были направлены на железную дорогу, ведущую из Казани на Свияжск, по левому берегу Волги. Можно было наблюдать, насколько весь железнодорожный путь был забит тянувшимися из Казани поездами. Надо было подорвать пути и таким образом воспрепятствовать увозу золота из Казани. Для этой цели на левый берег была высажена подрывная команда, а десант с флотилии захватил пристани, необходимые для высадки армии. Казанские пристани находятся в семи верстах от города, и поэтому десант мог легко расположиться в пустынной низине между городом и пристанями.

Часам к трем дня у Нижнего Услона появилась вся армада с армией. Мичман М. явился к полковнику Каппелю за дальнейшими инструкциями. Каппель разнес мичмана М. за безрассудное удалство.

— Какая судьба постигла бы армию, — сказал он, — если бы флотилия оказалась разбита береговыми батареями? Ведь суда красных, преднамеренно отступая, могли завлечь вас на кинжальные батареи и тогда, уничтожив вас, забрать голыми руками всю нашу армию.

В продолжение всего разговора глаза Каппеля улыбались, и мичман М. понял, что если бы Каппель был на его месте, то поступил бы как он.

Получив распоряжение стать на позиции и соединиться телефоном со штабом армии, мичман М. удалился с радостным чувством, так как видел, что его действия получили одобрение такого выдающегося начальника. Почему Каппель не произвел высадку у пристаней, было непонятно, но, очевидно, у него были свои соображения, а ошибался он редко. Баржу с шестидюймовками поставили на якорь, а пароходы, уткнувшись носами в берег, наладили на мачтах посты для наблюдателей и выставили дозоры в поле. Каппель высадился шагах в трехстах

вниз по реке и там установил свой временный штаб. «Вульф» соединился с ним полевым телефоном.

С 5 часов началась бомбардировка Казани. Стреляли по кремлю и по частям города, где были красные казармы. Вскоре с Верхнего Услона пришло донесение, что несметные толпы людей двигаются из Казани во все стороны, кроме южной, с которой подошли белые. Расстояние от пароходов до Казани было около восьми верст, так что трехдюймовки едва хватало. Разрывы были видны у южной окраины города. Шестидюймовая батарея пала безостановочно по кремлю.

Ночью и утром происходила разгрузка транспортов. Без пристаней разгружать артиллерию и кавалерию было довольно трудным делом, но к рассвету все было на берегу. Наутро все было налажено и фронт установлен. При начале наступления пришли донесения, что пристаням угрожают красные отряды. Пришлось убрать пристанский заслон, состоявший из 30 человек с 10 пулеметами — в то время пулеметов на флотилии было хоть отбавляй.

К полудню разыгрался бой. Капеля нигде не было видно. Полковник С., командовавший чехами, давал указания о направлении огня флотилии. Кроме чехов, по-видимому, на фронте никого не было. После полудня чехи стали медленно отходить под напором красных. В это время на правом фланге Красной армии произошел эпизод, повернувший весь дальнейший ход событий.

Дело в том, что в Казани находились сербы, бывшие пленные в Австрии, впоследствии бежавшие с чехами на русскую сторону. Они организовали красную сербскую сотню и вошли в состав Красной армии, оборонявшей Казань. Так вот эти сербы, в самый критический момент боя, вдруг с диким криком «на нож» кинулись с фланга на красноармейцев. Произошло это в пределах видимости флотилии, и с мачт можно было наблюдать, как красный фронт дрогнул и обратился в бегство. Чехи бросились преследовать.

Но самый пикантный момент был впереди. Когда красноармейцы примчались к городу, их встретили пулеметным огнем. Оказывается, Капель со своим отрядом, идя всю ночь, обошел Казань и часов в одиннадцать на следующее утро вошел в город с северной стороны. Теперь стало понятно, почему он не хотел высаживаться у пристаней: силы были слишком неравные для лобовой атаки. В штабе потом говорили, что против 600 чехов и 400 капельцев красные выставили девять тысяч и 10 тысяч солдат.

Когда часам к пяти «Вульф» подошел к пристаням, там было полно народу. Все махали руками и шляпами, приветствуя своих освободителей. На мостик «Вульфа» бросали букеты цветов, подъем был

необычайный. Выставив два корабля в дозор по направлению к Свижску, мичман М. приказал команде «песни петь и веселиться».

За первую же неделю пребывания в Казани произошли организационные перемены в Народной Армии и особенно на флотилии. Наблюдалось медленное, но верное распухание штабов. Мичман М., отписываясь на официальную корреспонденцию, часто вспоминал то счастливое время, когда весь его штаб состоял из одного человека — гардемарина Т. Гардемарин Т. был вооружен карабином через одно плечо и полевой сумкой через другое. В сумке была полевая книжка с отрывными листами, проложенными копировальной бумагой. Приказы писались (если вообще они писались) карандашом, мичман М. подписывал, и в большинстве случаев «флаг-офицер» гардемарин Т. приказы эти самолично доставлял командирам. Имелась в сумке и печать флотилии, и, когда мичману М. нужен был пропуск в штаб армии, таковой писался в присутствии караульного начальника, подписывался, к нему прикладывалась печать, и дело было «в шляпе». Гардемарин Т. был, кроме того, старшим сигнальщиком на флагманском корабле и передавал приказания семафором на другие суда. В бою, когда была необходима быстрота передачи приказаний, гардемарин Т. находился на головном корабле второй колонны и тогда можно было наблюдать «комфлота», стоящего на поручнях мостика и разговаривающего семафором со своим «флаг-офицером».

Но побеждать противника без «правильной» организации некоторым казалось неудовлетворительным. Войну решили вести по всем правилам искусства. Во-первых, основали большой штаб, взявший на себя обязанности береговой обороны. Вскоре из захваченных пароходов образовался еще один дивизион — третий. Командовать им был назначен капитан 2-го ранга Ф., тот самый, который организовал плавающую батарею в Симбирске. Не хватало Главнокомандующего, но и этот пробел был вскоре заполнен, с приездом всеми уважаемого контр-адмирала С.⁵³⁶

Каждому дивизиону был придан пассажирский пароход для штаба. Начальник береговой обороны получил пароход размером побольше, очевидно, в соответствии с величиной штаба. Как-то раз «Вульф» стоял пришвартовавшись к базе береговой обороны. Мичман М. был предупрежден армейским штабом не стрелять по аэропланам, которые вскоре должны появиться, так как это будут аэропланы белых. Действительно, показалась парочка аэропланов, и вся команда «Вульфа» и штаб обороны высыпали на палубу на них посмотреть. Вдруг от них отделились пакетики и полетели вниз. В мгновение ока «Вульф» навел свое зенитное орудие и начал стрелять. Бомбы разор-

вались на барже и на пристани, у которой стояли база и «Вульф». Своей стрельбой «Вульф» вышиб почти все стекла на базе, чем вызвал большое негодование всего ее населения.

В Казани повторилось то же явление, что в Сызрани, в Симбирске и в других городах — волонтеров в Народную Армию почти не было, а между тем, когда Каппель прибыл в Казань, все жители жаловались на красных, которые перед уходом расстреляли множество офицеров и интеллигенции. Красноречивым доказательством этого были 17 гробов, стоявших в соборе.

Дело обороны Казани складывалось печально: чехи утратили интерес к Гражданской войне, Каппеля силы таяли, красные подвозили все новые и новые части. Стали поговаривать о вывозе золотого запаса в Самару. Целый месяц держался Каппель в Казани, в то время как флотилия обороняла подход с Волги. Красные привезли 100-мм орудия и, установив их на баржу у Свяжска, занялись бомбардировкой пристаней. Выходить судам флотилии за Верхний Услон теперь стало рискованно, так как поворот реки был под обстрелом этой плавучей красной батареи. Атаковать эту батарею пытались, но без большого успеха, ибо морские орудия имели дальность в два раза большую сухопутных трехдюймовок, которыми была вооружена флотилия. Несмотря на это, личный состав был уверен, что, если б нужно было двигаться дальше, — прорвались бы.

Вскоре на подмогу красным из Балтийского моря пришли быстрходные катера, делавшие ночные налеты на казанские пристани и флотилию. С этим боролись легко, выставив дозорные корабли к Услону и установив кинжальную батарею на берегу у поворота реки. Во время одного из походов третьего дивизиона был убит мичман Д., командовавший одним из кораблей. Корабль был переименован в его честь.

Перед эвакуацией Казани первому дивизиону было поручено вывести находившийся там золотой запас в Самару, по данным банка, всего было 660 миллионов рублей золотом. Интересно было наблюдать, как пассажирские пароходы, специально для этого предназначенные, садились все глубже и глубже под тяжестью золота... Чиновники заведовали счетом золота, а чины флотилии погрузкой его и охраной. Охрана состояла из внутреннего караула, который запирался в трюм на все время перехода, и наружного, с часовым у каждого люка; люки запломбировывались чиновниками. По окончании перевозки чиновники доложили, что все золото и прочие ценности были доставлены без малейшей пропажи. По окончании этой операции первый дивизион был назначен прикрывать отступление армии

за Каму, а третий дивизион, с адмиралом С., пошел вверх по Каме, впадающей в Волгу верстах в шестидесяти от Казани.

При отступлении Белой армии из Казани красная флотилия стремилась прорваться на Каму и воспрепятствовать переправе армии на левый ее берег. В продолжение четырех дней первый дивизион, состоявший только из четырех кораблей, удерживал натиск всей красной флотилии. Мичману М. все время казалось, что вот-вот неприятель прорвется, поэтому он решил преградить фарватер Волги, затопив баржи.

Начальник речной обороны, находившийся на Каме, прислал две деревянные баржи вместо просимых железных. Грузили баржи камнями, созвав жителей находящихся поблизости деревень. Времени не хватало — красные напирали; наконец, начали топить баржи. Пробовали подрывные патроны, но они не взрывались. Рубить дно было рискованно для людей, так как красные жестоко обстреливали и флотилию, и баржи. Наконец решили топить снарядами. Попытка не удалась — деревянные баржи, недостаточно нагруженные камнем, отказались тонуть.

До темноты шел жестокий бой, и красные были отбиты. Ночью же, выгрузив на берег пушку с поручиком артиллерии Ч. и командой, дивизион отошел версты на четыре вниз по реке. На следующий день поручик Ч., стреляя в упор, утопил красный корабль, а затем разорвал орудие, наполнив дуло водой. Только через несколько дней, не потеряв ни одного человека, он присоединился к флотилии, которая уже находилась на Каме. Геройское действие поручика Ч. задержало неприятеля еще на один день, благодаря чему Каппелю удалось переправить через Каму всю свою артиллерию и обозы. Так закончилась Волжская кампания и началась кампания Камская.

С продвижением чешских эшелонов дальше на восток положение белых повстанцев на Волге становилось критическим. Народная Армия без помощи чехов была слишком слаба для удержания взятой у большевиков территории, не говоря уже о дальнейшем развитии Белого движения в глубь России. Вкратце дальнейшая судьба флотилии была такова.

Сызрань пала вскоре после Казани, и второй дивизион флотилии разоружился в Самаре. Поздно осенью начали эвакуировать Самару; к дальнейшей перевозке государственного запаса золота проявили необычайную заботливость как русские, так и чехи. Первый дивизион, проконвоировав транспорт судов береговой обороны до устья реки Белой, был послан дальше вверх по Каме на помощь рабочим Воткинского и Ижевского заводов, поднявшим восстание против крас-

ных. Уведомив их об отступлении главных сил на Уфу, мичман М. погрузил несколько тысяч винтовок, находившихся тогда на заводах, и вернулся в Белую на соединение с главными силами в Уфе. Третий дивизион, заранее посланный из Казани, чтобы очистить путь отступления по Каме, встретил сильное сопротивление красной флотилии, тогда оперировавшей из Перми, но успешно пробил дорогу для транспорта, потопив несколько красных вооруженных пароходов.

В Уфе флотилия была разоружена, а орудия и личный состав были погружены на поезда для дальнейшего следования в Сибирь, где в то время организовывалась новая армия. Этой зимой Сибирская армия адмирала Колчака заняла Пермь, и личный состав Волжской флотилии был возвращен из Сибири для организации Камской флотилии, блестяще действовавшей там в кампанию 1919 года.

Камская флотилия существовала недолго. С отступлением армии от Перми, летом 1919 года, флотилия была разоружена, и личный состав ее был частью использован для укомплектования Иртышской флотилии, а частью для формирования Отдельного Морского батальона, вошедшего в состав Сибирской армии.

*В. Макаров*⁵³⁷

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ФЛОТА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917—1920 ГОДОВ. СИБИРЬ⁵³⁸

Я некоторое время ехал вместе с командой дивизиона, а затем, в Чусовой, пересел в вагон Минмора. В вагоне было все набито офицерами; были — Федотов⁵³⁹, Фомин, Гессе, Гутан. Несмотря на то что мы потеряли все то, над чем так долго трудились, все были настроены сравнительно бодро. Все ломали себе головы над тем, что дальше делать с людьми, пушками и вообще материальной частью флотилии. Пока что было решено сосредоточить людей и материальную часть в Тюмени. Разбирались причины неудач армии, и общее мнение было:

1) отсутствие связи, из-за чего штабы и командующие большими отдельными частями только могли как бы регистрировать события и писать донесения, а отнюдь ими не руководить;

2) неверно поставленная оперативная задача, целью которой являлся захват территории. На истребление большевиков смотрелось как на нечто второстепенное. Благодаря этому при наступлении большевиков из-за нежелания терять землю была сильно распрост-

ранена система затыкания дыр резервами, которая ни разу себя не оправдала;

3) недооценка сил большевиков, так как при правильной оценке было бы естественным при начале же большевистского наступления сразу же оттянуть возможно большее количество сил в резерв и после чего повести контрудар.

По дороге в Омск мы провели несколько дней в Екатеринбурге. По выезде из Екатеринбурга у многих появилась мысль, собрав возможное количество трехдюймовых установок в разобранном виде, тронуться вместе с людьми флотилии на соединение с Деникиным через Челябинск — Оршу — Гурьев. В конце концов Минмор начал склоняться к тому же. В артиллерийском смысле это выразилось тем, что Розенталь, Гессе и Гутан остались разбираться в материальной части в Тюмени, я же отправился в Омск на предмет получения оружийных передков, артиллерийской упряжки и т. п.

По прибытии в Омск Минмору удалось убедить в необходимости двинуться на соединение с Деникиным всех, кроме Верховного правителя, который ни за что на это не соглашался. В результате начались снова искания. Сципион и Мейерер задумали организовать партизанский отряд. Другие хотели устанавливать радиосвязь с Деникиным. В изменение общего движения на юг было одно время решено послать только комиссию, составленную из «делая» и «сражателей»; последняя должна была возглавляться мною и состоять из Мейерера, Сципиона, Кашика и Севиера.

События на фронте тем временем развивались в очень невыгодном для нас направлении. Контрнаступление нашей армии было ликвидировано большевиками, и Челябинск был взят. В Омске начала ощущаться большая неловкость, начали бродить слухи об эвакуации. Надо было спасать положение. Командующим армией был назначен Дитерихс, было задумано наступление, которое должно было начаться, как только большевики дойдут до реки Ишим. Все призывались к полному напряжению. В смысле флотилии было сделано следующее: из первого и третьего дивизионов был образован образцовый морской батальон в 1500 штыков, со взводом артиллерии и 30 пулеметами. Из третьего дивизиона решено было сделать два дивизиона флотилии для плавания по Оби и Иртышу.

Большинство лучших людей ушло в батальон, которым командовал Тихменев. Ротными командирами были Гессе, Сципион, Мейерер и еще один сухопутный офицер. Артиллерийским взводом командовал Головкин⁵⁴⁰. Все очень рьяно отнеслись к батальону: было получено на всех английское обмундирование и шли непрерывные занятия.

Недели через две после начала формирования батальон постигло несчастье — застрелился Гессе. В письмах, которые он оставил, он объяснял свой поступок тем, что видит, что не может справиться с ротой. Потеря Гессе была для артиллерии ничем не заменима. Гессе был выдающимся офицером, у него были разработанные им самим методы стрельбы, которые с успехом применялись в Балтийском флоте и на флотилии на Каме, он работал как вол, участвуя во всех боях. В то время как дивизионы сменялись, он все время был на действующем дивизионе; единственным его недостатком было то, что он принимал все слишком близко к сердцу, и это его и погубило.

Флотилия образовывалась следующим порядком: командующим был назначен Феодосьев. Начальником 1-го дивизиона — Гутан, 2-го — Гакен. Я попал флагманским артиллеристом флотилии. Флаг-артиллеристом 1-го и 2-го дивизионов был Степанов. По прибытии Феодосьева на «Чехословаке» в Омск ему сильно не понравилось обилие начальства и всякого законоположения, почему он немедленно отправился в Томск, а мне предоставил вооружение судов в Омске, взяв на себя вооружение других кораблей в Томске. Еще до его отхода мы послали для оперирования в Товде «Зайсон», «Александр» и «Иртыш». Первые два имели полевые трехдюймовые на колесах, последний был вооружен английской шестифунтовой морской. (Общая идея об Иртышской флотилии была, что суда 1-го дивизиона предназначались для сражений и 2-го — для обороны различных плесов.) Гутан отправился командовать «Александром» и «Иртышом». «Зайсон» был возвращен для перевооружения. Я остался в Омске вооружать «Катунь», «Алтай», «Зайсон», «Туру» и несколько никчемушных катеров.

В это время пришли в Омск 20 английских шестифунтовых орудий и долгожданные снаряды к 4" орудиям. Шестифунтовыми орудиями решено было вооружить «Зайсон» и 2-й дивизион, ставя на первый четыре орудия и на прочие по одному. «Катунь» и «Алтай» было решено вооружить двумя английскими двенадцатифунтовыми орудиями с Кента на носу и одним 4,7" на корме. «Ермак» и «Урал» того же типа должны были вооружаться в Томске также с той разницей, что вместо двенадцатифунтовых на них должны были стоять 3" полевые. Во время вооружения кораблей в Омске я пользовался по отношению к личному составу правами начальника дивизиона.

Вооружение «Зайсона», «Катуни» и «Туры» продолжалось около десяти дней, после чего Верховный правитель сделал смотр кораблям и батальону одновременно. Смотр сошел весьма удачно. На следующий день после смотра было получено известие, что «Иртыш»

и «Александр» захвачены большевиками и Гутан и все с ним находившиеся убиты. После этого известия меня назначили начальником 1-го дивизиона. (Еще до смотра Верховным правителем на фронт был отправлен «Алтай», под командой Коцюбинского.) После получения назначения мною Федотов вызвался идти на судах вместе со мною в качестве представителя Генерального штаба.

В начале сентября, держа брeйд-вымпел на «Катуни», я вышел вниз по реке к Тобольску. Начальником штаба был Д.Н. Федотов, флаг-гартom Михаил Иванович Запрудин⁵⁴¹. Флаг-меха и доктора не было. Пулеметным офицером был поручик Василевский, назначенный мною вместо Попова, совершенно потерявшего здоровье от неумеренного потребления водки и кокаина.

Ставкой мне были даны инструкции, заключающиеся в том, что цель флотилии главным образом охранять движение каравана барж, шедшего с большим количеством военного снаряжения с устья реки Оби в Томск, а также охранять подступы к Омску. На мой вопрос, что делать и как делить имеемые в моем распоряжении силы в случае падения Тобольска, никакого прямого ответа не было дано. Мысль о сдаче Тобольска не допускалась, и, в общем, мне было сказано выполнять инструкцию всеми имеемыми силами. Перед походом мне удалось настоять на том, чтобы вернули авиацию, отправленную в Томск, и присоединили бы вначале к моему дивизиону.

Поход до Тары прошел главным образом в артиллерийских учениях. В Таре мы связались прямым проводом с Пешковым и, получив последнюю обстановку и пожелания успеха, тронулись дальше. По случаю болезни командира в командование «Катунью» вступил Федотов. По прохождении Тары, имея у борта «Туру», с полного хода загвоздились на мель. Часов шесть-семь продолжалось заряджение и выработывание сваяк, завоз верпов и концов, прихватываемых к соседним деревьям, и, наконец, с большим трудом мы сползли и продолжали наш путь. Команда работала не покладая рук, и когда мы снялись, то каждому было выдано по чарке водки, полученной от дружественного нам тарского начгора. Дальше шли, останавливаясь только для погрузки дров.

В некоторых деревнях происходили небольшие курьезы. Например, в одной нас просили искоренить при помощи имеемой в нашем распоряжении артиллерии медведя, который терроризировал все народонаселение. «У нас народа много, и он им всем командует!» — говорили мужики. Гуляя по другой деревне, мы заметили породистого вида пса, привязанного к воротам какой-то хаты. Пес был, по-видимому, нечто среднее между английской и русской бор-

зой и поражал красотой своей пепельной шерсти. По наведенным справкам, хозяин этой собаки собирался шить шубу и искал в настоящее время еще две-три собаки, чтобы подобрать цветом к имеющей. Пожелав псу всяческих благополучий, мы тронулись дальше и остановились только у Абалакского монастыря, где мы с Федотовым и боцманом пошли за справками.

Монахи поразили нас своей молчаливостью и утрюмостью. В монастыре остановился отряд особого назначения, начальник которого, по-видимому, отдыхал и не мог нас принять. Офицеры ничего путного сообщить не могли. Разочарованные, мы спустились вниз на свой корабль. В это время к нам прискакал ординарец с просьбой начальника отряда, полковника Колесникова, пожаловать в монастырь, на что мы ответили, что будем рады видеть полковника у себя. Полковник Колесников приехал к нам, однако ничего путного о положении дел в Тобольске сказать не мог.

Мы решили продолжать движение к Тобольску, и «Тура», как более тихоходная, была выслана вперед. Только мы собирались сниматься, как за поворотом реки показался целый караван буксиров и барж. Была видна возвращающаяся «Тура» и много всяких войск на баржах. С «Турь» был сделан семафор, что она имеет у себя на борту начальника Воткинской дивизии, полковника Юрьева⁵⁴², и что она подходит к борту. Юрьев вышел к нам, и мы собрали небольшое совещание, на котором Юрьев сообщил, что Тобольск оставлен нашими войсками, что дивизия Бордзиловского⁵⁴³, забрав все плавучие средства, отступает вниз по Иртышу и что он, со своими войсками, собирается занять линию по реке Ишим. Из вооруженных кораблей с Бордзиловским ушел «Алтай». Юрьев передал, что Бордзиловский просил нас идти к нему, но он, как начальник, командующий отдельным отрядом, может дать нам предписание оперировать с ним и, во всяком случае, просить нас его не покидать.

С Юрьевым был вооруженный корабль 2-го дивизиона «Тюмень». Пароходы, которые тащили многочисленные баржи, были весьма слабы, и движение вверх было примерно со скоростью двух верст в час. Оставив «Тур» для прикрытия Абалакской переправы, мы впряглись в одну из барж и пошли вверх. Руководствуясь тем, что с Бордзиловским находится «Алтай», который один сильнее «Иртыша» и «Александра», а также тем, что к нему будут непрерывно подходить корабли, вооружаемые в Тобольске, мы решили остаться с Юрьевым, однако в течение ближайших ночей пойти в Тобольск для обстрела переправ.

Через одну ночь мы пошли с «Турой» к Тобольску. Было новолуние и довольно светло. Подходя к первой переправе у Мысовой, мы

убедились, что она не действует. На последнем плесе у Тобольска по нас был открыт довольно сильный ружейный и пулеметный огонь невидимым противником. Убедившись, что переправа у самого Тобольска тоже бездействует, мы повернули. В это время по нас открыла огонь батарея с диспозиции примерно 1—1½ версты. Сделав несколько выстрелов кормовой, последняя отчего-то прекратила огонь. Я прошел в корму и убедился, что команда сидит за прикрытием, во главе с плутонговым командиром. Правда, пули свистали довольно интенсивно. Стрельбу возобновили. Затем, потеряв батарею из виду за поворотом, должны были снова огонь прекратить. Однако батарея, видя наши мачты, все еще не унывала и продолжала стрелять еще по крайней мере минут сорок, так как мы, вследствие извилистости реки, не могли выйти из обстрела. В течение этого времени на «Туре» скисла машина, и нам пришлось взять ее на буксир.

У Абалакской переправы по нас снова открыли ружейный огонь, однако мы его быстро потушили. В дальнейшем отступление к Усть-Ишиму не сопровождалось никакими военными действиями. Мы были заняты главным образом выволакиванием остающихся барж и помощью каравану Воткинской дивизии⁵⁴⁴. Придя в Усть-Ишим, мы решили сделать поход за двумя баржами, оставленными нами верст на девяносто в тылу.

Вышли мы примерно часов в восемь вечера, по дороге заметили кавалерийскую часть большевиков, по которой открыли пулеметный огонь. Конница быстро рассеялась. Подойдя к баржам, мы увидели, что баржевики относятся весьма скептически к нашим намерениям, так как они говорили, что всюду вокруг большевики и что нам барж вывести не удастся. В то время как мы заводили концы, мы заметили, что на левом берегу шестерка лошадей тащит нечто сильно похожее на пушку. Мы открыли огонь одним орудием, и это «нечто» куда-то смоталось. Обрато мы выступили часа в два, строй: «Катунь», «Зайсон», «Отец», баржа, баржа.

Часов около четырех, дремля в кресле в кают-компани, я проснулся от сильного пулеметного огня. Вылетев наверх, убедился, что нас обстреливают с берегов не меньше двух пулеметов и двух рот. Мы отвечали из всех орудий и пулеметов, причем пушки скисали одна за другой, и все знаменитые St. Etienne последовали их примеру.

Буксир «Зайсона» был перебит, и он вышел вправо от «Отца», не прекращая огонь ни на секунду из своих шестифунтовых. В это время несколько ружейных пуль, попавших в ящики с двенадцатифунтовыми патронами, произвели пожар на «Катуни». Из боевой рубки было видно пламя выше мостика. Наши носовые орудия прекратили

огонь, и было полное впечатление, что мы горим. Федотов кинулся собирать трюмно-пожарный дивизион, а я бросился прямо к ящикам и начал сбрасывать их в воду. В это время неприятель был на траверзе, и стрельба его была весьма интенсивна. По ликвидации пожара мы возобновили стрельбу. В общем, во время этого обстрела нам приходилось проходить столь близко от большевиков, что Кузьминский, новый командир кормового плутонга, временами пользовался своим револьвером. На этом деле мы потеряли 17 человек раненых, из них трое тяжело. Потери главным образом распределялись между «Зайсоном» и «Отцом». У нас был один легко раненный, да еще я был несколько обожжен. Обошлось не без курьезов. Например, на буксирном корабле «Отец», который нас сопровождал, оказалось несколько женщин, в том числе жена капитана. Когда начался обстрел, последняя, вместо того чтобы спуститься в трюм, куда ей было указано, бросилась снимать развешанное белье, опасаясь, что оно будет простреляно. В результате ее ранило в руку в трех местах.

По окончании обстрела, сгрузив всех раненых на «Зайсон», мы его отправили вверх самостоятельно, сами же продолжали двигаться с баржами. «Зайсон» пришел благополучно, мы же попали еще три раза под обстрел, причем наши боевые качества, по-видимому, сильно улучшались, так как во втором случае мы не могли прекратить большевистский огонь в течение получаса, в последнем же заткнули большевиков в три-четыре минуты. Когда мы вернулись к Юрьеву, то оказалось, что «Зайсону» были уже сделаны большие овации и роздано несколько крестов. То же самое произошло на «Катуни» несколько дней спустя.

Из Усть-Ишима была сделана еще операция и десант у деревни Новой, где говорилось, что несколько большевиков, а главным образом туземцы, отрезали обоз Воткинской дивизии. В десанте участвовали «Катунь» и «Зайсон». Высаживалась комендантская команда Воткинской дивизии и любители с «Зайсона». По дороге туда мы подобрали несколько солдат Воткинского обоза, которые нам рассказали примерно следующее: «Остановились мы в деревне Новой. Зарезали корову и начали свежевать. С нами был прапорщик. В это время раздались крики: «большевики!» Прапорщик выхватил револьвер — и раз! Его об землю... Ну, после этого мы все бросились бежать...»

Остановиться у Новой и высадить десант не представило затруднений. После этого мы засели в кают-компаниях и начали дожидаться сведений. Оказалось, что наши войска долго не могли найти дорогу к Новой, затем ворвались в деревню, убили каких-то людей, после

чего воткинцы начали грабить и затем привели каких-то мужиков, объявив, что это пленные. Среди этих пленных была, между прочим, и одна женщина, которой Юрьев сказал весьма обидные для нее физические сравнения. Впрочем, забранные мужики обвинялись в том, что они охраняли наших пленных, захваченных большевиками. Вид у них был весьма невзрачен, и обращение с ними воткинцев заставляло желать лучшего.

После этого мы снова вернулись к Усть-Ишиму и простояли там дня три. В течение этого времени разведка, посланная Юрьевым по Ишимскому тракту, обнаружила противника весьма далеко по тракту, и в связи с подслушанными телефонными разговорами можно было заключить, что большевики не собираются форсировать Ишим в том месте, где мы находимся, а думают его обойти и вести операцию против города Тары. Исходя из этого, Юрьев решил отступить дальше, а именно расположить свои позиции у деревни Знаменской, в 10 верстах ниже Тары.

Когда этот маневр мы начали выполнять, то большевики уже подступили к Усть-Ишиму и действительно двигались по Ишимскому тракту. За это время самовольно смотался из одной из деревень правого берега конный дивизион и полурота Воткинской дивизии. У этой деревни находилась «Тура». Видя это, командир «Туры» вместе с 10 людьми и пулеметом занял деревню и послал мне «Туру» со старшим офицером доложить о случившемся. Я здорово перепугался за его судьбу, полетел к Юрьеву — через день полурота снова заняла деревню, и Фохт торжествующе вернулся на корабль.

Отступление к Таре заняло дня три-четыре. Придя в Знаменское, мы задержались там всего на несколько часов и пришли вместе с Юрьевым в Тару. Из Тары мы с Федотовым сцепились прямым проводом с Пешковым, причем просили его повлиять на то, чтобы прислали подкрепление Юрьеву, а также дали бы в наше распоряжение батальон морских стрелков для десантных операций. Пешков нам в свою очередь сообщил, что на всех фронтах мы бьем большевиков и неудачи, по-видимому, только на нашем фронте.

Еще до этого, воспользовавшись эвакуацией Кузьминского, мы послали весьма мотивированное донесение Пешкову с указанием важности Тобольского направления, а также описанием Воткинской дивизии и полной невозможности что-либо сделать без подкрепления. В ответ на все наши донесения и прямые провода пришла телеграмма, что «естественно, что никакой сухопутной части нельзя дать в подчинение к флоту. Из всех войск, действующих в Тобольском направлении, образуется Тобольская группа. Командовать груп-

пой назначается генерал Редько⁵⁴⁵. С генералом Редько идет пополнение Воткинской дивизии в составе 600 человек, местный полк в составе 1200 человек и Егерский батальон морских стрелков в составе 600 человек».

Мы несказанно обрадовались подкреплению, но несколько разочаровались в появлении Редьки, так как Юрьев нам казался отличным военным начальником, и мы с ним весьма подружились. В это же время прибыла наша авиация в составе трех аппаратов, во главе с Марченко⁵⁴⁶. Через неделю в Знаменском появился и сам генерал Редько, который с места же произвел самое неблагоприятное впечатление. Лицо у него было каменное, без всяких признаков каких бы то ни было выражений. Он всех все время ругал, главным образом отсутствовавших. Его штаб не избежал общей участи. Как только кто-нибудь уходил из помещений, где он сидел, генерал громогласно начинал критиковать умственные способности ушедшего. После того как мы с Федотовым ушли, как нам потом сообщили, генерал спросил: «Который из них Макаров? А, этот, по-видимому, идиот!» — хотя видит бог, что мы с ним не успели обмолвиться и полудюжиной слов.

Флот он вообще ругал всем и всюду. Однако его первое мероприятие было не плохо, так как он приказал немедленно же убрать всех жен и детей, следующих с Воткинской дивизией. Дальнейшие пять дней генерал употребил на поджидание подкреплений и обдумывание оперативного приказа. Кое-какие подкрепления начинали подходить. Это время я проводил в практических стрельбах в Знаменском, затем вернулся в Тару и по приходе получил предписание нашего полководца вести разведку в местностях, расположенных на 300 верст от ближайшей воды. Сообразив, что дело, по-видимому, касается авиации, я вызвал Марченко, и он мне объяснил, что задание совершенно невыполнимо из-за ограниченного района действия аппаратов. Я решил отправиться к Редько, доложить, в чем дело, причем Марченко уговорил меня взять его с собой, сообщив, что он замечательно объясняется с генералами.

Генерал встретил нас «в штыхы». Он все время пытался уличить нас в нежелании сражаться и в трусости и всячески старался вывести на чистую воду. Мы не поддавались, и, наконец, на объяснения Марченко о технических и тактических свойствах аппаратов громогласно заявил, что он сам инженер, на что Марченко ответил: «Тем хуже, так как если бы вы были авиатором, то все было бы много яснее». Фраза эта произвела впечатление разорвавшейся ракеты. Все в штабе смолкло, однако генерал скис и, заявив нам что-то вроде: «Делайте что хотите», отпустил нас с миром. Несколько дней еще про-

должалось бездействие, и в течение этого времени было получено предписание Минмора назначить Федотова в штаб Редько, от которого насилиу удалось отбрыкаться.

В конце концов, появился приказ Редько об общем наступлении, с предписанием занять позиции у Усть-Ишима 24 сентября. Корабли начали движение вниз вместе с частями сил, расположенных на правом берегу реки, а именно с Отрядом особого назначения полковника Колесникова. Примерно в 45—50 верстах ниже Знаменского мы встретили нашу авиацию и полковника и решили с полковником, что мы возьмем к себе 150 человек его отряда и пойдем вместе с ним вниз, делая временами высадки.

Когда отряд перебрался на «Катунь», то не было свободного места, всюду сидели люди и ночью надо было смотреть, чтобы не наступить на кого-нибудь. Однако отряд почему-то почувствовал давно не испытанный комфорт. Вместе с отрядом мы дошли примерно за 200 верст до Усть-Ишима, временами высаживаясь в деревнях, однако никакого сопротивления не встречали. За это время мы сильно улучшили технику высадки. Обсудив хорошенько, мы решили с Колесниковым атаковать Усть-Ишим. Ввиду того что для этого необходимо было стовориться с Юрьевым, я взгромоздился на аэроплан к Марченко, и мы полетели. Примерно через полчаса мы узрели «Европу», стоящую у берега примерно в 70 верстах от места нашей стоянки⁵⁴⁷.

*Е. Красноусов*⁵⁴⁸

В ШИЛКИНСКОЙ РЕЧНОЙ ФЛОТИЛИИ БОЕВЫХ СУДОВ⁵⁴⁹

Кажется, в июне 1920 года штаб Дальневосточной армии атамана Семенова разработал план крупных операций против забайкальского красного партизана Якимова в районе Нерчинского завода. Сильные пехотные и кавалерийские части Дальневосточной армии удачно били красных, но несли большие потери ранеными и терпели нужду в боеприпасах. Для облегчения их положения была сформирована в городе Сретенске Шилкинская речная флотилия боевых судов в составе вооруженных колесных речных пароходов «Стефан Левицкий» и «Александр Бубнов». Этим кораблям поставлена была задача пробиться вниз по Шилке, берега которой были заняты красными, до Усть-Кары и провести за собой санитарное судно и транспорт с боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Флагманом этой «эскадры» был «Стефан Левицкий», вооруженный двумя

клиновыми пушками образца 1877 года, стрелявшими дымным порохом. При стрельбе из этих пушек соблюдались все положенные детали: промывание канала ствола орудия мокрым банником после каждого выстрела, вкладывание сначала снаряда с подталкиванием его вперед особой палкой, а потом — заряда пороха в мешке, задвигание клинового затвора, «протравливание» этого заряда особой иглой-протравником через отверстие в казенной части орудия и вставление вытяжной трубки, наполненной гремучей ртутью с терочным в ней приспособлением. Скорость стрельбы, конечно, не могла быть многообещающей.

Пушки были установлены по одной на носу и на корме палубы, на особых деревянных платформах, вращавшихся целиком вместе с орудием и номерами при нем на толстом железном шкворне. Таким образом, «наводить» орудие нужно было всей орудийной платформой. Для смягчения отката при выстреле сошник орудия упирался в деревянный брус, сзади которого установлены были четыре-пять вагонных буферных пружин, принимавших на себя силу отката. Устройство примитивное, но, как увидим дальше, вполне достаточное для выполнения поставленной кораблям задачи.

Кроме этих орудий, на флагмане были три-четыре тяжелых пулемета. По бортам положены были мешки с песком и поставлены тяжелые железные листы (которые, как показал опыт, легко пробивались ружейной пулей и потому оказались не только бесполезными, но даже вредными, так как перегружали пароход).

«Александр Бубнов» был вооружен одной пушкой образца 1900 года и двумя тяжелыми пулеметами. Он был меньшего размера, более подвижной и лучше вооружен, так как его трехдюймовка была гораздо действеннее, чем наши «старушки» времен 3-й турецкой войны, потревоженные Октябрьской революцией в России и вытасценные из Читинского музея снова «на службу Родине». Пароходы обслуживались своей обычной вольнонаемной командой, ходившей с ними по Шилке в Амур к Хабаровску и Благовещенску. Сохранились на «Стефане Левицком» даже две молодые и довольно смазливые «стюардши», внесшие немало веселых минут в нашу монотонную жизнь на этом пароходе.

Наша батарея была назначена обслуживать артиллерию обоих этих пароходов. Поехали в эту командировку пять офицеров и достаточное число казаков. Поехал и я, хотя имел месячный отпуск «после ранения», данный мне медицинской комиссией при выписке из госпиталя. Рана моя еще не совсем зажила к этому времени и требовала хотя и не частых, но регулярных перевязок. Несколько дней прошло в окончательном оборудовании орудийных платформ и в

ознакомлении с работой при этих музейных редкостях. Я и Шурка Васильев⁵⁵⁰, еще по военному училищу, были знакомы с этими пушками, но только с их материальной частью, в «боевой же работе» мы их никогда не видели.

Утром жаркого летнего дня снялись с якорей и причалов и выступили в поход. Впереди наш флагман, за ним — транспорт и санитарное судно и в хвосте колонны «Александр Бубнов». На флагмане Н.М. Красноперов⁵⁵¹, А.В. Белкин⁵⁵², Шурка Васильев и я, на «Бубнове» — командир батареи Яковлев и сотник Вологодский.

Двигались вниз по течению реки довольно быстро, перед каждым населенным пунктом останавливали машины и просто плыли по течению, «на ходу» обстреливая красных, если они в этих селениях были. Первая стрельба была почти сразу у Лоншаково, потом у Уктычи. Стрельба была очень «упрощенной»: прицел стоял на полверсты, и орудия стреляли, стараясь бить по окраинам населенного пункта, чтобы принести меньше вреда мирному населению, но «навести панику» на партизан. Это удавалось отлично.

Только под Батами пришлось задержаться и стрелять довольно долго, крейсируя взад и вперед, а потом высадить десант, который и отогнал красных в сопки. К вечеру подошли к Ломовской станции. Стрелять пришлось много, так как красные упорно сопротивлялись. Высаженный десант выбил их из станции, и мы встали на якорь. Посланы были разъезды для установления связи с нашими частями, которые должны были находиться где-то недалеко. Связь установлена. Санитарное судно и транспорт прошли дальше к самой Усть-Каре, «Александр Бубнов» прошел и стал на якорь еще дальше, впереди них, а мы остались под Ломами до утра.

Наутро и мы пошли к Усть-Каре и бросили якорь недалеко от пристани, ожидая возможности подойти под снабжение дровами. Был жаркий, безветренный день. У пристани шла погрузка раненых и разгрузка боеприпасов и прочего снабжения, там кипела работа. Мы не принимали в ней участия и просто «отдыхали». Большинство разбрелось по каютам, но многие остались на палубе и, развалившись на разостланной шинели где-нибудь в тени, сладко спали сном младенцев. Я лежал в своей каюте и полудремал. Неожиданно с ближайшей сопки раздалась пулеметная и ружейная стрельба. Пули шумели по палубе, как рассыпанный горох, прошивали железные листы укрытий и борта парохода. Началась паника.

Красные партизаны стреляли сверху вниз, и укрыться от их выстрелов не было возможности. Нужно было отвести пароход на дистанцию, которая позволила бы и нам обстреливать их если не из

пушек, то хотя бы из пулеметов. Машина заработала, но нужно было пустить в ход якорную лебедку на палубе парохода, чтобы выбрать якорь из воды. Палубная команда матросов не появлялась, боясь получить красный гостинец. Создалось весьма неприятное положение, в котором наш флагман изображал собой неподвижную и совершенно безопасную для красных цель.

Укрывшиеся от наблюдения (и, значит, от огня партизан) за палубными надстройками парохода, Н.М. Красноперов, А.В. Белкин и Шурка Васильев после короткого совещания с криком «хоп-ля» выскочили из своего укрытия и бросились к лебедке. Пустить ее в ход для них не представляло особого труда, так как эту процедуру они уже не раз наблюдали в исполнении палубной команды. Зарботала якорная лебедка, застучала цепь, и пароход стал медленно отходить от берега.

Потом долго смеялись над этим происшествием и «героями дня», показавшими «цирковой номер».

Этим трагикомическим происшествием закончился наш поход на Усть-Кару. На следующий день флотилия, удачно выполнив свою задачу, возвратилась в Сретенск и была расформирована. Оставлен был для патрульной службы от Сретенска до Усть-Кары один лишь «Стефан Левицкий», обслуживать артиллерию которого назначили меня с командой казаков от нашей батареи, а все остальные вернулись в Нерчинск к месту нашей постоянной стоянки.

Для меня настали тяжелые дни бесцельного сидения на разогретом до банной температуры пароходе. Мой компаньон по каюте, какой-то пехотный поручик, обслуживавший пулеметы, почти сразу же заболел и не выходил из каюты. Наши патрульные операции проходили спокойно, так как партизаны ушли.

В одну из таких поездок меня вызвал к себе командир парохода и предупредил, что нужно подготовить к сдаче снаряды, так как это был наш последний «патруль». Меня эта новость чрезвычайно обрадовала, но радость была скороспелой. Дело в том, что во время нашего «главного похода» на Усть-Кару, в особенности во время боев под Батами и Ломами, желая ускорить стрельбу, мы «приготовили к бою слишком много снарядов». Это приготовление заключалось в том, что из головки снаряда вынималась особая металлическая чека, которая в обычное время удерживала цилиндр ударного приспособления, не давая ему возможности при толчке войти в соприкосновение с зарядом гремучей ртути, вызывавшей взрыв снаряда. Цилиндрик этого ударного приспособления, после выема чеки, удерживался на «безопасной дистанции» от капсюля только лишь тремя слабыми латунны-

ми лапками в особом кольце. При сильном ударе цилиндрик по инерции продолжал движение вперед, сжимая свои лапки, проходил сквозь кольцо и, прокалывая капсюль, вызывал взрыв.

Заготовленные нами для боя, но неиспользованные снаряды стояли в особых открытых ящиках-лотках. Когда я взял один из них для осмотра, прежде чем положить его в общий ящик для сдачи, то обратил внимание на то, что цилиндрик ударного механизма, по-видимому, от тряски парохода во время работы его машины уже осел и только одному богу было известно, на каком расстоянии от капсюля было в этот момент его жало.

Взрыва можно было ожидать в любой момент. Немедленно доложил о замеченном командиру корабля. На его вопрос: «Что же с ними делать?» — предложил сбросить их в воду. Ответ командира: «Снаряды, ударившись о дно реки, могут взорваться и повредят пароход, — возьмите их в лодку и сбросьте с лодки, отъехав от парохода». Резонно отвечаю ему, что если подводный взрыв снаряда может повредить борт парохода, то такой взрыв, конечно, не только повредит, но просто перевернет нашу лодку и что тогда будем делать мы в быстрой и глубокой Шилке, не умея плавать. Задумался моряк, но ответа не нашел и просто... предложил мне «устранить как-нибудь опасность» взрыва этих снарядов на пароходе.

Посоветовавшись со своим взводным урядником, решил вместе с ним начать «обезвреживание» снарядов «домашним способом». Держа снаряд головкой вниз, через отверстие для чеки, тонкой проволокой мы осторожно отталкивали цилиндрик назад, пока не появлялось на нем отверстие, через которое должна проходить чека. Чека вставлялась на свое место, и снаряд был «обезврежен». Командир парохода и чины команды издали наблюдали нашу работу и вздохнули облегченно, когда я доложил, что все в порядке и готово к сдаче.

Ночью в тот же день, вернувшись в Срегенск, мы получили предписание отбыть в свою батарею в Нерчинск.

Ю. Старк⁵⁵³

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИИ 1921—1922 ГОДОВ⁵⁵⁴

Дерзкое нападение красных на японские войска в районе Спасска в марте 1922 года, разрыв переговоров в Дайрене и великолепный праздник русских националистов в годовщину переворота 26 мая

1922 года, признанный знаменательным даже американским консулом во Владивостоке, усиливали позиции военных кругов Японии.

Резолюция первого съезда, составленная в ультрадемократическом духе, конституция Приморья, предусматривавшая наличие власти законодательной, в лице Народного Собрания, неоднократные декларации правительства в том же духе создали в глазах иностранцев ореол народного происхождения власти Временного Приамурского правительства.

Японцы, детально осведомленные о настроениях различных политических группировок и имевшие в своем распоряжении все персональные характеристики, отлично знали природу бунта группы членов Народного Собрания. Когда часть правых членов Народного Собрания, желавшая падения Меркуловых по личным соображениям, объединилась с крайними левыми, стремившимися свалить национальное правительство, ненавистное им как сторонникам большевиков, революции еще не было. Была только политическая комбинация. Когда после окончания военного бунта был объявлен созыв Земского собора, японцы поняли, что предстоят коренные перемены. Козыри были вырваны из рук японской военной партии. Было объявлено о принципиальном решении эвакуировать Приморье, но все-таки срок эвакуации еще не был объявлен и не было решено, что эвакуация будет полная.

Когда Земский собор вместо простого выбора верховной власти изменил всю конституцию Приморья, уничтожив Народное Собрание, налицо был уже полный поворот и полное отступление от идеи народоправства. В глазах японских парламентариев власть и армия, боровшиеся против большевиков, были отделены от населения. Японцам ничего не оставалось, как уходить.

8 августа в заседании Собора состоялась торжественная передача власти Временным Приамурским правительством правителю, генерал-лейтенанту Дитерихсу⁵⁵. В том же заседании им были прочитаны указ № 1, согласно которому государственное приморское образование именовалось впредь: «Приамурский Земский Край», армия — «Земская Рать» и командующий войсками и флотом — «Воевода Земской Рати», и указ № 2, содержащий новую инструкцию краевой власти, по которой задача власти делилась на две части: 1) управление внешними общегосударственными делами при сохранении у аппарата власти способности быстро продвигаться вперед по мере расширения территории и 2) развития и укрепления базы движения, устройство тыла. Поэтому власть исполнительная делилась на два органа: 1) Совет внешних дел, состоящий из Управления по делам финансов, торгово-промышленного, иностранных дел и путей сообщения и

2) Совет внутренних дел, состоящий из управляющего внутренними делами, владивостокского городского головы, председателя земской управы и атамана Уссурийского Казачьего войска. В непосредственном подчинении правителю остались государственный контролер и Ведомство юстиции. При правителе состояла земская дума, род законосовещательного учреждения, избираемая Земским собором. После этого Собор закрылся.

Не могу свидетельствовать, что новая конструкция власти оживила деятельность ведомств, во всяком случае, за тот короткий срок, который просуществовала национальная власть после Земского собора, ничего, кроме путаницы, она не успела дать.

Перед началом эвакуации японских войск

Первейшей заботой правителя была подготовка армии к ожидавшемуся, в связи с постепенной эвакуацией японцев, нападению красных. Как было официально объявлено, они намеревались осуществить эвакуацию в три срока: 1) Спасский район, 2) район Уссурийской дороги, исключая полуостров Муравьев-Амурский, 3) район полуострова Муравьев-Амурский и Владивосток. Поэтому правителем было решено сконцентрировать все силы к треугольнику Владивосток—Никольск—Спасск, усилив Спасское направление, подвергавшееся ударам в первую очередь, сколько было возможно.

Нужно сказать, что согласно ранее сделанным распоряжениям Ольга была эвакуирована нами еще 26 июля, и отряд генерала Ястребцова возвратился во Владивосток. С ним вернулись и корабли, находившиеся при отряде. Таким образом, из всех сухопутных сил Земской Рати в отсутствие от центра находилась только рота егерей (60 человек), бывшая в составе экспедиционного батальона в распоряжении капитана 1-го ранга Фомина.

В видах реорганизации и перегруппировки армий последовал ряд приказов правителя. При приказе объявлялась схема реорганизации армии, согласно которой Земская Рать должна была состоять из четырех групп:

1. Поволжская группа (рать), в состав ее входило три полка: Приволжский, Прикамский и Московский, составлявшиеся из частей 3-го корпуса⁵⁵⁶. Командующим группой оставался генерал-майор Молчанов⁵⁵⁷. 2. Сибирская группа (рать), в состав этой группы входили два полка: Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский, составленные из бывших частей 2-го корпуса⁵⁵⁸. Командующий группой — генерал-май-

ор Смолин⁵⁵⁹. 3. Сибирская Казачья группа (рать)⁵⁶⁰, в состав ее входили части, укомплектованные Оренбургскими, Уральскими, Сибирскими, Енисейскими и частью Забайкальскими казаками. Командующий группой — генерал-майор Бородин⁵⁶¹. 4. Дальневосточная Казачья группа (рать)⁵⁶², состоявшая из частей, укомплектованных Забайкальскими, Амурскими и Уссурийскими казаками. Ядро этой группы составляли части прежней Гродековской (Семеновской) группы. Командующим группой был назначен генерал-лейтенант Глебов⁵⁶³. К каждой из четырех групп была придана артиллерия. Командующие группами сохранили права командиров корпусов, командирам полков были предоставлены права начальников дивизий.

Приказ этот должен был проводиться в жизнь постепенно, но в результате он коснулся только высших соединений и сокращения хозяйственных частей. Части же, состоявшие в прежних корпусах, сохранили наименование и организацию. Таким образом, налицо оставалось около сорока отдельных частей с их штабами и вместо трех корпусов стало четыре. Общее количество бойцов в рати исчислялось генералом Дитерихсом около 10 000 человек, но на самом деле было несколько меньше. Приказ от 9 августа № 1110, являющийся основной директивой всем вооруженным силам, привожу полностью.

«Копия — Весьма секретно.

Генералу Молчанову, Генералу Бордзиловскому, Генералу Бородину, Генералу Глебову, Начальнику Снабжений, Начвосо и Инспектору Артиллерии, Командующему Сибирской Флотилией.

Эвакуация Спасска японцами начнется к концу августа. К этому времени всем силам Земской Рати занять исходное оперативное положение для активного обеспечения района Приамурского Края от вторжения в его пределы с севера и востока сил Д. В. Республики. Для чего:

1). Генералу Молчанову в составе сил, определенных моим приказом № 137/А, прикрыть главное направление Спасск—Никольск, обеспечивая свой правый фланг до долины реки Даубихе. Спасск должен оставаться за нами, но выдвижение главных сил к северу от Спасска возможно только по эвакуации из него японских войск.

2). Генералу Смолину в составе сил, определенных моим приказом № 137/А, очистить район озера Ханка от красных. Обеспечивая свой левый фланг у Камня—Рыбаловского, главные силы сосредоточить в район станция Мучная — Вознесенское. Штаб — Гродеково.

3). Генералу Глебову вступить в командование группой, определенной приказом № 137/А, прикрыть район операции на фронте Кон-

дратенково—Ново-Хатуничи—Сучан—Владими́ро-Алекса́ндровское. Штаб — Раздольное. Смену частей, ныне находящихся в Кневичах, Сучане и Влади́миро-Алекса́ндровске, начать немедленно.

4). Генералу Бородину оказать содействие конницей генералу Смолину, сосредоточив главные силы в район Монастырище—Тарасовка. Штаб — Никольск.

5). Всем указанным группировкам выделить немедленно в распоряжение генерала Молчанова партизанские отряды, которые теперь же выдвинуть в нейтральную зону к северу от Спасска. Главная задача партизан: агитация среди красных партизан и войск и пропаганда среди населения в пользу Приамурского Края; захват Штабов и главных советских деятелей. Для облегчения партизанских действий в распоряжение генерала Молчанова назначаю генерала Савельева.

6). Необходимо перевозки выполнить по соглашению с Начвосо и Командующим Сибирской Флотилией.

Требую от всех войск Земской Рати гуманного и братского отношения к населению.

9 августа 1922 г. Владивосток, № 1110/оп. П. П. Воевода Земской Рати, Генерал-лейтенант *Диттерихс*».

В этом приказе обращает на себя внимание новая идея — формирование белых партизанских отрядов. Эта идея, очень хорошая по существу, не имела успеха. Единственный партизанский отряд генерал-лейтенанта Савельева формировался до конца Приморья, где-то на Светланской улице во Владивостоке и эвакуировался вместе со всеми частями, чем доказал свою полную непригодность для партизанских действий. Про личный состав этого отряда за время его пребывания на кораблях не могу сказать ничего хорошего.

Директива № 1123/оп. от 12 августа вносила незначительные изменения в расположение частей и окончательно фиксировала даты сосредоточения и задачи групп. Однако указанных в директивах задач армия целиком исполнить не могла. Дальневосточная казачья группа, расположенная на нашем правом фланге, не могла удержать район, занимавшийся ранее частями 3-го корпуса, поэтому правителем было приказано эвакуировать район Влади́миро-Алекса́ндровское. Вследствие этого побережье всех бухт залива Петра Великого, к востоку от Владивостока, оказалось в руках красных, что не замедлило отразиться появлением мелких банд, начавших тревожить окрестности Владивостока со стороны побережья Уссурийского залива.

Остальные задачи, поставленные группам, были выполнены, причем группа генерала Молчанова сосредоточилась в Спасском районе,

а группа Смолина выполнила ряд удачных операций по очистке от красных района, прилежавшего к озеру Ханка.

До начала эвакуации японцев положение оставалось без перемен. За этот период деятельность флотилии носила очень оживленный характер. Экспедиционный отряд под командованием капитана 1-го ранга Фомина, вышедший из Владивостока 10 июля, находился на побережье, осуществляя порученные ему задачи.

В самом начале похода операция проходила неудачно. Отряд задержался на несколько дней вследствие посадки на мель канонерской лодки «Батарей» в густом тумане у маяка Низменного. Вспомогательный крейсер «Лейтенант Дыдымов» был послан во Владивосток с донесением о посадке «Батарей». В ночь на 24 июля «Батарей» сняли с мели, и отряд из трех кораблей («Батарей», «Охотск», «Илья Муромец») продолжал операцию.

25 июля утром десант был высажен в бухте Агобе, к северу от Тетюхэ, и после короткой стычки занял этот пункт!. Красные отступили, но почти без потерь. Ввиду происшедшей уже эвакуации Ольги начальник отряда не считал возможным развивать операцию в глубь страны, так как это, при малочисленности отряда, означало бы, в лучшем случае, повторение ольгинского сидения.

Он решил оставить временно без внимания совершенно бездорожный район Ольга—Тетюхэ и, пользуясь сильной стороной своего отряда — способностью быстро передвигаться на кораблях, — лишить партизан их материальной базы — побережья Татарского залива. В случае, если красные решили оторваться от своего центра, Ольга—Тетюхэ, и направиться пешком на север, начальник отряда рассчитывал, что при бездорожье и огромных пространствах они не успели бы подойти к крайнему южному пункту района лесных концессий (бухта Терней) ранее трех недель, за каковой срок он полагал возможным не только закончить операцию закрепления за собой всего побережья до Императорской Гавани включительно, но и успеть вернуться к Тернею для встречи красных. Дальнейший ход операций вполне оправдал эти соображения. 27 июля, приняв с берега десант, в полночь отряд вышел на север. За время стоянки в Тетюхэ канонерская лодка «Батарей», давшая сильную течь, очевидно вследствие недавней посадки на мель, была заменена канонерской лодкой «Улисс» из Ольгинского отряда кораблей.

В тот же день, в 7 часов утра, отряд занял бухту и селение Терней; красная милиция бежала. На рейде оказалось несколько японских пароходов, грузившихся лесом, а на берегу шла энергичная работа по порубке и сплаву леса. Японцы, учитывая опыт с «Лейтенантом Дыды-

мовым», не отказывались от уплаты налогов. Ввиду того что правительственные сборы за предстоящий сезон ожидалось в размере нескольких десятков тысяч иен, начальник отряда распорядился оставить в Тернее гарнизон в 50 человек, поставив ему задачу охранять район японских концессий от красных и не дать отрядам района Тетюхэ просачиваться к северу от Тернея. В Тернее оказался единственный оставшийся в распоряжении красных катер «Рында», который и был захвачен нашим отрядом. Предполагалось идти дальше тремя кораблями, оставив «Рынду» в распоряжении гарнизона.

Выполнив разведку ближайшего к бухте Терней района, отряд приготовился к выходу, но разразившийся норд-остовый шторм и авария катера «Рында» задержали отряд и заставили начальника отряда оставить в бухте Терней еще и канонерскую лодку «Улисс».

30 июля начальник отряда с «Ильей Муромцем» и «Охотском» вышел в Императорскую Гавань, занятую, по имеющимся сведениям, красным партизанским отрядом в несколько десятков человек. На рассвете 2 августа база партизан в Императорской Гавани была взята высаженным десантом, причем партизаны, предупрежденные о подходе судов по телефону с входного маяка, бежали, бросив свои семьи и имущество.

Закрепив за собой Императорскую Гавань, начальник отряда на «Илье Муромце» вышел в обход побережья к северу и к югу от Императорской Гавани. На это потребовалось восемь дней. «Охотск» был отправлен на остров Сахалин для приобретения 150 тонн угля, который на этот раз покупался уже на деньги, полученные отрядом от первых правительственных сборов на побережье.

Приведя в порядок северный район, задержав около десяти японских пароходов-хищников с лесом и два незаконных крабовых завода, введя работу чиновников, ранее подчиненных партизанам, в нормальное русло, отряд пошел на юг, по дороге высаживаясь и осматривая важнейшие пункты побережья для выяснения общей картины красной организации и дабы дать возможность следовавшим при отряде чиновникам лесного и рыболовного ведомства получить все необходимые для них сведения.

Во многих местах были обнаружены различного рода незаконные действия японских промышленников, причем иногда приходилось прибегать к репрессиям, так, например, капитан одного японского парохода, отказавшийся заплатить штраф, был арестован и привезен на флагманский корабль, а пароход с посланной на него нашей командой начал сниматься с якоря, чтобы следовать за отрядом. Только тогда у капитана нашлись средства, чтобы заплатить штраф. Вообще, японцы

старались изыскивать все способы, чтобы не заплатить штрафы и налоги, и всячески тянули время.

16 августа отряд прибыл в бухту Терней, где соединился с «Улиссом» и «Лейтенантом Дыдымовым», вернувшимся к тому времени из Владивостока. Начальником отряда были получены сведения, что партизаны в Ольге и Тетюхэ, убедившись, после эвакуации Ольги, в безопасности их базы, выслали сильный отряд на север и что отряд этот подходит к Джигиту. На другой день наш отряд высадился в бухте Джигит с целью атаковать красных, но оказалось, что они уже прошли Джигит в направлении к с. Терней. Ввиду того что с. Терней могло быть легко обойдено красными и они прошли бы в этом случае к северу, где опять нарушили бы уже налаженный порядок, так как отряд имел приказание к 20 августа вернуться во Владивосток, начальник отряда решил перехватить красных до того, как они достигнут разветвления дороги, хотя это и представляло значительные неудобства по причине отсутствия хороших посадочных мест на этом участке побережья и массы прибрежных камней, затруднявших подход кораблей для поддержки десанта артиллерийским огнем.

Последующее столкновение с красными было неудачно для нас. Наш десант (около 80 человек) столкнулся с вдвое сильнеешим противником и отступил к береговой черте, где под огнем противника, преследовавшего его, несмотря на стрельбу кораблей, был принят на гребные суда. В этой стычке был тяжело ранен и взят в плен красными начальник десанта, капитан Егерского полка Шлихлинг, убито трое солдат и несколько ранено. Десант и корабли вернулись в Терней, куда через несколько часов прибыло посыльное судно «Аякс», доставившее начальнику отряда мое предписание, подтверждавшее требование отряду немедленно вернуться во Владивосток. Начальник отряда предполагал выйти на следующий день, дав еще один бой красным, предварительно усилив береговые части судовыми командами, но этому помешало неожиданное обстоятельство.

В 6 часов вечера с моря прибыл японский крейсер «Ниссин», командир которого, через посланного к начальнику отряда офицера, передал, что он, командир «Ниссина», уполномочен японским правительством найти отряд капитана 1-го ранга Фомина, расследовать все случаи конфискации имущества японских рыбо- и крабпромышленников и случаи арестов пароходов и взять к себе все арестованное русскими имущество. Заявив это, офицер передал начальнику отряда «приглашение» командира «Ниссина» прибыть на крейсер. Начальник отряда отказался, сказавшись больным. Тогда ему было настойчиво несколько раз предложено все-таки сесть на японский катер и

следовать на крейсер «во избежание очень плохих последствий». Усматривая в приглашении японцев намерение держать его под арестом на крейсере, пока они будут хозяйничать на отряде, начальник отряда решительно отказался. Тогда японцы заявили, что на этот случай у них есть приказание командира передать, что впредь до выполнения всех требований японского правительства ни один из кораблей русского отряда не будет выпущен с рейда Терней. На это он получил ответ, что русский отряд находится в русских территориальных водах, вне зоны японской оккупации, что начальник отряда не подчинен японскому командиру и не намерен считаться с его приказами и запрещениями и будет руководствоваться только приказами своего командующего флотилией, что приказание адмирала Старка, полученное после полудня, содержит требование отряду вернуться во Владивосток, что начальник отряда и намерен выполнить немедленно по готовности отряда. Далее, капитан 1-го ранга Фомин просил передать командиру крейсера, что русский правительственный отряд находится в борьбе с красными, подступившими к Тернею, что ультиматум японского правительства, связывающий действия русского отряда, является косвенным вмешательством во внутренние дела русских и что поэтому он возлагает на японское правительство ответственность за те материальные убытки, которые японские лесопромышленники, уплатившие сборы русскому правительству, понесут, когда красные заставят их уплатить те же сборы вторично.

Японцы уехали к себе. Начальник отряда распорядился немедленно снять десант с берега и, созвав командиров, приказал им:

1. Немедленно прогреть машины и приготовиться к съемке с якоря, разъяснив офицерам и команде создавшееся положение и необходимость поддержания чести флага, не останавливаясь ни перед чем.

2. В случае приближения шлюпок с вооруженными японцами сниматься и уходить, ни при каких обстоятельствах не открывая огня по японцам и, в случае открытия огня ими, быть готовыми на все.

3. В дальнейшем, в случае потопления кораблей, пробираться во Владивосток на своих шлюпках или, в случае гибели их, пользуясь местными крестьянскими лодками.

Для спасения людей, шлюпок и оружия было разрешено кораблям, после открытия огня «Ниссином», выбрасываться на берег.

Через некоторое время на «Илью Муромца» (флагманский корабль) прибыли те же японские офицеры и в очень вежливых тонах передали от имени командира крейсера, что он очень сожалеет, что начальник отряда нездоров, что командир очень желает ему скорейшего выздоровления и, зная, что русские корабли давно из Владиво-

стока, он очень просит начальника отряда принять подарок (две бутылки коньяку), каковой, если пить его с чаем, очень хорошо помогает от простуды. После долгого обмена всякими любезными фразами подарок был принят, и тогда перешли к делу. Японцы заявили, что командир отлично понимает всю трудность положения, в котором оказался начальник отряда, но что и он сам в безвыходном положении вследствие категорического приказаания его правительства. Что поэтому он просит составить согласительную комиссию, чтобы решить дело миром. Далее они передали, что запрещение выхода кораблей с рейда — недоразумение, случившееся вследствие неточности перевода, что все корабли свободны идти куда угодно и что японцы совершенно не имели в виду вмешиваться во внутренние русские дела.

Наши представители — чиновники обоих ведомств и один из командиров судов — на вельботе с «Муромца» отбыли на «Ниссин», где состоялось совещание под председательством командира крейсера, капитана 1-го ранга Мори. В дальнейшем было выработано, что вопрос о действиях японских рыбопромышленников, работавших на основании разрешений, выданных официально японским правительством, и об аресте имущества в целом подлежит разрешению путем соглашения между русским правительством во Владивостоке (временное приамурское правительство до этого времени усиленно, но безуспешно добивалось, чтобы японцы вступили с ним в переговоры по вопросу об эксплуатации рыболовных участков) и японским правительством, что поэтому сейчас этот вопрос остается открытым. Арестованное имущество, находящееся на военных кораблях, ни осмотру, ни сдаче не подлежит (равно как взысканные денежные штрафы) и будет доставлено русскими во Владивосток, где будет храниться до решения дела между правительствами. Часть арестованного имущества, находившегося на транспорте «Охотск» (вольнонаемный капитан, личный состав и флаг не военный), будет передано в распоряжение командира «Ниссина», чтобы, с одной стороны, спасти его лицо перед японским правительством и карьеру, как он говорил, с другой же стороны, чтобы дать японцам обеспечение, что в дальнейшем при разрешении спора обе стороны будут в равно благоприятных условиях. Командир крейсера должен был выдать расписку в приеме имущества с обязательством хранить его до рассмотрения вопроса вышеуказанным порядком. Начальник отряда не считал возможным проявить еще большую неуступчивость, опасаясь испортить отношения нашего правительства с японцами, от которых так много зависело, и утвердил соглашение. Все это затянулось до глубокой ночи, причем наши представители несколько раз возвращались к начальнику отряда за инструкциями.

Таким образом, время было потеряно, почва для дальнейших действий была поколеблена, люди устали; начальнику отряда не оставалось ничего другого, как возвращаться во Владивосток с докладом о всем случившемся.

В 6 часов утра 19 августа, без всякого предупреждения японцев, отряд, кроме «Охотска», снялся с якоря, причем «Улисс», «Лейтенант Дыдымов» и «Рында» с ротой десанта вышли на север с задачей поддерживать базу в Императорской Гавани и заслон к северу от Тернея и, таким образом, сохранить в наших руках весь район побережья до Амурского лимана.

Начальник отряда с «Ильей Муромцем» и «Аяксом» вышел во Владивосток, а «Охотск» задержался на один час, чтобы выполнить соглашение с японцами. Вся работа по выгрузке и доставке на крейсер была выполнена японской командой. Командир «Ниссина» выдал в приеме имущества требуемую соглашением расписку.

Каковы были дальнейшие переговоры между генералом Дитерихсом и японцами, я не знаю, но через несколько дней я получил приказание временно прекратить репрессии по отношению к японским рыбопромышленникам, имеющим разрешение на рыбную ловлю от японского правительства. По-видимому, генерал Дитерихс придерживался другой точки зрения, чем бывшее приамурское правительство, которое видело в присвоении японским правительством прав, принадлежащих русской власти, опасный прецедент и предписывало поступать с захватчиками по букве закона, не считаясь с нашей слабостью. Характерно, что этот инцидент нисколько не отозвался на отношении к нам японских моряков.

20 августа начальник отряда с «Ильей Муромцем», «Аяксом» и «Охотском» вернулся во Владивосток. Через несколько дней вернулся и вспомогательный крейсер «Лейтенант Дыдымов».

Экспедиция, за неполный месяц работы, доставила 80 тысяч иен в кассу государства. Правитель разрешил мне эти деньги и все, какие будут получены с побережья вновь, расходовать целиком на содержание флотилии, сообщая министру финансов лишь количество полученных сумм и передавая ему и соответствующим ведомствам приходные документы, которые должны были сравниваться с отчетами, доставляемыми соответствующими чиновниками с места.

На эти деньги и на те, что получились потом, были срочно отремонтированы корабли, нуждавшиеся в ремонте, пополнено частично самое необходимое в обмундировании личного состава, выдавалось жалованье личному составу, уходившему в экспедиции (всем платить все так и не удавалось), и проч. Всего, таким образом, через кассу

флотилии прошло свыше 200 тысяч иен. Это обстоятельство сыграло впоследствии почти решающую роль, когда флотилии пришлось готовиться к эвакуации Владивостока.

Кроме того, японскими концессионерами, опасавшимися отмены правительством выданных им концессий, было внесено в кассу министерства финансов во Владивосток около полумиллиона иен просроченных платежей.

* * *

Канонерская лодка «Магнит» еще до событий 1—11 июня, совершенно готовая к походу на север, продолжала стоять на рейде Владивостока, ожидая приказа об отходе со дня на день. Задержка происходила вследствие неготовности гражданской администрации и отсутствия воинского отряда, способного заменить неудовлетворительный гарнизон Петропавловска, а также из-за недостатка средств на общие расходы по операции. По моему плану уход «Магнита» должен был явиться началом всей Камчатско-Охотской операции, для которой я предназначал «Магнит», «Батарею», «Охотск» и два парохода Добровольного флота.

Совершенно неожиданно для меня правительство, не находя еще достаточных средств для начала Камчатско-Охотской операции, решило использовать готовый к плаванию «Магнит» для другой цели. Дело было в том, что Управление делами Добровольного флота во Владивостоке обратилось к правительству с просьбой о посылке военного корабля в китайский порт Чифу для приведения в повиновение взбунтовавшейся против капитана парохода «Ставрополь» команды и для конвоирования парохода во Владивосток.

Я лично не сочувствовал этой операции, считая действия военного корабля непризнанной державы в чужом порту весьма рискованными, не надеясь на успех и не видя такой ценности для нас в увеличении судового состава Добровольного флота на один пароход, которая оправдывала бы риск и расходы. Но правительство настаивало, и в результате «Магнит» был послан в Чифу с категорическим предписанием занять «Ставрополь» военным караулом, арестовать зачинщиков бунта и доставить пароход во Владивосток.

28 июня «Магнит» вышел из Владивостока и на рассвете 5 июля вошел в порт Чифу, где немедленно ошвартовался к борту «Ставрополя», высадив на него караул. К сожалению, часть команды «Ставрополя» с одним из помощников успела бежать в шлюпке на берег, где предупредила китайских властей о приходе и намерениях «Маг-

нита». Явившиеся таможенные и портовые власти (англичане на китайской службе) требовали сначала выхода корабля из гавани, ввиду несоблюдения им формальностей, но, ознакомившись с особенностями поручения, данного «Магниту», разрешили ему оставаться в гавани. Выяснилось также, что «Ставрополь» в отношении таможни чист к выходу из гавани.

Однако дальнейшие переговоры командира с местным китайским губернатором выяснили, что китайцы считают приход «Магнита» без предупреждения нарушением суверенитета Китая, что «Ставрополь» они не выпустят, а наоборот, требуют ухода «Магнита» в 24-часовой срок.

После этого командиру «Магнита» было прислано уведомление и от портовых властей, что, вследствие распоряжения губернатора, «Ставрополь» не может быть выпущен из порта. Ввиду наличия на рейде двух китайских крейсеров и предупреждения, полученного командиром от лояльного управления местного агента Добровольного флота в том, что все китайские чиновники на берегу подкуплены большевиками и настроены крайне враждебно к «Магниту», командир последнего, лейтенант Дрейер⁵⁶⁴, снял караул со «Ставрополя» и в полночь вышел с рейда. Враждебность китайской администрации получила подтверждение в том, что ими был арестован командир «Ставрополя» при съезде его на берег, и в том, что по снятию нашего караула со «Ставрополя» туда был немедленно прислан взвод китайских солдат с пулеметом.

11 июля «Магнит» вернулся во Владивосток, сделав, таким образом, бесполезный поход в 2290 миль. Можно считать, что в этой операции командиром «Магнита» не было проявлено исключительной решительности, но и допустимо также, что, если бы лейтенант Дрейер действовал абсолютно не считаясь с требованиями китайцев, последствия для корабля были бы очень печальны. Поэтому я не счел возможным винить командира за неудачную операцию, отнеся всю ответственность на долю неправильного освещения обстановки, данной Управлением Добровольного флота.

Обзор операций и походов, выполненных кораблями флотилии за рассматриваемый период, устанавливает, таким образом, очень оживленное движение всех находившихся в строю судов. Нужно сказать, что всю эту службу выполнял личный состав, получавший изредка ничтожные пособия вместо положенного содержания, одетый ниже всякой критики, плохо питаемый за недостатком средств. При этом корабли, не всегда имевшие должный ремонт и снабжение для плавания, зачастую терпели поломки механизмов в море и иногда оказывались в опасном положении.

Личный состав действительно делал все, что мог, безропотно и с полной самоотверженностью. Чтобы несколько вознаградить команду судов за службу, я обратился к председателю правительства со следующим секретным рапортом:

«11-го июля 1922 г. Секретно.

Председателю Временного Приамурского правительства

РАПОРТ

В подтверждение моих словесных докладов вновь докладываю Вашему Превосходительству о необходимости теперь же изыскать средства для оплаты жалования за 1 месяц всем военным служащим вверенной мне флотилии.

Со времени последней выдачи небольшой суммы в счет жалования (около 50 проц. месячного оклада) перед Пасхой прошло три месяца.

За это время обмундирование изнашивается окончательно, у каждого накопились самые неотложные нужды, которые удовлетворить нечем. В то же время появились причины, возбуждающие недовольство в командах. За время событий с 1 по 11 июня бунтовавшие части получили от своих главарей деньги и открыто хвастались перед матросами этим.

Чины Флотилии, за исключением десантной роты, стоявшей в карауле в доме Правительства, не получили ничего в счет жалования. Исключение, сделанное для Десантной Роты и некоторых кораблей, предназначенных для дальних походов, усугубляют недовольство.

На почве этого недовольства, при общей полной обездоленности, началось усиленное заявление пока еще одиночных претензий, на которые командиры не имеют ответа. Развилась наглость вербовщиков-провокаторов, вербующих к мифическим Чжан-Цзо-лиам и Унгернам, и одиночное бегство с Флотилии лучшего элемента команд — месопотамцев⁵⁶⁵.

Докладываю о таких симптомах совершенно откровенно, ибо не привык скрывать правду. Все это еще не отражается ни на службе, ни на боеспособности Флотилии, так как самоотверженные усилия офицерства и лучших частей команд еще довлеют над настроениями, порождаемыми отчаянными условиями существования, но не нужно забывать, что Флотилия, нарушившая в корне все планы большевиков и большевистствующих, со времени последних событий является объектом напряженнейших усилий местных коммунистов, направлен-

ных к развалу ее личного состава. До сих пор все эти усилия абсолютно тщетны, и таковыми, надо надеяться, будут и впредь, но никто не может угадать момента, в который психология масс совершает свой перелом, переходит предел моральной упругости, — и тогда возврата нет.

Маленькое поощрение в наше время в виде удовлетворения минимальных потребностей составляет надежный щит против всяких тлетворных влияний, посему усердно ходатайствую, чтобы данное мне Вашим Превосходительством и неоднократно подтвержденное обещание о выплате месячного оклада жалования военнослужащим чинам Флотилии было исполнено по возможности теперь же.

На сие требуется отпуск пятнадцати тысяч рублей.

П. п. Контр-адмирал *Старк*».

Рапорт этот свидетельствует сколь нелегко было в то время хлопотать для строевых чинов флотилии жалованье за один месяц. Просьба моя на этот раз была уважена.

В начале июля, в стремлении добиться планомерности в работе флотилии, я вновь подал командующему войсками и флотом оперативный доклад, в котором представил несколько видоизмененный план Охотско-Камчатской операции и настаивал на скорейшем осуществлении его, а также на необходимости, удерживая Ольгу, срочно приступить к очистке побережья Татарского пролива от красных.

В подкрепление этого доклада 6 июля я подал генералу Дитерихсу следующий доклад:

Командующий Сибирской флотилией
Секретно. 6 июля 1922 г.
№ 481/оп. г. Владивосток

ДОКЛАД

В дополнение к моему оперативному докладу от 3-го сего июля за № 470/оп., считаю необходимым добавить следующие мои соображения, указывающие на необходимость самого срочного исполнения намеченной и принципиально одобренной Вашим Превосходительством операции.

В последнем донесении контрразведки штаба флотилии, в котором приводятся инструкции, полученные приморскими коммунистами от центра, имеется следующий абзац: «Районным десятникам приказано: поставить всех членов партии в известность о необходимости пре-

кратить всякую агитацию против японцев и в районе расположения японских войск впредь ничего не предпринимать.

В тех же местностях, где японских войск нет, и, в частности, в районе Св. Ольги, со стороны партизанских отрядов в самом ближайшем будущем будут предприняты активные действия. Приказано всем коммунистам обратить особое внимание на Каппелевскую армию, содействовать всеми силами тому, чтобы там началось брожение».

Сие указывает на то, что начавшиеся около Ольги стычки не случайность, а следствие начатого и проводимого в жизнь коммунистами плана и что следует ожидать вскоре сильного нажима на Ольгу. Единственным правильным, с моей точки зрения, приемом для парализования этого плана красных и для перехода инициативы действий в наши руки был бы немедленный разгром красных в Тетюхе и по всему побережью до Императорской Гавани.

С этим надо торопиться еще и потому, что есть опасность, что не сегодня завтра начнутся новые переговоры Читы с японцами, тогда корабли с десантом могут не выпустить из Владивостока; для нас же при всякой стадии переговоров и при всяком политическом и военном положении Владивостока важно иметь побережье в своих руках.

Сейчас есть несколько пунктов, занятых нами, а именно: Петропавловск-на-Камчатке, Охотское побережье, Ольга, устье реки Сучана и Владивостокский район. Надо сделать так, чтобы части побережья, лежащие между этими пунктами, были бы как можно скорее в наших руках. Тогда красным будет труднее стовариваться с японцами, а последним будет труднее не платить в нашу казну причитающихся ей сборов.

П. П. Контр-адмирал *Старк*. Нач. штаба, кап. 1 р. *Фомин*.
Флаг-капитан по Операт. части, кап. 2 р. *Гарковенко*.

В результате этих докладов было решено: 1) ускорить отправку канонерской лодки «Магнит» в плавание на Камчатку на три месяца, то есть до конца октября, 2) подготовить и отправить туда же, на пароходе Добровольного флота, новый гарнизон и новую администрацию, а также запасы угля и продовольствия, 3) срочно подготовить и выслать отряд из четырех кораблей с достаточным десантным отрядом для разгрома красных, упорядочения дела охраны рыбных и лесных промыслов и укрепления власти правительства на побережье к северу от Ольги, и 4) по выполнении последней операции снарядить отправку на побережье Охотского моря вновь сформировавшегося для действий в Якутской области отряда генерала Пепеляева.

В порядке осуществления этого плана 14 июля мною был отдан следующий оперативный приказ № 570.

Секретно-оперативно.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИЕЙ

№ 570

14 июля 1922 г., г. Владивосток

Приказанием Командующего Войсками и Флотом Вр. Приамурского Правительства, сообщенного в надписи его Начальника Штаба от 10 сего июля за № 0928/оп., на меня возложена задача организации и общего руководства операцией, имеющей целью очищение от красных побережья в районе Тетюхэ — Императорская Гавань и восстановление нормального государственного порядка в этом районе.

В состав отряда, назначенного для операции, кроме тех сил, кои будут выделены во исполнение этого приказа из состава вверенной мне флотилии, Командующим Войсками и Флотом назначены: рота резерва милиции — 100 штыков и рота пограничной стражи — 100 штыков.

Во исполнение вышеуказанного приказываю:

Сформировать экспедиционный отряд в составе:

1. Кораблей: к/л. «Батарея», к/л. «Илья Муромец», всп. кр. «Лей-Дыдымов» и тр. «Охотск».

2. Отдельного экспедиционного батальона из трех рот:

а. Рота Морских Стрелков 100 шт.

б. Рота Резерва Милиции (Егерск. полк) 100 шт.

в. Рота Пограничной Стражи 100 шт.

Назначаю Начальником Экспедиционного отряда Начальника моего Штаба, капитана 1 р. Фомина, Командиром Отдельного Экспедиционного Батальона, Командира Отдельной Роты Морских Стрелков Подполковника Цимбалова, с подчинением последнего во всех отношениях Начальнику Экспедиционного Отряда — обоим с оставлением в занимаемых должностях.

Предоставляю Начальнику Экспедиционного Отряда на время похода права младшего флагмана, согласно ст. ст. 119—130 кн. X Св. Мор. Пост. изд. 1914 г.

Начальнику Экспедиционного Отряда поднять брейд-вымпел штаб-офицера, командующего отрядом судов на к/л «Батарея» с

момента выхода с Владивостокского рейда и нести его во время похода до возвращения на Владивостокский рейд.

Отряду выступить в поход в кратчайший срок.

П. п. Контр-адмирал *Старк*.

Вследствие неготовности сухопутных частей десантного отряда, не получивших своевременно обмундирования, экспедиционный отряд вышел в море лишь 20 июля, причем назначенная в поход рота пограничников, по неизвестным мне причинам, в поход не выступила, а рота егерей оказалась далеко не в полном составе. Таким образом, силы десантного отряда были уменьшены наполовину.

Отданный одновременно с приказом об экспедиции приказ командующего войсками о немедленной эвакуации Ольги совершенно расстраивал весь план, ибо отряду в 170 человек надлежало теперь выполнить задачу, бывшую не по силам вдвое сильнейшему гарнизону Ольги, все действия которого в течение четырех месяцев свелись лишь к обороне поселка Ольга. Описание действий экспедиционного отряда приведу позднее. Нужно отметить, что распоряжение об эвакуации Ольги, столь несвоевременное, являлось следствием крайнего морального утомления войск гарнизона и полной невозможности послать ему смену; до такой степени упала к этому времени дисциплина в армии.

Вот один из приказов командующего войсками и флотом, относящийся до того времени и являющийся наглядным доказательством только что сказанного:

Секретно-Срочно.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ И ФЛОТУ ВР. ПРИАМУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

№ 98/А

19 июля 1922 г., г. Владивосток

Ввиду поступавших ко мне донесений о переутомлении Сибирского казачьего полка и Амурского казачьего дивизиона службой в деревне Кневичи, мною было приказано Комкору I сменить названные части и по оперативным соображениям разместить их в Раздольном, куда перевести и их хозяйственные части из Владивостока.

Вызывающийся этим распоряжением расход в 200 р. за казарменные приспособления был отпущен мною в распоряжение Комкора I.

Командир Амурского казачьего дивизиона, Полковник Рубинов, уклоняясь от точного выполнения моего оперативного приказа, позволил себе возбудить в незаконном порядке ходатайство о перемещении дивизиона во Владивосток, за что и был отрешен мною от командования.

Сегодня я узнал, что полковник Рубинов, преступно возмущив Амурской дивизион, отказался от следования в Раздольное и решил двинуться во Владивосток. Попытка возмутить к тому же неповиновению Сибирский казачий полк не удалась, и названный полк, за исключением командира полка, Полковника Солнцева, направился, как честная и доблестная воинская часть, в Раздольное, во исполнение оперативного приказа. Полковник Солцев, по-видимому, примкнул к мятежной толпе полковника Рубинова. Вследствие сего приказываю:

А. Комкору 3:

1) не допустить мятежников во Владивосток и, разоружив, водворить их в Раздольное;

2) полковников Рубинова и Солнцева арестовать и доставить в Раздольное.

Б. Комкору I срочно передать дело о полковниках Рубинове и Солнцева военному следователю для производства дознания в срочном порядке. В отношении всего Амурского казачьего дивизиона произвести дознание на предмет выделения зачинщиков и передаче о них дела также военному следователю.

В. Коменданту крепости Владивосток также в срочном порядке произвести дознание о причинах невыполнения хозяйственными частями Сибирского казачьего полка и Амурского казачьего дивизиона переезда в Раздольное и принять меры к немедленной перевозке их в Раздольное.

Г. Об исполнении настоящего приказа мне донести.

П. п. Генерал-лейтенант *Дитерихс*.

За Начальника Штаба, Генерального Штаба Полковник *Озолин*.

Штаб войск в этот период был занят исключительно выработкой компромиссов, способных примирить начальников отдельных войсковых частей, за время смуты брошенных в противоположные лагеря. Многочисленные приказы о перемещении частей вызывались стремлением сохранить внутренний мир в армии.

При таких обстоятельствах я не ожидал более возможности выделения какой-либо части для отправки на Камчатку и с разрешения командующего войсками приступил к формированию еще одной роты

Морских Стрелков (такого же взгляда придерживался, по-видимому, и командующий войсками, так как им было разрешено генералу Пепеляеву формировать особый отряд северной милиции, предназначенной к отправке на Охотское побережье для содействия повстанцам Якутской области). Ввиду того что формирование должно было занять большой срок, я настоял на немедленной отправке канонерской лодки «Магнит» в плавание на Камчатку, так как наши промыслы там находились без всякой охраны.

22 июля «Магнит» вышел на Камчатку. На нем были посланы чины Управления рыбными и звериными промыслами, новый командир и часть офицеров и команды для «Свири», стоявшей в Петропавловске. Приказом командующего войсками «Свирь» возвращалась в состав флотилии.

Приостанавливая на этом описание оперативной деятельности флотилии, перехожу к изложению политических событий, имевших место во Владивостоке в конце июля и начале августа.

Земский собор

В конце июля состоялся созыв Земского собора, постановления которого положили начало последнему периоду существования национальной власти в Приморье — периоду военной диктатуры.

Земский собор открылся 24 июля. Первые его заседания, обставленные торжественно, произвели очень хорошее впечатление. Население проявило, несомненно, большой интерес к деятельности Собора.

Но уже вскоре обнаружилось, что Собор находится в руках небольшой группы лиц, выделившейся из рядов несоциалистов и организовавшейся еще до Собора. Эта группа была явно антимеркуловского направления и имела за собой поддержку некоторых военных членов Собора — представителей частей еще недавно бунтовавшей против правительства группы войск.

Присутствие на Соборе представителей реальной силы не могло не связать судьбу решений Собора с настроениями армии, поэтому, когда часть ее представителей, за кулисами Собора, связалась с группой политических деятелей, организовавшейся с целью управлять работой Собора, все дальнейшее стало в зависимость от способности командующего войсками и флотом сдерживать подчиненных ему начальников настолько, чтобы оградить свободу постановлений Собора от закулисных влияний, тем более внушительных, что не так давно было продемонстрировано, какие потрясения мо-

жет принести государству неудовлетворение затаенных чаяний этих людей.

Командующий войсками и флотом, генерал Дитерихс присутствовал на Соборе в качестве члена его. В неоднократных своих разъяснениях по поводу участия в Соборе представителей войск генерал Дитерихс указывал, что только он один имеет право адресоваться с речами к Собору. Этим он хотел создать единство голоса армии и устранить закулисные влияния, но запрещение произносить речи в общих собраниях не могло помешать высказывать свои суждения и требования в кулуарах, каковые разговоры, как известно, часто имеют большее значение, чем речи с трибуны.

Этим не замедлили воспользоваться те, кому это было удобно, а именно представители так называемых «молчановцев» и «смолинцев». Генерал Дитерихс пытался принимать против них крутые меры, но это мало устрашало их, так как они были слишком уверены в своих прошлых заслугах и знали, что репрессии могут носить лишь очень легкий характер.

Представители других частей войск не могли служить противовесом этим интригам, так как у них не было и не могло быть выработано общей уговоренной политической платформы. Исполняя требования командующего войсками и флотом, все они ожидали, что мнения и желания армии и флота будут высказаны им самим. Так же относились к этому вопросу я и представители флотилии.

Между тем политические чаяния групп войск, возглавляемых генералами Молчановым и Смолиным, определились к тому времени совершенно ясно, это была «военная диктатура». «Довольно подчиняться пиджакам!» — был их наиболее часто произносимый лозунг. Подобное стремление организованного меньшинства Собора к установлению единоличной власти явно имело все шансы на успех, при обозначавшемся уже к тому времени искреннем монархическом настроении подавляющего большинства членов Собора. Дальнейшие манипуляции этой группы политических деятелей делаются понятными.

Прежде всего работе Собора не было придано никакой стройности. Не было политической секции или какой-либо комиссии, обычно вырабатывающей план работы для многочленных собраний. Возможно, что подобная секция работала за кулисами Собора, но она не была им избрана. Все вопросы решались и разбирались общим собранием, что вносило сумбур в работу Собора и приводило к совершенно неожиданным для неорганизованного большинства решениям.

По указу правительства Собору предстояло две задачи:

1. Заслушать и обсудить доклад временного приамурского правительства.

2. Избрать верховную власть.

Если бы Собор встал на эти рельсы, то естественно, что при внимательном обсуждении докладов правительства о его деятельности за минувшие полтора года и изучении всех особенностей политической обстановки Приморья новые вехи по вопросам: 1) дальнейшего политического устройства Приморья и 2) дальнейшей борьбы с большевиками, поставленные Собором, — находились бы в эволюционной связи с работой первого несоциалистического съезда и с работой правительства, вышедшего из его недр. При таких условиях существенные недостатки старого правительства были бы исправлены, а его разумные мероприятия и предположения были бы заимствованы новой властью.

Земский собор, руководимый группой безответственных политических деятелей антимеркуловского направления, поддержанных представителями части вооруженных сил, еще не вполне остывших от только что минувшего бунта, стал на совершенно другую дорогу. Доклад правительства был заслушан, но не обсуждался, вследствие заявления генерала Дитерихса, что он, будучи одновременно и членом Собора, и лицом, подчиненным правительству, не мог бы участвовать в обсуждении доклада. Заявление генерала многими приветствовалось, ибо оно избавляло правительство и военное командование от возможных резких нападков и избавляло присутствующих от неприглядной картины, которую мог бы явить Собор в результате возможного вскипания страстей. Эта опасность, однако, могла бы быть избегнута совершенно другим способом, без отказа от обсуждения итогов работы правительства.

В действительности такое поверхностное отношение Собора к докладу правительства попросту ставило крест над всей минувшей работой национальной несоциалистической власти, не подведя итогов, достигнутых освободительным движением, и переворачивало страницу истории Приморья, открывая новый лист, на котором не было написано ничего.

После этого Собор окончательно оторвался от прошлого и, приняв на себя не принадлежавшие ему по смыслу указа о его созыве функции Учредительного собрания, занялся, по предложению той же группы, обсуждением вопросов о том, какая должна быть верховная власть в Приморье. Провозгласив безусловно приемлемые для всех членов Собора монархические лозунги, Собор вслед за тем по-

становил просить в Приморье кого-либо из Великих Князей Дома Романовых, чтобы открыто возглавить с востока всенародное движение. Впредь же, до приезда Царственного возглавителя, единоличная власть в Приморье должна была быть вручена кому-либо на правах наместника.

В дальнейшем дело свелось к выбору наместника. Все голоса сошлись на кандидатуре находившегося в Харбине бывшего Приамурского генерал-губернатора, популярного Н.А. Гондатти⁵⁶⁶, молчание которого на телеграфный запрос председателя правительства о приемлемости для него этой должности давало повод говорить о его согласии, что еще при обсуждении вопроса о необходимости единоличной власти оказывало значительное влияние в пользу этого течения. Одним из высших аргументов защитников идеи единоличной власти было то утверждение, что будто бы Н.А. Гондатти не пойдет работать в составе директории. К тому же и войско в лице генерала Дитерихса настаивало на скорейшем выставлении кандидатуры Н.А. Гондатти. При таких настроениях оставалось только голосовать за единоличную власть и за Н.А. Гондатти, как кандидата на пост наместника.

Председатель правительства С.Д. Меркулов отказался выставить свою кандидатуру. Кроме Н.А. Гондатти, была выставлена только кандидатура генерала Дитерихса. В самый последний момент перед избранием правителя пришло известие о решительном отказе Гондатти от выставления своей кандидатуры. Собору предстояло высказаться по поводу кандидатуры генерала Дитерихса. В заседании 6 августа Земский собор единогласно избрал генерала Дитерихса правителем. Налицо была военная диктатура.

Зная лично многих политических деятелей Приморья, я могу констатировать, что как самое установление института военной диктатуры, так и выбор диктатора явились для многих неожиданными. Но как раз противниками этих решений были люди, искренними стремлениями которых были сохранение единства в среде национальных сил и лояльность всякой законно избранной национальной власти. Поэтому осуществленная таким образом военная диктатура ни с чьей стороны не встретила ни возражений, ни противодействия.

Благими последствиями возникновения военной диктатуры были:

1) восстановление единства в среде национальной общественности,

2) успокоение умов в армии, что позволило генералу Дитерихсу в сравнительно короткий срок восстановить, до известной степени, дисциплину в среде высшего военного сухопутного командования и вер-

нуть армии ее оперативную гибкость. Все эти плюсы новой структуры власти были внутреннего порядка.

Дурные же последствия отчаянного шага Земского собора почувствовались во внешних делах нашего государства и были гораздо более значительны. Они привели все дело к катастрофе.

Дело в том, что ни для кого не было тайной, что Приморье могло сохранить свою независимость только при наличии японской охраны, в виде ли штыков, действительно находящихся на границах области, в виде ли оговорки в договоре между японцами и Советской Россией, по которой предусматривалось бы создание независимого буфера. Все это было осуществимо постольку, поскольку в Японии военная партия перед лицом своих политических противников оказывалась богатой доказательствами разумности и справедливости сохранения независимости от большевиков русского Приморья.

В течение 1921-го и начала 1922 года наличие в крае Народного собрания, избранного населением свободно, применимо к существующим в других странах пресловутым демократическим нормам, поддержка, оказанная Народным собранием правительству, резолюция протеста против представительства большевиками интересов русского народа на Гаагской и Генуэзской конференциях, вынесенная Собранием, резолюция Собрания об оказании всемерной поддержки армии белоповстанцев во время Хабаровского похода⁵⁶⁷ и при отсутствии армии — все это были большие козыри в руках японских военных кругов, чтобы доказывать справедливость сохранения оккупационных войск, обеспечивающих желаемую самим русским населением независимость края от Советской России.

Борьба с красными в тыловом районе

В тыловом районе, подведомственном мне, весь сентябрь и начало октября велась упорнейшая борьба с красными. В противоположность многим минувшим периодам борьбы с большевиками мы на этот раз, имея совершенно ничтожный гарнизон во Владивостоке, очень мало беспокоились за безопасность его, хотя было известно, что восстание во Владивостоке было бы очень на руку большевикам. Дело было в том, что в случае захвата большевиками Владивостока извне по праву войны поднимался вопрос о праве их на захват военных грузов. По отзывам иностранной прессы, захват Советской Россией такого громадного количества запасов вооружения представлялся державам, еще не признавшим тогда большеви-

ков, опасным и мог поэтому приобрести международное значение. Большевикам было бы кстати разрешить этот вопрос путем внутреннего переворота во Владивостоке, чтобы поставить иностранцев перед фактом падения белого правительства по воле самого революционного народа. Но их организации во Владивостоке были слишком слабы. Население, относившееся пассивно к факту возможного завоевания, не склонно было помогать большевикам. Благодаря хорошо поставленному делу контрразведки мы были осведомлены о каждом их собрании, каждом решении и движении в городе. В этом отношении моя осведомленность как начальника тыла базировалась главным образом на сведениях, полученных контрразведкой флотилии, работа начальника коей, штабс-капитана по адмиралтейству Федулenco, была поистине мастерской.

Зато в остальных районах тыла было крайне неспокойно. Даже Посьетский район, до тех пор считавшийся образцовым, начал причинять мне крупные беспокойства. С уходом японцев с охраны Уссурийской дороги, таковая охранялась только нашими частями, главные силы которых были оттянуты на фронт. Это вызвало ряд взрывов партизанами железнодорожных мостов, порчу пути, а затем, убежденные в своей относительной безопасности, партизаны начали просачиваться к югу от железной дороги с целью грабежа еще достаточно богатого Посьетского района. Это вызвало настоящую панику в населении и могло бы закончиться переходом значительной части корейского населения района на сторону красных, что составляло угрозу тылу армии тем более, что масса корейцев имели оружие, выданное им противохунхузической организацией Янковских.

В первый момент для борьбы с распространением партизан, появившихся около 6 сентября в виде отряда в 90 человек при пулемете, я мог двинуть только сборный десантный отряд из матросов ремонтирующихся судов около шестидесяти штыков, каковой и был высажен в тот же день в Сидими. Задержав дальнейшее распространение партизан и убедившись, что ни из гарнизона Владивостока, ни из армии я не мог получить подкрепления, я поручил полковнику Вишневскому сформировать партизанский русско-сербский отряд. Этот офицер оказался очень энергичным человеком и в недельный срок собрал больше 25 добровольцев сербов и русских и 12 сентября был высажен с отрядом в Сидими на подмогу отряду матросов. Партизаны, не приняв боя, ушли к северу в направлении к китайской границе.

Ожидая их нового появления, я уговорил начальника резерва Рати, мне неподчиненного, дать в мое распоряжение 100 человек от Ура-

ло-Егерского отряда⁵⁶⁸ (единственная боевая часть во Владивостоке), а также уже в виде личной услуги выпросил у правофланговой группы войск (генерал-лейтенант Глебов) конный взвод казаков в 20 человек.

Когда 20 сентября партизанский отряд уже в количестве 200 человек с пулеметами вновь появился в районе Сидими, все эти силы были при помощи ледокола «Байкал» и посыльного судна «Страж» переброшены на западный берег Амурского залива. Правда, партизанам благодаря оплошности начальника сводного отряда удалось ускользнуть от преследования, но после этого они перестали тревожить Посъетский район, который я опять был вынужден оставить без защиты. Борьба за охрану побережья Татарского пролива продолжалась непрерывно, отвлекая на себя почти что все силы флотилии.

Предполагавшееся в конце августа окружение красных в районе бухты Терней при помощи отряда генерала Пепеляева не удалось вследствие нерешительности последнего. Командир канонерской лодки «Илья Муромец», производивший разведку для этого отряда, имея мои инструкции по выполнению операции у Тернея, следовал на север для установления связи с канонерской лодкой «Улисс» и гарнизоном Императорской Гавани и по отбытии отряда генерала Пепеляева 1 сентября вышел из бухты Джигит на север. 2 сентября «Илья Муромец» встретил «Улисса» около Самарги. Выяснилось, что отряд партизана Колесниченко, выбитый в начале августа из Императорской Гавани, после долгих скитаний по лесам спустился на юг и занял не охранявшуюся нами бухту Гросевича (80 миль к югу от Императорской Гавани).

Командир канонерской лодки «Илья Муромец», старший лейтенант Буцкой, коему моим приказом были временно предоставлены права начальника экспедиционного отряда, решил снять гарнизон из Самарги и совместно с «Улиссом» выбить партизан из бухты Гросевича. В ночь на 3 сентября суда подошли к бухте Гросевича.

Первая попытка высадки была отбита партизанами с потерями для нас — убит один матрос, ранен один офицер и четыре стрелка. Переменив несколько место, произвели высадку вторично, и на этот раз удачно. Деревня Гросевича была занята нами. Разведка донесла, что отряд Колесниченко, сильно уменьшенный численностью, отправился вдоль берега на юг с целью соединиться с отрядом Назаренко, двинувшимся из Тернея на север. Четыре партизана из отряда Колесниченко сдались добровольно начальнику гарнизона бухты Гросевича. Оставив гарнизон в бухте Гросевича, канонерская лодка «Илья Муромец» вышла во Владивосток для доставки раненых. Таким образом,

район побережья, находившийся под нашей охраной, вновь сократился и простирался теперь от бухты Гросевича на север до мыса Сизиман, где начиналась зона японской оккупации.

Исследовав создавшееся положение, я пришел к заключению, что при данном соотношении сил я не мог рассчитывать в короткий срок изгнать партизан с побережья. В то же время, учитывая начинающуюся на фронте решительную борьбу, я полагал необходимым сохранить более или менее широкую базу на побережье с тем, что, в случае благоприятного для нас исхода борьбы на фронте, эта база послужила бы исходной для предпринятия операций в более широком масштабе. Достигнуть этого было возможно только при использовании нашей сильной стороны — быстроты передвижения на кораблях при применении системы нанесения коротких ударов с общей задачей привязать партизан к известным пунктам и затруднить их продвижение на север. Необходимо отметить, что вследствие плохих отношений, установившихся к этому времени между правителем и японцами, получение нами боевых припасов к орудиям из наших складов в Минном городке стало для нас совершенно невозможным, и мы принуждены были оперировать, имея по 100—150 патронов на винтовку и по 15—20 снарядов на орудие, без всякой надежды на пополнение.

Исходя из всех этих соображений, я, собрав все резервы, какие еще мог выжать из батальона морских стрелков, выслал их на канонерской лодке «Диомид» на подкрепление. Командиру канонерской лодки «Диомид», капитану 2-го ранга Кореневу⁵⁶⁹, назначенному мной начальником всего экспедиционного отряда, была дана инструкция пройти прямо в Императорскую Гавань, где, соединившись с главными силами отряда, посадить десант на «Диомид» и «Улисс» и, оставив небольшой гарнизон для охраны базы, выйти на юг, войти в соприкосновение с главными силами партизан и заставить их броситься на юг в район Ольга—Тетюхи. Через несколько дней я предполагал выслать на подкрепление отряда еще посыльное судно «Аякс».

«Диомид» вышел из Владивостока 10 сентября, имея еще побочную задачу конвоировать п. х. Добровольного флота «Монгутаи», на котором следовала из Владивостока на различные пункты побережья лесоустроительная комиссия, назначенная распоряжением правителя. «Диомид» вследствие шторма и плохого состояния механизмов прибыл в Императорскую Гавань лишь 16 сентября.

17 сентября «Диомид» и «Улисс» прибыли в бухту Гросевича, где были сосредоточены главные силы батальона. Убедившись, что отряд Колесниченко, потрепанный в предыдущий поход канонерски-

ми лодками «Илья Муромец» и «Улисс», продолжал держаться у бухты Гросевича и только теперь тронулся на юг, командир «Диомида» решил найти и окружить его. 18—21 сентября продолжалась безрезультатная охота за маленьким отрядом Колесниченко, который благодаря отличному знанию местности и привычке к тайге ускользнул от преследования, уйдя затем на юг и оставив район бухта Гросевича — Императорская Гавань навсегда.

21 сентября отряд вышел на юг для отыскания главных сил партизан. 22-го, подойдя к Самарге и убедившись, что селение занято красными, капитан 2-го ранга Коренев высадил отряд в 12 верстах севернее, в деревне Адеми. Выяснилось, что Самарга занята отрядом в 120 человек при 20 конных и пулемете. Наш отряд состоял из 112 человек при одном пулемете. На рассвете 23 сентября наши, при поддержке кораблей, атаковали Самаргу. Красные боя не приняли, но отступили не на юг вдоль берега, как этого хотелось нам, а в глубь страны, где в нескольких верстах находилась прекрасно оборудованная и снабженная продовольствием японская концессия. Оставалось пожалеть, что отряд потерял несколько дней на охоту за ничтожным отрядом Колесниченко. Теперь наш отряд оказался в невыгодном положении. Растянутый на большом участке, против равного в силах противника, с малым комплектом патронов, он был вынужден или обороняться, оглядываясь на корабли, которые не всегда могли стоять на якоре у открытого берега Самарги, или атаковать противника, засевшего в лесистой местности, лучше нас вооруженного и обмундированного.

Воспользовавшись прибытием посланного на подкрепление посыльного судна «Аякс», капитан 2-го ранга Коренев выслал канонерскую лодку «Улисс» во Владивосток с донесением о создавшемся положении и с просьбой об усилении отряда. Нервное настроение отряда усилилось под впечатлением известия об эвакуации японцами Николаевска и устьев Амура и о занятии этого района красными, что теоретически обнажало наш северный фланг и давало в руки красных выход к морю и морскую базу.

Канонерская лодка «Улисс» 26 сентября прибыла во Владивосток. Занятый в это время операциями в Посыетском районе, я почти ничего не мог выслать на подмогу капитану 2-го ранга Кореневу. Все же, заключив из его донесения, что в отряде наблюдается усталость, нервность и упадок духа, я решил поддержать его чем мог. Мною было приказано немедленно посадить на корабль формировавшийся для побережья отряд милиции, о котором я упоминал выше, и выслать его в Самаргу. Отряд этот к тому времени состоял из 40—50 чело-

век, вооруженных берданками, но надежных по настроению людей, большей частью бывших солдат и офицеров. Хотя они не были вполне боевым элементом, они могли быть предназначены для несения гарнизонной службы в спокойных районах, что освободило бы от этих обязанностей боевую часть отряда.

27 сентября, то есть через сутки после прихода «Улисса», канонерская лодка «Илья Муромец» с отрядом милиции и с пополнением запаса патронов для отряда капитана 2-го ранга Коренева вышла на север на соединение с отрядом и 29 сентября, то есть через четыре дня после ухода «Улисса» из Самарги, была на месте. Но уже 27 сентября Самарга была оставлена нашим отрядом. Произошло следующее.

26 сентября наш отряд решил атаковать красных, не ожидая подкрепления. Атака была отбита, причем мы потеряли двух стрелков убитыми и одного раненым. Одновременно были получены сведения о присоединении к партизанам отряда Колесниченко. В этом неудачном для нас бою отряд расстрелял значительное количество патронов из нашего более чем скудного запаса. Капитан 2-го ранга Коренев, при таких условиях, а также ввиду появления признаков шторма, который, по его мнению, лишил бы гарнизон помощи кораблей, решил очистить Самаргу и отойти опять в район бухта Гросевича — Императорская Гавань. Несомненно, была проявлена излишняя поспешность и нервность, так как через полторы суток, с приходом канонерской лодки «Илья Муромец», обстановка значительно изменилась в нашу пользу. Шторм также не мог быть настолько опасен, так как в 10—12 милях к северу от Самарги, у мыса Сюфрен, есть хорошая якорная стоянка, укрытая от самого опасного в это время года норд-остового шторма. Туда же берегом мог в случае надобности отступить и сухопутный отряд. Командир канонерской лодки «Илья Муромец», прибывшей 29 сентября в Самаргу, уже занятую красными, наблюдал спокойную высадку рабочих, китайцев и японцев, с парохода Добровольного флота на берег и сам беспрепятственно простоял у Самарги весь день.

Так или иначе, наш отряд вернулся 28 сентября в исходное положение в бухту Гросевича. К начальнику отряда, перешедшему в Императорскую Гавань, присоединилась канонерская лодка «Илья Муромец» с отрядом милиции. К этому моменту состав отряда был: канонерские лодки «Диомид», «Илья Муромец», посыльное судно «Аякс», катер «Рында», батальон (2 роты морских стрелков и рота егерей), около 180 штыков при двух пулеметах, и отряд милиции, 40—50 человек. Получив с «Ильей Муромцем» подтверждение мо-

его приказа атаковать партизан у Самарги во что бы то ни стало, начальник отряда решил, однако, произвести предварительную разведку участка побережья к северу от Императорской Гавани для выяснения активности красных в Николаевске-на-Амуре, послав для этого канонерскую лодку «Илья Муромец» с командиром батальона и частью стрелков.

Между тем мною был получен приказ генерала Дитерихса возвратить экспедиционный батальон к 10 октября во Владивосток. Ввиду необходимости послать с этим приказанием корабль, не имея точных сведений о движении отряда и полагая, что он находится неподалеку от Самарги, я решил использовать оставшийся до 10 октября срок для того, чтобы, нанеся удар партизанам у Самарги, наверняка заставить их отступить на юг и получить возможность удерживать северный район бухта Гросевича — Императорская Гавань одной милицией и кораблями. В это время из ремонта вышла канонерская лодка «Патрокл» и вследствие временного затишья в Посыетском районе освободился русско-сербский отряд (около 50 штыков). Поэтому мною было приказано канонерской лодке «Патрокл», готовившейся к походу с особым поручением, принять на себя русско-сербский отряд и пополнение милиции и выйти к Самарге и далее на север, до соединения с отрядом капитана 2-го ранга Коренева.

Одновременно мною был назначен новый начальник экспедиционного отряда капитан 1-го ранга Соловьев, который должен был при встрече с отрядом капитана 2-го ранга Коренева его сменить и вступить в командование отрядом. Капитану 1-го ранга Соловьеву было приказано, собрав все силы, обрушиться на партизан у Самарги и заставить их броситься на юг. После этого два корабля, «Патрокл» и «Аякс», и милиция должны были остаться в распоряжении капитана 1-го ранга Соловьева, а два других корабля, «Диомид» и «Илья Муромец», с батальоном и русско-сербским отрядом должны были вернуться во Владивосток к 10 октября.

3 октября «Патрокл» с новым начальником отряда, имея на борту русско-сербский отряд, вышел на север. 5 октября вечером «Патрокл» подошел к Самарге, но не нашел там нашего отряда. Начальник отряда, не задерживаясь, вышел дальше и 6 октября встретился в Императорской Гавани с канонерской лодкой «Диомид» и посыльным судном «Аякс».

Ввиду отсутствия канонерской лодки «Илья Муромец», высланной капитаном 2-го ранга Корневым на север в разведку, капитан 1-го ранга Соловьев, вынужденный его дожидаться, не мог рассчитывать выполнить вовремя приказ о нападении на партизан сосре-

доточенными силами и решил исполнить вторую часть приказа, говорившую о возвращении экспедиционного батальона во Владивосток к 10 октября. Поэтому он приказал канонерской лодке «Диомид», взяв наличных стрелков из Императорской Гавани, выйти во Владивосток, что и было исполнено. Несение охраны побережья от бухты Гросевича до мыса Сизиман было возложено на милицию, поддержанную кораблями и взводом (20 человек) стрелков. 10 октября канонерские лодки «Диомид» и «Илья Муромец» с экспедиционным батальоном и русско-сербским отрядом вернулись во Владивосток.

Таким образом была закончена операция, начатая нами еще в конце июля. Правда, оставленные нами в районе побережья силы были недостаточны, чтобы удержать красных в случае их дальнейшего продвижения из Самарги к северу, но, во-первых, они такого движения до самой нашей эвакуации не обнаружили, а во-вторых, наша слабость могла быть только временной, так как в случае успеха на главном фронте мы бы, с уходом японцев, получили в свое распоряжение неисчерпаемый запас снарядов, орудий и большой запас патронов и вернулись бы на побережье в гораздо больших силах, а наступавшая зима ставила партизан, совершавших переходы главным образом пешком, в невыгодное положение по отношению к нам, владевшим кораблями и ледоколами. Владение красными Николаевском-на-Амуре также не составляло для нас угрозы, по крайней мере до весны, так как в начале ноября устье Амура обычно замерзало; у красных же в Николаевске не было ни одного ледокола.

Так или иначе, операция дала нам очень много.

1. Мы получили несколько сот тысяч иен, что составило вместе с деньгами, внесенными концессионерами-лесопрмышленниками во Владивостоке, около одной двенадцатой всего годового бюджета нашего государства.

2. Эти же деньги были отобраны у красных, которые иначе обратили бы их на борьбу против нас.

3. Флотилия, не потребовав никаких дополнительных расходов на свое содержание от государства и, наоборот, принеся ему существенный доход, вместе с тем подкрепились во всех отношениях. Конечно, снабжение кораблей и состояние их механизмов были далеки от совершенства, но все же, после целого лета непрерывных походов, корабли, за малым исключением, были в лучшем состоянии, чем весной.

Личный состав также далеко шагнул вперед в смысле обучения своему делу, привычки к морю и общей сплаванности. То, что я застал во Владивостоке в 1921 году, когда я принял командование, и то,

что было в моем распоряжении к осени 1922 года, ни по размерам, ни по качеству не могло быть сравниваемо.

Чтобы закончить обзор этой продолжительной операции, необходимо указать на несколько столкновений с японцами, происшедших на побережье на почве усиленной деятельности наших кораблей. Японские промышленники, привыкшие за 1920-й и 1921 годы к почти полному отсутствию государственной власти на побережье, начали считать себя полными хозяевами. Единственно, с кем им приходилось считаться — это были партизаны, но последние, не будучи осведомлены в законах, приходили всегда к быстрому соглашению с японцами, и конечно к выгоде последних.

Наши корабли, имея на борту чиновников соответствующих учреждений, быстро вводили в законное русло порядок взимания правительственных сборов в районах, находившихся под нашей охраной. Это иногда вызывало сопротивление со стороны японцев и несколько раз приводило к столкновениям. Так была нами опечатана японская береговая радиостанция на лесной концессии в Самарге. Там же был отобран склад винтовок. Только после того, как японцы согласились допустить постоянное присутствие нашего радиотелеграфиста на радиостанции и представили нам бесплатно право пользования ею, мы открыли станцию. Были случаи обстрела катеров, не желавших остановиться при встрече с нашими кораблями в море, арестов капитанов пароходов, отбирания судовых документов и проч. Японское морское командование сначала вмешивалось в эти дела, даже один раз послало крейсер «Ниссин» по местонахождению нашего отряда, чтобы протестовать против сурового обращения с их подданными, но, убедившись, что мы стояли на законной почве и что японские промышленники в массе нарушали закон, установив вакханалии хищнического разграбления русских богатств, махнули на все рукой. Но наконец два случая с канонерской лодкой «Илья Муромец» вновь обратили на себя их внимание.

Первый случай имел место 29 сентября у Самарги, когда, преследуя японский катер, не останавливавшийся несмотря на сигналы, «Илья Муромец» обстрелял его и попал одним снарядом в катер, где, по словам японцев, был убит один из команды; в другом случае командир той же канонерской лодки «Илья Муромец», старший лейтенант Бузкой, испытывая недостаток угля, решил пополнить его часто практиковавшимся нашими кораблями способом, то есть путем покупки с японского парохода. Это было 5 октября у мыса Сюркум. Капитан парохода сначала согласился дать уголь, но по подходе канонерской лодки к борту в резкой форме отказал, отдав швартовы

«Ильи Муромца». Тогда командир, основываясь на статье 338-й Морского устава, взял 20 тонн угля силой, заплатив за него по высокой оценке.

Оба эти случая вызвали визит японского командующего эскадрой во Владивосток ко мне на «Манджур». Японский адмирал в очень вежливой, но настойчивой форме просил произвести расследование этих случаев при участии в комиссии японских представителей. Я отказал в участии японцев в комиссии и обещал на специальном судне выслать русскую следственную комиссию на место для разбора дела.

Японцы удовлетворились. Следственная комиссия на посыльном судне «Фарватер» вышла из Владивостока 7 октября, успела вернуться и сделать мне краткий доклад о первом случае на Самарге, согласно которому командир «Ильи Муромца» оказался совершенно прав. В эти же дни Императорскую Гавань посетил японский крейсер «Чихайя», посланный японским правительством для расследования случая с катером в Самарге.

Начальник отряда капитан 1-го ранга Соловьев, прибывший на крейсер по приглашению командира, сказавшегося больным, был встречен со всеми почестями и вызовом караула. В дальнейшем в беседе капитан 2-го ранга Иодохара сказал, что японское правительство и общественное мнение Японии очень недовольны репрессиями, применяемыми нами на побережье. Осведомленный по радио из Владивостока о выходе нашей следственной комиссии, он этим ограничился. Нужно отдать справедливость чинам японского флота: как в это время, так и впоследствии они всегда относились к нам с отменной вежливостью и корректностью.

Кроме вышеупомянутых операций, флотилия за тот же период выполнила ряд других. Канонерские лодки «Магнит» и «Свирь» находились в плавании у берегов Камчатки. Канонерская лодка «Батарея» находилась в плавании в водах Охотского моря в распоряжении генерала Пепеляева и вернулась во Владивосток около 10 октября. Зафрахтованные флотилией пароходы Добровольного флота «Томск», «Защитник», доставив эшелоны отряда генерала Пепеляева⁵⁷⁰ в Аян, вернулись во Владивосток. Блокада бухт залива Петра Великого к востоку от Владивостока поддерживалась посыльным судном «Фарватер» и миноносцем «Инженер-механик Анастасов» посменно.

По требованию штаба армии были сделаны две экспедиции на катерах флотилии. Задачей первой экспедиции была поддержка нашего крайнего левого фланга, упиравшегося в берег озера Ханка. 20 сентября в эту экспедицию были посланы два моторных катера, послан-

ные по железной дороге до станции Халкедон. Дальше они должны были двигаться, около 150 верст, частью по проложенной командами катеров дековильке, частью по перепруженной плотинами и порогами реке Лефу и по мелководным озерам Лебехэ и Ханка. Потратив неделю на этот переход, катера благополучно прибыли по назначению и участвовали в нескольких мелких экспедициях на озере Ханка. В начале октября, при спешном отступлении нашей армии, удалось вывезти во Владивосток только моторы, корпуса же катеров были сожжены.

Вторая экспедиция состояла в попытке навести плавучий мост через реку Суйфун у Раздольного. Эта работа, бывшая совершенно не по нашим средствам, была все-таки предпринята по категорическому повторному требованию штаба армии. В экспедицию был послан один маленький паровой катер порта, один моторный катер и две баржи Инженерного ведомства. Последнее поддерживало требование начальника штаба Рати и доносило, что задача осуществима. Только по прибытии экспедиции на место представитель Инженерного ведомства убедился, что через Суйфун существует брод и что подбуксировать баржи к предполагаемому месту постройки моста невозможно из-за мелководья. Одновременно с этим войска Дальневосточной казачьей группы, стоявшие на охране переправы, ушли, получив другую задачу, и охрана доставленного имущества и самой переправы была возложена на команду катеров, вопреки докладу начальнику экспедиции мичмана Сенкевича о том, что в районе избилуют партизаны и что команда числом семь человек обречена на гибель. Когда я получил во Владивостоке донесение мичмана Сенкевича о его безвыходном положении, было уже поздно отзывать его: катера подверглись ночной атаке красных, часть команды была перебита, остальные ранены, в том числе и начальник экспедиции, и взяты в плен.

Этот период работы Сибирской флотилии омрачился еще одним печальным случаем. 8 сентября злоумышленниками была взорвана машина транспорта «Охотск», и транспорт вышел из строя на все остальное время. Подобных покушений за время моего командования было зарегистрировано несколько, но все они были своевременно раскрыты и предотвращены контрразведкой флотилии. Найти участников преступления не удалось, но все же благодаря принятым мерам этот случай остался единственным удавшимся покушением на порчу кораблей за время моего командования флотилией.

В самом разгаре вышеописанной работы флотилии она была прервана стремительно наступившим крахом всей нашей государственности.

Крушение государства

13—14 октября определился крутой поворот в истории Приамурской государственности. В эти дни наша армия потерпела поражение. Правителем было принято решение прекратить вооруженную борьбу с большевиками и вывести остатки бойцов из-под ударов красных за границу.

13 октября, получив по телеграфу указ правителя, отменяющий все исключительные меры, принятые мною во Владивостоке, я послал генералу Дитерихсу письмо, в котором указывал, что в тот критический момент, который мы переживали, спасение всего дела заключалось лишь в строго последовательном проведении властью решительных и суровых мер, в успехе коих я не сомневался, что обстановка во Владивостоке мне, как начальнику тыла, ближе и виднее и что я нуждаюсь в известной свободе действий, вытекающей из объема прав, предоставленных мне по указу самого правителя, коим я был назначен начальником тыла.

В тот же день из Мукдена прибыл во Владивосток управляющий внешними делами Н.Д. Меркулов. Из беседы с ним я выяснил, что отношение правителя трех восточных провинций Китая (Маньчжурии) Чжан Цзо-лина к нам неизменно благоприятное, что все сношения могут дать реальные результаты очень крупного масштаба, но что для достижения их надо суметь продержаться во Владивостоке более или менее продолжительный срок после полной эвакуации города японцами. Эта эвакуация была объявлена на 22 октября.

Вместе с тем Н.Д. Меркулов сообщил мне о своих впечатлениях, вынесенных из бесед с правителем и командирами корпусов. Суммируя его данные, можно было заключить, что борьба на фронте еще далеко не проиграна, что недостаток патронов самое больное место армии, но что дух еще не сломлен, и если удастся продержаться до 22-го числа, когда несомненно получим патроны, то вся картина может резко измениться в нашу пользу. В ожидании ответа правителя на мое письмо Н.Д. Меркулов предложил мне свое сотрудничество по гражданской части во всех вопросах, связанных с укреплением базы борющейся армии. Нами был намечен ряд мер в развитии тех моих приказов, которые за 24-часовой срок своего действия успели уже дать значительный результат.

14 октября я получил последовательно ряд известий из Никольска-Уссурийского, сообщавших о происшедшей на фронте катастрофе. Той же ночью я получил собственноручную записку генерала Дитерихса от 14 октября следующего содержания:

«Дорогой Юрий Карлович. Указ мой сегодняшнего числа и дополнительная к нему телеграмма исчерпывают в сущности ответ на Ваше письмо. С сегодняшнего дня Вы являетесь хозяином полуострова. Из золотого запаса Вы дайте сумму Членам Правительства и Совета, дабы они имели возможность, в крайности, спасти свои головы. Преданный Вам, *Мих. Дитерихс*».

На следующий день был получен приказ правителя о прекращении борьбы.

Ко времени получения всех этих известий обстановка во Владивостоке была следующая:

1. Все правительственные учреждения распорядительного характера продолжали еще работать нормальным порядком, за исключением высших коллегиальных инстанций, где царил хаос. Эти высшие учреждения, с уменьшением территории до размеров полуострова Муравьев-Амурский, теряли всякий смысл существования.

2. Большевики в городе совершенно притихли, и по сведениям, получавшимся мною из первоисточника, местные большевики не ожидали быстрого падения города.

3. Население, напуганное надвигавшимися событиями, не имело никакого цельного настроения и явно выжидало поступков власти.

4. В моем распоряжении во Владивостоке находились: Урало-Егерская бригада, офицерский батальон, батальон Морских Стрелков⁵⁷¹, Русско-Сербский отряд и другие более мелкие части, не считая флотилии, общей численностью около двух тысяч человек под командованием генерал-майора Д.А. Лебедева, и кроме того, определилось, что вся Дальневосточная группа, численностью около трех тысяч штыков и сабель, отходит не на Посьет, а на Владивосток.

Эти силы могли оказаться недостаточными для оказания сопротивления, но надо принять во внимание, что: а) красные, вообще не слишком многочисленные, вынуждены были бы выделить сильную группу для преследования главных сил армии, отступавших на Посьет, б) местность на подступах к Владивостоку представляла собой ряд неприступных позиций, в) вся линия наступления красных на город должна неминуемо была проходить по железной дороге, которая расположена на самом берегу Амурского залива и находится под ударами с моря, где мы являлись полными хозяевами, г) Владивосток с его 200-тысячным населением имел огромный запас живой силы, д) 22-го числа, после ухода японцев, мы получили большой запас патронов и неограниченное количество тяжелой артиллерии, до этого же числа красные не могли бы войти в

город, ибо туда их не пустили бы японцы, и наконец, е) японцы были застигнуты врасплох стремительностью нашей катастрофы. В их расчеты совершенно не входила та унижительная для них обстановка ухода из Владивостока, при которой они его покидали после нашей эвакуации. Сам правитель считал, на основании, по видимому, бесед с представителями высшего японского командования, что планы японцев могут еще измениться. По всему прежнему поведению японцев можно было заключить, что в случае задержки нами наступления красных они эвакуируют Владивосток 22 октября, в случае же нашего поражения они уйдут только после нашей эвакуации. Нельзя только было сказать, что они станут делать, если мы отойдем во Владивосток и все-таки будем настаивать на продолжении борьбы. Возможность изменения планов японцев явствовалась из телеграммы нашего представителя в Токио генерала Андогорского. Эта телеграмма, посланная через морского агента, адмирала Дурдова, мне для передачи правителю, гласила:

«Правителю. Министр инострандел вчера запросил Владивосток устойчивости правительства. Решение кабинета ожидается вторник семнадцатого. Ожидаю Вашего решения. Неизвестностью затрудняются переговоры. Выезжаю 20. Токио. 15 октября. Андогорский. Дурдов 949».

Учитывая все эти соображения, для меня становилось ясным, что при уходе или неуходе японцев нам оставались еще шансы сохранить за собой Владивосток, во всяком случае, еще на некоторое время.

Слова правителя: «Вы являетесь полным хозяином на полуострове», приказ его о прекращении им борьбы и заключительные слова этого приказа: «Я лично во Владивосток и вообще туда, где японцы, не пойду» развязывали мне руки. Я принял решение не уходить без боя. Переговорив с Н.Д. Меркуловым, я поручил ему формирование временного гражданского аппарата и подготовку всех деклараций и распоряжений по гражданской части в связи с решением о продолжении борьбы. Приглашенные мною генералы Лебедев и Глебов выразили готовность продолжать сопротивление. Я приказал изъять отовсюду, где он был получен, приказ правителя № 54. Это было необходимо даже в случае отказа от активного плана, так как приказ этот невозможно было опубликовать во флотилии, коей самим правителем поручалась задача эвакуирования войск и их семей.

Предположительный план действий в общих чертах намечался следующий:

1. Не допускать красных до города с тем, чтобы после 22-го числа, по получении оружия, закрепиться прочно и перейти в наступление.

2. Использовать свободу действий и установившуюся связь с Чжан Цзо-лином, передав ему часть огромных запасов вооружения, как предполагалось, на сумму в несколько миллионов рублей, получить средства на продолжение борьбы и иметь возможность осуществить мобилизацию.

3. В случае полной невозможности удержать Владивосток постараться задержаться настолько, чтобы быть в состоянии погрузить на корабли самое ценное из имущества, находившегося под охраной японцев, и тем приобрести средства на помощь всем эвакуированным, а может быть, и фонд на продолжение борьбы из-за границы, в том или ином виде.

Как одним из исходов в этом случае рисовалась возможность перейти с частью войск и флотилией в Петропавловск-на-Камчатке, где по времени года и вследствие нашего перевеса на море можно было рассчитывать продержаться еще довольно долго. Как раз в эти дни было закончено формирование 3-й роты Морских Стрелков, предназначенной на Камчатку. Правителем был назначен новый губернатор Камчатки генерал-майор Иванов-Мумжиев⁵⁷², подчиненный мне как начальнику тыла. Он отбыл в Петропавловск со всем штабом управления и с запасами продовольствия на пароходе «Сишан». 3-ю роту я задержал ввиду моего намерения сохранить Владивосток.

Весь день 15 октября я не мог связаться с правителем по телеграфу, почему предполагал на следующий день приступить к выполнению своего плана и уже вечером подписал ряд приказов, которые должны были быть опубликованы утром 16-го. Была составлена ответная телеграмма в Токио генералу Андогорскому, указывавшая, что я намерен продолжать борьбу и что во Владивостоке спокойно.

Совершенно неожиданно ночью мною были получены сведения, что поезд правителя следует во Владивосток и что он задержан на станции Седанка японцами. Я приказал докладывать мне о движении поезда правителя и вскоре, проверив, что правитель, вопреки своим прежним намерениям, возвращается в зону оккупации японцев, разослав в типографии приказание приостановить печатание моих приказов, отменил посылку телеграммы генералу Андогорскому и сам отправился на вокзал встречать правителя.

Правитель не одобрил моего плана: он пребывал в твердом убеждении, что нам остается только спешно эвакуироваться. На мой вопрос, имеет ли он какие-нибудь дальнейшие планы по отношению к

флотилии, он еще раз подтвердил то мнение, которое он мне высказывал раньше и которое он поручил находившемуся при его штабе для связи капитану 2-го ранга Четверикову передать мне. Мнение это было таково, что по выполнении эвакуации Владивостока флотилия должна самостоятельно избирать свои пути, так как борьба кончена и ни на какую дальнейшую поддержку его со стороны флотилии он рассчитывать не может. Я указал на возможность перехода части флотилии после эвакуации на Камчатку в случае, если к тому будут благоприятные обстоятельства, на что генерал Дитерихс еще раз ответил мне, что я волен поступать с флотилией самостоятельно.

Едва я вернулся после этого свидания к себе домой, как вслед мне был послан следующий указ правителя:

УКАЗ № 66 ПРАВИТЕЛЯ ЗЕМСКОГО КРАЯ

16 октября 1922 г., г. Владивосток.

Прибыв в г. Владивосток, повелеваю: адмиралу Старку обратиться к исполнению своих прямых обязанностей по командованию флотом.

Управляющим Ведомствами иметь у меня непосредственные доклады. Ввиду чрезвычайных обстоятельств Земской Думе прервать с сего числа свои занятия.

П. П. Правитель Земского Приамурского Края *Мих. Дитерихс*.

Этим указом мои обязанности как начальника тыла кончались юридически, но, по существу, они могли быть с меня сняты, так как генерал Дитерихс не считал нужным оставаться во Владивостоке до конца и руководить эвакуацией во всем ее объеме, в каком случае только я мог рассматривать свою задачу сведенной к командованию флотилией. Генерал Дитерихс сообщил, что он останется во Владивостоке очень недолго, только чтобы сделать последние распоряжения, а затем выйдет со штабом в Посьет, предоставив мне закончить эвакуацию.

Такое положение, когда мне предстояло закончить эвакуацию, начинавшуюся вне моего контроля, окончательно уничтожило всякую планомерность работы. После отъезда правителя, когда я опять получил власть в свои руки, все в городе оказалось в полном параличе. Высшие правительственные учреждения были расформированы распоряжением правителя, в низших же, оставшихся без руководства, царил паника. Служащие большинства правительственных учреждений просто разбежались.

От Посъета до Гензана⁵⁷³

Как выше было сказано, корабли флотилии, как находившиеся непосредственно под моим командованием, так и задержавшиеся еще на побережье Татарского пролива (отряд капитана 1-го ранга Соловьева), в конце октября 1922 года покинули пределы России.

Необходимо заметить, что благодаря отсутствию у временного приамурского правительства и у правительства генерала Дитерихса сколь-нибудь серьезного заграничного представительства никакой информации о возможном отношении к нам со стороны иностранных держав, в частности Японии и Китая, у правительства не было. Не было поэтому и никакого плана похода флотилии и не дано мне было правителем никаких руководящих указаний, кроме обязательства доставить семьи военнослужащих в один из портов Китая. Однако после приказа правителя о невыпуске в Посъете на берег частей генералов Глебова и Лебедева и это приказание отпало, так как корабли, перегруженные войсками и кадетами, не могли помышлять о походе из Посъета хотя бы в Шанхай или Инкоу. Надо еще вспомнить, что часть кораблей, имевших на борту наибольшее число беженцев, как то: «Манджур», «Охотск», «Чифу», «Пушкарь», шли на буксире и, понятно, не могли выдержать похода открытым морем при том состоянии, в котором находились буксиры и буксирные средства.

Единственным источником заграничной информации для меня была моя переписка с нашим бывшим морским агентом в Токио контр-адмиралом Б.П. Дудоровым и бывшим председателем Временного Приамурского правительства Н.Д. Меркуловым, находившимся также в Токио.

Из сообщений первого, основанных на данных, полученных из кругов нашего токийского посольства, явствовало, что: 1) японцы, находившиеся в переговорах с красными, будут стремиться как можно скорее отделаться от наших кораблей и беженцев, поэтому хотя непосредственной опасности в японских портах в смысле ареста кораблей и передачи их красным нам пока не угрожало, но ни на какую помощь со стороны Японии мы рассчитывать не могли; 2) Китай находился в состоянии, близком к анархии, причем враждовавшие между собой генерал-губернаторы отдельных областей явно не считались с властью центрального правительства и в своей политике считались только с личной выгодой, чем и определялась их неустойчивость в отношениях с большевиками. Само центральное правительство, переставшее еще осенью 1920 года признавать нашего прежнего посла и уничтожившее экстерриториальность для русских и наши прежние концессии, нахо-

дилось под сильнейшим влиянием советского посла Иоффе. При таких условиях стоянка в каком-либо порту Китая и даже заход в такой порт без предварительного договора с местным автономным губернатором и без реального обеспечения с его стороны представлялись явно опасными; 3) все великие державы, за исключением Соединенных Штатов Северной Америки, имевшие своих представителей, управлявших международными портами Востока, были более или менее заинтересованы в том, чтобы не давать большевикам повода обвинять их в помощи белым. Наиболее влиятельная держава на Востоке — Великобритания — уже заключила торговый договор с Советской Россией, поэтому, собственно, английские порты были закрыты для нас. По мнению адмирала Дудорова, только в портах Североамериканских Соединенных Штатов мы могли найти надежное убежище и даже помощь, но ни в коем случае не политического характера, а чисто благотворительного. Однако Манила, ближайший порт владений САСШ, отстояла от Посьета более чем на две тысячи морских миль и была недосыгаема для нас в то время.

Другой осведомитель, Н.Д. Меркулов, сообщал, что на Востоке еще не все потеряно и что он надеется, используя свои связи в некоторых влиятельных японских кругах, обеспечить нам отход на Камчатку и помощь Японии новому камчатскому государственному образованию. Хотя этот план при наличии нашего временного преобладания на море, притом что в Петропавловске-на-Камчатке находился еще наш гарнизон и корабли, и при не раз доказанной изменчивости японской политики не мог представляться окончательной нелепостью, но все же в него мало верилось. Этот план помимо политической помощи требовал больших денежных затрат, и непонятно было, откуда могли бы взяться люди, которые ссудили бы нас в такой короткий срок большими деньгами без видимого реального обеспечения.

Так или иначе, но на ближайшее время для флотилии не было иного выхода, как избрать первым пунктом сосредоточения ближайший оборудованный иностранный порт — Гензан.

Казалось при этом, что, если генералу Дитерихсу, отходившему с армией в район, подвластный одному из самых могущественных автономных властителей Китая — маршалу Чжан Цзо-лину, — удастся установить прочные отношения с этим последним, нам удастся в Гензане разгрузиться от войск и беженцев и затем избирать дальнейшие пути флотилии, в зависимости от обстановки, располагая некоторой оперативной свободой. Поход флотилии в Инкоу, единственный порт Чжан Цзо-лина, в этом случае был бы вполне естественным, но, памятуя обстановку перехода армии из Забайкалья в полосу отчужде-

ния в 1920 году, казалось невероятным, чтобы план генерала Дитерихса о приеме армии Чжан Цзо-лином на службу имел какие-либо шансы на успех.

Переход из Посьета в Гензан при очень бурной погоде оказался очень тяжелым для флотилии, особенно для кораблей, шедших на буксире, и для катеров. На этом походе мы потеряли утонувшим катер «Ретвизанчик», шедший на буксире парохода «Защитник». Людей на нем не было. Катер «Усердный» (бывший «Павел V») ночью при подходе к Гензану выскочил на песчаный берег к северу от входа. Причины — очень тяжелая погода, плохая видимость и неопытность личного состава катера, командир которого старший лейтенант Старк не оказался на должной высоте как судоводитель. Спасти катер не удалось.

Гензан

31 октября в Гензане собрались следующие корабли: «Байкал», «Свирь», «Батарей», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск», «Диомид», «Манджур», катера «Стрелок», «Ординарец», «Резвый» (бывший «Павел Дирекционный»), «Надежный» и пароходы: «Эльдорадо», «Защитник», «Взрыватель», «Монгуай», «Чифу», «Пушкарь», «Смельчак», «Воевода» и «Тунгуз». Через несколько дней подошел отряд капитана 1-го ранга Соловьева «Патрокл», «Улисс» и «Аякс».

К концу нашей стоянки присоединился и «Магнит», посланный капитаном 1-го ранга Ильиным⁵⁷⁴ на присоединение к флотилии после эвакуации им Камчатки. Пароходы Добровольного флота «Сишан» и «Томск», бывшие в чартере флотилии и застигнутые событиями в японских портах, вследствие забастовки вольнонаемных команд и вмешательства японцев были нашими караулами оставлены и ушли во Владивосток. Капитан 1-го ранга Ильин с частями и беженцами с Камчатки на зафрахтованном им японском пароходе ожидал в Хакодате моих указаний о пункте следования. Впоследствии он присоединился к нам в Шанхае.

Сама эвакуация Камчатки произошла без всякого давления противника и без какого-либо распоряжения с моей стороны. Сведения о занятии Владивостока красными и отсутствие со стороны правителя и моей приказа о сохранении Камчатки за нами были сочтены капитаном 1-го ранга Ильиным и прибывшим ему на смену генералом Ивановым-Мумжиевым достаточными основаниями для принятия са-

мостоятельного решения об эвакуации. Обстановка момента была так сложна и положение флотилии было настолько тяжелым, что я ни тогда не осудил, ни теперь не могу осудить начальствовавших на Камчатке лиц за проявленную ими поспешность. Трудно сказать, случилась бы какая-нибудь польза для нашего общего дела от того риска, с которым сопряжена была для людей, находившихся на Камчатке, задержка ими эвакуации, или наоборот.

Во всяком случае, с фактом потери нами Камчатки и двух больших пароходов Добровольного флота план Н.Д. Меркулова потерпел крушение, ибо поскольку сомнительной являлась надежда, что японцы пропустят через свои порты неразоруженными нас, идущих из Владивостока, в свой порт на Камчатку, постольку являлось бесспорным, что они не допустят новой экспедиции против Камчатки, принимаемой из японского порта, как базы.

По приходе в Гензан все мои первоначальные заботы сводились к тому, чтобы разгрузить флотилию от беженцев и войск, ибо, с одной стороны, было ясно, что флотилия оставаться навсегда в Гензане не сможет и даже не сможет по недостатку средств и угля провести там зиму, с другой стороны, положение беженцев было поистине отчаянным. При совершенно невероятной скученности, большей частью на морозе, на верхней палубе, при недостатке горячей пищи и даже пресной воды, все это грозило перейти в неопишное бедствие, причем с развитием эпидемий и среди судовых команд все население кораблей потеряло бы сначала возможность передвинуться в другой порт, а затем и возможность обслуживания самых элементарных требований жизни.

К несчастью, японцы начали с того, что запретили съезд на берег кому бы то ни было и запретили подход кораблей к берегу за водой и углем. Затем после долгих разговоров они разрешили съезд на берег мне и старшим начальникам сухопутных войск по особым пропускам. На другой день последовало разрешение кораблям по очереди подойти к стенке, чтобы один только раз пополнить запас воды, за деньги, конечно.

Единственно, кто сразу получил разрешение высадиться на берег и даже получил некоторую помощь, это были раненые, прибывшие в Гензан на японских пароходах еще до прихода флотилии, и первая партия кадет около шестидесяти человек. Японцами был организован для раненых лазарет на берегу, куда они все и были помещены. Японцы очень носились с этим лазаретом, в котором ими была оказана помощь нескольким десяткам русских из числа около восьми тысяч находившихся на кораблях, но все же, чтобы этот лазарет не прекра-

тил преждевременно своего существования, мне пришлось пожертвовать пять тысяч иен из сумм флотилии на его содержание. Кадеты отправились в Мукден по железной дороге и затем после долгих мытарств присоединились к своим корпусам уже в Шанхае.

Только через несколько дней удалось убедить японцев разрешить свезти на берег гражданских беженцев и их семьи. Они были помещены японцами в холодные бараки на берегу и начали получать самую минимальную помощь продовольствием. Положение этих несчастных сделалось очень мало чем лучше, чем на кораблях, лишь только те, кто имел родственников в Маньчжурии и Китае, получили теперь возможность списаться с ними и покинуть Гензан. Масса же была обречена на самое ужасное существование.

С уходом гражданских беженцев на берег освободились «Манджур», переданный вслед за тем его новым владельцам, купившим его еще во Владивостоке, и «Охотск», и стало несколько свободнее на других кораблях. Все же на кораблях сверх личного состава флотилии оставались еще следующие категории пассажиров:

1) воинские части Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Глебова (около 2500 человек) и их семьи;

2) части Урало-Егерского отряда генерал-майора Лебедева (около 1200 человек) и их семьи и милиция побережья Татарского пролива (около 100 человек) с семьями;

3) кадетские корпуса — Омский⁵⁷⁵ и Хабаровский⁵⁷⁶ и семьи воспитателей (около 350 человек);

4) батальон Морских Стрелков, Морская Десантная рота, русско-сербский отряд и их семьи (около 500 человек);

5) чины частично эвакуировавшихся учреждений Морского ведомства, как то: порта, службы связи, плавучих средств, морского госпиталя и пр. и их семьи (около 200 человек);

6) семьи плавающего состава (около 150 человек).

При этом люди, принадлежавшие к 4, 5 и 6-й категориям, имели прямое отношение к флотилии и перед эвакуацией были приняты в расчет интендантством флотилии как связанные с ее судьбой и поэтому подлежащие длительному пребыванию на кораблях. Они были обеспечены продовольствием и деньгами на продовольствие на два месяца.

Третья категория — кадетские корпуса были приняты на корабли для доставки за границу, имели кое-что из продовольствия, но не имели никаких денежных средств и никакого ценного имущества. Поэтому, входя в положение детей-кадет, я принял на себя заботы о пополнении недостающего в продовольствии кадетских корпусов во все время их пребывания на кораблях.

Люди же первой и второй категории, составлявшие громадное большинство населения кораблей, были приняты мною согласно инструкции воеводы Земской Рати на несколько часов для доставки из Владивостока в Посъет и осели на кораблях случайно, после того как высадка их в Посъете была запрещена генералом Дитерихсом.

Продовольствие этих людей я не считал на своей ответственности, тем более что оба трюма канонерской лодки «Свирь» были завалены неизвестным мне имуществом сухопутных частей и грузами интендантства армии, и потому еще, что мне неизвестно было состояние касс всех этих воинских частей и было отлично известно, что если бы я принял всех людей 1-й и 2-й категории на довольствие при флотилии, то все тогдашние ресурсы ее окончились бы в две недели.

Я не мог считать себя в какой-либо мере ответственным за то тяжелое положение, которое создалось для этих людей, и со своей стороны принимал лишь все меры, чтобы разъяснить начальникам сухопутных частей то обстоятельство, что флотилия бессильна помочь им и что они сами должны изыскивать пути устройства участи своих людей. Зато на мне полностью лежала ответственность за корабли, на которых находились эти люди.

Между тем уже 3 ноября, то есть через четыре дня после нашего прихода в Гензан, мною была получена от адмирала Дудорова следующая телеграмма:

Копия

Т е л е г р а м м а

*г. Управляющего Российским Посольством в Токио
Российскому Консульскому Агенту Гензана и Сончжине.*

Получена 3 ноября в 9 ч. 48 м. вечера.

Дополнение 84. Адмирал Дудоров просит передать Адмиралу Старку:

По категорическому заявлению мне Японского Морского Министерства Японским Правительством принято решение не разрешать долговременной стоянки наших судов в японских портах. Последние меры китайцев в отношении наших беженцев не дают полной уверенности в безопасности стоянки в китайских портах. Телеграфируйте, сколько остается на судах команды и каковы ваши намерения.

(Подпись) *Абрикосов № 90.*
С подлинным верно: (подпись)

Нужно заметить, что с самого Владивостока и до Гензана флотилию конвоировал дивизион японских миноносцев. В Гензане же к нему присоединился японский легкий крейсер. Японцы относились к нам в высшей степени вежливо, ограничиваясь лишь наблюдением за нами, но из всех разговоров с ними выяснялось, что японское морское командование не допускает мысли, чтобы Сибирская флотилия, как таковая, задерживалась бы надолго в японских портах. Например, в вопросе пополнения запасов угля и воды они предупредили меня, что это будет допущено за наличные деньги и только один раз для каждого корабля при условии, что мы используем уголь для срочного ухода из порта. Таким образом, телеграмма адмирала Дудорова находила свое подтверждение на месте. Мое указание на то, что флотилия в состоянии такой перегруженности не может выйти в море, японцы отказывались принимать во внимание и настаивали на уходе.

Японцы не скрывали, что пребывание в японских водах собственно Сибирской флотилии, как организованной и вооруженной морской части, располагавшей к тому же кораблями, которые большевики требовали задержать и вернуть им, являлось одним из главных препятствий в ходе их переговоров с красными и что они готовы были идти на все, чтобы это препятствие устранить. Сухопутные части, находившиеся на кораблях, наоборот, они склонны были рассматривать как беженцев, при условии схода их на берег безоружными.

Все это указывало на то, что надо уходить, чтобы не попасть в ловушку. Однако в своем решении уводить корабли я встретил резкое противодействие со стороны генерала Лебедева, сохранившего за собой главенство среди сухопутных войск. Дело было в том, что для сухопутных начальников оказалось нежелательным уходить из Гензана с теми целями, которые ставились мною, а именно: 1) отыскания безопасного убежища для кораблей; 2) способствования переходу личного состава на положение мирных беженцев в условиях наивозможно более благоприятных для отыскания частного заработка. В связи с чисто авантюристической деятельностью так называемого «Сибирского правительства» г. Сазонова, отправившегося в Токио и посылавшего оттуда информацию о возможности возобновления освободительного движения при поддержке японцев и при возглавлении дела им, у сухопутных начальников зрело убеждение в необходимости во что бы то ни стало сохранить остатки армии в вооруженном состоянии и как можно ближе к пределам России. Поэтому они не хотели ни двигаться немедленно дальше на кораблях, ни сходить с кораблей в Гензане, чтобы перейти на положение беженцев. Так как

часть боевых кораблей флотилии, в том числе и флагманский «Байкал», и все транспорты были загружены войсковыми частями, их семьями и имуществом, то создавалось положение, при котором флотилия была не способна двинуться из Гензана.

Я настаивал на освобождении кораблей. Генерал Лебедев отдал приказ по войскам (копия не сохранилась), в котором приказывал подчиненным ему начальникам самим озаботиться обеспечением своих частей транспортными средствами, то есть кораблями флотилии. Произошла резкая переписка, в результате которой я настоял на отмене генералом Лебедевым своего приказа, но все же вопрос с освобождением кораблей не двинулся с места.

Как оказалось впоследствии, много способствовал обострению отношений миф о наличии у меня огромных ценностей на сумму в 500 тысяч иен. Миф этот имел основанием приведенное мною в первой части отчета предписание генерала Дитерихса о выемке частного имущества из хранилищ Владивостокского государственного банка. Это предписание мною исполнено не было, но генерал Дитерихс довел о нем до сведения некоторых лиц, кои начали распускать слухи, что флотилия уходит с целью увезти эти ценности и воспользоваться ими только для себя. Когда этот вопрос разъяснился, острота отношений несколько сгладилась.

В дальнейшем генералы Лебедев и Глебов, настаивая на своем желании оставаться в Гензани и не настаивая на неуходе флотилии, просили только: 1) обеспечить их отряды достаточным числом транспортов и 2) оставить офицеров флота для обслуживания транспортов до окончания надобности в них.

В результате была произведена перегрузка частей. Отряду генерала Лебедева был предоставлен пароход «Эльдорадо», отряду генерала Глебова — транспорт «Охотск», пароходы «Защитник», «Монгугай» и «Пушкарь». Вместе с тем пароходы «Смельчак», «Воевода», «Тунгуз» и «Чифу», как составлявшие частную собственность, были мною отпущены первые три во Владивостоке, а последний в распоряжение владельца, находившегося на нем. На военных кораблях остались только сухопутные части флотилии, кадетские корпуса, сверхштатные чины Морского ведомства и их семьи. После этого мною было решено оставить транспорты с сухопутными частями в Гензани, поручив командование ими контр-адмиралу Безуару, с флотилией же готовиться к уходу.

Все эти переговоры и перегрузки заняли около трех недель времени, что отразилось крайне тяжело на скудных финансах флотилии и впоследствии поставило нас в безвыходное положение в Шанхае.

Намечая уход флотилии, я колебался в выборе конечного пункта следования. Возможностей в этом отношении представлялось две: 1) Инкоу, 2) Манила. Инкоу — единственный порт владений маршала Чжан Цзо-лина, в северную область которых отошла наша армия и где должен был находиться правитель. Присоединение флотилии, при наличии известных гарантий со стороны маршала, обеспечивающих корабли от простого захвата, могло значительно усилить позиции правителя и армии при Чжан Цзо-лине. Принимая во внимание коммерческий тип большинства кораблей флотилии, рисовалась возможность обратить корабли на их прямое назначение и дать заработок личному составу. Опасной стороной решения было проверенное вероломство китайцев и неустойчивость отрицательного отношения к Советам со стороны самого маршала Чжана. Его политика, как было известно, основывалась на подсказке японцев, японцы же явно шли на сближение с большевиками. Кроме того, независимость Чжан Цзо-лина от центрального правительства Китая, находившегося в дружеских переговорах с большевистским неофициальным представителем в Пекине Иоффе, основывалась только на временной слабости центрального правительства, каковое положение могло всегда измениться не в пользу маршала.

С генералом Дитерихсом никакой связи не было. Сведения об отношении китайцев к частям армии, перешедшим границу и разоружившимся, были самого мрачного характера. Это все убеждало меня в том, что поход в Инкоу без предварительной подготовки являлся бы опрометчивым. Желание генерала Дитерихса, чтобы флотилия шла именно в Инкоу, в этот момент мне еще не было известно.

При выборе другого конечного пункта, Манилы, что мне советовал и адмирал Дудоров, я мог надеяться на человеколюбивое отношение американцев к беженцам, к личному составу флотилии и их семьям. Но я должен был учитывать, что наша организация, как таковая, никакой поддержки не получит, никакой помощи не получу я и для устройства дальнейшей судьбы кораблей, кроме разве того, что им разрешено будет оставаться в американских водах на любой срок, пока Соединенные Штаты не признают большевиков. Кроме того, поход в Манилу представлялся в высшей степени трудным и опасным в морском отношении.

Совершенно неожиданно для меня за несколько дней до ухода из Гензана ко мне прибыл из Мукдена один из русских офицеров, устроившихся при штабе Чжан Цзо-лина. Он уверял меня, что прислан от самого маршала с тем, чтобы убедить меня идти в Инкоу, что

маршал готов обеспечить флотилию всем, что я найду нужным, и дать какие угодно гарантии в исполнении своих обязательств. Не особенно доверяя этому офицеру, которого я мало знал, и вместе с тем не считая себя вправе отказаться совершенно от сношений с Чжан Цзолином, в руках которого находилась в это время вся наша армия, я командировал вместе с этим офицером в Мукден инженера полковника Ярона, коему дал письменные неограниченные полномочия на заключение договора с маршалом от моего имени и приказал располагать работу так, чтобы к приходу в Фузан⁵⁷⁷ я мог бы знать — серьезно ли это предложение.

19 ноября в Гензан, как бы проездом, прибыл один из штаб-офицеров для поручений при штабе правителя полковник Ловцевич⁵⁷⁸. Он посетил меня, рассказал мне о тех тяжелых условиях, в которые попали наши разоружившиеся части в Маньчжурии, и затем под величайшим секретом дал мне снять копию с циркулярного письма правителя, которое ему было поручено развезти по адресам, но которое почему-то не было адресовано мне. По моему мнению, оно не могло быть секретным от меня. Письмо это, имеющее большой исторический интерес, привожу полностью:

«Генералу Лохвицкому⁵⁷⁹.

*Копию переслать генералу Смолину,
копию полковнику Ловцевичу.*

С переходом Земской Ратью границы и в связи со сдачей оружия китайским военным властям Рать перестает быть воинской организацией, и существенной внутренней задачей является лишь сохранение насколько возможно существовавшей внутренней спайки в частях, дабы, с одной стороны, в среде доверившихся нам солдат не могло возникнуть мысли, что в трудных условиях жизни офицеры бросают своих солдат, а с другой — сохранить нам желательную организованность групп беженцев для облегчения расселения, довольствия и постановки разных работ.

При достижении этой задачи самым важным является сохранение в общей организации лишь тех офицерских и солдатских элементов, которые:

1) Идеино, сознательно никогда не пойдут на слияние с советской властью.

2) Которые стремятся остаться в группировке не по стадному началу, не по желанию, продолжая ничего не делать, получать жизненный паек, а будучи отдавать себе полный отчет в том, что ныне настало

время возможного голода и холода и без работы жизнь будет совершенно необеспеченной.

3) Кто вполне искренно откажется временно, впредь до изменения общего международного положения, от попыток вести и продолжать в беженской организации тайную политическую работу, не исходящую из руководства высшего командного состава.

Для достижения сего категорически воспрещаю удерживать кого-либо в составе частей в стремлении иметь части.

Теперь это совершенно не отвечает общей обстановке, так как на ближайшие месяцы условия жизни в Китае будут настолько тяжелыми, что выдержать, и без ропота, агитации и внутренней смуты могут только те, кто сознательно отнесется к этому сейчас и в идейности будет искать выхода в сохранении себя в рядах общей организации.

Организация наша для далекого будущего должна очиститься, выбросить из своего состава все, что представляет мало-мальски несознательное, не идейное, а следовательно, для нас совершенно ненужное в будущем.

Никакие авантюристические планы, намерения и стремления мною не допускаются.

Факт совершился: мы проиграли стадию борьбы 1918—1922 годов в плоскости бывшего характера борьбы, интернировались на территорию чужого государства и стали в положение обыкновенных беженцев. Это есть реальное, действительное наше современное исходное положение для всего нашего будущего стремления — освободить и возродить Великую Самодержавную Россию. Эту реальность каждый в организации обязан принять и признать искренно для данного момента и исходить в дальнейшем из нее. Но прежде всего каждый начальник должен искренно и честно, не обольщая себя личными желаниями, установить и добиться в среде своих подчиненных сознания необходимости и чистоты именно этой реальной обстановки.

Если этого не будет, то налицо явятся факты, о которых Вы мне доносит из полосы отчуждения: насильственное водворение в пределы Совроссии, распыление и расчленение воинских частей. Это явление будет вполне логическим, ибо, стремясь сохранить воинские части, Вы всегда будете иметь задержанных Вами насильственно людей, которые за Вашей спиной будут тем или иным путем доводить до сведения Китайских властей об искреннем или провокационном их стремлении вернуться в Россию, и этим создается большая опасность для тех, кто не хочет, а с внешней стороны является в насилии китайцев (какового, возможно, фактически не было). Это особенно надо продумать и воспринять в полосе отчуждения, где в полной мере

работает Дорком, советская агентура и которая слишком открыта для международного контроля.

В Хунчунском районе и вообще в глубине Китая отношение совершенно иное, здесь о насилии не может быть и речи. Главная масса беженской организации (Земской Рати) разделена мною на беженские группы: Прикамские беженцы, Волжские беженцы, Московские и т. д. Во главе каждой группы поставлен Старший. Группы будут на днях разведены по двум уездным городам для размещения и довольствия на зиму по 800 человек на город. Центральное Управление намечается в Гирине. Вопрос довольствия окончательно еще не установлен и будет разрешен в Мукдене, куда я командирую завтра Начальника Штаба Генерала Петрова. Пока люди получают довольствие от городских обществ: чумиза, картофель, капуста. Я хочу добиться в Мукдене ассигнования определенной постоянной месячной суммы, которая и будет распределяться нами самими на довольствие сообразно местным ценам на продукты. В дальнейшем китайцы предусматривают использование наших специалистов, а затем и общей массы для работ, но полагают, что первоначально международное положение и зима оттянут разрешение этих вопросов до весны.

В Мукдене же я ставлю на разрешение и вопрос общего объединения беженской организации, как с теми, которые интернировались в Пограничной, так и с теми, которые должны были прибыть в Инкоу (Старк и Лебедев). Последнее меня озабочивает, так как я подозреваю, что они задержаны японцами в Гензане, куда Старк должен был доставить до 4000 беженцев: женщин, детей и группу Глебова. Пока донесений оттуда не получал.

Лично в отношении меня китайцы относятся как к Правителю, какого звания я с себя не снимал и не могу снять. Они считают, что официально, временно я должен буду отделиться от общей массы, но не отрицают возможности сохранения моих сношений. Пока я остаюсь при главных силах, до их расселения по намеченным пунктам, на что они согласились, а в дальнейшем еще не знаю окончательного места моего пребывания, что выяснится только после моего посещения Чжан Цзо-лина.

Из сведений, получаемых из полосы отчуждения, я вижу, что среди интернировавшихся в Пограничной частей и учреждений уже началось наше обычное разложение в подобных случаях, выявляющееся прежде всего в личных счетах, забывая, что потеря чиновничества является основанием всякого революционного порядка.

По строевому положению для всех частей и учреждений, интернировавшихся в Пограничной, генерал Смолин остается старшим

начальником и старшим распорядителем. Кто не пожелает сему подчиниться, тот подлежит беспощадному исключению из наших рядов как человек с революционными зачатками в своей натуре. Всякий обход сего положения путем самостоятельного забегания к Китайским властям, путем постановки препятствий к выполнению тех или других распоряжений Генерала Смолина я рассматриваю как людей, нехорошо пользующихся настоящим нашим положением, а следовательно, обладающих натурами по природе не военными, не национальными, не монархическими и не приемлющими великих основных принципов дисциплины, чести и порядка. Это натуры 1917 года.

Генерал Смолин должен настоятельно освободить организацию от всех элементов неидейного начала и предоставить таковым свободно вернуться в Россию. Генерал Смолин должен понять международное положение, создавшееся для Китая с интернированием нас на его территории: никто в Китае не может рассматривать нас как военную организацию, и в наших интересах помочь ему выйти из этого трудного положения как можно скорее, стремясь облегчить этим положение организованной массы беженцев (Рати). Это надо было учесть с самого начала и самому создать те новые формы организации «беженцев», которые позволили бы китайским властям официально говорить, что Армии уже нет, а есть только беженцы. Поэтому в этих формах не может иметь места помещение чинов, и официально всякое лицо является только беженцем, а не Генералом, офицером, солдатом. Тогда не могла бы возникнуть и мысль об официальном отделении офицеров от солдат. А внутренне, среди идейных и сознательных элементов Генерал и офицер всегда ими и останутся. Исключением останусь лишь я один, который как был Правителем (а не Воеводой), так и останусь им, почему официально ко мне будет и иное отношение.

Средств у нас нет, почему приходится базироваться только на то, что предоставят китайцы. Их масштабы совершенно для нас необычны, и до тех пор, пока организации не начнут зарабатывать сами, положение с продовольствием будет очень трудное и тяжелое. В этом надо предупреждать всех людей и не задерживать в организации тех, кто не способен будет примириться с такой перспективой.

Никаких перспектив на будущее я сейчас не ставлю: это будет зависеть прежде всего от:

- 1) идейности и прочности организации,
- 2) от того, как удастся устроить людей в Китае и
- 3) от общего международного положения.

На ближайшее время ставлю всем начальникам задачей: заботу о занятии людей и приискание и организацию работ. Поэтому во главе групп беженцев «старшими» должны быть поставлены бывшие начальники, пользующиеся популярностью среди определенной массы людей и обладающие способностью по организации работ, занятий, развлечений.

В состав каждой группы беженцев входят и офицеры, и солдаты, и женщины, и дети. Старшие начальники, не ставшие в категорию «старших» в беженской группе, приписываются к одной из групп по своему усмотрению.

Те, кто не пожелает подчиниться указанному распоряжению, исключаются из состава нашей организации, и им предоставляется устраивать свою судьбу собственным попечением.

Все лошади, вся материальная часть, бывшее казенное имущество и имущество отдельных частей, управлений и учреждений являются достоянием казенным и продаются и ликвидируются по моим указаниям на нужды всей организации.

Собственных лошадей упраздняю.

Донесений и телеграмм на мое имя не посылать. Корреспонденция должна адресоваться на имя Полковника Бафталовского.

14 ноября 1922 года. Кип. Хунчун. № 663.

М. Дитерихс.

Верно: Генерал-Квартирмейстер Штаба Земской рати
Подполковник *Бафталовский*.

Из письма этого я впервые узнал, что в планы генерала Дитерихса входил поход флотилии с частями генерала Лебедева в Инкоу, а что части генерала Глебова подлежали доставке в Гензан и не далее. Узнал я также, что армия погибла и что правитель находится в поселке Хутун, откуда с ним нет никакой связи. Это письмо было последним известием из Ставки правителя. В связи с планами правителя относительно Инкоу посылка моего представителя в Муцзен, происшедшая случайно, приобрела новое значение, и я с нетерпением стал ожидать известий от полковника Ярона.

Готовясь к походу, я приказал произвести распределение кораблей по дивизионам.

1-й дивизион: «Байкал» (мой флаг), «Свирь», «Батарейя», «Магнит», «Взрыватель» (изъят из отряда транспортов и переведен в разряд канонерских лодок).

2-й дивизион: «Илья Муромец», «Патрокл», «Улисс», «Диомид».

3-й дивизион: «Лейтенант Дыдымов», «Фарватер», «Парис», «Аякс».

4-й дивизион (катера): «Страж», «Стрелок», «Резвый», «Усердный» (погиб на камнях), «Ординарец» — остались в Гензанае, «Надежный».

Начальниками дивизионов: 1-го остался капитан 1-го ранга Ильин, но ввиду его отсутствия корабли были подчинены непосредственно начальнику моего штаба. 2-го остался капитан 2-го ранга Четвериков. 3-го был назначен капитан 1-го ранга Соловьев. 4-го был назначен капитан 1-го ранга Пышнов.

Уход флотилии из Гензана

20 ноября последовал мой приказ об уходе из Гензана. Привожу его:

«Секретно-оперативно»

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИЕЙ

№ 40

20 ноября 1922 г., р. Гензан

Флотилия, стоя на рейде Гензан, расходует запасенный здесь уголь, причем, по предупреждению японских властей, дальнейшее пополнение здесь угля, в Гензанае, невозможно. Завтра, 21-го ноября, запас угля на флотилии приходит к такому положению, что корабли, выйдя завтра, смогут дойти только до ближайшего порта, в котором возможно пополнение углем.

Поэтому не считаю возможным задерживать в дальнейшем на рейде Гензан боевые корабли флотилии в ожидании устройства сухопутных войск, находящихся на транспортном отряде, и беженцев на берегу и приказываю:

1. 1-му, 2-му, 3-му и 4-му дивизионам судов приготовиться к походу завтра в 8 часов утра. Сниматься с якоря и следовать в море по моим сигналам.

2. Все части и беженцы, находящиеся на перечисленных дивизионах, пойдут с флотилией, ввиду не разрешения вопроса японскими властями о свозе их на берег.

3. Транспортному отряду в составе транспортов: «Охотск», «Эльдорадо», «Защитник», «Монгугай», «Пушкарь» и «Воевода» остаться на рейде Гензан под общим командованием контр-адмирала Безуа-

ра, коему сохранить отряд в полной готовности к выходу в море и к походу. В распоряжение контр-адмирала Безуара оставить все комендантские команды транспортов, увольнять чинов коих от службы, до окончания вырешения вопроса с устройством Армии, или моего особого приказания — не разрешаю.

4. Флагманскому интенданту выделить в распоряжение контр-адмирала Безуара 5000 (пять тысяч) рублей для пищевого довольствия команд транспортов в течение месяца и для возможности запастись уголь для необходимого в крайнем случае перехода отряда.

5. В распоряжение контр-адмирала Безуара для содействия выполнению порученной ему задачи оставить к/л «Илья Муромец» и катера «Ординарец» и «Надежный».

6. 4-му дивизиону идти совместно с 1-м дивизионом, причем «Резвому» идти на буксире «Свири», к/л «Батарея» иметь наблюдение за п/с «Страж», к/л «Байкал» за кат. «Стрелок».

7. Катер «Усердный», сидящий на мели в бухте Зарина, и катер «Ретвизанчик», находящийся в Чонджине, поручаю заботам Русского Консула в Гензане.

Контр-Адмирал *Старк*
Начальник Штаба Капитан 1 ранга *Фомин*».

Получив этот приказ, временный командующий сухопутными войсками генерал-лейтенант Глебов собрал военный совет из подчиненных ему начальников и прислал мне 20-го поздно вечером постановление совета, в коем заключалась просьба задержать уход флотилии до возвращения генерала Лебедева, уехавшего в Токио для совещания с членами «Сибирского правительства».

Исполнить этой просьбы я не мог, не вызвав конфликта с японцами, коим после повторных их просьб дал обещание уйти на следующий день. Кроме того, флотилия имела уголь действительно уже на исходе. Мотив просьбы о задержке я считал несерьезным.

В 8 часов утра 21 ноября флотилия вышла в Фузан, следуя подивизионно. Перед съемкой с якоря оказалась неисправность в машине на «Магните», которому было разрешено следовать в Фузан самостоятельно.

Говоря об уходе из Гензана, я должен с благодарностью вспомнить нашего консульского агента в этом городе г-на Зеллиса, отношение которого к флотилии и к ее нуждам было исключительно лояльное и предупредительное. Японские конвоиры-миноносцы следовали за флотилией. Крейсер ушел в Японию дня за два до нашего ухода из Гензана.

23 ноября флотилия благополучно прибыла в Фузан.

Фузан и переход в Шанхай

В Фузана повторилась та же история, что и в Гензане. Японские власти встречали флотилию со всей присущей им вежливостью и предупредительностью, но съезд на берег был разрешен только самому ограниченному числу лиц, по японским пропускам-карточкам, под моей гарантией, что никто из них не останется на берегу.

Наш консул в Фузана г-н Скородумов, прекрасно владевший японским языком и пользовавшийся отличным положением в городе, встретил флотилию так, как всегда встречались русские эскадры в зарубежных портах нашими дипломатическими представителями, и в дальнейшем достиг того, что местные японские власти в сношениях своих со мною обращались ко мне как к адмиралу иностранной эскадры или как к начальнику отряда беженских кораблей. Этим в значительной степени облегчилось исполнение задач, поставленных флотилии в Фузана.

Принимая во внимание трудное и щекотливое положение, в котором находился наш консул осенью 1922 года, то есть через пять лет после крушения последнего признаваемого Японией русского правительства, надо было удивляться его умению сохранить на должной высоте свой престиж как представителя России и вместе с тем в кратчайший срок добиться от японцев всего того, что нужно было флотилии. Я бы проявил черную неблагодарность, если бы не отметил в этом своем отчете то исключительное внимательное и сердечное отношение, которое встретила флотилия со стороны г-на Скородумова. Его задача, впрочем, несколько облегчилась тем обстоятельством, что флотилия ничего не просила даром и за все, что было ей нужно, уплачивала полной ценой. Все же, например, в вопросе о ремонте судов японцы долго колебались, прежде чем позволили поместить заказы на местных заводах.

Местные власти и наши конвоиры немедленно же по приходе флотилии подняли вопрос о сроке ее ухода.

В местной ратуше собралось многочисленное заседание при участии моем и нашего консула. В результате были установлены все нужды флотилии и срок ее ухода был определен на 2 декабря. При этом с меня было взято обязательство, что по уходе из Фузана флотилия более ни в один японский порт заходить не будет. Все поставки на флотилию угля и других материалов любезно приняла на себя городская управа, причем японцы уверяли, что таким способом будет выгоднее и лучше для флотилии. Отказаться, конечно, не было возможности. Как я и предвидел, «отцы города» бесчестно

обманули флотилию, поставив уголь очень плохого качества и по ценам гораздо более высоким, чем предлагали частные японские фирмы еще до заседания. По свойству японской организации, с момента, когда власти приняли на себя заботу о поставке угля, таковой исчез на всех частных складах и, несмотря на протесты наших приемщиков инженеров-механиков, уголь, поставленный городскими властями, неизменно оказывался из единственного наличного в Фузане запаса и «самого лучшего качества».

В день прихода флотилии в Фузан ко мне прибыл с докладом из Мукдена полковник Ярон. Он сообщил, что он действительно был принят представителем маршала Чжан Цзо-лина, после чего ими совместно был разработан проект договора между маршалом и мною. Черновик этого договора полковник Ярон привез с собою. Вот он:

«1. Одно из судов флотилии отправляется немедленно в Инкоу, куда и должно прибыть в кратчайший, возможный в связи с неизбежными в море случайностями, срок.

2. По прибытии названного в п. 1-м судна в Инкоу Маршал немедленно же уплачивает адмиралу Старку или кому он укажет наличными деньгами сумму, каковая необходима для покрытия расходов всей флотилии по переходу из порта Фузан в порт Инкоу и составляющуюся из стоимости угля, воды, материалов для плавания, масла, обтирочных материалов и проч., а также стоимости продовольствия всей флотилии на переход из расчета до двух недель, и выражающуюся в сумме...

3. По прибытии судов флотилии в Инкоу военные суда получают право стоянки в порту Инкоу, считаются интернированными, причем вооружение, принадлежащее кораблям, за исключением небольшого числа, не превышающего $\frac{1}{5}$ части всего вооружения каждого корабля, остается на кораблях в полном распоряжении Командующего флотилией. Что же касается транспортов и других судов флотилии, то таковые могут быть использованы для коммерческих целей на нижеуказанных в п. ... условиях.

4. К моменту прихода флотилии в Инкоу заблаговременно должен быть заготовлен полный запас угля на берегу для всей флотилии в размере 1500 тонн, каковой и погружается немедленно на корабли. Как уголь, так и погрузка его производится за счет и средствами Маршала.

5. На военных кораблях флотилии сохраняется Андреевский флаг до момента поступления его в чартер, в случае если таковой осуществляется для некоторых из военных кораблей с согласия на то Адмирала Старка и согласно условиям, указанным ниже в п. ...

6. С момента прихода флотилии в Инкоу: а) все офицеры и матросы, принадлежащие к составу флотилии, а также члены их семейств удовлетворяются продовольствием, для каковой цели Маршалом Адмиралу Старку или кому он укажет вносится сумма в 15 000 иен в месяц; б) на отопление кораблей флотилии ежемесячно авансом отпускается сумма для приобретения 800 тонн угля, сверх запаса угля, указанного в п. 4; в) все офицеры и матросы флотилии получают жалование по ставкам, назначаемым Адмиралом Старком, для каковой цели Маршалом ежемесячно выдается Адмиралу Старку или кому он укажет 16 000 иен; г) всем чинам семейств флотилии предоставляются отапливаемые и вполне пригодные для жилья помещения на берегу.

7. Транспортные суда флотилии, катера и те из военных судов, которые Адмирал Старк признает годными для коммерческих целей, могут быть сданы в чартер для использования их для перевозки грузов и пассажиров, для каковой цели дополнительным договором образуется Русско-Китайская Пароходная Компания, и с момента поступления в чартер суда поднимают китайский флаг, а остающиеся на судах бывший состав офицеров и команды переходят на службу компании.

8. Имеющиеся в составе флотилии сухопутные офицеры и солдаты батальона Морских Стрелков на службу не принимаются, причем все принадлежащее им вооружение приобретает Маршалом по цене в 70 р. за винтовку с комплектом в 30 патронов, а всем чинам батальона и их семьям предоставляется право свободного пребывания в пределах Китая и Полосы Отчуждения, или выезда, по их желанию.

9. В обеспечение производимых Маршалом указанных выше расходов Адмиралом Старком совершается особый запродажный договор на ледокол «Байкал», оцениваемый в 800 000 иен, причем ледокол по приходе в порт приступает немедленно к ледокольным работам, в случае необходимости таковых для порта Инкоу. Указанный ледокол поступает в полную собственность Маршала по внесении им всей суммы стоимости, каковая уплачивается отдельными суммами в размере полного указанного выше расхода п. 6 сего договора, каждый раз на три месяца вперед. В уплату за ледокол «Байкал» зачитывается и сумма, указанная в п. 4 сего договора, а также сумма, полученная в размере 67 500 рублей от Маршала по договору его с ген. Дитерихсом на 2 миноносца.

10. Флотилия не принимает никакого участия ни в каких военных действиях, а в случае признания Правительством Китая Правительством Российской Советской Социалистической Федеративной Респуб-

лики или правительства Дальневосточной Республики — договор считается нарушенным и флотилия имеет право свободного выхода из порта Инкоу. В случае же образования Белого Правительства на территории России флотилия также имеет право свободного выхода, за исключением судов, находящихся в чартере Русско-Китайской Компании, срок коего оговорен особым договором.

11. Срок настоящего договора считается от настоящего числа на ... год».

В таком виде договор, за исключением некоторых подробностей и редакционных поправок, был приемлем для меня. Единственным темным пятном в переговорах полковника Ярона с китайцами была неудача в его попытке видеть самого Чжан Цзо-лина, но на другой день после приезда полковника Ярона в Фузан была получена телеграмма из Муكدена, извещающая, что представитель маршала выезжает в Фузан для окончательных переговоров со мной. Оставалось ждать.

В Фузани меня ожидал еще один визит. Однажды утром ко мне в гостиницу, где я остановился на два дня, прибыл бывший старший лейтенант флота Белли⁵⁸⁰ и, отрекомендовавшись представителем советской миссии в Пекине, предложил мне от имени Иоффе вернуться с флотилией во Владивосток, обещая полную амнистию, соединение с моей семьей и хорошее вознаграждение. С негодованием отвергнув это гнусное предложение, я, памятуя свои прежние хорошие отношения с Белли, служившим со мною вместе на «Авроре» и в минной дивизии в моем штабе, предложил ему немедленно покинуть Фузан во избежание плохих для него лично последствий. Надо сказать, что это было не единственной попыткой большевиков вернуть флотилию. С самого нашего выхода из Владивостока и еще во время стоянки в Гензане большевики не оставляли нас своими призывами и просто по радио, и через японцев. Я не отвечал ни слова и запретил давать им квитанции.

Стоянка в Фузани подходила к концу. Между тем представитель Чжан Цзо-лина не приехал, и из Муكدена не было ни слуха ни духа.

От адмирала Дудорова я получил карты для похода и письмо, в котором он сообщал, что из частных бесед с американским послом в Токио выяснилось, что правительство Соединенных Штатов допускает возможность нашего прихода в Манилу и склонно рассматривать это как неизбежное зло, причем мы могли надеяться на человеколюбивое отношение к личному составу и беженцам.

Я решил с большей частью кораблей идти в Манилу, сделав, однако, заход на несколько дней в Шанхай. Там я рассчитывал получить

окончательную уверенность в том, что соглашение с Чжан Цзо-лином провалилось, устроить на стоянку мелкие корабли и катера и уволить ту часть личного состава, которая мечтала попасть именно в Шанхай.

Японцы начали беспокоиться, сдержу ли я свое слово относительно срока ухода, и каждый день приставали с этим ко мне и к консулу. Вместе с тем ремонт кораблей был закончен. Правда, некоторые корабли, особенно «Лейтенант Дыдымов», у которого ремонтировались котельные донки, продолжали внушать опасения, но тянуть с ремонтом было нельзя. Приказав на «Лейтенанте Дыдымове» изготовить плавучий якорь, я отдал приказ об уходе из Фузана в Шанхай.

Одновременно с этим я командировал полковника Ярона в Мукден с тем, чтобы окончательно выяснить вопрос с заходом в Инкоу. Он должен был прибыть в Шанхай по железной дороге.

2 декабря в 8 часов утра флотилия вышла в Шанхай. Дивизионы следовали в следующем составе: «Байкал» шел совместно с «Батареяй», «Магнит» задержался по неисправности машины на два часа, при нем в качестве конвоира следовал «Взрыватель». 2-й дивизион: «Патрокл», «Диомид» и «Улисс» — шел совместно, к нему было прикомандировано на поход посыльное судно «Страж». 3-й дивизион в составе «Лейтенант Дыдымов», «Аякс», «Парис», «Фарватер» шел соединенно, имея при себе катер «Стрелок», наконец, «Свирь» шла самостоятельно, ведя на буксире катер «Резвый». Японцы более не конвоировали нас.

Я предполагал, что дивизионы, имея приблизительно один и тот же ход семь-восемь узлов, не выйдут из видимости друг друга или, во всяком случае, останутся в пределах радиосвязи, но с наступлением темноты все дивизионы оказались в одиночестве. Попытки поддерживать радиосвязь не имели успеха, хотя радиостанции были на большинстве кораблей. Из-за отсутствия знающего офицера, радиотелеграфиста, радиотелеграфное дело в Сибирской флотилии в последние годы было поставлено более чем отвратительно. Практически не было ни одной надежно действовавшей радиостанции. Поэтому в дальнейшем на походе дивизионы более не имели связи между собой.

До утра 4 декабря все шло благополучно. Погода была совершенно тихая. В 7 часов 30 минут утра 4 декабря, когда дивизионы находились на расстоянии 120—180 миль от Шанхая, внезапно налетел сильный шквал от норд-веста, превратившийся в шторм силою восемь-девять баллов. Уже через полчаса волнение было так сильно, что «Байкал» начал принимать воду на кормовой и носовой срезы, и скоро вода залила машинное отделение.

Повернули по волне и, выбросив за борт часть имущества кадетских корпусов, которым буквально была завалена верхняя палуба, освободили штормовые шпигаты, после чего легли на старый курс. Около полудня я, видя, что «Батарее» трудно держаться на курсе, сделал ей сигнал «идти самостоятельно», после чего «Батарейя» скоро скрылась во мгле. «Байкал» не мог идти против волны и был вынужден постепенно склоняться к зюйду.

К вечеру 4 декабря «Байкал» встал на якорь за Седельными островами. К утру 5 декабря несколько стихло, мы снялись с якоря и около полудня вошли на рейд Вузунг в Ян-цы-кианге, где уже стояла на якоре «Батарейя». «Взрыватель» с «Магнитом» также потеряли друг друга, причем «Взрыватель» отстаивался у Седельных островов, а «Магнит» уклонился на 200 миль к югу от курса. Первый пришел в Вузунг 5 декабря после полудня, а второй только 6 декабря.

2-й дивизион со «Стражем» шел весь день 4-го и часть ночи на 5-е по волне и ночью повернул на курс к Шанхаю, иначе у «Стража» не хватило бы угля. 6 декабря утром дивизион благополучно и соединенно прибыл на рейд Вузунг. 3-й дивизион растерялся весь. Его корабли и «Стрелок» приходили на рейд Вузунг поодиночке в течение 6 декабря.

Не было только флагманского корабля дивизиона «Лейтенант Дыдымов». Последний раз его видел «Парис» на закате солнца 4 декабря. «Дыдымов» сильно штормовал, поворачивая то по волне, то против, не имея почти никакого хода. К несчастью, на «Парисе» был пробит волною машинный кожух, и он, сам находясь в критическом положении, не мог оказать помощи «Дыдымову» или даже держаться около него.

Обстоятельства гибели «Дыдымова» так и остались невыясненными. На нем погибли начальник дивизиона капитан 1-го ранга Соловьев с семьей, командир старший лейтенант Семенеу, старший офицер лейтенант Недригайлов и около восьмидесяти человек команды и пассажиров-кадет. Полный список погибших приведу в конце отчета.

Только «Свирь» с «Резвым» не испытали шторма. Вследствие малого хода «Свири» шторм застал ее еще у острова Квельпарт, за которым она и отстоялась, сделав переход при тихой погоде.

Таким образом, из 16 кораблей и катеров, вышедших из Фузана, 15 благополучно дошли до рейда Вузунг. То, что такие маленькие катера, как «Страж», «Фарватер» и «Стрелок», выдержали шторм в открытом море, нельзя рассматривать иначе как чудо, так, по крайней мере, считали все иностранцы — служащие Шанхайс-

кого порта, получившие ряд донесений о повреждениях больших океанских кораблей.

Последствия шторма оказались настолько тяжелыми для флотилии, что все мои планы на дальнейшее были совершенно разрушены. Двух-трехдневное странствование всей флотилии в море нарушило наши запасы угля. Денег, чтобы пополнить его в такой мере, у меня уже не было. То же оказалось в отношении провизии, часть которой была уничтожена и попорчена штормом.

«Диомид», «Магнит», «Свирь», «Парис» и «Улисс» имели повреждения в машинах, требовавшие заводского и докового ремонта, прочие корабли в большинстве также нуждались в нескольких днях стоянки, что на открытом рейде Вузунг должно было происходить под парами и, следовательно, еще более нарушало наши запасы угля. Пассажиры, переполнявшие корабли, непривычные к морю, испытав свирепый шторм со всеми последствиями и зная о гибели «Дыдымова», находились в паническом состоянии и умоляли оставить их в Шанхае.

Между тем нас ожидали еще более тяжкие испытания.

КОММЕНТАРИИ

¹ **Кадесников Николай Зотикович**, р. 13 ноября 1895 г. в Вятке. Реальное училище, Петроградский политехнический институт (не окончил), Морское инженерное училище. Мичман, инженер-механик линейного корабля «Гангут». В Добровольческой армии и ВСЮР с сентября 1918 г., инженер-механик на канонерской лодке «Терец» до эвакуации Крыма. лейтенант (с 1919). В ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. С 1955 г. в Нью-Йорке. Сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 12 августа 1971 г. в Нью-Йорке.

² Очерк Н.З. Кадесникова был впервые опубликован в серии «Русская морская зарубежная библиотека» (№ 79. Нью-Йорк. 1965).

³ **Непенин Андриан Иванович**, р. 21 октября 1871 г. Окончил Морской корпус (1892). Вице-адмирал, командующий Балтийским флотом. Убит матросами 4 марта 1917 г. в Гельсингфорсе.

⁴ К 15 марта Балтийский флот потерял 120 офицеров, из которых 76 убито (в Гельсингфорсе 45, в Кронштадте 24, в Ревеле 5 и в Петрограде 2). В Кронштадте, кроме того, было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона. Четверо офицеров покончили жизнь самоубийством и 11 пропали без вести. Всего, таким образом, погибло более 100 человек.

⁵ **Тимирев Сергей Николаевич**, р. 1875 г. Окончил Морской корпус (1895). Офицер Гвардейского экипажа. Контр-адмирал, начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с 3 мая 1918 г. во Владивостоке, 23 ноября 1918 г. — 15 августа 1919 г. помощник Верховного Главнокомандующего по морской части, с ноября 1918 г. — весной 1919 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. В эмиграции в Китае (Гонконг, Шанхай), 29 октября 1920 г. переехал из Шанхая в Сайгон, агент Добровольного флота, затем капитан торгового флота в Шанхае, к 1930 г. член объединения Гвардейского экипажа. Умер 31 мая (13 июня) 1932 г. в Шанхае.

⁶ **Дыбенко П.Е.** (1889—1938), член РСДРП с 1912 г., с 30 января до марта 1918 г. был наркомом (председателем коллегии наркомата) по морским делам. Впоследствии занимал ряд командных постов в РККА (командарм 2-го ранга, командующий войсками Ленинградского военного округа) и был расстрелян в ходе кампании репрессий конца 30-х гг.

⁷ **Ильин Ф.Ф.** (1892—1939) происходил из семьи священника, был студентом Петроградского политехнического института, с 1910 г. состоял в большевистской партии. В мичманы был произведен по окончании Отдельных гардемаринских классов в марте 1917 г. В большевистском правительстве занимал с 30 января 1918 г. пост зам. наркома по морским делам. С 1930 г. был полпредом в Эстонии, Дании и Болгарии. В 1938 г. был отозван, но, опасаясь ареста и расстрела, бежал во Францию.

⁸ **Вердеревский Дмитрий Николаевич**, р. 4 ноября 1873 г. Окончил Морской корпус (1893). Контр-адмирал, морской министр Временного правительства. В эмиграции во Франции. Умер 22 августа 1947 г. в Париже.

⁹ **Граф Капнист Алексей Павлович**, р. 1871 г. Сын тайного советника. В службе с 1891 г., офицером с 1892 г. Контр-адмирал. Убит большевиками 18—19 октября 1918 г. в Пятигорске.

¹⁰ **Кукель Сергей Андреевич** (1-й), р. 1883 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 1-го ранга, помощник морского министра. Умер до января 1929 г. в СССР.

¹¹ **Дудоров Борис Петрович**, р. 29 июля 1882 г. во Владикавказе. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 1-го ранга, военно-морской агент в Китае и Японии. В белых войсках Восточного фронта на той же должности до 1922 г. Контр-адмирал. В эмиграции в США (Калифорния), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 11 октября 1965 г. в Пало-Алто (США).

¹² **Развозов Александр Владимирович**, р. 1879 г. Окончил Морской корпус (1899). Контр-адмирал, командующий Балтийским флотом. Арестовывался 23 марта 1918 г., затем служил в РККА, участник антибольшевистской организации. Арестован 25 ноября 1919 г. и умер в тюрьме в Петрограде.

¹³ **Бахирев Михаил Коронатович**, р. 1868 г. Окончил Морской корпус (1888). Вице-адмирал. Готовил восстание против большевиков. Арестован 25 ноября 1919 г. в Петрограде. Расстрелян в 1919-м или 1921 г. в Петрограде.

¹⁴ **Князь Михаил Борисович Черкасский**, р. 1882 г. в Новочеркасске. Окончил Морской корпус (1901). Контр-адмирал. С ноября 1918 г. в русских добровольческих отрядах на Украине, в декабре 1918 г. помощник командира в Отдельном Полтавском добровольческом батальоне. Взят в плен 27 декабря 1918 г. Расстрелян большевиками в январе 1919 г. в Золотоноше Полтавской губ.

¹⁵ Имеется в виду контр-адмирал **Николай Иванович Паттон** (р. 1868 г. Окончил Морской корпус в 1889 г.).

¹⁶ Воспоминания Ю.К. Старка публикуются ниже.

¹⁷ **Беренс Михаил Андреевич**, р. 16 января 1879 г. Окончил Морской корпус (1898). Капитан 1-го ранга, и. д. начальника морского Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с января 1920 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. выехал в Крым (Севастополь) на корабле «Константин».

В сентябре 1920 г. комендант крепости Керчь, октябрь—декабрь 1920 г. начальник 2-го (Азовского) отряда Черноморского флота, с декабря 1920 г. начальник 4-й группы судов Русской эскадры (при переходе из Константинополя до Бизерты держал свой флаг на миноносце «Беспокойный»). Контр-адмирал (8 июля 1919 г.). С декабря 1920 г. по октябрь 1924 г. врид командующего Русской эскадрой. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Тунисе, служил в сельскохозяйственной дирекции. Умер 20 января 1943 г. в Мегрине (Тунис).

¹⁸ **Пилкин Владимир Константинович**, р. 1869 г. Окончил Морской корпус (1890). Контр-адмирал, командир 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. В Северо-Западной армии; с августа 1919 г. морской министр правительства Северо-Западной области. В эмиграции во Франции, секретарь Кают-компании в Ницце. Умер 6 января 1950 г. в Ницце (Франция).

¹⁹ **Шевелев Клавдий Валентинович**, р. 29 октября 1881 г. в Калише. Окончил Псковский кадетский корпус, Морской корпус (1901), Офицерский артиллерийский класс, Морскую академию. Капитан 1-го ранга, командир 13-го дивизиона эсминцев Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта с 9 августа 1918 г.; с 11 августа 1918 г. штаб-офицер для поручений при штабе флотилии Северного Ледовитого океана. В белых войсках Восточного фронта; помощник морского министра правительства адм. Колчака. Контр-адмирал (3 ноября 1919 г.). В августе 1920 г. морской агент Русской Армии в Белграде. В эмиграции в Югославии; с 1937 г. в Загребе. После 1945 г. — в США, член Общества бывших русских морских офицеров. Умер 28 мая 1971 г. в Сан-Франциско (США). Холост.

²⁰ Имеется в виду мичман Александр Иванович Никифораки, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1915).

²¹ **Тарновский Георгий Григорьевич**, р. 1886 г. В службе с 1906 г., офицером с 1907 г. (произведен из юнкеров флота). Лейтенант линейного корабля «Гангут». В Добровольческой армии и ВСЮР. Умер в 1930-х гг. в СССР.

²² То есть автор настоящего очерка.

²³ **Христофоров Борис Игнатьевич**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1910). Лейтенант линейного корабля «Гангут». В Добровольческой армии и ВСЮР. В эмиграции в 1930—1939 гг. в Судане. Умер 31 мая 1955 г. в Ницце (Франция).

²⁴ **Фон Раабен Валерий Валентинович**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман линейного корабля «Гангут». В Добровольческой армии и ВСЮР. Лейтенант. В эмиграции в США. Умер 18 апреля 1967 г. в Калифорнии.

²⁵ **Комаров Федор Николаевич**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1910). Лейтенант линейного корабля «Гангут». В Вооруженных силах Юга России; с ноября 1919 г. командир 5-го дивизиона речных канонерских лодок Средне-Днепровской флотилии. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (6 ноября 1919 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до июня 1921 г. старший флаг-офицер и затем флаг-капитан распорядитель-

ной части штаба эскадры, в июне—ноябре 1921 г. начальник той же части, к июню 1922 г. в штабе эскадры. В эмиграции к 1935 г. в Марокко.

²⁶ **Дон Всеволод Павлович**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Лейтенант, старший штурман линейного корабля «Гангут». В Вооруженных силах Юга России; с 28 марта 1920 г. старший лейтенант, с 19 апреля 1920 г. командир канонерской лодки «Страж» отряда судов Азовского моря. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (20 июня 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте (находился в Марселе). В эмиграции во Франции, член Военно-Морского союза. Умер 9 января 1954 г. в Париже.

²⁷ **Бернацкий Борис Владимирович**, р. 30 августа 1892 г. Окончил Морское инженерное училище (1915). Мичман, инженер-механик линкора «Гангут». Во ВСЮР и Русской Армии. Лейтенант (28 марта 1920 г.). В эмиграции во Франции, 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже, с 1949 г. в Финляндии. Умер 9 ноября 1977 г. в Хельсинки.

²⁸ **Веденяпин Петр Александрович**, р. 1885 г. Окончил Пажецкий корпус (1903). Полковник л.-гв. Преображенского полка, командующий л.-гв. Измайловским полком. Член Алексеевской организации; с августа 1917 г. в офицерской организации в Петрограде. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. начальник штаба ген. Алексеева в Новочеркасске, с ноября 1917 г. представитель армии в Минеральных Водах. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, в мае 1918 г. представитель армии на Терекке, на 6 ноября — 6 декабря 1918 г. член Главного комитета Общества Белого Креста. В эмиграции в Китае, на 1920 г. в Тяньцзине, с сентября 1926 г. член правления отделения Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота в Тяньцзине, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, затем в Парагвае. Умер после 1960 г. в Аргентине (убит).

²⁹ **Парфенов Василий Дмитриевич**, р. ок. 1892 г. Из дворян. Произведен в офицеры за боевое отличие (1914). Штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка. С октября 1917 г. член тайной монархической организации. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г., командир 1-й Сводно-офицерской роты — первой части Добровольческой армии, с 15 ноября — в Юнкерской роте и Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й роте Офицерского (Марковского) полка. С мая 1918 г. в Астраханской армии, в начале 1919 г. снова в Добровольческой армии в Сводно-гвардейском полку, в мае 1919 г. капитан, начальник команды конных разведчиков 3-го батальона в том же полку. Летом 1920 г. получил назначение командиром пехотного полка. Полковник. Убит по дороге в полк.

³⁰ **Парфенов Дмитрий Дмитриевич**, р. 26 февраля 1900 г. Гардемарин Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на по-

сильном судне «Якут». Мичман (с 10 декабря 1920 г., со старшинством 11 апреля 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту, на 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с ноября 1921 г. на учебном судне «Моряк», до 1925 г. командир роты Морского корпуса. В эмиграции с 1926 г. во Францию. Умер 13 мая 1969 г. в Париже.

³¹ Воспоминания А.П. Ваксмута публикуются далее.

³² **Алексеев Михаил Васильевич**, р. 1857 г., сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генштаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкомверхе А.Ф. Керенском. Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 г. член триумvirата Донского гражданского совета, с 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

³³ **Плен Павел Михайлович**, р. 1875 г. Окончил Морской корпус (1893). Капитан 1-го ранга, командир линейного корабля «Слава». В декабре 1917 г. член подпольной организации в Петрограде по отправке добровольцев на Дон, агент Добровольческой армии в Петрограде. Расстрелян большевиками в 1919 г.

³⁴ **Поздеев Николай Леонидович**, р. 11 июля 1885 г. Окончил Морской корпус (1907). Старший лейтенант. В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. при штабе ген. Алексеева и в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе ген. Корнилова. С 1918 г. в Донской армии. В эмиграции. Умер в 1935 г. в Бельгийском Конго.

³⁵ **Потемкин Владимир Николаевич**, р. 22 октября 1885 г. Из дворян Смоленской губ. Окончил Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга, командир эсминца. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; командир Морской роты в боях у Батайска (тяжело ранен), в марте 1918 г. через Новочеркасск и Кисловодск пробрался в Астрахань, откуда вернулся на Дон. Летом 1918 г. командир Новороссийского военного порта до 27 декабря 1918 г., с 7 апреля 1919 г. командир на бронепоезде «Князь Пожарский», с 1920 г. начальник дивизиона морских канонерских лодок Азовского моря (2-й отряд судов Черного моря), при эвакуации Крыма комендант Керчи. Капитан 1-го ранга. Галлиполиец. Командир транспорта «Ялта». В эмиграции во Франции, начальник 6-й группы ВМС. Умер 18 ноября 1938 г. в Париже.

³⁶ Имеется в виду капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Щастный (р. 1881 г. окончил Морской корпус, 1901).

³⁷ Юнкерский батальон. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. 15 ноября 1917 г. юнкера, кадеты и учащиеся были выделены из Сводно-офицерской роты в Юнкерскую роту (шт.-кап. В.Д. Парфенов) и переведены в лазарет № 23 на Грушевскую ул. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й — артиллерийских, 3-й — морских и 4-й — из кадет и учащихся. 19 ноября, по прибытии большой партии юнкеров-артиллеристов, 2-й взвод был развернут в отдельную часть — Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, а сама рота развернулась в батальон (две юнкерские и «кадетская» роты).

Во второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря сведен в двухротный состав («юнкерская» и «кадетская»). Ко времени выступления в 1-й Кубанский поход насчитывал 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого юнкерского батальона. Командир — шт.-кап. В.Д. Парфенов; командиры рот: 1-й — ротм. К.И. Скасырский, 2-й — шт.-кап. М.В. Мезерницкий.

³⁸ **Скасырский Константин Иванович**. Александровский лицей (1915) (не окончил). Поручик (штабс-ротмистр) л.-гв. Гродненского гусарского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., командир роты в Юнкерском батальоне, с декабря 1917 г. в управлении Главноначальствующего Ростова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Ротмистр. Убит до конца 1920 г.

³⁹ **Мезерницкий Мстислав Владимирович**, р. 1895 г. Из дворян. Окончил 1-е реальное училище в Петрограде, Владимирское военное училище (1915). Поручик, командир роты л.-гв. Волынского полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Петрограде. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г.; командир роты в Юнкерском батальоне, затем создатель офицерской организации на Северном Кавказе. Участник взятия Ставрополя в июле 1918 г., затем командир пластунского батальона, партизанского отряда и конного дивизиона. Весной 1919 г. капитан (есаул Кубанского казачьего войска), в октября 1919 г. начальник конвоя ген. Я.А. Слащева, в начале 1920 г. начальник конвоя командира 3-го армейского корпуса, с весны 1920 г. командир 8-го кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. В эмиграции, вернулся в Советскую Россию в ноябре 1921 г. с Я.А. Слащевым.

⁴⁰ **Сербинов Иван Петрович**. Гардемарин Морского корпуса (вып. 1918 г.). В Добровольческой армии в Юнкерском батальоне. Тяжело ранен под Ростовом 27 ноября 1917 г. Позже воевал в белых войсках Восточного фронта. Убит на Дальнем Востоке.

⁴¹ **Карцев Юрий (Георгий) Николаевич**, р. 1901. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Морской роте и Юнкерском батальоне. Во ВСЮР и Русской Армии на Черноморском флоте и в Марковском полку. Корабельный гардемарин. Умер 27 февраля 1938 г. в Алжире.

⁴² Морская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. Сформирована в начале декабря 1917 г. из добровольцев флота в числе около 50 человек (преимущественно офицеров: среди 25 ее чинов, о ком сохранились сведения, 1 кап. 2-го ранга, 4 старших лейтенанта, 7 лейтенантов, 7 мичманов, 4 гардемарина и кадет). В конце декабря переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове. Насчитывала 70 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля в ст. Ольгинской вошла в состав Сводно-офицерского полка. Командир — кап. 2-го ранга В.Н. Потемкин.

⁴³ Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Одна из первых частей Добровольческой армии. Представляла собой регулярную часть,

прибывшую в декабре 1917 г. в составе 80 человек с Кавказского фронта. В январе 1918 г. насчитывал около 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-офицерского полка. Командиры: полк. Ширяев, ротм. Дударев.

⁴⁴ **Сорокин Иван Лукич**, р. 1884 г. в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был главнокомандующим Красной армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникавших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

⁴⁵ **Адамиди Виктор Анатольевич**, р. 2 февраля 1890 г. Окончил Морской корпус (1911). лейтенант. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в Морской роте. Убит 1 (12) февраля 1918 г. в Батайске.

⁴⁶ **Мельников Александр Никитич**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман Черноморского флота. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в Морской роте. Убит 1 февраля 1918 г. под Батайском.

⁴⁷ **Энвальд Борис Евгеньевич**, р. 12 февраля 1894 г. Окончил Морской корпус (1914). лейтенант Черноморского флотского экипажа. В Добровольческой армии; с 12 декабря 1917 г. в Морской роте. Убит 1 (?) февраля 1918 г. под Батайском.

⁴⁸ **Тихомиров Василий**. Офицер с 1916 г. Мичман Черноморского флота. В Добровольческой армии с 12 декабря 1917 г., с января 1918 г. в Морской роте. Тяжело ранен. В марте 1918 г. остался в Новочеркасской больнице. Скрывался до мая 1918 г. на Дону.

⁴⁹ **Ильвов Сергей Яковлевич**, р. 22 декабря 1889 г. Окончил Морской корпус (1911). лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В Добровольческой армии со 2 января 1918 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском (Марковском) полку. Тяжело ранен под Лежанкой, с 24 января 1919 г. старший лейтенант. Весной 1919 г. артиллерийский офицер корабля «Полезный» Каспийской флотилии, с 20 сентября 1919 г. и.д. начальника дивизиона катеров-истребителей той же флотилии. К лету 1921 г. в Басре. В белых войсках Восточного фронта; 23 сентября 1921 г. прибыл во Владивосток. Командир эсминца «Твердый». Капитан 2-го ранга Сибирской флотилии; командир корабля «Байкал» в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях.

В эмиграции в Китае, в 1936 г. член Кают-компании в Шанхае, к 1941 г. член Офицерского собрания. Умер до 1962 г. в Шанхае.

⁵⁰ **Ильвов Борис Яковлевич**, р. 2 сентября 1889 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910), Минный офицерский класс (1915). лейтенант Балтийского флота. В Добровольческой армии со 2 января 1918 г. в Морской роте, 1—9 февраля 1918 г. командир той же роты. Участник 1-го

Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском (Марковском) полку. Ранен, с мая 1918 г. начальник штаба Донской флотилии, с 24 января 1919 г. старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта в Сибирской флотилии. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920 г.). К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в Китае, лейтенант французской службы в Шанхае. Умер в 1945 г. в Шанхае.

⁵¹ **Басов Анатолий Владимирович**, р. 10 апреля 1891 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. Убит 21 февраля 1918 г. под Лежанкой.

⁵² **Потолов Николай Владимирович**, р. 5 декабря 1887 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант, старший офицер эсминца «Азард». В Добровольческой армии со 2 января 1918 г. в Морской роте. В феврале 1918 г. пробрался в Баку и летом 1918 г. находился на английской службе в Персии, затем на пароходе «Вентюр» в Каспийской флотилии ВСЮР. В белых войсках Восточного фронта: с конца 1919 г. на Сибирской флотилии, в декабре 1919 г. начальник морской учебной команды во Владивостоке, затем в Морском училище во Владивостоке, с января 1920 г. командир крейсера «Орел». Капитан 2-го ранга. При эвакуации Владивостока в январе 1920 г. остался в Японии. В эмиграции на 31 января 1922 г. в Шанхае, служил в английском флоте, с 1922 г. командир канонерки таможенной службы, затем в Ревеле. Умер 19 сентября 1935 г. под Вирины (Франция).

⁵³ **Елачич Борис Михайлович**, р. 22 октября 1885 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В Добровольческой армии со 2 января 1918 г. в Морской роте. С февраля 1918 г. в Баку. В эмиграции в Персии. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. капитан 2-го ранга, начальник штаба Алтайских отрядов, с декабря 1919 г. до января 1921 г. командир белых войск на Алтае после смерти кап. Сатунина. Капитан 1-го ранга. В эмиграции в Китае, в 1921—1923 гг. в Харбине. Убит в 1930-х гг.

⁵⁴ 1-й офицерский полк (1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 1-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии и начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подорывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в том числе Сводно-офицерский полк около 800), под Екатеринодаром — 800, после штурма — 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля — до 600, в мае — около 500. Во время

похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й Офицерский генерала Маркова полк.

⁵⁵ 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Первый поход Добровольческой армии с Дона на Кубань. Продолжался с 9 февраля по 30 апреля 1918 г. Оставив Ростов, армия пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. Однако после начала похода выяснилось, что он уже оставлен Кубанским отрядом. Соединившись с последним в середине марта, армия 30—31 марта предприняла неудачную попытку взять город (при соотношении сил 1 к 10 в пользу красных). После смерти ген. А.Г. Корнилова выступила в обратный путь на Дон, где уже началось восстание казачества. За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) армия прошла 1050 верст. Участникам похода пришлось претерпеть тяжелые лишения, справедливо создавшие «первопоходникам» тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей («первопоходниками» были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов.

Среди 3683 участников похода было 36 генералов (в том числе 3 генерала от инфантерии и кавалерии и 8 генерал-лейтенантов), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в том числе 1 кап. 1-го ранга и 1 кап. 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарины, 364 унтер-офицера (в том числе подпрапорщиков и им равных), 235 солдат (в том числе ефрейторов и им равных) и 2 матроса. Кроме того, 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 рядовыми добровольцами, 5 врачами и фельдшерами, 122 сестрами милосердия и только 6 не служили в армии. Всего в походе, не считая женщин и гражданских лиц, приняло участие 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту — старше 40 лет было около 600 человек, и около 3000 моложе. После возвращения Добровольческой армии на Дон она была реорганизована и пополнилась новыми добровольцами. Для участников похода установлен знак в виде серебряного тернового венка, пересеченного снизу вверх направо серебряным мечом рукоятью вниз, носившийся на Георгиевской ленте с розеткой национальных цветов.

⁵⁶ Кононов Анатолий Алексеевич, р. 26 января 1856 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил Морской корпус (1877). Контр-адмирал в отставке. В Донской

армии; в распоряжении атамана А.М. Каледина, с ноября 1917 г. в боях с большевиками под руководством Каледина. В ноябре 1918 г. организатор и участник экспедиции из Старочеркаска в Ростов для захвата судов. Эвакуирован 23 февраля 1920 г. из Новороссийска в Салоники и затем в Югославию на корабле «Иртыш». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Польше в своем имени на Воьлыни, в 1937—1939 гг. в Вильно, затем в Югославии (Белград). После 1945 г. — во Франции. Умер 8 июля 1944 г. в Курвилье (Франция).

⁵⁷ Воспоминания И.А. Кононова публикуются ниже.

⁵⁸ **Фабрицкий Семен Семенович**, р. 14 февраля 1874 г. в Одессе. Сын судьи. Окончил Морской корпус (1894). Капитан 1-го ранга, командир Отдельной морской бригады Черноморского флота. С 1918 г. в гетманской армии; летом 1918 г. командир корпуса морской обороны Черного моря, затем в Донской армии; начальник речного отряда, командир Донской речной флотилии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Контр-адмирал. Эвакуирован на корабле «Решид-Паша» (по другим данным — «Лазарев»). К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в Константинополе, затем в Бельгии, председатель Союза морских офицеров в Бельгии. Умер 3 февраля 1941 г. в Брюсселе.

⁵⁹ **Степанов Иван Иванович**, р. 1872 г. Окончил Морской корпус (1892). Капитан 1-го ранга. В Вооруженных силах Юга России. Контр-адмирал (с 1919). Эвакуирован в декабре 1919 — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции. Умер после 1931 г.

⁶⁰ **Засв Алексей Николаевич**, р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга. В Донской армии и ВСЮР с конца 1917 г. при Морском управлении; в июле 1919 г. командующий Волжской флотилией, с февраля 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. В Русской Армии; летом 1920 г. командир судна «Веста», затем начальник службы связи флота, к 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Самара». Контр-адмирал (14 апреля 1920 г.). Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции с 1922 г. в США, рабочий в Филадельфии, затем на спичечной фабрике в Нью-Йорке; почетный член Морского Собрания в Париже и Зарубежного союза русских инвалидов, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член (1941—1942, 1945—1947 — председатель) Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Участник монархического движения. Умер 4 декабря 1966 г. в Нью-Йорке.

⁶¹ **Лукомский Сергей Владимирович**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга. В Донской армии; 1917—1918 гг., с мая 1919 г. командующий Верхне-Днепровской флотилией, с июня 1919 г. командующий Средне-Днепровской флотилией. Капитан 1-го ранга. В эмиграции в США. Умер 8 октября 1971 г. в Глен-Кове (Нью-Йорк).

⁶² **Бодиско Алексей Дмитриевич**, р. 4 сентября 1885 г. Из дворян, сын действительного статского советника. Окончил Морской корпус (1904), Михайловскую артиллерийскую академию (1910). Капитан 2-го ранга. В 1918 г. в гетманской армии; инспектор военных заводов. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. в техническом бюро Севастопольского

порта, затем в Новороссийске, затем начальник технической службы речных сил в Ростове. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Турции (о. Халки). В 1921 г. вернулся в Советскую Россию. В 1930—1933 гг. в ссылке под Вологодой. Расстрелян в 1937 г.

⁶³ **Подгорный Яков Иванович**, р. 1877 г. В службе с 1900 г. Офицер (подпоручик по адмиралтейству) с 1904 г. Окончил Либавский класс подводного плавания (1907). Капитан 2-го ранга. В Добровольческой армии и ВСЮР в Новороссийском военном порту, с 18 января 1919 г. в Донской армии; командир бронепоезда, инспектор и начальник управления морской тяжелой артиллерии. Эвакуирован. 4 июня 1920 г. возвратился в Крым (Севастополь) на корабле «Владимир». В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма, 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Далланд». Капитан 1-го ранга (1 июня 1919 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в Марселе. В эмиграции в Чехословакии, в 1928—1931 гг. редактор и издатель журнала «Зарубежный морской сборник», возглавлял группу Общества Галлиполийцев и Группу офицеров флота в Пльзене, к 1939 г. начальник 6-го отдела РОВС. Арестован в 1945 г. в Праге. Вывезен в СССР. Умер в тюрьме в Москве во время следствия.

⁶⁴ **Собецкий Владимир Иванович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1905). Старший лейтенант, командир эсминца «Жаркий». В Донской армии в 1917—1918 гг.; капитан 2-го ранга, командир канонерской лодки «Ваня», командующий Донской речной флотилией, с марта 1919 г. начальник Азовского отряда флота Донской армии, с мая 1919 г. командир Нижне-Днепровской флотилии, в июне 1919 г. начальник отряда судов Азовского моря, в январе 1920 г. командир Особого отряда обороны Днепро-Бугского лимана, с января до весны 1920 г. командир отряда Каркинитского залива, начальник 3-го отряда судов Черноморского флота. Капитан 1-го ранга. Эвакуирован в Турцию, к лету 1921 г. в Константинополе, к 1 января 1922 г. член Совета Союза морских офицеров. В эмиграции во Франции. Умер в 1935 г. в Ницце (Франция).

⁶⁵ Не вполне понятно, о ком идет речь. К концу 1917 г. во флоте числился капитан 2-го ранга Адам Фридрихович фон Гернет (р. 1878 г., произведенный в офицеры в 1902 г.), судьба которого неизвестна. Но скорее всего имеется в виду фон Гернет Владимир Викторович, р. 23 марта 1885 г. в д. Уваровке Смоленской губ. Из дворян, сын статского советника. Морской корпус (1905). Старший лейтенант. В Вооруженных силах Юга России. Капитан 1-го ранга. Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции с 1935 г. в Эстонии.

⁶⁶ **Щепотьев Сергей Александрович**, р. 1880 г. В службе и офицером с 1904 г. Капитан 2-го ранга, инженер-механик. В Донской армии в 1917—1918 гг.; с 1919 г. в Отдельном морском корпусе ВСЮР. Капитан 1-го ранга. В эмиграции. Умер до 1 января 1949 г. (по другим данным — убит).

⁶⁷ **Герасимов Евгений Николаевич**, р. 1887 г. Из казаков ВВД. Окончил Морское инженерное училище (1911). Лейтенант, инженер-механик Балтийского флота. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. В январе 1918 г. участник экспедиции в Царицын. В Донской армии; старший лейте-

нант, с 11 мая 1918 г. начальник Донской флотилии. Капитан 2-го ранга (с 12 мая 1918 г.). Утонул в 1918 г.

⁶⁸ **Соловьев Борис Всеволодович**, р. 1886 г. Из дворян, сын писателя, внук историка С.М. Соловьева. Окончил Морской корпус (1904), Офицерский класс подводного плавания (1908). Старший лейтенант, начальник школы подводного плавания в Балаклаве. В Донской армии в 1917—1918 гг. Во ВСЮР и Русской Армии; офицер связи с французским морским командованием в Севастополе. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920 г.). Эвакуирован в Турцию. К лету 1921 г. в Константинополе, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров там же. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, в 1930-х гг. инспектор магазинов «Самаритен». Капитан 1-го ранга. Умер 9 июня 1957 г. в Париже.

⁶⁹ **Селезнев Леонид Львович**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1909). В офицерских чинах с 1910 г. В Русской Армии старший лейтенант. Летом 1921 г. — в Константинополе. В эмиграции — в США. Умер 26 ноября 1952 г. в Нью-Йорке.

⁷⁰ **Елкин Василий Михайлович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант. В Донской армии с 1917 г.; с 1918 г. помощник инспектора морской тяжелой артиллерии. Старший лейтенант. Убит 18 июня 1919 г. на «Перикле» в десанте у Геническа.

⁷¹ **Коженков Владимир Владимирович**, р. 1893 г. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1916). Мичман, морской летчик. Георгиевский кавалер. В Донской армии в конце 1917-го — начале 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир «Волчьей сотни» в корпусе Шкуро, затем командир Дагестанского конного полка. Старший лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1928 г. член Каттарского кружка бывших морских офицеров. Служил в Русском Корпусе (обер-лейтенант). Убит в 1944 г.

⁷² **Медведев Сергей Иванович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907 г.). Старший лейтенант. В Донской армии с 1917—1918 гг. В начале 1919 г. командир буксира «Полезный», с января 1919 г. начальник распорядительного отделения морской части штаба Главнокомандующего ВСЮР, с апреля 1919 г. командир морского десантного отряда в десанте на Геническ, с 13 мая 1919 г. комендант Мариупольского порта, в июне командир Морской роты. Капитан 2-го ранга (11 апреля 1919 г.). Убит 18 июня 1919 г. на «Перикле» во время десанта у Геническа.

⁷³ **Шестаков Александр Михайлович**, р. 1892 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В Донской армии с 1917—1918 гг.; с 1918 г. помощник начальника Управления морской тяжелой артиллерии. Старший лейтенант (с 1918). В эмиграции во Франции. Умер 25 марта 1962 г. в Париже.

⁷⁴ **Кунаков Николай Николаевич**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В Донской армии с 1917—1918 гг. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма; командир ледокола «Джигит», январь—февраль 1921 г. участвовал в походе за оставшимися в Константинополе кораблями. Старший лейтенант (9 января 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Ки-

тае, в 1936 г. член Кают-компании в Шанхае, затем в Парагвае. Умер в апреле 1967 г. в Темуко (Чили). Жена, ребенок.

⁷⁵ **Жияшкин Владимир Владимирович**, р. 1892 г. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР в Новоросийском военном порту, с 18 января 1919 г. в Донской армии. Старший лейтенант. Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе.

⁷⁶ **Чехов Георгий Васильевич**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1914). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР в Новоросийском военном порту; с 22 января 1919 г. в Донской армии, с 19 января 1919 г. лейтенант. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (1 июня 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем в Бельгии, к 1937 г. в Льеже. После 1945 г. — в Аргентине. Умер 26 ноября 1961 г. в Буэнос-Айресе.

⁷⁷ Это неофициальное название морского бронепоезда, впоследствии — «Дмитрий Донской».

⁷⁸ **Марков Вячеслав Николаевич**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга линейного корабля «Слава», командир канонерской лодки «Грозный». В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 августа 1918 г. командир морского бронепоезда («Адмирал Непенин», затем «Дмитрий Донской»), с сентября 1919 г. на Каспийской флотилии, с 20 сентября 1919 г. начальник отряда мелкосидящих судов флотилии. Тяжело ранен 18 сентября 1919 г. Капитан 1-го ранга. В эмиграции с 1936 г. в Бельгии. Умер 11 июля 1948 г. в Брюсселе.

⁷⁹ То есть Дроздовскому полку, который был сформирован в начале мая 1918 г. в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского. После соединения последнего с Добровольческой армией получил наименование 2-го Офицерского и вошел в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя и с 4 января 1919 г. именовался 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк.

⁸⁰ **Макаров Анатолий Дмитриевич**, р. 1888 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Старший лейтенант линейного корабля «Иоанн Златоуст». В декабре 1917 г. ранен при расстреле на Малаховом кургане. В Добровольческой армии; весной 1918 г. старший офицер и с 9 октября 1918 г. командир Батареи дальнего боя (морского бронепоезда «Адмирал Непенин»). Убит 14 октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем.

⁸¹ **Варгасов Николай Павлович**, р. 1892 г. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант линкора «Иоанн Златоуст». В Добровольческой армии на бронепоезде «Адмирал Непенин». Убит 14 (15) октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем.

⁸² **Турцевич Николай**. Офицер с 1916 г. Мичман линейного корабля «Иоанн Златоуст». В Добровольческой армии на бронепоезде «Адмирал Непенин». Убит 14 октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем.

⁸³ **Хрущов Аркадий Николаевич.** Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Добровольческой армии на бронепоезде «Адмирал Непенин»; Убит 14 октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем.

⁸⁴ **Фон Вирен Роберт Эдуардович,** р. 1891 г. в Ревеле. Окончил Морской корпус (1912). Лейтенант Черноморского флота. В Добровольческой армии; с августа 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», после октября 1918 г. на бронепоезде «Дмитрий Донской», с марта 1919 г. на Каспийской флотилии: с апреля 1919 г. на «Успехе», 15 июля — 22 сентября 1919 г. командир канонерской лодки «Надежда», 18 сентября 1919 г. тяжело ранен, в 1920 г. командир канонерской лодки «Салгир». С 21 ноября 1920 г. командир канонерской лодки «Грозный». Старший лейтенант (14 октября 1918 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до марта 1923 г. командир канонерской лодки «Грозный», апрель—ноябрь 1923 г. на миноносце «Беспокойный», зачислен в штаб эскадры, март—июнь 1924 г. на учебном судне «Моряк». В эмиграции во Франции, с 1935 г. в Эстонии (в Ревеле), с 1940 г. в Германии, служил в германской армии. Умер 23 марта 1953 г. в Бонне.

⁸⁵ **Поплавский Петр.** Окончил Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В Добровольческой армии; до 14 октября 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин». Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Мичман (24 января 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в июне 1921 г. — августе 1922 г. ревизор на миноносце «Пылакий». В эмиграции во Франции. Погиб 21 июля 1943 г. в Шербуре (Франция).

⁸⁶ «Единая Россия». Тяжелый бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 1 июля 1918 г. на ст. Тихорецкая из трофейных бронеплощадок как Батарея дальнего боя. С 7 сентября 1918 г. — 5-й бронированный поезд. Участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 ноября 1918 г. получил наименование «Единая Россия». В 1919 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Участвовал в боях под Царицыном. Расформирован 12-го и оставлен 13 марта 1920 г. при эвакуации Новороссийска. Возрожден в марте 1920 г. в Крыму на базе 3-й батареи 1-го дивизиона морской тяжелой артиллерии. С 16 апреля 1920 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Оставлен 1 ноября 1920 г. при эвакуации Севастополя. Командиры: полк. Скопин (1 июля 1918 г. — 7 апреля 1919 г.), полк. В.В. Карпинский (7 апреля — 3 ноября 1919 г.), полк. В.И. Окушко (3 ноября 1919 г. — 14 апреля 1920 г., 7 июня — 24 августа, октябрь 1920 г.), кап. Смирнов (14 апреля — 7 июня 1920 г.), полк. А.А. Зеленецкий (24 августа—октябрь 1920 г.). Врио (старшие офицеры): подполк. Левиков (август—октябрь 1918 г.), кап. Михайлов (май 1919 г.), кап. Зиверт (май 1919 г.).

⁸⁷ «Дмитрий Донской». Легкий бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 11 августа 1918 г. в Екатеринодаре из трофейных бронеплощадок как Морская батарея № 2. Имел также неофициальное название «Морской бронепоезд» («Адмирал Непенин»)

и был первоначально укомплектован морскими офицерами. В боях с сентября 1918 г. под Армавиром. 14 октября 1918 г. у раз. Базовая под Ставрополем из 42 человек команды было убито 18 (в том числе 10 офицеров) и ранено 5. С 14 февраля 1919 г. — «Дмитрий Донской». В 1919 г. входил в состав 3-го бронепоездного дивизиона. В Крыму с 16 апреля 1920 г.

Оставлен 2 ноября 1920 г. при эвакуации Керчи.

Командиры: кап. 2-го ранга Марков (11 августа — начало октября 1918 г.), ст. лейт. Макаров (начало октября — 14 октября 1918, убит), ст. лейт. (кап. 2-го ранга) Бушен (октябрь 1918 — 1 июля, 17—19 августа 1919), кап. Лихачев (1 июля — 17 августа 1919), кап. Плесковский (19 августа 1919 — 3 мая 1920), полк. К.Я. Маралин (3 мая — 2 ноября 1920). Врио (старшие офицеры): кап. Ю.А. Лойко (октябрь 1918), кап. Герасимов (сентябрь—октябрь 1919), кап. Лагутин (июнь 1920), пор. Ассеев (июль 1920), полк. Подпригора (октябрь 1920).

⁸⁸ **Бушен Борис Николаевич**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицер с 1907). Старший лейтенант крейсера «Громобой». В Добровольческой армии и ВСЮР; с 7 апреля 1919 г., осенью 1919 г. командир бронепоезда «Дмитрий Донской», с 20 сентября 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Дмитрий Донской» Каспийской флотилии, в начале 1920 г. врио командующего флотилией. Капитан 2-го ранга (27 марта 1919 г.). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия), с сентября 1921 г. на Сибирской флотилии. В эмиграции во Франции, в 1928—1937 гг. член Военно-морского исторического кружка в Париже, затем в Египте. Умер 9—10 сентября 1956 г. в Александрии.

⁸⁹ «Князь Пожарский». Тяжелый бронепоезд ВСЮР. Создан 14 февраля 1919 г. в Новороссийске. В боях с 15 марта 1919 г. в Донбассе. Входил в состав 3-го бронепоездного дивизиона. Оставлен 29 января 1920 г. у ст. Тирасполь. Командиры: кап. 1-го ранга В.Н. Потемкин (7 апреля — 19 августа 1919), кап. Б.В. Харьковцев (врид; апрель 1919), полк. К.Я. Маралин (19 августа — октябрь 1919), полк. В.К. Федоров (октябрь 1919 — январь 1920).

⁹⁰ **Оглоблинский Константин Николаевич**, р. 1863 г. Окончил Морской корпус (1884). Генерал-лейтенант корпуса гидрографов (в отставке с 1917). В Донской армии; с 1918 г. командующий Донской флотилией, затем начальник управления портами Азовского моря. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в 1922 г. преподаватель Морского корпуса, октябрь—ноябрь 1923 г. председатель комиссии для библиотеки на линейном корабле «Георгий Победоносец», до октября 1924 г. заведующий штурманским имуществом в штабе эскадры. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер 12 июня 1933 г. в Ментоне (Франция).

⁹¹ **Бутаков Григорий Иванович**, р. 1873 г. Окончил Морской корпус (1894). Капитан 1-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; с мая 1919 г. командир Средне-Днепровской флотилии. Эвакуирован 8 мая 1919 г. из Одес-

сы в Константинополь на корабле «Витинин» (до осени 1920 г. из Феодосии). Контр-адмирал в отставке. В эмиграции в Константинополе, с февраля 1921-го по 1923 г. председатель Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 20 мая 1960 г. в Каннах (Франция).

⁹² **Богаевский Африкан Петрович**, р. 1872 г. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академию Генштаба (1900). Генерал-майор, начальник 1-й Забайкальской казачьей дивизии. С января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и 2-й бригады. С 4 мая 1918 г. председатель Совета управляющих отделами Всевеликого Войска Донского (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 27 августа 1918 г. генерал-лейтенант, с февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. В эмиграции во Франции. Умер 30 февраля 1934 г. в Париже.

⁹³ **Саблин Михаил Павлович**, р. 1869 г. Окончил Морской корпус (1890). Контр-адмирал. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г. (перешел от красных); с 21 марта 1919 г. Главный командир Севастопольского порта (Главный командир судов и портов Черного и Азовского морей), весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). С 3 мая 1920 г. командующий Черноморским флотом. Вице-адмирал. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Умер в октябре 1920 г.

⁹⁴ **Покровский Андрей Георгиевич**, р. 1862 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Морской корпус (1882). Вице-адмирал, начальник обороны северо-западной части Черного моря. В 1918 г. в гетманской армии в Одессе. В Вооруженных силах Юга России; участник организации десантной армии для захвата Петрограда. В апреле 1919 г. арестован, бежал. В эмиграции в декабре 1919 г. в Болгарии, затем в Вене, с 1924-го по 1936 г. в Бельгии (в Льеже), затем в Египте. Умер в 1944 г. в Каире.

⁹⁵ **Тихменев Александр Иванович**, р. 1879 г. Окончил Морской корпус (1901), Морскую академию (1906). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с июля 1918 г. (перешел от красных; в июне 1918 г., временно вступив в командование Черноморским флотом, увиденным в Новороссийск, не подчинился секретному приказу большевиков о затоплении кораблей флота в Цемесской бухте и увел часть кораблей обратно в Севастополь); в ноябре 1918 г. принял у немцев часть Черноморского флота, в начале 1919 г. в распоряжении начальника Морского управления штаба ВСЮР, с 21 марта 1919 г. начальник Морского отдела при начальнике Морского управления. В Русской Армии; с октября 1920 г. начальник Морского управления до эвакуации Крыма. Контр-адмирал (14 апреля 1920 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), к 21 ноября 1920 г. начальник базы эскадры, с декабря 1921 г. до ноября 1924 г. начальник штаба эс-

кадры в Бизерте, с октября 1923 г. член комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции в Тунисе. Умер 25 апреля 1959 г. в Тунисе. Соч.: статьи в «Морском журнале». Жена Ольга Порфирьевна.

⁹⁶ Имеется в виду старший лейтенант Владимир Андреевич Кукель, р. 1885 г., окончил Морской корпус (1905).

⁹⁷ **Клочковский Вячеслав Евгеньевич**, р. 1873 г. Окончил Демидовский лицей (1898), офицерский экзамен (1899). Контр-адмирал, командир бригады подводных лодок Черноморского флота. В 1918 г. в гетманской армии; с ноября 1918 г. морской представитель в Севастополе. Во ВСЮР и Русской Армии; командир бригады подводных лодок до эвакуации Крыма. В эмиграции с 1920 г. в Польше, служил в польском флоте. Умер в 1930 г.

⁹⁸ **Лебединский Алексей Ильич**, р. 1871 г. Окончил Морской корпус (1892). Капитан 1-го ранга, начальник штаба командующего морскими силами Черного моря. В Добровольческой армии и ВСЮР; в ноябре 1918 г. принимал от немцев корабли Черноморского флота в Севастополе; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»); начальник морского отдела штаба ВСЮР. Эвакуирован в Турцию, к лету 1921 г. в Константинополе, к 1 января 1922 г. член Совета Союза морских офицеров там же. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер 8 августа 1936 г. в Париже.

⁹⁹ **Герасимов Александр Михайлович**, р. 14 ноября 1861 г. Окончил Морской корпус (1882), Офицерский минный класс (1886), Михайловскую артиллерийскую академию (1892). Вице-адмирал, начальник учебно-артиллерийского отряда и комендант морской крепости Петра Великого (Ревель). В Добровольческой армии и ВСЮР (из отставки); с 4 ноября 1918 г. Главный командир портов и судов, март 1919 г. в Петровске на Каспии, с 21 марта 1919 г. начальник Морского управления, февраль—март 1920 г. начальник дивизиона речных судов, с марта 1920 г. в Константинополе, с 29 марта 1920 г. начальник Морского управления и командующий флотом до 3 мая 1920 г., в июне—июле 1920 г. старший морской начальник при представителе Главнокомандующего Русской Армии в Закавказье (в Батуме). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), с ноября 1920 г. до мая 1925 г. директор Морского корпуса. В эмиграции в Тунисе. Умер 2 (?) марта 1931 г. в Ферривиле (Тунис).

¹⁰⁰ **Канин Василий Александрович**, р. 1862 г. Окончил Морской корпус (1882). Адмирал, член Адмиралтейского совета. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в Одессе. Участник организации десантной армии для захвата Петрограда. С 13 ноября 1918 г. и.д. командующего, с февраля 1919 г. по 21 марта 1919 г. командующий Черноморским флотом, с 21 марта 1919 г. в отставке. В эмиграции во Франции. Умер 17 июня 1927 г. в Марселе.

¹⁰¹ **Черниловский-Сокол Николай Иванович**, р. 27 августа 1881 г. Из дворян Киевской губ. Окончил Морской корпус (1901). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. В 1918 г. командующий гетманским флотом. Контр-

адмирал. С апреля 1919 г. с остатками флота ушел за границу. В белых войсках Восточного фронта; с сентября 1919 г. во Владивостоке. С 1 февраля 1920-го по 26 мая 1921 г. командующий Сибирской флотилией, в 1921 г. одновременно командир портов, директор маяков и лоций Восточного океана, командир Владивостокского порта, с 26 июля 1921 г. в резерве чинов при штабе Сибирской флотилии. При эвакуации остался во Владивостоке, затем в эмиграции в Китае. Умер 26 ноября 1936 г. в Тяньцзине.

¹⁰² **Погорецкий Владимир Владимирович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1905), Офицерский класс подводного плавания (1909). Капитан 2-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1919 г. командир подводной лодки «Тюлень» Черноморского флота. Капитан 1-го ранга (28 марта 1920 г.). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. уехал в Харбин. В эмиграции в Китае, в 1936—1939 гг. член Кают-компаний в Шанхае. Умер 24 февраля 1970 г. в Ванкувере (Канада).

¹⁰³ **Остолопов Алексей Алексеевич**, р. 4 октября 1883 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). лейтенант, старший офицер эсминца «Лейтенант Шестаков». В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В марте 1919 г. старший лейтенант, командир канонерской лодки «К-15», с 20 сентября 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Слава» Каспийской флотилии; в начале 1920 г. командир эсминца «Капитан Сакен» до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920 г. со старшинством с 28 июля 1919 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с 1 июня 1922 г. командир роты Морского корпуса. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже. Капитан 1-го ранга (1932). Умер 1 апреля 1937 г. в Париже.

¹⁰⁴ **Максименко Владимир Григорьевич**, р. 1873 г. Окончил Морское инженерное училище (1896). Капитан 1-го ранга, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1919 г. старший механик крейсера «Кагул» («Генерал Корнилов»). В Русской Армии; флагманский инженер-механик Черноморского флота до эвакуации Крыма, с декабря 1920 г. флагманский инженер-механик Русской эскадры. Генерал-майор (30 ноября 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, апрель—декабрь 1921 г. на транспорте «Добыча», к октябрю 1923 г. на миноносце «Поспешный», до августа 1924 г. в штабе эскадры. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 7 мая 1932 г. в Париже.

¹⁰⁵ **Остелецкий Павел Павлович**, р. 1880 г. Окончил Морской корпус (1899). Капитан 1-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с 3 мая 1919 г. командир того же крейсера, затем младший флагман, начальник 1-го отряда судов Черноморского флота до эвакуации Крыма. Контр-адмирал (25 сентября 1919 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в

Бизерте, к ноябрю 1922 г. председатель правления заемного капитала. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер в 1946 г. в Париже.

¹⁰⁶ **Недзведский Владимир Александрович**, р. 1888 г. Окончил Морское инженерное училище (1910). Лейтенант, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), затем офицер для связи с английским командованием, летом 1920 г. штаб-офицер связи 2-го (Азовского) отряда судов Черноморского флота. Капитан 1-го ранга (28 марта 1920 г.). Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции в Константинополе, со 2 февраля 1923 г. в США, чернорабочий, чертежник, инженер-конструктор в Нью-Йорке; на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 3 января 1961 г. во Флориде.

¹⁰⁷ **Кисловский Александр Дмитриевич**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. командир офицерского отряда «морской охраны Севастополя», командир эсминца «Живой», с февраля 1920 г. начальник отряда Черноморского флота в Севастополе. Участник десанта в феврале 1920 г. Капитан 2-го ранга (с апреля 1919 г.). Умер в 1923 г. в Константинополе.

¹⁰⁸ **Потапьев Владимир Алексеевич**, р. 1882 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907 г.). Старший лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с апреля 1919 г. капитан 2-го ранга, старший офицер, с сентября 1919 г. и летом 1920 г. командир крейсера «Кагул» («Генерал Корнилов»). Капитан 1-го ранга (25 марта 1920 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до мая 1924 г. командир того же крейсера, член правления заемного капитала при штабе эскадры. В эмиграции в Тунисе. Умер 7 декабря 1961 г. в Тунисе. Жена Евгения Иосифовна.

¹⁰⁹ **Афанасьев Юлий Леонидович**, р. 1883 г. Окончил Морской корпус (1907). Старший лейтенант Черноморского флота. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. помощник старшего офицера, с августа 1919 г. старший офицер крейсера «Кагул» («Генерал Корнилов»). Эвакуирован в Турцию. 14 июля 1920 г. возвратился в Русскую Армию (в Севастополь) на корабле «Константин». Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (к августу 1919 г.). Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. Капитан 2-го ранга (с ноября 1919 г.). Умер 19 декабря 1929 г. в Тунисе.

¹¹⁰ **Любимов Михаил Михайлович**, р. 1889 г. Окончил Морское инженерное училище (1910). Старший лейтенант, инженер-механик. Во ВСЮР и Русской Армии; с августа 1919 г. старший инженер-механик крейсера «Кагул». В эмиграции с 1923 г. в США, с 1934 г. в Морском министерстве (в Нью-Йорке); на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 6 апреля 1972 г. в Стейтен-Айленде (Нью-Йорк).

¹¹¹ **Бубнов Валентин Владимирович**, р. 1883 г. Из дворян. Окончил Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга, командир эсминца «Заветный». Во ВСЮР и Русской Армии; с 15 апреля 1919 г. начальник дивизиона миноносцев, в августе 1919 г. начальник отряда судов Черноморского флота, осенью 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Капитан 1-го ранга (к апрелю 1919 г.). В эмиграции.

¹¹² Воспоминания Я.В. Шрамченко публикуются ниже.

¹¹³ **Рыков Иван Сергеевич**, р. 17 сентября 1883 г. Из дворян. В службе с 1906 г., офицером с 1907 г. (подпоручик по адмиралтейству). Лейтенант Экспедиции особого назначения на Дунае, комендант вооруженного парохода «Ксения». В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 января 1919 г. старший лейтенант, с августа 1919 г. командир канонерской лодки «Грозный». В Русской Армии; в мае 1920 г. руководитель десанта у Покровки, летом 1920 г. командир 1-го Днепровского речного отряда до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (29 марта 1920 г.). Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев» (старший офицер того же линкора), к 21 ноября 1920 г. командир ледокола «Илья Муромец» в Константинополе. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, командир того же ледокола, к октябрю 1923 г. на миноносце «Капитан Сакен». В эмиграции в Тунисе, топограф, инженер-строитель. Умер 10 февраля 1954 г. в Тунисе.

¹¹⁴ **Манштейн Александр Сергеевич**, р. 22 июня 1888 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; в августе 1919 г. командир эсминца «Жаркий», затем командир парохода «Кронштадт» до эвакуации Крыма, к 21 ноября 1920 г. командир эсминца «Жаркий». Старший лейтенант (с 28 марта 1920, старшинство 29 января 1919 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до сентября 1924 г. командир эсминца «Жаркий». Умер 2 февраля 1964 г. в Бизерте (Тунис).

¹¹⁵ **Слащев Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Окончил Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академию Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, со 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в Советскую Россию и служил в Красной армии. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

¹¹⁶ **Бураков Владимир Васильевич**, р. 15 июня 1894 г. Окончил Морское инженерное училище (1916). Мичман, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; с августа 1919 г. флаг-офицер Кинбурнского отряда

судов (кап. Бубнова) Черноморского флота. Лейтенант. В эмиграции в Финляндии. Умер 2 июля 1950 г. в Хельсинки.

¹¹⁷ **Машуков Николай Николаевич**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909), Михайловскую артиллерийскую академию. Старший лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г.; в 1919 г. старший офицер транспорта «Ольга», затем командир вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», с 14 октября 1919 г. капитан 2-го ранга и командир крейсера «Алмаз», в декабре 1919 г. начальник отряда Черноморского флота, с декабря 1919 г. (7 января 1920 г.), март—апрель 1920 г. командир отряда судов Азовского моря, организатор и командир Азовской флотилии, в марте 1920 г. капитан 1-го ранга, с 12 октября 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (10 августа 1920). Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в Марселе. В эмиграции во Франции, начальник группы соплавателей корабля «Цесаревич Георгий» и 3-й группы ВМС, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 октября 1968 г. под Парижем.

¹¹⁸ **Новиков Борис Леонидович**, р. 1888 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», с 27 марта 1919 г. старший лейтенант, с декабря 1919 г. командир канонерской лодки «Страж», с марта 1920 г. командир вооруженного ледокола «Гайдамак» 2-го отряда судов Черноморского флота, затем командир эсминца «Беспокойный». Капитан 2-го ранга (26 октября 1920). Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции художник и архитектор в Бейруте. В начале 1930-х гг. член Кают-компании в Бейруте, в 1933—1938 гг. подписчик «Морского журнала». Умер 16 июня 1966 г. в Бейруте.

¹¹⁹ **Ненюков Дмитрий Всеволодович**, р. 1869 г. Окончил Морской корпус (1889), Морскую академию. Вице-адмирал. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 апреля до 1 декабря 1918 г. начальник Одесского центра армии (утв. 2 февраля 1919), с марта 1919 г. управляющий военно-морской базой Одессы, с 20 августа 1919 г. командующий Черноморским флотом. Эвакуирован из Крыма на корабле «Великий князь Александр Михайлович» и в Салоники на корабле «Константин». На май 1920 г. и к лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции там же. Умер 5 июля 1929 г. в Белграде.

¹²⁰ **Берг Владимир Фердинандович** (Федорович), р. 1875 г. Окончил Морское инженерное училище (1896). Генерал-майор, инженер-механик. Во ВСЮР и Русской Армии; с апреля 1920 г. флагманский инженер-механик Черноморского флота. Генерал-лейтенант. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже, с ноября 1936 г. в Германии. Умер 17 августа 1961 г. в Висбадене (Германия).

¹²¹ **Евдокимов Сергей Владимирович**, р. 1878 г. Окончил Морской корпус (1899) (офицером с 1900). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), в

1919 г. начальник службы связи Черноморского флота, с 18 апреля до начала мая 1920 г. и.д. начальника штаба Черноморского флота, с конца мая по 17 октября 1920 г. помощник начальника Морского управления эвакуации Крыма, затем в распоряжении Главнокомандующего. Контр-адмирал. К лету 1921 г. в Константинополе (с 11 декабря 1920 г. представитель морского ведомства при обществе «Шхуна»). В эмиграции в Югославии, Франции (таксист в Париже), в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВМО), с декабря 1947 г. в Нью-Йорке, работал на фабрике; на 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 22 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

¹²² **Бирилев Вадим Андреевич**, р. 1886 г. Офицер из юнкеров флота (1909). Старший лейтенант, командир дивизиона бригады траления Черноморского флота. Во ВСЮР и Русской Армии; с февраля 1920 г. в распорядительном отделе штаба Черноморского флота, с августа 1920 г. флаг-капитан штаба Главнокомандующего, с октября 1920 г. командир корабля «Алтай» до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (29 марта 1920). На 21 ноября 1920 г. командир буксира «Черномор», на 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, апрель—май 1921 г. командир парохода «Черномор», с ноября 1921 г. заведующий складом комиссии, с октября 1923 г. на линейном корабле «Георгий Победоносец». Умер 15 октября 1961 г. в Тунисе.

¹²³ **Иванов Александр Кириллович**, р. 1875 г. Морское инженерное училище (1899). Капитан 1-го ранга, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; летом 1920 г. флагманский инженер-механик 2-го (Азовского) отряда судов Черноморского флота. Генерал-майор. Летом 1921 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 2 июля 1953 г. в Марселе.

¹²⁴ Воспоминания Б.В. Карпова публикуются ниже.

¹²⁵ Северо-Западная армия. Сформирована 19 июня 1919 г. в Эстляндии как Северная армия (1 июля переименована в Северо-Западную) на базе Псковского Добровольческого корпуса и других русских частей (в Ревеле в начале 1919 г. было приступлено к формированию Русской дружины и отряда полковника Бадендыка; всех русских войск в Прибалтике к 15 февраля 1919 г. насчитывалось 31 920 человек). Верховное руководство армией принадлежало ген. от инф. Н.Н. Юденичу, который 5 июня 1919 г. указом Верховного правителя России адм. Колчака был назначен Главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта. С 24 августа 1919 г. армия состояла из 1-го и 2-го армейских (стрелковых) корпусов (развернутых из бригад Псковского Добровольческого корпуса) и 1-й пехотной дивизии (отдельной). На начало октября 1919 г. состояла из двух армейских корпусов, пяти пехотных дивизий, отдельной бригады и ряда отдельных полков и других частей — всего было 26 пехотных полков, 2 кавалерийских, 2 отдельных батальона (в том числе добровольческий офицерский) и 1 отряд; полки в составе дивизий и бригады имели единую нумерацию и насчитывали от 200 до 1000 штыков каждый. Не входили в состав корпусов 1-я пехотная дивизия, Десантный морской отряд и 4 бронепоезда («Адмирал Колчак», «Адмирал Эссен», «Талабчанин» и «Пско-

витянин»). В состав каждой дивизии входили также отдельный легкий артиллерийской дивизион (по номеру дивизии), инженерная рота, перевязочный отряд и запасная рота или батальон, а также некоторые другие части. Вне дивизий существовали Конно-Егерский полк, Ударный батальон Шувалова, Танковый ударный батальон, 1-я авторота, 1-я автоброневая батарея, Шведский Белый легион, 1-й (полк. Керсковский) и 2-й запасные полки (на начало октября 1919 г. 850 и 900 штыков) и 1-й (подполк. Свобода) и 2-й (полк. Щепкин) запасные артдивизионы.

К началу октябрьского наступления на Петроград армия насчитывала 17 960 штыков, 700 сабель, 56 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков, 2 броневых автомобиля и 6 самолетов. Морских сил, если не считать малочисленных Наровской речной, Псковской и Чудской озерных флотилий, практически не было, но в армии воевало до 250 морских офицеров и гардемарин. Общая ее численность едва достигала 50 тыс. человек, в том числе не более 5 тыс. офицеров.

25 декабря армия была реорганизована и сведена в 3 стрелковые (1-я из бывш. 2-й, 2-я из бывш. 3-й, 3-я из бывш. 4-й и 5-й) и резервную (бывш. 1-я) дивизии и Конную бригаду (с конной батареей, командами связи и технической). По договору Эстонии с большевиками 22 января 1920 г. армия была расформирована. Летом 1920 г. часть чинов армии была вывезена в Польшу, где составила основу 3-й Русской армии и Русской Народной армии. 31 августа 1931 г. для бывших чинов армии установлен нагрудный знак в виде уменьшенной копии ее нарукавного шеврона: треугольник национальных цветов острием вверх, в красном поле которого находится белый крест, по бокам его золотые буквы «С.З», а сверху дата «1919».

Главнокомандующий — ген. от инф. Н.Н. Юденич. Нач. штаба Главнокомандующего — ген. Кондырев. Командующие армией: полк. (ген.-лейт.) А.П. Родзянко (19 июня — 2 октября 1919), ген. от инф. Н.Н. Юденич (2 октября — 24 ноября 1919), ген.-лейт. П.В. Глазенап (24 ноября 1919 г. — 22 января 1920). Нач. штаба: полк. Зейдлиц (июнь—июль 1919), ген. А.Е. Вандам (с июля 1919 г.). Главный начальник снабжения — ген. Г.Д. Янов.

¹²⁶ **Моисеев Николай**, р. 1887 г. Из штабс-капитанов произведен в мичманы. Лейтенант Балтийского флота. В Северо-Западной армии (перешел от красных с тральщиком «Китобой» 13 июня 1919 г.) в полку Андреевского флага. Взят в плен и замучен.

¹²⁷ **Сперанский Владимир Иванович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман, вахтенный начальник крейсера «Баян». В Северо-Западной армии (зачислен с 13 июня 1919 г. из Красной армии у Красной Горки (командир посыльного судна «Китобой»); в разгрузочном отделе, в декабре 1919 г. в Отдельном батальоне танков (в экипаже танка «Капитан Крони»). В эмиграции в Эстонии, на март 1927 г. член Кассы взаимопомощи моряков, затем в Чехословакии, в 1933—1938 гг. в Праге. Вывезен в СССР. Умер в 1950 г. в лагере под Казанью.

¹²⁸ **Бок Вильгельм (Юлий) Юльевич**, р. 28 февраля 1888 г. Окончил Морской корпус (1909). Лейтенант. В Северо-Западной армии; с 1919 г. в

полку Андреевского флага. Убит (взят в плен и замучен) 20 октября 1919 г. под Красной Горкой.

¹²⁹ **Ферсман Оскар Оскарович**, р. 2 января 1891 г. Из дворян Лифляндской губ. Окончил Морской корпус (1910). Лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В Северо-Западной армии; в декабре 1919 г. командир танка Отдельного батальона танков. С 25 января 1920 г. по 21 ноября 1920 г. командир посыльного судна «Китобой». Совершил переход с кораблем в Севастополь. Старший лейтенант. Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции с 1933 г. в Дании, член Союза взаимопомощи русских офицеров в Дании. С 1948 г. в Аргентине. Умер 22 мая 1948 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина).

¹³⁰ **Миллер Евгений-Людвиг Карлович**, р. 25 сентября 1867 г. в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил Николаевский кадетский корпус (1884), Николаевское кавалерийское училище (1886), академия Генштаба (1892). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 января 1919 г. генерал-губернатор Северной области, член правительства: заведующий отделом иностранных дел Главнокомандующего Северного фронта, с мая 1919 г. Главнокомандующий войсками Северной области, с 10 июня 1919 г. Главнокомандующий войсками Северного фронта, с сентября 1919 г. главный начальник Северного края, с марта 1920 г. заместитель председателя ВПСО. В эмиграции главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армией в Париже, с марта 1922 г. начальник штаба Русской Армии, с ноября 1922 г. помощник Главнокомандующего Русской Армией. 1 сентября — 23 декабря 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС, с декабря 1923 г. состоял при Великом князе Николае Николаевиче, с 29 апреля 1928 г. помощник председателя РОВС, с 26 января 1930 г. председатель РОВС, с 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Состоял также председателем: Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами в 1938 г. в Париже и расстрелян 11 мая 1939 г. в Москве.

¹³¹ **Тыртов Дмитрий Дмитриевич**, р. 1880 г. Окончил Морской корпус (1900). Капитан 1-го ранга, старший офицер, командир линейного корабля «Гангут». С ноября 1918 г. в русских добровольческих отрядах на Украине. В Северо-Западной армии; с 1919 г. командир Наровской речной флотилии, в декабре 1919 г. начальник Морского управления. Ранен. В эмиграции во Франции, возглавлял 4-ю группу ВМС. Умер 6 июня 1936 г. под Парижем. Соч.: статьи в «Морском журнале».

¹³² **Бабицын Михаил Александрович**, р. 1882 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга Балтийского флота. В Северо-Западной армии; командир роты Печорского полка. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер 16 июля 1942 г. в Париже.

¹³³ **Беклемишев Владимир Александрович**. Окончил Морской корпус (1903). Старший лейтенант Балтийского флота. В Северо-Западной армии;

командир роты Печорского полка. В эмиграции в Эстонии, на март 1927 г. член Кассы взаимопомощи моряков. Умер до 1938 г. в Эстонии.

¹³⁴ **Ромашев Михаил Николаевич**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1905). Капитан 2-го ранга Балтийского флота. В Северо-Западной армии; командир роты в Печорском полку. В эмиграции в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер 28 апреля 1958 г. в Париже.

¹³⁵ **Вейгелин Георгий Евгеньевич**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицер с 1907). Старший лейтенант Балтийского флота. В Северо-Западной армии; командир роты Печорского полка, в декабре 1919 г. командир в 1-й роте тяжелых танков Отдельного батальона танков. В эмиграции в Эстонии, на март 1927 г. член Кассы взаимопомощи моряков.

¹³⁶ **Чаплин Георгий Ермолаевич**, р. 5 апреля 1886 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян. Окончил Анненское училище (1903), Санкт-Петербургский технологический институт (не закончил) (1905), экзамен при Морском корпусе (1907), офицер (произведен из юнкеров флота) с 1908 г., Морскую академию (1914). Капитан 2-го ранга эсминца «Михаил», командир отряда миноносцев Балтийского флота. Георгиевский кавалер. В белых войсках Северного фронта; руководитель переворота в Архангельске 2 августа 1918 г., командующий вооруженными силами Северной области до начала 1919 г., с 28 января 1919 г. командир 2-го Отдельного батальона, в июле—августе 1919 г. на флотилии Северного Ледовитого океана, командующий флотом Белого моря и Двинской речной флотилией, начальник участка Архангельского фронта, руководитель эвакуации Архангельска. Орд. Влад. 3-й ст. с мечами и бантом (15 декабря 1919 г.). Капитан 1-го ранга. В эмиграции в Англии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, в начале 1930-х гг. председатель Союза офицеров-участников Гражданской войны в Лондоне, в 1939—1947 гг. в английской армии. Полковник. Умер 1 февраля 1950 г. в Лондоне.

¹³⁷ **Дуров Борис Андреевич**, р. 1879 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Уфимской губ., сын полковника. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Михайловское артиллерийское училище, академию Генштаба. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Полковник, начальник штаба 3-й Особой бригады. В белых войсках Северного фронта (прибыл из Англии); с августа 1918 г. 1-й помощник начальника военного отдела ВУСО, с 6 сентября 1918 г. начальник военного управления Северной области, 18 сентября — 3 ноября 1918 г. генерал-губернатор и командующий русскими войсками Северной области, октябрь—ноябрь 1918 г. заведующий отделом военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфа ВПСО, с ноября 1918 г. в отставке. В эмиграции во Франции, директор русской гимназии и председатель Союза участников войны на Французском фронте. Умер 3 августа 1977 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

¹³⁸ **Гейфтер Александр Александрович**, р. в Одессе. Окончил Санкт-Петербургский университет (адвокат), экзамен при Морском корпусе (1917).

Мичман крейсера «Память Азова». С 1917 г. в подпольных организациях в Петрограде. С декабря 1918 г. в белых войсках Северного фронта; в Мурманске, с весны 1919 г. в Финляндии. В Северо-Западной армии в отряде катеров. В эмиграции во Франции, член Военно-морского исторического кружка в Париже. Писатель.

¹³⁹ **Викорст Николай Эммануилович**, р. 17 сентября 1873 г. в Николаеве. Окончил Морской корпус (1893). Контр-адмирал, командующий дивизией траления, затем флотилией Северного Ледовитого океана. В белых войсках Северного фронта; с ноября 1918 г. генерал-губернатор и командующий русскими войсками Северной области. В эмиграции в Норвегии и Бельгии. Возглавлял Союз офицеров в Льеже. Умер 4 марта 1944 г. в Льеже.

¹⁴⁰ **Афанасьев Алексей Петрович**, р. 26 января 1892 г. Окончил Морской корпус (1913). лейтенант Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта с осени 1918 г., с июня 1919 г. в Онежской озерной флотилии. В эмиграции в США. Умер 4 мая 1946 г. в Порт-Честере (Нью-Йорк).

¹⁴¹ **Лисаневич Георгий Николаевич**, р. 6 ноября 1894 г. в д. Благодатной Александрийского уезда Херсонской губ. Окончил Одесский кадетский корпус (вып. 1913 г. не закончил), Морской корпус (1914), Минный офицерский класс (1916). Мичман эсминца «Капитан Изыльметьев». В белых войсках Северного фронта с 27 ноября 1918 г. в Славяно-британском легионе, с 19 февраля 1919 г. на флотилии Северного Ледовитого океана, с 9 апреля 1919 г. в Национальном ополчении, с июня 1919 г., октябрь 1919-го — февраль 1920 г. в Онежской озерной флотилии. Герог. оружие (14 декабря 1919). лейтенант (7 мая 1919).

¹⁴² **Соколов Алексей Алексеевич**, р. 5 июля 1892 г. в Санкт-Петербурге. Окончил 5-ю гимназию в Петрограде, Морской корпус (1915). Мичман крейсера «Диана». В белых войсках Северного фронта с 27 ноября 1918 г.; командир эсминца «Бесстрашный», с 8 апреля 1919 г. на речной флотилии, с июня 1919 г. на Онежской озерной флотилии, в январе 1920 г. на линейном корабле «Чесма». лейтенант. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, член 5-й группы ВМС, с 1929 г. казначей ВМС, секретарь Общества взаимопомощи чинов Онежской флотилии в Париже. Умер 28 марта 1972 г. в Булонь-сюр-Сен под Парижем.

¹⁴³ **Державин Владимир Дмитриевич**, р. 1895 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта с осени 1918 г.; с июня 1919 г. на Онежской озерной флотилии, затем на флотилии Северного Ледовитого океана. лейтенант (7 мая 1919). Убит 21 февраля 1920 г. при мятеже на эсминце «Капитан Юрасовский» в Мурманске.

¹⁴⁴ **Вуич Александр Георгиевич**, р. 1895 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта; с осени 1918 г., с июня 1919 г. в Онежской озерной флотилии, на 4 октября 1919 г. комендант крепости Мят-Острова, в декабре 1919 г. командир десантной роты Онежской флотилии. лейтенант. Взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Медвежьей Горе.

¹⁴⁵ **Шамардин Михаил Сергеевич**, р. 4 октября 1896 г. в Несвиже Минской губ. Окончил Морской корпус (1917). Мичман линейного корабля «Чесма». В белых войсках Северного фронта; с 30 июля 1919 г. в Славяно-британском легионе, с июня 1919 г., в октябре 1919-го — марте 1920 г. на Онежской озерной флотилии. Орд. Ст. 3-й ст. (17 апреля 1919).

¹⁴⁶ **Дараган Дмитрий Иосифович**, р. 24 декабря 1884 г. Окончил Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга, командир эсминца «Деятельный». Георгиевский кавалер. В белых войсках Северного фронта; с 1919 г. командир Мурманского порта. Капитан 1-го ранга (2 октября 1919 г.). В эмиграции в Финляндии. Умер 31 декабря 1978 г. в Хельсинки. Оставил воспоминания.

¹⁴⁷ **Кира-Динжан Андрей Дмитриевич**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга. В белых войсках Северного фронта; с июня 1918 г. командующий флотилией на Мурмане, с 1919 г. начальник Онежской озерной флотилии. К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял Общество взаимопомощи чинов Онежской флотилии в Париже. Капитан 1-го ранга. Умер 11 апреля 1960 г. под Парижем.

¹⁴⁸ **Шульгин Борис Капитонович**, р. 24 июня 1891 г. в ст. Кабардинской. Окончил Морской корпус (1913), Офицерский артиллерийский класс. лейтенант, командир эсминца «Бесшумный». В белых войсках Северного фронта; с 11 января 1919 г. командир эсминца «Капитан Юрасовский», затем на Онежской флотилии. Георгиевское оружие. Убит до 1920 г.

¹⁴⁹ **Милевский Николай Адамович (Валерьевич)**, р. 6 марта 1890 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Морской корпус (1911). лейтенант, командир эсминца «Бесстрашный». В белых войсках Северного фронта с 7 февраля 1919 г., командир эсминца «Бесшумный», затем командир эсминца «Капитан Юрасовский». Убит 21 марта 1920 г. при мятеже на корабле в Мурманске. Холост.

¹⁵⁰ **Аннин Павел Павлович**. Окончил Училище правоведения (1914). Офицер из юнкеров флота (1916). Мичман Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта; летом 1919 г. в Онежской озерной флотилии. лейтенант (2 октября 1919). Покончил самоубийством на эсминце «Капитан Юрасовский» во время мятежа в Мурманске 21 февраля 1920 г.

¹⁵¹ **Рыбалтовский Юлий Юльевич**, р. 18 июня 1886 г. в Минске. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907), Офицерский артиллерийский класс. Старший лейтенант линейного корабля «Слава». В белых войсках Северного фронта с 27 ноября 1918 г.; командир канонерской лодки «Опыт», затем командир группы бронепоездов Двинского фронта. Капитан 2-го ранга. Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Вологде или в Холмогорах.

¹⁵² **Лобода Александр Александрович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1903). Старший лейтенант (из отставки). В белых войсках Северного фронта; октябрь 1919-го — февраль 1920 г. старший офицер на бронепоезде «Адмирал Колчак». Орд. Станислава 2-й ст. с мечами (27 октября 1919). Взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Холмогорах.

¹⁵³ **Олюнин Николай Алексеевич**, р. 11 ноября 1885 г. в Кронштадте. Окончил Морской корпус (1905). Старший лейтенант, флагманский артиллерист Або-Аландской позиции. В белых войсках Северного фронта; с 26 июля 1919 г., старший офицер на линейном корабле «Чесма», командир бронепоезда «Адмирал Колчак». Капитан 2-го ранга (15 декабря 1919). В эмиграции в Финляндии, к 1933 г. подписчик «Морского журнала». Умер 19 августа 1943 г. в Хельсинки. (По ошибочным данным — взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Холмогорах.) Жена Александра Вольдемаровна (Старк), сын Владимир, около 1910 г.

¹⁵⁴ **Витте Юрий Николаевич**, р. 26 июня 1891 г. в Новгородской губ. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант, командир эсминца «Бесстрашный». В белых войсках Северного фронта; с 27 ноября 1918 г. на той же должности, затем старший офицер на бронепоезде «Адмирал Колчак». Орд. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (22 июля 1919). Взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Холмогорах.

¹⁵⁵ **Граф Гейден Георгий Александрович**, р. 18 декабря 1893 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Морской корпус (1915). Мичман крейсера «Пересвет» и посыльного судна «Соколица». В белых войсках Северного фронта; с лета 1918 г. в Славяно-британском легионе, к ноябрю 1918 г. флаг-офицер штаба флотилии Северного Ледовитого океана, с 11 апреля 1919 г. в роте речной флотилии, затем на бронепоезде «Адмирал Колчак». Взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Холмогорах.

¹⁵⁶ **Бар. Рокассовский Платон Алексеевич**, р. 31 июля 1895 г. в Витебской губ. Окончил Кадетский корпус (1914), Морской корпус (1916). Мичман, вахтенный начальник судна «Вайгач». В белых войсках Северного фронта; с 5 августа 1918 г. в отряде на Северной Двине, с 1 сентября 1918 г. на речной флотилии, в начале 1920 г. на бронепоезде «Адмирал Колчак». Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Холмогорах.

¹⁵⁷ **Миловский Николай Петрович**, р. 19 октября 1895 г. в Воронеже. Сын статского советника. Окончил Двинское реальное училище, Морское инженерное училище (1916). Мичман, инженер-механик тральщика «Миноносец 213». В белых войсках Северного фронта; с 27 ноября 1918 г. в Славяно-британском легионе, с 14 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 26 марта 1919 г. в распоряжении главного военного прокурора, осенью 1919 г. инженер-механик посыльного судна «Горислава», в январе 1920 г. в Военно-окружном суде, затем на бронепоезде «Адмирал Колчак». Лейтенант. В эмиграции в Финляндии и Франции. Умер в декабре 1939 г. в санатории Жоффр Шампрозей (Франция). Холост, мать, сестры и братья в Двинске.

¹⁵⁸ **Мельницкий Александр Дмитриевич**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант морской авиации Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта в Британском авиационном отряде, на 15 марта 1920 г. командир сухопутного разведывательного отряда в Мурманском авиадивизионе. Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Медвежьей Горе.

¹⁵⁹ **Садовинский Бруно-Станислав Адольфович**, р. 30 января 1894 г. в Славуте Волинской губ. Окончил Сумский кадетский корпус, Морской кор-

пус (1915). Мичман эсминца «Расторопный». В белых войсках Северного фронта; с 27 ноября 1918 г. во 2-й роте морских команд на берегу, затем в войсках Пинежского района и на флотилии Северного Ледовитого океана. Орд. Анны 4-й ст. Лейтенант (7 мая 1919). Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Медвежьей Горе.

¹⁶⁰ **Добромыслов Иван Александрович**, р. 1895 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман. В белых войсках Северного фронта; в 1919 г. начальник команды связи штаба 2-й Северной стрелковой бригады. Лейтенант (2 октября 1919). Взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Медвежьей Горе.

¹⁶¹ **Католинский Глеб Петрович**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман штаба начальника Мурманского края. В белых войсках Северного фронта; 1918, на 15 февраля 1920 г. летчик-наблюдатель в Мурманском авиадивизионе. Взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Медвежьей Горе.

¹⁶² Имеется в виду кадет Иван Николаевич Былим-Колоссовский.

¹⁶³ **Фон Каналоший-Лефлер Федор Федорович**, р. 15 августа 1900 г. в Санкт-Петербурге. Гардемарин Морского корпуса, на эсминце «Звонкий». В белых войсках Северного фронта; с 13 марта 1919 г. переводчик в штабе Главнокомандующего войсками Северной области, октябрь 1919-го — февраль 1920 г. в «Волчьей сотне». Юнкер флота. Взят в плен в феврале 1920 г. Бежал. Убит осенью 1920 г. при переходе фронта в Крым.

¹⁶⁴ **Леман Николай Модестович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант. В белых войсках Северного фронта; командир бронепоезда «Адмирал Непенин» на Мурманском фронте. Капитан 2-го ранга (2 октября 1919). В эмиграции в Финляндии и Эстонии. Умер до 1938 г.

¹⁶⁵ **Поливанов Сергей Матвеевич**, р. 1882 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 1-го ранга, командир посыльного судна в Архангельске. В белых войсках Северного фронта; с 1918 г. на флотилии Северного Ледовитого океана. В эмиграции в Норвегии, с 1936 г. в Бельгии. С 1962 г. председатель Союза морских офицеров в Бельгии. Умер 26 декабря 1964 г. в Брюсселе.

¹⁶⁶ **Бичерахов Лазарь Федорович**, р. 1882 г. в Санкт-Петербурге. Из казаков ст. Ново-Осетинской Терской обл., сын офицера Собственного Е.И.В. конвоя. Окончил 1-е Петербургское реальное училище, Алексеевское военное училище. Подъесаул Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска, начальник партизанского отряда в Персии. Георгиевский кавалер. Прибыл в начале 1918 г. из Персии в Баку и Дагестан, стал руководителем борьбы с большевиками в Дагестане; командующий войсками «Диктатуры Центрокаспия», затем возглавлял союзное Кавказско-каспийское правительство. Уфимской директорией произведен в ген.-майоры с назначением командующим войсками Западно-Каспийского побережья. В начале 1919 г. после расформирования его войск англичанами перешел во ВСЮР. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Англии. Умер 22 июля 1952 г. под Ульмом (Германия).

¹⁶⁷ **Дремлюженко Николай Александрович**, р. 1894 г. В службе с 1913 г., офицером с 1916 г. Поручик корпуса корабельных инженеров. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. командирован Л. Ф. Бичераховым в штаб Добровольческой армии. Штабс-капитан. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в Турцию, к лету 1921 г. в Константинополе, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров там же.

¹⁶⁸ **Лишин Николай Николаевич**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман Балтийского флота. В Вооруженных силах Юга России; в 1918—1919 гг. на английских кораблях в Каспийском море, затем в Сибирской флотилии. В эмиграции в Китае (Шанхай), затем в Эстонии (Ревель), Латвии, в 1928—1937 гг. в Риге, к 1931 г. секретарь Объединения служивших в российском флоте.

¹⁶⁹ **Потапов Владимир Константинович**, р. 1881 г. Прапорщик по морской части запаса (1903), в службе с 1904 г. Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Капитан 1-го ранга (26 октября 1920). Старший морской начальник в Галлиполи. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на линкоре «Георгий Победоносец», с марта 1922 г. в ревизионной комиссии Бизертского Союза русских воинов в лагерях Надор и Ремель. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, с 1935 г. в Париже, с 1937 г. в Исси. Умер 3 января 1968 г. под Парижем.

¹⁷⁰ **Пышнов Борис Михайлович**, р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; в марте 1919 г. направлен с Черноморского флота на Каспий, с 13 июля 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Азия», с 20 сентября 1919 г. начальник отряда морских судов Каспийской флотилии, в конце 1919 г. до апреля 1920 г. начальник штаба той же флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в Басре. В белых войсках Восточного фронта; с 23 сентября 1921 г. заведующий плавсредствами Сибирской флотилии. Капитан 1-го ранга (с 1919 г.). При эвакуации в 1922 г. начальник 3-го дивизиона и командир корабля «Батарея» в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины); в Олонгапо — начальник 1-го дивизиона, где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, 1936 г. — 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае, с 1949 г. в США. Умер 3 января 1953 г. в Сан-Франциско.

¹⁷¹ **Пржевальский Михаил Алексеевич**, р. 5 ноября 1859 г. Из дворян Тверской губ. Окончил Полтавскую военную гимназию (1876), Михайловское артиллерийское училище (1879), Михайловскую артиллерийскую академию, академию Генштаба (1888). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Ген. от инф., командующий войсками Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России, с осени 1918 г. командующий Кавказской армией на территории Закавказья. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле «Брауенфелз». 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». В эмиграции в Югославии, член объединения л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Умер 13 декабря 1934 г. в Белграде.

¹⁷² **Ордовский-Танаевский Константин Дмитриевич**, р. 1880 г. Окончил Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919 г. бежал из Астрахани на Каспийскую флотилию. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя. В эмиграции в Югославии, чиновник железных дорог. Умер 31 октября 1939 г. в Белграде. Жена Евгения Ильична, около 1883 г., дети Елена, около 1907 г., Борис, около 1909 г., Кирилл, около 1910 г., Игорь, около 1915 г.

¹⁷³ **Вильгельминин Николай Александрович**, р. 1896 г. Окончил Морской корпус (1916). Мичман 1-го Балтийского флотского экипажа. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. в Каспийской флотилии, с апреля 1919 г. на «Успехе», 15 июля — 18 сентября 1919 г. на канонерской лодке «Надежда». К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия), затем с 20 сентября 1921 г. на Сибирской флотилии. Лейтенант. При эвакуации в 1922 г. остался в Гензане. В эмиграции в Китае, 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае. Умер после 1939 г.

¹⁷⁴ **Колесников Степан Лаврович**, р. 1892 г. Окончил Морское инженерное училище (1915). Мичман, инженер-механик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. на Каспийской флотилии, с апреля 1919 г. на «Успехе», 15 июля — 18 сентября 1919 г. на канонерской лодке «Надежда». Лейтенант (28 марта 1920).

¹⁷⁵ **Сергеев Аполинарий Иванович**, р. 1872 г. Окончил Морской корпус (1893). Капитан 1-го ранга. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. начальник Каспийской флотилии. Контр-адмирал (с 1919 г.). В ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции во Франции (к 1931 г. в Марселе), в Югославии (к 1933 г. в Белграде). После 1945 г. в Германии. Умер 1 июня 1952 г. в Ульме (погребен в Дорнштадте).

¹⁷⁶ **Степанов Александр Абрамович (Авраамович)**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии, с апреля 1919 г. на пароходе «Самет-Ага», с 9 июля 1919 г. на истребителе № 2. К 16 мая, летом 1921 г. в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. Лейтенант. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции в США. Умер 19 июля 1971 г. в Аламире (Калифорния).

¹⁷⁷ **Экк Павел Степанович**, р. 1893 г. Окончил Морское инженерное училище (1915). Мичман, инженер-механик. Во ВСЮР и Русской Армии; с апреля 1919 г. на пароходе «Самет-Ага» Каспийской флотилии, с 9 июля 1919 г. на истребителе № 1. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Лейтенант (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 27 июля 1979 г.

¹⁷⁸ **Трейер Эрвин (Эдвин) Христианович**. Офицер с 1917 г. Мичман, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии; с апреля 1919 г. на пароходе «Самет-Ага», с 9 июля 1919 г. на истребителе № 2. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В

белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. После эвакуации Приморья пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях.

¹⁷⁹ **Ильин Адриан Федорович.** Окончил Морское инженерное училище (1917). Мичман, инженер-механик В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. на пароходе «Самет-Ага» Каспийской флотилии. Тяжело ранен в мае 1919 г. в отряде капитана 1-го ранга Шуберта. Лейтенант. В эмиграции с 1930 г. в Алжире, затем во Франции. Умер 6 августа 1960 г. в Ницце (Франция).

¹⁸⁰ **Шепелев Владимир Николаевич,** р. 1892 г. Произведен в офицеры из юнкеров флота (1914). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. командир парохода «Эдисон» Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. остался в Гензане. В эмиграции в Китае. Умер в марте 1928 г. в Шанхае.

¹⁸¹ **Шейнерт Владимир Александрович,** р. 1895 г. Окончил Морской корпус (1915). В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. на пароходе «Эдисон» Каспийской флотилии. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Лейтенант (28 марта 1920, старшинство с 9 августа 1918). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, февраль—апрель 1921 г. на миноносце «Дерзкий». Умер в 1921 г. в Бизерте.

¹⁸² **Павлов Василий Алексеевич.** Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия).

¹⁸³ **Нехорошев Владимир Иванович.** Окончил Политехнический институт (1916). Офицер с 1916 г. Мичман, инженер-механик. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. на пароходе «Эдисон» Каспийской флотилии. К лету 1921 г. в Басре. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. Лейтенант. При эвакуации 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции в США, член Общества Ветеранов. Умер 2 декабря 1963 г. в Сан-Франциско.

¹⁸⁴ **Литвинюк Александр Андреевич.** Мичман, инженер-механик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. на пароходе «Эдисон», с 13 июля 1919 г. на вооруженном корабле «Азия» Каспийской флотилии. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины.

¹⁸⁵ **Гришин Алексей Николаевич (Гришин-Алмазов),** р. в Кирсановском уезде. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию ген. М.В. Алексева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918 г. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня до 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесского рай-

она; с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего войсками Юго-Западного края. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адм. Колчаку. Генерал-майор. Застрелился под угрозой плена 22 апреля (5 мая) 1919 г. в Каспийском море.

¹⁸⁶ Воспоминания К. Шуберта публикуются ниже.

¹⁸⁷ **Драценко Даниил Павлович**, р. 1876 г. Из мещан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академию Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир Русского корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. начальник 4-й Терской отдельной пластунской бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме. В Русской Армии; в августе 1920 г. начальник штаба группы войск ген. Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, со 2 сентября до 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1941—1945 гг.

¹⁸⁸ **Апушкин Александр Аркадьевич**, р. 1882 г. Окончил Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; с июня 1919 г. начальник штаба Каспийской флотилии, с 20 сентября 1919 г. начальник отряда транспортов той же флотилии. Расстрелян большевиками в 1920 г. на Каспии.

¹⁸⁹ **Рябинин Николай Александрович**, р. 1885 г. Окончил Санкт-Петербургский политехнический институт (1809), офицерский экзамен (1910). Старший лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; с 20 сентября 1919 г. начальник штаба Каспийской флотилии, капитан 2-го ранга, весной 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Капитан 1-го ранга. Эвакуирован на корабле «Лазарев». К лету 1921 г. в Константинополе. Вернулся в СССР (жил в Городце). Репрессирован в 1937 г.

¹⁹⁰ **Барон Фитингоф Александр Артурович**, р. 15 июля 1881 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; с 20 сентября 1919 г. начальник службы связи Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В эмиграции в Китае, 1936—1939 гг. член Канот-компании в Шанхае. Умер 18 марта 1943 г.

¹⁹¹ **Буцкой Владимир Алексеевич**, р. 7 мая 1890 г. в им. Райское Орловской губ. Окончил Морской корпус (1910). Лейтенант. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии, летом 1919 г. осуществлял связь с войсками Уральской армии. Старший лейтенант (28 марта 1920). К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия), затем в белых войсках Восточного фронта — на Сибирской флотилии, с сентября 1921 г. командир посыльного судна «Илья Муромец»; на нем же в походе от Гензана до Шан-

хая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, с 1931 г. начальник морского училища в Шанхае, в 1939 — 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае, затем в Италии. Умер 26 декабря 1967 г. в Риме.

¹⁹² **Мацылев Николай Александрович**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1918 г. на морском бронепоезде «Адмирал Непенин». В 1919—1920 гг. на Каспийской флотилии: летом 1919 г. командир парохода «Араг», с 18 июля 1919 г. командир парохода «Европа». Старший лейтенант (28 марта 1920). К лету 1921 г. в Басре. С сентября 1921 г. на Сибирской флотилии, командир корабля «Патрокл» той же флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае. Умер в 1952 г. в СССР.

¹⁹³ Фамилия искажена. Имеется в виду А.И. Путилин (см. ниже).

¹⁹⁴ **Путилин Александр Иванович**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии, с 1919 г. старший флаг-офицер командующего Каспийской флотилией, затем в 1-м Днепровском речном отряде до эвакуации Крыма. Лейтенант (5 августа 1919). Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в апреле 1922 г. убыл в Сербию к отцу. В эмиграции во Франции, в 1930—1936 гг. в Париже. После 1945 г. в США. Умер 4 октября 1961 г. в Лос-Анджелесе или Сан-Франциско.

¹⁹⁵ Фамилия искажена. Имеется в виду **Куликов Иван Федорович**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1910). Старший лейтенант. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии, затем на Черноморском флоте. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920).

¹⁹⁶ **Устинов Петр Константинович**, р. 1884 г. В службе с 1902 г., офицером с 1903 г. Старший лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; с 20 сентября 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Африка» Каспийской флотилии, затем на Черноморском флоте. В эмиграции с ноября 1920 г. в Филадельфии (США), владелец фирмы, землемер, художник, цензор, в 1945—1947 гг. капитан дальнего плавания; на 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 2 июля 1958 г. в Нью-Йорке.

¹⁹⁷ Воспоминания Г.А. Мейрера публикуются ниже.

¹⁹⁸ **Ершов Александр Алексеевич**. Окончил Петроградский университет (1916). Произведен в офицеры из гардемарин флота (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта с июня 1918 г. Основатель Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. командующий речным боевым флотом Народной Армии. В ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир», с июня 1921 г. в Белграде.

¹⁹⁹ **Феодосьев Петр Петрович**, р. 22 октября 1887 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир плавучей батареи «Чехословак», затем командир 3-го (1-го) дивизиона Волжской флотилии, 23 декабря

1918-го — 30 января 1919 г. командир бронепоезда Отдельной бригады морских стрелков, весной—летом 1919 г. командир 3-го дивизиона Речной боевой (Камской) флотилии, с августа 1919 г. на Обь-Иртышской флотилии, с сентября 1919 г. командующий той же флотилией. Капитан 1-го ранга (1919). Убит в начале 1920 г. у Красноярска.

²⁰⁰ **Фомин Николай Георгиевич (Юревич)**, р. 8 декабря 1888 г. в Нижнем Новгороде. Из дворян Тверской губ. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909). Старший лейтенант, флаг-капитан по оперативной части Черноморского флота, затем начальник 1-го оперативного отделения Морского Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. в Народной Армии, начальник штаба Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. и.д. начальника оперативной части (начальник штаба) речной обороны, с ноября 1918 г. начальник управления по оперативной части Морского министерства, март—июнь 1919 г. начальник штаба Речной боевой (Камской) флотилии, октябрь—ноябрь 1919 г. в Японии, зимой 1919/1920 г. командир ледоколов на Байкале. Капитан 1-го ранга (с апреля 1919). С 1920 г. в Харбине и Мукдене, входил в окружение атамана Г.М. Семенова. С мая 1921 г. начальник штаба Сибирской флотилии до эвакуации и в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1924 г. в Шанхае, до 19 апреля 1927 г. командир Шанхайского Русского полка, руководитель монархической организации, 1936 — 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае. С 1949 г. на о. Тубабао, с 1950 г. в Австралии, начальник Австралийского округа КИАФ, почетный председатель Кают-компании, вице-председатель РМО в Австралии. Умер 3 августа 1964 г. в Сиднее (Австралия).

²⁰¹ **Четвериков Семен Александрович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии; с 1919 г. из Омска прибыл в Харбин, к лету 1921 г. там же, к октябрю 1922 г. на Сибирской флотилии для связи при правителе Приморского края. Капитан 2-го ранга. При эвакуации 1922 г. начальник 2-го дивизиона Сибирской флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1924—1929 гг. служащий Шанхайского муниципалитета, 1932—1937 гг. оформитель книг, в 1936—1939 гг. член (в 1939 г. член Комитета старшин) Кают-компании в Шанхае. Умер до 1945 г. в Шанхае.

²⁰² **Розенталь Александр Эдуардович**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии, с декабря 1918 г. начальник морской артиллерийской части армии. Капитан 2-го ранга. Арестован с адм. Колчаком. К лету 1921 г. после полугода заключения под надзором в Красноярске.

²⁰³ **Степанов Николай Николаевич**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии, весной 1919 г. ко-

мандир 1-го батальона бригады морских стрелков в Сибирской армии. Капитан 2-го ранга.

²⁰⁴ **Каппель Владимир Оскарович**, р. 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), академию Генштаба (1913). Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе отряда особого назначения Народной Армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 августа 1918 г. командир бригады своего имени, полковник (сентябрь 1918 г.), командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 3 января 1919 г. — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г. — Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и Московскою группой армий, с 9 декабря 1919 г. — Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Орд. Св. Георгия 3-й (12 сентября 1919) и 4-й (22 июня 1919) степени. Умер 26 января 1920 г. у раз. Урей.

²⁰⁵ **Смирнов Михаил Иванович**, р. 18 июня 1880 г. Окончил Морской корпус (1899), Морскую академию (1914). Капитан 1-го ранга, начальник штаба Черноморского флота, начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в Америке. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. командующий Волжской флотилией, с 20 ноября 1918 г. управляющий Морским министерством правительства адм. Колчака, с апреля 1919 г. Камской флотилией (с 27 августа 1919 г. Речной боевой флотилией). Орден Св. Георгия 4-й ст. (27 августа 1919). Контр-адмирал (20 ноября 1918). В эмиграции в Германии, председатель правления и председатель Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем в США, Франции, Англии. Умер осенью 1939 г. (1940, 1943) в Лондоне.

²⁰⁶ **Федорович Михаил Иосифович**, р. 14 октября 1872 г. Окончил Морской корпус (1892), Морскую академию (1914). Капитан 1-го ранга, командир линейного корабля «Евстафий». В белых войсках Восточного фронта; начальник гарнизона и комендант Томска и Красноярска, начальник технической части Морского министерства, с весны 1919 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. Контр-адмирал (1918). В эмиграции в Китае: к лету 1921 г. в Харбине, с 1930 г. в Шанхае, организатор там морской школы. Умер 7 декабря 1936 г. в Шанхае. Жена, три дочери (эвакуированы до осени 1920 г. из Севастополя).

²⁰⁷ Воспоминания В.С. Макарова публикуются ниже.

²⁰⁸ **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. 1883. Окончил Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академию Генштаба (1911). Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., на 30 декабря 1917 г. начальник штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь. В белых войсках Восточного фронта; с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, в январе 1919 г. командир Степной группы, 23 мая — 12 августа 1919 г. начальник штаба Верховного

главнокомандующего и военный министр. 9 августа — 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская мысль». Умер в 1928 г. в Шанхае (по другим данным — убит на Дальнем Востоке в 1921 г.).

²⁰⁹ **Гайда Радола (Гейдль Рудольф)**, р. 1892 г. Офицер австрийской армии. Один из руководителей Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; 12 октября — 24 декабря 1918 г. генерал-майор, командующий Екатеринбургской группой войск, январь—июль 1919 г. командующий Сибирской армией. Генерал-лейтенант (с 17 января 1919). 17—18 ноября 1919 г. поднял во Владивостоке мятеж против адм. Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 декабря 1927 г. лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер после заключения в 1948 г. там же.

²¹⁰ **Гессе Владимир Густавович**, р. 13 ноября 1887 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицер с 1909). Лейтенант Гвардейского экипажа. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. на Камской флотилии, с августа 1919 г. командир роты Морского учебного батальона. Старший лейтенант. Застрелился в сентябре 1919 г.

²¹¹ **Де Кампо-Сципион Игорь Михайлович**, р. 31 мая 1892 г. Окончил Морской корпус (1912). Лейтенант, штурманский офицер эсминца «Изяслав». В Добровольческой армии (декабрь 1917 г. из Петрограда через Харьков); в январе 1918 г. несколько дней служил в Морской роте, затем уехал в Сибирь. В белых войсках Восточного фронта; командир корабля «Быстрый» Речной боевой (Камской) флотилии, командир роты Морского учебного батальона. Убит 12 сентября 1919 г.

²¹² **Гутан Александр Рудольфович**, р. 1887 г. Сын контр-адмирала. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; командир парохода «Александр Невский», с августа 1919 г. командир 1-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии. Капитан 2-го ранга. Взят в плен и замучен в сентябре 1919 г. на р. Тура.

²¹³ **Гакен Николай Николаевич**, р. 29 марта 1892 г. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В белых войсках Восточного фронта; командир бронепоезда Отдельной бригады морских стрелков, командир корабля «Губительный», старший флаг-офицер штаба 3-го дивизиона Речной боевой (Камской) флотилии, с августа 1919 г. командир 2-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии. Старший лейтенант (1919).

²¹⁴ **Семенов Григорий Михайлович (Семенов-Мерлин)**, р. 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с боль-

шевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. — походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

²¹⁵ **Калмыков Иван Михайлович.** Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20—31 января 1918 г. атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 марта 1919 г. командир Уссурийского особого отряда, с 29 августа 1919 г. — начальник Уссурийской отдельной бригады, с 1 января 1920 г. — Уссурийской отдельной сводной дивизии. Генерал-майор (1919). Убит в 1920 г. в Китае.

²¹⁶ **Розанов Сергей Николаевич,** р. 1869 г. В службе с 1886 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; перешел из Красной армии; с 25 сентября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующий войсками в Енисейской губ., с лета 1919 г. начальник Приамурского края, 18 июля 1919 г. — 31 января 1920 г. командующий войсками Приамурского военного округа. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, в начале ноября 1920 г. в Париже. Умер 28 августа 1937 г. в Медоне (Франция).

²¹⁷ **Китицын Михаил Александрович,** р. 17 сентября 1885 г. в Чернигове. Сын чиновника. Окончил Морской корпус (1905), Офицерский класс подводного плавания (1909). Капитан 1-го ранга, начальник Отдельных гардемаринских классов, командир учебного отряда Сибирской флотилии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. на крейсере «Орел» ушел в Японию. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с ноября 1918 г. заведующий гардемаринами, с 1919 г. начальник Морского училища во Владивостоке. В январе 1920 г. на крейсере «Орел» ушел в Дубровник, где сдал крейсер Добровольному флоту и прибыл в Крым. 21 ноября 1920 г. командир канонерской лодки «Якут». Эвакуировался с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с февраля 1922 г. помощник директора, заведующий

обучением в Морском корпусе. В эмиграции с осени 1922 г. в США, инженер в Нью-Йорке, затем в Айдахо; основатель, в 1923—1925 гг. председатель, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21—22 августа 1960 г. в Сент-Питерсберге (Флорида).

²¹⁸ **Афанасьев Михаил Митрофанович**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1905). Старший лейтенант Отдельных гардемаринских классов. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; командир крейсера «Орел» во Вьетнаме. Осенью 1919 г. прибыл с кораблем во Владивосток и убыл в Особый Маньчжурский отряд. Капитан 2-го ранга. В эмиграции в Париже, с начала 1930-х гг. в Гонконге. Умер в 1950 г. в Гонконге.

²¹⁹ **Недлер Герман Германович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908). Лейтенант, командир эсминца «Бойкий». В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. на Дальнем Востоке в составе учебного отряда Отдельных гардемаринских классов. Старший лейтенант. В эмиграции в Китае, в 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае. Умер в ноябре 1940 г. в Шанхае.

²²⁰ **Якушев Борис Владимирович**. Окончил Морской корпус. Лейтенант, командир эсминца «Грозный». В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. на Дальнем Востоке в составе учебного отряда Отдельных гардемаринских классов, затем старший штурман на вспомогательном крейсере «Орел». Старший лейтенант.

²²¹ **Соловьев Алексей Васильевич**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1921 г. начальник десантного отряда, взявшего Владивосток, затем до 18 июня 1921 г. командующий Сибирской флотилией, затем начальник 3-го дивизиона Сибирской флотилии. Капитан 1-го ранга. При эвакуации командир того же дивизиона в походе от Гензана до Шанхая — на вспомогательном крейсере «Лейтенант Дыдымов». Погиб на том же корабле 4 декабря 1922 г. в Восточно-Китайском море. Жена, дочь (погибли там же).

²²² **Вержбицкий Григорий Афанасьевич**, р. 25 января 1875 г. Из мещан г. Летичева. Каменец-Подольская гимназия (не окончил), окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был приговорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 декабря 1917 года. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с 20 июля 1918 г. генерал-майор. По очищению района р. Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем командо-

вал Западно-Сибирским отрядом, с 1 января 1919 г. командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, с 10 апреля 1919 г. командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Орд. Св. Георгия! 3-й ст. (20 февраля 1919). Орд. Св. Влад. 3-й ст. (2 мая 1919). Участник Сибирского Ледяного похода: начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с января 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 г. командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий Вооруженными силами Приморской области, с 31 мая 1921 г. командующий войсками Временного приамурского правительства и с 12 октября 1921 г. одновременно управляющий Военным и Морским ведомством, в декабре 1921-го — июне 1922 г. Главнокомандующий Дальневосточной армией. Генерал-лейтенант (с января 1919). В эмиграции в Китае; с 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, с 1932 г. начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936-го — Тяньцзиньского отдела РОВС. Умер 20 декабря 1941 г. (1942) в Тяньцзине.

²²³ **Подъяпольский Вениамин Иванович**, р. 1878 г. Окончил Морской корпус (1899). Капитан 2-го ранга Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с июня 1921 г. член военного совета, начальник штаба той же флотилии, с сентября 1921 г. директор лоций и маяков Тихого океана. Контр-адмирал. При эвакуации 1922 г. остался во Владивостоке.

²²⁴ **Безуар Василий Викторович**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1907). Старший лейтенант Отдельных гардемаринских классов. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии, летом 1918 г. в добровольческой морской роте в Харбине; с октября 1918 г. председатель комиссии для выработки временной необходимой комплектации Сибирской и Амурской флотилий, с 5 декабря 1918 г. командующий Амурской флотилией, с несколькими кораблями которой в январе 1920 г. ушел в Китай, с февраля 1920 г. командир морской роты при отступлении из Хабаровска. Капитан 2-го ранга. К лету 1921 г. в китайской тюрьме в Чигирине. С июня 1921 г. член военного совета Сибирской флотилии, с октября 1922 г. начальник отряда транспортов, заведующий эвакуацией Владивостока. Контр-адмирал. При эвакуации 1922 г. остался в Гензане. В эмиграции в Шанхае, служил в торговом флоте, редактор журнала «Штандарт», в 1939 г. член Кают-компании в Шанхае. Убит японским снарядом, командуя пароходом, в первый день войны 7 декабря 1941 г.

²²⁵ **Ухлин Андрей Иванович**, р. 1874 г. В службе с 1892 г., офицер с 1895 г. Генерал-майор, инженер-механик флота. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1921 г. на Сибирской флотилии. Генерал-лейтенант.

²²⁶ **Ярон Александр Иванович**, р. 1874 г. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1892), Николаевскую инженерную академию (1899). Полковник морской строительной части в Либаве. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. командир Владивостокского порта, с июня 1921 г. на Сибирской флотилии. При эвакуации

1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, архитектор. Умер 18 февраля 1935 г. в Шанхае.

²²⁷ **Пелль Александр Николаевич**, р. 16 сентября 1874 г. Окончил Морской корпус (1894). Капитан 1-го ранга, командир вспомогательного крейсера «Орел». В белых войсках Восточного фронта; 8 июля — 6 сентября 1918 г. командующий Сибирской флотилией, затем председатель комиссии по образованию и воспитанию гардемарин, член правления Дальневосточного механического, котельного и судостроительного завода во Владивостоке. В отставке с 1 февраля 1921 г., с июня 1921 г. член военного совета Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. остался во Владивостоке, преподаватель мореходного училища там же. Арестован 27 января 1931 г. Осужден на 10 лет ИТЛ. Умер в лагерях.

²²⁸ **Харин Николай Сергеевич**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Старший лейтенант Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; в 1919 г. прибыл из Омска в Харбин, с июня 1921 г. командир посыльного судна «Патрокл», затем директор-распорядитель конторы Добровольного флота, с сентября 1922 г. командирован в США. Капитан 1-го ранга. В эмиграции там же, с 1949 г. в Нью-Йорке, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 8 (10) сентября 1963 г. в Стратфорде (США).

²²⁹ **Серебrenников Георгий Семенович**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1921 г. в Сибирской флотилии. Старший лейтенант. В июле 1930 г. бежал из Владивостока. В эмиграции в Китае: в Мукдене, затем в Шанхае и Корее, 1936 — 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае, с 1940 г. в США; чертежник в Нью-Йорке, Вашингтоне и Вильмингтоне (Делавар); с 1946 г. капитан дальнего плавания в Маниле; на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 7 ноября 1962 г. в Мэне (США).

²³⁰ **Гарковенко Сергей Николаевич**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант Гвардейского экипажа. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. на Каспийской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1921 г. сформировал гардемаринскую группу Сибирской флотилии, старший лейтенант, с сентября 1921 г. флаг-капитан по оперативной части той же флотилии. Капитан 2-го ранга. В эмиграции на 1920 г. в Шанхае.

²³¹ **Фамилия искажена. Имеется в виду Порозов Владимир Николаевич**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Лейтенант Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии, в июне—сентябре 1921 г. флаг-капитан по оперативной части той же флотилии. Старший лейтенант. При эвакуации 1922 г. остался во Владивостоке. В эмиграции в Китае, 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае. После 1949 г. в США. Умер 4 ноября 1973 г. в Сан-Франциско (США). Сестра Ольга.

²³² **Фамилия искажена. Имеется в виду Сафонов Михаил Иванович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1914), Бакинскую авиационную шко-

лу (1915). Старший лейтенант, командир авиационного отряда во 2-м воздушном дивизионе Балтийской воздушной дивизии. В Донской армии и ВСЮР; с 1919 г. начальник Донского авиационного дивизиона морской авиации на Каспии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта; с сентября 1921 г. командир эсминца «Бойкий» Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. остался в Шанхае. Погиб в Китае.

²³³ **Гинтер Владимир Анатольевич**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант Сибирской флотилии.

В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; командир эсминцев «Твердый» и «Бравый», с июня 1921 г. флагманский интендант Сибирской флотилии. Старший лейтенант. При эвакуации 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае. Умер в 1951 г. в Гонконге.

²³⁴ **Семенец Борис Иванович**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. на Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). Старший лейтенант (28 марта 1920). В белых войсках Восточного фронта в Сибирской флотилии. При эвакуации командир вспомогательного крейсера «Лейтенант Дыдымов» в походе от Гензана до Шанхая. Погиб на нем 4 декабря 1922 г. в Восточно-Китайском море.

²³⁵ **Недригайлов Георгий Владимирович**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. на Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта на вспомогательном крейсере «Лейтенант Дыдымов» Сибирской флотилии. Погиб на том же корабле при эвакуации 4 декабря 1922 г. в Восточно-Китайском море.

²³⁶ **Николя Владимир Владимирович**, р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1903). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; начальник штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (12 июня 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, июль 1921 — июнь 1922 г. председатель Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. Умер 3 апреля 1923 г. в Бизерте (Тунис).

²³⁷ **Ермаков Мстислав Петрович**, р. 1873 г. Окончил Морское инженерное училище (1895). Генерал-майор, инженер-механик, главный инженер Дунайской флотилии (с 1917 г. в отставке генерал-лейтенантом). Во ВСЮР и Русской Армии; с 21 ноября 1920 г. младший флагман, начальник 4-го отряда судов Черноморского флота. Генерал-лейтенант флота (с ноября 1920). В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял 2-ю группу Военно-морского союза, 1924—1931 гг. председатель Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 26 июля 1960 г. в Париже. Соч.: статьи в «Морском журнале».

²³⁸ **Кедров Михаил Александрович**, р. 13 сентября 1878 г. в Епифани. Окончил 4-й Московский кадетский корпус, Морской корпус (1899). Контр-адмирал, командующий морскими силами Рижского залива, помощник во-

енного министра и управляющий Морским министерством. С 1918 г. в Лондоне — заведующий транспортом за границей по снабжению белых армий, с 12 октября 1920 г. командующий Черноморским флотом и начальник Морского управления. Вице-адмирал (с 3 ноября 1920). На 25 марта 1921 г. командующий Русской эскадрой в Бизерте, с 1921 г. в Париже. В эмиграции во Франции, председатель Военно-морского союза, заместитель председателя РОВС; на 31 января 1944 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 29 октября 1945 г. в Париже.

²³⁹ **Клыкков Александр Михайлович**, р. 1874 г. Окончил Морской корпус (1894). Капитан 1-го ранга. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. командир порта Новороссийск, с октября 1920 г. старший морской начальник в Евпатории, с 21 ноября 1920 г. младший флагманский начальник 3-го отряда судов Черноморского флота. Контр-адмирал. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в США. Умер 7 января 1951 г. в Сизтле (США).

²⁴⁰ **Левицкий Павел Павлович**, р. 3 октября 1859 г. Окончил Морской корпус (1880) (офицером с 1881). Контр-адмирал, представитель от Морского министерства в Правлении русских судостроительных заводов. В Добровольческой армии и ВСЮР; с сентября 1919 г. заведующий резервом офицеров флота и чинов Морского ведомства. В Русской Армии с 15 мая 1920 г. комендант Ялтинского порта до эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе и Греции, с 1924 г. член КИАФ, военный представитель Великого князя Кирилла Владимировича. Вице-адмирал (с 24 апреля 1930). Затем в Эстонии, на март 1927 г. почетный член Кассы взаимопомощи моряков. Умер 31 июля 1938 г. в Ревеле. Жена Мария Васильевна (1859 — 6 сентября 1922 г. в Пирее, Греция).

²⁴¹ **Федяевский Иван Константинович**, р. 1876 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 1-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; с весны 1920 г. командир отряда Каркинитского залива Черноморского флота, с октября 1920 г. старший морской начальник в Феодосии до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир линейного корабля «Генерал Алексеев». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции. Соч.: в 1928—1932 гг. статьи на морские темы в газете.

²⁴² **Александров Николай Николаевич**, р. 2 октября 1886 г. Окончил Морской корпус (1906), Морскую академию. Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. по октябрь 1920 г. инспектор классов Морского корпуса в Севастополе. Капитан 1-го ранга (26 октября 1920). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), на 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с 1922 г. инспектор классов Морского корпуса. В эмиграции с 1 апреля 1922 г. во Франции, с 1926 г. в США (Род-Айленд), профессор физики, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Декан Свято-Троицкой семинарии. Умер 25 апреля 1970 г. в Джорданвилле.

²⁴³ **Павлов Александр Николаевич**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант (с 1917 г. в отставке старшим лейтенантом). Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма; с ок-

тября 1920 г. старший офицер линейного корабля «Генерал Алексеев». Старший лейтенант (29 марта 1920). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции с 1921 г. в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте в Берлине. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., в 1920-х гг. возглавлял Братство Белого Креста. В 1940—1948 гг. в Испании (около Барселоны). Умер в марте 1969 г. под Барселоной.

²⁴⁴ **Борсук Виктор Николаевич**, р. 1877 г. Окончил Морской корпус (1897). Капитан 1-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии командир линейного корабля «Генерал Алексеев» до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на том же корабле. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1938 г. председатель отдела Военно-морского союза в Югославии. Умер 4 декабря 1950 г. в Белграде.

²⁴⁵ **Нифонтов Евгений Иванович**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1915). В Белой армии на Восточном фронте. Мичман Сибирской флотилии. В январе 1920 г. эвакуировался на транспорте «Якут» и в августе 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Крым. Лейтенант. Командир эсминца «Живой», с которым погиб при шторме в Черном море 5 ноября 1920 г.

²⁴⁶ **Скупенский Владимир Сигизмундович**. Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). Прибыл в Русскую Армию в августе 1920 г. из Порт-Саида. Мичман (с 10 декабря 1920, старшинство с 11 апреля 1920). Погиб 5 ноября 1920 г. при эвакуации из Крыма в Черном море на миноносце «Живой».

²⁴⁷ **Кривошеин Александр Васильевич**, р. 1858 г. Сын подполковника. Окончил гимназию в Варшаве, Санкт-Петербургский университет. Тайный советник, главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917—1918 гг. председатель «Союза земельных собственников», один из руководителей Правого центра. В 1920 г. в Крыму возглавлял правительство при Главнокомандующем Русской Армией бароне П.Н. Врангеле. В эмиграции во Франции. Умер в 1923 г.

²⁴⁸ Воспоминания В.А. Григоркова публикуются ниже.

²⁴⁹ **Оффенберг Сергей Владимирович**, р. 1892 г. Окончили Морской корпус (1913). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир подводной лодки «Буревестник». Старший лейтенант (26 октября 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в июне 1921 г. командир подводной лодки «Тюлень». В эмиграции в США (Коннектикут), в 1933—1934 гг. в Стратфорде. Умер в августе 1981 г. в Коннектикуте.

²⁵⁰ **Монастырев Нестор Александрович**, р. 1887 г. Окончил Московский университет (1909), экзамен при Морском корпусе (1912), Офицерский класс подводного плавания (1914). Лейтенант, командир подводной лодки «Скат». Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте; минный офицер подводной лодки «Тюлень», в мае—ноябре

1920 г. старший лейтенант, командир подводной лодки «Утка». Капитан 2-го ранга (26 октября 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с апреля 1921 г. командир подводной лодки «АГ-22», 1921 — июль 1922 г. командир подводной лодки «Утка», октябрь 1922 — декабрь 1923 г. начальник дивизиона подводных лодок, член правления заемного капитала при штабе эскадры, 1921—1924 гг. редактор «Морского сборника». Морской писатель, на 20 января 1949 г. член Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 13 февраля 1957 г. в Табарке (Тунис).

²⁵¹ **Копьев Михаил Владимирович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908), Штурманский офицерский класс (1911), Офицерский класс подводного плавания (1913). Старший лейтенант, наблюдающий по подводной части за постройкой кораблей Балтийского флота. Во ВСЮР и Русской Армии; с 21 ноября 1920 г. командир подводной лодки «Тюлень». Капитан 2-го ранга (30 ноября 1919). Эвакуирован с флотом в Бизерту. В эмиграции 1938—1957 гг. в Марокко (Касабланка), с начала 1960-х гг. во Франции. Морской писатель (Изгнанник). Умер 27 декабря 1965 г. в Шартре (Франция). Соч.: статьи в «Морском сборнике»; восп. «Страница Русского флота» (МС, вып. XVII—XIX, 1922; XX, 1923).

²⁵² **Матыевич-Мауиевич Константин Людвигович**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир подводной лодки «АГ-22». Старший лейтенант (28 марта 1920).

²⁵³ **Краснопольский Николай Александрович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант минной бригады Черноморского флота. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Эвакуирован на эсминце «Цериг». Капитан 2-го ранга (29 марта 1920). С 21 ноября 1920 г. до ноября 1922 г. командир базы подводных лодок транспорта «Добыча». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, к 1925 г. на блокшиве «Георгий Победоносец». В эмиграции во Франции, в 1930—1937 гг. в Париже, член 1-й группы ВМС. Умер в июне 1948 г. под Парижем.

²⁵⁴ **Кублицкий Александр Иванович**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1905). Старший лейтенант Гвардейского экипажа. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма; в мае—июне 1920 г. начальник дивизиона речных канонерских лодок, командир канонерской лодки «Алтай», с 21 ноября 1920 г. командир эсминца «Пылый». Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до октября 1923 г. командир эсминца «Пылый», член правления заемного капитала при штабе эскадры. В эмиграции во Франции, к 1930 г. член объединения Гвардейского экипажа, в 1938 г. в Париже. Умер 18 октября 1946 г. в Тунисе.

²⁵⁵ Воспоминания Н.Р. Гутана публикуются ниже.

²⁵⁶ **Максимович Михаил Михайлович**, р. 13 октября 1887 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910), Офицерский класс подводного плавания (1916). Лейтенант, командир подводной лодки «А-13»

(«А-16»). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, воспитатель Морского корпуса в Севастополе. С 21 ноября 1920 г. командир эсминца «Звонкий». Старший лейтенант (с 28 марта 1920, старшинство 6 февраля 1918). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, октябрь—декабрь 1921, май—сентябрь 1922 г. командир учебного судна «Моряк», апрель, сентябрь—октябрь 1922 г. командир эсминца «Звонкий». В эмиграции к 1932 г. в Алжире, затем во Франции. Умер 8 января 1965 г. в Париже.

²⁵⁷ **Зилов Владислав Александрович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908). Старший лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; с 1920 г. старший офицер на крейсере «Генерал Корнилов». В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма, к 21 ноября 1920 г. командир эсминца «Зоркий». Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с марта 1922 г. в правлении Бизертского Союза русских воинов в лагере Надор, в июле—октябре 1922 г. в лагере Ремель. В эмиграции во Франции, в 1930-х гг. в Париже. Умер 30 сентября 1965 г. в Монтаржи (Франция).

²⁵⁸ **Люби Константин Григорьевич**, р. 1888 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909), Офицерский класс подводного плавания (1913). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма; начальник оперативной части штаба флота и главного командира Севастопольского порта. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). 21 ноября 1920 — октября 1921 г. командир канонерской лодки «Страж». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер 11 июня 1957 г. в Париже. Соч. (Черномор): Волны Балтики. Рига, 1939 г.

²⁵⁹ **Степанов Борис Николаевич**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1912). Лейтенант Черноморской минной бригады. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. старший штурман вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», с 21 ноября 1920 г. командир яхты «Лукулл». Старший лейтенант (28 марта 1920). Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, в 1931—1938 гг. в Париже, к 1970 г. почетный председатель Морского Собрания в Париже. Умер 26 марта 1976 г. в Монморанси (Франция).

²⁶⁰ **Поляков Евгений А.** Окончил школу прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир гидрографического судна «Веха». Штабс-капитан по адмиралтейству.

²⁶¹ **Иваненко Николай Васильевич**, р. 24 февраля 1892 г. (1891) в Ногайске. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе, с 21 ноября 1920 г. командир буксира «Голланд». Старший лейтенант (30 ноября 1919). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер 27—28 ноября 1963 г. в Абондане под Парижем.

²⁶² **Викберг Фридрих (Федор) Эдуардович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1914). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. 21 ноября 1920 г. — апрель 1921 г. командир ледокола «Всадник». Старший лейтенант. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Германии. Умер в 1923 г. в Берлине.

²⁶³ **Вилькен Виктор Викторович**, р. 1883 г. в Ревеле. Окончил Морской корпус (1904), класс подводного плавания (1907). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; в июне 1920 г. начальник распорядительной части штаба Черноморского флота, затем командир заградителя «Буг», с октября 1920 г. командир 3-го отряда судов Черноморского флота, с 21 ноября 1920 г. до февраля 1923 г. командир ледокола «Гайдамак», который привел в Бизерту. Капитан 1-го ранга. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с февраля 1922 г. член Больничной кассы при Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции во Франции, в 1933—1934 гг. в Тулоне, затем в Германии (Веймар). Умер 24 октября 1956 г. в Фритцларе (Германия).

²⁶⁴ **Зеленой Семен Ильич**, р. 1878 г. Окончил Морской корпус (1898). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; к 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Дон», ушел в конце июня 1921 г. из Константинополя в Бизерту, в апреле 1922 г. жил на линейном корабле «Георгий Победоносец». В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер после 1934 г.

²⁶⁵ **Андросов Яков Степанович**, р. 1877 г. В службе и в офицерском чине с 1905 г. Капитан по адмиралтейству. Во ВСЮР и Русской Армии; с 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Крым». Штабс-капитан по адмиралтейству.

²⁶⁶ **Нелидов Дмитрий Дмитриевич**, р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга Балтийского флота. В Северо-Западной армии (зачислен с ноября 1918 г., перешел из Красной армии с судами Чудской флотилии), с осени, декабрь 1918 г. командир Чудской флотилии Отдельного Псковского добровольческого корпуса. В Русской Армии до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Шипка». В эмиграции в США. Умер 14 июня 1957 г. в Нью-Йорке.

²⁶⁷ **Ивановский Николай Алексеевич**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Екатеринодар». Капитан 2-го ранга.

²⁶⁸ **Савич Павел Петрович**, р. 1880 г. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир линейного корабля «Георгий Победоносец». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте.

²⁶⁹ **Мордвинов Константин Владимирович**, р. 1875 г. Окончил Морской корпус (1895), Минный офицерский класс (1902), Штурманский офицерский класс (1903). Капитан 1-го ранга, командир 6-го дивизиона миноносцев Черноморского флота. Во ВСЮР и Русской Армии; с 21 нояб-

ря 1920 г. командир транспортной мастерской «Кронштадт». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. Умер 16 декабря 1948 г. в Тунисе.

²⁷⁰ **Рыбин Александр Гаврилович**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1911), Штурманский офицерский класс (1916). Лейтенант, старший штурманский офицер линейного корабля «Императрица Екатерина Великая». В белых войсках Восточного фронта; с осени 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г. с Калькутты, командир канонерской лодки «Якут». С августа 1920 г. в Русской Армии; с 21 ноября 1920 г. командир учебного судна «Свобода». Старший лейтенант (26 октября 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, январь—май 1921 г. командир учебного судна «Великая княгиня Ксения Александровна». В эмиграции на 31 января 1922 г. в Тунисе, служил в Морском корпусе, с 1924 г. во Франции. Застрелился 25 ноября 1927 г. в Париже.

²⁷¹ **Лесгафт Андрей Борисович**. Окончил Школу прапорщиков флота (1917), Офицерский класс подводного плавания (1918). Мичман военного времени. В Северо-Западной армии; в декабре 1919 г. в Отдельном батальоне танков, с февраля 1920 г. на тральщике «Китобой», участник перехода в Крым. Эвакуирован с флотом в Бизерту, до августа 1924 г. в штабе эскадры: сентябрь—декабрь 1921 г. флаг-офицер распорядительной части, январь—июль 1922 г. старший флаг-офицер Русской эскадры. В эмиграции 1938—1948 гг. в Тунисе, затем в США (Огайо). Умер 21 июня 1976 г. в Колумбусе (США).

²⁷² **Подушкин Михаил Семенович**, р. 1866 г. Окончил Морской корпус (1888). Капитан 1-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Контр-адмирал. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, командир линейного корабля «Георгий Победоносцу» до ноября 1923 г., с сентября 1921 г. в лагере Айн-Драгам, с октября 1921 г. — в лагере Надор, апрель—июнь 1923 г. член Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции с 1938 г. в Париже. Умер 20 апреля 1945 г.

²⁷³ **Боголюбов Николай Александрович**. Окончил Морской корпус (1918). В Северо-Западной армии. Мичман (5 августа 1919). Участник похода тральщика «Китобой». В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. На 25 марта, до 20 августа 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции с 1930 г. в Нью-Йорке, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер в 1975 г. в Веллингфорде (штат Вермонт).

²⁷⁴ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 107. Ноябрь 1970.

²⁷⁵ **Чистяков Сергей Н.** Окончил Морское инженерное училище (1916). Мичман, инженер-механик посыльного судна «Китобой». В Северо-Западной армии (перешел от красных 13 июня 1919 г.). В эмиграции. Умер после 1932 г.

²⁷⁶ **Волков Николай Александрович**, р. 1870 г. Окончил Морской корпус (1891). Контр-адмирал, военно-морской агент в Англии. В декабре 1920 г. в Лондоне. К лету 1921 г. на службе в Англии. В эмиграции

там же, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 8 марта 1954 г. в деревне близ Лондона.

²⁷⁷ **Лушков Александр Николаевич**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга, флагманский артиллерист бригады линейных кораблей Балтийского флота. В Северо-Западной армии; помощник адм. Пилкина, с января 1920 г. флаг-капитан командующего флотом. В эмиграции во Франции, к 1938 г. в Марселе. Умер 30 ноября 1954 г. близ Марселя.

²⁷⁸ **Кононов Иван Анатольевич**, р. 25 декабря 1885 г. в Кронштадте. Окончил Реальное училище в Кронштадте, Морской корпус (1905), Штурманский офицерский класс (1909), Морскую академию (1911). Капитан 1-го ранга, командир строящегося в Николаеве крейсера «Адмирал Нахимов». В ноябре 1917 г. прибыл на Дон на пароходе, вооруженном тяжелыми орудиями, с ноября 1917 г. в распоряжении Донского атамана. В Добровольческой армии; с 24 декабря 1917 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Участник освобождения Дона, с весны 1918 г. помощник командующего Донской армией по морской части, командир Донской флотилии, командир бронепоезда, с 21 декабря 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, в марте—мае 1919 г. начальник Морского управления ВВД, с июня 1919 г. старший флагман Черного моря и командир отдельного корпуса морской тяжелой артиллерии, летом—осенью 1919 г. начальник речных сил юга России. Контр-адмирал (1918). Вице-адмирал (произведен Донским атаманом). Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя в Салоники на корабле «Константин» (на корабле «Великий князь Александр Михайлович»). В мае 1920 г., к лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции там же, с 1928 г. член Катарского кружка бывших морских офицеров и Кают-компании в Белграде, затем во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер 23 января 1959 г. в Париже.

²⁷⁹ Впервые опубликовано: Морской журнал. № 21. Сентябрь 1929.

²⁸⁰ **Кононов Алексей Анатольевич**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Донской армии; с ноября 1918 г. участник экспедиции из Старочеркаска в Ростов для захвата судов. Эвакуирован 23 февраля 1920 г. из Новороссийска в Салоники и затем в Югославию на корабле «Иртыш». На май 1920 г. и к лету 1921 г. в Югославии. Старший лейтенант. Умер 25 октября 1975 г. в Тарне (Франция).

²⁸¹ **Магнус Александр Готфридович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга. В Донской армии; с 1918 г. помощник инспектора морской тяжелой артиллерии. Убит.

²⁸² Имеется в виду С.А. Щепотьев (см. выше).

²⁸³ См. примеч. 77.

²⁸⁴ **Варнек Петр Александрович**. Во ВСЮР и Русской Армии охотник флота, с 10 апреля 1919 г., в июне—сентябре 1919 г. матрос эсминца «Поспешный». Георг. крест 4-й ст. Затем кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 5 июля 1922 г. Корабельный

гардемарин. В эмиграции в Бельгии (1948 в Брюсселе), инженер, на 20 января 1949 г. член Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 23 февраля 1980 г. в Брюсселе.

²⁸⁵ Первые опубликовано: Военная Быль. № 129. Сентябрь 1974.

²⁸⁶ **Покровский Виктор Леонидович**, р. 1889 г. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, июль 1918 — 3 января 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии. С января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, январь—август 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, со 2 ноября 1919 г. по 8 марта (21 января) 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919). В мае 1920 г. покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

²⁸⁷ По-видимому, речь идет о **Василии Федотовиче Дудкине** (р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга), так как Дудкин Григорий Федотович (р. 1885 г. (Морской корпус) 1906, офицером с 1907 г. Старший лейтенант) летом 1918 г. был на Сибирской флотилии.

²⁸⁸ **Дмитриев Николай Николаевич**, р. 1876 г. Окончил Морской корпус (1895). Капитан 1-го ранга. В Добровольческой армии и ВСЮР; с лета 1918 г. начальник охраны побережья Азовского моря, с 1919 г. командир флотилии на Азовском море, на 8 ноября 1919 г., январь 1920 г. начальник управления Одесского военного порта. В эмиграции во Франции. Умер 16 февраля 1931 г. в Париже.

²⁸⁹ **Лебедев Виктор Иванович**, р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1900). Капитан 1-го ранга, начальник дивизионов Черноморской минной бригады (2-го и 5-го). В Добровольческой армии и ВСЮР; начальник Морского отделения штаба Главнокомандующего Добровольческой армией, сентябрь—декабрь 1918 г. начальник Морского управления, с декабря 1919 г. помощник начальника того же управления при ставке ВСЮР, с 27 марта до 3 мая 1919 г. командир крейсера «Кагул», с марта 1920 г. командир дивизиона миноносцев Черноморского флота. К 1 января 1922 г. член Совета Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу СОУВ, в 1933—1938 гг. председатель Союза офицеров в Тунисе. Умер 25 февраля 1944 г. в Тунисе.

²⁸⁹ **Граф Келлер Павел Федорович**, р. 1883 г. Сын генерала от кавалерии. Окончил Морской корпус (1901). Капитан 1-го ранга. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в штабе Черноморского флота. В эмиграции в Румынии, с апреля 1928 г., к 1936 г. член Кружка бывших офицеров Российского флота в Бухаресте. Полковник румынской армии. После 1945 г. в Германии. Умер 17 июня 1980 г. в Эутине (Германия).

²⁹¹ **Богданов Иван Дмитриевич**, р. в Хороле. Из казаков Полтавской губ. Окончил Лесной институт, Курсы гардемарин флота (1917). Мичман линкора «Андрей Первозванный». Во ВСЮР и Русской Армии; с марта 1919 г. комендант транспорта «Россия», в апреле 1919 г. комендант тральщика «Ольга», в мае 1919 г. командир роты, вахтенный начальник и штурманский офицер в/спом. крейсера «Цесаревич Георгий», с ноября 1919 г. помощник коменданта Херсонского порта, с 1 марта 1920 г. воспитатель Морского корпуса в Севастополе, с 25 апреля 1920 г. помощник начальника базы 2-го отряда судов в Керчи, затем командир тральщика «Веха» до эвакуации Крыма, в Константинополе назначен начальником 3-го отделения кадетской роты. Лейтенант (23 октября 1920). Эвакуирован с флотом в Бизерту (прибыл на линейном корабле «Генерал Алексеев»). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с апреля 1921 г. старший отделенный начальник, 9 июля 1921 г. прикомандирован на учебное судно «Моряк» для плавания, 17 ноября 1921 — 21 апреля 1923 г. заведующий хозяйственной части корпуса. В эмиграции во Франции, в 1929—1930 гг. в 14-й группе ВМС, с 1935 г. шофер в Париже, с 1954 г. в Марокко. Председатель объединения гардемарин, кадет и охотников флота. Умер 5 января 1969 г. в Иере (Франция).

²⁹² Одесская стрелковая бригада (с 27 января 1919 г. — Отдельная Одесская стрелковая бригада) Добровольческой армии Одесского района. В Одессе в ноябре 1918 г. на пароходе «Саратов» под началом ген. А.Н. Гришина-Алмазова из войск 3-го Одесского гетманского корпуса были сформированы офицерские добровольческие части, которые освободили город от петлюровцев. В начале 1919 г. ген. Тимановским из них была сформирована Одесская стрелковая бригада (2 Сводно-стрелковых, Сводно-кавалерийский полки с 4-орудийной конной батареей). Включала в себя подразделения Сводного полка 4-й стрелковой дивизии (у гетмана — 5-я кадровая дивизия), Сводного полка 6-й пехотной дивизии (у гетмана — 6-я кадровая дивизия) и 42-го пехотного Якутского полка (у гетмана — 2-й Вольнский кадровый полк), который пришел в Одессу из 1-го Вольнского гетманского корпуса. К марту бригада насчитывала 5 тысяч человек (3350 штыков и 1600 сабель). До 20 марта 1919 г. обороняла Одесский район, после чего отошла по Днестру на юг и была переброшена в Новороссийск. В апреле 1919 г. включала Сводный полк 15-й пехотной дивизии, 42-й пехотный Якутский полк, стрелковый и сводный кавалерийский полки и 4-ю стрелковую артиллерийскую бригаду. 18 мая 1919 г. развернута в 7-ю пехотную дивизию. Командир — ген.-майор Н.С. Тимановский (с 31 января 1919). Нач. штаба — кап. К.Л. Капнин.

²⁹³ **Тимановский Николай Степанович**, р. 1889 г. Офицерский экзаме́н (ок. 1906). Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., командир роты офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, затем начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 31 (21) января 1919 г. начальник Отдельной бригады Рус-

ской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января — Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, 2 июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. на ст. Чернухин Херсонской губ.

²⁹⁴ «Вперед за Родину». Легкий бронепоезд ВСЮР. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 1 июля 1918 г. на ст. Тихорецкая из трофейных бронеплощадок как 3-й бронированный поезд. Участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 ноября 1918 г. получил наименование «Вперед за Родину». В 1919 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Понес тяжелые потери 9 февраля 1920 г. под Белой Глиной (убито 4 офицера, 14 солдат). Оставлен 2 апреля 1920 г. у ст. Лао при отходе из района Туапсе. В Крыму 16 апреля 1920 г. расформирован, а личный состав обращен на пополнение команды бронепоезда «Севастополец». Командиры: кап. Высекко (1 июля — 1 августа 1918 г., убит), подполк. Григорьев (1 августа — 2 октября 1918 г., убит), полк. М.Ф. Кельберер (2 августа — 25 октября 1918 г.), полк. Гада (25 октября 1918 — 7 апреля 1919 г.), полк. Скоритовский (7 апреля — 24 августа 1919 г., убит), кап. В.А. Юрьев (24 августа 1919 — 2 апреля 1920 г.).

²⁹⁵ **Городынский Анатолий Вячеславович**, р. 1881 г. Сын офицера. Окончил Морской корпус (1902). Капитан 1-го ранга, флагманский артиллерийский офицер штаба Черноморского флота. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. капитан над портом Севастополя, с апреля 1919 г. командир транспорта «Рион», с марта 1920 г. участник экспедиции в Хорлы, затем начальник базы в Константинополе до эвакуации Крыма. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1928 г. организатор Военно-морского исторического кружка в Париже, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВМО). Умер 13 февраля 1933 г. в Давосе (Швейцария).

²⁹⁶ **Фон Брискорн Борис Васильевич**, р. 1892 г. Окончил Морской корпус (1912). Лейтенант Гвардейского экипажа. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. командир транспорта «Волга»; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (24 ноября 1919). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с октября 1923 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Алжире (1928—1937 в Буги). Умер 5 сентября 1957 г. в Сеифе (Алжир).

²⁹⁷ **Мусатов Георгий Александрович**, р. 1888 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919 г. старший лейтенант, командир тралящика «Граф Игнатев», летом 1920 г. командир эсминца «Звонкий». Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). В эмиграции во Франции, почетный председатель Морского Собрания. Умер 13 ноября 1966 г. в Париже. Имел семью.

²⁹⁸ **Боровский Александр Александрович**, р. 6 июня 1875 г. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное

училище (1896), академию Генштаба (1903). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с 17 марта 1918 г. командир Офицерского полка. С июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, 7 января — 31 мая 1919 г. командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, с октября 1919 г. в той же должности, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918). Уволен от службы 29 октября 1919 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии. Умер 14 декабря 1938 г. в Нише или 22 апреля 1939 г. в Скопле (Югославия).

²⁹⁹ **Галафре Георгий Михайлович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1914). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии; с апреля 1919 г. командир эсминца «Живой». Лейтенант. В эмиграции в 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе, затем во Франции, с 1928 г. член Клуба бывших воспитанников Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов в Лионе.

³⁰⁰ **Гезехус Владимир Александрович** (сын капитана 1-го ранга Гезехуса). В Добровольческой армии и ВСЮР; охотник флота, весной 1919-го, 1919—1920 гг. сигнальщик артиллерийской роты на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Георг. крест 4-й ст. Эвакуирован с флотом в Бизерту (до 1924 г. на том же крейсере). Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции к сентябрю 1924 г. в Югославии.

³⁰¹ **Суханов Георгий Николаевич**. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; охотник флота, весной 1919-го, 1919—1920 гг. сигнальщик-унтер-офицер артиллерийской роты на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). Георг. крест 4-й ст. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 5 июля 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции во Франции. Умер в 1930-х гг. в Париже.

³⁰² **Субботин Владимир Федорович**, р. 10 марта 1874 г. Из дворян Курской губ. Окончил Орловский кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевскую инженерную академию (1900). Генерал-майор, начальник инженеров Румынского фронта. В Добровольческой армии; с 11 января 1918 г. в резерве чинов при штабе армии, с 25 марта 1919 г., к январю 1920 г. комендант Севастопольской крепости, начальник гарнизона, с 23 июня 1919 г. Севастопольский градоначальник с оставлением в прежней должности. В Русской Армии начальник инженеров до эвакуации Крыма.

³⁰³ **Крыгин Михаил Андреевич**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1912), Московскую авиационную школу (1917). Лейтенант, инструктор

морской авиашколы в Красном Селе. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. начальник базы гидроавиации в Крыму. Капитан 2-го ранга (25 декабря 1918). В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с января 1921 г. на миноносце «Дерзкий». С 1922 г. служил в испанской гидроавиации в Марокко, к 1928 г. член Катарского кружка бывших морских офицеров. Доброволец армии ген. Франко. Убит (расстрелян красными) в 1937 г.

³⁰⁴ **Никитенко Глеб Николаевич**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1910). Старший лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. командир Морского офицерского отряда. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с апреля 1921 г. в штабе эскадры. В эмиграции к апрелю 1922 г. в Рабате (Марокко), в 1933—1935 гг. на Мадагаскаре (Таматава). Умер 28 апреля 1984 г. в Каннах (Франция). Женат. Соч.: статьи в «Морском журнале».

³⁰⁵ **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877 г. Из дворян Курской губ. Окончил Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор 136-го пехотного полка, командующий 4-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г., командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. С июня 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й пехотной дивизии, сентябрь—октябрь 1919 г. начальник 2-й и 6-й пехотных дивизий, с начала 1919 г. одновременно Черноморский военный губернатор, начальник Черноморского десантного отряда под Туапсе. В Русской Армии; в августе 1920 г. во время Кубанского десанта командир отряда у Анапы, затем командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в городе Нови Сад. Служил в Русском Корпусе (командир 4-го полка). После 1945 г. в Германии, председатель Союза Инвалидов в Германии, председатель Союза Первопоходников, вице-председатель СЧРК. С 1950-х гг. в США. Умер 15 февраля 1964 г. в Нью-Йорке.

³⁰⁶ **Кочетов Дмитрий Дмитриевич**, р. 1883 г. В службе с 1905 г., офицером с 1907 г. Старший лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), в мае 1919 г. начальник десанта у Феодосии, в июле 1919 г. начальник десанта у Очакова, затем электрик артиллерийской роты того же крейсера, летом—осенью 1919 г. командующий Средне-Днепровской флотилией. Капитан 2-го ранга. Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Совета Союза морских офицеров в Константинополе.

³⁰⁷ Имеется в виду капитан 2-го ранга **Борис Евстафьевич Тягин**, р. 1880 г. Окончил Морской корпус (1901).

³⁰⁸ **Аристов Всеволод Васильевич**. Окончил гимназию, студент Таврического университета. В Вооруженных силах Юга России; охотник флота; с

начала 1919 г. на эсминце «Живой», с лета 1919 г. в 5-м бронепоездном дивизионе — на бронепоезде «Непобедимый». Участник Бредовского похода. В эмиграции к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Историк, фило-соф. Умер в 1985 г.

³⁰⁹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 94. Ноябрь 1968.

³¹⁰ **Аристов Василий Флегонтович**, р. 18 февраля 1859 г. Окончил Санкт-Петербургский университет (1882), Военно-медицинскую академию (1886). Действительный статский советник, морской врач Севастопольского морского госпиталя. В Добровольческой армии на той же должности; в начале 1919 г. эвакуировался с сыном из Крыма в Новороссийск, затем во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту, с января 1922 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер 27 ноября 1935 г. в Париже.

³¹¹ **Качалов Александр Васильевич**, р. 1876 г. Окончил Морское инженерное училище (1898). Капитан 1-го ранга, инженер-механик флота. Генерал-майор в отставке. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1919 г. в Севастополе. Эвакуирован до августа 1920 г. из Севастополя. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 2 апреля 1947 г. в Париже.

³¹² **Орловский Павел Петрович**, р. 1891 г. Окончил Морское инженерное училище (1913). лейтенант, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1919 г. старший механик эсминца «Живой». Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер около декабря 1945 г. в Париже.

³¹³ **Охотин Павел Иванович**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1910). лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. старший офицер эсминца «Живой». Старший лейтенант. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции к 1935—1938 гг. в Югославии (Белград), к 1948 г. в Австрии. Умер в ноябре 1980 г. в Венесуэле.

³¹⁴ **Субботин Михаил Глебович**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1911). лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. штурман эсминца «Живой». В эмиграции в Бельгии. Умер 10 июля 1966 г. в Брюсселе.

³¹⁵ **Спаде Федор Юрьевич**, р. 7 марта 1891 г. в Вентспилсе. В службе с 1914 г., офицером с 1915 г. лейтенант. В марте—апреле 1918 г. начальник отряда быстроходных катеров, и.о. флаг-офицера Закавказского флота. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. ревизор эсминца «Живой». В эмиграции в Латвии, с 1929 г. командир корабля, с 1931 г. командир эскадры, командующий флотом. Адмирал (1939). В 1941 г. депортирован в Казахстан. Умер 25 июля 1970 г. в Темертау.

³¹⁶ **Петровский Реас Анатольевич**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1913). лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. на эсминце «Живой», с 1920 г. на крейсере «Генерал Корнилов». В Рус-

ской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, к июню 1923 г. на миноносце «Поспешный».

³¹⁷ **Вавилов Дмитрий**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. на эсминце «Живой». лейтенант. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО).

³¹⁸ **Гурский Анатолий Константинович**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), затем на эсминце «Живой». лейтенант. Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции 1933—1937 гг. в отделе РОВС в Германии.

³¹⁹ **Хрущов Дмитрий Николаевич**. Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР на бронепоезде «Единая Россия», с 11 декабря 1918 г. в Военном и Морском отделе, весной 1919 г. на эсминце «Живой». Во ВСЮР и Русской Армии; в ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции там же, к 1934 г. подписчик «Морского журнала». Служил в Русском Корпусе (сотник). Взят в плен в Австрии.

³²⁰ **Бернацкий Всеволод**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. на эсминце «Живой».

³²¹ **Осипов Платон Дмитриевич**, р. 1890 г. Окончил Морское инженерное училище (1913), Морской корпус (1916). лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. на эсминце «Живой», с 1920 г. в 1-м Днепровском речном отряде до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». Старший лейтенант (15 сентября 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции.

³²² **Христо-Феодорато Всеволод**. Окончил Одесский кадетский корпус (вып. 1914 г. не закончил), Морской корпус (1916). Мичман Гвардейского экипажа. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. на эсминце «Живой», весной 1920 г. старший офицер того же эсминца.

³²³ **Иванов Лев Львович**, р. 1900 г. в Подольской губ. Юнкер. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуировался из Ялты на эсминце «Живой». Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Владимир». В Русской Армии юнкер до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Умер в 1963 г. в Тунисе.

³²⁴ «Непобедимый». Тяжелый бронепоезд ВСЮР. Создан 17 июня 1919 г. в Джанкое из Батареи дальнего боя бронепоезда № 3. Состав команды — 30 человек. В боях с 25 июня 1919 г. под Александровском. С 1 августа 1919 г. входил в состав 5-го бронепоездного дивизиона. Оставлен 29 января 1920 г. у

ст. Тирасполь. Командир — полк. Кузнецов. Врио (старший офицер) — кап. Савицкий (июнь, август 1919).

³²⁵ **Твердый Леонид Доримедонтович**, р. 1872 г. Окончил Московский университет (1894), Алексеевское военное училище (1895), Военно-юридическую академию. Генерал-майор Военно-морского судебного ведомства. Во ВСЮР и Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 1920). Эвакуирован с флотом в Бизерту, с января 1921 г. обер-аудитор в штабе эскадры, жил на транспорте «Кронштадт», март—июнь 1923 г. и.д., октябрь 1923 — январь 1924 г. председатель Комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции во Франции, советник начальника РОВС, к 1941 г. председатель объединения «Железные стрелки». Умер 21 апреля 1968 г. в Париже.

³²⁶ **Шрамченко Яков Владимирович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1918 г. начальник артиллерийских и минных складов в Севастополе, с 16 апреля, в декабре 1919 г., марте 1920 г. командир канонерской лодки «Терец», с весны 1920 г. командир транспорта «Рион». Капитан 1-го ранга. В ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции там же. Служил в Русском Корпусе (оружейный мастер). После 1945 г. в США. Сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 17 октября 1967 г. в Нью-Йорке.

³²⁷ Первые опубликовано: Военная Бель. № 88. Ноябрь 1967.

³²⁸ **Акинтьевский Владимир Константинович**. Сын офицера. Окончил Орловский кадетский корпус (1903), Константиновское артиллерийское училище (1906), академию Генштаба (1915). Офицер (1914 г. — поручик) 16-й конно-артиллерийской батареи. В Добровольческой армии; весной 1918 г. представитель Добровольческой армии в Севастополе. Во ВСЮР с 16 декабря 1918 г.; на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. Полковник. Умер 25 апреля 1962 г. в Нью-Йорке.

³²⁹ **Любимов Павел Павлович**. Окончил Морской корпус (1909). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР, весной 1918 г. эвакуирован из Севастополя на канонерской лодке «Терец». В эмиграции во Франции. Умер 20 марта 1931 г. в Клермоне (Франция).

³³⁰ **Трасковский Николай Иванович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; осенью 1918—1920 гг. старший лейтенант, старший офицер канонерской лодки «Терец». Капитан 2-го ранга. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже, с 1931 г. председатель Кассы взаимопомощи бывших чинов линейного корабля «Императрица Мария». Умер 4 июня 1948 г. под Мюнхеном.

³³¹ **Гассовский Георгий Николаевич**. Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР; осенью 1918 — март 1920 г. штурман канонерской лодки «Терец». Лейтенант (с 1920). В эмиграции во Франции. Умер 3 апреля 1934 г. в Грива (Франция).

³³² **Гансон Георгий Викторович**. Окончил Морской корпус (1918). Корабельный гардемарин. В Добровольческой армии и ВСЮР; мичман, в 1918—1920 гг. вахтенный начальник канонерской лодки «Терец». Лейтенант. К лету

1921 г. в Югославии. В эмиграции в Бельгии (Антверпен, с 1933 г. в Лувене). Председатель Союза морских офицеров в Бельгии. Умер после 1974 г.

³³³ **Любинский Георгий Владимирович**, р. 1893 г. Сын контр-адмирала. Окончил Морской корпус (1915). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918—1920 гг. ревизор канонерской лодки «Терец». лейтенант (28 марта 1920). В эмиграции с 1923 г. в США (в Нью-Йорке, к 1934 г. в Сан-Франциско); на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер в апреле 1981 г. во Флориде.

³³⁴ **Бекман Гельмут (Артур) Эдуардович**, р. 1879 г. Окончил Морское инженерное училище (1900). Капитан 2-го ранга, инженер-механик. В Добровольческой армии и ВСЮР. В 1918—1919 гг. инженер-механик канонерской лодки «Терец», весной 1919 г. на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). Капитан 1-го ранга (28 марта 1920).

³³⁵ **Животов Леонид Васильевич**, р. 1890 г. Окончил Морское инженерное училище (1913). лейтенант, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; в 1919—1920 гг. инженер-механик канонерской лодки «Терец». В эмиграции в Турции. Умер 26 октября 1961 г. в Измире (Турция).

³³⁶ **Холодковский Игорь Александрович**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. на канонерской лодке «К-15», затем на Каспийской флотилии. лейтенант (28 марта 1920). К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. После эвакуации Приморья пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях (в Олонгапо — командир корабля «Улисс»). В эмиграции к 1930 г. в Австралии. Умер 12 марта 1954 г. в Сиднее (Австралия).

³³⁷ Впервые опубликовано: Морской журнал. № 36. Декабрь 1930.

³³⁸ **Степанов Георгий (Юрий) Александрович**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. на канонерской лодке «К-15», затем на Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. лейтенант. После эвакуации Приморья пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае.

³³⁹ **Конге Борис Дмитриевич**. Окончил Морской корпус (1918). Гардемарин. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. участник десанта у Геническа, с апреля 1919 г. в Туапсе, затем на Каспийской флотилии. Мичман. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта в Отдельном морском десантном батальоне Сибирской флотилии, с 9 марта 1922 г. на канонерской лодке «Диомид». После эвакуации Приморья пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в США. Умер 18 октября 1926 г. в Сан-Франциско.

³⁴⁰ **Нелавицкий Иван Владиславович**. Офицер с 1917 г. Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. помощник военного коменданта на «Джигите» 2-го отряда судов Черноморского флота. лейтенант (с лета 1920). Эвакуирован с флотом в Бизерту, с сентября 1921 г. вахтенный на-

чальник на крейсере «Генерал Корнилов». В эмиграции в Греции, с 1928 г. член Кают-компании в Афинах. Умер в 1974 г.

³⁴¹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 101. Декабрь 1969.

³⁴² **Калинович Борис Александрович**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1914). лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; с ноября 1919 г. и. д. ревизора на посыльном судне «Лукулл», с марта 1920 г. старший офицер, с апреля 1920 г. командир канонерской лодки «Гайдамак» 2-го отряда судов Черноморского флота, затем воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в июне 1921 г. помощник коменданта форта Джебел-Кебир, с 1922 г. на учебном судне «Моряк». В эмиграции с 1931 г. в Алжире, затем во Франции, воспитатель Версальского русского кадетского корпуса. После 1945 г. в Канаде, к 1974 г. председатель морской организации в Монреале. Умер 24—25 июня 1982 г. в Роудоне (Канада).

³⁴³ **Болотин Георгий Николаевич**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1914). лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; с марта 1920 г. командир канонерской лодки «Джигит» 2-го отряда судов Черноморского флота. Старший лейтенант. В эмиграции председатель Российского военно-морского объединения в Алжире. Умер в 1984 г. во Франции.

³⁴⁴ **Болотин Борис Николаевич**. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; весной 1920 г. во 2-м отряде судов Черноморского флота. лейтенант (28 марта 1920). Погиб в десанте у Генгическа или умер в начале 1920 г. в Севастополе.

³⁴⁵ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 106. Сентябрь 1970.

³⁴⁶ **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. 1873 г. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академию Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; 13 июля 1919 — 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции 1930—1931 гг. в распоряжении начальника РОВСа, председатель союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

³⁴⁷ **Шиллинг Николай Николаевич**, р. 16 декабря 1870 г. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре, ноябрь—декабрь 1918 г. заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 г. в распоряжении Главноко-

мандающего ВСЮР, с 10 июля 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа также и Херсонской) губ., с 26 августа 1919 г. командующий войсками Новороссийской области, освобожден 18 марта 1920 г. В эмиграции в Чехословакии, председатель кружка Георгиевских кавалеров в Праге. Арестован в мае 1945 г. Умер в начале 1946 г. в Праге.

³⁴⁸ 2-й армейский корпус. Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. в составе 1-й (до 15 мая 1919) и 3-й (до 27 декабря 1918) пехотных дивизий. С 21 мая 1919 г. состоял из 5-й и 7-й пехотных дивизий, 1 августа 1919 г. в его состав включен 2-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. С 14 октября 1919 г., после переформирования дивизий, включал также Сводно-гвардейскую дивизию. С 19 сентября 1919 г. составлял основу войск Киевской области, насчитывая 4691 штык при 118 пулеметах и 63 орудиях. Принял участие в Бредовском походе и был интернирован в Польше. Со 2 марта 1920 г. включал 5-ю пехотную дивизию и Отдельную гвардейскую бригаду (1-й и 2-й сводные гвардейские полки и сводный артиллерийский дивизион). Расформирован 5 августа 1920 г. Командиры: ген.-лейт. А.А. Боровский (15 ноября — 24 декабря 1918), ген. от инф. В.З. Май-Маевский (15 февраля — 1 июня 1919), ген.-лейт. М.Н. Промтов. Нач. штаба: ген.-майор А.К. Аппельгрэн (19 ноября 1918 — 24 января 1919), кап. Пашковский (врид; 23 января — 5 февраля 1919), ген.-майор В.П. Агапеев (5 февраля — 1 июня 1919), ген.-майор Н.В. Абутков (1 июня — 11 ноября 1919), полк. Галкин (врид; август — октябрь 1919), ген.-майор А.Г. Фалеев (11 ноября 1919 — 9 августа 1920). Инспектор артиллерии — ген.-майор В.К. Бодиско (с 17 марта 1919).

³⁴⁹ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. 1868 г. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академию Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Участник выступления ген. Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. (9 января — февраль 1918) начальник штаба Добровольческой армии, со 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. С февраля 1918 г. в командировке Царицын — Харьков — Севастополь — Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. зам. председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. председатель Особого совещания до февраля 1920 г. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Великого князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер 25 февраля 1939 г.

³⁵⁰ **Римский-Корсаков Михаил Михайлович**, р. 1872 г. Окончил Морской корпус (1890). Георгиевский кавалер. Капитан 1-го ранга, командир отряда судов северо-западной части Черного моря. Во ВСЮР и Русской Ар-

мии; начальник штаба Черноморского флота, с января 1920 г. командир Николаевского порта. Контр-адмирал (24 ноября 1919). Эвакуирован до осени 1920 г. из Феодосии. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Дании, в 1931 г. возглавлял группу морских офицеров в Копенгагене. Умер в феврале 1950 г. в Копенгагене.

³⁵¹ **Чернавин Виктор Васильевич**, р. 1877 г. Из дворян. Окончил Омскую гимназию, Николаевское инженерное училище (1899), академию Генштаба (1904). Полковник, и. д. генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии, начальник штаба 51-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 19 августа 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. — в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской добровольческой армии, с 24 января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Крымско-Азовской армии, с апреля 1919 г. начальник штаба той же армии, с 31 мая 1919 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, с 18 августа 1919 г. до 19 февраля 1920 г. начальник штаба войск Новороссийской области, с января 1920 г. начальник штаба Одесского военного округа. Генерал-майор. В эмиграции в Чехословакии, к 1930 г. служащий Пражского архива.

³⁵² **Дмитриев Владимир Иванович**, р. 1879 г. Окончил Морской корпус (1899), Морскую академию. Капитан 1-го ранга, морской агент во Франции. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. В эмиграции во Франции (1933—1934 гг. в Чехословакии), руководил поддержкой Морского корпуса в Бизерте и устройством военнослужащих армии в вузы, в 1929—1936 гг. председатель Всезарубежного объединения морских организаций в Париже, на 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 18 февраля 1965 г. в Париже.

³⁵³ **Стессель Александр Анатольевич**, р. 1876 г. Сын генерал-лейтенанта. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник л.-гв. 2-го стрелкового полка, командир 152-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир сводного гвардейского стрелкового батальона и полка, с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Акманайских позициях, с 1 июля 1919 г. командир стрелкового батальона в Сводно-гвардейском полку, в июле 1919 г. командир 1-го батальона во 2-м Сводно-гвардейском полку, со 2 сентября 1919 г. командир 2-го сводно-гвардейского полка, затем в батальоне л.-гв. 2-го стрелкового полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, в декабре 1919 г. начальник внутренней обороны и комендант Одессы, с января 1920 г. фактический командир Овидиопольского отряда при походе из Одессы на румынскую границу. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Зеленик (Югославия). На май 1920 г. в Югославии. 8 сентября 1920 г. прибыл в Русскую Армию на пароходе «Владимир» в Крым. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. 2-го стрелкового полка в Париже, председатель полкового объединения. Умер 1 июня 1933 г. в Париже.

³⁵⁴ Сергиевское артиллерийское училище. Действовало в Одессе с 1913 г., закрыто большевиками в январе 1918 г. (12-й выпуск не закончил курса). Восстановлено во ВСЮР в октябре 1919 г. (в него была влита также Армавирская артиллерийская школа) во главе с прежним начальником, присту-

пило к занятиям в ноябре 1919 г. Половина курсовых офицеров и преподавателей была из старого состава училища. В начале 1920 г. училище в составе двух батальонов (50 офицеров и 400 юнкеров) прикрывало эвакуацию Одессы, а осенью — Севастополя. Сделало первый (13-й по общему счету) выпуск (127 человек) 29 июня 1921 г. в Галлиполи (несколько юнкеров, принадлежавших к 12-му выпуску, разогнанному большевиками в 1918 г., были произведены в офицеры еще зимой 1920/21 г.), и был произведен новый набор. Еще три выпуска сделаны в Тырново (Болгария), причем последние два (15-й и 16-й выпуски) — весной и летом 1923 г. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадррованную часть в составе 1-го армейского корпуса (III) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 164 человека, в том числе 148 офицеров. Начальники: ген.-майор А.А. Нилус (до начала 1920), полк. (ген.-майор) Н.А. Казьмин (начало 1920—1931), полк. Н.А. Безак (врид, 1925). Инспектор классов — полк. Н.А. Безак. Командир дивизиона — полк. Р.И. Грибовский, командиры батарей: 1-й — полк. Красовский, 2-й — полк. В.Н. Мамушин. Нач. 1-й группы (Болгария, Югославия, Чехия, Румыния, Германия, Польша, Греция) — полк. Н.А. Безак, 2-й группы (Франция, Люксембург, Бельгия, Тунис, Алжир, Куба) — полк. В.Н. Мамушин, в Болгарии — полк. В.П. Краевский.

³⁵⁵ Одесский кадетский корпус. Восстановлен на некоторое время в 1918 г. при власти гетмана. Был восстановлен и с 1 апреля 1919 г. включен в состав ВСЮР, приняв в 1919 г. в свое расположение Киевский и Полоцкий кадетские корпуса. В начале 1920 г. при оставлении Одессы большинство кадет, за исключением около 350 (в том числе и Киевского и Полоцкого корпусов), оставленных в городе, и персонала было эвакуировано в Югославию, где они вошли в состав созданного там 1-го Русского кадетского корпуса. Оставшиеся кадеты во главе с директором корпуса пытались отойти в Румынию, но вынуждены были вернуться в Одессу, где рассеялись. Из 99 офицеров, окончивших этот корпус и дослужившихся до генеральских и штаб-офицерских чинов, 71 получили их в белых армиях (по 7 в Императорской и болгарской, 6 в польской, 5 в югославской, по 1 в гетманской, грузинской и литовской), из 25 капитанов, занимавших штаб-офицерские должности, — 11 (12 в Императорской, по 1 в югославской и РОА). Из 235 погибших выпускников корпуса 70 погибли в 1-й мировой войне, 128 в белых армиях (в том числе 56 в 1920 г.) и еще 32 в борьбе с большевиками после Гражданской войны. Из 1196 выпускников корпуса в белых армиях служили 446 (из окончивших до 1920 г. включительно 1031 — 386), то есть подавляющее большинство тех, чья судьба известна (из прочих 70 погибли в мировую войну, 53, в том числе иностранцы, служили в иностранных армиях: 15 в польской, 13 в югославской, 12 в болгарской, 8 в грузинской, 3 в гетманской, по 1 в литовской и английской, несколько десятков после корпуса не стали офицерами, а об остальных нет сведений. Директор (до оставления Одессы) — полк. В.А. Бернауцкий. В эмиграции объединение корпуса издавало в 1955 г. в Париже журнал «Досуг одесского кадета»

(первый номер на ротаторе, 250 экз., редколлегия: С.М. Ножин, В.С. Ноилов, С.М. Каминский, К.С. Соловский).

³⁵⁶ **Корнилович Георгий Валерианович**, р. 1888 г. Окончил Морской корпус (1911), Севастопольскую авиационную школу. Лейтенант Черноморской гидроавиации. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. старший офицер эсминца «Цериго». В эмиграции во Франции. Умер после 1960 г. в Париже.

³⁵⁷ **Задлер Николай Васильевич**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте; с января 1920 г. командир эсминца «Цериго». Капитан 2-го ранга. К лету 1921 г. в Константинополе и в Варне. Убит 13 апреля 1922 г. близ Варны (Болгария).

³⁵⁸ **Поляков Алексей Филиппович**, р. 1891 г. Окончил Морское инженерное училище (1916). Мичман, инженер-механик Черноморской минной бригады. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с января 1920 г. лейтенант, механик эсминца «Цериго», затем в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (29 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, январь 1921 — февраль 1922 г. старший механик на линейном корабле «Георгий Победоносец». В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже.

³⁵⁹ **Бекеч Владимир Александрович**, р. 1896 г. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. инженер-механик танка «Генерал Скобелев» 3-го танкового отряда. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Капитан. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции во Франции. Умер в 1975 г.

³⁶⁰ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 113. Ноябрь 1971.

³⁶¹ **Миронович Павел Игнатьевич**, р. 1893 г. Окончил Суворовский кадетский корпус (1912). Штабс-капитан. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 — мае 1920 г. командир 3-го отряда танков. Подполковник. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». Служил в Русском Корпусе. Полковник. После 1945 г. в США, член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 6 августа 1986 г. в Каного-Парке (США).

³⁶² **Багинов Михаил Иванович**. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; с января 1920 г. в 3-м отряде танков. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. Полковник.

³⁶³ **Трембевельский Александр Дмитриевич**. Окончил Александровское военное училище. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник боев октября 1917 г. в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте Корниловского полка; затем на бронев автомобиле «Партизан» в 1-м бронев-автомобильном дивизионе, до 30 сентября 1919 г. подпоручик, с 30 сен-

тября 1919 г. поручик. В Русской Армии в мае 1920 г. в экипаже танка «Генерал Скобелев», в июле 1920 г. командир того же танка (штабс-капитан) до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. капитан и подполковник с переименованием в полковники. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Умер 1 февраля 1985 г. в Санта-Барбаре (США).

³⁶⁴ **Карпов Борис Владимирович**, р. 1887 г. В службе с 1905 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1911). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; весной—летом 1920 г. начальник оперативной части штаба 2-го отряда судов Черноморского флота, с 28 марта 1920 г. старший лейтенант. Участник десанта у Генгическа. Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии, член Общества моряков русского военного и коммерческого флота в Белграде. Капитан 2-го ранга. Умер 30 января 1953 г. в Белграде.

³⁶⁵ Впервые опубликовано: Приложение к «Морскому журналу», № 24. Декабрь 1929.

³⁶⁶ Сводно-стрелковый полк. Сформирован во ВСЮР 21 июля 1919 г. в составе 3-й пехотной дивизии на базе офицерского кадра стрелковых полков. С 1 сентября 1919 г. входил в состав 9-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1674 штыка при 7 пулеметах. В Генгической операции потерял 150 человек. К началу февраля 1920 г. в полку оставалось около 250 человек. 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на укомплектование 13-й пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. восстановлен и входил в состав 2-й бригады 6-й пехотной дивизии. Командир — полк. Г.К. Гравицкий (с 10 августа 1919).

³⁶⁷ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академию Генштаба (1910), Офицерскую воздухоплавательную школу (1910). Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, декабрь 1917 — январь 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, с января 1918 г. начальник штаба Походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая 1918 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. Со 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта 1920 г. до 6 апреля 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (2 февраля 1919). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. В эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

³⁶⁸ **Писарев Петр Константинович**, р. 17 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Иловинской. Окончил Атаманское тех-

ническое училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с января 1918 г. в партизанском отряде полк. Краснянского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона и помощник командира Партизанского полка, с июня 1918 г. командир Партизанского (затем Алексеевского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с 15 декабря 1918 г. командир бригады 2-й дивизии, с 19 января 1919 г. командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, с 10 апреля 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, с 27 июня 1919 г. начальник 6-й пехотной дивизии, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса и начальник гарнизона Царицына, с 9 сентября начальник Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. Прибыл в Крым во главе остатков Донских и Кубанских казачьих частей, избежавших капитуляции на Кавказском побережье. С начала апреля 1920 г. комендант крепости и градоначальник Севастополя, с 24 апреля 1920 г. командир Сводного корпуса, с 7 июля 1920 г. — конного корпуса, с 1 августа 1920 г. — 1-го армейского корпуса Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с августа 1919). В эмиграции в Греции, в 1920—1921 гг. представитель Донского атамана, с 1921 г. в Югославии, затем во Франции, с 1937 г. председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шель (Франция).

³⁶⁹ 4-й Донской отдельный корпус. Сформирован в Донской армии 28 июня (фактически 11 июля) 1919 г. Состав: 9-я и 10-я Донские дивизии. В июле—сентябре 1919 г. совершил глубокий рейд по тылам Красной армии. На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 3400 сабель, 103 пулемета, 14 орудий. 1 мая 1920 г. из его частей сформирована 2-я Донская конная дивизия. Командир — ген.-лейт. К.К. Мамонтов. Нач. штаба: полк. (ген.-майор) К.Т. Калиновский (с 15 октября 1919), ген. Николаев (врио; март 1920), ген. Н.П. Калинин (март—апрель 1920).

³⁷⁰ Алексеевский полк (Партизанский полк, сентябрь—ноябрь 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. — Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк). Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен — бывшие партизанские отряды полк. Краснянского, ес. Лазарева и полк. Чернецова (главным образом из донских партизан — учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полк. Дедукой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма — 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. — 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя ген. Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Алексеевской дивизии. На 5 октября 1919 г.

насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галлиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлинненными вертикальными сторонами, разделенный по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, внизу — дата «1917». Командиры: ген.-лейт. А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918), ген.-лейт. Б.Н. Казанович (середина марта — начало июня 1918), полк. (ген.-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918), полк. Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918), полк. кн. А.А. Гагарин (с 17 января 1919), кап. (полк.) П.Г. Бузун (лето 1919 — ноябрь 1920).

³⁷¹ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. на ст. Песчаноокопская из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецку разрушен в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившего знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня — 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля — 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. — 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галлиполи влит в Алексеевский полк. Командиры: полк. К.А. Кельнер (до 19 июля 1918), полк. Н.Н. Дорошевич (19 июля — начало августа 1918), подполк. (полк.) К.Г. Шаберт (начало — 14 августа, сентябрь — 29 октября 1918), полк. Сипягин (14 августа—сентябрь 1918), полк. М.А. Звягин (29 октября — декабрь 1918, 18 мая — ноябрь 1919), полк. Ильин (декабрь 1918 — 18 мая 1919), полк. Е.И. Зеленин (начало декабря 1919 — 16 апреля 1920), полк. Д.В. Житкевич (21 июня — ноябрь 1920).

³⁷² 1-й армейский корпус. Сформирован во ВСЮР — Русской Армии 16 апреля 1920 г. на базе Добровольческого корпуса, в который в конце марта были сведены все казацкие части, эвакуированные из Новороссийска. Включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую дивизии и Отдельную кавалерийскую бригаду (с 28 апреля 1920 г. — 2-ю конную дивизию), 1-й

отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 1-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион (на базе управления Алексеевской артиллерийской бригады), отдельную саперную роту и 5-ю отдельную телеграфную роту. С 7 июля 1920 г. в корпус была включена 6-я пехотная дивизия, а 2-я конная переведена в Конный корпус. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии. При наступлении в северной Таврии в 1920 г. потерял за три дня 23% своего состава. Командир — ген.-лейт. А.П. Кутепов (до 4 сентября 1920).

³⁷³ **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Из дворян Новгородской губ., сын лесничего. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Ген. от инф. (3 декабря 1920). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

³⁷⁴ **Назаров Федор Дмитриевич**. Из казаков ст. Ново-Николаевской Области Войска Донского, сын учителя. Окончил Новочеркасское военное училище (1914). Офицер 2-го Донского запасного казачьего полка. С ноября 1917 г. начальник партизанского отряда. Участник боев у Ростова в ноябре 1917 г. и под Синявской в январе 1918 г. Участник Степного похода (есаул, начальник отдельного отряда); в апреле 1918 г. сформировал отряд в д. Орловке, член Войскового Круга ВВД. В 1918—1919 гг. командир 42-го Донского казачьего полка, с конца 1919 г. командир бригады, с которой отступил в Польшу. Прибыв в Крым, в августе 1920 г. возглавил особый отряд с целью десанта у ст. Ново-Николаевской. После гибели отряда вернулся в Крым. В эмиграции в Болгарии, затем на Дальнем Востоке, в 1920-х гг. командир отряда в Монголии, с 6 ноября 1927 г. в Китае. Совершил вылазку в СССР во главе партизанского отряда. Покончил самоубийством в окружении 17 июня 1930 г. (по другим данным — в начале августа 1931 г. у ст. Пограничной).

³⁷⁵ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. 1875 г. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Поаковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления ген. Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии; с ноября 1917 — в начале 1918 г. командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода,

командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с октября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией, в декабре (до 10 декабря) 1919 г. командующий конной группой; с марта 1920 г. командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время 2-й мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1945 г. во Франции. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

³⁷⁶ **Олтаржевский Болеслав Станиславович**, р. 1895 г. Окончил Морской корпус (1914). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР на канонерской лодке «Сагир». Лейтенант (19 января 1919). Погиб в бою в Черном море 2 сентября 1920 г.

³⁷⁷ **Лубченко Александр Михайлович**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; с сентября 1920 г. старший артиллерийский офицер вооруженного ледокола «Гайдамак». Погиб в 1920 г.

³⁷⁸ **Князь Туманов Владимир Константинович**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Лейтенант Черноморского флота. Во ВСЮР и Русской Армии, с 28 марта 1920 г. старший лейтенант, летом 1920 г. командир дивизиона тральщиков. Капитан 2-го ранга. Убит 15 сентября 1920 г. в Таганрогском заливе.

³⁷⁹ **Феодотьев Владимир Михайлович**, р. 1892 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В Донской армии; с мая 1918 г. командир парохода «Новочеркасск» Донской флотилии, в 1919—1920 гг. командир тральщика. Капитан 2-го ранга. Убит 15 сентября 1920 г. в Таганрогском заливе.

³⁸⁰ **Усаров Георгий Александрович**. Сын врача. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 24 июня 1921 г. в составе корпуса в Бизерте. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу объединения корабельных гардемарин выпуска 1922 г. в Алжире, с 1923 г. во Франции; к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Соч.: статьи в «Морском журнале» и «Военной Были».

³⁸¹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 119. Ноябрь 1972.

³⁸² **Захарченко Леонид Иванович**, р. 1873 г. Окончил Морской корпус (1895). Капитан 1-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1920 г. командир судна «Веста».

³⁸³ Дроздовская дивизия (Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 г. Стрелковая генерала Дроздовского дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе созданной 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Дроздовских полков, запасного батальона, Дроздовской

инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I). В середине октября 1919 г. насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. С 4 сентября 1920 г. в состав вошла 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым Дроздовские части насчитывали 3260 штыков и сабель. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери (например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, 14 августа 1920 г. у Андребурга — 100 человек). Общие потери дроздовцев исчисляются в 15 тыс. убитых и 35 тыс. раненых. Среди убитых свыше 4,5 тыс. офицеров. В Галлиполи сведена в Дроздовский стрелковый полк. Дроздовские части носили малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой выпушкой погоны с желтой буквой «Д». Начальники: ген.-майоры В.К. Витковский, К.А. Кельнер (июль—август 1920), А.В. Туркул (август — 28 октября 1920), В.Г. Харжевский (с 28 октября 1920). Нач. штаба — полк. Ф.Е. Бредов.

³⁸⁴ **Витковский Владимир Константинович**, р. 21 апреля 1885 г. в Пскове. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полк. Дроздовского, летом 1918 г. командир Содатского батальона (затем Самурского полка), с 24 июня 1918 г. командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии со 2 августа 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, со 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель ген. Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на 1 июля 1925 г. в Софии, на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев в Ницце (Франция), на 1 мая 1938 г., 12 августа 1940 г., 1958—1960 гг. в Париже, председатель полкового объединения, на ноябрь 1951 г. представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, с 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

³⁸⁵ 2-й Дроздовский полк (2-й офицерский генерала Дроздовского полк, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 2-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован 27 июля 1919 г. на базе офицерского кадра Дроздовского полка как 4-й офицерский и 22 августа переименован во 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского. Входил в состав 3-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1309 штыков при 55 пулеметах. В начале августа 1920 г. состоял из 300 штыков, на 21 сентября в полку было около 900 штыков. Командиры: полк. А.В. Туркул (сентябрь — 11 октября 1919), полк. В.А. Руммель (октябрь 1919), полк. М.А. Звягин,

полк. В.С. Титов (январь 1920), подполк. Елецкий, кап. (полк.) В.Г. Харжевский (6 декабря 1919 — октябрь 1920).

³⁸⁶ **Домбровский Михаил Владимирович**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1905). Капитан 2-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; в январе — весной 1920 г. командир вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», летом 1920 г. командир 2-го Днепровского речного отряда. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте; с января 1921 г. комендант парохода «Константин», с октября 1921 г. командир линейного корабля «Ростислав». В эмиграции во Франции. Умер 7 марта 1958 г. в Париже.

³⁸⁷ Дроздовский полк (2-й офицерский полк, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с 22 августа 1919 г. 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован в начале мая 1918 г. в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского. После соединения последнего с Добровольческой армией получил наименование 2-го офицерского и вошел в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя и с 4 января 1919 г. именовался 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. С 14 октября 1919 г. входил в состав Дроздовской дивизии как 1-й полк. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1352 штыка при 45 пулеметах, в начале августа 1920 г. — свыше 1000 штыков, на 21 сентября — свыше 1500. Для чинов дроздовских частей в эмиграции установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, верхний и правый концы которого малиновые, а левый и нижний — белые, в середине — буква «Д» славянской вязи, сверху надпись «Яссы», внизу дата «1917». Командиры: ген.-майор В.В. Семенов (до 21 апреля 1918), полк. М.А. Жебрак-Русанович (22 апреля — 23 июня 1918), полк. В.К. Витковский (24 июня 1918 — январь 1919), полк. К.А. Кельнер (с 18 января 1919), полк. В.А. Руммель (до 11 октября 1919), полк. А.В. Туркул (11 октября 1919 — август 1920), полк. В. Мельников (август — 23 сентября 1920), полк. (ген.-майор) Н.В. Чеснаков (с 23 сентября 1920).

³⁸⁸ Дроздовская артиллерийская бригада. Сформирована во ВСЮР 4 апреля 1919 г. как 3-я артиллерийская бригада на базе батарей (3-я отдельная легкая и гаубичная) отряда полковника Дроздовского (3-го отдельного легкоартиллерийского дивизиона). Первоначально включала дивизионы: 1-й — 1-я (бывш. 3-я отдельная легкая) и 2-я легкие батареи, 2-й — 3-я и 4-я (из артиллерии бывш. Воронежского корпуса) легкие, 4-й — 7-я (бывш. гаубичная, затем 3-я легкая гаубичная) и 8-я (из артиллерии бывш. Воронежского корпуса) легкие гаубичные батареи, с 1 июля — и 3-й дивизион: 5-я (с 27 мая) и 6-я (с 21 июля) батареи. Позже включала 4 дивизиона (8 батарей). На 5 октября 1919 г. имела 20 легких орудий и 6 гаубиц. Входила в состав 3-й пехотной дивизии. С преобразованием 14 октября 1919 г. этой дивизии в Дроздовскую, получила 22 октября наименование Дроздовской артиллерийской бригады и входила в состав Дроздовской дивизии. На 16 апреля 1920 г. включала только 1-й, 2-й и 4-й дивизионы. С мая по август 1920 г. потеряла

473 человека. В Галлиполи сведена в Дроздовский артиллерийский дивизион. 1-я, 2-я, 3-я и 7-я батареи награждены серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца. Чины бригады носили малиновые фуражки с черным околышем и красные погоны с черной выпушкой, золотыми орудиями и буквой «Д». Командиры: ген.-майор В.А. Мальцев (до 4 августа 1919), полк. (ген.-майор) М.Н. Ползиков.

³⁸⁹ **Романовский Вячеслав**, р. 31 декабря 1884 г. (1886). Окончил Морской корпус (1905), Штурманский офицерский класс (1914). Старший лейтенант, штурманский офицер линкора «Императрица Мария» и командир эскадренного миноносца «Звонкий». Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. старший штурманский офицер крейсера «Кагул» («Генерал Корнилов»), с апреля 1920 г. командир эсминца «Беспокойный». Капитан 2-го ранга (30 ноября 1919). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Тунисе. Умер 10—11 февраля 1964 г. в Бизерте (Тунис).

³⁹⁰ Это может быть либо Александр Ковалевский (окончил Отдельные гардемариные классы в 1917 г.), либо Константин Константинович Ковалевский (окончил Морской корпус в 1916 г.).

³⁹¹ **Петерс Евгений Борисович**. Сын учителя гимназии. Студент Московского университета. Прапорщик 268-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. капитан, командир роты Дроздовского полка, в октябре, на 30 декабря 1919 г. командир 1-го батальона 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Полковник. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Застрелился 3 июня 1922 г. в Севлиево (Болгария).

³⁹² Впервые опубликовано: Военная Быль. № 118—120. Сентябрь 1972 — январь 1973.

³⁹³ Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия, с апреля 1920 г. — Пехотная генерала Маркова дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Марковских полков, запасного батальона, Марковской инженерной роты и Марковской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I и II). В середине января 1920 г. дивизия насчитывала 641 офицера и 1367 солдат (по 30—35 в роте), но после 17 февраля ее состав снова сократился до 500 штыков, и она 17 февраля — март 1920 г. была временно сведена в Сводно-офицерский генерала Маркова полк. В марте 1920 г. насчитывала 900 человек (в т. ч. 245 офицеров). С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й генерала Маркова пехотные полки, Марковскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон (полк), Марковскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Маркова дивизион (образован 21 августа 1920). В начале октября 1920 г. в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, во всей дивизии 1000 штыков и сабель. В 4 запасных батальонах дивизии в течение лета 1920 г. было по 1000 человек, запасный полк в конце октября — 2000. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери. Общие потери марковцев исчисляются до 30 тыс. человек кровавых потерь, в т. ч. 20% — 6 тыс. — убитыми, кроме того,

1—2 тыс. дезертиров, несколько сот без вести пропавших и несколько тысяч пленных. После сбора в Галлиполи всех марковцев (с техническими ротами) их набралось 2030 человек (в т. ч. 500 человек артдивизиона). Дивизия была сведена в Марковский пехотный полк. Марковские части носили белые фуражки с черным околышем и черные (для офицеров — бархатные, рядовых — суконные) с белой выпушкой погоны, форма — черного цвета с белым кантом. Начальники: ген.-майор Н.С. Тимановский (14 октября — 17 декабря 1919), полк. А.Г. Биттенбиндер (врио, 18—22 декабря 1919), полк. А.Н. Блейш (врио, 22 декабря 1919 — 6 января 1920), ген.-лейт. П.Г. Канцеров (6 января — середина февраля 1920), полк. А.Н. Блейш (середина февраля — начало марта 1920), полк. В.П. Машин (врио, нач. — 26 марта 1920), ген.-майор А.Н. Третьяков (26 марта — 15 октября 1920), ген.-майор В.В. Манштейн (врио, 15—21 октября 1920), полк. А.Г. Биттенбиндер (врио, с 21 октября 1920). Нач. штаба: полк. А.Г. Биттенбиндер.

³⁹⁴ Кубанская армия. Образована 31 декабря 1919 г. из кубанских корпусов. 29 января 1920 г. в нее были влиты все войсковые части расформированной Кавказской армии. 9 апреля 1920 г. на Кавказском побережье сведена в корпус, отступивший к грузинской границе. Расформирована 1 мая 1920 г. Командующие: ген.-лейт. И.Г. Шкуро, ген.-майор Морозов (с 9 апреля 1920).

³⁹⁵ Лейб-гвардии Атаманский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Донской армии. Офицерами полка в мае 1918 г. был укомплектован состав 2-го полка Молодой армии, который вскоре получил прежнее наименование и старый штандарт. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии. Командир — ген.-майор М.Г. Хрипунов. Полковое объединение в эмиграции — Общество Атаманцев (Париж).

³⁹⁶ Лейб-гвардии Казачий полк. Полк Императорской армии. Возрожден в апреле—мае 1918 г. в Донской армии. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии. Полк потерял в Белом движении погибшими 34 офицера, ранено было 73, заболело тифом 36. Полковое объединение в эмиграции — «Офицерское общество Лейб-казаков».

³⁹⁷ Черноморский конный полк. Сформирован во ВСЮР весной 1919 г. в Донбассе как Херсонский конно-партизанский отряд на базе кадра 2-го конного полка при 3-й пехотной дивизии. По ходатайству офицеров бывшего Черноморского конного полка Императорской армии (создан в 1915 г.) получил имя этого полка. С конца июля передан в 1-ю пехотную дивизию, с 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II), по прибытии в Крым сведен в дивизион (эскадрон) в составе 4-го кавалерийского полка. 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион Марковской дивизии под названием Отдельного конного генерала Маркова дивизиона. Командир — полк. Е.С. Главче, ротм. Н. Христинич (врио, март 1920).

³⁹⁸ 3-й Донской отдельный корпус. Сформирован 12 мая 1919 г. из 3-й Донской армии. Входил в состав Донской армии. Состав: 1-я, 2-я, 3-я Донские конные дивизии, 5-я (с осени 1919 г. — 8-я и 9-я Донские пластунические бригады) и 8-я Донские дивизии, 2-я Донская стрелковая бригада и Тульская пешая бригада, а также Особая конная сотня (211 сабель, 4 пуле-

мета), артиллерийский взвод (2 орудия), 1-я и 2-я батареи морской тяжелой артиллерии, бронепоезда «Генерал Бакланов», «Митякинец», «Генерал Гусельщиков», «Гундоровец», «Раздорец», «Атаман Орлов» и «Атаман Богаевский», бронев автомобили «Медведица» и «Лугано-Митякинец» (до 18 августа 1919 г. — также 4-я Донская пограничная дивизия). На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 11671 штык, 2218 сабель, 907 саперов, 387 пулеметов, 85 орудий. Расформирован 24 марта 1920 г. Командир — ген.-лейт. М.М. Иванов (до 22 ноября 1919). Нач. штаба — полк. А.В. Говоров.

³⁹⁹ Корниловская дивизия (Корниловская ударная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе трех Корниловских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Корниловских полков, запасного батальона, отдельной инженерной роты и Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. К 22 января 1920 г. включала также Запасный полк (сформирован 29 октября 1919), Корниловский и Горско-мусульманский конные дивизионы. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную ген. Корнилова инженерную роту (подполк. В.В. Добровольский) и Отдельный конный генерала Корнилова дивизион (полк. Ковалевский). Батальонами и ротами в дивизии командовали, как правило, младшие офицеры, например, в составе сформированных летом 1919 г. 2-го и 3-го Корниловских полков не было ни одного штаб-офицера. Младшие офицеры рот (1—3 на роту) в основном были прапорщиками. В момент наибольших успехов — к середине сентября 1919 г. состав Корниловской дивизии (в полках по 3 батальона, офицерской роте, команде пеших разведчиков и эскадрону связи) был таков: 1-й полк — 2900, 2-й — 2600 (в т. ч. вместо офицерской роты — офицерский батальон в 700 человек), 3-й — 1900 человек. К январю 1920 г. во всех трех полках дивизии осталось 415 офицеров и 1663 штыка. Являясь одним из наиболее надежных соединений, обычно действовала на направлении главного удара и несла наибольшие потери. За время боев у Б. Токмака летом 1920 г. потеряла до 2000 человек. В конце августа 1920 г., после того как дивизия почти полностью полегла на проволочных заграждениях у Каховки, в ее полках осталось по 90—110 человек; всего в Каховской операции за семь основных боев потеряла примерно 3200 человек. Корниловские части носили красные фуражки с черным околышем и черно-красные (черная половина — ближе к плечу) погоны с белыми выпушками, для офицеров предусматривалась форма черного цвета с белым кантом. Всего в рядах корниловцев погибло около 14 тыс. человек. Начальники: полк. (ген.-майор) Н.В. Скоблин, ген.-майор М.А. Пешня (врид, 1920), ген.-майор Л.М. Ерогин (врид, с 26 октября 1920). Нач. штаба: кап. (полк.) К.Л. Капнин (6 ноября 1919 — август 1920), кап. (полк.) Е.Э. Месснер (с августа 1920).

⁴⁰⁰ Корниловское военное училище. Создано во ВСЮР 31 января 1919 г., когда в Екатеринодаре был сформирован кадр военно-училищных курсов. В июле 1919 г. военно-училищные курсы развернулись в Ставрополе и впоследствии преобразованы в Корниловское военное училище. Сделало первый выпуск (69 человек) 29 июня 1921 г. в Галлиполи. Всего дало 5 выпусков

офицеров с чином подпоручика (считая и ускоренный 29 января 1920). После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 67 чел., в т. ч. 59 офицеров. Начальники: ген.-майор Т.М. Протозанов, ген.-лейт. А.И. Жнов, ген.-майор М.М. Зинкевич, ген.-майор М.М. Георгиевич (1925), полк. Н.П. Керманов (1931).

⁴⁰¹ 3-й Дроздовский полк (3-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 3-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован 21 сентября 1919 г. в Харькове на базе офицерского кадра Дроздовского полка. Входил в состав 3-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1130 штыков при 12 пулеметах. В начале апреля 1920 г. — 1000 человек, на 21 сентября в полку было свыше 700 штыков. 29 июня 1920 г. полк потерял 103 человека (25 убито). Командиры: полк. В.В. Манштейн, полк. В.С. Дрон (сентябрь — 27 октября 1920; убит), кап. Елецкий (врио, октябрь 1920).

⁴⁰² Сводная кавалерийская дивизия. Сформирована в Донской армии в конце сентября 1919 г. из созданной 26 августа 1919 г. Отдельной кавалерийской бригады. Состав: 4-й Мариупольский и 6-й Кястицкий гусарские, 11-й Чугуевский уланский и Туземный конный полки. После переброски в Крым свернута 25 марта 1920 г. в Сводный кавалерийский полк и придана корпусу ген. Слащева, оборонявшему Крым. Начальник — ген.-майор П.В. Чеснаков.

⁴⁰³ Отдельный Сибирский офицерский батальон (Отдельный Сводный Сибирский стрелковый батальон). В ноябре 1918 г. в Киеве при гетмане ген. Гаттенбергером был сформирован Сибирский офицерский добровольческий отряд (Особый Сибирский отряд), который 19 ноября 1918 г. включен в состав Добровольческой армии. После захвата Киева петлюровцами прекратил существование. Ген. Гаттенбергер весной 1919 г. прибыл от адм. Колчака во ВСЮР с целью сбора желающих отправиться в армию Колчака (в основном уроженцы Сибири, служившие в Сибирских частях), и с июня 1919 г. начал запись добровольцев. Сформирован в Таганроге к началу октября в составе 4 рот и пулеметной команды. Ввиду невозможности отправки его в Сибирь он 9 марта 1920 г. был влит во 2-й Марковский полк. Расформирован 6 апреля 1920 г. Командир — ген.-майор Г.П. Гаттенбергер.

⁴⁰⁴ 1-я кавалерийская дивизия (2-го формирования). Сформирована во ВСЮР 19 ноября 1919 г. из частей 5-го кавалерийского корпуса. Входила в состав Добровольческого корпуса. Состав: 1-й Гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й Гвардейский Сводно-кавалерийский (15 декабря 1919 г. объединены в Сводно-гвардейский кавалерийский полк), 1-й конный генерала Алексева и 10-й гусарский Ингерманландский полки. 30 декабря 1919 г. сведена в Сводную кавалерийскую бригаду, а 14 февраля 1920 г. вновь развернулась в дивизию в составе (с 21 марта 1920) Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го конного генерала Алексева, 1-го (полк. М.И. Тихонравов), 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских, Сводно-конного и Черноморского

конного полков. Начальники: ген.-майор И.И. Чекотовский, ген.-майор И.Г. Барбович.

⁴⁰⁵ 4-й гусарский Мариупольский полк. К концу 1918 г. в Добровольческой армии было 23 офицера полка и несколько офицеров в Донской армии; полк был возрожден в Донской армии 12 июля 1919 г. 26 августа 1919 г. включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. Мариупольцы входили также в состав 3-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й кавалерийский полк. В нем воевало более 30 коренных офицеров. В январе 1920 г. полк имел 46 офицеров и около 500 солдат. Мариупольского полка даже в начале 70-х годов насчитывалось 11 офицеров, произведенных не позже 1920 г.

⁴⁰⁶ 6-й гусарский Клястицкий полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Донской армии 26 августа 1919 г. в составе 4 эскадронов. Включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем. Командир — ротм. Д. Франк (врид с начала декабря 1919).

⁴⁰⁷ Алексеевская дивизия (Партизанская генерала Алексеева пехотная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. (выделена из 9-й пехотной дивизии) в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков, запасного батальона, Отдельной ген. Алексеева инженерной роты и Алексеевской артиллерийской бригады. По прибытии в Крым 25 марта 1920 г. переформирована в Отдельную партизанскую генерала Алексеева пехотную бригаду. При десанте на Геническ на 1 апреля 1920 г. Алексеевская бригада имела 600 человек, потеряв до 340. 19 апреля 1920 г. была расформирована. Алексеевские части носили белые фуражки с синим околышем и синие с белой выпушкой погоны. Начальники: ген.-майор А.Н. Третьяков, полк. М.А. Звягин (апрель 1920). Нач. штаба — полк. В.К. Шевченко (с 30 ноября 1919).

⁴⁰⁸ **Векслер Анатолий Александрович**, р. 1901 г. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне, с января 1918 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. С 1918 г. в 4-м Кубанском конном полку, затем в бронепоездном дивизионе, с 24 января 1919 г. прапорщик по адмиралтейству. В июне—сентябре 1919 г. в конном партизанском дивизионе Донской армии, затем в 4-м гусарском Мариупольском полку, корнет. Орд. Станислава 3-й ст. 10 ноября 1919 г. Орд. Станислава 3-й ст. и поручик с 17 марта 1920 г. Георг. кр. 4-й ст. Орд. Св. Николая Чудотворца. Дважды ранен. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр (с июня 1920). На 18 декабря 1920 г. в 1-й полуроте автопулеметной роты Технического полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Бельгии, в 1953—1972 гг. член правления, с 1973 г. председатель Союза Инвалидов в Бельгии. Умер 31 октября 1984 г.

⁴⁰⁹ **Брюховецкий Иван Вуколович**, р. 1891 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1920 г. старший артиллерист эсминца «Пылкий». В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Лейтенант (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на миноносце «Пылкий», списан 15 июня 1921 г. В эмиграции во Франции. Умер 12 октября 1961 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁴¹⁰ **Шифнер Антон Мейнгардович*** (**Шифнер-Маркевич**), р. 4 июня 1887 г. Окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), академию Генштаба (1913). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Подполковник, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В 1918 г. участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии с 7 августа 1918 г.; начальник штаба партизанской бригады Шкуро, затем 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 г. начальник той же дивизии, сентябрь 1919 г. — март 1920 г. начальник штаба 3-го Кубанского корпуса. В Русской Армии; с августа 1920 г. начальник 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск особого назначения в Кубанском десанте, с сентября 1920 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Умер 21 января 1921 г. в Галиполи.

⁴¹¹ **Букретов Николай Андрианович**, р. 1876 г. Из горских грузинских евреев-кantonистов. Приписной казак Кубанского казачьего войска. Окончил Тифлисское реальное училище (1894), Алексеевское военное училище (1896), академию Генштаба. Генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластуно́й бригады. В Добровольческой армии; 9—17 января 1918 г. командующий Кубанской армией, затем в отставке. С осени 1918 г. председатель продовольственного комитета Кубанского правительства, январь—апрель 1920 г. Кубанский атаман. В эмиграции в Константинополе. Умер после 1922 г.

⁴¹² **Иванис Василий Николаевич**. Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; февраль—март 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее. Весной 1920 г. председатель Кубанского правительства. В эмиграции.

⁴¹³ **Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура)**, р. 7 февраля 1886 (1887) г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, 29 января — март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 17 января 1947 г. в Москве.

⁴¹⁴ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академию Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледеяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии; с сентября 1920 г. командир конной группы (бывш. ген. Бабиева). Генерал-лейтенант. В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время 2-й мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

⁴¹⁵ **Полетика Владимир Константинович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. командир взвода офицерского отряда в Мариуполе, затем командир бронепоезда «Орел»; с марта 1920 г. старший офицер эсминца «Дерзкий». Старший лейтенант. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в США, к 1934 г. в Сан-Франциско, член Общества бывших морских офицеров в Америке. Умер 29 апреля 1967 г. в Нью-Йорке.

⁴¹⁶ **Лазарев Максим Андреевич**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1912). Старший лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; март—апрель 1920 г. командир эсминца «Живой». Капитан 2-го ранга. Галлиполиец. Покончил самоубийством 16 мая 1935 г. в Бейруте.

⁴¹⁷ **Стогов Николай Николаевич**, р. 10 сентября 1872 г. Окончил Николаевский кадетский корпус (1891), Константиновское военное училище (1893), академию Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Вольнского полка. Генерал-лейтенант, командир 16-го армейского корпуса, начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. Георгиевский кавалер. Служил в Красной армии (май—август 1918 г. начальник Всеросглавштаба). В 1918—1919 гг. член «Национального центра» в Москве, начальник его военной организации, с августа 1919 г. возглавлял штаб Добровольческой армии Московского района. Арестован, бежал через линию фронта. В Вооруженных силах Юга России с сентября 1919 г., начальник укрепленной позиции у Ростова, с 18 января 1920 г. начальник штаба Кубанской армии. В Русской Армии комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (Земун), с 1924 г. в Париже, помощник начальника военной канцелярии РОВС, с 6 июля 1930 г. до 1934 г. начальник той же канцелярии, с февраля 1941 г. заместитель начальника 1-го отдела РОВС. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почетный председатель Союза российских кадетских корпусов, с 1949 г. председатель объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л.-гв. Вольнского полка, заместитель председателя Распорядительного комитета Гвардей-

ского объединения и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской пехотной дивизии. Умер 17 декабря 1959 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁴¹⁸ **Винокуров Павел Петрович**, р. 1881 г. Окончил Морской корпус (1900). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1920 г. командир Туапсинского порта, затем в Крыму. Капитан 1-го ранга. К лету 1921 г. в Югославии, в эмиграции там же, к 1934 г. в Белграде, к 1949 г. в Германии. Умер в апреле 1949 г. в Порт-Саиде, по пути в Австралию.

⁴¹⁹ **Морозов Николай Алексеевич**, р. 1862 г. Из дворян. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1885). Полковник, командир 2-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. Во ВСЮР командир Особой кавалерийской бригады, затем кавалерийской дивизии, эвакуирован из Туапсе в Крым. В Русской Армии; весной 1920 г. командир 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор.

⁴²⁰ **Эрдеди Иван Георгиевич**, р. 15 октября 1870 г. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Георгиевский кавалер. Участник выступления ген. Корнилова в августе 1917 г., быловец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; январь—март 1918 г. представитель Добровольческой армии при Кубанском правительстве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир отдельной конной бригады. С июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. в распоряжении Главнокомандующего, с 16 апреля 1919 г. Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. Эвакуирован. 24 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым на корабле «Русь». В Русской Армии в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров — участников войны во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 30 июля 1939 г. в Париже.

⁴²¹ **Колосовский Андрей Павлович**, р. 1870 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. В августе 1918 г. командир 1-го конного полка, с 27 сентября 1918 г. командир Приморского добровольческого отряда в Новороссийске, с 15 ноября 1918 г. генерал-майор, с 21 марта, в мае—июне 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с октября, в конце 1919 г. начальник Астраханской казачьей дивизии; в октябре 1919 г. также командир Черноморского сводного отряда на Черноморском направлении, в мае 1920 г. командир Терско-Астраханской бригады; с августа 1920 г. участник Кубанского десанта. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии. Умер в 1941 г. в Белграде.

⁴²² **Вдовенко Герасим Андреевич**, р. 1867 г. Офицер с 1889 г. Полковник Терского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник Терского восстания в июне 1918 г., с 18 января 1919 г. генерал-майор. На 10 января 1920 г. в общеземитии № 1 в Буюк-Дере (Константинополь).

В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 13 марта 1919). В эмиграции в Югославии. Терский атаман в 1918—1945 гг. Арестован в Белграде и вывезен в СССР.

⁴²³ **Бачманов Петр Сергеевич**, р. 1884 г. Окончил Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; с ноября 1919 г. командующий посыльным судном «Лукулл», с марта 1920 г. начальник оперативного отдела в Новороссийске, март—сентябрь 1920 г. то же в Севастополе, в мае 1920 г. производил разведку у Геленджика, с октября 1920 г. флаг-капитан оперативной части Черноморского флота. Капитан 1-го ранга (к октябрю—ноябрю 1920). В эмиграции. Умер до 1933 г.

⁴²⁴ **Муравьев Всеволод Вениаминович**. Войсковой старшина Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с 12 августа 1918 г. командир 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, с 17 марта 1919 г. командир 1-й бригады 1-й конной дивизии (полковник), с 23 октября 1919 г. начальник той же бригады, затем командующий 1-й конной дивизией, с 10 декабря 1919 г. начальник той же дивизии, с 27 (29) января 1920 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 14 мая 1920 г. отчислен. Генерал-майор (с 9 декабря 1919). В эмиграции в Болгарии. Убит в 1924 г. в Варне (Болгария).

⁴²⁵ **Улагай Кучук Каспостович**. Окончил реальное училище в Екатеринодаре, Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Кубанской армии, с января 1918 г. командир Черкесской партизанской сотни на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку; с 11 декабря 1918 г. командир 1-го Черкесского конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1920 г. участник десанта на Кубань, с сентября 1920 г. начальник партизанского отряда на Кубани, с октября 1920 г. в войсках ген. Фостикова там же. Полковник. В эмиграции в Болгарии, в 1924 г. участник похода в Албанию и возведения на престол А. Зогу, на службе в албанской армии (состоял при короле Албании), с 1939 г. в Югославии. Во время 2-й мировой войны командир Кавказского горского отряда у Краснова, глава Мусульманского комитета по освобождению Кавказа. После 1945 г. в Чили, служил в Военно-географическом институте. Умер 8 апреля 1953 г. в Сантьяго.

⁴²⁶ **Фостиков Михаил Архипович**, р. 1886 г. Из казаков ст. Батапашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Окончил Ставропольскую гимназию, Александровское военное училище (1907), академию Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, сентябрь—декабрь 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919 г. до 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой «Армией возрождения России» на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черномор-

ско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант. Был на о. Лемнос: командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

⁴²⁷ **Шатилов Павел Николаевич**, р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академию Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конных корпусов, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, 27 июля — 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920). В эмиграции в Константинополе, состоял при ген. Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Анжере (Франция).

⁴²⁸ **Булашевич Сергей Михайлович**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (28 марта 1920). В октябре 1922 г. на крейсере «Алмаз».

⁴²⁹ **Лиманский Игнатий Лукич**. Подъесаул. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м Сводном Кубанском полку, с 18 декабря 1918 г. есаул; с апреля 1920 г. командир Сводно-Кубанского полка. Полковник. Попал в плен, затем сражался в партизанском отряде армии ген. Фостикова на Кубани. Был на о. Лемнос. В эмиграции.

⁴³⁰ **Долгополов Александр Федорович**. В Добровольческой армии; доброволец в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. В эмиграции председатель Союза Первопоходников в Калифорнии, с 1960 г. член правления ПРЭ США, в 1961—1968 гг. член редколлегии журнала «Вестник первопоходника», затем издатель журнала «Первопоходник». Умер 12 марта 1977 г. в Лагуна-Бич (США).

⁴³¹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 67—68. Апрель—май 1967.

⁴³² Крымский конный полк. Полк Императорской армии. После возвращения полка в конце 1917 г. с фронта в Крым на базе его (около 50 офицеров) была сформирована бригада (полк. Г.А. Бако) из 1-го и 2-го Коннотатарских полков (полк. М.М. Петропольский и подполк. О.-Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова и участвовали в боях с большевиками в январе 1918 г. Возрожден в Добровольческой армии. 7 декабря 1918 г. сформирован эскадрон в составе 4-й пехотной ди-

визии (с января 1919 г. дивизион — 3 эскадрона) полка в Крымско-Азовской армии, который участвовал в боях в Крыму на Акманайских позициях. С 19 июня 1919 г. он входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. крымцы были представлены 2 эскадронами. 10 августа 1919 г. дивизион развернут в собственный полк (6 эскадронов). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 354 сабли и 12 пулеметов. В сентябре—октябре 1919 г. входил в состав отряда ген. Розеншильд-Паулина войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I), действующей против банд Махно. Один эскадрон полка; находившийся при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в Бредовском походе. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), 5 мая 1920 г. сведен в дивизион и влит во 2-й Туземный конный полк (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский полк), а 22 августа 1920 г., по его расформировании, — в 7-й кавалерийский полк. К августу 1920 г. насчитывал около 450 человек. Пеший эскадрон, откомандированный 9 октября 1920 г. в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем, конный эвакуировался с полком. Из полка (не считая погибших в январе 1918 г. 12 офицеров) в декабре 1918 г. при возрождении его в Добровольческой армии прибыло 27 его офицеров и в 1919—1920 гг. в полк было принято еще 24 офицера из прикомандированных к нему. Другие офицеры служили в иных частях и даже на других фронтах. В Галиполи из полка было 45 офицеров и 22 солдата. В 1928 г. кадр полка включал 26 офицеров. Командиры: полк. Г.А. Бако (7 декабря 1918 г. — начало февраля 1919 г.), полк. Д.И. Туган-Мирза-Барановский (начало февраля 1919 г. — 5 мая 1920 г.), полк. Е.А. Зотов (5 мая — июнь, 3 августа — ноябрь 1920 г.), подполк. В.А. Тихановский (июнь — 3 августа 1920 г.).

⁴³³ **Туган-Мирза-Барановский Давид Иванович.** Сын генерал-майора. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902), академию Генштаба. Поковник л.-гв. Конной артиллерии, начальник штаба Гвардейской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка, до 10 августа 1919 г. командир Сводно-драгунского полка, с октября 1919 г. начальник Днестровского отряда войск Новороссийской обл. В Русской Армии; с мая 1920 г. командир 2-го Туземного конного полка, с июля 1920 г. начальник штаба инспектора конницы до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. С 1921 г. начальник штаба Кубанского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции после 1934 г. во Франции, к 1938 г. в Варшаве, председатель отдела объединения л.-гв. Конной артиллерии. Умер в 1943 г. в Польше.

⁴³⁴ Сводно-драгунский полк. Создан во ВСЮР. В апреле 1919 г. насчитывал 74 офицера и 841 солдата. 19 июня 1919 г. сформирован из дивизиона Крымского конного полка и кадра бывших 3-го Новороссийского и 15-го Переяславского драгунских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июне 1919 г. при нем формировался также дивизион 1-го уланского Петроградского полка. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 3-го Новороссийского, 15-го Переяславско-

го драгунских и Крымского конного полков (свыше 850 человек). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 350 сабель и 3 пулемета. 20 сентября в него вли-ты: Отдельный конный дивизион ротм. Двойченко (7-й — 9-й эскадроны) и эскадрон 7-го уланского Ольвиопольского полка (10-й эскадрон). В сентя-бре—октябре 1919 г. входил в состав отряда ген. Розеншильд-Паулина войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отде-льной кавалерийской бригады (I), действующей против банд Махно. Коман-диры: полк. Д.И. Туган-Мирза-Барановский (до 10 августа 1919), полк. Г.М. Лермонтов (сентябрь—октябрь 1919).

⁴³⁵ **Звягин Михаил Андреевич.** Полковник, командир 108-го пехотно-го полка. В Добровольческой армии; с 29 октября 1919 г. командир Самур-ского полка, в апреле 1920 г. полковник, командир Алексеевской бригады (из Алексеевского и Самурского полков), начальник десанта у Геническа. В Русской Армии начальник 6-й пехотной дивизии. Генерал-майор. В эмигра-ции комендант города Галлиполи до 29 января 1921 г. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Убит до 1945 г.

⁴³⁶ **Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович,** р. 4 апреля 1883 г. в Новгороде-Северском. Из мещан. Окончил Новгород-Северское городское училище, Чугуевское военное училище (1902). Полковник, командир 428-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 10 августа 1919 г. командир Сводно-стрелкового полка, с 1 августа 1920 г. командир 2-го Марковского полка, затем командир Алексеевского полка, затем начальник Марковской дивизии. Генерал-майор. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В 1922 г. вер-нулся в СССР, инспектор пожарного отдела управления ВОХР ВСНХ. Арес-тован 30 августа 1930 г. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 апреля 1931 г. в Москве.

⁴³⁷ 13-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужил Сводный полк 13-й пе-хотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 800 штыков. В Русской Армии; с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 494 солдата при 35 пулеметах. На 16 апреля 1920 г. включала 49-й Брестский, 50-й Белостокский (1-я бригада), 51-й Ли-товский и 52-й Виленский (2-я бригада) пехотные полки, 13-ю артиллерий-скую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переиме-нована из 5-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Виленский дивизион. По советским данным, отошед-шие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 1530 штыков и сабель. В эмиграции было создано «Объединение чинов 13-й пехотной ди-визии»: находилось в Париже, входило в РОВС, председатель — ген.-майор Г.Б. Андгуладзе.

⁴³⁸ 34-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го ар-мейского корпуса (II). Ее ядром послужили пехотные части Екатеринослав-

ского отряда, пришедшие в Крым в конце декабря 1918 г. и вошедшие в состав 4-й пехотной дивизии как Сводный полк 34-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 1200 штыков. В Русской Армии; с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 245 офицеров и 3103 солдата при 18 орудиях и 101 пулемете. На 16 апреля 1920 г. включала 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский (1-я бригада), 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский (2-я бригада) пехотные полки, 34-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 7-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Симферопольский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 750 штыков и сабель. Начальник — ген.-майор кн. Н.П. Стокасимов (с 21 января 1920). Командир бригады — ген.-майор Г.А. Дубего (с апреля 1920).

⁴³⁹ 34-я артиллерийская бригада. Сформирована во ВСЮР 8 декабря 1919 г. Ее ядром послужила артиллерия Екатеринославского отряда (пришедшего в Крым в конце декабря 1918 г.), первоначально вошедшая в состав 4-й артиллерийской бригады. Входила в состав 34-й пехотной дивизии. На 16 апреля 1920 г. включала 1-й, 2-й и 4-й дивизионы. На 1 августа 1920 г. насчитывала 51 офицера и 797 солдат при 18 орудиях и 19 пулеметах. Командир — ген.-майор В.Д. Жуков (с 14 декабря 1919).

⁴⁴⁰ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской области. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полк. Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку. Полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января, на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

⁴⁴¹ **Казанович Борис Ильич**, р. 1871 г. Из дворян. Окончил Могилевскую гимназию (1890), Московское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае—июне командирован в Москву для связи с Национальным центром. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919 г. — в начале 1920 г. командующий войсками Закаспийской обл. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, с августа 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1939 г. председатель Общества офицеров Генерального штаба,

председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчево (Югославия).

⁴⁴² Симферопольский офицерский полк. Начал формироваться шт.-кап. Орловым на добровольческой основе в Симферополе осенью 1918 г. в составе Крымско-Азовской Добровольческой армии. Официально создан 5 ноября 1918 г. из двух рот (более 200 человек) как Симферопольский офицерский батальон (в основном из офицеров — местных уроженцев), одновременно по две роты было сформировано в Ялте (2-й батальон; кап. Б. Гаттенбергер) и Севастополе (3-й батальон; кап. Коттер). С прибытием ялтинских рот в середине декабря 1918 г. развернут в полк (3 батальона). Вошел в состав Крымской (с 19 января 1919 г. 4-й пехотной) дивизии. С 11 апреля по 22 мая 1919 г. был временно переформирован в Отдельный Симферопольский офицерский батальон (3-й батальон после боев на Перекопе действовал отдельно от полка, и 12 августа 1919 г. в Херсоне был сформирован новый 3-й батальон). К 22 мая 1919 г. насчитывал 575 человек, к июлю — 1225, на 7 сентября — 1475. В боях против банд Махно с 22 августа по 14 сентября 1919 г. потерял 635 человек — 208 убито (87 офицеров), 416 ранено (178 офицеров) и 11 пропало (5 офицеров). На 20 сентября 1919 г. имел 591 штык и 11 пулеметов. На 1 октября 1919 г. насчитывал 1470 человек, в т. ч. 621 офицер (из них 464 на солдатских должностях) и 37 чиновников. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым (2 августа 1920 г.) насчитывал 426 человек (в т. ч. 196 офицеров и 23 чиновника), на фронт прибыл в составе 260 человек (в т. ч. 6 штаб- и 98 обер-офицеров и 13 чиновников). 23 августа 1920 г. остатки полка влиты в 49-й пехотный полк, составив в нем 2-й и 3-й батальоны и офицерскую роту, а 50 офицеров переведены в 52-й пехотный полк. В Галлиполи чины полка составили 1-й взвод 7-й роты Алексеевского пехотного полка. Командиры: шт.-кап. Н. Орлов (ноябрь—декабрь 1918), полк. П.Г. Мориллов (декабрь 1918 — 11 апреля 1919), полк. С.С. Гвоздаков (11 апреля 1919 или 13 июля 1919 — 24 февраля 1920, умер), полк. Н.Н. Робачевский (врио; ноябрь — 24 декабря 1919), полк. А.П. Решетинский (24 февраля— 23 августа 1920).

⁴⁴³ **Стольников Константин Антонович**, р. 1890 г. в Петрокове. Окончил гимназию, Одесское военное училище (1912). Капитан 69-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г., марте 1920 г. в Симферопольском офицерском полку, с сентября 1919 г. командир 1-го батальона, с апреля 1920 г. командир отдельной роты того же полка в составе 49-го Брестского пехотного полка в Крыму. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Полковник (с декабря 1919 — начала 1920). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Болгарии. В эмиграции с 1922 г. в Болгарии, с 1935 г. член правления Общества Галлиполийцев в Хаскове. Умер 10 мая 1968 г. в Болгарии.

⁴⁴⁴ 49-й пехотный Брестский полк. Возрожден во ВСЮР. Офицерский кадр полка (стоявшего до войны в Крыму) формировался с конца 1918 г. в Симферополе в составе Сводного полка 13-й пехотной дивизии (в сентябре—октябре 1919 г. его кадр входил в состав 1-го сводного полка этой дивизии). При разворачивании из этого полка 13-й пехотной дивизии стал са-

мостоятельным полком. На 1 августа 1920 г. насчитывал 96 солдат при 6 пулеметах. 23 августа 1920 г. в него были влиты Симферопольский офицерский полк, составив 2-й и 3-й батальоны и офицерскую роту, а также 42-й пехотный Якутский полк. В Галлиполи составил 7-ю роту Алексеевского пехотного полка. Командиры: подполк. А. Руссов, полк. Хаджи.

⁴⁴⁵ **Андгуладзе Георгий Бжеанович**, р. 17 октября 1866 г. Из крестьян. Окончил Тифлисское военное училище (1887). Полковник, командир 49-го пехотного полка. Генерал-майор, командир бригады 13-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне 1918 г. ему поручена организация центра в Тирасполе, с 23 ноября 1918 г. формировал в Симферополе сводный полк 13-й пехотной дивизии, с 8 февраля 1919 г. командир Крымского сводного пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии начальник 13-й пехотной дивизии, с августа 1920 г. командир группы войск из 13-й и 34-й дивизий. Генерал-лейтенант (30 декабря 1920). В эмиграции председатель объединения 13-й пехотной дивизии. Умер 23 марта 1948 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁴⁴⁶ **Хаджи Авраам Вениаминович**, р. 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г. Полковник. В 1918 г. в гетманской армии; 30 сентября 1918 г. назначен помощником командира 15-го полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с марта 1920 г. командир 49-го пехотного Брестского полка. В эмиграции во Франции. Умер 20 июля 1947 г. в Ницце (Франция). Жена, 2 пасынка.

⁴⁴⁷ **Ваксмут Анатолий Петрович**, р. 17 ноября 1889 г. Окончил Морской корпус (1910). Лейтенант, командир строящегося сторожевого корабля «Чибис» Балтийского флота. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с 1 января 1918 г. в Морской роте. Тяжело ранен в феврале 1918 г. и остался в Новочеркасской больнице, с июня 1918 г. командир парохода «Кубанец» Донской флотилии, с 24 января 1919 г. старший лейтенант, в начале 1919 г. старший офицер ледокола «Полезный», в июне 1919 г. командир дивизиона катеров Волжской флотилии, с 20 сентября 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Америка» Каспийской флотилии. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия), затем на Каспийской флотилии, с сентября 1921 г. начальник штаба Сибирской флотилии; командир корабля «Взрыватель» в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). В эмиграции в Китае, с 1936-го по 18 июня 1946 г. член (в 1939 г. член Комитета старшин) Кают-компании в Шанхае, в 1948 г. еще в Шанхае, затем в Австралии. Член КИАФ и РМО. Умер 25 ноября 1973 г. в Сиднее (Австралия).

⁴⁴⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 71—72. Август—сентябрь 1967.

⁴⁴⁹ **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст. Каргинской Области Войска Донского. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерскую кавалерийскую школу. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в ст. Константиновской.

С 3 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, генерал от кавалерии (26 августа 1918). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, с января 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 ноября 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином, на декабрь 1924 г. почетный вице-председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен в Москве 17 января 1947 г.

⁴⁵⁰ **Михайловский Всеволод**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман. В Донской армии и ВСЮР; в июне 1918 г. старший офицер парохода «Кубанец» Донской флотилии, с октября 1919 г. командир канонерской лодки К-22 «Чернобыль» Средне-Днепровской флотилии. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте.

⁴⁵¹ **Алексеев-Попов Борис Иосифович**, р. 1895 г. Сотник. В Донской армии; в июне 1918 г. на пароходе «Кубанец» Донской флотилии, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, с лета 1920 г. в отряде полковника Назарова. Есаул.

⁴⁵² **Киренко Владимир**. Офицер с 1917 г. Мичман. В Донской армии; в июне 1918 г. на Донской флотилии, с июля 1918 г. лейтенант.

⁴⁵³ **Эльманович Владимир Сергеевич**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман минной бригады Черноморского флота. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском (Марковском) полку. Тяжело ранен, затем в тяжелой артиллерии, в июне 1918 г. в Донской флотилии, затем в Новороссийском военном порту; с 22 января 1919 г. в Донской армии, с 18 июля 1919 г. на истребителе № 3 Каспийской флотилии. К лету 1921 г. в Басре. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии; командир корабля «Парис» в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины). Лейтенант (1919). В эмиграции в США. Умер 17 февраля 1967 г. в Помпано-Бич (Флорида).

⁴⁵⁴ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 9. Апрель 1954.

⁴⁵⁵ **Гернет Сергей Сергеевич**, р. 19 ноября 1891 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант Гвардейского экипажа. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1920 г. участник десанта у Покровки. В эмиграции на 1920 г. в Шанхае. Умер 20 июля 1930 г. (1931) в Шанхае.

⁴⁵⁶ **Фомин Георгий Юрьевич**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908). Старший лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (4 мая 1918). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер 25 июля 1929 г. в Париже.

⁴⁵⁷ **Реймерс Сергей Александрович**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910). лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле—августе 1920 г. командир дивизиона плавучих батарей 3-го отряда судов Черноморского флота. Старший лейтенант. В эмиграции во Франции. Умер 29 мая 1933 г. в Париже.

⁴⁵⁸ Впервые опубликовано: Часовой. № 201. Декабрь 1937.

⁴⁵⁹ Имеется в виду Б.С. Олтаржевский (см. выше).

⁴⁶⁰ Имеется в виду Р.Э. фон Вирен (см. выше).

⁴⁶¹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 108—109. Январь—март 1971.

⁴⁶² **Геринг Алексей Алексеевич**, р. 1895 г. Окончил 1-й кадетский корпус (1913), Морской корпус (1915). Мичман линейного корабля «Петропавловск». Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1920 г. во 2-м Днепровском речном отряде, с сентября 1920 г. флаг-офицер в штабе 2-го отряда судов (Азовского моря) в Керчи. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. лейтенант (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, август 1921 — январь 1920 г. старший офицер, август 1922 — сентябрь 1924 г. командир эсминца «Беспокойный». В эмиграции во Франции, с 1950 г. в Париже, редактор газеты «Вестник», председатель общекадетского объединения, с 1952 г. редактор журнала «Военная Быль». Умер 24 февраля 1977 г. в Париже.

⁴⁶³ Впервые опубликовано: Часовой. № 38—39. Август—сентябрь 1930.

⁴⁶⁴ **Веревочкин Сергей Сергеевич**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908). Старший лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; командир канонерской лодки «Урал» до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован на том же корабле. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в Болгарии, в 1930 г. в Софии, в 1930-х гг. в Варне.

⁴⁶⁵ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 101. Декабрь 1969.

⁴⁶⁶ Атаманское военное училище. Бывшее Новочеркасское военное училище. После очищения Дона от большевиков возобновило свою деятельность. Находилось в составе Донской армии. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе Донского корпуса (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). С Лемноса убыло в числе 532 человек (174 офицера, 217 юнкеров, 141 казак), осенью 1925 г. насчитывало 282 человека, в т. ч. 219 офицеров. Начальники: полк. (ген.-майор) А.И. Семенченков (4 мая 1918 — 30 марта 1920), ген.-майор В.П. Попов. Начальники групп: полк. К.А. Болдырев (Ямбол), полк. А.Н. Плетнев (София). На Лемносе в 1920—1921 гг. юнкерами издавались рукописные журналы «Атаманец» (18 номеров) и «Сын изгнания» (6 номеров).

⁴⁶⁷ Имеется в виду генерал флота **Алексей Николаевич Крылов** (р. 1863).

⁴⁶⁸ Имеется в виду капитан 1-го ранга **Евгений Андреевич Беренс** (р. 1876, окончил Морской корпус в 1895 г.).

⁴⁶⁹ **Григорков Владимир Александрович**, р. 1886 г. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Морской корпус (1906) (офицер с 1907). Капитан

2-го ранга Черноморского флота. До августа 1919 г. во французском флоте. Во ВСЮР и Русской Армии; с августа 1919 г. командир миноносца «Беспойный», с марта 1920 г. командир эсминца «Пылый», с июля 1920 г. командир крейсера «Алмаз», начальник отряда судов для вывоза войск ген. Фостикова. Капитан 1-го ранга (26 октября 1920). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, август 1922 — октябрь 1923 г. командир линейного корабля «Генерал Алексеев». В эмиграции 1933—1948 гг. в Тунисе, работал топографом, затем во Франции. Умер 12 ноября 1965 г. в Париже.

⁴⁷⁰ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 82. Ноябрь 1966.

⁴⁷¹ **Григорьев Федор.** Окончил Морской корпус (1916). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма; в феврале—июле 1920 г. ревизор на крейсере «Алмаз». Лейтенант (28 марта 1920). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, октябрь—ноябрь 1921 г. делопроизводитель в комиссии по делам русских граждан в Северной Африке на линейном корабле «Георгий Победоносцу». В эмиграции. Умер после 1933 г.

⁴⁷² **Гутан Николай Рудольфович,** р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга, командир эскадренного миноносца «Поспешный». Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 27 марта 1919 г., на март 1920 г. командир эсминца «Поспешный», летом, на 21 ноября 1920 г. до января 1921 г. командир эсминца «Дерзкий», который привел в Бизерту. Капитан 1-го ранга (30 ноября 1919). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в феврале 1921 г. — ноябре 1922 г. начальник 2-го отряда судов Русской эскадры, ноябрь 1922 — февраль 1924 г. член правления заемного капитала. В эмиграции в Тунисе. Умер до 1944 г. там же.

⁴⁷³ Впервые опубликовано: Морские записки. Т. 13. 1955.

⁴⁷⁴ **Штром Александр Александрович,** р. 1893 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Ростовскую гимназию (1911), Санкт-Петербургский университет (1916), Офицерские курсы морской артиллерии в Ревеле (1916). Мичман военного времени Балтийского флота (в плену с 1917). В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; с 29 июля 1919 г. вахтенный начальник на кораблях «Ростислав», «Страж», «Алмаз», канонерской лодке «К-16» до эвакуации Крыма; в ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». Лейтенант (26 апреля 1920). В эмиграции в Югославии, к 1934 г. в Белграде. С 1948 г. в Аргентине, секретарь и председатель Кают-компании, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 16 октября 1989 г. в Буэнос-Айресе.

⁴⁷⁵ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 107. Ноябрь 1970.

⁴⁷⁶ **Князь Шаховской Владимир Владимирович,** р. 1864 г. Сын статского советника. Окончил Морской корпус (1884). С 1890 г. в запасе. Статский советник, земский начальник. Лейтенант Черноморского флотского экипажа. Во ВСЮР и Русской Армии; старший офицер линкора «Ростислав» до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (28 июля 1918). Эвакуирован с флотом в Бизерту (командир канонерской лодки «Страж»). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, сентябрь 1921 — октябрь 1922 г. ко-

мандир канонерской лодки «Страж», октябрь 1922 — февраль 1923 г. командир посыльного судна «Китобой», апрель 1923 — сентябрь 1924 г. на учебном судне «Моряк». Умер 15 августа 1930 г. в Тунисе.

⁴⁷⁷ **Шуберт Константин Карлович**, р. 1876 г. Окончил Морской корпус (1896). Капитан 1-го ранга. В Добровольческой армии с 12 декабря 1917 г.; с марта 1919 г. и летом 1919 г. на Каспийской флотилии, начальник отряда судов. В Русской Армии до эвакуации Крыма; в ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже.

⁴⁷⁸ Впервые опубликовано: Вахтенный журнал. № 12—14. 1937.

⁴⁷⁹ **Лаский Владислав**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР в Новороссийском военном порту, с 11 января 1919 г. на Морском бронепоезде, затем на Каспийской флотилии.

⁴⁸⁰ **Литвинов Владимир Александрович** р. 1888 г. Из дворян Полтавской губ. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910), Севастопольскую авиационную школу (1913). Старший лейтенант, командир 2-го авиадивизиона Балтийской воздушной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. командир гидроавиотряда, с 1919 г. помощник начальника гидроавиации Черноморского флота, с 1919 г. на Каспийской флотилии. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920). В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже. Умер 17 апреля 1957 г. в Париже.

⁴⁸¹ **Сукин Георгий Александрович**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман дивизиона миноносцев. В 1918—1919 гг. в английских частях в Закаспии. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. командир на пароходе «Араг» Каспийской флотилии.

⁴⁸² **Ивицкий Георгий Дионисьевич**, р. 1876 г. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Павловское военное училище (1896), академию Генштаба (1904). Полковник, начальник штаба 81-й пехотной бригады. В Добровольческой армии рядовым в Прикаспийском партизанском отряде ген. Пржевальского, через два месяца — начальник гарнизона Петровска, затем градоначальник Грозного и района нефтяных промыслов. Генерал-майор (с 4 февраля 1920). В эмиграции в США, начальник Северо-Американского отдела КИАФ, председатель Главного правления Общероссийского монархического объединения, издатель журнала «Под Императорским штандартом». Умер 18 августа 1952 г. в Нью-Йорке.

⁴⁸³ **Ноинский Михаил Павлович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. офицер для связи между начальником Астраханской группы и Каспийской флотилией. Остался в СССР, служил в РККА.

⁴⁸⁴ **Милькаманович Александр Али-Ибрагимович**. Офицер с 1916 г. Мичман. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии, командир истребителя № 4, с 13 июля 1919 г. на корабле «Азия» той же флотилии.

⁴⁸⁵ **Никифоров Михаил Иванович.** Мичман военного времени. Во ВСЮР на Каспийской флотилии, командир истребителя № 5. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, в 1933 г. окончил зубоврачебные курсы в Харбине, помощник начальника морского отдела КИАФ в Маньчжоу-Го.

⁴⁸⁶ **Скорописов Николай Петрович.** Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 12 июля 1919 г. на истребителях № 5 и № 7 Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. лейтенант. При эвакуации 1922 г. пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции к 1935 г. в США. Умер 13 февраля 1954 г. в Сан-Франциско.

⁴⁸⁷ 5-й гусарский Александрийский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка в январе—марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк (I) и весной 1919 г. в состав Перекопского отряда Крымско-Азовской армии, затем переброшен на Кавказ. Собственный полк (6 эскадронов) сформирован 1 июля 1919 г. в Грозном (из ставропольцев — старых солдат кавалерии, ногайцев и калмыков) в составе войск Северного Кавказа. Принимал участие в усмирении Чечни. К октябрю 1919 г. имел около 2000 человек при 3 штаб- и 27 обер-офицерах (на 5 октября 1919 г. насчитывал 861 саблю и 18 пулеметов), к 5 марта 1920 г. — около 400 человек. В марте отошел из Владикавказа в Грузию, откуда 11 апреля переброшен в Крым. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 1-й кавалерийский полк. Командиры: полк. И.А. Глебов (весна — октябрь 1919), полк. Доможиров (октябрь 1919 — апрель 1920 г.). Кроме того, возрожден на Восточном фронте как Самарский гусарский полк. В эмиграции нач. полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полк. С.А. Топорков.

⁴⁸⁸ Имеется в виду контр-адмирал **Василий Михайлович Альтфатер** (р. 1883 г., окончил Морской корпус в 1902 г.).

⁴⁸⁹ Имеется в виду капитан 2-го ранга **Всеволод Андреевич Унковский** (р. 1884 г., окончил Морской корпус в 1903 г.).

⁴⁹⁰ Имеется в виду старший лейтенант **Викентий Борисович Ловенецкий** (р. 1886 г., окончил Морской корпус в 1907 г.).

⁴⁹¹ Имеется в виду старший лейтенант **Ганс Павлович фон Рейер** (р. 1883 г., окончил Морской корпус в 1905 г.).

⁴⁹² Имеется в виду мичман **Александр Александрович Сиденсер** (р. 1895 г., окончил Морской корпус в 1914 г.).

⁴⁹³ **Дурилин Александр Александрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в 1-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Вооруженных силах Юга России; 1919 г. в Чеченской конной дивизии, с января 1920 г. командир эскадрона 2-го Чеченского конного полка, с весны 1920 г. в Татарском конном полку. Штабс-ротмистр. В Русской Армии; с мая 1920 г. командир эскадрона Крымского конного полка. Ротмистр. Умер от ран в августе 1920 г.

⁴⁹⁴ **Загорский Владимир**. Старший гардемарин, морской летчик. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). Мичман.

⁴⁹⁵ 84-й пехотный Ширванский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Сформирован 23 марта 1919 г. в составе трех батальонов из части Терского офицерского полка. Входил в состав Терской отдельной бригады, с 5 июля — 8-й пехотной дивизии. К 5 октября 1919 г. насчитывал 1011 штыков и 9 пулеметов. Командир — полк. И.Д. Камионко (с 23 мая 1919 г.).

⁴⁹⁶ 81-й пехотный Апшеронский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Сформирован 23 марта 1919 г. в составе трех батальонов из части Терского офицерского полка. Входил в состав Терской отдельной бригады, с 5 июля — 8-й пехотной дивизии. К 5 октября 1919 г. насчитывал 1286 штыков и 16 пулеметов. К 50-м гг. объединение полка насчитывало 27 человек. Командир — полк. М.А. Дубего.

⁴⁹⁷ **Киленин Николай Александрович**, р. 1860 г. Из дворян. Окончил 3-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1879), Константиновское военное училище (1881), академию Генштаба (1891). Генерал-майор, командир бригады 103-й пехотной дивизии. Во ВСЮР и Русской Армии в 3-м армейском корпусе, с 3-го по 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции.

⁴⁹⁸ Впервые опубликовано: Морские записки. Т. 12—13. 1954—1955.

⁴⁹⁹ **Фроуд Георгий Иванович**. Офицер с 1917 г. Мичман, инженер-механик. В Вооруженных силах Юга России; 15 июля — 18 сентября 1919 г. на канонерской лодке «Надежда» Каспийской флотилии. К лету 1921 г. в Басре. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. Лейтенант. При эвакуации 1922 г. пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины); остался в Маниле, где работал в механической мастерской. В эмиграции во Франции, к 1937 г. в Париже.

⁵⁰⁰ «Терезь». Легкий бронепоезд ВСЮР. Создан 1 февраля 1919 г. в Моздоке. В боях с февраля 1919 г. под Гудермесом. В июне 1919 г. придан грозненскому отряду ген. Колесникова. Входил в состав 6-го бронепоездного дивизиона. К 5 октября 1919 г. в составе войск Северного Кавказа. Оставлен 8 марта 1920 г. во Владикавказе с передачей городской самообороне. Командиры: кап. (полк.) Ю.А. Лойко (до 3 ноября 1919), кап. Нефедьев (с 3 ноября 1919).

⁵⁰¹ **Лавров Сергей Порфирьевич**, р. 1894 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с 12 июля 1919 г. на истребителе № 10 Каспийской флотилии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Ранен в ногу 12 июня 1920 г. Лейтенант (28 марта 1920). Эвакуирован с флотом в Бизерту, в мае 1921 — июне 1924 г. командир миноносца «Гневный». В эмиграции во Франции, в 1929—1937 гг. в Париже. Умер в декабре 1977 г. в Париже.

⁵⁰² **Спиридонов Борис**. Окончил Школу прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. на корабле «Эдисон» Каспийской флотилии.

⁵⁰³ **Сенковский Александр Иванович**, р. 1885 г. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с 9 июля 1919 г. на истребителе № 1 Каспийской флотилии. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. Лейтенант. После эвакуации Приморья пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях (в Олонгапо — командир корабля «Магнит»). В эмиграции в США, член Общества бывших русских морских офицеров, подписчик «Морского журнала». Умер 10 мая 1959 г. в Сан-Франциско.

⁵⁰⁴ **Завадовский Игорь Александрович**. Офицер с 1917 г. Мичман военного времени. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии; с 15 июля 1919 г. на истребителе № 7. К 16 мая и летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. погиб на посыльном судне «Аяко».

⁵⁰⁵ **Яхимович Теодор**. Мичман военного времени. В Вооруженных силах Юга России (перешел от красных); 15 июля — 18 сентября 1919 г. на канонерской лодке «Надежда» Каспийской флотилии. К лету 1921 г. в Константинополе.

⁵⁰⁶ **Мичурин Сергей Филиппович**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с 13 июля 1919 г. на корабле «Азия» Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции в США. Умер 14 июля 1971 г. в Сан-Франциско.

⁵⁰⁷ **Маслов Сергей Адрианович**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с 13 июля 1919 г. на корабле «Азия» Каспийской флотилии.

⁵⁰⁸ **Ющенко Андрей Павлович**. Окончил Школу прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени. В Вооруженных силах Юга России; с 13 июля 1919 г. на корабле «Азия», с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа» Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия).

⁵⁰⁹ **Пузанков Николай Матвеевич**, р. 1885 г. Офицер с 1915 г. Прапорщик по адмиралтейству. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. на Каспийской флотилии.

⁵¹⁰ **Страутинг Эдуард Иванович**, р. 1894 г. в Минске. Окончил Морской корпус (1914). Лейтенант, командир эсминца «Беспокойный». Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 16 июля 1919 г. командир парохода «Кама» Каспийской флотилии, с ноября 1919 г. командир катера на Каспии. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (28 марта 1920, со старшинством с 24 октября 1919). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, август 1921 — январь 1922 г. старший офицер, затем до сентября 1924 г. командир эсминца «Беспокойный». В эмиграции во Франции, таксист в Париже. Покончил самоубийством 13 февраля 1936 г. в Париже.

⁵¹¹ **Матвеев Леонид Николаевич**. Подпоручик по адмиралтейству. В Вооруженных силах Юга России; с 16 июля 1919 г. на пароходе «Кама» Кас-

пийской флотилии (поручик по адмиралтейству). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины.

⁵¹² **Мартинсон Александр Иоаннович**, р. 1883 г. В службе с 1909 г., офицером с 1915 г. Подпоручик по адмиралтейству. В Вооруженных силах Юга России; с 16 июля 1919 г. на пароходе «Кама» Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия).

⁵¹³ **Александров Александр Александрович**. Офицер с 1917 г. Мичман военного времени. В Вооруженных силах Юга России; с 16 июля 1919 г. на пароходе «Кама» Каспийской флотилии. К лету 1921 г. в Басре. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины.

⁵¹⁴ **Дукшт-Дукшинский Георгий Иванович**. Поручик по адмиралтейству Амурской речной флотилии. В Вооруженных силах Юга России; с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа» Каспийской флотилии. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Лейтенант (16 октября 1917). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на канонерской лодке «Грозный», 12 октября 1921 г. отбыл в Сербию, в 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции во Франции. Умер в августе 1934 г. в Булони, под Парижем.

⁵¹⁵ **Лампсаков Владимир Сергеевич**. Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Вооруженных силах Юга России; с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа» Каспийской флотилии. К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии; с 4 апреля 1922 г. ревизор канонерской лодки «Маньчжур», затем шурман посыльного судна «Аякс». При эвакуации 1922 г. пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в США, с 30 августа 1925 г. член-учредитель Общества бывших русских морских офицеров в Сан-Франциско, офицер ВМС США. Умер 9 мая 1975 г. в Сан-Франциско.

⁵¹⁶ **Янкович Владимир Владимирович**, р. 1898 г. Окончил Отдельные гардемариные классы (1918). Старший гардемарин. В Добровольческой армии и ВСЮР на бронепоезде «Дмитрий Донской», затем на Каспийской флотилии; с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа». К лету 1921 г. в Басре. Мичман (к лету 1919). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии, с 9 апреля 1922 г. рядовой на канонерской лодке «Батарея», с 26 июня 1922 г. на канонерской лодке «Патрокл». При эвакуации 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции в США. Умер 18 февраля 1950 г. в Сакраменто (США).

⁵¹⁷ **Соколов Олег Николаевич**. Окончил Морской корпус (1918). Старший гардемарин. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа» Каспийской флотилии. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. Мичман (к лету 1919). При эвакуации 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции в США. Умер в начале 1930-х гг. в Калифорнии.

⁵¹⁸ **Костюченко Константин Михайлович**, р. 1889 г. В службе с 1915 г., офицером с 1916 г. Прапорщик по адмиралтейству. В Вооружен-

ных силах Юга России; с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа» Каспийской флотилии. Мичман военного времени.

⁵¹⁹ **Шитц Леонид**. Окончил Школу прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени. В Вооруженных силах Юга России; с 18 июля 1919 г. на пароходе «Европа» Каспийской флотилии.

⁵²⁰ **Подлуцкий Анатолий**. Учился в Отдельных гардемаринских классах (не окончил, 1916). Офицер с 1917 г. Прапорщик по адмиралтейству. В Вооруженных силах Юга России на пароходе «Араг» Каспийской флотилии. Убит 14 августа 1919 г. у Логани.

⁵²¹ Имеется в виду **Михаил Зубков** (офицер с 1917 г.).

⁵²² Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 27. Декабрь 1963.

⁵²³ Уральская армия (Уральская отдельная армия). Создана в апреле 1918 г. в результате восстания против большевиков уральского казачества Уральским войсковым правительством. Действовала на фронте от северного побережья Каспийского моря до Илецкого городка. До ноября 1918 г. номинально подчинялась Верховному главнокомандующему ген.-лейт. В.Г. Болдыреву. С 28 декабря 1918 г. — Уральская отдельная армия, в оперативном подчинении Ставки адм. Колчака; с июля 1919 г. — Главнокомандующего ВСЮР А.И. Деникина. К 1 июля 1919 г. включала 1-й Уральский (1-я, 2-я Уральские казачьи дивизии) и 2-й Илецкий (4-я Илецкая казачья, 3-я Уральская конная дивизии, отдельная Буренинская казачья и Гурьевская бригады и Сламихинский отряд) корпуса, позже — 1-й Уральский (1-я, 2-я, 6-я и 3-я Илецкая дивизии, 1-й Уральский пехотный, Николаевский, Семеновский и Царевский полки, пешие партизанские, броневой и авиационный отряды), 2-й Илецкий (5-я Илецкая дивизия и ряд отдельных частей) и 3-й Урало-Астраханский корпуса и действовала на трех направлениях. Зимой 1918/19 г. армия обороняла Уральск, утратив его в январе, осаждала в апреле—июле 1919 г., после чего отступила на Абищенск, затем — к Гурьеву, где в январе 1920 г. прекратила существование. Основная часть армии отошла на юг вдоль Каспийского моря и попала в плен в форте Александровском. Командующие: ген.-майор М.Ф. Мартынов (апрель—сентябрь 1918), ген.-майор В.И. Акутин (конец сентября — 14 ноября 1918), ген.-лейт. Н.А. Савельев (15 ноября 1918 — 8 апреля 1919), ген.-майор (ген.-лейт.) В.С. Толстов (8 апреля 1919 — январь 1920). Нач. штаба: полк. С.П. Кирилов (сентябрь—октябрь 1918), полк. Колпаков (с ноября 1918), полк. В.И. Моторный (с апреля 1919).

⁵²⁴ Имеется в виду лейтенант **Александр Александрович Шмидт** (р. 1890 г., окончил Морской корпус в 1910 г.). Позже был в эмиграции во Франции. Умер 21 февраля 1948 г.

⁵²⁵ После капитуляции остатков Уральской армии в форте Александровском часть ее чинов с атаманом Толстовым ушла на юг (214 человек, в т. ч. 53 офицера); после отделения групп кап. Решетникова, полк. Сладкова, полк. Еремина (вырезана киргизами) и ген. Моторного осталось 163 человека, дошедших до Ирана.

⁵²⁶ **Мейерер Георгий (Генрих) Александрович**, р. 1897 г. Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; в

июне 1918 г. основатель и до августа 1918 г. первый командующий Волжской флотилией, на 15 августа 1918 г. начальник 1-го речного боевого дивизиона Народной Армии, затем на Камской флотилии, с августа 1919 г. командир роты Морского учебного батальона в Омске. В январе 1920 г. эвакуирован из Владивостока на транспорте «Якут». С августа 1920 г. в Русской Армии до эвакуации Крыма; командир роты Морского корпуса, старший офицер учебного судна «Свобода». Лейтенант (1 января 1919). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с марта 1921 г. на учебном судне «Великая Княгиня Ксения Александровна». В 1921—1922 гг. командир роты Морского корпуса. В эмиграции с 1922 г. в США, работал в фирме Сикорского, с 1934 г. в Стратфорде, затем в Нью-Йорке, на 31 января 1944 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21 июля 1945 г. в Хантингтоне (Нью-Йорк).

⁵²⁷ Впервые опубликовано (под псевдонимом «Лейтенант М.»): С берегов Америки. Юбилейный сборник Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1939.

⁵²⁸ Создана Комучем (Комитет членов Всероссийского учредительного собрания) 8 июня 1918 г. В Самаре еще с конца 1917 г. существовала подпольная офицерская организация подполк. Н.А. Гапкина. Когда 8 июня 1918 г. в городе было создано правительство Комуча, ему было предложено возглавить военное ведомство, а его организация, насчитывавшая 200—250 человек, послужила основой для развертывания армии. 8 июня на собрании офицеров Генерального штаба в Самаре возглавить войска вызвался подполк. В.О. Каппель. Добровольцы Каппеля действовали у Самары и к северу от нее; южнее — части полк. Ф.Е. Махина (Особая Хвалынская группа). Первоначально армия строилась на добровольческой основе с трехмесячным сроком службы, 30 июня была проведена мобилизация 1897—1898 гг. рождения, что позволило увеличить численность армии с 10 до 30 тыс. человек. В середине августа 1918 г. была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 августа не исполнилось 35 лет (генералов и старших офицеров независимо от возраста). В конце июня были развернуты 8 пехотных полков (в июле переименованы в стрелковые). Армия включала также такие части, как Казанский офицерский батальон, Чистопольский, Бугурусланский, Мензелинский и Бирский добровольческие отряды, Курганский русский батальон, две офицерские и студенческая роты и др. Отряд Каппеля в июле развернулся в Отдельную стрелковую бригаду (ставшую ядром армии), а остальные части в середине августа сведены в 3 стрелковые дивизии (в их составе имелись полки 1—4-й Самарские, 5-й и 6-й Сызранские, 10-й Бугурусланский, 11-й Бузулукский, 15-й Белебеевский и др.). 19 августа был сформирован Казанский отдельный корпус. К сентябрю были сформированы еще 3 стрелковых дивизии, а число кавалерийских полков доведено до пяти. Армия подразделялась на Северную и Южную группы. Из Северной группы в сентябре 1918 г. создана Казанская стрелковая бригада (3,6 тыс. штыков и сабель). К 1 сентября 1918 г. в армии было до 15 тыс. штыков и сабель, половина из которых — в добровольческих частях Каппеля и Махина (за счет которых и были достигнуты все успехи). В целом же она насчитывала из 50—60 тыс. моби-

лизованных не более 30 тыс. вооруженных. К концу октября в армии было уже около 5 тыс. офицеров.

Вследствие эсеровского характера Комуча армия имела соответствовавшие атрибуты: в ней существовало обращение «гражданин», форма — без погон, с отличительным признаком в виде георгиевской ленточки. Все это находилось в вопиющем противоречии с настроениями, психологией и идеологией офицерства, которое терпело Комуч лишь как неизбежное зло, позволявшее, по крайней мере, вести борьбу с большевиками. Комуч, в свою очередь, крайне подозрительно относился к офицерству и старался противопоставить русским формированиям и русскому командованию чехов, создавая даже специальные чехо-русские части под началом чешских офицеров. После упразднения Народной Армии в декабре 1918 г. ее части в основном составили 1-й Волжский армейский корпус. Командующие: полк. Н.А. Галкин, полк. С. Чечек. Нач. штаба: полк. Н.А. Галкин (июнь—июль 1918), полк. С.А. Шепехин. Начальники дивизий: 1-й — подполк. В.О. Каппель, 2-й — ген.-майор А.С. Бакич.

⁵²⁹ Имеется в виду А.А. Ершов (см. выше).

⁵³⁰ То есть автор (который пишет здесь о себе в третьем лице).

⁵³¹ Выпускник Константиновского артиллерийского училища.

⁵³² Выпускник Михайловского артиллерийского училища.

⁵³³ Имеется в виду Н.Г. Фомин (см. выше).

⁵³⁴ Имеется в виду А.Э. Розенталь (см. выше).

⁵³⁵ Имеется в виду П.П. Феодосьев (см. выше).

⁵³⁶ Имеется в виду М.И. Смирнов (см. выше).

⁵³⁷ **Макаров Вадим Степанович**, р. 1892 г. Из дворян (сын известного адмирала С.О. Макарова). Окончил Морской корпус (1912). лейтенант, в командировке в США. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1918 г. помощник начальника морской артиллерийской части в Сибирской Армии, в 1919 г. на Камской флотилии, с сентября 1919 г. командир 1-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии. Старший лейтенант. В эмиграции в США (1934—1937 гг. в Нью-Йорке), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Яхтсмен и коммерсант, вице-председатель Толстовского фонда. Умер 2 января 1964 г. в Нью-Йорке.

⁵³⁸ Впервые опубликовано: Морские записки. Т. 12, № 2. Июль 1954.

⁵³⁹ **Федотов Дмитрий Николаевич**, р. 14 октября 1889 г. Окончил Морской корпус (1910). лейтенант Гвардейского экипажа, помощник морского агента в Лондоне. В белых войсках Северного фронта; в 1918 г. лейтенант резерва британской службы, командир канонерской лодки в Мурманске. Орден «За заслуги». Заболев тифом, в конце 1918 г. эвакуирован в Англию. С 1919 г. в белых войсках Восточного фронта; начальник штаба Камской флотилии, начальник оперативного отдела Морского министерства, с осени 1919 г. флаг-капитан командующего Обь-Иртышской флотилией и командир парохода «Катунь», зимой — командир роты Отдельного Морского учебного батальона. Старший лейтенант. Взят в плен под Иркутском. Остался в России, служил по морскому транспорту в Москве. В 1921 г. бе-

жал из командировки в США, к 1930 г. член объединения Гвардейского экипажа, служащий судоходной компании в Филадельфии, доцент Пенсильванского университета. Умер 21 ноября 1950 г. в Филадельфии.

⁵⁴⁰ **Головкин Александр Александрович**, р. 1893 г. Окончил Морской корпус (1915). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. командир артиллерийского взвода Морского учебного батальона.

⁵⁴¹ **Запрудин Михаил Иванович**, р. 1877 г. в с. Черемисском Пермской губ. Из крестьян. Произведен в офицеры из нижних чинов. Поручик по адмиралтейству. В белых войсках Восточного фронта на Камской и Иртышской флотилиях, в 1919 г. выехал из Омска по железной дороге в Харбин. В эмиграции в Китае, служащий Датско-Азиатской компании. Умер 31 июля 1936 г.

⁵⁴² **Юрьев Георгий Николаевич**. Из дворян Киевской губ. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан 5-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; один из руководителей Воткинского восстания, с августа 1918 г. командир Ижевско-Воткинского отряда, затем командующий Сводной Воткинской дивизией, со 2 сентября 1918 г. начальник штаба частей Народной Армии Воткинского района, с 20 октября 1918 г. командующий Прикамской армией, с 3-го до 11 января 1919 г. и с марта до октября 1919 г. начальник 15-й Воткинской стрелковой дивизии, затем помощник начальника дивизии Морских стрелков. Орден Св. Георгия 4-й ст. Полковник (с января 1919). Погиб осенью 1919 г. в районе ст. Кемчуг.

⁵⁴³ **Бордзиловский Антон Викентьевич**, р. 1876 г. в Сибири. Окончил Сибирский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище. Подполковник артиллерии, служивший по дворцовому ведомству в Гатчинском дворце. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. помощник командира Тобольского добровольческого отряда (затем 6-й Степной Сибирский стрелковый полк), затем полковник, на 9 мая 1919 г. командир 25-го Тобольского Сибирского стрелкового полка, в июле 1919 г. командир отряда в 1-й армии, 3 сентября — 17 октября 1919 г. начальник 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии, затем помощник командира 2-го корпуса, с декабря 1919 г. во 2-й армии, с января 1920 г. командующий отдельной Тобольской группой (начальник колонны), в Дальневосточной армии 1921 г. начальник гарнизона Спасска, с ноября 1921 г. командир 1-й стрелковой бригады. Генерал-майор (к декабрю 1919). Орд. Св. Георгия 4-й ст. 6 апреля 1920 г. В эмиграции в Китае, в 1930 г. возглавлял Офицерский союз в Харбине, председатель отдела РОВС и кадетского объединения в Харбине, до 1945 г. председатель объединения Сибирского кадетского корпуса в Шанхае. После 1945 г. в США, начальник отдела РОВС. Умер 30 мая 1962 г. в Принстоне (США).

⁵⁴⁴ 15-я Воткинская стрелковая дивизия. Сформирована 3 января 1919 г. на фронте за Камой из реорганизованной Воткинской народно-революционной армии, созданной в августе 1918 г. в Воткинском заводе и его округе. После отхода за Каму во второй половине ноября 1918 г. воткинские части были сведены в Сводную стрелковую дивизию Западной армии, 7 февраля

переименованную в Воткинскую, с 16 апреля — 15-я. В январе 1919 г. состояла из 1-го, 2-го, 3-го и 4-го (Сводного) Воткинских полков, Отдельного Воткинского конного дивизиона и Отдельного Воткинского артиллерийско-стрелкового дивизиона. Принимала участие в весеннем наступлении в составе 1-го Сводного Сибирского корпуса Сибирской отдельной армии, но сразу же по освобождении родного завода от красных была распущена по домам. Однако вскоре из добровольцев и призывников начала формироваться вновь. На 9 мая 1919 г. включала 57-й Воткинский заводской «17 августа» (полк. Вольский), 58-й Сайгатский им. Чехословаков (полк. Крейер), 59-й Осинский им. Минина и Пожарского (пор. Жуланов), 60-й Воткинский им. Союзных держав (полк. Отмарштейн) стрелковые полки, 15-й прифронтовой (запасный) полк, 15-й легкий артиллерийский дивизион (пор. Курбаловский) и 16-й саперный батальон. 11 мая переформирована из добровольческой в регулярную. 27 июня 1919 г. была слита с 16-й Казанской (Сарапульской) стрелковой дивизией, вместе с которой с июня 1919 г. вошла в состав 8-го Камского армейского корпуса. После слияния состав дивизии включал 57-й Воткинский, 58-й Казанский, 59-й Лаишевский, 60-й Чистопольский стрелковые полки, Отдельный Воткинский конный дивизион и 15-й отдельный Воткинский артиллерийский стрелковый дивизион. С июля 1919 г. вошла в 1-ю армию, с сентября — в Тобольскую группу. Во время Сибирского Ледяного похода у д. Дмитриевской в Щегловской тайге 25 декабря 1919 г. почти полностью погиб Воткинский запасный полк, 58-й и 59-й полки попали в плен в начале января 1920 г. под Красноярском. В Забайкалье пехотные части дивизии были сведены в Воткинский стрелковый отряд Дальневосточной армии (потом Воткинский стрелковый полк). Воткинские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами — железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Втк» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты. Начальники: кап. (полк.) Г.Н. Юрьев (до 11 января 1919), подполк. Н.П. Альбокринов (с 11 января 1919), полк. Михайлов, полк. фон Вах. Нач. штаба — ротм. (полк.) фон Вах.

⁵⁴⁵ **Редько Михаил Ефимович**, р. 1872 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник, командир бригады 117-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с января 1919 г. врид инспектора инженерной части Приамурского военного округа, в июле 1919 г. командир отряда Северной группы 2-й армии, с сентября 1919 г. командующий Тобольской группой войск. Генерал-майор (21 января 1919).

⁵⁴⁶ **Марченко Всеволод Михайлович**, р. 1890 г. Окончил Морской корпус (1911). лейтенант, морской летчик, командир 13-го истребительного авиаотряда Черноморского флота. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Старший лейтенант (с 1 января 1919). В эмиграции. Доброволец армии ген. Франко, служил в испанской авиации. Погиб 14 сентября 1937 г. над Сарагосой.

⁵⁴⁷ На этом воспоминания В.С. Макарова обрываются.

⁵⁴⁸ **Красноусов Евгений Михайлович**. Кадет 7-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с

января 1918 г. командир группы кадет на Ташкентском фронте. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, в начале 1919 г. юнкер Оренбургского военного училища, в декабре 1921 г. хорунжий, командир сотни Сибирского казачьего полка, затем в Сибирской казачьей батарее. Сотник. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, капитан, в течение 20 лет адъютант полка. После 1949 г. на Филиппинах, затем в Австралии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 14 марта 1969 г. в Брисбене (Австралия).

⁵⁴⁹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 68. Июль 1964.

⁵⁵⁰ **Васильев Александр Андреевич.** Окончил Вольский кадетский корпус. В белых войсках Восточного фронта; окончил Оренбургское военное училище, затем во 2-й батарее Сибирского казачьего войска и Отдельной Сибирской казачьей конной батарее, летом 1920 г. в Шилкинской речной флотилии. В эмиграции в Китае, с 1927 г. капитан, адъютант в Шанхайском Русском полку, в 1929—1932 гг. в Шанхае.

⁵⁵¹ **Красноперов Н.М.** Войсковой старшина. В белых войсках Восточного фронта; летом 1920 г. на Шилкинской речной флотилии, осенью 1921 г. командир артиллерийской сотни Сибирского казачьего дивизиона, с октября 1922 г. в частях Сибирской группы. Полковник. В эмиграции в Китае (Шанхай), с 1927 г. штаб-офицер для поручений в Шанхайском Русском полку.

⁵⁵² **Белкин Александр Владимирович.** Окончил Сибирский кадетский корпус. В белых войсках Восточного фронта; летом 1920 г. на Шилкинской речной флотилии. В эмиграции. Умер в 1954 г.

⁵⁵³ **Старк Георгий (Юрий) Карлович,** р. 20 октября 1878 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Выборгской губ., сын чиновника. Окончил Морской корпус (1897). Контр-адмирал, начальник минной дивизии Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. рядовой в Народной Армии в Казани, командир отряда судов на Волге, командующий Волжско-Камской флотилией, с осени 1918 г. командир бригады и дивизии Морских стрелков в Красноярске. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920—1921 гг. в Харбине, с 18 июня 1921 г. командующий Сибирской флотилией, с 10 августа 1922 г. одновременно помощник по морской части правителя Приамурского края, с сентября 1922 г. начальник тыла Приморья. При эвакуации 1922 г. командующий Сибирской флотилией в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1923 г. в Маниле, с 1931 г. в Шанхае (член Офицерского собрания), затем во Франции (в Париже), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, 1946—1949 гг. председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Умер 2 марта 1950 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁵⁵⁴ Впервые опубликовано: Морские записки. № 10—13. 1952—1955. Вторая часть не была опубликована (рукопись ныне находится в Российском фонде культуры).

⁵⁵⁵ **Дитерихс Михаил Константинович,** р. 1874 г. Из дворян, сын офицера. Окончил Пажеский корпус (1894), академию Генштаба (1900). Гене-

рал-лейтенант, с 3 ноября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего; 8 ноября 1917 г. уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до января 1919 г.), с которым начал Белую борьбу в белых войсках Восточного фронта; с января 1919 г. начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня — 4 ноября 1919 г. Главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 г. также и командующий Сибирской армией, 10 августа — октябрь 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, 12 августа — 6 октября 1919 г. одновременно военный министр в правительстве адм. Колчака. С 4 ноября 1919 г. в распоряжении адм. Колчака. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати, 1/11 июня — 3 ноября 1922 г. воевода Земской рати. В эмиграции с 1923 г. в Шанхае, с 1924 г. начальник Дальневосточного отдела РОВС. Умер 8 (12) октября 1937 г. в Шанхае.

⁵⁵⁶ 3-й корпус (до 27 апреля 1920 г. 3-й отдельный стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 февраля 1920 г. в Забайкалье из остатков 3-й армии Восточного фронта. В его состав вошли: Уфимская (4-й Уфимский, 8-й Камский, 12-й Уральский стрелковые, Уфимский кавалерийский полки и Енисейская казачья бригада), Сводная стрелковая (Ижевский, Уральский и Егерский полки и одноименные конные дивизионы, Оренбургская казачья бригада) дивизии, Волжская сводная отдельная им. ген. Каппеля бригада (Волжские конный и стрелковый полки) и (до 8 мая 1920 г.) 1-я отдельная кавалерийская бригада (Казанский драгунский и Сводный уланский полки). Воткинский стрелковый отряд первоначально входил в состав 2-го корпуса, а затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в основном в Раздольном, под Владивостоком. С 28 августа 1921 г. включал Поволжскую, Ижевско-Воткинскую и 2-ю отдельную Сибирскую стрелковую бригады, Сибирский казачий полк и Сибирскую казачью батарею. После Хабаровского похода состоял из двух стрелковых бригад: Поволжской и Ижевско-Воткинской. Корпусу был также придан 3-й стрелковый артиллерийский дивизион. В августе 1922 г. переименован в Поволжскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сентября 1922 г. 2030 штыков, 805 сабель и 8 орудий. Состояла из двух стрелковых полков (отрядов): Прикамского (бывш. Ижевско-Воткинская бригада), Приволжского (бывш. Поволжская бригада), Московского конного полка (ген.-майор Хрущев; 300 штыков и 450 сабель) — сведенные в одну бригаду 1-й и 2-й кавалерийские полки 2-го корпуса и Анненковский конный дивизион, Поволжской артиллерийской дружины (бывш. 3-й стрелковый артиллерийский дивизион) и Поволжской инженерной дружины (3-й отдельный инженерный дивизион). Командир — ген.-майор В.М. Молчанов. Нач. штаба: полк. Ловцевич, полк. Савчук (июнь—ноябрь 1922).

⁵⁵⁷ **Молчанов Виктор Михайлович**, р. 23 января 1886 г. в Чистополе. Сын чиновника. Окончил Елабужское реальное училище, Алексеевское военное училище (1906). Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде (до 9000 вооруженных по-

встанцев), затем переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С февраля (января) 1919 г. полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник Ижевской дивизии, с марта 1920 г. командир 3-го стрелкового корпуса, с августа 1922 г. командир Поволжской группы. Генерал-майор (с марта—апреля 1919). В эмиграции в США. Умер 10 января 1975 г. в Сан-Франциско.

⁵⁵⁸ 2-й корпус (2-й отдельный стрелковый, с 27 апреля 1920 г. 2-й Сибирский стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 февраля 1920 г. в Забайкалье из остатков 2-й армии Восточного. Первоначально (к 21 марта 1920) в него входили Иркутская (Иркутский, Воткинский и Тобольский стрелковые полки), Омская (4-й и 15-й Сибирские, 3-й Барнаульский стрелковые и 11-й Оренбургский казачий полки) стрелковые дивизии, отдельная Добровольческая бригада (2 полка) и Сибирский казачий полк. Воткинский полк (см. Воткинский стрелковый отряд) затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в Никольск-Уссурийском, Спасске и нескольких иных населенных пунктах по обеим веткам к северу от Никольска. После Хабаровского похода состоял из трех бригад: 1-й стрелковой, 2-й Сибирской стрелковой и 3-й Пластунской, но в целях приведения организации к большому однообразию 15 мая 1922 г. сильно потрепанная 3-я Пластунская бригада сведена в один полк, который влит в 1-ю стрелковую бригаду. После этого корпус состоял из 1-й и 2-й стрелковых бригад, все номера полков которых были изменены на новые — с 1-го по 6-й. Корпусу был также придан 2-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион. В августе 1922 г. переименован в Сибирскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сентября 1922 г. 1450 штыков и сабель и 7 орудий. Состояла из трех стрелковых полков (отрядов): Западно-Сибирского (бывш. 4-й Омский), Восточно-Сибирского (ген.-майор Е.К. Вишневский; бывш. 3-й Иркутский и 3-й сводный Добровольческий полки, пополненные чинами бывш. 1-го Пластунского полка, изъявившими желание служить в частях 2-го корпуса и не пожелавшими отправляться в Дальневосточную группу) и Пограничного, а также Сибирской артиллерийской дружины (бывш. 2-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион) и Сибирской инженерной дружины (бывш. 2-й Сибирский инженерный дивизион). Командиры: ген.-лейт. Г.А. Вержбицкий (февраль — 23 августа 1920), ген.-майор И.С. Смолин (с 23 августа 1920). Нач. штаба: полк. Волков, полк. Бодров (август—ноябрь 1922).

⁵⁵⁹ **Смолин Иннокентий Семенович**, р. 1881 г. Окончил Иркутское военное училище (1905). Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового полка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. возглавлял подпольную организацию в районе Туриинска, с 20 июня 1918 г. командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 г. полковник, затем командир 15-го Курганского стрелкового полка, особой колонны из нескольких полков, с января 1919 г. начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии, которую привел в Читу. С 27 января 1920 г. генерал-майор, командующий Южной группой войск, с 23 августа 1920 г. командир 2-го

стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Орд. Св. Владимира 3-й ст. Орд. Св. Георгия 4-й ст., Французский крест с пальмовой веткой. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае и США. Член Общества Ветеранов. Умер 23 марта 1973 г. в Папете (Таити).

⁵⁶⁰ Сибирская Казачья группа (рать). Сформирована в Дальневосточной армии (Приамурская Земская рать) в августе 1922 г. На 1 сентября 1922 г. насчитывала 588 штыков, 545 сабель и 4 орудия, а всего 1230 чинов и состояла из двух полков (отрядов): Оренбургского (бывш. Оренбургская казачья бригада) и Сводного (бывш. Сводная казачья бригада). Кроме того, в ее составе находились Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион (дружина) и Уральская казачья сотня (100 штыков). Командир — ген.-майор Бородин. Нач. штаба — полк. Кононов.

⁵⁶¹ **Бородин Василий Аристархович**. Подъесаул Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. командир 3-го отряда Оренбургского казачьего войска в Верхнеуральске, с марта 1918 г. командир партизанского отряда, в 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего полка; в Дальневосточной армии командир Отдельного Оренбургского казачьего полка, с мая 1921 г. командир Отдельной Оренбургской казачьей бригады, с сентября 1921 г. командир Сводно-казачьего корпуса, весной 1922 г. командир 1-го казачьего корпуса, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Генерал-майор. В эмиграции в Китае. Умер до 1952 г.

⁵⁶² Дальневосточная казачья группа (рать). Сформирована в Дальневосточной армии (Приамурская Земская рать) в августе 1922 г. на базе Забайкальской казачьей дивизии из некоторых частей 1-го и 2-го корпусов. На 1 сентября 1922 г. насчитывала примерно до 1800 штыков и сабель и 3 орудия. Включала Забайкальскую казачью дивизию, Амурскую (200 штыков), Иркутскую и Забайкальскую пластунскую (бывш. 1-й Пластунский полк), а также Дальневосточную артиллерийскую казачьи дружины. Командир — ген.-лейт. Ф.А. Глебов. Нач. штаба — полк. Е.М. Дубинин.

⁵⁶³ **Глебов Фаддей (Федор) Львович**, р. 25 июня 1887 г. в пос. Казанском Петропавловского уезда. Из казаков Сибирского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров (1916). Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. сформировал в ст. Пресновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. К маю 1919 г. есаул, помощник командира полка, с 6 августа 1919 г. командир 10-го Сибирского казачьего полка (с 9 сентября 1919 г. — войсковой старшина), с ноября 1919 г. полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны 1920 г. командир Сибирского казачьего полка, с осени 1920 г. генерал-майор, с весны 1921 г. командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии; 1 сентября — 6 декабря 1921 г. командующий Гродековской группой войск. 9 декабря 1921 г. отстранен и арестован, 1—18 июня 1922 г. командир Особой группы частей армии Приамурского временного правительства, 4-го казачьего корпуса, с 18 июля 1922 г. командир Дальневосточной казачьей группы. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае.

С 29 июня 1925 г. заместитель атамана Сибирского казачьего войска, 1942—1944 гг. председатель Российского эмигрантского комитета. Умер 23 октября 1945 г. в Шанхае.

⁵⁶⁴ **Фон Дрейер Дмитрий Александрович (Адольф Карлович)**, р. 1889 г. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; в 1922 г. командир канонерской лодки «Магнит». При эвакуации 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, в 1939 г. член Кают-компании и Офицерского собрания в Шанхае.

⁵⁶⁵ То есть бывших чинов Каспийской флотилии, прибывших на Дальний Восток после пребывания в английском лагере в Месопотамии.

⁵⁶⁶ Речь идет о тайном советнике **Николае Львовиче Гондатти** (р. 1863 г., окончил Московский университет в 1885 г.), с 1911 г. бывшего Приамурским генерал-губернатором.

⁵⁶⁷ Имеется в виду поход войск Дальневосточной армии на Хабаровск под руководством ген. В.М. Молчанова. Продолжался с ноября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Вследствие сложных политических обстоятельств выделенные для похода войска (6 тыс. человек) именовались «Белоповстанческой армией», а бригады — повстанческими отрядами; части вместо обычных носили условные названия по цветам (например, части Ижевско-Воткинской бригады — «Синие», Уральский полк — «Черный», Иркутский — «Малиновый», Омский — «Зеленый» и т. д.). Взяв Хабаровск, но не сумев поднять массовое восстание в Амурской области, армия отошла в Приморье. Наиболее тяжелые бои имели место под Ином, Ольгохтой и Волочаевкой. Всего в походе потеряно до тысячи убитыми и ранеными. По окончании похода части отошли в Южное Приморье и были разведены по местам своей прежней дислокации.

⁵⁶⁸ Урало-Егерский отряд (полк). Сформирован во Владивостоке летом 1922 г. из чинов незадолго перед тем расформированных 2-го Уральского и 3-го Егерского полков 1-й стрелковой бригады 2-го корпуса. Был подведомствен ведомству внутренних дел и подчинен ген. Артемьеву. Состоял из двух батальонов (Уральского и Егерского) и не входил в состав какой-либо рати. На 1 сентября 1922 г. насчитывал 400 штыков. Командир — полк. Доможиров.

⁵⁶⁹ **Коренев Михаил Михайлович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. командир посыльного судна «Якут» Сибирской флотилии, с января 1920 г. командир того же судна при оставлении Владивостока, после эвакуации остался в Калькутте. На 31 января 1922 г. в Морском училище во Владивостоке, затем командир канонерской лодки «Диомид» Сибирской флотилии. Капитан 2-го ранга. При эвакуации 1922 г. в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1930-х гг. в Шанхае, служил на пароходе Добровольного флота «Пенза». Умер 13 октября 1961 г. в Брисбене (Австралия).

⁵⁷⁰ **Пепеляев Анатолий Николаевич**, р. 1891 г. Сын офицера. Подполковник 42-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых

войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. глава офицерской организации в Томске, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор, с 25 апреля 1919 г. командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 г. командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. Генерал-лейтенант. Взят в плен в 1923 г. в Якутии. Расстрелян 14 января 1938 г.

⁵⁷¹ Отдельный батальон морских стрелков. Был придан Сибирской флотилии. Располагался под Владивостоком, на Черной речке (близ Океанской). Состоял из 3 рот. В октябре 1922 г. насчитывал 350 человек. Командир — полк. Цимбалов.

⁵⁷² **Иванов-Мумжиев Петр Михайлович**, р. 1874 г. В службе с 1892 г., офицером с 1897 г. Окончил Восточный институт (1910). Полковник, командир 10-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. в сторожевом отделе Лиги благотворительности во Владивостоке. 29 июня — 24 июля 1919 г. командующий Уральской группой войск. С августа 1922 г. начальник Камчатской области. Генерал-майор. 2 ноября 1922 г. эвакуировался на пароходе «Сишан» в Японию и Китай.

⁵⁷³ Современный порт Вонсан в Корее.

⁵⁷⁴ **Ильин Борис Павлович**, р. 1880 г. Окончил Морской корпус (1900). Капитан 1-го ранга. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии, с 1922 г. временный губернатор Камчатки. При эвакуации командир корабля «Магнит» Сибирской флотилии в походе от Шанхая до Олонгапо (Филиппины). Остался в Маниле, где открыл механическую мастерскую. Покончил самоубийством 17 октября 1936 г. в Новой Пахове (Югославия).

⁵⁷⁵ 1-й Сибирский кадетский корпус. Восстановлен на Восточном фронте. До 30 июля 1919 г. находился в Омске, затем переведен во Владивосток на Русский остров. Дал выпуски в мае 1919-го, январе 1920-го, мае 1921-го и в мае 1922 г. Выпуск 1919 г. целиком пошел на комплектование Томского военного училища, 1921-го и 1922 г. — во Владивостокское (Корниловское) военное училище и на флот. При эвакуации Приморья (за исключением младших кадет и большинства преподавателей) в составе 38 человек персонала и около 180 кадет вывезен в Шанхай, где дал выпуски 1923-го (43 человека) и 1924 (36 человек) гг. В 1924 г. вывезен в Югославию, где влит в 1-й Русский кадетский корпус. В Гражданской войне погибло 47 его кадет и еще 8 — в партизанских отрядах в СССР после ее окончания. В эмиграции Общество Сибиряков-Александровцев в Белграде издавало журнал «Кадет Сибиряк-Александровец» (вышло 2 номера по 16 листов). Директоры: ген.-майор В.Д. Нарбут, ген.-майор Е.В. Руссет.

⁵⁷⁶ Хабаровский кадетский корпус. Восстановлен на Восточном фронте. До осени 1920 г. находился в Хабаровске, потом переведен во Владивосток и помещен на Русском острове. Дал выпуски в мае 1919-го, январе 1920-го, мае 1921-го и мае 1922 г. При эвакуации Приморья вывезен в Шанхай, где дал выпуски 1923-го и 1924 гг. (в 1923 — 41 человека и в 1924 — 65). В 1924 г. вывезен в Югославию, где влит в 1-й Русский кадетский корпус. При закрытии корпуса в 1920 г. там состояло 666 кадет, но ко времени открытия его во

Владивостоке — 367, без 39 выпускных — 328. К 1 января 1923 г. в корпусе состояло 155 кадет (еще 113 осталось во Владивостоке), 76 окончивших, 14 юнкеров Корниловского училища, 28 штатных и 20 вольнонаемных служащих и 31 член их семей. В Мукдэне уволено 12 офицеров и служащих, из Шанхая убыло 34 и 50 кадет. Почти все питомцы корпуса участвовали в Белом движении. За годы Гражданской войны корпус выпустил 288 человек (в 1918-м — 45, 1919-м — 54, 1920-м — 71, 1921-м — 56 и 1922-м — 62). Директоры: ген.-майор М.П. Никонов (1917 — июнь 1920), ген.-майор А.А. Корнилов (июнь 1920 — 1 февраля 1925). Инспекторы классов: полк. А.А. Корнилов (1917 — июнь 1920), подполк. Н.П. Ажисантов (июнь 1920 — 1925).

⁵⁷⁷ Современный порт Пусан в Корее.

⁵⁷⁸ **Ловцевич Леопольд Леопольдович.** Окончил академию Генштаба (1917). Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с 20 августа 1918 г. начальник штаба Симбирской группы войск Народной Армии, с января 1920 г. подполковник штаба 3-й армии, в декабре 1920 г. прибыл из Забайкалья во Владивосток с частями армии, с декабря 1921 г. начальник штаба 3-го стрелкового корпуса до 1 июня 1922 г. Полковник. В эмиграции в Китае, в ноябре 1922 г. вел переговоры в Мукдэне.

⁵⁷⁹ **Лохвицкий Николай Александрович,** р. 7 октября 1868 г. в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын присяжного поверенного. Окончил 4-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1889), академию Генштаба. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, начальник 1-й Особой дивизии во Франции. В белых войсках Восточного фронта; с 14 июля по август 1919 г. командующий 2-й армией, с 27 апреля до 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, 2 июня — 1 октября 1920 г. начальник штаба Главного командующего всеми вооруженными силами российской восточной окраины. На 8 января 1922 г. во Владивостоке, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. В эмиграции с 1923 г. во Франции, с 1927 г. председатель Общества монархистов-легитимистов. Генерал от инфантерии. Умер 5 ноября 1933 г. в Париже.

⁵⁸⁰ Речь идет о капитане 2-го ранга **Владимире Александровиче Бели** (р. 1887, окончил Морской корпус в 1906 г., офицером с 1907 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

Раздел 1

<i>Н. Кадесников.</i> Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 годах	9
<i>Н. Боголюбов.</i> Посыльное судно «Китобой»	71

Раздел 2

<i>И. Кононов.</i> Действия моряков в начале добровольческого движения	77
<i>П. Варнек.</i> Образование флота Добровольческой армии	79
<i>В. Аристов.</i> На «Живом» в Гражданскую войну	100
<i>Я. Шрамченко.</i> Канонерская лодка «Терец» в Гражданскую войну	111
<i>И. Холодковский.</i> Действия канонерской лодки «К-15» в 1919 году	114
<i>И. Нелавицкий.</i> Начало 2-го отряда судов Черноморского флота и снятие с мели канонерской лодки «Терец»	117
<i>П. Варнек.</i> Эвакуация Одессы Добровольческой армией в 1920 году	122
<i>В. Бекеч.</i> На транспорте «Дон»	137
<i>Б. Карпов.</i> Краткий очерк действий белого флота в Азовском море в 1920 году	141
<i>Г. Усаров.</i> Три похода в Хорлы в 1920 году	168
<i>П. Варнек.</i> У берегов Кавказа в 1920 году	178
<i>А. Долгополов.</i> Добровольческие десанты в Азовском и Черном морях ..	214
<i>А. Ваксмут.</i> К статье «Добровольческие десанты»	226

П. Варнек. На фланге армии	231
Б. Карпов. Памяти «Салгира»	235
П. Варнек. Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году	243
Б.Карпов. Второй отряд судов Черноморского флота	268
П. Варнек. Линейный корабль «Генерал Алексеев» и история его пушек	276
В. Григорков. Донесение командира крейсера 2-го ранга «Алмаз» о походе из Севастополя к берегам Кавказа в октябре н. ст. 1920 года	284
Н. Гутан. Краткий очерк действий флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 года	295
А. Штром. Последние... Линейный корабль «Ростислав» и канонерская лодка «Страж»	314

Раздел 3

К. Шуберт. Русский отряд парусных судов на Каспийском море	317
Каспийская военная флотилия 1918—1919 годов	374
А. Ваксмут. Конец Каспийской флотилии времени Гражданской войны под командой генерала Деникина	396

Раздел 4

Г. Мейер. Война на Волге. 1918 год	406
В. Макаров. Материалы для истории флота в период Гражданской войны 1917—1920 годов. Сибирь	424
Е. Красноусов. В Шилкинской речной флотилии боевых судов	433
Ю. Старк. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1921—1922 годов	437
Комментарии	501

ISBN 5-9524-0028-0

Научно-просветительное издание

ФЛОТ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Составление, научная редакция, предисловие и комментарий
д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Ответственный редактор С.А. Сапожников

Редактор Т.С. Ковалева

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректоры Т.В. Вышегородцева, Д.Б. Соловьев

Подписано к печати с готовых диапозитивов 26.07.2002
Формат 60x90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0

Уч.-изд. л. 39,21 + 1 альбом = 40,26

Тираж 3 000 экз. Заказ № 2365

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

